ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ

Волчья натура

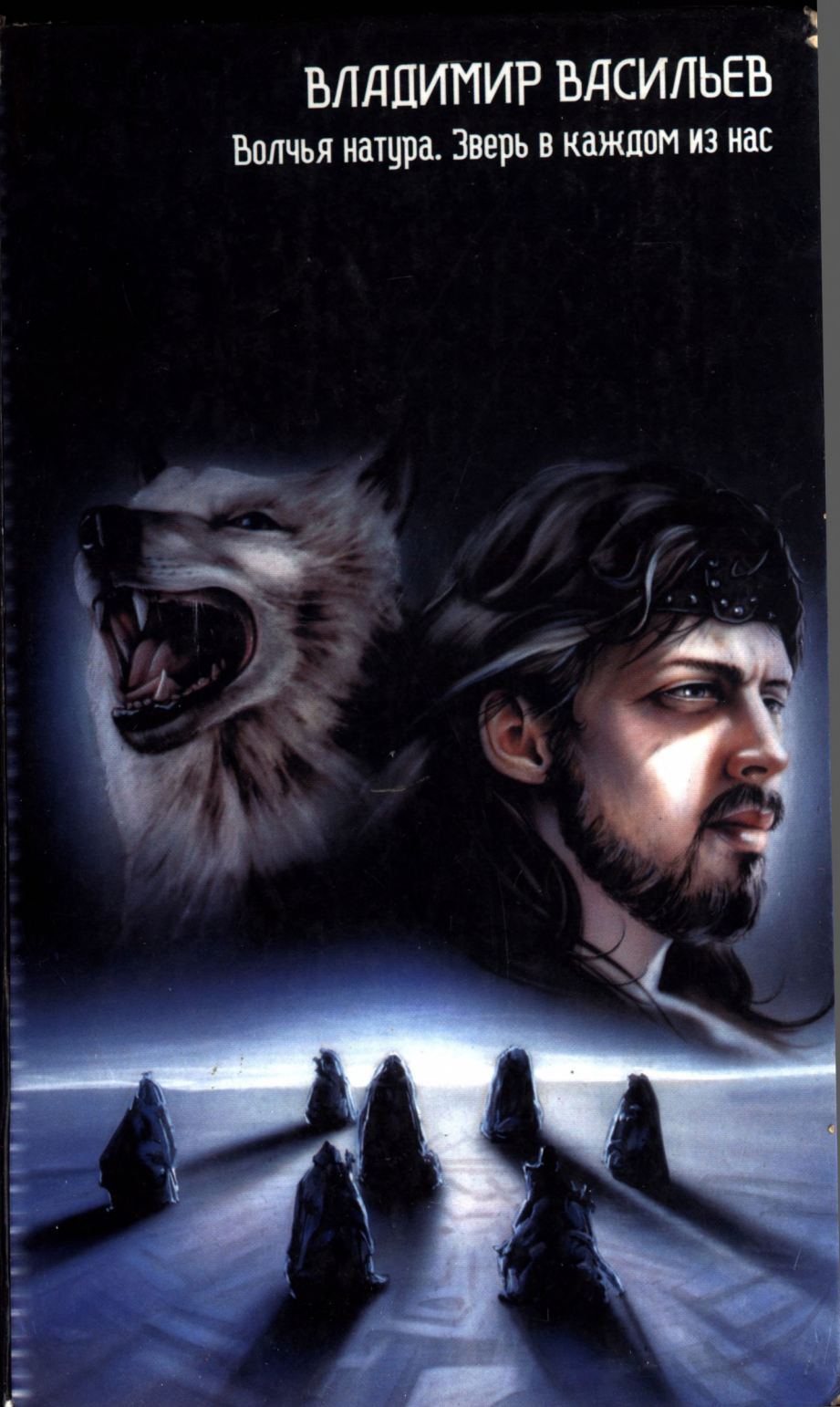
Зверь в каждом из нас

ВАСИЛЬЕВ

ВЛАДИМИР

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

Волчья натура. Зверь в каждом из нас



ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦИЯ

ВЛАДИМИР

ВАСИЛЬЕВ

Волчья натура

Зверь в каждом из нас

АСТ
Издательство
Москва
2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Подписано в печать 28.03.2003. Формат 84x108$^{1}/_{32}$
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 5000 экз. Заказ № 1486

Васильев В.Н.

В19 Волчья натура. Зверь в каждом из нас: Фантаст. романы / В.Н. Васильев. — М.: ООО «Издательство АСТ» 2003. — 606, [2] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-008544-3

Люди-псы. Люди-волки. Люди, по дикому капризу реальности произошедшие не от обезьян, а от собак. Люди, которые не являются людьми в привычном нам смысле слова. Они еще века назад прошли биокоррекцию, нейтрализующую самый древний на свете волчий инстинкт — инстинкт охоты, убийства, жажды крови. Но, похоже, прошли не все. Хищники прячутся, скрываются в глуши, но агенты, в совершенстве постигшие профессию охотников, идут по следу тех, в ком — вольно или невольно — проявляется «волчья натура»...

В каждом из нас живет зверь. В людях-псах. В людях-волках. В людях, что, по дикому капризу реальности, произошли не от обезьян, но от собак...

Что делает человека человеком? Мы мыслим — значит мы существуем и являемся людьми, даже если на людей и не похожи? Или... мысль все-таки рано или поздно уступит, не выдержав борьбы с первородным инстинктом хищников? И тогда — а что случится ТОГДА? Когда зверь, тайно живший в каждом из нас, ВЫРВЕТСЯ НА ВОЛЮ?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 1999, 2000
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Волчья натура

От автора

Существа, населяющие Землю этого романа, не являются людьми в биологическом смысле этого слова. То есть на описываемой Земле вид Homo Sapiens Sapiens начисто отсутствует. Главенствуют на планете совершенно иные существа, хотя они также прямоходящи, имеют по паре рук и ног, глаз и ушей. И все же я рискнул назвать их людьми, ибо не верю, что их мысли будут в корне отличатся от наших. Кроме того, я взял на себя смелость оставить многие привычные географические названия, исторические личности, нарицательные понятия и систему летосчисления. Следует только помнить, что события происходят в конце двадцатого века, в девяностые годы, но вовсе не от Рождества Христова, а от совершенно иного события.

— То есть, профессор, вы считаете морфологическое разнообразие людей неразрывным признаком разума?

— Отнюдь. Скорее всего люди произошли от некоего неустойчивого правида собак. Не думаю, что разнообразная морфология является плодом досредневековой селекции, человек в то время был слишком консервативен, чтобы заметно менять собственное тело.

— А как же дикие собаки? Они тоже могут в конце концов развиться в разумных существ? В еще одну расу людей?

— Ни в коем случае! Если вы читали труды моего знаменитого предка, вы должны знать, что человек и человекообразные собаки, включая динго и койота, просто имеют общего предка, тот самый неустойчивый правид. Какие-то ветви так и остались животными, а наша пришла в процессе эволюции к возникновению разума. Я не берусь судить, случайно ли дарован нам разум, или это неизбежный итог достаточно долгого развития перспективной расы... Во всяком случае, на Земле мы имеем то, что мы имеем. Морфологически однородных животных и поразительное разнообразие людских морфем.

— И последний вопрос, профессор. Легендарный волк — он тоже имел единого с человеком предка?

— Несомненно. А чей ген, по-вашему, человечество вытравливало из собственных цепочек ДНК две сотни лет назад? Я счастлив, что от волка, от этого хищного и кровожадного вида человекоподобных, не осталось ни малейшего следа ни на планете, ни в человеческом генофонде.

— Спасибо, профессор, что уделили нам время.

(Из интервью профессора эволюционики Рина Горвика ван Дарвина журналу «Европа».)

00: Область определения

Новое здание вокзала, дорощенное всего семь лет назад, поражало своей громадностью. Округлое, словно ракушка, с разинутой пастью центральной арки, оно было похоже на уснувшего великана. Впрочем, оно и было уснувшим великаном — измененным до неузнаваемости деревом. Последние два века генетическое проектирование совершило несколько прорывов в запретные ранее области, в частности — появилась возможность выращивать здания существенно бóльших размеров, чем раньше.

Шершавые дорожки рельсов тянулись вдоль каждого перрона и убегали вдаль, опутывая сложной цепью весь континент. По рельсам скользили поезда — полиморфные, отшлифованные годами селекции существа. Их уже трудно было назвать живыми — от изделий из камня или металла поезда отличались лишь тем, что их иногда приходилось кормить. Раз и навсегда жестко заданная форма, послушание и скорость — вот и все, что от них требовалось.

Аморф Леонид Дегтярев подхватил чемодан (тоже живое существо, только в отличие от поезда маленькое и мономорфное) и направился к расписанию — огромному, во всю стену. Впрочем, приятный голос дикторши прозвучал раньше, чем Леонид успел найти свой рейс в длинном перечне.

— Экспресс Берлин — Новосибирск подходит для посадки к шестому пути. Повторяю...

Леонид не стал искать подтверждение в расписании. Просто направился к проходу на перрон, рядом с которым в

широком простенке была намалевана большая европейская шестерка. Когда он приблизился, ожило табло — чисто механическое. «Берлин—Новосибирск, — гласило оно. — Рейс 959Е. Отправление 17.24».

Вот и нужный вагон — сегмент вытянутого тела поезда, похожего на длинную вязанку сосисок. Проводница — миловидная миниатюрная девушка-шпиц — профессионально улыбнулась Леониду.

— Добрый день, местер! Вы — мой первый пассажир сегодня.

Значит, вагон еще пуст.

— Здравствуйте. Билет показывать?

— Не нужно. Садитесь в свое купе, и все.

— Спасибо.

Леонид шагнул в отворенную овальную дверь и оказался в поезде. Отыскал свое купе — четвертое из восьми, — переоделся в дорожное, выложил на стол неизменную копченую курицу, выставил не менее неизменную бутылку водки и присел у окна в ожидании попутчиков.

Он еще не знал, что станет камнем, столкнувшим лавину. Ничем не примечательная командировка в Сибирь повлечет за собой целый вихрь разнообразнейших событий. Часть из них взбудоражит всю планету, часть останется лишь в памяти непосредственных участников и в бесстрастных ячейках архивов.

А пока Леонид, задумчиво барабаня пальцами по столу, думал: «Только бы не попутчики с детьми. Кто угодно — даже благообразные старушки. Лишь бы не дети. А если уж случится кто малолетний — то хотя бы не младенец...»

Хорст Ингвар аб Штилике очень любил детективные романы, и еще он очень любил читать их перед сном. Уютный свет лампы над кроватью, испещренные буковками страницы, тишина; за окном — темень, рядом, на тумбочке, телефонная трубка, так что если с утра кто позвонит — не нужно будет вскакивать и бежать через всю квартиру, а можно будет просто протянуть руку и сонным голосом сказать: «Да-а?» А потом вернуть трубку на тумбочку и снова провалить-

ся в блаженный сон, в котором есть шанс увидеть себя крутым сыщиком, гоняющимся за очередной сворой бандитов.

После работы Хорст заглянул в любимую книжную лавочку и приобрел сразу два томика Говарда Тона. Свежие-свежие, только из типографии. Предвкушая вечерний экскурс в мир преступлений и неизбежных наказаний, Хорст со вкусом поужинал, рассеянно посмотрел по телевизору нечто развлекательное, мельком проглядел пришедшую за день почту, и, никому не ответив, он все же не выдержал, взял первый томик с аппетитным названием «Никто, кроме нас» и уселся в кресло.

Четыре часа промелькнули словно миг. С трудом оторвавшись от книги, Хорст торопливо сварил кофе, торопливо, обжигая губы, выпил, разделся и юркнул под одеяло. В горизонтальном положении читать было как-то привычнее, и еще около часа промелькнуло так же незаметно.

А потом ни с того ни с сего запиликал телефон.

Хорст даже вздрогнул. Взглянул на часы — полтретьего. Ночь, самое сонное время. Кто мог звонить ему посреди ночи?

Звонки не умолкали, они были короткими и частыми, похоже — междугородными. Хорст неуверенно протянул руку и взял телефонную трубку.

— Да-а?

— Витя? — рявкнули в ухо по-русски.

— Нет, — ответил Хорст с некоторым облегчением, тоже по-русски. — Вы ошиблись.

— Погодите! — Звонивший перешел на немецкий. Говорил он безо всякого акцента, словно коренной берлинец. — Не кладите трубку. Я звоню из Алзамая, это в Сибири, и я в опасности. Запомните и передайте кому-нибудь из полиции: волки выжили. Здесь, в Сибири. Я не пьян, и я в своем уме. Меня зовут Леонид Дегтярев, я химик-эколог из Берлина. Совершенно случайно мне стало известно, что недалеко от Алзамая под видом староверов живут потомки людей, не проходивших биокоррекцию тысяча семьсот восемьдесят четвертого года. Все они — хищники. И, боюсь, они уже знают обо мне и моей осведомленности. Обещайте, что передадите мое сообщение кому-либо из официальных лиц. Обещаете?

Хорст Ингвар аб Штилике растерялся. С одной стороны, это выглядело не то как бред, не то как розыгрыш. Но уж слишком последовательным и упорным был этот Леонид Дегтярев. И еще — в его голосе слышалась смертельная усталость пополам с обреченностью.

— Обещаете? — повторил Дегтярев с надеждой в голосе.

— Я... я постараюсь...

— Не надо стараться. Надо просто немедленно — слышите? немедленно! — пойти в полицию и рассказать. Или хотя бы позвонить.

— Немедленно? Но на дворе ночь!

— Какая разница! Вы понимаете, о чем идет речь? Хищники! На Земле уцелели люди-хищники! Ночь, день, какой вздор...

В трубке вдруг послышался какой-то посторонний звук — глухой удар, а потом — протяжный всхлип. Снова грохот, словно телефон уронили. Хорст слушал это затаив дыхание, изо всех сил прижимая трубку к уху, потому что руки заметно дрожали.

Потом стало тихо, и другой голос спокойно и внятно произнес:

— Алло, с кем я говорю?

Хорст издал невнятное сипение.

— Кто вы? Назовите свое имя.

В голосе неизвестного звенел лед. И Хорст страшно испугался. Он поспешно коснулся сенсора отбоя и испуганно отбросил трубку прочь от себя, словно собеседник мог просочиться по проводам и магическим образом выскочить из крохотного динамика здесь, в Берлине.

Заснул он только под утро, после бесчисленных чашек кофе и мучительных размышлений.

Что это был за звонок? Чей-то неумный розыгрыш? Или произошло то, о чем Хорст столько мечтал и чего так боялся, — все вдруг поменялось местами и одна из книжных историй вдруг шагнула в жизнь, а чьи-то глаза, жадно вглядываясь в строки, принялись следить за его, Хорста Штилике, полными грядущих опасностей похождениями?

Сообщить в полицию, конечно, можно. Но какими глазами на него там поглядят? Вежливо спровадят в психушку? Самый вероятный вариант.

Чем дольше Хорст раздумывал, тем сильнее сомневался, что его рассказу кто-нибудь поверит. И намерение зайти с утра в участок на Инхельхоффштрассе мало-помалу сходило на нет.

В тот день Хорст Ингвар аб Штилике никуда не пошел. Проспал до обеда, совершенно не отдохнул, аппетит утратил напрочь и даже читать не смог, сколько ни старался. Выходные были испорчены безвозвратно.

Будь Арчи не ньюфаундлендом, песок обжигал бы ему ступни.

Он поглядел с мыса в море — прибрежная полоса кишела отдыхающими. Люди самых разных морфем барахтались и плескались в волнах — от малышей тоев и лхассо до гигантов сенбернаров, мастифов или двойников Арчи — ньюфаундлендов. Впрочем, нюфов в воде было как раз мало, да и те, на кого ни глянь, — спасатели.

К тому же Арчи вряд ли можно было назвать гигантом — он происходил из традиционно низкорослой линии ньюфаундлендов, из де Шертарини. Восемьдесят восьмое поколение.

Мало кто в Европе... да что там в Европе? — во всем мире мог насчитать больше двух десятков поколений. Линий сорок — сорок пять могли похвастаться длиной в полсотни поколений; самой старой на Земле считалась линия овчаров-среднеазиатов ин Хасманди, насчитывающая шестерых живых представителей майората. Младшему исполнилось только девять. Старшему — Зайару Хаиду Мондиандазу Шен ин Хасманди — недавно стукнуло девяносто семь. Без малого век.

Арчи в этом году собирался отпраздновать двадцативосьмилетие; два сына (ну и дочь еще) позволяли ему не беспокоиться за судьбу линии. Свой долг перед отцом и предками Арчи выполнил. Но иногда до сведенных скул завидовал своему брату — безлинейному, но зато и беззаботному. Беззаботному и свободному — а что может быть лучше и важнее свободы?

В сущности, за последние две сотни лет наследники майората лишились каких бы то ни было привилегий. Остались только дремучие и архаичные традиции, восходящие бог весть

к каким допотопным временам, да вечный ужас отцов, у которых волею судьбы рождались только дочери. Стать итогом линии — бр-р-р-р... Некоторые не выдерживают. А американское предложение гибкого майората, когда наследником мог бы становиться сын второго сына, если у первого наследник так и не рождался, обсуждали уже сто тридцать лет, и дело шло к тому, что предложение в очередной раз с небольшим перевесом по голосам провалят.

Солнце карабкалось к зениту белесого крымского неба. Зевнув, Арчи побрел в тень спасательской башенки. Наверху, на мостике, под цветастым тентом сидел напарник — поджарый и подтянутый лабрадор Николас Фогерт де Тром. Попросту — Ник. Линия Ника насчитывала семнадцать поколений, и к Арчибальду де Шертарини Ник относился с некоторым пиететом, коий, впрочем, моментально рассасывался после первого же бокала пива. А пиво Ник любил гораздо.

Арчи был чуть-чуть выше Ника, порыхлее и пошире в плечах. Ник же казался склепанным из пружинок и напоминал излишне мускулистого добермана.

Они работали вместе уже третий год. Километр крымского пляжа между Евпаторией и Мирным. Спасатели. Их хозяйство — выращенная лет сорок назад, еще при Самойлове, трехэтажная башенка, четыре послушных катера: два — породы «Скат», с полупогружением, один скоростной «Блик» и тяжелый, но зато грузоподъемный «Оникс». Ну и по мелочи всякого оборудования, конечно, навалом.

О своей прошлой жизни Арчи пытался забыть. Отчасти — по долгу той же оставленной службы. Получалось, хотя и неважно. Да и тело помнило ту жизнь лучше, чем мозг: куда деть вколоченные в спеццентре рефлексы? Друзья и просто отдыхающие часто награждали Арчи восхищенными взглядами — то он подхватывает на лету спихнутый со стола бокал, то, не отрываясь от книги, ловит за рукав пышную бульмастифшу и тычет пальцем в оброненный кошелек, то уворачивается от волейбольного мяча, волею случая пущенного ему в затылок рукой аса...

Ник спросил об этой жизни всего один раз, когда здоровенный черный терьер Виктор Жданович хлебнул лишнего

и возжелал с кем-нибудь побороться на газоне перед вторым корпусом. Арчи его скрутил в четыре секунды. Во втором корпусе отдыхал в основном среднеморфный народ: несколько терьеров-шотландцев, пожилая бульдожья пара, таксы, болонки какие-то (все как одна страшно одинокие), шелти, карельские лаечки. Ну и аморфов много, людей неопределенных морфем то есть, но никого крупнее среднего овчара, как назло, не случилось. Арчи, помнится, еще пожалел: всего месяц как с базы съехали борцы-профессионалы. Питбули, стаффорды, шарпеи, аргентинские доги — все как на подбор крепкошеие, коренастые, почти квадратные... Эти бы и с чернышом совладали без особых проблем.

«Арчи, — подозрительно спросил Ник, когда судорожно разевающего рот Ждановича унесли дюжие санитары из медцентра, — а чем ты раньше занимался?»

Арчи вздохнул, но ответил предельно честно: «Служил во внешней разведке».

Приятель очень удивился — нюфов в подобных структурах всегда было мало, а кто и встречался — сплошь спецы. Морфология не та, да и характер небойцовский...

«Я был не спецом. То есть спецом, но не из обслуги, а оперативником. Операции на воде. У нас в команде, кстати, и лабрадор один был. Но в основном почему-то аморфы да русские спаниели».

«А, — догадался Ник, — спаниели ведь ныряют круто. Покруче даже нас с тобой».

«Точно», — согласился Арчи, тем более что это была чистейшая правда.

Это произошло в первый сезон на спасательной. Сейчас к середине подходил третий, и с тех пор Ник никогда больше не возвращался к этой теме, за что Арчи был ему очень благодарен.

— Тихо? — спросил Ник из-под тента, даже не подумав пошевелиться. Вопрос показался странным — шумело море, орали дети, торговцы всякой съедобной мелочью тоже не отмалчивались. И вдруг — тихо?

Арчи протяжно вздохнул.

— Три дня никто тонуть не пытается. Даже подозрительно как-то, ей-богу!

Видимо, Ника тоже настораживал этот факт.

— Пиво будешь? — спросил он с ленцой.

— Вечером. Вахта все-таки... Сменимся, втащим.

— Законопослушный ты, Арчи. Аж противно.

— Ну извини.

Арчибальда Рене де Шертарини, как и всякого нюфа, практически невозможно было рассердить.

Арчи сдвинул шляпу на самые брови и уселся в шезлонг, но не так, как Ник, в тенечке и аккурат под тентом, а чтобы видеть прибрежную полосу. Подростки гоняли на водных велосипедах; вдали кто-то умело подрезал волну на доске с высоким полупрозрачным парусом. У самого горизонта, в неясной полуденной дымке, угадывался силуэт круизного лайнера.

Почему-то Арчи показалось, что ничего не изменится — в ближайшие годы. Он будет так же сидеть на крыше спасательной башни и глядеть на море, солнце будет жарить людный крымский пляж, а напарник будет лениво потягивать пиво из жестяной банки и беззлобно посмеиваться над законопослушным Арчи.

Первое правило спеца: если кажется, что неожиданностей не предвидится, готовься к худшему.

Только вот как готовиться? И к чему?

«Не буду я вечером пиво пить, — решил Арчи. — Слишком уж спокойно прошли эти три года...»

Отчего он задумался об этом именно сегодня, Арчи даже не пытался понять. Но он никогда не боялся иррациональных поступков.

«Представляю, как удивится вечером Ник», — подумал Арчи, откупоривая жестянку с минералкой.

Как всегда, Лутченко оказался прав: в баре было тесно, на открытой веранде было тесно, и даже за вынесенными просто на лужайку столиками не нашлось ни одного свободного места. Пришлось подождать, к счастью, недолго: нежно ворковавшая парочка аморфов допила коктейли и устремилась во тьму, к корпусам. От девчонки даже сквозь дезодорантную завесу очень однозначно и маняще пахло.

Иногда Шабанеев жалел, что служба вынуждает его в полной мере сохранять обоняние.

— А вон и наши спасатели, — буркнул Лутченко. — В самом углу. Минералку хлещут.

— Кто? — спросил Шабанеев, лениво глядя в угол. — Лабрадор?

Лутченко покачал головой:

— Нет.

Шабанеев несказанно удивился:

— Неужели нюф?

— Именно нюф, — подтвердил Лутченко.

Шабанеев только плечами передернул.

— Ну и ну! Поверить не могу. Вот этот гриб в шляпе? Сколько, ты говоришь, у него «фитилей»?

— Семнадцать.

— А трупов?

— Два. Всего-навсего два.

«Фитилями» известные ведомства называли ситуации, когда агент вынужден был идти на убийство. Высшим пилотажем считалось обойтись в конечном итоге без трупа. Иногда такое случалось.

Редко.

А теперь Шабанеев видел перед собой человека, который сумел всухую обставить полтора десятка «фитилей»! И этот человек: а) был ньюфаундлендом, и б) последнее время работал спасателем на пляже!

Немыслимо. Шабанеев пребывал в абсолютной уверенности, что известные ведомства кадрами не разбрасываются.

— Между прочим, — глубокомысленно заметил Лутченко, — он восемьдесят восьмой в линии.

— А, — догадался Шабанеев, — вот почему его отпустили! Наследника рожать?

Лутченко поморщился:

— Простой ты, Ваня, как грабли. Тебя к людям нельзя на иглометный выстрел подпускать.

— А меня и не подпускают, — беспечно отозвался Шабанеев. — Я все больше со зверушками в вычислительном центре. Какие уж тут люди? Кстати, наследника-то он родил или как?

— Родил, — буркнул Лутченко и тут же задумался над своими словами. — То есть не сам, конечно, родил. Одна дама помогла. Очаровательная такая нюфка.

— Ну спасибо! — с каменным лицом сказал Шабанеев. — А то я уж подумал, что он единолично. Из бедра, т'сзать.

Лутченко глубоко вздохнул.

— Слушай, шеф, — Шабанеев внезапно перескочил на другую тему, — а у тебя лично «фитили» когда-нибудь случались?

Спустя секунду он уже жалел о заданном вопросе, потому что у Лутченко вдруг сделались белые глаза.

Наверное, это трудно — убивать людей. И еще труднее не сойти после этого с ума. Шабанеев никак не мог поверить, что до биокоррекции на Земле люди резали людей пачками и ничего особенного при этом не испытывали. Ни-чего. Но и люди тогда были немного другими. Еще с геном хищника, пресловутым волчьим геном в ДНК.

— Один «фитиль» был, — мрачно сказал Лутченко. — Я думал, ты удосужился посмотреть мою послужную карту в этом своем вычцентре.

«Значит, и труп был, раз он так мрачен, — заключил Шабанеев. — М-да. Зря я спросил все-таки».

Паузу развеял официант — курчавый остролицый парень-пудель. Шабанееву вдруг нестерпимо захотелось плюнуть в эту напомаженную подобострастную рожу.

— Что будем заказывать?

Но даже вот этого хлыща Шабанеев вряд ли смог бы так просто убить. Разве только при «фитиле». И только небо знает, сколько бы потом с Шабанеевым возились конторские психологи.

— Кофе, — сказал Лутченко. — И еще я бы съел чего-нибудь. Салатик там, шашлычок. Ты будешь, Вань?

— Буду.

Официант быстро записал заказ в потрепанный блокнот и испарился в сторону бара.

«Вот, кстати, что еще странно, — отстраненно подумал Шабанеев. — Ген хищника мы в себе извели, а мясо есть так и не отучились...»

Спасатели — нюф и лабрадор — лопали креветки в шахламе и горячо о чем-то спорили, не замечая взглядов, которые кидали на них Лутченко и Шабанеев. То есть казалось, что не замечая.

Официант еще не успел принести заказ, когда нюф внезапно исчез. Между столиками гурьбой протопала патлатая молодежь, на миг, всего на миг, заслонив столик спасателей. Когда молодежь втянулась в настежь распахнутую дверь бара, нюфа за столиком уже не было. Лабрадор скалился и цинично жевал креветки. На Шабанеева и Лутченко он глядел открыто и насмешливо.

— Привет, ребята, — обратился к ним нюф-спасатель. Он стоял за низкой оградкой веранды, и Шабанеев совершенно не отследил момент, когда он здесь очутился.

Профессионал. Никуда это не деть. Как говаривал старик Павел Борисыч Крайнюков, институтский тренер по футболу, скорости не было и не будет, а мастерство не пропьешь. Этот парень на спасательских хлебах явно следил за формой. То-то минералку потягивал за своим столиком, а не пиво, как все нормальные люди. Ну кто, скажите на милость, жарким летним вечером на море станет пить с креветками минералку, а не пиво, кроме маньяка или профессионала?

Лутченко вздохнул — в который раз уже сегодня:

— Привет, Арчи. От Бригеля — отдельный привет. Как ты здесь?

Нюф сразу все понял.

— Это проверка или...

— Или.

Он кивнул.

— Где поговорим?

— Где угодно. У вас в башенке, например.

— Хорошо. Пойдемте.

Лутченко едва заметно усмехнулся:

— Не спеши. Мы поужинаем, а потом и поговорим. Ты ведь не спешишь?

Нюф бесстрастно ответил:

— Не спешу. А если бы и спешил...

«Вот-вот, — мысленно поддакнул Шабанеев. — Твои желания теперь не учитываются, парень. Ты теперь снова принадлежишь конторе».

Пудель-официант сноровисто сервировал столик. Пошевелив носом, Шабанеев втянул нежнейший аромат жаренного со специями мяса и подумал, что полное обоняние иногда доставляет и редкостное удовольствие.

Здание на Бюскермоленштрассе было оцеплено уже с полчаса. Поджарый доберман по имени Манфред Шольц взглянул из окна экипажа на верхние этажи. Где-то там, за зеркальными стеклами, скрывался убийца. Возможно, именно в этот момент он смотрел на еще один подъехавший экипаж породы «Дозуа», и тогда взгляды преступника и агента имели все шансы встретиться.

Шольц открыл дверь-надкрылок и вышел из экипажа. К нему метнулись сразу трое полицейских, но едва Шольц продемонстрировал красный жетон, спасательский пыл их мгновенно угас. Полицейские заметно оживились: вмешательство влиятельной конторы почти наверняка избавляло их от многих проблем. Например, от участия в операции по захвату.

— Кто тут у вас командует?

Один из полицейских вытащил рацию — явно вусмерть голодную, потому что глазок-индикатор едва тлел.

«Блюстители, трам-тарарам, — подумал Шольц с раздражением. — Интересно, а оружие у них хоть есть? Или только дубинки?»

Впрочем, несмотря на голод, рация работала. Полицейский перекинулся несколькими словами с кем-то из начальства.

— Капитан во-он там, у экипажа. Он вас ждет, — сказал полицейский и тут же повернулся к Шольцу спиной.

Вдалеке, за линией оцепления и кордонами, среди кленов, раздраженно гудели резкие биомобильные сигналы.

Капитан, плотный широкоскулый ротвейлер, молча протянул Шольцу руку и молча пожал. Кисть у него была крепкая и шершавая. Шольц сразу почувствовал к капитану симпатию — этот человек явно умел работать и не любил болтать.

— Спецагент Шольц, — представился Шольц. — Что тут у вас? Я в общих чертах знаю, но без подробностей.

— Убийца, — коротко сказал Капитан. — Зарезал двух женщин в одном из офисов на четвертом этаже. Его заметил случайный посетитель и поднял тревогу. Убийца пытался скрыться, но нас вызвали почти сразу, благо участок в двух кварталах отсюда. В общем, его вытеснили на крышу; при попытке ареста он убил еще и полицейского. Застрелил. Честно говоря, после этого мы ждали кого-нибудь из вас и ничего не предпринимали.

Шольц кивнул: совершенно правильно ждали и молодцы, что ничего не предпринимали. Двое убитых гражданских и один полицейский — это уже сенсация на весь мир. Годовая норма столицы. Брать убийц — не дело полиции. Это обязанность контор посерьезнее.

Тут подоспели ребята из отдела «У» — оперативная группа в бронежилетах и при оружии. С механическими коротковольными автоматами, штуками чудовищной убойной мощи. Они горохом посыпались из микробиобусов, все как один крепкие, стройные, увешанные разнообразными штучками и причиндалами штурмовиков. Генрих мигом предстал; козырнул и отрапортовал:

— Группа захвата прибыла, босс! Командуйте.

— Объект на крыше. Вооружен.

Шольц повернулся к полицейскому-ротвейлеру:

— У него огнестрелка?

Тот кивнул:

— Да, пистолет. Девять с чем-то скорее всего.

— Работайте, Генрих, — приказал Шольц, сохраняя каменное лицо.

Ребята натягивали пуленепробиваемые шлемы и рысцой тянулись к подъезду.

— Личности убитых установлены? — поинтересовался Шольц у капитана.

— Да, с показаний. Дайана Лингден и Виктория Дегтярева. Первая — репортерша отдела светских сплетен, вторая — секретарша из спортивной редакции.

«Дегтярева, — подумал Шольц озабоченно. — Хм-м-м...»

— Мотив? — спросил он вслух, понимая, что ничего путного скорее всего не услышит.

Капитан в ответ только головой покачал. Ну, разумеется, откуда ему знать подробности?

«Итак, жену Леонида Дегтярева тоже убили, — размышлял Шольц. — Не успели мы с охраной... Черт побери! Снова мы отстаем от этих таинственных изуверов».

Его немного пугала легкость, с которой эти люди убивали других людей. Что-то в этом было противоестественное, нечеловеческое.

Где-то наверху беспорядочно затрещали выстрелы; Шольц, как и все в оцеплении, тотчас вскинул голову, как раз чтобы увидеть, как от карниза отделяется темная точка и, быстро увеличиваясь в размерах, летит вниз. Точка моментально вырастает в человека, слабо размахивающего руками. Шольц даже похолодеть не успел — удар, и на асфальте начинает медленно растекаться багровая лужица. А то, что еще недавно было человеком, теперь напоминает непомерно большую куклу, ненароком угодившую под биомобиль.

Капитан-ротвейлер коротко ругнулся и бросился к прыгуну. Шольц — тоже. Рядом с телом валялся механический пистолет «ТС».

Спустя полминуты из подъезда бегом выскочил Генрих. Мельком взглянул на труп и виновато повесил голову:

— Провал, босс. Он едва нас увидел, так сразу и сиганул, даже стрелять не пытался.

— А вы чего ж тогда палить начали? — сварливо поинтересовался Шольц. Его грызла понятная досада — в третий раз вместо «языка» в его распоряжении оказывался труп. Впрочем, если быть точным, труп в распоряжении оказался тоже впервые. От предыдущих двух убийц не осталось вообще ничего — один сгорел дотла, второй ровным слоем размазался по асфальту скоростной трассы Берлин—Мюнхен под несущими плоскостями грузового «Спара».

— Палить? — переспросил Генрих. — Не иначе это ребята Нарвала решили его припугнуть...

— Умники, — проворчал Шольц. — Видишь, какой он пугливый?

Генрих только вздохнул. Кто же знал, что убийца предпочтет умереть, но ни слова не сказать вээровцам?

«Что же они знают такое, из-за чего идут на смерть?» — подумал Шольц с неясной тоской.

— Берлин? — напористо спросил Коршунович. — Алло, это Берлин?

— Майор Шольц, вэ-эр Европейского Союза, — послышался голос из трубки. Шольц этот произносил русские слова по-европейски: твердо и с преувеличенной артикуляцией.

— Майор Коршунович, вэ-эр Российской Федерации. Я по делу о «прыгунах».

Европеец насторожился; Коршунович мгновенно почувствовал это и поспешил произнести заранее заготовленную фразу:

— У нас есть кое-какая информация, которая, как нам кажется, напрямую связана с вашими че-пе на трассе Берлин—Мюнхен, в здании «Парагон Беобахтер», ну и с пожаром на Серкльштрассе тоже.

Шольц растерялся. Он явно не ожидал, что вээровцы страны-соседа так хорошо информированы о событиях минувших семи часов.

— Мы послали официальный запрос по дипломатическому каналу, — сообщил Коршунович. — Насколько я понял, вы еще не получали никаких инструкций на этот счет?

Шольц помедлил несколько секунд; потом сказал:

— Гм... Уже получил. Почти одновременно с вашими словами.

Воображение услужливо подсунуло примерно следующую картину: кабинет Шольца, заваленный бумагами стол, за полупрозрачными ширмами суетятся коллеги из вэ-эр Европы, а сам Шольц, зажав трубку телефона между плечом и щекой, сосредоточенно читает директиву с растопырившимся в верхней части листа геральдическим европейским орлом. И еще — референт застыл у стола, директиву эту пару секунд назад доставивший.

— Я все понял, — спустя какое-то время подал голос Шольц. — Рад сотрудничать. Тут сказано, что мы должны

связаться по закрытому каналу. Я немедленно вызову вас, буквально через минуту. Ваша аппаратура готова?

— На приеме специалисты, — заверил Коршунович. — И я.

— Айн момент. — В трубке раздался громкий щелчок, и пожилой техник-колли, повинуясь жесту Коршуновича, переключил что-то на большом плоском коммутаторе.

— Алло, здесь Шольц. Меня слышно?

— Прекрасно слышно, — сказал Коршунович.

— Вас тоже. Итак, я слушаю вас.

— В Москве произошло убийство, скорее всего связанное с вашими тремя происшествиями.

— Почему вы решили, что связанное? — осторожно поинтересовался Шольц. Он явно боялся сболтнуть лишнее.

— Рассказываю — конечно, вкратце. Сегодня, двадцать второго июня, в восемь тридцать четыре утра, убит некто Федор Гриневский, гражданин Российской Федерации, коммодор, сорока трех лет, по профессии геофизик. Убит выстрелом в упор из игломета-селектоида у дверей собственной квартиры. Убийце удалось ненадолго скрыться, но ему почти сразу сели на хвост наши оперативники, и уже через четыре часа его пытались арестовать в Москве, на станции Сходня. Он покончил жизнь самоубийством, когда понял, что будет арестован. Застрелился из того же игломета. Перед смертью он пытался уничтожить записную книжку, к счастью, неудачно. Книжка эта принадлежала некоему Леониду Дегтяреву, берлинцу, без вести пропавшему на территории Сибири две недели назад, гражданину Европейского Союза, выехавшему в командировку в Корсаков. Содержимое записной книжки — адреса и телефоны. Моника Догу и Вальтер Ульбрехт ван Замнер значатся в этой книжке. Значатся там и убитый у нас Федор Гриневский, и убитый вчера в Балтии Маринас Ерумс, и объявленный вчера в розыск полицией Истанбула Мадхуз Сарапи-Онад. У нас есть все основания полагать, что некая организация пытается физически устранить всех людей, чьи координаты указаны в записной книжке Леонида Дегтярева, и, вероятно, его семью. Ввиду беспрецедентной и очевидной угрозы жизням

многих представителей нескольких стран руководство вэ-эр России призывает аналогичные ведомства Европейского Союза, Балтии, Сибири, Турана, а также Сахарского Халифата, Японокитая и Индии к сотрудничеству и немедленному обмену информацией. Оперативная сводка вэ-эр России уже передана вашему ведомству и ведомствам указанных стран. Ждем вашу сводку; и просьба выслать горячие директивы не позже, чем через тридцать минут. Все.

— Спасибо, — практически сразу же ответил Шольц. — Сводка и директивы будут отосланы по готовности. Простите, меня вызывает министр иностранных дел... По вполне очевидным причинам я обязан уделить ему внимание...

Коршунович понимающе хмыкнул. Он знал, что на Шольца в ближайшее время насядут, кроме всех прочих, еще и министр внутренних дел вместе с министром юстиции. А премьер Европейского Союза не насядет только потому, что находится в Японокитае. Хотя скорее всего тоже позвонит.

Техник-колли взял трубку из рук Коршуновича и водворил ее на кокетливо торчащие из корпуса полупрозрачные ушки-рычажки. Коршунович встрепенулся. В тот же миг в кармане пискнул вызов мобильника.

Этот приборчик-триморф был совсем не похож на допотопную трубку пульта закрытой связи — маленький и ладный, со светящимися клавишами набора (первый из симбионтов), аккуратным диском микрофона и трубочкой голосового усилителя (второй) и телескопическим штырем радиоантенного блока (третий).

— Коршунович.

— Палыч? Это Баграт. Я из лаборатории звоню. Биохимики в обмороке.

Коршунович нахмурился, предчувствуя недобрые вести.

— А конкретнее?

— Они сделали анализ тканей и крови убийцы.

— Ну и что?

— У него активен ген волка. Он — хищник, понимаешь?

Мобильник чуть не выпал из рук Коршуновича. До сей минуты майор-вээровец пребывал в уверенности, что на планете Земля вот уже два века не существует людей-хищни-

ков. Но, с другой стороны, этот факт неожиданно просто и убедительно объяснял невероятную и кровавую вакханалию, потрясшую Европу и ближайшие окрестности. Шесть убийств за день! Шесть! И это при том, что за предыдущие четыре года на всей планете было зафиксировано всего два преднамеренных убийства, да и те совершены психически невменяемыми людьми.

— Баграт... — проникновенно сказал Коршунович. — Вели биохимикам сделать несколько контрольных тестов. Если мы выдадим эту информацию в Европу, а потом окажется, что биохимики ошиблись, будет, мягко говоря, хреново. И мне, и тебе, и всему отделу, и даже всему ведомству.

— Я знаю, — уныло ответил Баграт. — Дело в том, что биохимики провели не один тест, и даже не два или три...

— Сколько? — сердито перебил Коршунович.

— Тридцать пять. Положительных проб на ген волка — тридцать пять. Отрицательных — ноль.

Коршунович судорожно вдохнул пахнущий озоном воздух. У связистов воздух почему-то всегда пах озоном. От работающих селектоидов и механической аппаратуры, что ли?

— Ладно, я понял... Пришли мне распечатки заключений. А я за горячую директиву сяду...

Он выключил мобильник и опрометью бросился к выходу. Связист-колли проводил его полным сочувствия взглядом. Ссыпавшись по лестнице и уворачиваясь от людей в коридоре, Коршунович ввалился в свой кабинет и подсел к компьютеру-полиморфу. Глаз-экран цвел рассыпчатыми вспышками фейерверков, но едва Коршунович коснулся клавиатуры, экран засветился стандартным сетевым приглашением.

[Login VR-39]
[Identify control:]

Он приложил большой палец к папиллятору, и спустя долю секунды экран раскрылся рабочим десктопом оперативника. Но сделать Коршунович ничего не успел: снова зазвонил мобильник.

— Слушаю!

Коршунович выслушал сообщение с оцепеневшим лицом.

На окраине Истанбула только что нашли труп Мадхуза Сарапи-Онад. Человека из записной книжки Леонида Дегтярева.

Чудовищные и необъяснимые пока события стремительно набирали темп.

— Газеты доставили? — спросил Варга, едва проснулся. Стюард сдержанно кивнул головой в сторону журнального столика — там лежала пухлая стопка разнообразнейших изданий.

Последние дни Варга жадно штудировал газеты. И солидные, и скандальные, и откровенно желтые-бульварные.

Что-то он выискивал в газетах. И в первую очередь просматривал криминальную хронику. Впрочем, в последних газетах разделы криминальной хроники были жиденькие и тусклые, зато на первых страницах аршинными буквами пестрели заголовки: «Двойное убийство в Берлине», «Кровавый маньяк на свободе». Ну и прочие страсти для жвачного обывателя.

Вот и сегодня Варга едва умылся-побрился, потребовал кофе и уселся за рабочий стол. Кондиционеры пели на самом пределе слышимости, и шелест газетных страниц вплетался в этот едва ощутимый гул.

Лаборатория «Чирс» стояла в пустыне, у самого подножия Копет-Дагской гряды. Двадцать километров до Ашгабата, три — до Верхнего Багира, два — до Нижнего и один — до крошечного, приткнувшегося к раздолбанной трассе поселка Янбаш. Шесть полусферических куполов, длинная прямоугольная коробка транспортных ангаров и два трехэтажных жилых домика, напичканных бытовыми селектоидами и электронно-механической техникой. Квадратный километр, обнесенный густой системой из колючей проволоки и теоретически непреодолимой стеной мономорфного заграждения. Через проволоку пропущен ток, напряжение такое, что дурни удоды обращаются в пепел, едва садятся на нее. Стена-мономорф состоит в основном из колючек и крошечных бурых листиков. Колючки отравлены. Органический яд, кураре по сравнению с ним — мороженое со сливками. Местные жители убеждены, что

сие — не что иное, как биотехническая база Европейского Союза. Европейский Союз убежден, что это биотехническая база Америки. Америка считает, что на самом деле тут гнездятся русские. Мнение Индии, Сибири, Японокитая, Турана и Сахарского Халифата однозначно не установлено, да и не имеет их мнение особого значения — пусть думают, что хотят, лишь бы не вмешивались.

На заре проекта, лет сорок назад, различными разведывательными службами нескольких стран было совершено семь попыток заслать сюда агентов. Все попытки пресекались в корне, а потом, лет через десять после начала, к базе «Чирс» привыкли; привыкли и к тому, что она категорически не влияет на окружающий мир. Вне зависимости от политического момента. База была нейтральна, с нее ничего не вывозили, а завозили только продовольствие и предметы жизненной необходимости.

Один-единственный раз сонное существование «Чирс» все же нарушилось — на двадцать восьмом году существования. С базы сбежал человек, непонятно как сумевший одолеть непроходимую преграду из проволоки и мономорфа. Его изловили спустя четыре часа, за Хендываром, и этот случай оставался единственным, когда из ворот базы выехало сразу двенадцать джипов, полных вооруженной охраны.

Правда состояла в том, что «Чирс» был частной биогенетической лабораторией, причем одной из совершеннейших в мире. Но за пределами базы об этом знали считанные люди, которые периодически приезжали сюда, проводили на базе некоторое время и снова ненадолго исчезали в большом мире.

Варга был хозяином «Чирс». Уже двенадцать лет. Продолжателем отцовского дела и главой одной из самых могущественных и самых незаметных организаций Земли.

В десять явился на доклад аморф Ицхак Шадули. Ведущий специалист проекта «Хищник». Гениальный ученый и свихнувшийся человек. Его не интересовал окружающий мир — он получил сорок лет назад задачу, и все эти годы бился над ее разрешением. Как обычно, ломать оказалось гораздо проще, чем строить. Биокоррекцию на Земле провели в четыре года, лавинным методом. Ген волка вырезался из человеческого ге-

нома, и спустя довольно короткое время стали рождаться только «чистые» дети. Атавистический ген умер вместе с последним долгожителем.

Отец нынешнего главы «Чирс» пытался восстановить утраченный ген. Утраченное наследие хищных предков. И это оказалось неизмеримо более сложной задачей, нежели избавиться от него. Лучшая команда на Земле — Ицхак Шадули и шестеро его учеников — сорок лет упорно, цепочка за цепочкой, восстанавливали органический код ДНК; нельзя сказать, что их труд не предполагал успешного результата.

Слишком уж отдаленным казался этот результат. То, что природа шлифовала тысячелетиями, не воссоздать за десяток лет. Варга отчаялся воочию увидеть результат отцовской затеи, но не собирался он и отступать.

Практически все преступники-убийцы так или иначе попадали на «Чирс». Либо живьем, если удавалось, либо в качестве генного материала. Способность убивать сидит где-то на самом дне человеческой натуры, и нет-нет, а и прорвется на свободу. Варга пытался это использовать. Пытался добыть остатки волчьей натуры из человеческого подсознания. И жалел лишь об одном — что убийства так редки.

В самом начале проекта Ицхак Шадули категорически отказался от метода легальных спецслужб — психологической накачки. Да, спецагентам иногда приходится убивать людей. Но ради единственного нажатия на спуск, удара ножом или костью и даже тривиальной крупинки яда в стакане целые команды психологов возятся с этими агентами и до акции, и после. Довольно долго возятся. Непозволительно долго. Поэтому подобный метод совершенно не устраивал отца Варги. Естественно, что от него отказались в принципе; но пока не был выделен чистый ген хищника, агентов «Чирс» приходилось готовить по стандартной программе. К величайшему сожалению Варги.

Ицхак вошел в кабинет босса, сопровождаемый неизменным референтом-догом. Референт возвышался над профессором, как Парижская башня над павильоном «Ле Шато». Низенький и коротконогий Ицхак рассеянно кивнул Варге, влез на любимое кресло, совершенно не подходившее ему

по размеру, но тем не менее любимое, и разложил тонкие страницы распечаток на столике слева от себя. Референт-дог пристроился на низкой скамеечке без спинки — Варга давно собирался ее выбросить из кабинета, да все забывал.

— Доброе утро, профессор, — поздоровался Варга. — Газеты читали последнее время?

— Что? — переспросил Шадули. Вид у него был рассеянный, но Варга знал, что это не так. Просто профессор, как всегда, погружен в обдумывание очередной идеи.

— Газеты, — повторил Варга. — Вот, взгляните.

Он подал услужливо вскочившему референту берлинский «Парагон Беобахтер». Тот самый, в здании которого разыгрался один из заинтересовавших Варгу случаев минувшей недели. Ицхак наскоро пробежал взглядом передовицу и поморщился.

— Не понимаю, Саймон, — он всегда называл Варгу по имени, — зачем ты это мне подсовываешь? Пошли людей, пусть добудут пробы тканей этого прыгуна. Лучше, если кровь. К чему мне подробности?

Варга молча подал другую газету, со статьей об истанбульском трупе — задушенном голыми руками. А потом и третью, с материалами о резне в Кракове.

— Гм... — Ицхак Шадули вопросительно воззрился на босса. — И много таких... сенсаций?

— За последнюю неделю — двенадцать трупов. И ни одного убийцы живьем взять не сумели.

Профессор задумался.

— Вспышка? Гм... А нет ли связи между всеми этими убийствами?

— Есть, — спокойно ответил Варга. Он был уверен в ответе — информация пришла от трех никак и ничем не связанных агентов и несколько раз перепроверилась. — Но связь довольно прозрачная.

— Мне обязательно вдаваться в подробности?

— Не знаю... Полагаю — да.

— Ладно, — покорно вздохнул профессор, которому явно не терпелось поскорее добраться до лаборатории. — Только покороче.

— Три недели назад, в начале июня, из Берлина в Новосибирск выехал ничем не примечательный человек по имени Леонид Дегтярев. Аморф. По специальности — химик-эколог. В Новосибирске он пересел на экспресс до Южно-Сахалинска.

— Постойте, — искренне удивился Шадули. — Экспресс? До Южно-Сахалинска? Но ведь это на острове!

— Ну и что? О таком достижении селекции, как паромная переправа, вы не слыхали до сих пор? — Варга пожал плечами. — Впрочем, это совершенно не важно. В Южно-Сахалинске Дегтярев так и не появился. Где он сошел — пока не удалось выяснить ни нам, ни, похоже, легальным службам. Спустя неделю после его исчезновения начались убийства. Жертвы — либо родственники Дегтярева, либо люди, чьи адреса и телефоны нашлись в записной книжке Дегтярева, либо случайные свидетели, не к добру оказавшиеся на месте преступления. При угрозе задержания убийцы кончают с собой.

— Так-так. — Ицхак Шадули даже заинтересовался. — Организация. Определенно — организация. Этот Дегтярев явно влез не в свое дело и скорее всего узнал лишнего. Его убрали. А заодно решили убрать и всех, с кем он мог связаться. По телефону или иным способом. Саймон, мне необходимы ткани этих убийц-самоубийц. Накачка накачкой, но там и помимо психоинженерных матриц может кое-что найтись.

— Я догадался, — улыбнулся Варга. — Неужели вы полагаете, что я мог оставить такие случаи без внимания?

Ицхак рассеянно уставился в пол; у него явно вызревала очередная сногсшибательная идея.

— Полагаю, что сегодняшний отчет можно опустить. В свете новых, так сказать, фактов, — сказал Варга. — Готовьтесь, профессор. Будут вам ткани.

— Поторопите своих волкодавов, — попросил Шадули. — Я с нетерпением жду.

— Я тоже, — заверил Варга. — С исключительным нетерпением.

Сопровождаемый референтом гений современной генетики просеменил к выходу. Варга проводил его пристальным взглядом.

К обеду поспела новая порция газет, и шеф «Чирс» погрузился в изучение шуршащих страниц, что стекались в неприметный почтовый ящик одного из почтовых отделений Ашгабата со всего мира. Новых случаев не было; газеты мусолили случившееся ранее.

Резкий зуммер экстренной связи разорвался в тиши кабинета, словно крохотная бомбочка. Варга вздрогнул.

— Босс? Дежурный охранник СБ-двенадцать. У ворот человек, он назвал нечто похожее на старый пароль и требует, чтобы его пропустили к вам. В данный момент он пребывает в карцере при дежурке, а его раздолбанный мотоцикл уже унесли.

— Какой пароль он назвал?

— Просил подзарядить аккумулятор. Неверно построил фразу. И еще он несколько раз произнес слово «перистальтика».

Саймон Варга вздрогнул.

— Что-о-о?

— Перистальтика, — послушно повторил охранник СБ-двенадцать.

— Этот человек лыс?

— Точно так, бо́сс. Как страусиное яйцо.

— Немедленно отправьте его ко мне. Под присмотром, естественно.

— Слушаюсь, босс.

Охранник отключился, а Варга в замешательстве откинулся на спинку кресла. О газетах он временно позабыл.

Если Гном бросил все и примчался в Ашгабат — значит, случилось нечто из ряда вон выходящее. И это в момент, когда произошли все эти необъяснимые убийства. Подобное совпадение просто не может оказаться случайным. Гном что-то разнюхал, выяснил что-то такое, из-за чего счёл необходимым завалить старое прикрытие и вылететь в Ашгабат.

Он вошел в кабинет Варги вслед за парой охранников — дюжих лобастых ротвейлеров. Лысый, коренастый полукровка — полупинчер-полуаморф. Гном был изнурен и потрепан, глаза лихорадочно блестели, а левое ухо безжизненно висело и вдобавок стало совершенно черным от спекшейся крови. Пра-

вую руку Гном баюкал; брюки были разорваны и протерты, словно ему пришлось свалиться с мотоцикла и юзом проехаться по асфальту — да так, вероятнее всего, и произошло.

— Бог мой! — всплеснул руками Варга. — Охрана, свободны. И пришлите сюда врача, немедленно.

Ротвейлеры безмолвно ретировались и плотно затворили за собой дверь.

— Босс, — свистящим шепотом сказал Гном. — Вам не достать ткани убийц. Это истинные волки. Все, что от них остается, немедленно сжигают. Прикрытие на уровне президентских соглашений.

— То есть... как волки? — Варга опешил.

— Волки. Чистые волки, изолированная линия. Их предки никогда не проходили биокоррекцию. Спецслужбы Европы, России, Сибири, Балтии и Турана в готовности «икс».

Варга обессиленно опустился в кресло. Вот, значит, как. Тогда — да. Тогда все сразу становится предельно ясным. И череда убийств, и сознательный провал Гнома, одного из самых ценных агентов...

А он, наивный, полагал попользоваться подвернувшимся генетическим материалом. Дьявол, да ведь искомый ген, оказывается, вовсе не утрачен! Вот он, бери, вычленяй и пользуйся!

Варга дрожащей рукой нажал на сенсор общего селектора и вызвал начальника разведотдела и отдела безопасности.

— Сулим? Состояние «экстра». Вызывай всех, подчеркиваю, ВСЕХ агентов. Все коммуникации переключить в режим «ин-онли». Увольнения отменить. Охрану удвоить. Пока все.

— Слушаюсь, босс.

Сулим, пожалуй, был единственным человеком на «Чирс», которого Варга еще никогда не видел удивленным.

— Симпатичная башенка, — сказал тот, что передавал привет от Бригеля. — Сколько ей лет, говорите?

— Лет сорок, пожалуй, — ответил Арчибальд Рене де Шертарини, не выказывая нетерпения или спешки. Впрочем, он и не испытывал ни того, ни другого. Он всего лишь исполнитель, куда ему торопиться?

— Хм... А разве при Самойлове такие выращивали?

— Выращивали.

Агент глубокомысленно покивал, словно морфография приморских селектоидов занимала его безмерно. Арчи потихоньку разглядывал обоих — и аморфа, явно ведомого, и этого поджарого русского овчара, несомненно, оперативника со стажем и в данный момент — старшего двойки.

— Ник, — обратился овчар к напарнику Арчи. — Ты не погуляешь, а? Тут у нас разговор, видишь ли...

— Я уже догадался. — Лабрадор продолжал скалиться. — Долго гулять-то?

— Не знаю. Полчаса, скажем.

— Ладно.

Ник коротко взглянул в глаза Арчибальду — держись, мол, напарник! — и бесшумно убрел в темноту.

— Прошу. — Арчи распахнул дверь тамбура и зажег свет. В единственной комнате первого этажа наблюдался некий разумный компромисс между рабочим беспорядком и деловой обстановкой. В углу валялись сваленные в кучу сигнальные стержни-буи, на стене, словно коллекция диковинных бубликов, красовались пробковые спасательные круги всевозможных расцветок и размеров. Стол был заставлен пустыми пакетами из-под сока и минералки и пивными жестянками. Впрочем, жестянок из-под минералки тоже хватало.

Арчи сгреб с дивана акваланг; тот недовольно пискнул.

«Надо его в воду посадить, — озабоченно подумал Арчи. — Сколько он уже на воздухе? Суток трое, не меньше... Жалко старика...»

— Ты бы его в воду выпустил, что ли, — сочувственно посоветовал овчар, словно умел проникать в чужие мысли. — Отбросит концы, неровен час, а нового, поди, не допросишься потом.

— Прямо сейчас выпустить? — спросил Арчи невозмутимо.

— Дело твое...

— Ладно. — Арчи не собирался спорить, тем более что периодически вспоминал об этом верном селектоиде, но с той же периодичностью забывал о нем. Обычно Арчи на первый этаж даже не заходил, поднимался по внешней ле-

сенке наверх, и все. А бедняга-акваланг сутками маялся в душной башенке.

— Вы пока присаживайтесь. Напитки в холодильнике.

— Спасибо.

Арчи отсутствовал около минуты — ровно столько, чтоб успеть неторопливо дойти до бассейна, выпустить акваланг и так же неторопливо вернуться обратно. Когда он вошел в башенку, овчар сидел на диване и поза его казалась позой оцепеневшего сотни лет назад покойника, а аморф задумчиво стоял перед открытым холодильником и глядел внутрь. В холодильнике было пусто, если не считать одинокой формочки с ледышками-кубиками.

— Интересно, — с ехидцей поинтересовался аморф, — а что ты называешь напитками?

Арчи усмехнулся:

— Извините. Наверное, Ник опять девок приводил вчера. Я думал, там что-нибудь есть.

— Ваня, уймись, — строго сказал овчар. — Ты уже булькаешь при ходьбе. Куда тебе еще пить?

— Так жарко же! — пожаловался аморф.

— Не растаешь, не снеговик, — отрезал овчар.

«Ну и парочка! — подумал Арчи отстраненно. — Чего это с нашей конторой за два года стряслось, если таких поцев на задания отправляют?»

— Итак. — Овчар полез в карман и извлек жука-шумодава. — На стол его можно?

— Можно. — Арчи не возражал, тем более что на столе валялась только пожелтевшая старая газета. Жук, расправив надкрылки, принялся за дело: во-первых, начал эту газету методично жрать, а во-вторых, поселил во всех мыслимых и немыслимых диапазонах связи сплошной треск, сквозь который невозможно будет разобрать ни слова. Если, конечно, кто-нибудь задастся целью прослушать их разговор.

— Итак, — повторил овчар. — Я — спецагент Виталий Лутченко, код «Махаон». Он — просто спец, Иван Шабанеев, компьютерщик, код тот же. Вчера на тебя пришла директива; проводку доверили нам.

— Профиль? — спросил Арчи невозмутимо.

— Инфильтрация. За новостями следишь?

— Нет.

— Но об этом же весь мир жужжит! — удивился Лутченко. — Эпидемия убийств в Европе, Туране, Балтии и России. Неужели не слышал?

— А! — Арчи несколько оживился. — Слышал. Но ведь уже неделя прошла, разве нет? Или даже больше.

— Прошла-то прошла. — Лутченко наконец изменил напряженную позу, в которой застыл с секунды выпуска шумодава, и откинулся на спинку дивана. — Только сейчас мы уловили систему в происходящем.

— Так это не просто эпидемия-рецидив?

— Нет, что ты. Два десятка убийств, и это все еще продолжается. Вот, к примеру, только сегодня днем нашли некоего Хорста Ингвара аб Штилике. А убили его семь суток назад. В собственной квартире в Берлине. Так что мы еще не обо всем знаем. Тем более что большинство событий происходит за кордоном.

— Ладно. Давайте картину, только без излишних подробностей, — попросил Арчи.

Излишние подробности на первых порах помогают мало, зато основательно сбивают с толку. Арчи знал это прекрасно.

Овчар мгновенно собрался.

— Без подробностей? Пожалуйста. Восьмого июня из Берлина в командировку в Сибирь выехал сотрудник «ИГ Биохимикшанце» Леонид Дегтярев. До места назначения, города Корсаков на Сахалине, он не добрался. Спустя неделю, пятнадцатого июня, ранним утром по европейскому времени, он, предположительно, осуществил один-единственный звонок по стандартному открытому межгороду. Абонент, которому он звонил, до сих пор достоверно не установлен. Больше никаких сведений о местоположении Леонида Дегтярева не собрано, неизвестно также, жив он или нет. Начиная с полудня семнадцатого июня по европейскому времени неустановленными лицами совершаются убийства — в Европе, Балтии, Туране и у нас, в России. Практически все жертвы ранее в той или иной мере имели тесные контакты с Леонидом Дегтяревым, за исключением двух случайных сви-

детелей, которых просто хладнокровно убирали вместе с намеченной жертвой, да плюс еще вышеупомянутого Хорста Штилике, который Леонида Дегтярева вообще не знал и, по нашим данным, никогда с ним не встречался. Связывает этих людей только то, что они оба берлинцы. Наши бравые аналитики предполагают, что тот самый таинственный ночной звонок Дегтярев совершил именно Хорсту Штилике, причем ошибся при этом номером — дозвониться он намеревался кому-то другому.

Теперь главное. До сих пор ни один убийца не взят живым. Они кончают с собой при малейшей угрозе ареста. И с огромной долей вероятности все эти убийства совершены людьми-хищниками.

Арчи даже при этих словах не утратил полного спокойствия. По крайней мере внешне. Лутченко держал эффектную паузу.

— Хищниками? — переспросил Арчи совершенно ровным голосом, потому что пауза затягивалась и от него ждали какой-нибудь реплики.

— Хищниками. Людьми с активным геном волка.

Арчи помолчал. Потом высказался — по возможности коротко:

— В другое время и при других обстоятельствах я бы сказал, что это невозможно и что волков на Земле не осталось. Но сейчас я скажу: продолжайте.

— Прекрасно. — Лутченко с воодушевлением потер ладони друг о друга. — Я не разочарован вашей реакцией, господин де Шертарини.

Арчи поморщился от этой официальщины, но, конечно же, смолчал.

— Впрочем, продолжу. Дальше идут только косвенные данные, из сектора «ДС».

Аббревиатура «ДС» расшифровывалась как «Досужий стук». То есть бессистемные данные, поступившие от информаторов и не нашедшие пока какого-либо даже самого поверхностного объяснения.

— В том, что оживились разведслужбы Турана, Европы, Сибири, Балтии, Сахарского Халифата, Японокитая и Ин-

дии, ничего удивительного нет. Нет ничего удивительного и в том, что зашевелились службы Америки, Аляски, обеих Канад, Панамского пояса и Латинского блока. А вот что означает, например, почти мгновенное исчезновение с насиженных мест сразу семи частных агентов, чья принадлежность до сих пор не определена? Как по мановению жезла волшебника — фур-р-х-х! И растворились. А?

Арчи безмолвствовал. Вопрос был явно риторический.

— В общем, решено задействовать резервный вариант. Выбор тебе, надеюсь, уже ясен.

С минуту Арчи осторожно, со всех сторон, мысленно обсасывал сказанное. Он обязан был это сделать — в подготовке предусматривался и ложно-провокационный выход на «спящего» агента. Такие случаи в истории разведки случались. Но пока Арчи не видел проколов в легенде, рассказанной ему Виталием Лутченко.

— Почему я? Как все, что вы рассказали, связано с моим профилем? — наконец справился Арчи. Подобные вопросы вообще-то не поощрялись, но и не пребывали под явным запретом.

— А вот об этом лучше расскажет мой напарник, — совершенно неожиданно ушел от ответа овчар. — Давай, Ваня!

Аморф Ваня встрепенулся, словно разбуженная птица, и доверчиво, совсем по-детски, взглянул на Арчи.

— Это выбор компьютера, если говорить начистоту, — пояснил он. — Одна из последних разработок, комплексная эвристическая программа. Мое, можно сказать, детище. Компьютер хранит подробные данные на весь персонал службы. Под каждое конкретное задание происходит многоступенчатый отсев. На эту операцию прошел только один кандидат — де Шертарини. Знаете такого?

Арчи поморщился. Он не очень любил эти новомодные замашки кадрового отдела. Вообще к механическим изделиям Арчи испытывал подспудное недоверие, хотя с каждым годом их входило в жизнь и быт все больше и больше. И по долгу службы ему часто приходилось пользоваться мертвыми изделиями из металлов, пластика и древесины. Но это вовсе не значило, что сей факт приводил Арчи в восторг.

Тут речь шла о еще более непонятной и непривычной области человеческого знания — об информационной среде. Компьютерные программы вообще не были чем-то материальным; они являли собой всего лишь набор цифр, математический код. И тем не менее с ними сплошь и рядом приходилось считаться. Мысль, что бестелесная программа, существующая лишь как запись на субстрате, распоряжается людскими судьбами, неприятно холодила кожу. Вот, к примеру, эта чертова эвристическая мозголомка решила послать на задание Арчи, спящего агента, спящего всего два с небольшим года. В прах обращалась метода, отработанная десятилетиями. Агент, отошедший от дел, постепенно выпадает из сферы интересов иностранных коллег. И спустя лет десять—пятнадцать одного из полусотни можно с блеском использовать, практически без риска нарваться на превентивные меры. Потому что невозможно предсказать, кто из полусотни будет задействован. Арчи же скорее всего до сих пор числился в секретных картотеках иностранных спецслужб как агент вполне действующий и, стало быть, оставался под поверхностным наблюдением.

И тем не менее выбор пал на него, специалиста по операциям на воде. Интересно, из каких соображений остановилась именно на нем программа, написанная вот этим кудлатым самодовольным аморфом по имени Иван Шабанеев?

— В механику проводки посвящать будете? — спросил Арчи. Голос его звучал все так же ровно.

— Конечно. Начнем завтра, потому что времени нет. Как раз и замена тебе приедет, — сообщил Лутченко.

— Уже завтра? — Арчи хотел поморщиться, но сдержал себя. — Так спешно?

— Да. Так спешно. Иначе упустим инициативу. Не стоит оставлять коллегам из Европы шанс на первенство, не находишь?

По идее, Арчи должен был ощутить к этому несколько развязному овчару неприязнь. Уж слишком легко тот переходил от официального «господин де Шертарини» к панибратскому подмигиванию и свойским вопросикам. Хорошо еще, что локтем не пихал, как кум свата. Но Арчи понимал,

что это всего лишь маска. Это вылепленный психоинженерами образ, под которым скрывается истинный Виталий Лутченко. И нужен этот образ для того, чтобы наиболее полно и точно выполнить возложенное конторой задание. В таком рукотворном коконе сотрудник вэ-эр мог даже убить, если придется. Неизбежная психическая травма в этом случае смягчается в сотни раз, а последующая промывка мозгов вообще сведет ее на нет.

Но Арчи знал и то, что на самом деле травма остается. Глубоко внутри. И может всплыть из небытия, из самых глубин подсознания, в любой, чаще всего самый неподходящий момент. Ведь правда жизни состоит в том, что люди не должны убивать людей. Не могут убивать. Даже во имя интересов своей страны.

Но кому-то все равно приходится брать на себя этот непосильный груз и лишать жизни такого же, как сам, человека. Линейщика или аморфа. Во имя чьих-нибудь интересов. И потом всю жизнь таскать это в душе, ожидая, что оно выползет из мрака и пожрет тебя, как древнее чудище нераскаявшегося грешника.

Единственное, что Арчи мог сказать себе по этому поводу: «Если не я, то кто?»

И он говорил это. В который раз.

Вээровцы давно ушли, а Арчи еще долго сидел на первом этаже башенки, собираясь с мыслями. Конечно же, он ожидал, что нечто подобное рано или поздно произойдет. Что его вновь проведут в дело. Но он не думал, что это случится так скоро.

И еще ему сильно не понравилась ситуация. Люди-хищники, бред какой-то. Все это сильно походило на внезапно овеществленную выдумку Говарда Тона, мастера остросюжетной психоделики. Пожалуй, только операция против зомби или вампиров показалась бы более нереальной.

Хищники. Волки.

Неужели кому-то действительно удалось ускользнуть от биокоррекции и больше двухсот лет соблюдать полнейшую изоляцию от внешнего мира?

Но ведь это практически невозможно. Практически. Без должной подготовки, без заранее продуманной тактики и стратегии выживания, без железной дисциплины — невозможно. В принципе какая-нибудь закрытая организация вертикального типа, вовремя разработавшая программу выживания, имела шансы скрыться от биокоррекции. Но уже к зрелости второго, максимум третьего поколения от дисциплины и целеустремленности зачинателей такого странного шага остались бы рожки да ножки. Молодежь слишком часто предает идеи отцов, поэтому мир и меняется от поколения к поколению.

Что-то за этим определенно кроется. Не только в гене волка дело. Сам по себе ген не так уж и опасен — ну вырвется он на свободу, ну начнут рождаться волчата... Медики мгновенно отследят это. Отследят и выкорчуют с корнем. Чтобы снова сделать Землю миром волков, нужно настоящее потрясение. А вот его-то Арчи даже вообразить толком не мог.

Ник де Тром постучал в дверь около полуночи.

— Закончили, шпионы?

Арчи вопросительно поднял брови:

— Что закончили?

— Ну, — пояснил Ник, — ты ж с агентами совещался.

Арчи неподдельно удивился:

— С какими агентами? Ты чего, Ник? Перегрелся?

Лабрадор застыл с приоткрытым ртом. Он не понимал, дурачится напарник или играет в конспирацию.

— А... — вздохнул он через полминуты, — понимаю. Ладно, как хочешь. Считай, что я ничего не видел, не слышал и ничего не знаю.

Арчи смолчал. Ему с самого начала не нравился последний приказ шефа — майора Чумаченко. Не скрывать от Ника, с которым предстояло работать спасателем, своей прежней деятельности. Понятно, не выкладывать ему на блюдечке все, что пришлось пережить. Но при случае — намекнуть, что Арчи сотрудничал с внешней разведкой.

Странный это был приказ. Нелогичный. Нарушающий все каноны профессии. Но приказы принято выполнять не обсуждая.

— Там девчонки пришли, — сказал Ник. — С мускатом. Пойдешь?

— Ну, если с мускатом... — протянул Арчи. — Пойду.

«Надо хоть оттянуться напоследок, — подумал он. — Когда еще придется? Вот так, на море... С мускатом и девчонками».

Он встал, нахлобучил любимую широкополую шляпу и вслед за Ником направился в темноту крымской ночи. Впрочем, здесь, в курортной зоне, темнота была достаточно жиденькая. Огни иллюминации и мельтешение дискотечных лазеров затмевали почти все звезды, кроме наиболее ярких. Только у самой полоски пляжа, цепляясь за деревца маслин, клубилась густая темень. Любимый столик спасателей прятался в этих зарослях; чья-то неведомая, но заботливая душа не поленилась бросить полевку от ближайшего домика и подвесить жестяной фонарь, хотя гораздо проще было приживить к парочке деревьев несколько химических светильников-мономорфов. Впрочем, электрический свет по яркости давал сто очков вперед мертвенному свечению существ-мономорфов. Механика неумолимо наступала на биоинженерию; все больше техногенных вещей использовалось людьми. Вот и сейчас на руке Арчи еле слышно цокали кварцевые часы, отштампованные где-нибудь в Туле или Брянске, и в узком кармане на бедре притаился стальной нож, а вовсе не живая теплая кость кинжала-мономорфа... Арчи даже сквозь плотную ткань джинсов ощущал холод металлического жала.

Арчи казалось, что это прикосновение неминуемой смерти. Не его, Арчибальда Рене де Шертарини персональной смерти, старушки с косой и в балахоне. Казалось, что мертвые изделия олицетворяют приговор целой эпохе. Что-то уходит из этого мира, Арчи это чувствовал — естеством, спинным мозгом. Меняется мир. И — увы! — не в лучшую сторону. Мертвые вещи — не причина, а всего лишь примета. Меняется что-то в психологии людей, в их отношении к жизни. Жизнь на Земле вообще разваливается на две половинки, как оброненный арбуз. На биосферу и на среду обитания человека. С некоторых пор средой обитания человека перестала быть чистая биосфера — отчасти из-за того, что в обиход стала неумолимо входить техника. И Арчи интуитив-

но понимал, что рано или поздно среда естественная и среда техногенная начнут конфликтовать. Мешать друг другу. Пока залогом прогресса служила одна лишь биоинженерия, можно было не волноваться.

Но эти времена безвозвратно прошли.

Кто-то из древних заметил, что на рубеже столетий, и особенно тысячелетий, на мир нисходят необъяснимые потрясения. Наступление новых наук — неорганической химии, механики, электротехники и электроники — не примета ли грядущей смуты? А явление волков, людей-хищников? Ведь каким сонным, в сущности, был двадцатый век! Благоденствие и сытость. Ну, пусть в Средней Азии и в Африке народ живет не так вольготно и богато, как в Америке, Европе или Японокитае, но все же. Голод усмирили лет сто пятьдесят назад. Войны и соседские перебранки — практически сразу после биокоррекции. Была в начале века, в тысяча девятьсот втором, если Арчи правильно помнил, вспышка лавинной болезни — синдром вырожденной иммунной реакции. Много народу тогда не удалось спасти. Но все же болезнь победили достаточно быстро, благо у человечества имелся тысячелетний опыт биоинженерного вмешательства в собственный геном, да и вообще в основы практически любых жизненных структур.

Благополучие девяностых годов двадцатого века представлялось Арчибальду Рене де Шертарини затишьем перед бурей. А нежданное, но предугаданное появление коллег по конторе — первым, еще легким и обманчиво безопасным порывом ветра.

Стелла, Альбинка и незнакомая Арчи девушка не стали дожидаться кавалеров — откупорили мускат, и когда Арчи с Ником вынырнули из темени и зарослей, как раз чокались после тоста «за бабское».

— Мы не опоздали? — Ник смешно повел носом.

— О! Спасатели! Налить спасателям?

— А что, — поинтересовалась незнакомая девушка приятным грудным контральто, — спасатели тоже станут пить за бабское?

— Станут! — заверил Ник, не задумываясь. — Спасатели за что только не пьют!

Альбинка ловко наполнила стеклянные (еще одна примета мертвых времен) стаканы; причем бутылку она держала на высоте не меньше чем полметра над столешницей и, несмотря на это, не пролила ни капли.

Стелла, предвкушая фокус ближайшей минуты, стрельнула глазами в сторону незнакомки и елейным голоском попросила Арчи:

— Эй, нюф! Шляп сними, да-а?

Арчи усмехнулся. Он проделывал это сотни раз и неизменно повергал неподготовленную публику в секундный ступор.

Он мягким движением извлек из кармана нож и, не глядя, метнул в ствол ближайшей маслины — туда, где почему-то практически не было веток и в зеленой пелене шевелящихся листьев зиял лысый просвет. Нож воткнулся в дерево, отчетливо тюкнув.

Не медля, Арчи снял шляпу, взяв за полу, и метнул ее туда же, словно тарелку. Бесшумно скользнув в полутьме, шляпа повисла на ноже, словно на вешалке. Стелла и Альбинка с готовностью зааплодировали. Незнакомка заулыбалась и чуть не выронила стакан.

— Ну и ну! — сказала она, качая головой. — А ты правда спасатель, а не циркач?

— Спасатель, — негромко заверил Арчи и пригубил мускат.

— Знакомьтесь! — оживился Ник. — Это Вика. А это — наша гордость, Арчибальд Рене де Шертарини восемьдесят восьмой...

Брови Вики поползли вверх, хотя еще секунду назад казалось, что удивляться дальше она уже не способна.

«Последний вечер, — подумал Арчи с неясной грустью. — Последний... А она ничего. Симпатичная...»

— Как мне стало известно, — сказал отмытый и обработанный медиками Гном, — спецслужбы евразийских стран начали отработку совместной операции. И, вероятно, свои собственные операции. Вкратце дело обстоит так: где-то в сибирской глуши сохранилась популяция волков, умудрившаяся спрятаться от биокоррекции тысяча семьсот восемьдесят четвертого. Некоторое время назад их засветил совер-

шенно случайный инженер-эколог. Засветил единственным телефонным звонком. Кому именно он позвонил, волки не узнали. Поэтому они убрали этого эколога, а потом стали методично убирать всех, чьи телефоны нашлись в его записной книжке... Еще не всех успели, кстати, убрать. Все это подтверждает, что изоляция волков намеренная и они стремятся сохранить инкогнито. Мое мнение: уже поздно, и стараются они зря. Но дело до конца они скорее всего доведут. Хотя вээровцы вполне могут им воспрепятствовать.

В кабинете шефа «Чирс» ненадолго воцарилось молчание.

— Так-так, — протянул Сулим, сохраняя на лице печать бесстрастности. — Я так понимаю, нам предстоит спланировать собственную операцию?

— Ты как всегда угадал, Сулим, — сказал Варга. — Тебе действительно предстоит спланировать и, что еще важнее — осуществить собственную операцию. Причем ты будешь вынужден обскакать всех евразиатов, как скопом, так и порознь.

Сулим задумчиво поиграл желваками на скулах.

— Какими средствами я смогу располагать? — осторожно осведомился он.

— Любыми, — незамедлительно заверил Варга. — В твоем распоряжении все агенты, любое обеспечение и любые деньги.

— Это приятно слышать...

Он ненадолго задумался.

— Хорошо. Шансы у нас есть. Я бы хотел выслушать рекомендации и пожелания руководства проекта. Что, собственно, нужно проделать? Изловить парочку волков?

— Бери выше, Сулим. Куда выше.

Сулим бесстрастно глядел на Варгу, но в глазах его явственно читался вопрос: «Как, еще выше?»

Варга водрузил локти на столешницу и свел кончики пальцев перед лицом.

— Что, вероятнее всего, произойдет в ближайшее время? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь и вроде бы даже прикрыв глаза. — Давайте порассуждаем. Естественно, что известные службы ряда стран постараются

нейтрализовать волков на собственной территории и параллельно попытаются локализовать и отсечь от остального мира всю популяцию. Я не стану пока анализировать, возможно ли такое в принципе, предположим, что возможно. Когда популяция будет у них под колпаком, останутся только два варианта развития событий: волки немедленно уничтожаются, а за локализованным ареалом и скорее всего за прилегающими областями устанавливается тщательное наблюдение во избежание утечек. Вариант второй: уничтожается бóльшая часть волков; оставшиеся поступают в распоряжение биоинженерных придатков к спецслужбам. Второй вариант сулит миру мгновенно возросшую напряженность, и от него вполне могут отказаться заранее. Но соблазн слишком велик, и всяк будет бояться, что страны-соперники все-таки решатся на какую-нибудь глупость, и чтобы впоследствии не остаться в дураках, каждый попытается оставить черный ход открытым.

— Меня вот что занимает, — вставил круглолицый пулихозяйственник по имени Нилаш Спойде. — Как они сумеют истребить всю популяцию? Это же не одна тысяча чело... волков то есть. Где они столько агентов-убийц возьмут? А за неделю их просто не подготовить.

— Да какая разница как? — пожал плечами Варга. — Уверен, что у каждой страны в распоряжении давно разработанный и продуманный в деталях план операции массового поражения на значительных территориях. Вирусы, газ, яд, излучение — мало ли чего напридумали разные свихнувшиеся ученые за последние двести лет? Не важно это. Но исходить надо из того, что подобные возможности у вээровцев имеются. И опередить вээровцев. Да еще неплохо бы оставить их в полном неведении относительно того, что их опередили, и в полной уверенности, что свою миссию они успешно выполнили.

— Ну и задачки у вас, шеф! — покачал головой Сулим.

— Справишься, — сказал как отрезал Варга. — Кадры у нас не хуже любой разведки, да еще преимущество перед всеми.

— Это какое такое преимущество? — недоверчиво спросил начальник связи, овчар Бертольд Непке.

— Нам не нужно думать о защите целой страны, общественном мнении и о политике в целом. Мы — безмастная карта. Джокер.

— Джокер тоже иногда кроют, — заметил Сулим мрачновато.

— Вот и позаботься, чтобы крыть было нечем. Хорошенько позаботься, — парировал Варга и повернулся к Гному: — Что еще скажешь?

— Есть пара мыслей. Вероятно, в район предполагаемого волчьего ареала стоит забросить агента. Насколько я знаю, я лучший, кто есть в распоряжении «Чирс».

Варга осклабился:

— Ты не страдаешь ненужной скромностью.

— И еще мне кажется, — невозмутимо продолжал Гном, — что в этом ареале в ближайшее время обнаружится пропасть случайных людей: геологов, этнографов, туристов, переселенцев... Ну просто десятки. Это надо учесть, поскольку вся эта публика, безусловно, неожиданно ловко для местных будет пользоваться оружием, коммуникационными селектоидами и техникой... ну, в общем, всем арсеналом разведчиков.

— Да, кстати, — оживился Сулим. — В пределах ареала есть постоянные поселки неволков? Нормальных людей?

— Наверняка, — ответил Гном. — Это легко установить.

— Ух ты! — Нилаш Спойде оскалился и покачал головой. — Если там есть хоть один поселок, весело же придется вээровцам! Ухлопать много волков — это трудно, но ухлопать вместе с ними еще и некоторых людей... Шеф, мне кажется, ни одна из стран на это не пойдет.

— Много ты знаешь, — фыркнул Варга. — Даже я не способен предугадать, на что они пойдут. Японокитай, например, в сороковых такое на островах Пасифиды вытворял — эксперты с ума сходили прямо над выкладками. Думаешь, зря Австралия им биоэмбарго объявляла на целых двадцать семь лет?

Спойде сокрушенно вздохнул. Эрудиция шефа всегда его потрясала.

— Вернемся-ка к плану, — попросил Сулим. — Итак, возможны два варианта. Но ведь нам нужно опередить вээровцев. Что нужно конкретно? Я так и не понял.

Варга резко развел руки в стороны и в упор взглянул на шефа разведки.

— Установить контакт с вождями волков и убедить их переселиться в окрестности «Чирс». Провести само переселение. И отсечь неизбежные слухи-пересуды. Скажем, временный палаточный лагерь на Хендываре. А?

Сулим судорожно сглотнул.

— Что? — поинтересовался Варга вкрадчиво. — Тебе такая задача кажется невыполнимой?

Сулим не ответил.

— А тебе? — Варга повернул голову к Гному. — Как непосредственному исполнителю?

Гном провел рукой по гладкому черепу.

— Это трудная задача, шеф. Но мне она не кажется невыполнимой. Полагаю, волки и сами захотят куда-нибудь переселиться. Я думаю, они и от биокоррекции ускользнули под видом переселения. Знакомая схема, в обиходе «гантелей» зовется. На старом месте знают, что еще нет, а на новом думают, что уже да.

— Кого назначим в прикрытие первого круга? Кого во второй? — Сулим брал быка за рога.

— Давай помозгуем... — сказал Варга. — Кто там у нас сейчас в наилучшей форме?

— Бизон... Лэснер. Потом братья Шарадниковы. — Сулим методично рылся в памяти. — Испанец.

— Испанец? — удивился Спойде. — Его же сломали два месяца назад в Геок-Тепе.

— Уже в строю, — отмахнулся Сулим. — Стаффорды — морфа крепкая, не тебе чета.

Пули только вздохнул. Он прекрасно понимал, что стаффорд действительно не ему чета. Да еще такой чокнутый, как Испанец. Говорят, он может убить без всякой накачки, правда, только если изрядно выпьет.

— Значит, так. — Сулим прищелкнул пальцами. — Шарадниковых лучше заслать вперед, пусть повертятся в Алзамае. Полагаю, вокзал там есть? Вот пусть там каждую пылинку изучат. Их наверняка быстро отследят и пофиксят, но пусть. Бизона забросим втихую и поглядим, как его будут

обхаживать. И кто — тоже поглядим, разумеется. Потом для острастки сунем Испанца — этот быстро чьи-нибудь кости переломает, и пока вээровцы будут хором суетиться, по следу рванет Лэснер как самый незаметный...

Сулим увлекся, и не он один; его речь захватила остальных, будто детективный роман. Только Гном слушал Сулима с легким скепсисом во взгляде: мол, напланировал море, но ведущим-то идти все равно Гному. А о нем шеф разведки пока даже не заикнулся.

— ...тебе же, Гном, — Сулим наконец вспомнил о лучшем агенте «Чирс», — спокойнее будет во втором ряду. И только когда Лэснер беспрепятственно дойдет до цели, подключишься ты.

— Полагаешь, Лэснеру дадут БЕСПРЕПЯТСТВЕННО дойти до цели? — Варга пытливо глядел на Сулима. — Всерьез полагаешь?

Сулим выдержал тяжелый как бетонная плита взгляд руководителя «Чирс».

— Если все организовать правильно... может получиться. Должно получиться. Все-таки мы профессионалы, шеф.

— В вэ-эр тоже не лопухи работают.

— Ну... — Сулим вежливо усмехнулся. — Мы оплачиваемся лучше. Кто же станет много платить худшему?

— Ладно, ладно, — проворчал Варга. — Не ершись. Я только хотел сказать, что нельзя недооценивать вээровцев.

Сулим промолчал. И это послужило лучшим ответом.

— Итак, — Варга подтянул клавиатуру поближе, — поехали, что ли?

Сулим подсел к столу; референт тут же подал портативный компьютер-полиморф.

— Глянем на окрестности Алзамая. Где тут можно успешно прятаться? Запад сразу отпадает, тут шоссе...

— Тоже мне шоссе. — Спойде презрительно оттопырил нижнюю губу. — От Янбаша до Бикровы проселок и то пристойнее, чем это шоссе.

— Умный ты, завхоз, как пуделиха после течки. Лесозаготовки там. Вот, видишь? И вот.

Пули, поглядев на карту, пристыженно умолк. Его терпели, хотя привычка совать нос в каждое дело многих раз-

дражала. Но в своем ремесле Спойде слыл асом: если бы к обеду шефу понадобилась атомная бомба, Спойде ее отыскал бы и сумел бы доставить на «Чирс». У лохматого венгра, добрейшего, в сущности, человека, весь мир был опутан сложной сетью знакомств и обязательств, причем всегда получалось так, что весь мир обязан чем-нибудь Нилашу Спойде, а Нилаш Спойде никому и ничем, как правило, не обязан. Варга считал его ценным работником, а уж в чем нельзя было обвинить руководителя проекта «Хищник», так это в покровительстве бесполезным людям.

— Входи, Виталик. — Майор Коршунович приглашающе взмахнул ладонью.

Виталий Лутченко вошел в кабинет начальника отдела и подсел к столу. У него не было с собой ни папки, ни портативного блокнота-полиморфа. Никаких записей. Только то, что осело в памяти, но уж там все оседало накрепко и без ошибок.

— А Шабанеев где? — спросил Коршунович.

— В вычислительный умчался. Ты же его знаешь.

Коршунович кивнул. Он действительно достаточно хорошо знал Ивана Шабанеева. Но он так же хорошо знал и Виталия Лутченко и поэтому был стопроцентно уверен, что на все вопросы, которые могли возникнуть к Шабанееву, полно и точно ответит Лутченко.

— Ладно. — Коршунович отодвинул клавиатуру. — Как он? Давай по порядку.

— Нормально, — осклабился Лутченко. — Нас с Ванькой вычислил мгновенно. Мы вечером пошли, он как раз со своим напарником-лабрадором в кафешке расслаблялся. Кстати, заметь, Вениамин Палыч: пили оба не пиво, а водичку, хотя креветки лопали — сплошное загляденье.

— Может, он вас раньше отследил?

— Нет. — Лутченко отрицательно потряс головой. — Исключено. Вообще-то пиво он потребляет, мы у них в башенке разговаривали. Пустая тара в наличии... Мне показалось, что он сознательно ограничивает себя в спиртном.

— А почему? — поинтересовался Коршунович.

— Бес его знает. То ли пытается держать себя в форме, то ли у него действительно развито предчувствие.

— Ладно, проехали. — Коршунович откинулся в кресле и прикрыл глаза; кресло жалобно пискнуло.

«Черт, — подумал Коршунович. — Опять я его забыл покормить... Ладно, закончим — сразу Вальку покличу».

— Реакция на задание была просто загляденье: сдержанно-позитивистская. В том смысле, что, конечно, это глупость — дергать спящего агента на третьем году, но раз контора так решила, значит, есть причины. Готовность у него, по моей оценке, близка к стопроцентной.

— Что с напарником? — продолжал допытываться Коршунович.

— И тут все внешне близко к идеалу. Лабрадор даже не скрывал, что знает о прежней причастности Ника к разведке. На просьбу прогуляться отреагировал вполне адекватно: спросил, сколько ему гулять, и свалил. Во время беседы его рядом не было, действительно куда-то ушел.

— Жучка потом-то хоть с него снял?

— Арчи снял. Я его попросил. Ночью, когда они с девками мускатик в кустах попивали.

— Понятно... Реакция на состав?

— Вот тут интереснее. — Лутченко потер переносицу. — Мне показалось, что он не поверил. В принципе не поверил. Ну сам подумай: приходят к тебе, спящему агенту, какие-то олухи и начинают плести небылицы о волках. Честное слово, я то и дело угадывал в его взгляде желание дать нам с Ванькой по кумполу и задействовать резервный канал связи с конторой. Но он сдержался, и это не стоило ему особенных трудов. Я потом эмоциограмму проглядывал. Само спокойствие. Просто холодная оценка вариантов и выбор наиболее приемлемого.

— М-да... — Коршунович задумчиво побарабанил пальцами по столешнице. — Прям не агент, а ангел какой-то. Даже подозрительно. Неужели никаких недостатков? А, Виталий?

Лутченко выдержал небольшую паузу.

— Только один, Вениамин Палыч. Только один. Но боюсь, что он может перевесить все, что я сейчас расписал.

Коршунович требовательно глядел на него. Просто — глядел, и вслух ничего не спрашивал.

— Тоска, — изрек Лутченко. — Такая у него во взгляде тоска иногда прорезается... аж жуть.

— Брось. — Коршунович поморщился. — Семнадцать «фитилей», вспомни. Тут не то что тоска во взгляде, тут игломет в руке прорежется. Но только не в реальности. Такие не ломаются, Виталий. Ломаются вообще обычно на первых трех «фитилях». Кто переступает через пятый — уже не ломается.

Лутченко вздохнул.

— Тебе виднее, Вениамин Палыч.

— Ладно, — буркнул Коршунович. — Официальная оценка?

— Годен без ограничений, — вздохнул Лутченко.

— Так и пиши. — Клавиатура перекочевала к Виталию; тот быстро открыл документ-заключение об оперативной проверке, настучал то самое «годен без ограничений» и приложил палец к папиллятору.

— Скажи, Вениамин Палыч, — спросил Лутченко, отодвигая клавиатуру. — Только начистоту, ладно?

— Ну? — Коршунович нахмурился. — Что такое?

Лутченко, глядя в стол, выдохнул:

— Почему вы так привязались к этому нюфу? Он что, действительно такой ас?

Коршунович некоторое время молчал, словно прикидывал, стоит рассказывать или не стоит. Наконец решился:

— Он действительно ас, Виталик. Но дело не в этом. У него такое прикрытие есть на эту операцию, обсвистишься. Я даже не поверил сразу.

Лутченко заинтригованно подобрался на стуле.

— Прикрытие?

— Ага. Родная бабуля в Алзамае. И бабуля в данный момент при смерти. Он, кстати, еще не знает.

Лутченко задумался на секунду.

— Хм... Любящий внук претя к престарелой бабуле из Крыма через всю Сибирь? Что-то не особо верится...

— Но он настоящий внук. Настоящий. Его проверят и выяснят, что настоящий. Понимаешь, в таком деле даже секундная заминка соперника может обеспечить нам победу.

— Ты полагаешь, что соперники будут? — с сомнением протянул Лутченко.

— Готовиться, Виталик, — назидательно произнес Коршунович, — всегда нужно к самому худшему. Учу-учу вас, обормотов, а вы все задаете и задаете одни и те же вопросы. Я-то уже привык, что все обстоит не так плохо, как кажется, а гораздо хуже. Привыкайте и вы.

— Привыкнешь к такому, пожалуй. — Лутченко поднялся. — Когда наш ангел прибудет-то?

— Завтра, наверное. Готовь проводку по неформалке, не будем же мы его тащить в контору на виду у всех...

— Добро, все обеспечим. Мне доступ оформили?

— А как бы ты документ подписал? — фыркнул Коршунович.

Лутченко хлопнул себя по лбу:

— Тьфу, ты! Верно. Никак не привыкну к этим новомодным штучкам-дрючкам — умным полиморфам... Шабанееву легче.

— Всем легче, — сказал Коршунович, — кто не делает ни хрена.

Позвать техничку, чтоб покормила в кабинете мебель, Коршунович, конечно же, и сегодня забыл.

Впервые за два с лишним года Арчи встал не на рассвете, а гораздо позже. В башенке было пусто; сдвинутые в сторону буи казались бренными останками погибшего спрута. На столе, вопреки ожиданиям, царил порядок, видно, Ник с утра зачем-то решил прибраться. За окном было ярко; Арчи вскочил и поглядел на часы: девять пятнадцать.

«Ё-моё! — подумал он сердито. — Все проспал! Ник, зараза, не мог разбудить. Ну, я ему!»

И торопливо зашлепал в умывальню.

Ника он увидел, едва свежий и взбодренный покинул башенку, — напарник хлопотал с кем-то неразличимым издалека у загона катеров. Скрежетнув блендамедными зубами, Арчи направился туда же, предвкушая, какую сейчас учинит Нику выволочку, потому что старшим формально числился Арчи и Ник обязан был разбудить его на рассвете

(сегодня как раз была очередь Ника просыпаться первым, по будильнику). И никакие вчерашние гульки не оправдание, хотя девушка-аморф оказалось фантастически пылкой и заснул Арчи порядком измочаленным.

Он приблизился настолько, что стал различать слова; с некоторым удивлением Арчи убедился, что распинается Ник перед другой девушкой. Причем девушкой-нюфкой.

— ...даже в шторм не капризничает, не то что «Скаты»! — Ник завершил фразу и увидел напарника.

— А вот и шеф! — радостно сообщил он нюфке и крикнул Арчи: — А я тут твою смену с катерами знакомлю!

— Здравствуйте! — поздоровалась нюфка. — Ирина Поволоцкая, Азовская водная школа. Меня вместо вас прислали!

Арчи сдержанно кивнул. Как будто и так непонятно, что вместо него.

Лицо и фигура этой Ирины свидетельствовали о чистой и достаточно длинной линии. Арчи даже немного порадовался, что уезжает, потому что вся база с сегодняшнего дня хором стала бы ожидать стремительного романа. Два чистых нюфа, ля-ля-тополя, и все такое прочее. Даже неловко как-то.

— Инструктаж я уже провел! — хитро подмигнул Ник.

Арчи не стал его распекать. Расхотелось. Вместо этого снял с шеи медальон с чеканным названием базы и словом «Спасатель» и отдал его девушке.

— Вот... Теперь это ваше. Не роняйте честь морфемы, Ирина!

Ирина улыбнулась, принимая медальон.

— А вы к нам в гости заезжайте! — храбро попросила она.

«Ну вот! — подумал Арчи уныло. — Опять цепляют...»

Впрочем, он чувствовал, что при случае заехал бы сюда на недельку просто отдохнуть с превеликим удовольствием.

И дабы не искушать себя заранее, круто развернулся и побрел к башенке. Собираться.

Вещей у него было исчезающе мало. Нож, шляпа, часы, зубная щетка и портативный компьютер. К этому весьма пошел бы солидный пухлый бумажник, но Арчи бумажников не любил и деньги всегда носил в карманах. Подхватив единственную небольшую сумочку, Арчи огляделся. Казенная

форменная одежда — уже в ванной, в стиралке. Собственная — извлечена из свертка и надета. Что еще?

Ему не впервой было уходить с привычного и насиженного места.

«Что ж, — подумал Арчибальд Рене де Шертарини, — это были не самые худшие два года моей жизни».

Скрипнула дверь — в башенку сунулся Ник. Прощаться, надо понимать.

Арчи опустил сумку на диван, подошел и крепко напарника обнял. Бывшего напарника. Почему-то в такие моменты спасатели всегда понимали друг друга без слов. Вздохнули разом. Похлопали по спинам.

— Ну, — сказал Арчи, — бывай, друже!

— Ты, как шпионов своих переловишь, действительно заедь как-нибудь, — попросил Ник тихо. — Девчонки без тебя скучать будут.

— А ты не давай им скучать, — посоветовал Арчи.

Он уже хотел потянуться к сумке, но вместо этого снял с руки часы.

— Вот, держи. На память.

Дарить при расставании нож запрещали давние обычаи. А больше у Арчи ничего и не было.

Ник засуетился, полез в тумбочку и отыскал свои — он всегда не любил носить часы на руке. Часы у Ника оказались покруче — не тулка, и не Брянский часовой. Настоящий «Daemon», мечта подводника.

— Ого! — поразился Арчи. — А не жирновато ли мне будет?

— Носи, носи. Считай, что это мой вклад в оборону. — Ник хмыкнул.

Арчи послушно продел руку в браслет и еще раз полюбовался подарком.

— Спасибо, Ник. Теперь я точно буду вспоминать тебя чаще.

Они вторично обнялись.

— Все! — сказал он спустя секунду, решительно подхватил сумку, на ходу хлопнул Ника по плечу и пошел прочь.

Нюфка сидела на лавочке перед бассейном. Она энергично помахала Арчи ладонью. Вероятно, снова приглашала как-нибудь заехать.

Директор базы не глядя подмахнул документы (компьютеризация в курортное дело входила чрезвычайно медленно), пожал Нику руку и сказал, что если будут проблемы с работой — то всегда милости просим. Толстая болонка-бухгалтерша выдала не менее толстую пачку кредиток. Арчи пересчитывать не стал, хотя ему показалось, что выдали больше, чем он рассчитывал.

По пути к воротам он еще с кем-то прощался — с шоферами, с девчонками-ложкомойками, с радистом-меломаном, который все лето напролет травил отдыхающих своим тяжелейшим роком. Хмин-Петрович даже вызывался подбросить Арчи на молоковозе до трассы, но Арчи отказался. Хотелось пройтись пешком.

До трассы было километров семь. Два — вдоль шеренги пансионатов и пяток по плоскому, изредка затопляемому дну лимана. Узкая насыпь, приплюснутая дремлющей лентой асфальта, изгибалась наподобие серпа и, некоторое время сопровождая пологую Донузлавскую гряду, вливалась в трассу Мирный—Евпатория.

Торговцы пивом, фруктами, креветками, семечками неутомимо отсиживали предполуденные жаркие часы на обочинах дороги. Многих Арчи знал в лицо; и добро никто из них не догадывался, что уезжает он надолго.

На полпути к трассе его догнал Мишка-почтарь на разболтанном зеленом «каблуке».

— Эй, Арчи! Куда шагаешь? — весело закричал он в никогда не закрывающееся окошко.

— В Евпаторию.

— Так садись! Я на почтамт.

Арчи сел. Ритуал пешего прощания с местом он уже совершил. Теперь Мишка случился даже кстати — кто знает, сколько пришлось бы ловить на трассе попутку? А путешествия в душных и переполненных рейсовых биобусах мог любить только полнейший маньяк.

Весельчак-Мишка, зубоскал и трепач, тут же завел очередную историю; Арчи слушал вполуха, погрузившись в блаженное оцепенение. В нужные моменты он кивал, цокал языком и посмеивался, а Мишке большего и не требовалось.

У вокзалов Арчи попросил:

— Останови-ка!

Мишка с готовностью притормозил перед поворотом на Курортный бульвар.

— Ты назад когда? А то я часа в четыре поеду. Могу подобрать, если что.

— Видишь ли, Мишка, — признался Арчи. — Я не вернусь. Уволился. Домой уезжаю.

— О как! — Мишка явно огорчился. У спасателей для него всегда находилась спасительная поллитра. — Жаль. Ладно, давай лапу. И удачи, гражданин де Шертарини!

— Бывай, Мишка. Спасибо, что подвез.

— Да чего там...

Арчи захлопнул дверцу. Мишка, трогаясь, просигналил, свернул на Курортный, и его «каблук» вскоре исчез за рыжим хлебным фургоном.

«Вот и прощальный горн, — подумал Арчи. — Воплощенный в хриплом гласе зеленого трудяги-каблука».

У билетных касс, как всегда, творилось нечто невообразимое. Не то взятие Бастилии, не то штурм последнего парома на Большую Землю. Но Арчи это совершенно не заботило. Ему было не сюда, а к коллежскому коменданту. Точнее даже, к секретарю коменданта, потому что секретарю надлежит всегда находиться на рабочем месте, а комендант имеет неприятное обыкновение отсутствовать по делам неизвестно где и неизвестно доколе.

— Коменданта нет, — сообщил секретарь, мельком взглянув на Арчи и мгновенно распознав в подтянутом парне не вполне штатского человека. — Когда будет — неизвестно.

— А он мне и не нужен, — благодушно сообщил Арчи и перешел к кодовому диалогу: — Жарко, а?

— В тропиках жарче, — осторожно отозвался секретарь, еще внимательнее приглядываясь к Арчи.

— Вот мне до тропиков билетик и выдайте. — Арчи расцвел в улыбке.

— А может, лучше, в Заполярье?

— Когда там будут тропики — с удовольствием. А пока... пока до Москвы.

— Купе, спальный? — поинтересовался секретарь, щелкая клавиатурой.

— Лучше спальный.

— Секундочку...

После минутной манипуляции с октоморфом-принтером Арчи сделался обладателем желтого органического билета.

— Счастливого пути, — пожелал секретарь, сочувственно глядя на Арчи. — Поезд в семь вечера. Не опоздайте.

— Нам нельзя опаздывать, — вздохнул Арчи, подхватывая сумку. — Благодарю.

Секретарь развел руками — мол, чего там, работа такая.

— Если хотите, — предложил он, — сумочку можно в сейф. До поезда.

Арчи задумался. Действительно, таскаться последний свободный день по Евпатории с сумкой — мало радости.

— Неплохо бы.

— Пойдемте. — Секретарь поманил его за собой. В соседней комнате рядком вытянулись незыблемые шкафы-сейфы; Арчи даже знал породу: Южная Секвойя. Твердая, тверже камня, кора разошлась, открывая доступ в камеру. Арчи примостил в этом закрывающемся биоинженерном дупле сумку, получил феромонный ключ и еще раз поблагодарил секретаря.

Впереди было несколько часов свободы и беззаботности.

Арчи только не знал еще наверняка — перед чем?

— Я слушаю, господин премьер, — сказал Манфред Шольц в телефонную трубку.

— Шольц? Введите меня в курс событий.

— Простите, господин премьер, этот канал закрытый или открытый?

— Разумеется, закрытый, Шольц. Я даже жене звоню по закрытому каналу.

— Отлично, господин премьер. Извините за вопрос... но ситуация нешуточная.

— Ничего. Я понимаю и одобряю ваш профессионализм. Итак?

— Убийства, увы, продолжаются. Но благодаря информации русских семнадцать человек уже находятся под на-

блюдением и защитой. Четыре покушения предотвращены. К сожалению, есть потери с нашей стороны: погиб оперативник группы прикрытия. Из семи человек, которых мы не успели найти и взять под защиту, двое убиты. Остальные разыскиваются по всем доступным каналам и, как только будут обнаружены, также попадут под защиту. Русские, прибалты и туранцы все время предоставляют горячие директивы, но надо сказать, что по-настоящему ценная информация имеется только у русских.

— Покушавшиеся арестованы?

— Увы, господин премьер. Трое скрылись, один погиб. У нас пока недостает их бесстрашия перед ликом смерти.

Вопреки ожиданиям, премьер-министр не стал прохаживаться по этому поводу. Он прекрасно понимал, что человеку без должной подготовки с волком не сладить. А времени на подготовку как раз не хватало. Уже то хорошо, что предотвращены хотя бы некоторые покушения. Откровенно говоря, премьер не рассчитывал и на это. Он вновь обратился к Шольцу:

— Совместные действия с разведками соседей санкционированы?

— Кем?

— Эффенбергом, конечно! — В тоне премьера, как показалось Шольцу, впервые мелькнула нотка раздражения.

— Так точно, санкционированы. Через десять минут у министра юстиции совещание, полагаю, что основной темой будет именно обсуждение и коррекция совместной с русскими операции.

— Какие еще страны, помимо России, претендуют на участие в совместной операции?

— Сибирь, наверное, поскольку все это будет происходить на их территории. Туран и Балтия, вероятнее всего, предстанут только в информационно-совещательном порядке. Остальные в общем-то в стороне.

— Хорошо... И еще, послушайте, Шольц... Я, конечно же, буду держать постоянную связь с Эффенбергом. Но вы на всякий случай отсылайте моему референту копии отчетов и материалов, которые вам покажутся важными. Такой способный

работник, как вы, наверняка сумеет снабдить премьера Европейского Союза всем необходимым, не так ли? А способные работники имеют свойство быстро продвигаться по служебной лестнице. Надеюсь, вы правильно поняли меня, Шольц.

— Да, господин премьер. Я вас прекрасно понял.

— Ну и отлично. Надеюсь на вас.

В трубке раздались короткие гудки. Шольц задумчиво надавил на отбой и уставился на служебный телефон-селектоид, застывший посреди рабочего стола.

«Вот это номер, — подумал он. — Премьер пытается получить информацию в обход министра юстиции и в обход внешней разведки! Что же назревает, тысяча чертей?»

Некоторое время Шольц обдумывал предложение премьер-министра. Тот явно и недвусмысленно дал понять, что, если Шольц будет исправно снабжать его оперативной информацией через головы коллег, это отразится на его, Шольца, карьере.

Шольц был не из тех, кто идет к цели по головам. Он потому до сих пор и оставался всего лишь майором, что хорошо проведенное дело ценил выше собственного кресла. Но, как и всякий здравомыслящий человек, от повышения вряд ли отказался бы. Проблема состояла в том, что кое-какую информацию он даже премьеру не имел формального права предоставлять, а уж тем более — без ведома Эффенберга. Разведка есть разведка. К тому же у премьера явно натянутые отношения с Эффенбергом, а какому вээровцу захочется попасть в опалу к собственному шефу?

Окончательного решения Шольц так и не принял. Решил ориентироваться по ходу дела. Не откликнуться на «просьбу» премьера тоже нельзя.

Шольц встал, вызвал Генриха и собрал распечатки по делу о хищниках в пухлую папку.

Курский вокзал встретил Арчибальда Рене де Шертарини многоголосым гулом и безудержными броуновскими толпами. Разница с курортным Крымом моментально ощущалась, хотя выразить словами, в чем именно она заключается, Арчи, наверное, не сумел бы. У курортников даже взгляды

особенные. А здесь все были озабоченны и деловиты, и отдыха во взглядах совершенно не отслеживалось.

Огибая носильщиков с тележками, Арчи направился к туннелю. Единственная сумочка выделяла его из толпы приехавших — мало кто был нагружен так легко. Носильщики глядели на Арчи презрительно.

Разномастный людской поток втягивался в арку подземки. Арчи направлялся именно сюда. Еще в купе он переложил ключи из кармашка сумки в карман джинсов; мыслями он был уже там, на Пятой Парковой, в маленькой квартирке на верхнем этаже свечной двенадцатиэтажки.

Именно отсюда два года назад прошедший реабилитацию после шестнадцатого и семнадцатого «фитилей», осунувшийся и похудевший агент Шериф отбывал в «спящие». Вот с этой самой сумочкой проделал тот же путь в обратном порядке: до Курского, в поезд Москва—Евпатория, и ту-ту навстречу морю и карьере спасателя. Но не думал Арчи, что карьера эта будет такой недолгой.

Но и он уже не тот: море, время и спокойная работа — отличные лекари. И даже трещина в душе, в хрупкой человеческой личности, успела надежно зарасти. Арчи чувствовал себя готовым к очередному «фитилю» даже без обычной подготовки у психоинженеров. В конце концов, двенадцатый и пятнадцатый «фитили» он тоже пережил без подготовки, хотя труднее было пережить только самый первый. Но — пережил. И не свихнулся, как предрекали многие психоинженеры. Наверное, сказалось своеобразие морфемы. Какой-нибудь холеричный доберман или пудель точно тронулся бы умом. Но только не ньюфаундленд.

В подземке он спустился по двуморфу-эскалатору на перрон, подождал поезд, втиснулся в него вместе со всеми и поехал на восток. В Измайлово, район парков, гостиниц и телецентра. Туда, где надо всей Москвой высится шпиль Измайловской Иглы. Ее выращивали двенадцать лет, уникальными форсированными методами. Вся столица съезжалась поглядеть на укореняющийся саженец.

Шесть остановок. Шесть перегонов. Десять минут пешком. Вечно сонный лифт. И вот она, восьмидесятая квартира.

Здесь почти ничего не изменилось за два года. Те же книги в скрипучем полуживом шкафу. Те же вскрытые компьютеры, к которым постоянно подживляются новые морфосоставляющие. То же расхлябанное кресло перед стареньким монитором.

Хозяин, конечно же, отсутствует. Он здесь вообще редко появляется, раз или два в неделю, не чаще.

Арчи опустил сумку на пол перед застеленной койкой. Здесь часто приходилось отлеживаться после операций в самых разных точках планеты. В Америке такое состояние называли «залечь на тюфяки». Спрятаться. Отсидеться. Перевести дыхание.

Но сейчас Арчи явно не дадут отсиживаться. Так и есть — телефон уже звонит.

Он поднял трубку, надеясь, что кто-нибудь просто пытается разыскать Самохина. Формального хозяина этой берлоги.

Но звонившему Самохин был ни к чему.

— Двадцать один сорок, — произнес совершенно незнакомый Арчи голос. — Казанский вокзал. Поезд двадцать семь, десятый вагон. Место четырнадцать.

Арчи послушно повторил, как того требовали правила:

— Двадцать седьмой поезд, десятый вагон, место четырнадцать. Двадцать один сорок, с Казанского.

Звонивший внимательно выслушал Арчи и, не проронив больше ни слова, отключился. Арчи вернул трубку на базу, голодно пискнувшую. Пришлось сходить на кухню, отыскать в холодильнике брикет универсального корма и осчастливить телефон. Заодно Арчи накормил холодильник и дверной звонок. Сервер оказался сытым — уж его Самохин никогда не заставлял голодать.

«Значит, проводку начнут прямо в дороге, — думал Арчи отстраненно. — Жаль».

Он надеялся побродить по Москве. Не выйдет, до поезда оставалось неполных четыре часа.

Все же Арчи прогулялся. По Измайловскому бульвару, потом по Сиреневому. Даже знакомого встретил — Вадика Чикова, когда-то учились вместе. Опрокинули за встречу по

бокалу пива; Чиков тащил Арчи к себе в гости, но времени уже не оставалось.

В полдесятого Арчи, небрежно помахивая сумкой, ступил на перрон Казанского вокзала. Он давно заметил: на тех, кто молча и мрачно тащит свой багаж, почему-то обращают больше внимания, чем на беззаботных с виду. Насвистывая нечто легкомысленное, Арчи дошел до вагона; проводника у входа не оказалось.

«Тем проще, — Арчи только порадовался. — Билета-то у меня нет».

Дверь четвертого купе была открыта настежь. В купе сидел уже знакомый русский овчар — Лутченко. Напарника его пока не было видно.

— Денечек добрый! — нейтрально поздоровался Арчи.

— Здравствуй, Арчи, — ответил Лутченко. — Можешь расслабиться, это спецвагон.

— Понял. — Арчи кивнул и забросил свою символическую поклажу на верхнюю полку. Мельком глянул в багажный отсек — там стояли новенькие, еще пахнущие накопителем сумки.

— Вон та — твоя, — сообщил Лутченко, указывая на крайнюю слева. — Можешь переодеться. Треники, там, тапочки, футболка.

В соседних купе кто-то негромко переговаривался.

— А пожевать есть что-нибудь? — спросил Арчи. — А то я не успел...

— Найдем.

Едва Арчи облачился в выстиранный спортивный костюм, поезд тронулся. Откуда-то появился проводник, принес белье, ничего не спросил взамен, билетами тоже не поинтересовался и безмолвно канул в коридор.

Лутченко прикрыл дверь.

— С бабулей твоей плохо, — сказал Лутченко. — Ты знаешь?

— Знаю, — со вздохом ответил Арчи. — Девяносто восемь лет все-таки...

— Между прочим, ты к ней направляешься.

Арчи вскинул брови:

— Даже так?

— Так уж вышло, извини. Тебе в Алзамай. Для начала. А куда потом — не знаю.

— Прямое прикрытие? — понял Арчи. — Так вот почему я вам понадобился... А свистели — эвристическая программа, компьютер, жесткий отбор, то-се...

— Программа действительно выбрала тебя, Арчи. Просто совпадение.

«Совпадений не бывает, — хотел сказать Арчи. — Совпадения — это миф».

Но сдержался.

— Там мама моя, наверное, в Алзамае, — мрачно сказал он несколькими мгновениями спустя. — Вы же ее подставляете.

— Арчи. Ты едешь к бабуле. Возможно, тебе и не понадобится действовать. Ты просто разведчик. Глаза и уши.

— Надеюсь, — буркнул Арчи.

Тут явился проводник с подносом, уставленным всякой всячиной, и некоторое время Арчи было не до проблем, потому что проголодался он неожиданно сильно. Лутченко терпеливо ждал.

Бабку свою Арчи знал плохо: последний раз видел ее еще в детстве, и в памяти остался полуразмытый образ пожилой женщины с глиняной кружкой молока в руках. Мать часто просила, чтоб съездил в Алзамай, проведал. Но все не складывалось: сначала школа, потом первые задания. В сущности, бабка была чужим для Арчи человеком, но легкие уколы совести все же неприятно бередили душу.

Мама, конечно, уже там, в Алзамае. Странно, что не позвонила на базу. Обычно она звонила раз в месяц, иногда даже умудрялась застать Арчи. Как она там?

Бабуле скорее всего уже никакое лекарство не поможет. Возраст. Подобные мысли, конечно, циничны. Но работа приучила Арчи видеть мир именно таким, каков он есть, не лучше и не хуже, без прикрас и напрасных надежд. Всех нас когда-нибудь прихлопнет последним сроком. Бояться этого глупо, сопротивляться — бессмысленно. Сопротивляться нужно, только если кто-нибудь или что-нибудь пытается

отправить тебя в мир иной ДО неизбежного срока. К тому же Арчи не раз слышал от пожилых людей, что от жизни тоже иногда устают и порой смерти ожидают как избавления.

«И все-таки, — повторил себе Арчи, — если бы не это задание, ты бы не поехал. А так... Что же? Остается сделать все зависящее. Деньгами, там, помочь, побегать по канцеляриям нашим неизменным. Похороны — вещь хлопотная. Никакой родственник не помешает».

Когда Арчи добрался до чая, Лутченко встрепенулся.

— Ну, что? Начнем, пожалуй?

— Давай, — согласился Арчи, помешивая в стакане ложечкой. Бесшумно. По привычке не задевая за стеклянные стенки.

— Итак. Исходная посылка несложная. В окрестностях городка Алзамай, где-то в тайге, обитает популяция настоящих волков. Не важно — долго обитает или нет. В какой-то момент они появились в этих местах. Волки либо соблюдают строгую изоляцию от мира обычных людей, либо умело маскируются под таких же людей. Обитатели Алзамая вполне могут считать их сектантами, геологами, кем угодно. Ибо волк — это не стремление убивать, а всего лишь способность.

Эколог, который раскрыл их, попытался сообщить об этом по телефону. Волки пошли по следу и предприняли попытку обрезать все нити. Попытка эта заранее прогнозировалась как не стопроцентно удачная, и тем не менее волки делают все возможное и невозможное, чтобы отыскать человека, который о них теперь знает; собственных жизней они тоже не щадят, из чего можно заключить, что это не просто забытая обособленная группа, а организация, ставящая перед собой некие не вполне понятные, но явно конкретные цели.

Реакция евразийских стран на подобные события практически однозначна и легко предсказуема: найти и локализовать. Честное слово, не знаю, на что надеются самые верхи, — Лутченко многозначительно указал взглядом в потолок, — но нам поставили первоочередную задачу: найти и попытаться договориться. Ты — исполнитель. Но на первом этапе решено просто понаблюдать. Не может же, в конце концов, жесткая

организация существовать вообще без контактов с внешним миром?

Операция проводится совместно органами внутренней безопасности Сибири и разведками Европейского Союза и России. Балтия, Туран, Японокитай и Сахарский Халифат участвуют в качестве наблюдателей.

А теперь кухня. Ты идешь не один, но учти: твой двойник работает чисто как агент России. Будь готов, что на месте отыщутся и солисты других стран, включая Америку, латиносов и обе Канады. Поэтому рыльце держи по ветру и не зевай. Ты их должен обскакать. Если все у тебя начнется гладко, сибиряки и европейцы скорее всего тебе мешать не станут, даже могут прикрыть в случае чего.

И еще одно. Похоже, что на месте окажутся и некие частные лица, не представляющие ничьи правительства. Наблюдение доложило, что по всему миру зашевелились вольные стрелки. Это наиболее опасная публика, поскольку их ничто не сдерживает.

— Жарковато там будет, пожалуй, — задумчиво сказал Арчи. — Значит, я первое время не дергаюсь, только наблюдаю? Если удается вычислить, где скрываются волки, я должен отправиться в их логово и поговорить с вожаком. Склонить к прохождению биокоррекции. Так?

— Именно так, — подтвердил Лутченко.

— А вдруг у них нет вожака?

— Исключено, — покачал головой Лутченко. — Что люди, что волки — иерархические существа. У хищников это еще резче выражено, чем у нас.

Арчи помолчал.

— Грохнут они меня скорее всего, — глухо сказал он, глядя в окно.

Теперь помолчал Лутченко.

— Арчи... Мы понятия не имеем, кто они. Знаем только, что волки. Но ведь они разумны и с ними всегда можно договориться. Это все равно что встретиться с людьми восемнадцатого века. До биокоррекции. Ну активен у них этот ген. Ну и что? Разве из-за этого с ними нельзя разговаривать?

— Скоро узнаем, — вздохнул Арчи. — Слушай, а морфемы у них хоть сходные?

— Все, о ком у нас есть информация, принадлежат к одной и той же морфеме, похожей на овчаров-немцев. Собственно, это могут оказаться истинные волки в морфологическом смысле.

— Час от часу не легче, — пробормотал Арчи. — Но ведь истинные волки не стали разумными? Их ведь истребили?

— Официально считается так. А на деле — кто знает? Биоинженерия средних веков была чрезвычайно запутанной и несистематичной. В каждом замке сидел свой спец и вел собственные исследования, благо рабочего материала под рукой у него всегда хватало. Кто знает, до чего были в состоянии доэкспериментироваться отдельные умельцы-гении? В конце концов алзамайские волки могут оказаться смешанной ветвью, отшлифованной временем до нынешнего состояния.

— А чем они могут угрожать миру? — спросил Арчи, хотя догадывался об ответе. — Их же мало.

Лутченко поморщился.

— Да что ты как маленький... Имея в распоряжении этот ген, можно в несколько лет сколотить целую армию хищников. Это же идеальные солдаты. Убийство для них естественно. Потому-то евразийские страны так и всполошились. Потому-то остальной мир и вздрогнул. Мы все сейчас, абсолютно все, в сущности, повисли на волоске.

Впрочем, ладно. Хватит о высоких материях, Арчи. Пошли к психоинженерам, тебе мозги слегка промоют.

Арчи одним глотком допил остывший чай. Накатывало знакомое чувство пустоты в душе перед началом операции. Сейчас ему эту пустоту заполнят. Собранностью, верностью, внимательностью, готовностью на все. Ну или почти на все.

Хотя чего там играться в дипломатию? Именно на все. Даже на убийство.

Российско-сибирскую границу проскочили ночью; ни таможенников, ни пограничников Арчи так и не увидел. На станциях в вагон никто не подсаживался — да и немудрено,

потому что это был спецвагон. Каково же было удивление Арчи, когда на захолустной южноуральской станции к вагону вдруг подкатил обтекаемый черный «Егерь» и проводник опрометью бросился открывать дверь и опускать лесенку.

В вагон поднялись четверо. Двое в форме сибирских полицейских и двое в штатском. Сибиряки в итоге оказались никакими не полицейскими, а безопасниками, причем один в весьма высоком чине. Одного из штатских Арчи поверхностно знал: начальник из вэ-эр России, но не слишком генералообразный. Не то майор, не то подполковник.

Они сразу же вызвали в крайнее купе Лутченко, шефа психоинженеров и пузатого молчаливого дядьку, которого Арчи дважды видел в коридоре, и о чем-то долго совещались. Арчи лежал с присосавшимся к виску ментоморфом и старался ни о чем не думать. В сознании шарила холодная гибкая игла.

Потом пришел Лутченко и озабоченно поманил Арчи пальцем:

— Пойдем-ка... Есть новости.

Арчи встал и, превозмогая слабость в ногах (ментоморф, зараза, отнимал много сил), последовал за овчаром к собранию.

Крайнее купе оказалось сдвоенным, то есть стенка, которой полагалось отделять купе от соседнего, просто отсутствовала. Столик у окна был подлиннее и посолиднее, да и вообще планировка идеально соответствовала проведению летучек и совещаний человек на восемь—десять.

Арчи в купе стал одиннадцатым.

Давешний сибиряк-псевдополицейский, тот, что постарше, внимательно уставился на Арчи и секунд пять, не мигая, разглядывал его. Россиянин в штатском выразительно посмотрел на психоинженера, и тот немедленно полез снимать с Арчи ментоморфа. Было это болезненно и вообще неприятно, но раз затеяли, значит, действительно что-то произошло.

— Прошу вас, — сказал россиянин, когда Арчи был готов слушать.

«Полицейский» откашлялся и начал:

— Я — работник службы внутренней безопасности Сибири, полковник Золотых, к вашим услугам. В последние три часа один из наших закрытых отделов выдал оперативную информацию, которая неожиданно скоррелировала с информацией, полученной от европейских генетиков. Мы связались с европейцами и коллегами-россиянами, и в результате вдогонку — или, если угодно, навстречу — агенту де Шертарини был выслан самолет с нами.

Сразу оговорюсь, ситуация кажется неправдоподобной. Посему я попрошу пока воздержаться от любых комментариев.

Итак. Информация от европейских генетиков: пробы и анализ крови и ДНК волков-убийц, орудующих в Берлине, показали, что их генные структуры носят ряд существенных отличий от структур вида Canus Sapiens Sapiens. Отличия не являются принципиально неосуществимыми биоинженерией Земли, но до сих пор ни одна из зарегистрированных биокоррекций не вносила изменений подобного рода в ДНК людей. Ни одна из известных морфем не носит сходных линейных признаков или следов вмешательства, способных привести к подобному результату. Краткий анализ несанкционированных коррекций последних десятилетий также не выявил ничего подобного.

Информация от сибирского отдела слежения пограничновоздушных сил: последние тридцать лет в районе города Алзамай и над прилегающими территориями чрезвычайно часто засекались неопознанные летающие объекты. В последние шесть лет их число утроилось, а в последние полгода — достигло пиковой величины. Погранично-воздушными силами Сибири предпринимались попытки перехвата этих объектов, все до единой — безуспешные. Агрессивности объекты не проявляют, от преследования уходят, причем наши эксперты считают, что тактико-позитивные данные неустановленных летательных селектоидов значительно превосходят земные аналоги.

Делайте выводы, господа.

Арчи едва не разобрал нервный смех; сдержался он только усилием воли. В другое время его реакция не была бы такой острой, но после нескольких часов контакта с ментоморфом психика еще не вошла в обычное состояние.

— Другими словами, — деревянным голосом спросил Лутченко, — нас подводят к мысли, что эти волки — инопланетяне?

Сибиряк-безопасник глубоко вдохнул и неожиданно устало сообщил:

— Господа! У меня эти странности уже вот где сидят. — Он рубанул ладонью по горлу. — Я никогда не верил ни в летающие тарелки, ни в снежных койотов, ни в шотландских рептилий. Не верю я и сейчас. Но у меня, черт побери, приказ, и я обязан, черт побери, ознакомить вас с выкладками экспертов!

Вмешался офицер-россиянин, выглядевший более уравновешенно:

— Не стоит раньше времени сгущать краски, коллеги. Это всего лишь ничем не подтвержденные и, возможно, — даже никак не связанные между собой факты. Что, в сущности, установлено? Что генетические развертки волков не вполне совпадают со среднестатистическими? Так они и не должны совпадать, если эта группа долго держалась в изоляции. Что над Алзамаем часто засекаются некие неопознанные объекты? Так они над всем миром постоянно засекаются, не только над Алзамаем. Восемьдесят процентов из них — просто необычные атмосферные явления. Еще пятнадцать имеют вполне земное происхождение и оказываются чем угодно, от метеозондов-полиморфов до любительских аэростатов. И только пять процентов действительно остаются неопознанными, но и это не значит, что они имеют обязательно внеземное происхождение. Налицо просто два совпадения, которые при некоторой натяжке могут натолкнуть на... э-э-э... достаточно смелые и необычные выводы.

— Но отмахнуться от них, Вениамин Палыч, мы все едино не вправе.

— Не вправе, — согласился Вениамин Палыч, и Арчи сразу вспомнил его звание и фамилию: майор Коршунович. — И отмахиваться мы не станем. Пока наиболее фантастичной остается следующая гипотеза: район Алзамая облюбовали для каких-то своих загадочных целей волки-пришельцы. Возможно, даже основали скрытую базу. Эколог Дегтярев

случайно раскрывает их и становится первой жертвой в длинном списке...

— А какая, в сущности, разница, земные это волки или нет? — недоуменно спросил психоинженер. — Разве от этого меняется хоть что-нибудь?

Коршунович вдруг поднял взгляд на Арчи и совершенно неожиданно поинтересовался:

— А ты как думаешь, спасатель? Есть разница или нет?

Арчи пожал плечами:

— Конечно, есть. Если они — чужаки, с ними будет куда труднее договориться. И делать это лучше не разведчикам, а ученым.

В глазах майора мелькнуло одобрение.

— Молодец, Шериф! Мыслишь верно. Чужаки на биокоррекцию не пойдут, это и ежу понятно. Тем более что они явно получше нас разбираются и в биологии, и в технике. Но если они развитее нас, то и в социальном плане должны зайти дальше. А чем выше их уровень, тем легче с ними будет договориться...

— Ага, — мрачно вставил Лутченко. — То-то они людей десятками режут. А поговорить так ни с одним и не удалось.

— Вот! — Коршунович усмехнулся самым уголком рта. — Я к этому и веду. Никакие это не пришельцы. Наши эксперты просто перебдели. Впрочем, пусть, перебдеть лучше, чем недобдеть.

— А не может быть, что нам просто голову морочат? — спросил психоинженер. — Кормят дезой?

— Кто? — с иронией в голосе осведомился сибиряк. — Наши собственные пограничники?

— Ну... Европейцы, например.

— Не станут они этого делать. У них и так больше всего жертв. Им бы прекратить это все побыстрей, а не дезой заниматься.

— Кстати, — вставил Коршунович. — А вот заокеанская братия вполне может затеять игру. Легко. Причем вряд ли это Панама и латиносы. И вряд ли Аляска. А вот Америка или одна из Канад — вполне.

— Господа! — Сибиряк выразительно поднял обе руки и развернул ладонями к собеседникам. — Давайте не будет за-

ниматься вещами, которыми мы заниматься не должны. Анализ вариантов на международном уровне проведут и без нас. Наша задача — должным образом подготовить агента совместной операции. Чем мы и займемся. Итак, господин...

— Шпаковский, — с готовностью отозвался психоинженер.

— Господин Шпаковский, вашим людям предстоит откорректировать психоматрицу, которая накладывается на Шерифа. С учетом базовых реакций на... хм... возможное внеземное происхождение волков. Но! Подчеркиваю, поскольку это очень важно! Ни в коем случае не вводить эти реакции в первоочередной рефлекторный ряд! Шериф просто должен подсознательно учитывать подобную возможность. Но вовсе не ориентироваться на нее. Вы меня понимаете?

— Да, господин Золотых. В общем-то это очевидно.

— Я рад, что в России работают настоящие профессионалы! — дипломатично закруглился сибиряк. — Приступайте.

Психоинженер подхватил со стола контейнер с ментоморфом и обратился к Арчи:

— Мы будем готовы начать через час. Постарайтесь поспать это время.

Арчи вопросительно взглянул на Коршуновича.

— Иди, Шериф. У тебя еще тридцать семь часов до начала операции.

Арчи кивнул и вышел. В коридоре маячил рослый тип со смутно знакомой физиономией. Он дружелюбно взглянул на Арчи и негромко сказал:

— Если чего надо, ты скажи. Водички, там, или пожевать. А то отцы о самом главном редко думают и часто забывают.

— Спасибо, друг, — сказал Арчи совершенно искренне.

Он почти никогда не говорил этого. Почти никогда.

В купе он повалился на полку и практически сразу же уснул.

•

Сулим выслушал донесение с каменным лицом. Потом коротким скупым жестом отпустил связиста.

«А ведь это многое объясняет... — подумал он, навалившись локтями на столешницу и задумчиво глядя на портрет

Бжезинского, что одиноко расположился на противоположной стене. — Не может быть, чтобы столько лет они варились сами в себе, а потом вдруг засветились. И от коррекции ускользнуть не так-то просто было, что бы там Гном о «гантелях» ни пел».

Он взял трубку внутреннего телефона. Варга откликнулся через пяток секунд:

— Что там, Сулим?

— Информация. Из первого ряда.

— Зайди, — велел Варга.

Это Сулим одобрил. Телефоны телефонами, а разговор с глазу на глаз все равно продуктивнее. Хватит и того, что на «Чирс» эта информация поступила по радио, пусть и по насмерть закодированному протоколу. Что один человек намудрил, другой рано или поздно разгадает. И меняй ты код хоть каждые десять минут...

Он поднялся к шефу. В приемной нос к носу столкнулся с Ицхаком Шадули. Точнее, не нос к носу, а грудь к носу, потому что Шадули был на добрую голову ниже Сулима.

— Доброе утро, профессор, — поздоровался Сулим.

Шадули вальяжно кивнул и скрипучим тенорком осведомился:

— Материал мне еще не наловили, а, господин спецназ?

— Наловим, профессор! — пообещал Сулим, хоть обещать было не в его правилах. — Дайте только срок.

— Ну-ну...

Шадули и его долговязый референт-дог направились к лифту.

«Вот валенок старый, — сердито подумал Сулим. — Два дня всего, как начали, а ему уже материал подавай!»

Гном вылетел в Иркутск вчера; Шарадниковы и Испанец — еще позавчера рванули в Красноярск. Лэснер — тоже в Красноярск, но вчера. Шарадниковы уже должны были добраться до Алзамая, Испанец, выждав некоторое время в Красноярске, тоже мог выйти на финишную прямую. Лэснер по плану должен приехать на место завтра к утру. Гном — по обстоятельствам. Но не позже завтрашнего вечера. А Бизона от операции пришлось отстранить — нашлось дело второстепенной важности в Пасифиде.

— Входи, Сулим! — донесся голос из кабинета.

Сулим очнулся — оказалось, что он задумался и застыл на пороге.

«Тьфу! — подумал он. — Чертов яйцеголовый, все намерки мне забил...»

— Что стряслось?

Стол шефа был по обыкновению завален газетами.

— Окно в сибирской спецслужбе выдало информацию. Только предупреждаю, шеф, она недостоверна скорее всего.

— Это что? Небось отчет о необычайно высокой концентрации летающих тарелочек в треугольнике Братск—Канск—Нежнеудинск? Так это давно уже не секрет.

Сулим впечатлился:

— Хм! Откуда вы знаете, шеф?

Варга только плечами пожал — он и не думал рисоваться перед подчиненными. Тем более перед Сулимом, которого практически невозможно было удивить или вывести из равновесия. Просто руководитель «Чирс» всегда интересовался самыми неожиданными вещами.

— Не важно откуда. Лучше скажи, что это, по-твоему, меняет?

Сулим оглянулся, пододвинул любимое кресло Ицхака Шадули и сел. Он был одним из немногих на базе, кто мог это делать без спроса.

— Если предположить, что тарелочки и волки связаны...

— Изволь выражаться конкретнее, — попросил Варга. — И не бойся слова «инопланетяне». Мне кажется, что даже самые нелепые варианты стоит рассмотреть.

Сулим послушно кивнул. Вообще-то он и не боялся этого слова. Просто он не верил в инопланетян. Но в его обязанности входило работать на благо «Чирс», даже если из соседнего ущелья выползет настоящий дракон или если черти гурьбой полезут из подвала. И никакого значения не имеет, что Сулим не верит ни в драконов, ни в чертей.

— Если предположить, что волки вовсе не сидели все эти годы незаметно в окрестностях Алзамая (а мне это всегда казалось маловероятным), то одной натяжкой у нас становится меньше. В самом деле, почему двести лет о них никто

слыхом не слыхал, а потом они вдруг расползлись по Европе, как тараканы, за какую-то неделю? Предположим, что чужие... — Сулим поморщился. Не нравилось ему это слово. Но слово «инопланетяне» нравилось еще меньше. — Допустим, что чужие добрались-таки до Земли. Что они предпримут в первую очередь? Скорее всего заложат базу где-нибудь в глухой местности...

— Это если у них долговременные интересы на Земле, — заметил Варга. — А если нет?

— А если нет — они не стали бы убивать столько народу. Сели бы в свою тарелочку и убрались в заоблачные выси. Что им какой-то инженер-эколог, которому ни один здравомыслящий человек не поверит? Даже если он их и видел, чужих, на самом деле?

— Резонно, — согласился Варга. — Итак, будем плясать от того, что интересы у них тут долговременные и прочные. Дальше?

— Закладывают они базу, — продолжал рассуждать Сулим. — И начинают потихонечку осматриваться. Тут на их голову падает этот самый злополучный эколог и, вероятно, раскалывает их. Потом все, как мы и думали: звонок, записная книжка, чехарда со знакомыми эколога. И тут выясняется, что в нашем мире не убивают. Ну почти не убивают. Чужие выясняют, что облажались, и замирают. Так?

— Так, — подтвердил Варга. — За последние сутки не случилось ни одного покушения на людей из книжки. Дальше?

— А дальше вот что. Веселая компания агентов со всего света выныривает в Алзамае и начинает лихорадочно искать их следы. Допустим, даже находит. Допустим, что это будет Гном. Я думаю, у него немного шансов столковаться с волками. Если бы это была гонимая и озлобленная группа — тогда дело другое. Тогда бы они с радостью ухватились за наше предложение. А так — наши шансы здорово падают.

— Гнома надо соответственно проинструктировать, — задумчиво протянул Сулим. — На этот дурацкий и невероятный случай. Кстати, из всех возможных вариантов правдой оказывается почти всегда почему-то самый дурацкий. Ты не замечал?

— Шеф, — сказал Сулим, игнорируя последний вопрос. Он был одним не немногих на «Чирс», кто мог себе позволить и это тоже. — А ведь если они не с Земли, говорить с ними нужно отнюдь не Гному.

Варга в упор уставился на него.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Вам нужно немедленно выезжать в Алзамай. Да и мне тоже, наверное.

Варга задумался. Надолго.

— Черт побери! Ты прав. И наверное, даже обычным рейсом из Ашгабата. Дабы не привлекать. А?

Сулим только вздохнул.

— А вот, Сулим, — спросил вдруг Варга, самолично вытаскивая из сети расписание рейсов ашгабатского аэропорта, — ты можешь допустить, что инопланетяне генетически сходны с нами?

Сулим неопределенно пожал плечами:

— Не знаю, я не специалист. Но возникли же на Земле сходные виды человекообразных? Почему бы им не возникнуть еще где-нибудь? К тому же эти волки вполне могут оказаться и не самими инопланетянами, а, скажем, захваченной ранее группой землян. Или потомками захваченной ранее группы — еще до коррекции захваченной.

Сулим, увлекшись, даже привстал в кресле.

— А что? — сказал он с воодушевлением. — Захватили чужие когда-то сотню-другую людей. А теперь решили вернуть. Высадили под Алзамаем, дурень-эколог это подсмотрел... И пошло.

— Но какой резон им убивать? — бросил Варга через плечо.

— Мало ли... — Сулим снова пожал плечами.

Варга хмыкнул.

— А ты романтик, как я погляжу, — сказал он. — Не ожидал. Впрочем, на тебе это до сих пор не отражалось.

Он щелкнул клавишами.

— Так. Ты, я, Родион... Кто еще нам понадобится? Пару твоих ребят в охрану, наверное?

Варга заказывал билеты на вечерний рейс «Ашгабат—Красноярск—Якутск».

01: Область значения

Они поселились в гостинице «Привокзальная». Два брата-близнеца, как и большинство близнецов, мало похожие друг на друга. Николай Шарадников и Валентин Шарадников. На российские паспорта никто не косился, номер дали без малейшего скрипа, хотя, как выяснили братья, гостиниц в городе было всего шесть, а число приезжих за последнее время несколько возросло.

Что и неудивительно.

В полдень вся гостиничная обслуга сменялась, и к этому времени из файла учета посетителей явствовало, что братья Шарадниковы проживают в гостинице уже вторую неделю.

Алзамай оказался обычным сибирским городком; народу в нем обитало тысяч семьдесят. Извилистые улицы; в центре — дома старого выроста, низкие и приземистые, с потемневшей от времени корой; ближе к окраинам, где посовременней, — повыше, с более изощренной специализацией и со сложным метаболизмом, а где целыми кварталами сплошные одноэтажки. И все это — прямо в тайге, посреди сосен и лиственниц.

Единственный вокзал, причем в одном здании — и басо-, и ральсодорожный.

Теперь нужно было каким-то образом выяснить, откуда приехали в Алзамай люди-волки, впоследствии наделавшие столько шуму в Берлине? И братья неторопливо, но и без затяжек, стали раскручивать этот неподатливый с виду клубок.

Впрочем, на самом деле их назначение заключалось в другом. Приехавший несколько позже Шарадниковых Испанец держался в стороне и наблюдал: заинтересуется кто-нибудь деятельностью Шарадниковых или нет? И если конкуренты возникнут, Испанец должен был их нейтрализовать.

Оказалось, что через Алзамай в каждую сторону проходит полтора десятка транзитных поездов в сутки. В среднем с одного поезда ссаживаются человек десять. Столько же уезжают. С сегодняшнего дня все приезжие попадали под пристальное внимание Шарадниковых и Испанца; некоторые вскоре отсеивались как заведомо безобидные. Некото-

рых Испанец брал на карандаш. Некоторые сразу же брали на карандаш Шарадниковых, и их Испанец тоже брал на карандаш.

Иностранцы притворялись сибиряками. Сибиряки-безопасники притворялись простыми местными жителями. А маленький город дышал ежедневными заботами, не подозревая, что событийный центр мира ненадолго переместился сюда. В Алзамай.

Генрих Штраубе, независимый агент вэ-эр Европейского Союза, сошел не в Алзамае, а раньше, в Тайшете. Всю дорогу он пытался выглядеть беззаботным, и это ему вполне удавалось. Проиграл в карты местным шестоперам, совсем немного, чтобы расстраиваться. Выпил водки с попутчиками и тут же незаметно принял нейтрализатор. Изобразил вежливое внимание к девушке-овчарке, ехавшей в соседнем купе, некоторое время поболтал с ней о том о сем. Когда ходил в ресторан, дважды замечал Франсуа; тот ехал через вагон от Генриха.

Франсуа тоже вышел в Тайшете, но к Генриху даже не пытался приблизиться, а сразу же направился на басовокзал. Взял такси, благо таксисты-перехватчики, опережая друг друга, выбежали аж на перрон, и укатил без промедления. Генрих же не торопился: с ленцой вынес сумки из поезда, так же неторопливо прошел по перрону. В маленьком и уютном здании вокзала поглазел на скромные витрины дорожных киосков, выпил байкальской минеральной воды, купил пару местных газет и внимательно их просмотрел. Едва поезд отошел от перрона, вокзал сразу же погрузился в полудрему: словно по волшебству исчезли назойливые таксисты, исчезли бабульки с горячей картошкой и жареными окорочками, растворились среди вокзального люда глухонемые торговцы дешевыми книгами и журналами.

Из газет Генрих не сумел почерпнуть ничего путного. События в Европе упоминались вскользь, хоть и на первых страницах. Никаких привязок к местным проблемам он не обнаружил, зато узнал, что рабочие на лесозаготовках бастуют, потому что им мало платят и возят просроченные про-

дукты, а городская футбольная команда в гостях разгромила артемовский «Кедр».

Минут через тридцать Генрих взялся за сумки. Газеты он оставил на лавочке. Перед зданием вокзала скучали несколько таксистов: собравшись в круг, они лениво побрякивали ключами и лениво переговаривались. Человек с сумками, показавшийся из дверей вокзала, мгновенно привлек их внимание: головы дружно повернулись к Генриху, словно флюгеры по ветру.

— Ехать надо? Тентасы, Слободка, Чуризовка? А? Недорого!

— Недорого? — весьма артистично засомневался Генрих. — А до басовокзала сколько?

— Двадцатка! — слегка оттопырив губу, сказал таксист, дебелый дядька с рожей красной, как сибирский червонец. — Поехали?

— А за пятнарик?

— Да брось ты, как раз двадцатка и выходит! — вещал дядька. — Или охота с сумками по жаре в биобусе трястись? А он еще когда придет!

— Семнадцать, — не сдавался Генрих.

— Восемнадцать, — выдавил таксист с видом благодетеля.

Генрих заколебался, дядька с плохо скрываемой надеждой глядел на него, всем телом подавшись к экипажу, полосатой «Белке», что дремала у обочины.

— Ладно, поехали! — Генрих дернул сумкой, изобразив бесшабашный взмах рукой. Таксист экстренно бросился открывать багажник.

Разбуженная ключом «Белка» тихонько фыркнула и приподнялась. Дядька взялся за пестики и тронул; вокзал величаво проплыл мимо.

«Проеду немного, — решил Генрих. — Потом договорюсь. Пусть остальные думают, что я на басовокзал поехал».

На дороге мелькали встречные экипажи, в основном местного, сибирского выроста. Сибирь всегда была краем плохих дорог, поэтому выращенные в Европе экипажи здесь не приживались. Мерзли, болели, повреждали ходовую. Даже всепогодные джипы биомобильного центра «Ганновер» чув-

ствовали себя здесь неуютно. А неприхотливым сибирским селектоидам нипочем были ни морозы, ни снежные завалы, ни гнус на бесконечных междугородных трассах, ни летняя жара, ни пыль...

Генрих подумал, что эта страна во много раз больше Европы по территории и совершенно отлична по образу мышления, и философски вздохнул.

— Издалека? — деликатно поинтересовался таксист.

— Из Минска, — соврал Генрих согласно легенде.

— По делам?

— Ага. На лесозаготовки.

Таксист промычал что-то неразборчивое.

— Слушай, — начал Генрих, когда отъехали достаточно далеко. — А может, ты меня прямо в Алзамай отвезешь?

— В Алзамай? — водитель оживился. — А-а-а... А сколько платишь?

— Ну... — Генрих изобразил борьбу бережливости и вежливости. — Ну сотку.

— Две, — отрезал водила. — Один корм сколько стоит!

— Да тут ехать-то полста километров! — почти искренне возмутился Генрих.

— Не полста, а шестьдесят пять. Да еще назад — вдруг я там клиента не найду?

— Ну давай хоть сто пятьдесят!

— Э! — протянул дядька. — Биобусы, кстати, на Алзамай сегодня уже не пойдут. Учти.

— Ну скинь хоть сколько, — попросил Генрих. — Скинь, а? Очень надо.

— Ладно, — буркнул водила. — Сто восемьдесят платишь?

— Плачу, — горестно вздохнул Генрих.

«Белка» тут же свернула направо, на широкую проспектообразную улицу-просеку. Между домами-башнями шумела заботливо вычищенная городская тайга.

— А чего ж ты на поезде до Алзамая не доехал? — поинтересовался водила.

— Да... Это... — Генрих изобразил смущение. — Вчера, понимаешь, выпили малость. С утра, понятно, опохмели-

лись... Пивком. Я подремать прилег. Кто-то сдуру ляпнул, что уже Алзамай. Ну я и выскочил спросонья. Пока горло промочил, поезд тю-тю. А потом на вывеску гляжу — Тайшет. И поездов больше ни фига нету до самой ночи. А мне сегодня отметиться надо... Я там кассиру чуть окошко не расколошматил.

— М-да, — сочувственно протянул водила. — Что ж вы так, граждане минчане... Один хоть ехал?

— Один. Командировка... — Генрих очень натурально подпустил уныния в слова.

Вскоре дома посреди деревьев вдоль дороги исчезли. Пошла обычная трасса — разбитый асфальтовый шлейф безо всякой разметки. И тайга, тайга кругом...

Дикий край, страна медведей, лосей... и волков.

Таксист гнал под девяносто и, похоже, знал тут каждую выбоину. Рассказывал зачем-то, где, кто и когда гробанулся, словно пытался Генриха напугать. Генрих рассеянно кивал. Спустя какой-нибудь час впереди над кронами сосен замаячили башенки многоэтажек и чешуйчатый шпиль телевышки.

— На окраине меня высадишь, — попросил Генрих.

— А куда тебе? Может, подброшу, раз уж довез? Не бойся, доплаты не потребую.

— Ну... Тогда на улицу Шадченко, можно?

— Шадченко? — переспросил таксист с сомнением. — Так это она и есть!

Генрих ухмыльнулся:

— То-то я вижу — вроде что-то знакомое...

— Слушай, а зачем тебе Шадченко? Леспромхоз дальше, на Зеленой.

— Да баба у меня здесь, — признался Генрих. — Сумки брошу и пойду, чего с ними таскаться?

Теперь таксист поглядел на Генриха с некоторым подозрением, но смолчал.

— Так где на Шадченко? — уточнил он немного погодя.

Генрих покосился в окно, повертел головой, словно ориентировался.

— А-а-а... Еще метров триста вперед... Кажется... Ага, точно! Во-он там! У того домика.

Таксист притормозил где надо.

Расплатившись, Генрих попросил:

— Слушай, друг... Только ты обо мне никому не рассказывай, ладно? Тут, говорят, новости расползаются быстро, не то что у нас. Неровен час, начальство узнает или наши пронюхают... Засмеют ведь. И штраф, неровен час, вляпают.

— Как знаешь, — неопределенно буркнул водила. — Твои деньги...

— Спасибо.

Генрих вытащил сумки из багажника и принялся неторопливо прикуривать, ожидая, пока таксист уберется. Тот еще раз подозрительно взглянул на Генриха, хлопнул дверцей и умчался куда-то в сторону центра.

Махолет из Братска тянул над самыми верхушками деревьев. Рихард поглядывал на колышущиеся маковки сосен и лениво жевал резинку. Юра Цицаркин безмятежно посапывал на рюкзаках.

Потом махолет вдруг стал рыскать в поисках полянки, хотя Рихард никаких различий впереди не усмотрел — все те же зеленые кроны. Он пихнул напарника:

— Эй, Юра! Прибыли.

Цицаркин открыл глаза. Рихард уже отвернулся и снова, подставив лицо ветру, глядел наружу. Потом он как-то сразу разглядел далеко впереди упирающуюся в небо телевышку.

Махолет завис на высоте двух с небольшим метров; трава на крошечной полянке струилась, прижатая к земле тугими порывами ветра. Казалось, что крылья вот-вот заденут за ветви крайних деревьев и бедняга-махолет беспомощно свалится, ломая плоскости и закрылки. Цицаркин торопливо спускал рюкзаки на длинном шнуре с крюком.

Рихард сделал пилотам ручкой, уцепился за край кабины, повис рядом с задней опорной лапой, а потом отпустил руки (махолет сразу подбросило) и мягко плюхнулся в траву. Даже не верилось, что такой высокий и нескладный дог способен на подобный прыжок, исполненный подлинно кошачьей грации. Цицаркину на грацию было плевать, как и любому твердоголовому терьеру. Он просто перевалился че-

рез край и шмякнулся на рюкзаки; а затем без всякой паузы встал. Махолет вторично подбросило на добрых полметра.

Рихард дал контрольную отмашку; махолет тотчас завалил правое крыло и косо ушел вверх и в сторону. За деревья.

— С почином, — пробурчал Цицаркин, крепкий пшеничный эрдель, упрямый даже с виду. Рихард не ответил, он как раз взваливал на плечи свой рюкзак.

— Сколько до города? — спросил он, прыгая на месте, чтобы груз утрясся и сел как положено.

— Километров двадцать. Или меньше.

— Лучше бы «или меньше».

— Да так и есть скорее всего.

— Слушай, — усомнился Рихард. — А ты откуда знаешь? Ты ж спал.

— Я сверху глянул. — Цицаркин тоже взвалил рюкзак на плечи. — Что, у меня глаз, что ли, нету?

Рихард без тени улыбки уставился в лицо напарнику.

— Вроде есть, — сообщил он. — Два.

Цицаркин сделал страшное лицо и даже губу закусил:

— Как?! Только два?!

Рихард виновато развел руками:

— Два, Юра. Один, второй. И все.

— И все? Ну тогда пошли, — безмятежно сказал Цицаркин и, задрав голову, поглядел на небо. — Ага, туда.

И они пошли. Туда. К Алзамаю. Точнее, к пригородной деревушке Шумилово. Два эколога, целый месяц проведшие в тайге на дальних делянках.

Кому какое дело, что они вовсе не экологи, а разведчики Балтии и что в тайге они всего несколько минут, только с тех пор, как прыгнули с махолета?

Экологи они. Экологи. И точка.

Одинокий хипарь-биостопщик торчал на обочине, словно некрашеный механический шлагбаум. Рука воздета, а сам в книжку уткнулся. Какая-нибудь очередная мантра-йога небось.

Шурик притормозил; хипарь выглядел вполне безобидным. Одежда у него была драная, но чистая, шевелюра длинная и нечесаная, но опять же отмытая и пушистая. Ухоженный хипарь.

Ну и к лучшему. Шурик совсем остановился. Громадный «Енисей» утробно заурчал, замирая на обочине в нескольких метрах от хипаря. Шурик дотянулся и толкнул правую дверцу-надкрылок.

Хипарь наконец оторвался от книжки и уставился на грузовик. Сначала на выпуклое лобовое стекло, потом на громадный фасетчатый глаз под фарой. И только после этого соблаговолил подойти к распахнутой дверце.

— Куда? — спросил Шурик в меру приветливо.

— Вперед. — Хипарь пожал плечами.

— Я только до Алзамая, — предупредил Шурик. — Дальше не пойду.

— Годится.

— Ну тогда садись...

Хипарь подхватил с обочины пыльный рюкзачок-шмотник и проворно вскарабкался по лесенке.

— Ну и монстр! — пробормотал он уважительно, осматривая кабину «Енисея». — Сколько ж он жрет?

— Да уж побольше легковушки, — благодушно хмыкнул Шурик. Он любил этого здоровенного полиморфа, его покладистый нрав, его силу и уверенность в себе и водителе.

Хипарь завозился, устраиваясь поудобнее.

— Дверь закрой... Посильнее, — попросил Шурик.

Надкрылок с хлопком встал на место и втянулся в маршевый паз. «Енисей» вновь заурчал, набирая скорость.

— Откуда бредешь? — поинтересовался Шурик.

— Из Питера...

— Ого! И все биостопом?

— Ага! — горделиво сказал хипарь. — Второй месяц.

— Я — Шурик, — сказал Шурик.

— А я — Макс.

Шурик отнял руку от правого пестика и сжал сухую и мозолистую ладонь хипаря. Хватка у того оказалась на удивление сильной. Эдакие тиски, приживленные к человеку...

— Как там Питер? — спросил Шурик.

— Стоит. — Макс пожал плечами. — Что ему сделается?

— А я там не бывал ни разу, — пожаловался Шурик. — И в Москве не бывал. Да и вообще из Сибири ни разу не выезжал.

Хипарь снисходительно покосился на него:

— Ничего! Теперь это просто. Не то что при Самойлове...

— Самойлов — это ваше. — Шурик пожал плечами. — При чем здесь Самойлов? У нас и в те времена вроде просто было выехать.

— Я не о «выехать», — пояснил хипарь. — Я о «въехать». Въехал?

— А-а-а! — дошло наконец до Шурика. — Въехал. И что, действительно проблемы были?

— Были. — Макс вздохнул. — У нас долго иностранцев гоняли. Даже сибиряков. Особенно после того, как Европа объединилась.

— А ты помнишь? — с сомнением протянул Шурик. — Это ж давно было.

— Батя рассказывал. — Макс снова вздохнул. — Он у меня в ОВИРе работал. Визы выдавал.

Впереди замаячил пост доринспекции. Почему-то сегодня там было людно: вместо одинокого скучающего дорожника торчали сразу четверо. И пестрых служебных экипажей стояло аж три.

— Ловят кого-то, что ли? — глядя в окно, предположил Шурик. — С зоны небось кто-то навострился.

— Так он и попрет по дороге, — усомнился Макс. — Жди, как же...

Увидев, что Шурик едет не в одиночестве, дорожник взмахнул полосатой палочкой. Шурик притормозил.

— Привет, начальник, — весело крикнул Шурик в окно. — Кого ловим?

— Ветра в поле, — хмуро проворчал дорожник. — Кто это с тобой?

— Странничек! — Шурик оскалился. — Дитя цветов. От святых мест биостопом бредет.

— А документы у странничка имеются? — все так же хмуро осведомился дорожник.

— А как же! — сказал Макс и протянул Шурику паспорт. — О!

Шурик переправил документ инспектору. Тот внимательно изучил все, от фотографии до виз-отметок. Пролистал

напоследок еще раз и неохотно вернул паспорт Шурику в окошко. Для этого ему пришлось встать на цыпочки и вытянуться в струну, но все равно он не дотянулся и поневоле пришлось вскочить на подножку гиганта «Енисея».

— Куда ж тебя несет, а, дитя цветов? — спросил инспектор со скукой в голосе.

— Во Владик. Решил материк пересечь по диагонали и в Тихом океане ножки помочить. Благая идея. Да и кругозор расширяет.

— Ну-ну, — пробурчал дорожник. — Не сидится ж вам на месте... Ладно, езжайте... — И он прыгнул с подножки на асфальт.

Шурик отсалютовал и послал «Енисей» вперед. Пост быстро растаял позади, растворился в сибирской тайге, и только тоненькая ниточка выщербленного асфальта создавала зыбкую иллюзию связи с цивилизацией посреди первозданной таежной дикости.

— Интересно все же, — вздохнул Шурик. — Кого ловят?

— Меня, — добродушно сообщил Макс.

Шурик хотел засмеяться, но не успел: хипарь коротко врезал ему раскрытой ладонью по носу, и Шурик мгновенно отключился. Макс ловко перехватил пестики и остановил озадаченный «Енисей», даже не вильнув к обочине. Прямо на осевой, если бы на сибирских дорогах какой-нибудь псих решил начертить разметку.

Обмякшего Шурика хипарь отгрузил на спальное место, вытащил из шмотника маленький шприц-мономорф и ловко вколол Шурику галлюциноген.

— Баю-бай, — сказал он, пересаживаясь на водительское место. — Спи спокойно, Шурик. Я быстро. Не успеешь досмотреть седьмой сон, как проснешься в недоумении. И ничегошеньки ты не запомнишь, дружище Шурик. Ни хипаря Макса, ни дорожников, ни-че-го. Так что баю-бай и bye-bye одновременно.

Макс Мэнсон, родом, правда, не из Питера, а из Питтсбурга, был большой охотник погутарить. И одиночество никогда ему не мешало, он мог общаться даже сам с собой. И в Тихом океане он ножки уже не раз мочил, правда, не у

берегов Евразии, а существенно дальше к востоку, у берегов Северной Америки.

«Енисей», подчиняясь властной руке, покорно взревел и устремился вперед. Макс гнал в полтора раза быстрее Шурика. И непохоже было, что едет он по незнакомой дороге.

— И что? — сказал Варга, брезгливо оттопырив нижнюю губу. — В этом занюханом городишке невозможно достать свежий «Парагон Беобахтер», что ли?

Стюард понуро развел руками. Словно именно он был виноват в том, что в Алзамае невозможно достать свежий «Парагон Беобахтер».

В дверь вежливо постучали. Варга подумал — опять приперлась ошизевшая от размера чаевых обслуга, но это оказался Сулим. Шеф разведотдела «Чирс», едва поселился в лучшей гостинице Алзамая (без единой вывески, кстати), тут же опутал чуть ли не весь город своими чувствительными информационными щупальцами. Трое его людей, прилетевшие из Ашгабата вместе с начальством, мгновенно растворились в окружающем мире, а Сулим замер, словно паук в центре паутины, и принялся терпеливо выжидать, когда в его ловчую сеть попадется первая добыча.

— Что, новости? — оживился Варга и отложил пухлый номер «Нью-Йорк таймс». — Новости — это хорошо. Это лучше, чем отсутствие новостей.

Сулим подумал, что иногда отсутствие новостей — наилучшая новость, но вслух говорить это не стал, потому что, с одной стороны, не с руки делать замечания боссу, а с другой — Варга ведь и сам все прекрасно понимает. Слова в данном случае мало значат, важнее сейчас интонации, подтекст. Взгляды, наконец.

— Есть кое-какие результаты, — сообщил Сулим. — Во-первых, я связался с Гномом и Лэснером. Они уже в курсе последних новостей и изучили свежие инструкции. Во-вторых, есть первые маленькие приметы присутствия конкурентов.

Северо-восточнее Алзамая сибиряки-пограничники засекли гражданский махолет. Не частный, но и летящий вне

обычного расписания. До Алзамая он не дотянул, снизился километров за двадцать, с полминуты повисел и сразу ушел назад. Скорее всего в Братск. В сущности, это мелочь; на махолете мог прилететь кто угодно. Но! — Сулим воздел к потолку указательный палец, как школьный учитель в припадке патетики. — Геологи или леспромхозовцы не стали бы высаживаться, не долетев до аэродрома.

— Господи, — проворчал Варга. — Откуда у тебя связь с сибирскими пограничниками?

Сулим внимательно поглядел шефу в глаза.

— Я могу не отвечать на этот вопрос?

— Да пожалуйста, пожалуйста! — Варга замахал руками (верный знак, что он в хорошем расположении духа). Руководитель «Чирс» всегда оставлял подчиненным право на маленькие профессиональные секреты.

— Второе. Тут какая-то японокитайская делегация гостит. Уже с неделю. Научная. Так вот, в ее составе двадцать три человека. А докладов на конгрессе заявлено только двадцать. Я понимаю, что в состав делегации могут входить функционеры, наблюдатели и прочее. Но галочку я поставил.

Варга одобрительно кивнул.

— Третье, — продолжал Сулим. — Сегодня утром на окраине Алзамая найден тяжелый грузовик породы «Енисей». Который еще вчера должен был прибыть на склад Алзамайского леспромхоза. За грузом для кого-то там, не важно. Водитель безмятежно спал; когда его удалось разбудить (через три часа), выяснилось, что он понятия не имеет, какой нынче день, ничего ровным счетом не помнит и даже не подозревает, где находится. Нос распухший — его явно кто-то выключил. На руке след от единичной инъекции. Взяты пробы крови — выделен мощный препарат американской разработки, элакотан называется. То есть это мы знаем, что американской разработки, местная полиция пока препарат не идентифицировала. Сибирские безопасники пронюхали об этом всего час назад. Так что у нас некоторая фора.

— Замечательно. — Варга пошуршал газетой, отодвигая ее еще дальше от себя. — Значит, американцы, Японокитай и еще кто-то неустановленный на махолете. Кто? Как думаешь?

Сулим пожал плечами:

— С равной вероятностью — русские, прибалты или европейцы. Возможно, какая-нибудь из Канад или даже Аляска, но лично я считаю, что это гости с запада, а не с востока. Кстати, манеру высаживаться с воздуха последнее время широко практиковали прибалты.

— А официальный агент евразиатов, он кто?

— Пока не знаем. Я думаю, европеец. Но вполне может быть и русский. Сибиряк — вряд ли; Европа и Россия в этом случае превратились бы просто в наблюдателей, а им очень важно активно участвовать в операции. Туран и Сахарский Халифат скорее всего отпадают из-за проблем этнической морфологии. В самом деле, турку или арабу трудно укрыться в сибирском городке. Впрочем, у них на службе может быть кто угодно, но я бы на месте правительств Турана и Халифата чужакам не доверял. Так что роль наблюдателей остается именно этой парочке.

— Как знать, как знать... Японокитай, вон, не постеснялся...

— В Алзамае много людей восточных морфем. Поди разберись, кто перед тобой — тувинец, хакас или маньчжур. Или японец. Это только специалисты на глазок определят. Или сами восточники.

— Ну и что ты можешь сказать о японокитайской делегации? — поинтересовался Варга. — На глазок. Маньчжуры они или же японцы?

— Гейдж разбирается.

— Гейдж? — Варга приподнял брови.

— Ну туркмен-овчар, Гришкой его называют. С нами летел. Не помните?

Варга с Сулимом летели первым классом, а остальной народ — в бизнесе. Сулим своих ребят во время полета почти и не видел.

— А, Гришка... — Варга зашевелил бровями, вспоминая. — Это пегий такой? Так его Гейдж зовут на самом деле?

— Не знаю. Может, и Гейдж. Я у него паспорт не спрашивал. Да и сохранился ли у него подлинный паспорт? Сомневаюсь.

Варга поудобнее умостился в кресле.

— Впрочем, ладно. Что по основной программе?

— Шарадниковы и Испанец пока ничего не выяснили. Никаких зацепок, совершенно никаких. Нет в окрестностях города никаких заброшенных деревень, никаких частных владений, никаких тайных сект. Ничего похожего. Такое впечатление, что волки возникли прямо из воздуха... что косвенно подтверждает догадки, которые я высказывал еще на «Чирс». По своим каналам я пытаюсь составить карту распределения наиболее частых наблюдений НЛО в этом районе, авось что и нарисуется. А потом надо будет по тайге рыскать скорее всего. Конкуренты в городе сидеть явно не станут. Осмотрятся, обнюхаются, возможно, поцапаются слегка... И в тайгу. Нечего в Алзамае делать, поверьте моему опыту.

— Верю, — согласился Варга. — Ладно, будут новости — докладывай немедленно.

Сулим кивнул и ушел к себе. В номер этажом ниже.

Довольно долго Генрих кружил по Шадченко и окрестным переулкам, пытаясь снять жилье. Домики здесь были махонькие, выращенные бог знает когда, еще до коррекции, наверное. В основном одноэтажные, но кое-где на стенах виднелись следы новомодных прививок и новенькие вторые этажи, гораздо светлее и свежее первых. Прививки эти вливали в дремотную генную структуру домов мощнейший весенний импульс, и некоторое время даже полумертвые старинные дома начинали тянуть из почвы воду и минералы, менять кору; они принимались расти ввысь, словно молодые, а умелые прививки направляли этот рост куда следует. Чаще всего, отрастив второй этаж, дома успокаивались и снова погружались в дремотное состояние, но иногда кто-нибудь не рассчитывал дозу или состав биокатализатора, и подстегнутые дома начинали расти вширь...

Комнату Генрих нашел как раз в таком обновленном доме. Ему и сдали недавно отрощенный второй этаж, еще пахнущий смолкой и клейкой зеленью. Хозяева привитых домов частенько так поступали — пускали обживать новые поме-

щения приезжих постояльцев. У самого окна колыхались куцые ветви, покрытые маленькими, с ноготь, листьями. Веткам этим только предстояло за нынешнее лето отрасти на положенную длину, перестать заслонять окна и образовать красивую корону-карниз.

Генрих быстро сговорился с сухопарой, как вобла, теткой-борзой о плате, получил ключ, остро пахнущий свежими феромонами, занес наверх сумку, выпустил на всякий случай жучков и спустился. Ему очень понравилось, что на второй этаж вела отдельная лестница, еще светлая и слегка прогибающаяся под ногами, не затвердевшая как следует. Домашняя харза, сидя на перилах, сердито застрекотала на Генриха, но он погладил ее, почесал спинку, и та умолкла, с интересом обнюхивая руку.

— Давай, давай, запоминай меня, хаська, — пробормотал Генрих. — Чтоб ночью не орала, когда вернусь...

Харза еще раз взглянула на Генриха и ловко перескочила на обычное дерево, что росло рядом с лестницей. Генрих кивнул хозяйке, которая наблюдала за ним в окно, и направился к калитке.

Он прошел улицей Шадченко, утопающей в тени старых деревьев. На обочинах тротуара лежал толстый слой пожелтевшей от времени хвои. Рыжие таежные муравьи торили по человеческой улице свою собственную оживленную трассу. Генрих переступил через плотный строй муравьев, осатанело тянущих на себе всякий сор — листики, веточки, дохлых жуков и иссохших жужелиц и даже желтоватые крупинки сахара, награбленные в каком-то из соседних домов.

Потом Генрих узрел рейсовый биобус, идущий куда-то в центр, и торопливо досеменил до остановки в полусотне метров впереди. В салоне было почти пусто — трое рабочих (все — местные лайки), бабуля-пинчер да на задней площадке разноморфная пацанва с ранцами. Генрих отдал водителю монетку и уселся на переднее место справа, чтоб смотреть в лобовое стекло. Старый скрипучий «Лось», не просыпаясь, тянул заученным за долгие годы маршрутом, машинально притормаживая перед остановками. Водитель почти и не трогал управление. Это был очень надежный и очень трогательный дуэт: старый

седой шофер и старый биобус с помутневшими от возраста фасетками на глазах. Эдакий полусимбиоз-полудружба...

До центра Генрих добирался минут двадцать. Углядев в окошке вживленные в фасад длинного здания-селектоида буквы «РАЛЬСОВОКЗАЛ», он решил выйти.

Толпа на тротуаре совсем рядом с остановкой биобуса сразу же привлекла его внимание. Чувствовалось нечто тревожное в сдавленных возгласах, в гуле, в коротких суетливых движениях людей. Что-то такое, отчего Генрих сразу же вспомнил убийства в Берлине и тамошних случайных зевак, растерянных и потрясенных до глубины души.

— Врача! Кто-нибудь вызовите врача!

— Молодой человек! Вы слышите меня?

— Да не слышит он! Это шок, болевой шок, точно вам говорю!

— Врача вызовите!

— Боже мой! Кость вышла!

— И полицию вызовите! Кто же это его, а?

Долговязый Генрих, проходя мимо, взглянул поверх голов и едва не обомлел.

На асфальте лежал Франсуа, бледный как рисовая шелуха. Левая нога у него была согнута под каким-то совершенно немыслимым углом.

Словно почувствовав напарника, Франсуа открыл глаза. Генрих беспомощно глядел на него.

— Испанец, — еле слышно пробормотал Франсуа, старательно шаря взглядом по склонившимся к нему лицам. На Генриха он не смотрел, но обращался, без сомнения, именно к нему. — Это был Испанец!

И снова закрыл глаза.

— Бредит, — тихо сказал кто-то в толпе. — Бедняга.

«Испанец? — подумал Генрих. — Именно так, с большой буквы. Испанец? Черт возьми! Выплыл из небытия, где пребывал долгих э-э-э... Сколько же? Двенадцать? Да, ровно двенадцать лет».

Генрих почти и не помнил его, смуглого коренастого парня, с которым когда-то учился в брюссельской спецшколе. Его еще тогда прозвали Испанцем. За оливковую кожу и буйный нрав.

На кого ныне мог работать Испанец, оставалось только догадываться. Стычка с Франсуа отнюдь не случайна, Генрих подозревал, что в Алзамае в настоящий момент не счесть агентов различных спецслужб. Генрих и Франсуа и сами находились здесь негласно; кроме внешней разведки Европейского Союза, об их миссии никто не должен был знать.

Но «не должен знать» еще не означает «не знает».

Впрочем, настораживало Генриха совсем не это. Он никак не мог понять, ЗАЧЕМ нужно было выводить из строя Франсуа? Присутствие в Алзамае агентов Европы не вызвало бы ликования в рядах сибиряков или русских. Но и предпринимать что-либо против европейцев ни те, ни другие не стали бы. С какой стати? К тому же Генрих и Франсуа даже не успели ничего сделать в Алзамае. Насчет агентов Балтии, Турана, Сахарского Халифата и Японокитая Генрих тоже был спокоен, хотя и с меньшей долей уверенности. Этим странам незачем выводить из игры европейца. Ничего они не выигрывают в этом случае.

Оставались североамериканские державы, Индия и Австралия. Ну, с некоторой натяжкой, Латинский блок. Пасифида же и остальная Африка заведомо отпадали.

Только почувствовав спиной чей-то пристальный взгляд, Генрих сообразил, что и сам может оказаться жертвой молниеносного и эффективного нападения. Убить, конечно, не убьют, но ногу сломать, как Франсуа, вполне могут. Не то чтобы Генрих не умел защититься. Он мог просто не успеть — подобные нападения всегда стремительны и неожиданны, и тренированному человеку в общем-то ничего не стоит вывести из строя другого, пусть даже тот не менее тренирован. Внезапность — вот оружие таинственного невидимки. Внезапность и еще природная мимикрия. Он должен уметь растворяться в толпе. И наносить удар в момент, когда никто этого не ожидает; а потом должен еще и мгновенно скрыться в той же толпе.

«Если это действительно Испанец, — подумал Генрих, — он меня по-любому узнает. Если нет, может, и оторвусь...»

Генрих еще разок поглядел на бледного Франсуа (вокруг него как раз начали хлопотать подоспевшие врачи), сожалеюще поцокал языком и помалу зашагал прочь. Метрах в семиде-

сяти он остановился около газетного ларька, что приткнулся под четырехэтажным домом словно гриб под деревом, и притворился, будто глазеет на витрины. Очень скоро Генрих занял очень удобную позицию: в щель между журналами хорошо просматривалось место происшествия, а его самого за ларьком и хитроумный герой Говарда Тона не разглядел бы.

Почти сразу Генрих обратил внимание на человека, который сидел на лавочке как раз напротив толпы. Через дорогу. Не похож он был на обычного зеваку. Любой нормальный обыватель на его месте уже давно перебежал бы дорогу и толкался бы в компании себе подобных, обмениваясь с соседями обтекаемыми замечаниями. А этот сидел и просто смотрел. Наблюдал.

Конечно, это был не Испанец. Тот, если это действительно он сломал Франсуа и если Франсуа ничего не напутал, уже далеко отсюда. Укрылся на загодя снятой квартире или в гостиничном номере. Какое такое происшествие? Знать не знаю, ведать не ведаю. Я спал вообще весь день...

Человек был на редкость невыразительный; походил на безликого аморфа, но в фигуре его просматривалась некая подспудная строгость. Возможно, он обладал какой-нибудь редкостной морфемой — мало ли их наплодили генетики прошлых веков?

Генрих был уверен, что никогда прежде не видел этого человека. Ни живьем, ни на фотографиях. Ничего удивительного, из действующих коллег по профессии большинству относительно знакома была приблизительно половина. К тому же коллеги считают делом чести периодически менять внешность. Никуда без этого — Генрих и сам то носил короткую стрижку, то отращивал буйную шевелюру а-ля Каниджа или Вальдеррама, то ежедневно брился до синевы на скулах, то отпускал бороду, а иногда склонялся к модной американской трехдневной небритости, которую мог поддерживать в более или менее стабильном виде месяцами. Очки, усы, загубники, красители... Да и умение по-разному держать уши зачастую меняет облик людей до неузнаваемости.

Но... Во всем этом есть одно «но». Генрих давным-давно научился узнавать людей под сменными масками, обрамляю-

щими все-таки одно и то же лицо. И все люди, кого хорошо бы при встрече узнать, обладали точно таким же умением.

Итак, на лавочке сидел незнакомец. Отныне Генрих узнает его, если снова увидит.

«Надо будет навести справочки... — подумал он озабоченно. — Интересно, на кого сейчас работает Испанец?»

С европейскими спецслужбами Испанец прекратил сотрудничать практически сразу. На первом же задании затеял какую-то сложную двойную, а то и тройную игру, задание в итоге не выполнил и благоразумно потерялся. Принесли ли ему что-либо сии сомнительные маневры (предположительно — с азиатами), осталось неизвестным. На целых двенадцать лет Испанец ушел в тень. Либо он выполнял некие миссии где-нибудь совсем уж у койота в глуши, типа центральной Африки, Южной Америки или на бесчисленных крохотных островках Пасифиды, либо терпеливо пребывал на скамейке запасных.

Все это лишний раз подтверждало, что в Алзамае начался один из ключевых финалов земной истории.

Человек на лавочке не то почувствовал, что за ним втихую присматривают, не то подчинился старому правилу не торчать долго в одном и том же месте, подчеркнуто неторопливо свернул газету и зашагал прочь от поредевшей толпы рядом с бело-красным экипажем-селектоидом «скорой помощи».

Улучив момент, Генрих незаметно отклеил от футболки прежний рисунок и сунул его в урну рядом с киоском, легкую куртку повесил на руку, на голову нахлобучил сетчатую кепку и нацепил очки, но не пошло-темные, как в шпионских фильмах, а прозрачные. И круглые, словно у уличного музыканта. Замурлыкал нечто реггейобразное и столь же неторопливо направился в ту же сторону, что и незнакомец.

Долго следовать за ним Генрих не собирался. Опасно. Особенно в свете того, что Генрих остался без напарника, а значит — без прикрытия.

Худшее, что может произойти, — это лишиться прикрытия. А если прикрытие нейтрализуют раньше основного игрока, значит, и с основным церемониться никто не собира-

ется. И даже особенно прятаться неведомые оппоненты не станут. Игра по-крупному. Какие уж тут церемонии?

Сцепив зубы, Генрих миновал «скорую помощь», даже не покосившись на беднягу Франсуа.

Сеанс аварийной связи он решил задействовать уже сегодня вечером.

— Господин полковник? Там русские пришли.

— Проводи их... — поморщился полковник Золотых.

— А под каким предлогом? — поинтересовался ординарец.

В обычной обстановке он сказал бы «под каким соусом», Золотых мог ручаться чем угодно.

— Да не отсюда их проводи, а сюда, дурья башка! — проворчал Золотых. Впрочем, сам виноват: обычно он говорил просто «зови», а сегодня вылезло откуда-то это самое «проводи». Непонятно откуда и к чему вылезло.

Публика за столом сохраняла профессиональную бесстрастность.

Шестеро суровых мужчин — суровых, как и полагается безопасникам. Золотых относился к своим более молодым подчиненным с некоторым снисхождением, сродни отеческому. В сущности, эти немолодые уже мужчины и были его воспитанниками, почти детьми.

Вскоре в кабинет вошли русские — Вениамин Коршунович, старый знакомый и давний друг, его подчиненные — Виталий Лутченко и совсем еще зеленый парень по имени Баграт, а следом — российский консул со своими лбами-чернышами. Золотых вскочил, мысленно матерясь. А если бы осел-ординарец не стал переспрашивать, а просто пошел бы выставлять русских из управления? Выставить русского консула — этого даже в кошмаре не привидится! Значит, тоже притащились из Красноярска... Можно ручаться, что негласно. Как и группа Золотых.

После обязательных рукопожатий и короткой вежливой паузы, наполненной улыбками и внимательными взглядами, все расселись за круглым столом.

— Прошу не обращать на меня внимания, — негромко попросил консул. — Работайте, господа...

Коршунович ободряюще подмигнул; полковник Золотых, теряясь в догадках — к чему этот визит? — обратился к Чеботареву:

— Давай, Степа.

Чеботарев хотел встать, но Золотых его остановил. Ни к чему эта показуха. В конце концов это российский консул, а не сибирский. Просто важная персона, но из чужой страны. Он им не начальник и не судья. Такой же наблюдатель, как Коршунович и его ребята.

— Беглый анализ показывает, что события успешно покатились под гору, — начал Чеботарев. — В Алзамае уже объявились первые гости. И есть первые стычки, пока сдержанные и осторожные. Начну с самого начала.

В городе замечен некий стаффорд по имени Давор Мрмич, более известный под кличкой Испанец; причем он явно работает с кем-то в команде. Долгое время Испанец не возникал в сфере интересов нашего отдела; российские коллеги также подтверждают, что никаких данных об Испанце не имели более десяти лет. Сегодня вечером, прямо на улице, напротив вокзалов, Испанец выследил минского лесоинженера Николая Шитика и сломал ему ногу. Поверхностная проверка показала, что сей минчанин такой же инженер, как я косметолог. На самом деле это сотрудник вэ-эр Европейского Союза Франсуа д'Арсонваль, также известный как Ференц Бу, Шипучка и Четвертый. Специалист по парным акциям. В настоящее время находится в городской больнице; мы проверили его одежду — никакого специального снаряжения. Испанец с места происшествия скрылся, наблюдение выделило еще четверых потенциальных поднадзорных, в настоящий момент их личности устанавливаются. От слежки трое очень быстро и профессионально избавились, а поскольку у нас есть приказ, запрещающий плотную опеку, их отпустили. Четвертый либо притворяется дилетантом, либо просто ни при чем. Приезжий, по документам — Каспар Хасгале, средних лет овчар-бельгиец. В Алзамае четвертый день, приехал по делам концерна «Бритиш Файрворкс», его осторожно прощупывают. За Франсуа д'Арсонвалем установлено негласное наблюдение; не исключено, что его попытаются достать и в больнице.

Один из наших свободных информаторов опознал сразу двоих приезжих, причем это родные братья. По сведениям информатора, эти двое проходили по делу о ворованных биоалгоритмах четыре с лишним года назад. Работают, вероятнее всего, на частное лицо или неправительственную организацию. Под фамилией Шарадниковых остановились в гостинице «Привокзальная», в городе всего лишь пять дней, но в гостиничной базе стоит отметка, что номер они снимают уже двенадцатый день. Скорее всего они подправили базу. Чрезвычайно грубая работа, причем неясно, что это — сознательная акция или просто следствие непрофессионализма. Прибыли из Красноярска поездом, совершенно открыто. Могут быть не связанными с разрабатываемой темой.

Есть новые сведения относительно водителя «Енисея», которого намедни не могли добудиться, — я вчера подавал подробный рапорт. Точнее, есть сведения о его попутчике. Опрошены работники дорожной инспекции на дорожных постах; найден инспектор, который проверял документы попутчика. Приблизительная внешность: двадцать пять—тридцать лет, афган с легкой примесью посторонней морфемы, длинная прическа, скорее всего естественная. Косит под хиппи; документы на имя Максима Крютченко из Петербурга. Документы на вид подлинные, во всяком случае, инспектор-дорожник ничего не заподозрил, а уж дорожники на поддельных документах кошку съели. Сие может означать: либо попутчик совершенно не связан с этой историей и на водителя напали уже позже, либо это достаточно неплохо подготовленный агент. По крайней мере в отношении документов. У водителя ничего не пропало; денег у него при себе почти не было, но держал он их в кармане, на виду, причем водитель клянется, что карманы ему обшарили. Но не взяли ничего. Из грузовика тоже ничего не пропало, хотя в бардачке много чего валялось — водила в пути подрабатывает мелкой торговлишкой. Подрощенными радиоприемниками приторговывает. В общем, товар тоже не тронули. Смысл во всем этом лично я усматриваю только один: незаметно проникнуть в город. Лишь бы не поездом или самолетом, там, как известно, пассажиры фиксируются и отследить любого достаточно несложно.

Следующее. Опрошены вокзальные жуки-таксисты окрестных городов — Шантарска, Тайшета, Нижнеудинска. После некоторого нажима удалось вытрясти из них, что за последнюю неделю им то и дело попадались клиенты до Алзамая, причем все по какой-то причине не желали воспользоваться стандартным транспортом — отставали от поезда, опаздывали на биобус, торопились по делу, — в общем, почему-то за последнюю неделю таких пассажиров было заметно больше обычного. Отмечу также, что из Алзамая в Тайшет, Шантарск и Нижнеудинск последнее время тоже ездят чаще, но не столь интенсивно, как в сторону Алзамая.

Пришел ответ на запрос из братского аэропорта относительно того странного махолета, что засекли пограничники. Махолет, оказывается, прокатный. Нанимали его люди из явно подставной братской фирмы «Хилько и сын». Фирма ликвидирована спустя двадцать минут после сдачи махолета в прокат. Документы пилотов однозначно поддельные, раскручивать это направление по вашему, господин полковник, приказу пока не стали...

Золотых кивнул — ему действительно спустили приказ не распыляться и не размениваться на мелочи.

Чеботарев мельком заглянул в блокнот на столе и стал закругляться:

— Считаю, что дальнейшие наши действия должны заключаться в следующем: поднять все фото- и видеобазы и попытаться выявить всех занесенных в базы потенциальных агентов. И проверять всех, кого выявим...

— Что с Шарадниковыми? — живо заинтересовался Коршунович. — Их будут брать?

— Да, операция намечена на сегодняшний вечер. Брать их решено в гостинице. Мне нужно посвящать наблюдателей в детали? — справился Чеботарев у шефа.

Золотых развел руками:

— Если это необходимо... Необходимо, а, Вениамин Палыч?

Коршунович покачал головой и поморщился:

— Как хотите. Наверное, в самых общих чертах.

— Да какие тут могут быть детали... — фыркнул Золотых и смешно задвигал ушами. — Оцепим гостиницу, чтоб муха

не пролетела, вкатим им парализующего... А уж в управлении будем за языки тянуть.

Чеботарев согласно кивнул.

— Собственно, у меня все, — сказал он и сразу же поправился: — Точнее, почти все. Возник один-единственный вопрос к коллегам из России. Официальный агент уже в Алзамае? Откровенно говоря, мы засекли только Арчибальда де Шертарини, но у него здесь родственники. Мать его приехала, опять же. Что-то семейное. Он задействован?

Золотых довольно напыжился.

— Он и есть агент, — сказал полковник. — Молодец, Степа! Хорошо работаешь.

Степа вяло мигнул — он явно полагал, что насчет личности официального агента можно было и проинформировать. Но Золотых всегда был безопасником с причудами, особенно в последнее время, когда из-за должности многое стало сходить ему с рук. Впрочем, работал он цепко и был дьявольски везучим, наверное, поэтому наверху на художества полковника Золотых смотрели сквозь пальцы и вообще относились с немалым снисхождением. В конце концов главное — результат, а с этим Золотых свое начальство никогда еще не подводил.

Макс Мэнсон-Крютченко облюбовал один из трех предложенных еще на подготовительной базе в Орегоне подвальчиков; подвальчик располагался на самой окраине Алзамая. Несколько однотипных домов приблизительно равного возраста смыкались стволами, а ветви короны наверху совершенно переплелись и образовали над внутренним двориком эдакий сплошной живой свод, отчего во дворике всегда было сумрачно и прохладно. Подвальчик имел два выхода: один прямо во дворик, посредством полувросшей в почву лестницы; второй — через нижний нежилой ярус корневой системы дома в соседний подвал. А оттуда — в подвал следующего дома; корневая система у домов вообще оказалась общей. Это был дом-многостволка, строго говоря, даже не симбионт-полиморф, а невыраженный Tottumus Ruonkae, в просторечии именуемый кустом. В подвале не было даже наме-

ка на сырость, крохотная комнатенка (нечто вроде дежурки) вмещала только маленький шкаф, стол без стула или табурета и низкий топчанчик, похожий скорее на эстрадный подиум. Рядом со входной дверью оттопыривалась зевающая пасть рукомойника, над которой нависал носик водопроводного крана. А над рукомойником нашелся даже впавший в спячку мономорф-зеркало. Макс его немедленно разбудил и порадовал несколькими крупинками универсального корма. Зеркало ему понадобится. Конечно, портативное у него имелось, но если есть возможность пользоваться большим, почему бы и не воспользоваться?

Первым делом после осмотра Макс вскрыл тайник. Сигнальные вешки оказались нетронутыми, и Макс с некоторым облегчением спрятал в тайник шмотник с реквизитом, забрав только самое необходимое.

Со временем у него было туго: задание по основной программе неожиданно наложилось на едва ли не всеобщую активность иностранных разведок; у Макса имелись косвенные данные о засылке балтийских агентов в Алзамай, из чего следовал простой и неизбежный вывод: Смотритель немедленно выдаст агентам-прибалтам координаты сибирского маяка и вообще все сведения относительно программы «Виера». Прибалты, естественно, сунутся к маяку и на хвосте притащат всю собравшуюся в Алзамае свору.

Америка не могла этого допустить, особенно после того, как маяки в Антарктиде и в верховьях Амазонки были ликвидированы таинственными хозяевами. Сам Макс к маяку лезть не собирался, не его это дело. Если хозяева решили свернуть все засвеченные маяки, не стоит доводить ситуацию до крайности. А то и этот, последний из засеченных, свернут.

Он взглянул на часы. До встречи с резидентом эн-эр, научной разведки Америки в Алзамае, оставалось два часа.

Час Макс убил на пристальное наблюдение за собственным хвостом и окрестностями подвальчика. Никого. Макс был достаточно опытным агентом, чтобы почуять слежку. Сейчас он ничего не чувствовал и ничего подозрительного не заметил.

К точке рандеву он пришел пешком, побрякивая на ходу фенечками и предоставив легкому ветерку трепать хиповскую шевелюру. В этой непостижимой стране не имело никакого смысла назначать встречи в кафешках: кафешек даже в столице Сибири было исчезающе мало; истинными центрами народного досуга служили многочисленные пивные ларьки с их столиками, у которых принято стоять, а не сидеть, с легким и часто разбавленным пивом из новомодных бокалов мутного стекла, с сушеной воблой и вяленым харисусом. Местное розливное пиво вообще было напитком отдельного класса; несмотря на то что привозилось оно в общем-то с одних и тех же заводиков, в двух соседних ларьках вкус его различался кардинально. Впрочем, Макс за время пребывания в России успел даже отыскать некую мрачную прелесть в ритуале поглощения разливного пива; теперь же он мгновенно убедился, что в Сибири дело с этим истинно народным напитком обстоит точно так же, как и в России. Только вкус пива, конечно же, совершенно иной.

Нужный ларек Макс давно приметил, но подходить не спешил. Долго кружил по окрестным улицам, заглянул на крохотный рыночек, приткнувшийся к перекрестку двух более или менее оживленных улиц, потолкался среди толпы, купил орешков. Выпил пива в другом ларьке; все это время он тщательно прощупывал пространство вокруг себя. И не мог отследить наблюдения. И жук-индикатор, привитый к поясному ремню, тоже молчал. Его не прослушивали, не прощупывали модальными зондами и вроде бы даже вживую не следили.

Риск, конечно, сохранялся; но время все равно уже почти вышло. Нужно было рисковать.

Когда Макс подтянулся к условленному месту, до времени оставалось четыре минуты. Он пристроился в кильватер низенькому работяге-аморфу, одетому в грязную спецовку. Дождался очереди, взял пива и отошел к дальнему столику. Работяга жадно глотал пену, даже толком не отойдя от окошка.

Двое молодых парней-овчаров горячо обсуждали что-то экипажное: не то о спецпрививках, не то о способах аварийной регенерации. Сизая от алкоголя тетка тоскливо сжима-

ла в грязной ладони хвосты трех сомнительного вида рыбин; Макс есть подобных существ на всякий случай поостерегся бы. И наконец, целая компания настоящих сибирских лаек шумно спорила насчет цен. Дескать, раньше водка стоила «о», а теперь — «ого-го-о-о»!

Связной возник будто из ничего; вывернул из-за ларька, мгновенно сориентировался, на миг замедлился перед окошком и прямиком направился к Максу.

— Друг! — сказал он проникновенно. — Рыбца не желаешь?

И извлек из пакетика сушеную рыбину. Тетка с уродцами в руках забеспокоилась и попыталась протестовать:

— Эй, ты! Здесь только я торгую!

Связной — пятнистый пойнтер с висячими ушами — благодушно отмахнулся:

— Я не торгую! Я меняюсь!

— На что? — с некоторой насмешливостью в голосе поинтересовался Макс. Рыбец у пойнтера был правильный: юконский лосось, на этом континенте такого при всем желании не выловишь.

— Да все на нее же! — деланно вздохнул пойнтер. — На влагу живительную!

— То есть, — подытожил Макс, — я беру еще пивка, и мы с тобой на пару давим этого леща?

— Именно! — просиял пойнтер. — Вы на редкость догадливы, молодой человек!

— Идет! — ухмыльнулся Макс, одним махом опорожнил свой бокал и мигом принес еще четыре. Пойнтер тем временем расстелил на столе газету — опять правильную. Не «Нью-Йорк таймс», конечно, это было бы слишком, а красноярскую «Сибирь», причем Макс ясно рассмотрел заголовок одной из статей — «Не валяй дурака, Америка!». Ключевое слово присутствовало. Девяносто девять процентов, что это действительно связной.

— Макс, — представился Макс и протянул руку.

— Алексей Семенович, — склонил голову пойнтер и светским жестом подал руку. Папиллятор на браслете коротко кольнул Макса в запястье. И точно такой же браслет на секун-

ду выглянул из-под обшлага легкой летней куртки пойнтера.

У Макса испарились последние сомнения.

— Итак, молодой человек! Приступим. Такую рыбу редко кому приходится едать, а уж без пива это делать совершенно не стоит! Право же, не стоит, поверьте мне, старому пьянице!

Он взялся за лосося. Тетка глядела на свежесложившийся питейный дуэт с плохо скрываемой ненавистью.

Лосось оказался великолепным. Некоторое время, кроме сей почтенной рыбины, Макс был занят только одним — незаметно поглядывал кругом, не пасет ли их кто-нибудь. Овчары-экипажники уже ушли, компания лаек переключилась на обсуждение футбольного матча, и даже тетка с сушеными чудовищами немного подобрела, потому что к ларьку забрел с престарелой канистрой какой-то молодняк и одно чудовище тетка молодняку все же всучила за пару монеток.

Потом, когда бокалы опустели, а от лосося осталась только голова, чешуя да кости, пойнтер аккуратно завернул объедки в газету и выбросил в ящик. Макс с сожалением принял нейтрализатор — после пива накатила легкая эйфория, когда кажется, что ты хозяин всего мира и горы можешь свернуть, когда ничего не страшно и все по плечу.

Только абсолютно трезвые люди способны понять, что это не более чем заблуждение.

Разговор состоялся на одинокой лавочке посреди старых-престарых сосен, толстенных, как опоры Стэдфордского моста. Пойнтер тоже глотнул что-то — видно, разгонять алкогольную эйфорию и он считал очень важным.

— Итак, молодой человек, — начал пойнтер совсем другим голосом, — имею вам сообщить следующее. На сегодняшний день нашими главными и основными конкурентами являются только прибалты. По косвенным данным, их агенты уже в городе, но это агенты не научной, а регулярной внешней разведки. Их скорее всего двое.

Все это Макс знал и так. Но тем не менее слушал очень внимательно.

— В Алзамай давным-давно внедрен агент-научник Балтии. Зовут его Карл Логан, причем он больше ученый, чем

разведчик. И ведет он себя как ученый. Неизвестно, как долго занимается он этим вопросом, но в Алзамае он появился восемнадцать лет назад под именем Эдуарда Эрлихмана. Неизвестно также, насколько глубоко он копает и до чего уже успел докопаться, — мы здесь едва ли не вчетверо меньше работаем. Научная разведка Балтии разрабатывает интересующую нас тему давно и плотно, причем независимо от других спецслужб и даже, похоже, независимо от правительства. Только в свете последних событий научники сделали шаг навстречу вээровцам...

— То есть, — перебил Макс, — Смотритель может поделиться некоей информацией с вээровцами и те опередят остальных? Даже официального агента?

— Именно так.

— Что это за информация?

— Координаты местного маяка.

Макс приподнял брови, хотя снова ничего такого, чего бы он не знал, не услышал.

— Вот, значит, как...

Пойнтер, не изменясь в лице, продолжал:

— Прибалты осведомлены о существовании единственного маяка — сибирского. Именно поэтому здесь и осел Логан-Эрлихман. Хотя стопроцентной уверенности все равно нет. Его никто плотно не прощупывал, пока у нас нет подобной возможности. Но вероятность очень высока.

— А что, — задумчиво поинтересовался Макс, — Балтия так серьезно занимается исследованием неопознанных летающих объектов и объектов предположительно внеземного происхождения?

— Очень серьезно. С тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

Макс ничего не сказал — ждал продолжения.

— В августе семьдесят седьмого в руки балтийских научников попал сильно поврежденный летательный аппарат, по нашим данным — беспилотный. В марте восьмидесятого они ознакомились со снимками неопознанных летающих объектов, замеченных в районе Алзамая, и обнаружили на одном из них аналогичный аппарат. Это был единственный случай

наблюдения аппарата такого типа. Все изображенное на остальных снимках не совпадало с более ранними наблюдениями и могло оказаться в итоге чем угодно, от метеозонда до атмосферной линзы или шаровой молнии. Только алзамайский аппарат был стопроцентно внеземным. И в Алзамай немедленно внедрили Логана. Мы так и не сумели выяснить, что же он тут раскопал, к его квартирке-лаборатории просто не подступиться. Но приборов там напичкано — будь-будь. У маяка установили кое-какую регистрирующую селектуру; маяк все время прощупывается. В общем, Логан стал опасным. Его нужно убрать. Причем немедленно. До того, как он раскроет местонахождение маяка.

— Он работает в одиночку? — поинтересовался Макс. — Без прикрытия?

— Мы не успели выяснить. Похоже, что да. Но ни в чем нельзя быть уверенным на все сто. Мы не видели прикрытия. Ни разу за четыре года.

— Понятно, — кивнул Макс. — Что ж. Я готов. Уберу его сегодня же.

— Последнюю неделю он ежедневно бывает на привокзальном бульваре. Вероятно, ждет агентов-прибалтов. Там есть пивной ларек, напротив магазина Кузьминых. Знаешь?

— Знаю. — Макс усмехнулся. Его позабавил тот факт, что не они одни использовали пивные ларьки как точки рандеву.

— Пока он ни с кем контактов не имел. Вот он, взгляни... — Пойнтер ненадолго показал Максу фотографию невзрачного аморфа неопределенно-среднего возраста. — Запомнил?

— Да.

— Привокзальный бульвар, с полудня. У тебя еще есть время.

Макс кивнул, попутно уяснив для себя: агент-пойнтер выдал абсолютно всю необходимую информацию. Ничего не скрыл, но и ничего лишнего не выболтал.

Периодическая проверка внедренных агентов была обычным делом для научной разведки Америки.

Впрочем, самое главное Макс с помощью коллеги все же выяснил. Теперь он знал Логана-Эрлихмана, Смотрителя си-

бирского маяка, в лицо. И он теперь не проколется, убрав ненароком постороннего.

— Удачи, сынок, — сказал пойнтер, в упор глядя на Макса.

Макс с легкой улыбкой кивнул.

— Спасибо за рыбку. Хороша, зараза!

Когда Арчи приехал в Алзамай, бабка уже умерла. Умерла тихо и спокойно, без мучений, угасла как догоревшая свеча. Практически до последних часов она оставалась в сознании, и даже была в состоянии передвигаться без посторонней помощи. Просто заснула и не проснулась. Мать, словно почувствовав, часа в три ночи вошла к ней — дыхание старухи, до сих пор более или менее равномерное, вдруг прервалось. На миг открылись глаза, взглянули на дочь, которой было уже почти шестьдесят, и закрылись снова.

И все.

Родичи-женщины и соседи успели свое отплакать и отпричитать; Арчи вошел как раз, когда поминали усопшую крепким домашним самогоном. По тем, кто жил долго и счастливо и ушел без мучений, как правило, долго не скорбят, и Арчи считал это глубоко правильным. Он жалел только об одном — что не успел. Правильнее было бы хотя бы перед смертью подержать бабку за руку. Наверняка это ее успокоило бы.

Но — не успел.

Женщины хлопотали в бабкиной комнате, Арчи неоднократно выцедил с коренастыми сибирскими мужичками сизого крепчайшего пойла. Коротко переговорил с матерью — она удивилась приезду сына. Не то чтобы она обижалась; из-за работы Арчи часто приходилось отказываться от исполнения разнообразных семейных дел и хлопот, но работа есть работа. Похоже, что мать обрадовалась, но, конечно же, тоже жалела, что Арчи самую малость не успел.

Потом были похороны — на следующий день. До этого времени Арчи выбирался в город только однажды, с матерью и теткой из соседнего Тайшета. Заходили в какие-то погребальные конторы, женщины о чем-то договаривались, а Арчи, не вникая, молча платил сколько требовалось.

А когда вернулись с кладбища и уселись поминать уже во дворе, под диким сибирским виноградом, Арчи неожиданно ощутил в себе какую-то пустоту.

Он всегда гордился тем, что его родственники так долго живут и пребывают совершенно в ясном уме и трезвой памяти до последней минуты. Казалось, что он и сам должен точно так же тянуть к сотне, оставаясь здоровым и умным.

Два года назад ему сообщили, что скончался девяностосемилетний дед. Но Арчи тогда только-только отходил от последнего задания, приведшего сразу к двум «фитилям». И вот теперь — все. Родственников-долгожителей не осталось.

Он вышел из-за стола, заскочил в комнатенку под самой крышей, получердак-полумансарду, которую Арчи отвели по его же просьбе, и отправился на связь.

Некоторое время Арчи постоял за воротами. Ветер путался в кронах сосен, шумел, словно тянул заунывную поминальную песню. Похожий на исполинскую пузатую бочку дедовский дом стоял на пересечении улиц Шадченко и Распадной. Корявые верхние ветви обрамляли потемневшую от времени выпуклую крышу. На крыше, на самой макушке, рядом с узловатым стеблем универсальной антенны (той еще древности) сидела лимонно-бурая харза и сосредоточенно вычесывала шерстку.

На Распадной Арчи поймал экипаж и доехал до центра за совершенно смешные в сравнении с курортным Крымом деньги.

Два тридцать семь. Бульвар недалеко от вокзалов. Много свободных лавочек. И целых двадцать минут, которые нужно непринужденно убить.

Бесцельно слоняться по бульвару Арчи не захотел, по привычке сначала покружил в отдалении. И практически сразу у него сработал жук-сторож: забеспокоился, завибрировал и загудел. Арчи скормил ему крупинку лакомой органики.

Итак, он здесь не один. Кто-то точно так же кружит в отдалении и кормит жука-эмпата.

Арчи немедленно нырнул в раскрытые двери ближайшего магазина. И — о, удача! — в магазине нашелся мини-бар, причем стойка его заканчивалась как раз у окна, выходящего на

бульвар. Арчи заказал кофе по-венесуэльски, рюмку хереса (и откуда в Сибири приличный херес?) и свежую газету. Сел на высокий табурет и сделал вид, что погрузился в чтение.

На самом же деле он то и дело поглядывал в окно.

Бульвар выглядел вполне мирно и обыденно: лавочки; маленькие, по пояс всего, пушистые сосенки и елочки (а может, и пихточки, Арчи не особо в этом разбирался). На лавочках — мамаши, среди елочек — малышня. С елочки на елочку скачет харза, ребятишки гурьбой бегают за нею. Идиллия.

Вдалеке виден вокзал, но опять же после Крыма он выглядит чуть ли не покинутым. Экипажей на улице не то чтобы мало, но и плотным такое движение никак не назовешь.

Кофе оказался так себе. Херес тоже. Впрочем, стоило ли удивляться?

Арчи шелестел газетой. Жук больше не беспокоился, дремал себе за подкладкой. Но чутье подсказывало Арчи: жди. Кто-то здесь есть.

И он ждал.

Прошло минут пять, прежде чем он выделил из находящихся на бульваре двух мужчин. Первому было под сорок, не меньше, — низенький, породистый и толстомордый мопс. Сидит на лавочке и щурится на солнце, сложив руки на рукояти трости. Второй больше похож на агента — никакой просто. Неприметный. Не то серая, не то пегая шевелюра, уши врозь, морфема — и не поймешь с ходу. Аморф, наверное. Но взгляд цепкий, внимательный. Пристроился к жидкой очереди у пивного ларька наискосок от магазина и зыркает исподлобья. Туда-сюда...

Мопс вскоре тяжело поднялся; Арчи готов был поспорить, что у него одышка и вообще здоровье ни к черту. Вряд ли он интересен. Просто случайный человек прогуливается. Вальяжно ступая, мопс удалился по бульвару прочь.

Аморф неторопливо заглатывал пиво из бокала; потом полез в карман, и жук за подкладкой тотчас предупредительно дернулся. Арчи насторожился.

А события на бульваре вдруг стали развиваться стремительно и неудержимо: из-за пивного ларька показался растрепанный высокий парень, похожий на афгана. Он на миг

склонился над сидящим на лавочке, прикуривал, что ли? Потом кивнул, вроде бы потрепал аморфа по плечу и неторопливо направился к вокзалу. Аморф остался безучастно сидеть на лавочке, даже бокал ко рту подносить перестал.

И Арчи моментально почуял горячее. Прошло минуты три, а аморф даже не шевельнулся за это время. Зато за афганом увязался невесть откуда вынырнувший плотненький эрдельтерьер. Пшеничная его голова хорошо различалась издали. Афган сунулся в одну сторону, в другую, и Арчи вскоре заметил, что на пару с терьером работает долговязый дог: они старательно пытались взять афгана в клещи и загнать в одну из подворотен. Арчи им посочувствовал. Проделать такое непринужденно и незаметно на людной улице — нереальная задача. Некоторые прохожие уже стали оборачиваться.

«М-да, — подумал Арчи, тихонько вздыхая. — Видно, сильно вас, ребята, прижало, если вы так грубо работаете...»

Тем временем на бульваре поднялся крик — кто-то обратил внимание на безвольного аморфа, у которого из руки вывалился бокал с недопитым пивом. Сердце Арчи неприятно екнуло: этот парень скорее всего уже несколько минут как мертв. Причем умерщвлен он был на глазах у Арчи. До последней секунды Арчи надеялся, что его просто вырубили или еще что. Но по животному ужасу мгновенно возникшей толпы Арчи понял: аморф убит.

Вот так афган!

Спустя полминуты в магазин шустро скользнули два чем-то похожих друг на друга паренька. Они сразу же направились к бару. Один принялся заказывать, второй приблизился к Арчи и с неудовольствием на него воззрился.

— Эй, приятель! — недружелюбно сказал парень. — Вообще-то это наше место.

Арчи с рассеянным донельзя видом оторвался от газеты.

— Что?

— Пересядь, говорю, — негромко повторил парень. — Место занято!

— Занято?

Место было единственное во всем баре, откуда открывался прекрасный вид на бульвар и на толпу у пивного ларь-

ка. Кому-кому, а Арчи это не нужно было объяснять. Девчонка за стойкой косо поглядела на парня, и Арчи решил, что он ей не слишком нравится как клиент.

Скорее всего эта парочка здесь уже примелькалась.

— Ради Бога. — Арчи пожал плечами и передвинулся немного в сторону, освобождая самый удобный наблюдательный пункт в округе. Взгромоздившись на новый табурет, он немедленно уткнулся в газету. Только через пару минут он позволил себе взглянуть поверх газеты на парней. Оба забились в самый угол, так, чтобы смотреть можно было вдвоем, да и то сидящий вторым с краю изо всех сил вытягивал шею. О заказанном кофе оба словно бы позабыли.

Эту парочку Арчи не опознал. Конечно, у него была тренированная память на лица. И довольно многих людей, в свое время попадавших в сферы интересов родимой конторы, пришлось запечатлеть в памяти. С некоторыми Арчи даже сталкивался. А сегодня в этом маленьком городке собрались едва ли не лучшие агенты со всего мира. Он мог узнать многих. Но и его могли узнать.

Но в отличие от остальных Арчи мог пока никуда не лезть — просто выжидать. Таков приказ.

Сегодняшнего связного, конечно же, можно было уже не ждать. После переполоха на бульварчике он ни за какие коврижки не подойдет к Арчи. Оставалось дочитать газету, допить херес и отправляться бесцельно бродить по центру, хотя Арчи с самого начала этого не хотел.

Двое у окна на Арчи внимания не обратили; он сполз с табурета, газету оставил на стойке и направился к выходу.

На дороге, приткнувшись бортами-надкрылками к ограждению бульварчика, стояли полицейские экипажи. Толпу зевак успели оттеснить в стороны, и над телом хлопотали эксперты. Лица у экспертов были мрачные.

«Бедняги, — посочувствовал Арчи. — А ведь они скорее всего не представляют, что это только первый мертвец...»

Арчи ошибался. Это был уже второй мертвец. Первым стал небезызвестный вээровцам многих стран Испанец. Его зарезали стальным ножом в глухом тупике за вокзалами. В данную минуту мертвый взгляд Испанца терялся в белесом

сибирском небе. Его бросили на кучу растительного мусора и прикрыли срезанными с деревьев ветками.

Убийцу — а точнее убийц, поскольку их было двое, — не видела ни одна живая душа. Кроме Испанца. Но душа Испанца почти сразу же перестала жить, а значит, и видеть.

Афган все-таки свернул с бульвара, когда Цицаркин оттеснил его от вокзальной площади, а Рихард отрезал путь на поперечную улицу. На беду свернул он во дворик, откуда было сразу два выхода, поэтому и Цицаркин, и Рихард сунулись следом за ним, хотя, по идее, Рихарду разумнее было бы обогнуть двор снаружи и подождать, пока афган не покажется. Но поди угадай, откуда он вынырнет? Выхода-то два.

Дворик был узкий и длинный, как овраг. Толстые дома росли вплотную друг к другу, образовывая нечто вроде частокола. Лет тридцать назад как раз гуляла по Европе мода сращивать стволы соседних домов. Потом мода как-то сама собой улеглась, но домов таких по городам и весям осталось предостаточно, и не только в Европе.

Афган, конечно же, выбрал ближний боковой выход, наиболее неудобный для преследователей. Когда Цицаркин и Рихард подоспели к низенькой арке, вытравленной меж двух сросшихся стволов, они увидели только стремительно удаляющийся экипаж. Рихард сунулся было ловить такси, но Цицаркин ухватил его за рукав:

— Не стоит, Рихард... Погляди лучше туда.

Они стояли на улочке, которая ответвлялась от бульвара и огибала вокзалы с востока. Цицаркин незаметно указал в сторону бульвара.

Там полиция оттесняла зевак от пивного ларька.

Рихард тихонько присвистнул:

— Ё-моё, Юра! А ведь он его убил скорее всего!

— Сходи глянь, — велел Цицаркин. — Я у касс буду.

Рихард послушно кивнул и направился на бульвар, к толпе. Уже первого взгляда поверх голов хватило, чтобы понять: связной действительно мертв. По поведению полицейских медиков это сразу угадывалось, по мелкой суетливости, когда предательски подрагивают руки и вдруг становится неуютно.

«Вот ведь странно, — подумал Рихард. — Им ведь не так уж редко приходится сталкиваться с трупами. Правда, почти все умирают по естественным причинам. Реже — от несчастных случаев. Неужели так важно, кто направил роковую стрелу Аида, слепой случай или живой человек?»

Наверное, это действительно важно. Потому что «смерть» и «убийство» — вовсе не синонимы, как может показаться иным горе-мыслителям.

Инстинктивно Рихард приблизился к толпе с подветренной стороны; еле знакомый запах редкого феромона сразу насторожил его. Он не сразу узнал, что это за феромон, чувствовал только, что это запах какого-то насекомого. Причем не местного насекомого, не эндемика. А потом поглядел на связного и вдруг сразу узнал эту характерную скрюченную позу, неестественную для живого человека. Сокращенные мышцы рук, ног и спины... И Рихард понял, чем это может быть вызвано. И еще понял, что может за этим последовать. Одно неосторожное действие любого из полицейских — и все. Еще один труп. А может, и не один, прежде чем они сообразят, в чем загвоздка. И через три-четыре минуты после укуса у жертвы точно так же скрючатся мышцы рук, ног, выгнется в судороге спина...

И запах опасности вряд ли кто в состоянии различить: даже у полицейских обоняние не чета истинно собачьему. А уж об обычных людях и вспоминать в этом смысле не стоит.

Рихард лихорадочно соображал, что делать. Вмешиваться — нельзя, полицейские его просто так не отпустят, а значит, задание провалено. Но и оставить все как есть казалось подлостью. Он, конечно, агент, и все такое прочее. Но этому городку еще только предстоит выдержать то, что некоторое время назад пережила Европа, особенно Берлин.

Смерть за смертью.

Но, к счастью, один из медиков оказался на редкость глазастым. Рихард заметил, как он вдруг замер, потом присел на лавочку рядом с трупом, заглядывая ему за шиворот. Потом отшатнулся и что-то негромко сказал коллеге. Тут же прибежал расположивший овчар начальственного вида, и медики наперебой стали ему что-то доказывать, то и дело тыча пальцами

в сторону лавочки. Потом в руках медиков возник контейнер для образцов, и Рихард понял, что ничего плохого уже не случится. Все, что могло случиться плохого, уже случилось. Связной этой недели мертв, а его убийца ускользнул.

Рихард еще некоторое время понаблюдал за манипуляциями полицейских и ровным шагом направился к месту, где ожидал его Цицаркин.

Встретились они спустя четверть часа.

— Ну? — поинтересовался Цицаркин тихо.

— Труп, — отрапортовал Рихард. — Голодный кара-шакун за шиворотом.

Цицаркин поморщился:

— Господи, а это ты как выяснил? Полицейские, что ли, рассказали?

— Полицейские чуть сами на него не нарвались, — беспечно сообщил Рихард. — Я вообще-то много занимался ядовитыми инсектоидами. В свое время.

— Блин, чем ты только не занимался, — пробурчал Цицаркин. — Ладно, поехали...

К счастью, очереди у касс не оказалось. В этих неизбалованных рафинированной европейской цивилизацией краях все еще существовали очереди.

Еще через четверть часа они тряслись в полупустом биобусе «Алзамай—Шумилово». Биобус поскрипывал и натужно гудел. Цицаркин и Рихард устроились особняком, на заднем сиденье, в пыли и духоте.

— Ты успел его рассмотреть? — спросил Цицаркин, задумчиво уставившись в окно.

Рихард сначала решил, что напарник спрашивает о мертвом связном, но потом понял, что мысли Цицаркина последние минуты, конечно же, занимал только удравший афган.

— Толком — нет, — покачал головой Рихард. Получилось это у него очень смешно: головой Рихард качал из стороны в сторону, но прыгающий по кочкам биобус подбрасывал его вверх-вниз, и оттого казалось, что голова нескладного долговязого дога болтается словно пестик в колоколе, без всякой системы, сама по себе.

— Sarvipiru! — выругался Цицаркин по-балтийски. — Зачем ему понадобилось убивать связного? Мог, в конце концов, просто оглушить, увезти...

— Ты потише, Юра, — предупредительно понизил голос Рихард.

— Да не услышат они ни хрена, — отмахнулся Цицаркин и тяжко вздохнул: — Мы ж на неделю без связи остались, ты соображаешь или нет?

С минуту они молча пялились в окна. Мимо тянулась заметно тронутая цивилизацией пригородная тайга.

— Кто это был, как думаешь? — поинтересовался Рихард.

— Думаю, не сибиряк, — предположил Цицаркин. — Сибиряк убегать не стал бы. Да вообще сибиряк не стал бы связного класть: нас бы всех троих аккуратно упаковали — и все дела. Им сведения нужны, а не трупы.

— Не упаковали бы. Я ж следил.

— Да не в этом дело. Попытались бы упаковать. А афган только вычислил — и сразу же этого, как его... таракана за шиворот.

— Скорпиона, а не таракана, — поправил Рихард. — Значит, он убирал конкурентов, по-твоему?

— Тогда бы он от нас не убегал, — сказал Рихард. — Тогда бы он и нас попытался убрать...

— Нас? — недоверчиво протянул Цицаркин. — Окстись, Рихард, три «фитиля» в день — это верное сумасшествие. Да и к тому же разве он не соображает, что мы тоже не ангелочки?

— Соображает, — успокоил его Рихард. — Но нас ему пока убивать незачем. Скорее всего связной что-то знал, что-то важное. И ему очень нужно было, чтобы мы этого не узнали. По сути, мы на неделю выпали из игры, понимаешь? Нас и убивать теперь незачем. Понимаешь?

— Понимаю, — уныло пробурчал Рихард.

Биобус все так же натужно гудел и полз по плохой кочковатой дороге к небольшой деревушке, которую уже смело можно было назвать окраиной Алзамая.

А перед глазами Рихарда, то и дело сменяя друг друга, вставали две картины: мертвый связной на лавочке и убегающий во двор гривастый афган.

* * *

— Ну, что? — Варга слегка искривил тонкие синеватые губы. — Ошибся ты с прогнозом, дорогуша?

Сулим невозмутимо приподнял уголки рта. Шеф тем временем продолжал:

— Никто в тайгу не рванул. Все в городе сидят. — Варга, потерявшийся в ворохе газет, казался не то архивариусом на работе, не то журналистом, раскапывающим старую сенсацию по сообщениям в прессе.

— Пока в городе ничего не прояснилось, шеф. Потому никто в тайгу и не спешит. — Сулим был само спокойствие и воплощенная уравновешенность.

— Ладно, рассказывай, — милостиво позволил Варга.

— Есть первый труп, — сообщил Сулим. — Некто Эдуард Эрлихман, житель Алзамая с середины восьмидесятых. Наполовину боксер, наполовину ризеншнауцер, кошмар, а не морфема. Маленький штришок: на пальце у него перстень университета Хельсинки, выпуск восьмидесятого года.

— Балтийцы с махолета? — догадался Варга.

— Я думаю, это их связной, — кивнул Сулим, соглашаясь. — Терся на бульваре напротив вокзалов; имел непродолжительный контакт с каким-то длинноволосым афганом, весьма, кстати, подходящим под описание того хипаря, который вырубил водилу «Енисея» в начале недели. Убили его классически: сунули под одежду какую-то ядовитую букашку, то ли скорпиона, то ли тарантула. За афганом погнался неизвестный нам тип, мраморный дог, а один из Шарадниковых твердит, что видел еще и средней морфемы терьера, не то мелкого эрделя, не то крупного вельша. Дог спустя некоторое время втерся в толпу зевак у трупа, терьер там и близко не показался. После всего дог ушел на вокзал, и Шарадниковы его потеряли.

— Болваны, — вздохнул Варга. — Впрочем, ладно. Что Лэснер?

— Лэснер жалуется, что Испанец опаздывает с докладами. После того как он уложил в госпиталь давешнего европейца, Испанца вообще никто не видел.

— Ну так врежь ему промеж ушей, — сердито сказал Варга. — Или ты не в состоянии?

— В состоянии, — спокойно парировал Сулим. — И врежу. Дога, думаю, надо брать в работу; терьера, буде таковой обнаружится, — тоже. Афган, я полагаю, в ближайшие дни ляжет на дно, так что его возьмем чуть позже.

— Сибиряки шевелятся?

— Слабо. По-моему, они либо в растерянности, либо выжидают. Кстати, я выяснил, что к Алзамаю стягивают резервные части пограничников. Наземные, с японокитайской границы.

— Готовят блокаду?

— Естественно. Как только популяция волков будет локализована, ее наглухо изолируют. Кроме пограничников из Европы, в Красноярск направлены четыре роты мобильного спецназа. Думаю, с той же целью, причем в рамках официальной программы.

— М-да... — протянул Варга и пошелестел газетой. — Хотя ничего, конечно, удивительного. Продолжай.

— Гейдж внимательно понаблюдал за японокитайской группой; во-первых, он ручается, что все они, за исключением троих, островитяне, то есть настоящие этнические японцы. Двое — известные ученые, третий — не пойми кто. Шарпей, китаец. Миленькая морфема, правда?

— Шарпей? — переспросил Варга. — Это такой громила с мордой в складочку?

— Именно. Значится ассистентом другого китайца, одного из профессоров. Профессора, кстати, оба по морфеме лхассо. Малыши-карандаши прямо. А этот — шарпей...

— Ну и как он? — перебил Варга.

— Выжидает. Таскается с делегацией на все заседания и лекции, живет там же, где и все, — в гостинице. С посторонними лицами контактов практически не имеет. Гейдж подпустил к нему жучков, пока никакого криминала. Обычный ассистент обычного профессора, разве что здоровый не в меру.

— Шарпеи ж вроде невысокие? — усомнился Варга.

— Точно, невысокие. Только их можно молотом в лоб лупить, как бультерьеров. Хоть бы хны. Да и разве в росте дело? Испанец тоже не гигант. Да и Гном, собственно.

— И верно. — Варга протяжно вздохнул. — Что еще?

— Шарадниковы отыскали в списке приехавших некоего Арчибальда Рене де Шертарини, который, предположительно, имеет контакты с внешней разведкой России. Последние два года нигде не светился, работал спасателем в Крыму.

— Спасателем? — не понял Варга.

— Он ньюфаундленд. Приглядывал, чтоб олухи-аморфы не потонули.

— А-а-а, в этом смысле. Ну и что? Кого он тут спасать намерен?

— Приехал совершенно законно, во всеми путевыми отметками; причем у него железное прикрытие. Бабка у него тут родная, на днях преставилась. В общем, он на похороны приехал. Я не представляю, что такое прикрытие можно сознательно организовать. Либо это чистейшее совпадение, либо он вне игры...

Сулим вдруг осекся, словно вспомнил нечто очень важное. Очень-очень важное. До сих пор ускользавшее от внимания его самого и его людей.

— Что такое? — насторожился Варга.

— Секундочку, шеф... — пробормотал Сулим и взялся за мобильник.

Варга заинтригованно уставился на него. Если Сулим утратил обычную невозмутимость — жди сюрпризов, не иначе!

— Гейдж? — спросил Сулим в телефон. — Фотки от Шарадниковых у тебя под рукой? Ну-ка взгляни, номера с шестьсот пятого по шестьсот двенадцатый... Да, да, где братцы кого-то от окна в баре отгоняют. Нашел? Кто он?

Повисла напряженная пауза.

— Точно?

Снова пауза.

Сулим отнял мобильник от уха и взглянул в лицо шефу. И словно бы через силу произнес:

— Шарадниковы облюбовали для наблюдения бар в магазине; там одно окно выходит на бульвар перед вокзалами. Когда убирали связного балтийцев, рядом с окном сидел один парень, которого раньше в этом баре никто не видел. Это

нюф. Шарадниковы его просто прогнали с удобного места, и он ушел.

Варга уже открыл было рот, чтобы высказаться, но тут зазвонил мобильник в руке Сулима. Сулим ответил:

— Да?

В следующую секунду лицо его вытянулось — Варга уже забыл, когда Сулим демонстрировал столько эмоций за такой короткий промежуток времени. Медленно-медленно Сулим опустил мобильник и загнал тоненькую зеленую, как молодой побег виноградной лозы, антенну в паз-бинарник.

— Ну? — поторопил Варга.

— Испанца убили, — выдавил Сулим.

Варга вздохнул и проворчал:

— Надеюсь, твой мобильник шифрует передачи...

Откровенно говоря, и Варга, и Сулим предполагали и рассчитывали, что первыми уберут Шарадниковых. Такой скорой гибели Испанца не ожидал никто. Даже проныра Сулим и умник Варга.

— Вот почему он Лэснеру не докладывался... — пробормотал Варга совершенно не к месту. — Что делать будем, а, Сулим?

Сулим размышлял недолго.

— Я разберусь, шеф. Вечером снова буду...

— Нюфа этого обязательно прощупайте!

— Конечно, шеф. Конечно, прощупаем.

Чеботарев выглянул из окна служебной «Белки». Михеич с Герасимом маячили напротив входа «Привокзальной», курили, скалились и очень натурально размахивали руками. К ним то и дело подруливали сомнительного вида девицы, но эту публику Михеич царственным жестом заворачивал.

— Я — Чип, начинаем, хлопцы, — сказал Чеботарев в портативную рацию. Рация была из новомодных, недавно выведенных, с пропастью выделенных каналов и бинарной шифровкой сигнала. Без оригинальной генетической вытяжки перехватить разговор еще можно было, но вот расшифровать — никак. А секрет вытяжки сибирские генетики хранили свято, благо безопасники заказ проплатили вовремя и весьма щедро. — Доложитесь все, кроме первой.

Первая пара — как раз Михеич и Герасим — по плану должна была молчать. Может, Шарадниковы и не понимают переговоров в эфире, но сам-то эфир наверняка слушают. И передвижения потенциальных источников передач наверняка фиксируют.

— Вторая, на служебном выходе, все схвачено.

— Третья, на этаже, оба пожарных выхода мы заперли. Наготове.

Чеботарев довольно крякнул. Напоить и отправить баиньки дежурного пожарника неожиданно оказалось довольно трудной задачей. А запирать пожарные выходы он отказывался наотрез, и даже удостоверения службы безопасности не поколебали его решимости исполнить профессиональный долг.

Впрочем, выпить пожарный не отказался — видно, во всем мире пожарные питают слабость к огненной воде, субстанции, одновременно олицетворяющей как их главного врага (огонь), так и главного помощника (воду).

Результат прост: пожарный благополучно отгружен в щитовую на правах бесчувственной тушки, способной лишь блаженно похрапывать, а все переходы между этажами и выходы на балконы немедленно заперты.

— Четвертая, в вестибюле. Держим лифты и хозкрыло.

— Отлично, — пробормотал Чеботарев. — Дубль-группа, готовы?

— Всегда готовы, — отозвался Больных.

— Начали! Первая, пошли!

Михеич с Герасимом отклеились от прозрачной перепончатой будочки торговца прессой и направились ко входу в гостиницу. На их место лениво прошествовали двое молодых парней, только-только из спецшколы. Еще один остался в экипаже на противоположной стороне улицы.

Чеботарев тоже покинул «Белку» и поднялся по темным шероховатым ступеням. Швейцар в его сторону даже не глянул. Так и остался торчать в предбанничке перед вертящимися дверьми.

Лифт вознес Чеботарева на четвертый этаж. Рядом с коридорной дамой прилежно сидел Оскар Бардтинов, чемпион отдела по самбо. Увидев шефа, он неторопливо встал.

«Молодец, что неторопливо, — мысленно похвалил Чеботарев. — Обстоятельный парень, далеко пойдет...»

Герасим и Михеич уже вышагивали по устеленному пыльной красной дорожкой полу. С противоположного конца коридора, от лестницы, приближались Нестеренко и Богдан По.

Ключ от соседнего номера лежал в кармане Чеботарева. Прежде чем входить, Чеботарев сделал знак Герасиму, и тот приложил ухо к двери номера Шарадниковых.

Жестом Герасим дал знать: там тихо. Но оба должны находиться в номере; первая, вторая и четвертая пары вели их до самой гостиницы и убедились, что оба вошли именно в свой номер.

Чеботарев тихонько отпер дверь смежного и пропустил вперед Оскара Бардтинова. Тот сразу же направился к балкону.

А в следующую секунду Чеботарев понял, что по крайней мере один из Шарадниковых сейчас именно на балконе. Оскар неуклюже поправил галстук (ну да, с такими-то плечами... Любой костюм тесен будет).

— Ф-фу! — сказал он басом. — Ну и жарища!

Герасим уже стучал в дверь к Шарадниковым.

Если Бардтинов изображал из себя нового постояльца, то сейчас ему самое время было бы стянуть пиджак. Но тогда он выставил бы на всеобщее обозрение кобуру с иглометом...

Но ничего такого сделать Бардтинов просто не успел. Послышался могучий удар, наверняка по двери, потом шум борьбы в коридоре и звон разбитого стекла, совсем рядом. Чеботарев сдавленно чертыхнулся, и, забыв обо всем — о том, что ему до самого завершения операции строго-настрого запрещено соваться в дело, о том, что Шарадниковы наверняка вооружены, о том, что Золотых взгреет его по первое число уже через четверть часа, — обо всем этом позабыв, Степан Чеботарев ринулся на балкон. С заряженным иглометом в руке. Двигался он для своей морфемы и своей комплекции весьма проворно.

В балконном проеме окровавленный Оскар сосредоточенно прижимал к полу одного из Шарадниковых. Под ногами хрустело органическое стекло. В коридоре кто-то сдавленно хрипел, потом хлопнула дверь.

— Держу! — прорычал Оскар, и, опережая Чеботарева, к нему на помощь из номера кинулся Михеич с парализатором в руке. Шарадников неистово брыкался, и в результате досталось обоим: и Шарадников, и Бардтинов враз обмякли и затихли. Михеич обернулся и крикнул кому-то в коридоре:

— Наручники давай!

Чеботарев на миг оцепенел, потом очнулся, переступил через парализованных и огляделся. Чьи-то ноги в тяжелых горных ботинках на рифленой подошве выглядывали из коридора. На диване, тяжело отдуваясь, сидел взъерошенный Герасим и хлебал воду прямо из графина. Бледный как вата Нестеренко хлопал по щекам растянувшегося перед диваном Богдана По. Глаза у того были совершенно остекленевшие. Над вторым Шарадниковым склонился подоспевший Шелухин.

— Два-два, — объявил Герасим, ненадолго отрываясь от графина. — Ловкие, черти, чуть один не проскочил...

— Герасим, — выдохнул Чеботарев и спрятал игломет в кобуру, — положи Оскара на кроватку, а то у меня ноги что-то подгибаются...

Золотых как-то говорил Чеботареву, что командовать операцией куда труднее, чем просто быть одним из тех, кто вяжет намеченного объекта. Даже сознавая, что в следующую секунду тебя могут вырубить вместе с этим самым объектом, как только что Богдана По или здоровяка Бардтинова.

С некоторых пор Чеботарев ощутил истинность этих слов на собственной шкуре.

Ответственность. Одна из немногих вещей на свете, которую невозможно взвесить, но о которой все знают, что она очень тяжела.

Чеботарев поднял рацию и переключился на командный канал.

— Семеныч? Это Чеботарев. Взяли обоих. Без «фитилей», но По и Бардтинова выключили, причем Бардтинова свои же... Но в общем, на четыре с плюсом... Есть не тянуть. Выезжаем.

— Грузи их, ребята! — скомандовал он своим оперативникам. — Наших потом подберем.

* * *

В который раз Макс поглядел на чуть смазанный снимок: на бегу не очень удобно фотографировать. Узкий, словно каньон, двор, светлое пятно арки, и на его фоне — два силуэта. Снимал Макс с пояса, поэтому силуэты видны с непривычно низкой точки и кажутся очень высокими. Один — так вообще оглоблей кажется. Действительно высокий! Судя по очертаниям — дог. Второй похож на терьера или ризена, но на терьера больше. М-да, надо же, единственный снимок, и тот на фоне света, ни хрена не разглядишь.

Макс с сожалением вздохнул. Плотно его эти ребята в оборот взяли. И главное, совершенно не пытались действовать скрытно, втихую. Прямо по центральной улице за ним бегали. Черт, может, они все же сибиряки? У себя дома никто не прячется, зачем, скажите на милость, прятаться у себя дома?

Неужели он ошибся? По его расчетам, эти двое были агентами Балтии и именно их поджидал на лавочке ныне покойный Карл Логан.

Конечно, никто не смог бы предвидеть события за двадцать лет. Как говорил пойнтер-связной, никто не сможет поручиться даже за нынешнее мгновение. И в том, что Логан окопался в Алзамае именно из-за маяка, тоже нельзя быть абсолютно уверенным. Не боялся же он, в конце концов, носить на пальце именной перстень университета Хельсинки, хотя имя на Эдуарда Эрлихмана все же сменил. Интересно, как далеко он зашел в своих изысканиях? Если, конечно, разрабатывал именно эту тему. И вообще, видел ли он маяк? Координаты он, похоже, знал.

Неужели прибалты еще тогда, двадцать лет назад, что-то заподозрили и попытались раскопать? Ну ладно, не двадцать, а восемнадцать, это не слишком меняет дело. А если так, почему все эти годы только Логан сиднем сидел в Алзамае и притворялся Эдуардом Эрлихманом? Впрочем, может, он здесь и не один. Но пойнтер сказал, что больше никто не интересовался маяком. И даже не пытался приблизиться. Да и Эрлихман-Логан к нему не приближался, видимо, изучал издалека, с помощью селектоидов-эмпатов и дистанционной аппаратуры.

Макс взял со стола другую фотографию и с минуту пристально вглядывался в удивленное лицо Логана. Снимок был сделан, наверное, в ту самую секунду, когда скорпион вонзал жало; яд еще не начал действовать и жертва почувствовала только болезненный укол. Миг перед смертью.

Так и не сумев ничего прочесть в этом взгляде, Макс разорвал обе фотографии на клочки и устроил в пепельнице миниатюрный крематорий. Пока обрывки фоток горели, с ножницами в руках подошел к щербатому зеркалу. С тяжким вздохом отхватил себе первый локон роскошной ухоженной шевелюры. Первый, второй, третий... А когда на голове остались только безобразные клочки, намылил все это безобразие и принялся тщательно выбривать. Под ноль. Даже уши.

Еще час он провел под кварцевой лампой, придавая лысине естественно загорелый оттенок.

Когда он снова подошел к зеркалу, на него глядел худой и скуластый парень, которого Макс уже успел забыть. М-да. Наметанный глаз, конечно, в конце концов распознает того самого вчерашнего волосатика. Обыватель же непременно решит, что перед ним другой человек. Ну и ладно.

Одежду Макс запихал в непрозрачный пакет и бросил в угол; придет час, и пакет этот успокоится на какой-нибудь далекой свалке.

В крошечное оконце под самым потолком с любопытством заглядывал вечер.

«Подремлю», — решил Макс.

Ему предстояло насыщенное утро. А еще нужно унять панику в разбитом подсознании от сегодняшнего убийства. Макс не впервые убивал себе подобных. Но психика — слишком тонкая штука, чтобы не обращать внимания на ее фокусы. Нервный срыв может погубить в итоге все задание.

Макс лег на расстеленный спальник и сконцентрировался. И стал крупица за крупицей вытравливать из собственной души страх, растерянность и боль — все, что скопилось там за прошедшие после убийства Карла Логана часы.

Глубокой ночью Макса что-то разбудило: не то посторонний звук, не то верное чувство близкой опасности. Он

открыл глаза и вслушался. Облюбованный подвальчик полнился ночью; где-то далеко с размеренностью метронома булькали водяные капли.

И все-таки что-то было не так.

Чужаков он почувствовал через минуту. Почувствовал носом — но не запах тела, прически или оружия, как обычно, а непривычно стерильную безликую волну, которая текла от бесшумно передвигающихся людей. Они явно пользовались какой-то новомодной химией для уничтожения естественных запахов. Если бы Макс спал, он точно не обратил бы внимания на подобный запах.

Их было трое, это Макс понял мгновением позже. И они пока крались по соседнему подвальчику. Он так же бесшумно вскочил, подобрал свой бесценный шмотник, сунул туда ком спальника и шастнул к лестнице. Конечно же, он спал одетым и обутым. Сколько раз эта привычка спасала? И не счесть, наверное.

На нижней ступеньке он ненадолго замер и прислушался-принюхался. Чужаки позади и не думали спешить: все так же размеренно скользили по подвалу, приближаясь к комнатенке, где прятался Макс. Как всегда в минуты опасности, все чувства обострились: Макс неплохо видел в практически кромешней летней тьме, выбритые уши ловили каждый еле слышный шорох, а влажный, как у диких собак, нос читал запахи словно книгу.

У выхода его ждали. Конечно, ждали, об этом можно было просто догадаться. Какой смысл ползти к его тупичку через весь подвал — темный и заваленный всякой дрянью? Эти ребята явно знали, что Макс отследит гостей в подвале и бросится наутек. Прямо к ним в лапы. И гнали его, как волки зверя.

«Надо бы их сильно разочаровать, — подумал Макс. — Только как именно?»

Рука уже сама нашаривала в кармане шарик наступательного хемолюминофора. В запасе оставалось секунд десять, пока троица из подвала пересечет его клетушку и выйдет к лестнице.

Раздавив шарик ногтями, Макс швырнул его наружу и зажмурился. Мертвенная синяя вспышка забралась даже под

зажмуренные веки. Он знал, что сейчас творится перед входом в подвальчик: шарик распух до размеров теннисного мяча и превратился в крошечное солнце. Народ из засады скорее всего трет руками невидящие глаза.

Пауза в три секунды; Макс напряг мышцы лица и заблокировал носовые пазухи. Волшебный шарик перестал сиять, он выжег люминофор дотла; теперь он с легким хлопком распался на множество комочков и выпустил наружу волну боевого, чрезвычайно активного феромона.

В тот же миг Макс рванулся вперед. Неясную фигуру, возникшую на пути, он сшиб коротким ударом локтя и скользнул влево от лестницы, к пролому в лысом заборе. Все колючки у пролома он заранее пообломал, чтоб можно было проскочить в эту дыру, не оставляя клочков одежды.

Кто-то стоял на коленях рядом с дырой и действительно тер глаза. Макс мог ему только слегка посочувствовать. Это на час, не меньше.

Он, не глядя, нырнул в дыру. И сразу угодил в чьи-то цепкие объятия.

От человека, который его схватил, пахло еле-еле, той самой непонятной стерильной химией. Не будь у Макса искусственно восстановлено обоняние, он бы вообще не ощутил никакого запаха.

В следующую секунду кто-то вырвал из рук Макса шмотник; Макс наугад отмахнулся локтем и снова попал. Рядом сдавленно ухнули, но в тот же миг на голову обрушился сильнейший удар. Макс покачнулся, и тут же прилетело кулаком в лицо. Безжалостно, коротко и мощно. В голове мгновенно разорвалась бомба, и мир слегка поплыл.

«Еще один такой удар, — успел подумать Макс, — и все, нока...»

Додумать ему не позволили. Именно повторным ударом.

Он уже ничего не видел и не слышал, когда над ним склонились сразу пятеро.

— Готов, — вполголоса констатировал один.

Говорили по-русски, но выговор показался бы странным и сибиряку, и россиянину.

— Эй, Архипа! Хорош слепого изображать, иди сюда!

Тот, что тер глаза у забора, послушно встал с колен и приблизился. С глазами у него, судя по всему, было все в порядке.

— Шустренький отрок, — проворчал тот, что бил. На руках у него были кожаные перчатки с обрезанными пальцами. — И экипирован будь-будь.

Он подобрал валяющийся рядом с Максом рюкзачок-шмотник.

— Спеленайте его... И чтоб без фокусов, пехтура тут уже достаточно дров наломала. Архипа, Дрон, проверьте подвальчик. Фонарями пользоваться разрешаю. Дудник — на шухер. И тихо мне!

Две тени склонились над Максом, две вкрадчиво переместились к лестнице и неслышно ссыпались по ней, еще одна растворилась в темноте ночного двора.

Вряд ли спящие обитатели окрестных домов что-нибудь слышали. Бродячие харзы, шарящие в отбросах, и то обычно производят больше шума, чем сегодняшние гости. Возможно, кто-нибудь заметил неясную вспышку, но она была такой слепящей, что минут десять обитатели домов все равно ничегошеньки не сумели бы рассмотреть из своих окон.

А спустя несколько минут Макса взвалил на плечи все тот же Архипа; шмотник и кое-какое барахло из подвала подобрали остальные, и вскоре все шестеро бесследно растворились в мутных летних потемках.

Светать начало спустя полчаса. Когда в темноте исчезла та невыразимая кромешность, что присуща настоящей ночи, и прорезался намек на сумерки, по соседней улице пронесся одинокий экипаж. «Белка». Еще два таких же подъехали спустя несколько минут с разных сторон.

Степан Чеботарев, Михеич и Герасим первыми свернули во дворик. Шелухин вскоре материализовался у дыры в заборе; из глубины двора вынырнули Нестеренко и Богдан По.

Оскар Бардтинов остался на улице, Больных со своей двойкой — у экипажей.

Сибирские безопасники действовали слаженно и четко, без ненужных слов. Сразу было видно, что операция хорошо отработана и прорепетирована.

Нестеренко и Богдан открыли дверь крайнего подъезда универсальной отмычкой; той же отмычкой открыли и дверь в подвал. Михеич и Герасим спустились по старенькой лесенке; с этой стороны дверь в подвал оказалась незапертая.

Чеботарев ожидал шума борьбы. Ну или хотя бы каких-нибудь звуков, но в подвале продолжала царить мертвая предутренняя тишина. Он забеспокоился: конечно, четверо его ребят мастера вязать всяких ловкачей, но этот мохнатый афган мог оказаться слишком крепким орешком даже для них. Шелухин, затаив дыхание и приоткрыв рот, вслушивался.

И когда Чеботарев уже готов был вытащить из кобуры игломет и самолично лезть в это мрачноватое подземелье, на лесенке показался озадаченный Герасим.

— Пусто, шеф! — прошептал он. — Ушел, гад! Ничего не оставил, ни крупинки!

Чеботарев досадливо скрипнул зубами. Потом принюхался — пахло какой-то активной дрянью.

— Ну-ка, осмотрите тут все! — велел он Герасиму. — Шелухин, Бардтинов, сделайте пару кругов тут, невдалеке...

Герасим тоже принюхался. Видимо, он разделял подозрения шефа. Михеич присоединился к нему; Нестеренко и Богдан По продолжали шарить в подвале.

Чеботарев тем временем докладывался оперативному дежурному.

Уже через пару минут к нему с мрачной миной подошел Герасим.

— Надо вызывать экспертов, шеф. Там следы какого-то новомодного фокуса. Я лично ни во что не врубаюсь.

Эксперты прибыли спустя полчаса.

Фотография из «Вечернего Алзамая» вполне могла оказаться фальшивкой. Коллажем. Но Генрих отнесся к ней вполне серьезно.

Изображал этот плохонький черно-белый любительский снимок обычный средний грузовик-селектоид; правда, Генрих не знал такой породы. Странность же заключалась в том, что грузовик был заснят в момент, когда он парил на высоте добрых пяти метров над можжевеловыми кустами. Из ко-

роткого комментария явствовало, что заснял этот свихнувшийся грузовик один фотограф-пенсионер, имеющий склонность к ранним прогулкам и постоянно таскающий с собой архаичный фотоселектоид пятидесятых годов выроста. Пенсионер обитал на самой окраине и часто уходил в тайгу ловить удачные кадры и ракурсы. По его словам, сначала грузовик вел себя вполне мирно: как и положено экипажам, стоял на обочине окраинной улицы. Потом он некоторое время ехал по трассе Алзамай—Шантарск. Недолго, минут пять, и отъехал всего на пару километров. Вскоре грузовик свернул с дороги прямо в тайгу, а потом неожиданно воспарил над деревьями и невероятно быстро улетел прочь от города. Ошарашенный пенсионер все же успел клацнуть затвором своего селектоида и немедленно помчался домой проявлять снимок. Когда проявил, без промедлений помчался в редакцию журнала «Природа», где часто печатали его работы. Из журнала фотка немедленно попала в «Вечерний Алзамай».

«Бойкий, видать, пенсионер, — подумал Генрих, всматриваясь в снимок. — По редакциям бегает...»

Он отложил общественную газету и взял спецвыпуск «Криминальной хроники». Здесь тоже было на что посмотреть.

Фотография найденного на одной из свалок трупа. Мужчина лет тридцати—тридцати пяти. Стаффордширский терьер.

Испанец. С перерезанным горлом. Тот, кто сломал ногу напарнику, Франсуа д'Арсонвалю, и вывел того из игры. А вот с самим Испанцем обошлись суровее. Убили.

Генрих задумался. Кто? Понятно, кто-то из агентов, причастных к поискам волчьих следов. Только не сибиряки — эти бы не стали убивать, закрыли бы в накопителе службы безопасности и тянули бы помалу из него информацию.

И конечно, это не европейцы — Генрих остался единственным действующим европейцем-разведчиком в Алзамае.

Сомневался Генрих и насчет того, что Испанца убрали русские. Хотя минимальные шансы все же сохранялись. Допустим, прижал Испанец их негласного агента в темном углу. Да только агент оказался расторопнее и насадил Испанца на

железный нож... Костью так горло не располосуешь, кость скорее для колотых ран. А вот мертвое железо...

Алзамайские газетчики правильно сделали, что не поместили этот снимок в общественной прессе. Обыватель плохо переносит кровь. Человеческую кровь.

Вторая фотография: застывший на лавочке мужчина со стеклянным взглядом. Тоже мертвый. Генрих его прежде никогда не видел. Отчего помер-то? Ага, укус ядовитого насекомого. Ля-ля, три рубля... Ага, калифорнийский скорпион. Калифорнийский. Америка?

Генрих оторвал взгляд от газеты и крепко задумался.

Америка. Вот кому выгодно выводить евразиатских разведчиков из игры. Причем выводить надежно, наверняка, насмерть. Насовсем.

Значит, Испанец работал на одну из евразиатских держав?

Поразмыслив, Генрих пришел к выводу, что нет, не обязательно. Строго говоря, Испанец вообще мог работать не на правительство какой-нибудь страны, а на абстрактного хозяина. Заполучи какой-нибудь маньяк с деньгами возможность активировать ген волка — и, пожалуйста, почва для нового передела мира готова. И это будет не игрушечная склока тридцать седьмого года, не кабинетная схватка изощренных дипломатов. Это будет бойня, как до биокоррекции, и крови прольется море. А каковы будут последствия бесчисленных психических травм, вообще невозможно представить. Собственно, у человечества появился вполне реальный, но очень невеселый шанс вновь скатиться в средневековье.

И еще одно. Безопасники Сибири арестовали накануне вечером двух братьев в «Привокзальной». Эта парочка мозолила глаза Генриху с первого дня, но он так и не понял, что они за публика. Действовали они в интересующем направлении, но невероятно грубо, примитивно и очень по-дилетантски. Сначала Генрих подумывал: а не взять ли их в оборот? Потом решил — нельзя. Скорее всего они просто приманка. Два дурика мутят воду, а в стороне прячется крупная рыба и внимательнейшим образом фиксирует всех, кто на дуриков клюет. Того же Испанца, к примеру. Очень накрепко зафиксировали, ничего не скажешь...

Генрих подошёл к окну, не переставая размышлять. Ситуация складывалась слишком уж неопределенная.

Волки, это почти наверняка, располагают селектурой (или механической техникой), которая превосходит по возможностям земные образцы. Чего один только летающий грузовик стоит... Изначальные посылки оказались неверными — вместо изолированной и отсталой группы волков-дикарей дело предстоит иметь с организованной и серьезно экипированной группой... непонятно кого. Невольно задумаешься о летающих тарелках.

«Кстати, — вдруг пришло в голову Генриху, — а ведь убийство Испанца вполне может оказаться и волчьей работой. Тот мужик на лавочке — вряд ли, уж слишком по-земному он убит. Скорпион за шиворот. А вот Испанец — совсем другое дело. Ножом по горлу».

Надо на всякий случай быть готовым к тому, что волки — сугубые механисты. Пользующиеся мертвыми вещами. Изготовленными, а не выведенными и выращенными.

Что же получается? Что волки перешли в наступление? Что они вовсе не намерены сидеть и ждать, пока целая туча агентов выйдет на их след? Сие, кстати, вполне объясняется волчьей натурой: лучшая защита — это нападение.

Наверное, для оставшегося без напарника Генриха самым разумным выходом будет затаиться. Ничего не предпринимать, только наблюдать, только смотреть и слушать. И выжидать удобный момент, буде таковой представится. Чтоб все-таки выполнить миссию, возложенную внешней разведкой Европейского Союза.

По лицу Сулима, как обычно, трудно было что-нибудь понять. Но Варга слишком хорошо знал своего шефа службы безопасности и умел читать его общее настроение по разнообразным мелочам — от незастегнутого нагрудного кармана до нервно шевелящегося большого пальца левой руки.

Сию секунду Сулим весьма озабочен — понял Варга. А это предвещает нехорошие новости...

Новости вообще бывают либо плохими, либо попросту отсутствуют. Поэтому Варга, хоть и говорил подчиненным,

что новости — это хорошо, больше всего на свете любил, когда новостей не находилось. К сожалению, так получалось очень нечасто, и чем дальше — тем реже и реже.

— Ну, — заранее печально сказал Варга, — что еще стряслось, мон женераль?

Сулим с грохотом пододвинул кресло и без сил повалился в него, словно только что пробежал марафонскую дистанцию.

— Искомый нюф оказался именно Арчибальдом Рене де Шертарини? — предположил Варга. — И твои братья-варвары его прохлопали? Я угадал?

— Не знаю, — неожиданно спокойно ответил Сулим. — У братьев теперь много не спросишь.

— Что? — поразился Варга. — И их убрали?

— Пока нет. — Сулим слегка помрачнел. — Их взяли сибирские безопасники. Прямо в гостинице.

Варга озабоченно нахмурился. События пошли совсем не так, как они планировали. Во-первых, призванного обрабатывать всех потенциальных конкурентов Испанца убили гораздо раньше, чем было рассчитано. Во-вторых, не ожидалось, что безопасники Сибири решатся так быстро арестовать Шарадниковых... А те решились, значит, известно им куда больше, чем можно предположить. И теперь неизвестно, что сибиряки сумеют вытянуть из Шарадниковых. Даже при условии, что братья не особо много знают.

— Значит, о нюфе ты их не успел спросить... — вздохнул Варга, внимательно глядя на Сулима.

— Не успел, — подтвердил Сулим. — И скорее всего уже не успею.

— Думаешь, сибиряки их перевербуют?

Сулим на миг прикрыл глаза и откинул голову на спинку кресла.

— Я распорядился убрать их, босс.

— Убрать? — изумился Варга. — Но они же в руках безопасников, Сулим! Ты в своем вообще уме?

— В своем, босс. Один раз такая дерзкая акция имеет шансы на успех. Вот вторично пробраться в их управу будет уже невозможно — это бесспорно.

— И ты рискнул Лэснером ради этих двух олухов?

— Нет, босс. Я подумал, что рисковать в данном случае — непозволительная роскошь. Поэтому я послал Гнома, а не Лэснера.

Варга даже привстал от неожиданности и снова опустился в кресло, на этот раз — обессиленно, невольно скопировав недавнее движение Сулима.

— Ну, Сулим... Ну... Что ж. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Я тоже надеюсь на это, босс.

— Когда расчетное завершение?

Сулим взглянул на часы.

— Через двадцать семь минут.

— Мне нужна срочная связь с Гномом!

Сулим вопросительно взглянул на Варгу. Потом молча подал мастер-пейджер. Некоторое время Варга колдовал над портативной клавиатурой; потом, когда пейджер мигнул глазком, сообщая, что Гном получил и прочел сообщение, Варга удовлетворенно вздохнул.

— В следующий раз, Сулим, когда будешь отдавать подобные радикальные приказы, свяжись сначала со мной, хорошо?

Сулим невольно напрягся.

— В чем дело, босс? Я нарушил какие-то ваши планы? Вы отменили мой приказ?

— Нет. Не отменил. Просто дал Гному попутное поручение. Пустячное, но, на мой взгляд, перспективное. Сколько там осталось?

— Двадцать четыре минуты.

Варга зафиксировал время в памяти. Ровно двадцать четыре минуты он не станет касаться этой темы ввиду очевидной бесплодности. С Сулимом же надо и еще кое-что обсудить.

— Ладно, — проворчал он. — Что есть интересного помимо?

Сулим подобрался.

— Ну, во-первых, снимок в газете.

— Знаю, — кивнул Варга. — Видел. Конечно, это волки.

— Я выяснил, где этот грузовик заметили. На юго-восточной окраине, в районе Пожарского рынка. Этой же но-

чью сибирские безопасники проводили в том же самом районе еще одну операцию: по поимке одного из независимых агентов. Операция провалилась, сибиряков кто-то опередил. Причем в ходе операции применялись какие-то малоизвестные светоферомонные манипуляции.

— Думаешь, сибиряков опередили именно волки?

Варга быстро схватывал суть.

— Больше некому. Кроме того, я сильно подозреваю, что Испанца зарезали они же.

Варга ненадолго задумался.

— Но тогда получается, что их группировка прекрасно осведомлена о творящемся в городе и склонна к решительному вмешательству.

— Босс, — сказал Сулим, — смешно ждать покорности от волков. Их решимость меня вовсе не удивляет.

— Черт побери. — Варга задумчиво поскреб подбородок, одновременно искоса поглядывая на Сулима. — Как бы выйти с ними на разговор? А, Сулим? Подумай...

— Босс, — сказал Сулим проникновенно, — последнее время я, черт возьми, только об этом и думаю.

Хуже всего было то, что Шарадниковых держали раздельно. В соседних помещениях, но — раздельно. И понятно, в таких помещениях, которые достаточно трудно покинуть даже подготовленному человеку. Гном надеялся, что сибиряки не задавались вопросом, насколько трудно в эти помещения проникнуть. Снаружи. Очень надеялся.

Еще раз он сверился с москитом. Второй этаж... Окна выходят во двор. Гном смотрел — эти окна больше походили на крепостные бойницы и скорее всего расположены под самым потолком. О том, чтоб забраться в здание местного филиала управления внутренней безопасности Сибири через окна, Гном позабыл, едва взглянул на них.

Здание старого, середины века, выроста. Солидное и довольно роскошное. Потолки высокие, стены толстые, а корона, что обрамляет крышу, — и вовсе загляденье. В то время было модно отращивать в короне длинные и мощные ветви; прошедшие годы позволили ветвям окрепнуть и из-

рядно переплестись. Двор обнесен глухим забором — уже умершим. Лет двадцать как умершим. Окаменевшая древесина простоит еще не один век, если, конечно, забор не решат обновить. Штурмовать его — занятие для бездельников... Или для сумасшедших.

Изнутри двора в здание наверняка есть входы. Но они недоступны ввиду собственно забора, поэтому подобный путь Гном тоже отмел.

Оставалось самое естественное и в то же время парадоксальное решение — идти через парадный вход. Прямо сейчас, днем. Вряд ли из Шарадниковых успели много вытянуть. Почти всю ночь оперативная группа из Красноярска потратила на подготовку и проведение неудачного ночного ареста в районе Пожарского рынка. Утром их несгибаемый босс разогнал всех спать — на четвертый, верхний этаж этого же здания; Гном знал, что там нечто вроде служебной гостиницы.

Если верить москиту, с утра в камеры-одиночки к братьям входили дважды, и оба раза ненадолго. Наверное, приносили еду или что-нибудь в этом роде. А вот после обеда ими наверняка собираются заняться очень плотно.

Тихое фырчание экипажа Гном услышал даже на фоне обычных дневных шумов. Он поднес к глазам загодя накормленный бинокль. Пронаблюдал, как Лэснер вышел, оставив ключ в пазу считывателя, огляделся, хлопнул дверцей-надкрылком, но не стал ее запирать, и неторопливо направился прочь. Все. Больше Лэснер тут не появится.

И Гном снова повернулся ко входу в управление.

Вахтер. Старый сверчок-курцхаар, наверняка въедливый и вреднючий. И наверняка знающий всех сотрудников в лицо. Впрочем, именно сейчас в управлении находится прикомандированная группа и новые люди шастают по зданию туда-сюда, досадливо отмахиваясь от вахтера удостоверениями.

У Гнома было удостоверение. Нормальное удостоверение сотрудника службы безопасности Сибири. Даже не поддельное, а вполне настоящее. Только фотография внутри принадлежала вовсе не Гному, а истинному владельцу, действительно сибирскому безопаснику. Теперь это удостоверение недей-

ствительно, но только если успеть заглянуть внутрь и успеть поднять тревогу. Гном не собирался позволять вахтеру заглядывать внутрь.

Он отложил бинокль и сверился с часами. Десять пятнадцать. Пора.

Он уже привстал, когда неожиданно пискнул пейджер.

«Проклятие! — подумал Гном. — Шалят что-то нервишки!»

Сообщение было коротким и очень странным:

«Потеряй где-нибудь свой бинокль. Варга».

Он не стал ломать голову над приказом главного босса. Его приказы всегда осмысленны, только понять это удается далеко не сразу.

«Ну, что? — подумал Гном, кладя бинокль на крышу. — Начну, пожалуй...»

Спуститься и выйти из здания напротив — три минуты. Перейти улицу — еще минута. А вот теперь главное — не оглядываться и сохранять максимально уверенный вид.

Гном поднялся по ступеням и вошел в святая святых. Место, покушаться на которое скорее всего не пробовал еще никто в мире.

Небольшой вестибюль с турникетом, стеклянная будка с вахтером... У вахтера под мышкой кобура. Еще ступени, к площадке перед лифтом; на площадке как раз торчит здоровенный лоб в строгом костюме. Волкодав прямо. На голову выше Гнома.

Волкодаву Гном сдержанно кивнул и полез в карман за удостоверением. Он буквально нервами почувствовал, как напряглись оба — и вахтер, и парень у лифтов. Но, увидев, что Гном вынул красную книжицу со знакомым тиснением, а не оружие, оба расслабились.

По правилам книжицу нужно было показывать в развернутом виде и ни в коем случае не выпускать из рук. Гном сделал вид, будто собирается раскрыть ее и предъявить вахтеру, краем глаза заметив, как волкодав отвлекся и отвернулся, потому что пришел лифт.

Легкое движение — и пущенная из рукава игла вонзается вахтеру в щеку. Вахтер, даже не успев сделать удивленное лицо, расслабляется в кресле, а Гном, подчинившись мгновенному наитию, с тихим «Подождите!» спешит к лифту.

Волкодав, как Гном и ожидал, сунул меж смыкающихся створок ногу; створки снова разошлись.

«Только бы вахтер не сверзился с кресла», — мысленно взмолился Гном. Он не оборачивался, чтоб выяснить, сидит тот еще в кресле или уже упал. Вероятно, сидит, потому что волкодав никак не отреагировал. Створки снова сомкнулись.

Гном занес руку над кнопочной панелью и вопросительно взглянул на волкодава.

— На самый верх, — пробасил тот, внимательно глядя на Гнома. Нехорошо он как-то глядел, не то недоуменно, не то недоверчиво. Гном отвернулся и надавил на кнопку с двойкой, одновременно пуская стрелку в лицо волкодаву.

Тот даже не пикнул. Просто стал сползать по стене лифта и грохнулся бы, если бы Гном его не подхватил.

Путь до второго этажа, понятно, много времени не занял. Створки стали раскрываться; на площадке перед лифтом, к счастью, никого не оказалось. Два коридора — направо и налево. Нужно направо. Но прежде — убрать тушку волкодава из лифта. Как раз напротив, над вестибюлем и входом, небольшой холл. На окнах — старомодные тяжелые шторы до самого пола. Как раз то, что и нужно. Гном мигом доволок волкодава в угол и прикрыл шторой. За ней было пыльно и валялись какие-то иссохшие, мерзкого вида насекомые. Не убирали тут, наверное, со времен царя Гороха.

Итак, направо. Коридор вскоре должен изогнуться, а в двух соседних камерах сразу за поворотом и сидят братья-неудачники. Точнее, наверное, даже не в камерах, а комнатах. Это же не тюрьма, а управление безопасности.

Едва Гном подумал, что в здании на удивление мало народу, из комнаты слева от него кто-то вышел, хлопнув дверью. Гном лишь едва повернул голову и скосил глаза — слава Богу, не кто-нибудь из высоких чинов. Маленький мужчина-такса в штатском.

— Доброе утро, — поздоровался он жизнерадостно. — Вы из группы Чеботарева, да?

— Предположим, — ответил Гном ровно и слегка замедлился, собираясь остановиться и обернуться. Но собеседник скептически хмыкнул и пошел прочь. К лифтам.

Гном неслышно выдохнул, с облегчением, чего уж там говорить, и в прежнем темпе добрался до угла.

За поворотом обнаружился небольшой холл; там дежурил паренек лет двадцати. В форме. И дурацкой фуражке.

— Ага, — пробурчал он, поправляя фуражку, сидевшую на самом затылке. Дисциплинка у алзамайских, судя по всему, хромала. — Наконец-то. К которому сначала?

— Все равно, — честно ответил Гном, лихорадочно соображая, что делать с охранником. Мини-игломет у Гнома был двухзарядный, и обе стрелки он уже использовал. А шуметь не хотелось.

Но парень молча отпер массивную дверь и попросил:

— Не забудьте блокировать створки по выходу...

Гном кивнул, соображая, что это может значить. Наверное... Впрочем, ладно, не это сейчас важно. Важно не мешкать, ибо тревогу могут поднять в любой момент — стоит кому-нибудь заинтересоваться парализованным вахтером. Волкодава за шторой отыщут не сразу, а вот вахтера...

За Гномом закрылась дверь и приглушенно лязгнул засов. Собственно, теперь Гном был в плену, как и Шарадниковы.

Первым делом — быстренько перезарядить игломет.

Дверей, почти таких же массивных, как и уже пройденная, в предбанничке было целых три. Гном сразу понял, что имел в виду охранник: эти двери отпирались не ключами, а посредством большой круглой, похожей на штурвал рукоятки. По выходу следовало закрыть дверь. И охранник просил не забывать об этом.

По правде говоря, Гном ожидал, что к арестованным полагается входить с охраной. Но его просто пустили внутрь. Что ж... Надо пользоваться.

Он подошел к первой двери и заглянул в крохотное окошечко. Сразу стало понятно, почему об охране не позаботились: камера была перегорожена надвое сплошной органической сеткой-мономорфом, и один из Шарадниковых — Валентин — находился по ту сторону этой сетки. Как койот в зоопарке.

Дверь открылась совершенно бесшумно. Шарадников, сидящий в углу на низеньком топчане, вскинул голову. Гнома он, конечно же, не узнал.

Гном, не теряя ни секунды, просунул ствол второго, заряженного не парализатором, а полновесной смертью, игломета в ячейку сетки и нажал на спуск.

Последний раз промахивался он еще в детстве.

Шарадников с удивленным лицом растянулся на кушетке. Яд действовал практически мгновенно; в отличие от деда-вахтера бывший агент «Чирс» успел что-то заметить, но не успел отреагировать.

Дверь камеры Гном тщательно запер, как и требовал бдительный страж на входе.

Второго брата Гном пристрелил так же быстро и бесстрастно. Последний раз он переживал после убийства двадцать два года назад.

Не забыл он запереть и вторую камеру. После этого спрятал разряженный игломет и приготовил в рукаве безотказную малютку с парализатором.

На стук в дверь страж отозвался почти сразу.

— Так быстро? — удивился парень, опять поправляя фуражку.

— Да вот, забыл, — сокрушенно вздохнул Гном и выпустил стрелку. И вторично успел подхватить падающее тело.

Этого пришлось оставить как есть, потому что коридор перед камерами был совершенно пуст, если не считать каких-то плакатов на стенах. Не за плакатами же его прятать?

Быстро, но без суеты Гном направился к лифтам. В дальнем конце противоположного крыла кто-то курил в коридоре и негромко переговаривался. Глазок лифта светился красным; торчать в холле, зная, что внизу в любой момент может подняться опасная суматоха, Гном просто не смог. Ведь рядом была лестница, огибающая шахту лифта.

И он, пересчитав ботинками ступени, спустился по ней.

Холл по-прежнему оставался пустым; вахтер сидел в кресле и казался просто спящим. Турникет почему-то не захотел вращаться, возможно, вахтер должен был отключить какой-нибудь стопор, и пришлось просто перемахнуть через ограждение, благо возразить все равно никто не мог.

Уже на улице Гном взглянул на часы. Семь минут. Все заняло у него всего-навсего семь минут... Ну семь тридцать

две, если совсем точно. Он отводил себе от десяти до пятнадцати.

Впрочем, еще ничего не закончилось. Предстояло еще дойти до экипажа и благополучно уехать.

Гном привычно подавил в себе естественное желание броситься к экипажу бегом. Он не имел на это права — даже сейчас, в самом конце дела. Как профессионал.

Только отъехав на квартал-другой, он смог расслабиться.

— Среди бела дня, — зловеще прошептал Золотых. — В контору. Входит посторонний. Проникает к арестованным. Убивает их. И без помех уходит! Поверить не могу.

Чеботарев мрачно взглянул на оцепеневшего на топчанчике Шарадникова. Зеленоликий охранник в нахлобученной на самые глаза фуражке скорбно торчал в предбаннички. Охраннику было явно нехорошо.

— Игломет, — сообщил изнутри Шелухин. — Скорее всего какая-то разновидность кураре. Смерть в течение полусекунды после контакта.

— Бережинскому башку отвертят, — мрачно предположил Чеботарев.

Бережинскому, местному начальнику филиала, действительно завидовать не приходилось. Впрочем, акция все равно оставалась беспрецедентной. В управу служб безопасности еще никому не приходило в голову вламываться.

— Русские, ручаюсь, уже знают, — вздохнул Золотых. — Позор на весь мир. Пошли, Степа...

Шелухин, отодвинув дверь, вышел из камеры с мертвецом и направился следом за начальством.

В холле перед лифтами столкнулись с Бардтиновым и Нестеренко.

— Господин полковник, — обратился Нестеренко. — Нашли вашего ординарца.

И указал на угол холла. Бардтинов предупредительно откинул штору — в пыли и мусоре валялся Олежка. Глаза у него были закачены.

— Мертв?

— Парализован. Тот же контактник, каким обезвредили вахтера и дежурного у одиночек, только доза, по-моему, побольше.

— Значит, трое... Еще кто-нибудь его видел?

— Архивариус видел. Даже говорил с ним.

— Говорил? — удивился Золотых. — О чем?

— Архивариус решил, что он из нашей группы, о чем и спросил. Пришлый вежливо ушел от ответа, и они разошлись.

— Вызови архивариуса... Это такой худой и мелкий?

— Да. Борис Стахович, такса. Он уже в кабинете.

— Значит, трое плюс один канцеляр. Профи высшего класса... Словесный портрет составили?

— Со слов дежурного у одиночек — уже да; с вахтером сейчас беседуют. Таксу теребят на предмет фоторобота, он дольше всех видел этого профи. Ординарца вашего, понятно, еще не допрашивали.

— Так пусть его приведут в себя и допросят, черт побери!

— Выполняется, господин полковник. Врач заканчивает с вахтером и спешит сюда.

Золотых фыркнул. Спешит! Хрен ли теперь спешить? Ловкач, убивший Шарадниковых, уже далеко.

— Все трое сказали, что он был лысый. Абсолютно, даже уши. Немного похож на пинчера, но не чистого. В нашей картотеке нет никого похожего.

На лифте Золотых и Чеботарев поднялись в кабинет. Шелухин остался дожидаться доктора; Олежку пока вынули из угла и заботливо уложили на ковер перед окном.

В кабинете уже расположилась троица русских вээровцев — Коршунович, Лутченко и Баграт. Золотых ревниво зыркнул на них, но совершенно не уловил на их лицах злорадства и от этого рассердился еще сильнее.

Хотя правильно: чего русским злорадствовать? Только забот лишних добавилось.

— Ну? — спросил Коршунович. — Выкладывай, Семеныч. Чего накопали?

Золотых усилием воли подавил злость. Надо сотрудничать. Таков приказ, да и здравый смысл подсказывает, что

надо. Загнать мучительный стыд поглубже, проанализировать случившееся и обратить все что можно на пользу.

— Да чего тут рассказывать... Такой наглости не ожидал никто, этим он и воспользовался. Вошел с парадного входа, сунул вахтеру удостоверение... в закрытом виде. Потом сделал вид, что собирается его раскрыть, и выстрелил в вахтера. У лифтов в это время торчал мой ординарец; каким-то образом гость парализовал и ординарца, после чего поднялся на лифте. Затащил ординарца за штору в холле и, видимо, сразу же направился в нужное крыло, из чего легко заключить: о местоположении арестованных ему было известно загодя. В коридоре столкнулся с местным архивариусом, перебросился парой фраз. Архивариус ничего не заподозрил, решил, что он из нашей группы, и пошел своей дорогой; этот без промедлений направился к одиночкам. Дежурный тоже принял его за одного из нас, что в общем-то вполне естественно. Откуда в здании управы посторонние? Проник внутрь, пропущенный тем же дежурным, и практически сразу постучался назад, дескать, забыл что-то. Моментально выключил дежурного. И все, больше его никто не видел. Вероятно, быстренько покинул здание и тю-тю... Минут десять у него на все ушло, не больше.

— М-да... — протянул Коршунович. — Матерая работа. А мотивы каковы, как думаешь?

— Шарадниковых заткнуть, — пожал плечами Золотых. Злость его мало-помалу испарялась. Коршунович подошел к делу очень корректно и профессионально. Золотых и сам к этому стремился. — Какие еще могут быть мотивы, сам подумай?

— А если это волки? — вмешался Чеботарев. — Очень ведь бесцеремонная работа. Прям как на Пожарке ночью...

— Вряд ли, — усомнился Коршунович, задумчиво качая головой. — Волки в Берлине клали всех без разбору — намеченных жертв, свидетелей, людей из полиции, если те успевали вмешаться. А тут очень чистая работа. Убиты только Шарадниковы, остальные просто временно выключены из событий. Образцовый «фитиль».

— Твоя правда, — кивнул Золотых. — Не волчья это работа, нутром чую...

— Погодите, — вставил вдруг Чеботарев. — Говорят, этот фрукт был лысый?

Золотых уставился на него.

— Лысый. А что?

Чеботарев возбужденно потер щеки.

— Дьявольщина! Подвал на Пожарке! Куда мы ночью ездили!

— А что — подвал? — не понял Золотых.

Чеботарев изо всех сил пытался казаться спокойным.

— Шелухин там все досмотрел как следует... С помощью экспертов, разумеется. Это только на первый взгляд там подобрали все до крупинок, как я докладывал. А на деле мы нашли несколько волосков у зеркала. Свежесрезанных. И еще — на самом зеркале, на умывальнике, в стоке... В общем, вечером тот, кто в этом подвальчике обитал, с большой долей вероятности подстригся, а затем наголо выбрил голову.

Золотых задумался.

— А потом, выходит, инсценировал собственное похищение, так что ли? — спросил он с сомнением.

— А почему нет? — Чеботарев все более увлекался собственной версией.

— Не пойдет, — хмуро сказал Нестеренко. — В подвальчике обретался афган, а в управу ходил пинчерообразный аморф.

Азартный огонь в глазах Чеботарева сразу потух. Но он еще пробовал сопротивляться:

— Не чистый ведь афган... Мешаный...

— Афгана с пинчером не спутаешь, — вздохнул Нестеренко. — Даже мешаного афгана с мешаным пинчером. Даже если обоих обрить налысо.

— М-да, — протянул Коршунович. — А гипотеза интересная. Скажите-ка, други, а не было ли в первом круге потенциальных поднадзорных изначально лысых?

— Нет, — не задумываясь ответил Золотых.

— А пинчеров?

— Михеич этим занимается, — подсказал Чеботарев. — С таксой-архивариусом работает. Может, и найдут кого похожего.

— А может, и не найдут. — Золотых болезненно поморщился. — Даже наверняка не найдут.

В дверь постучали; спустя секунду вошел Герасим, доселе шаставший по окрестным улицам.

— Ну? — повернулся к нему Золотых.

— Просто поразительно, — ответил тот. — Никто ничего не видел. Приблизительно во время визита в управу с поперечной улицы отъехал экипаж. Ни породы, ни номера, ни даже цвета установить не получилось. И еще вот. — Герасим выудил из внутреннего кармана пластиковый пакет, обернул носовым платочком руку и показал всем присутствующим портативный широкодиапазонный оптический усилитель. — Оставлен на чердаке дома напротив. Сыт, полностью готов к действию. Никаких отпечатков или сопутствующих следов. Того, кто его оставил, не видела ни единая живая душа.

— Блин, — выругался Чеботарев. — Можно подумать, что здесь пустыня, а не город!

Коршунович, взявший из рук Герасима бинокль вместе с платочком, покосился на него.

— Пустыня, говоришь? — переспросил он непонятно зачем.

Чеботарев осекся и вопросительно воззрился на него.

— Э-э-э... В каком смысле?

— А вот погляди, — сказал Коршунович и показал ему маленькое клеймо на панцире бинокля.

Чеботарев, шевеля губами, прочел:

— «Питомник оптических селектоидов. Ашгабат, Туркменистан».

— И впрямь пустыня, — крякнул россиянин Лутченко.

— Да бросьте вы, — брюзгливо сказал Золотых. — Мало ли где его вырастили? И мало ли кто им пользовался...

Повисло недолгое молчание, прерванное стуком в дверь.

— Да! — раздраженно бросил в сторону входа полковник.

Вошел взъерошенный Больных. Вид у него был слегка очумелый.

— Ё-моё! Еле прошел в контору! Корочки шесть раз показывать пришлось и два папиллятора проходить.

— Спохватились, — буркнул Чеботарев угрюмо. — Кой дурень теперь сюда полезет? Впрочем, чего еще ожидать... Как у тебя, Саша?

Золотых вмешался:

— По полной доложись... Тут коллеги.

Больных кивнул:

— Есть, господин полковник...

Золотых поморщился, но смолчал.

— Я прослеживал вероятные пути проникновения Шарадниковых в Алзамай. Поскольку у них самих это выяснить не удалось и, подозреваю, уже не удастся, шансы на успех были весьма невысокими. Но, — Больных горделиво выпрямился, — тем не менее...

Он помахал в воздухе несколькими бумажками.

— Это корешки ральсодорожных билетов; рейс... — Больных заглянул в билеты, — сто десять-бис, Ашгабат — Караганды — Краснояр...

— Ашгабат? — не выдержал Лутченко. — Черт побери!

— А что такое? — насторожился Больных.

— Продолжай, Саша, — командным голосом велел Чеботарев. — После.

Больных вновь набрал в грудь воздуха и, теперь уже шаря взглядом по лицам слушателей, возобновил рассказ:

— ...Ашгабат—Караганды—Красноярск—Хабаровск, так называемый «Азиатский экспресс». Шарадниковы сели на него в Ашгабате, вышли в Красноярске примерно за сутки до момента, когда в базе гостиницы «Привокзальная» была подправлена дата их заселения. Но это еще не все. — Больных покачал перед носом указательным пальцем и выудил из тощенькой пачки бумажек еще одну.

— А это билет на имя Давора Мрмича, более известного нашему ведомству под псевдонимом «Испанец». Тому самому, которого убили в тупике за вокзалами. Билет на тот же экспресс, которым приехали Шарадниковы. В тот же вагон. И даже в одно и то же купе. Только в Красноярске эта троица разделилась и до Алзамая добиралась уже порознь. Шарадниковы — парой, Испанец — самостоятельно.

— И сел Испанец, конечно же, в Ашгабате? — скорее уточнил, чем спросил Чеботарев.

— Разумеется, Степа. Разумеется, в Ашгабате.

Золотых с сомнением покачал головой:

— Испанец в одной команде с этими олухами? Поверить не могу.

— Но убрали-то их, по сути дела, скопом, а это что-то да значит, — задумчиво протянул Коршунович и хлопнул себя по коленям: — Черт! Ваша система регистрации ральсодорожных билетов позволяет раскапывать многие вещи!

— А это потому, Вениамин Палыч, — с неким намеком на благодушие в голосе пояснил полковник Золотых, — что в Сибири регистрацию билетов не считают посягательством на свободу передвижений. Больных, продолжай!

Тот выудил из пачки очередную бумагу.

— Я взял на себя смелость и изрядно покопался в банках ральсодорожной службы и таможни. Вот это список отслеженных пассажиров, транзитом или директом прибывших из Ашгабата в Алзамай в интересующий нас период. Всеми видами транспорта. Семьдесят шесть человек. Конечно, это не все. Думаю, процентов шестьдесят—семьдесят от реального числа. Из них в городе по-прежнему находятся четырнадцать; пятьдесят девять убыли. Трое мертвы.

— Группа из Иркутска прибыла уже? — Золотых привычно взглянул вправо, но ординарца на положенном месте не оказалось. Золотых чертыхнулся.

— Прибыла, — ответил Чеботарев, сделав вид, что ничего не заметил. — Мне кадровик сказал.

— Надо их подключать, — буркнул Золотых. — Вот пусть они этим списком и займутся... И еще: скажи кадровику, чтоб вместо Олежки прислали кого-нибудь толкового!

Чеботарев немедленно взялся за мобильник; полковник вопросительно поглядел на Больных:

— Все у тебя?

— Так точно, господин полковник. На сегодня — все.

— Молодец! Полезно поработал. Подключайся к своей группе.

Тот сдержанно кивнул и уселся за стол с краешку, поближе к Чеботареву.

— Кстати, — озабоченно сказал Коршунович. — А охрану в доме Эрлихмана усилили? А, Семеныч?

Золотых фыркнул:

— Обижаешь! Сегодня охрану даже в буфет загнали. А пост в доме Эрлихмана даже не удвоили, а утроили. Во избежание, как говорится.

— Все равно маловато, — проворчал Коршунович. — Утроили — это сколько? Вместо трех там теперь девять балбесов? Они хоть вооружены?

— Вооружены, Вениамин Палыч, что за вопрос! Табельными иглометами.

— Иглометами, — не унимался разведчик-россиянин. — А стрелять они хоть умеют? Или, как ваш грозный вахтер, в кобуре бутерброды таскают?

— Стрелять-то они умеют, — вздохнул Золотых. — Но, боюсь, это единственное, что они умеют...

Он поднял взгляд на Чеботарева и, увидев, что тот уже успел поговорить и мобильник спрятал, сказал:

— Степа! А в самом деле, пошли-ка туда пару своих ребят. Чего стоят алзамайские, мы уже видели. Сегодня.

Чеботарев кивнул и выразительно посмотрел на Больных. Тот вскочил.

— И Оскара Бардтинова возьми, — добавил он уже в спину.

— Есть.

В двери Больных столкнулся с рассыльным, который принес еще влажные оттиски с фотороботом лысого наглеца, убившего братьев Шарадниковых. Некоторое время оттиски ходили по рукам.

— Ладно, — вздохнул Золотых минуты через три. — Давайте-ка, братья-славяне, еще разок проработаем все с самого начала. И поглядим, кому произошедшее было выгодно, а кому нет. Поехали...

Вечер уверенно перерос в глубокую ночь. Маленькие городки редко бывают шумными в эту позднюю пору — вот и на юго-восточной окраине Алзамая погасли поеледние огни и воцарилась патриархальная тишь. Над коронами домов нависло звездное небо, и звезд было столько, что казалось, будто это не синева́тые огоньки разбросаны по бесплотной

черноте, а на фоне сплошного сияния кое-где встречаются темные пятнышки. В эту пору мечтается о заветном... или просто спится как никогда.

Одинокий грузовик с выключенными фарами мчал по трассе Шантарск—Алзамай, пустынной в ночное время. У границы города он свернул влево, на объездную, забирая восточнее. Обогнул почти полгорода и потом углубился в жилые кварталы, оцепеневшие до рассвета. На большом пустыре за электроподстанцией грузовик замер и затих, а из кузова стали бесшумно выпрыгивать люди. Двенадцать человек.

Предводитель подошел к кабине и коротко, свистящим шепотом переговорил с водителем и его напарником. Потом властно взмахнул рукой, и все, кто выпрыгнул из грузовика, быстро покинули пустырь. Растворились под сенью деревьев. Двигались эти люди на удивление мягко, но вместе с тем неожиданно проворно, и не производили при этом никакого шума.

И еще они практически не имели запаха. Точнее, что-то окутывало их, что-то такое, что мешало уловить их истинный запах и забивало ноздри какой-то безликой химией.

К трехэтажному дому на улице Иркутской они подобрались с разных сторон; двое, повинуясь команде старшего, прокрались поближе и некоторое время провели у самого забора. Потом вернулись.

— Кэп, охрана усилена, — прошептал один. — Двое на крыльце, двое в саду и по крайней мере шестеро в доме.

Тот, кого назвали Кэпом, некоторое время размышлял.

— Снять их можно?

Разведчик тихо фыркнул.

— Конечно. Но может подняться шум.

— А внешней охраны нет? В других домах? На соседних улицах?

— Пока не засекли. Местные большею частью спят. Воон в том доме, — разведчик хмыкнул и ткнул пальцем в темноту, — покуда трахаются. Чуть дальше какой-то кретин мучает компьютер. И это все, что взяли сканеры.

Кэп кивнул и решительно скомандовал:

— Ротан, Кекс — остаетесь на месте; Штопик, Слива — прикрываете с поперечных улиц. Остальные — к дому. Архипа, Дрон, берете тех, что в саду, Дудник со мной — тех, что на крыльце. Не зевать. Если что — стреляйте.

И после короткой паузы выдохнул:

— Начали!

Двое без промедления разбежались в стороны от дома, двое остались в тени придорожных деревьев, остальные ловко перемахнули через забор.

Но незаметно сделать это им не удалось; один из охранников на крыльце вскочил, и везде тотчас вспыхнул яркий свет. Двор осветился. Неясные тени у забора даже не попытались укрыться или сбежать: они рванулись вперед, в атаку: шестеро — к дому, двое — в сад.

В доме тоже вспыхнул свет, безопасники-сибиряки хватались за оружие. Ночную тишину вспорол звук выстрелов — стреляли атакующие. Метко, одиночными. Охранники перед входом давно уже валялись на крыльце; кто-то коротко вскрикнул в саду. Один из нападавших с размаху вломился в окно, второй вскинул на плечо короткую трубу и шарахнул в форточку третьего этажа шоковую ракету. Бабахнуло. Полетели стекла. Свет наверху погас; нападающие метко и сноровисто били по наружным прожекторам. В доме сдавленно вжикали иглометы и грохотала ожившая мебель.

Один из людей, оставшихся напротив дома, бесстрастно пристрелил пытавшегося улизнуть в темноту охранника. Штопик на поперечной улице загнал в дом полуголого мужика, выскочившего на шум, и отстрелил коммуникационную линию, чтоб не вздумал куда звонить.

Вскоре все закончилось: охрана дома на Иркутской была нейтрализована в полном составе. Нападавшие потеряли одного человека, задетого паралитической иглой.

— Кэп! Основная аппаратура в подвале. Хотя наверху тоже много чего, но это все большей частью бижутерия.

— Архипа, Дрон, Дудник — занимаетесь верхом. Чиж, Ядвига — на крыльцо. Остальные — вниз.

Через пять минут в доме не осталось ни единого целого прибора, ни одного действующего устройства и ни одного

живого селектоида. Остались груды сожженной органики и покореженного пластика. Остались обломки мебели да горький дым.

Нападавшие заканчивали обшаривать дом в поисках материалов, записей или кристаллов с данными, когда примчались два легковых экипажа, полные безопасников. Но Ротан с Кексом не позволили никому даже выйти из экипажей — синхронно шарахнули из ракетниц. Экипажи вспухли дымными вспышками; волной в нескольких местах проломило забор.

Не спал уже весь квартал. И Кэп вызвал грузовик, потому что бегать по улицам уже не оставалось времени.

Парализованного вынесли из дома на руках. Вынесли и все, что показалось подозрительным. Напоследок выпустили несколько динамических зарядов, и дом в который раз сотрясся от бушующей внутри бури. Жалобно трещали перекрытия.

Грузовик исчез настолько быстро, что никто из соседей толком не заметил, в какую сторону.

А на тротуаре перед проломами в высоком заборе остались догорать два экипажа.

Поздно ночью полковника Золотых разбудил звонок мобильника. Докладывал мрачный и тоже невыспавшийся Степан Чеботарев.

— Господин полковник? — просипел он в трубку. И от этого «господин полковник» вместо более привычного «Семеныч» у Золотых все внутри похолодело. — Господин полковник, только что было совершено нападение на дом Эдуарда Эрлихмана. Двадцать три трупа, включая оперативную группу в полном составе, и четверо тяжелораненых. Уничтожена вся селектура и все приборы, данные либо тоже уничтожены, либо похищены. От дома остался только ствол да перекрытия... кое-где. Среди гражданского населения жертв нет. Хотя это слабое утешение, конечно. Я распорядился назначить оцепление силами европейского мобильного спецназа, теми, что вчера прибыли по объединенной программе. Я... — Чеботарев замялся, — не превысил?

— Нет, Степа, — прошептал Золотых. — Ты не превысил. Сейчас выезжаю...

02: Область раскрытия

— Что это ты сегодня — ни свет ни заря? — проворчал Варга, отхлебывая кофе. Потом протяжно зевнул.

Шеф разведки и отдела безопасности «Чирс» выглядел свежее Варги, но темные круги вокруг глаз ясно говорили о том, что Сулим последние двое суток больше работает, чем спит.

За окнами еще не успело как следует посветлеть. День только начинался.

— Подтвердились данные насчет Эрлихмана, босс. Практически, так сказать, подтвердились.

— Практически?

— Да. Он действительно давно работал на прибалтов, но разрабатывал не волков, а те самые летающие тарелочки, о которых мы с вами, босс, неоднократно уже беседовали. Теперь больше не приходится сомневаться, что у него дома было приживлено много исследовательских и регистрирующих селектоидов, а также механической аппаратуры. Вполне вероятно, что именно Эрлихман знал о делах чужих под Алзамаем больше, чем кто бы то ни было. Он должен был выйти на связь с агентами Балтии — с догом и эрделем, теми самыми, которые гонялись за его убийцей. Вполне вероятно, что он даже знал, где наиболее вероятно следует искать базу волков. Прибалты последние дни вели себя пассивно, и мои люди их в городе ни разу не засекали.

— Сулим, — проникновенно сказал Варга, — и только за этим ты меня поднял в такую рань? Не верю.

— Конечно, не за этим, босс. Дело в том, что волки перешли в наступление.

Варга приподнял брови.

— Как это?

— Ночью они наведались к дому Эрлихмана; к этому моменту дом охранялся сибиряками-безопасниками, а после вчерашнего визита Гнома к ним в контору безопасники даже усилили посты. Но дело не в этом. Волки перебили всех — и усиленную охрану, и подоспевшую десятку из резерва. Они там оставили только обугленный ствол да остатки забора. Тяжелое оружие разрывного типа наподобие новейших гранатометов, которые разрабатывают россияне. Черт, я только теперь осознал, что нам, землянам, просто нечего им противопоставить. Они в состоянии смять любой заслон, любую оборону!

Варга склонил голову набок.

— Но, собственно, нам это и нужно. Мы ведь именно этого и добиваемся, не так ли? Получить солдат, которых невозможно будет остановить?

— Так, босс, — отозвался Сулим, несколько угрюмо. — Но нам нужны послушные солдаты. А с этими... Удастся ли с ними хотя бы договориться? Даже не совладать, нет. Договориться?

— Надо пробовать... Кстати. Я так понимаю, они благополучно разгромили дом Эрлихмана и уничтожили все результаты его наблюдений. А потом убрались. Так?

— Так. За ними и гнаться-то некому было.

— Значит, сибиряки опять остались ни с чем?

— Не знаю. Все-таки они довольно долго имели доступ к материалам Эрлихмана. Кое-что они наверняка раскопали. И кстати, прибыл европейский спецназ. Их прямо с поезда кинули в оцепление.

— Оцепление чего?

— Дома Эрлихмана, конечно! Точнее — останков дома Эрлихмана. На оцепление всего города сил спецназа не хватит. Я думаю, город оцепят пограничники, как только прибудут.

Варга кивнул. Вообще он выглядел довольным, чего Сулим никак не ожидал. Обычно Варга так выглядел, когда сбывались какие-нибудь его прогнозы. Похоже, он предвидел волчью атаку на жилище балтийского резидента. Впрочем, для Сулима атака тоже не стала особой неожиданно-

стью. Хотя Сулим все же считал, что этот дом привлечет в первую очередь разномастную братию разведчиков, а вовсе не волков.

Рассвет медленно растекался по небу.

— Босс, — вздохнул Сулим, прерывая долгое молчание. — Скажите, а зачем все-таки вы приказали Гному потерять бинокль?

Варга отвлекся от каких-то своих таинственных мыслей и торопливо допил остывший кофе.

— Бинокль? Хм... Погоди, Сулим. Погоди. Скоро мы поймем, угадал я с этим или нет. Пока все выглядит так, как будто угадал. И кстати, приготовься на всякий случай. Скорее всего сегодня нам нанесут визит сибирские безопасники. Сюда, в гостиницу.

Сулим вздохнул. Шеф «Чирс» был и оставался для него непостижимым человеком.

Всегда.

— Рихард, — негромко сказал Юрий Цицаркин. — Кажется, мы с тобой попали.

— Крупно? — лениво поинтересовался дог, даже не подумав встать с дивана или хотя бы приподняться.

— Крупнее не бывает.

Цицаркин бухнулся в престарелое кресло, выращенное еще, наверное, в восемнадцатом веке. Как и диван, впрочем.

— Выкладывай, — вздохнул Рихард. Последнее время он прочно уверился, что все события имеют тенденцию развиваться от плохих к худшим. — По-моему, мы с тобой крупно попали еще в тот момент, когда родились на свет. Причем ты — лет на десять раньше меня.

Цицаркин только что вернулся с сеанса аварийной связи, которую агенты Балтии затребовали после провала недельного связного, причем предварительно Цицаркин долго кружил вокруг снятого жилья, боясь привести кого-нибудь на хвосте. Слава Богу, все оказалось чисто и спокойно.

— Значит, так, ystaevae. Убитый Эрлихман вовсе не был недельным связным. Точнее, был не только и не столько недельным связным. Все гораздо интереснее закручено.

Цицаркин умолк. Рихард терпеливо ждал, потом не выдержал:

— Ну говори, говори, не тяни харзу за хвост.

— Он двадцать лет работал на научную разведку. Представляешь? Почти двадцать. И почти все время — в Алзамае.

— На чью научную разведку? Европейскую?

— Нет, на нашу. Балтийскую.

— А у нас есть научная разведка? — удивился Рихард.

— Выходит, есть. Я тоже не знал, если честно. Впрочем, они ведут всего несколько тем и все очень давно. По крайней мере мне так сказали. Одну из них вел в Алзамае Эрлихман. И эта тема очень плотно связана с нашим заданием. Плотно, но очень уж неожиданно. Эрлихман должен был вывести нас на волков. На их лагерь-базу где-то в тайге. Он знал координаты.

— Даже так?

— Даже так.

— И?..

— Его убрали. Чтобы остановить нас. И это им почти удалось — мы потеряли больше суток и неизвестно, насколько отстали.

— Так... — Рихард брал быка за рога. — Где Эрлихман обитал в Алзамае, известно?

— Да. Я выяснил.

— Туда нужно наведаться.

— Там сейчас полно сибирских безопасников. Это дело передано из ведения полиции в ведение службы безопасности.

— Ну, ясен пень, — хмыкнул Рихард. — Убийство ведь.

— Ясен, — согласился Цицаркин. — Давай, ystaevae. Сходи осмотрись; но я тебя умоляю: ни во что не встревай. Если координаты действительно можно установить, покопавшись дома у Эрлихмана, сибиряки их уже установили. Или установят в ближайшее время. Попробуем сесть им на хвост, потому что больше ничего не остается.

— Ладно, — согласился Рихард. — Осмотрюсь. Когда биобус в город?

Цицаркин поморщился:

— Отставить биобус. Мне надоела эта эпопея с поездками и ожиданием на остановках. Я купил мопед-малютку. На

улице отдыхает... — и метнул Рихарду малюсенький ключ, остро пахнущий чем-то мускусным. — Я его обкормил до отвала, на ходу засыпает. Так что не зевай...

— Понял, Юра. Жди.

Только теперь Рихард Вапшис соизволил покинуть диван. Собираться ему было не нужно: по закону верблюда «все мое ношу с собой» действовал любой сколько-нибудь квалифицированный агент.

Некоторое время Рихард и Цицаркин провели склонившись над подробной картой Алзамая, на которую были нанесены не то что все здания, но и чуть ли не все деревья городка.

Перед выходом Рихард внимательно поглядел в окошки веранды; Шумилово, село под Алзамаем, они с Цицаркиным выбрали из-за того, что тут все на виду — и жители, и приезжие. В данный момент они были единственными чужаками в Шумилове. Так сложилось, что все заезжие экологи имели обыкновение останавливаться здесь, а прибалты-разведчики притворялись именно экологами. И потому не вызывали особого интереса. Селяне просто периодически интересовались у них: не желают ли господа купить молока или самогона? Молока «экологи» иногда желали, а самогон приходилось покупать и складировать под кроватью, чтобы не вызывать ненужных подозрений, потому что непьющий эколог в этих краях был более невероятным существом, чем балтийский разведчик.

Малютка стоял прислоненный к поленнице. Хотя сельские дома все как один были достаточно современными, а значит, с симбионтным отоплением, в Сибири сохранился старый обычай растапливать зимою камин. Отсюда и дрова почти в каждом дворе.

Мопед казался игрушечным — маленький, красненький, блестяще-чешуйчатый, с близко посаженным глазками и единственной фарой на рогатом руле. Двинулся он, что называется, с полпинка — едва Рихард вставил ключ и послал его вперед. Мопед мягко покатил по усыпанной хвоей дорожке.

Рядом с биобусной остановкой тропинка вливалась в трассу — неасфальтированную, но сухую и гладкую, укатанную-

утоптанную. Совершенно неожиданно Рихард почувствовал себя счастливым — было что-то завораживающее в этом не особенно быстром движении верхом на малютке. Во встречном ветре. В тихом урчании мопеда. В послушно стелющейся навстречу трассе.

Иногда, очень редко, но все же случаются в жизни моменты, когда, совершенно непонятно почему, осознаешь: именно ради этого и стоит жить. Именно ради того, чтобы время от времени мчать на послушном мопеде сквозь тайгу, вдыхать полной грудью летние ароматы и на короткий миг почувствовать себя свободным.

Жаль, что свобода так недалеко простирается — всего лишь до окраины Алзамая. Там снова придется стать разведчиком, состоящим из глаз, ушей, носа и внимания. А пока Рихард упивался свободой.

Тайга как-то быстро и незаметно стала городом. Рихард уверенно сворачивал, где нужно, — план Алзамая был основательно проштудирован еще в спеццентре.

Мопед Рихард оставил на стоянке за несколько кварталов от дома Эрлихмана. Агент-научник обитал на улице Иркутской, в довольно большом трехэтажном доме; к тому же Рихард подозревал, что в доме весьма обширный подвал. Для начала Рихард покружил по соседним улочкам, совершенно безлюдным. За высокими оградами возвышались ладные кедры, увешанные пузатыми беличьими хатками. На ветвях короны старенького домика резвились две молодые харзы, похожие на проворные лимонные молнии. Где-то вдали монотонно, как неотлаженный заржавленный механизм, стрекотала сорока.

Едва Рихард свернул на Иркутскую улицу, окружающее мгновенно изменилось. Провинциальная благость мгновенно куда-то испарилась. У дома Эрлихмана теснились десятки экипажей, улицу блокировали вооруженные спецназовцы в форме Европейского Союза, а от самого дома веяло страхом.

За линию оцепления Рихарда, конечно же, не пустили. Он присмотрелся издали, глядя поверх голов любопытствующих. Забор был сломан в нескольких местах, увечная ветка

сосны при крыльце сиротливо свешивалась почти к самой дороге. Все окна третьего этажа были выбиты.

Тут явно что-то происходило. Совсем недавно — скорее всего ночью или ранним утром. И Рихард нисколько не сомневался, что эти события не случайны.

Толпа откровенно пялилась на пострадавший дом; внезапная смерть Эрлихмана уже сама по себе вызывала любопытство соседей, а тут еще и чей-то разрушительный визит. Эрлихман наверняка слыл человеком тихим и незаметным; хороший агент обыкновенно не привлекает ничьего внимания, а Эрлихман не мог быть плохим агентом, раз сумел продержаться в Алзамае целых восемнадцать лет. Соседи Эрлихмана щедро делились собственными соображениями со случайными прохожими.

Вдруг Рихард обнаружил, что ближайший парень из оцепления пристально глядит на него. Пришлось изображать из себя праздношатающегося зеваку — поторчать в толпе, побродить, вытягивая шею, поцокать языком. И все это таким образом, чтобы свое лицо по возможности парням-спецназовцам в оцеплении не показывать. Задача настолько же кажущаяся простой, насколько на самом деле сложная. Некоторое время Рихард даже осматриваться толком не мог, и когда наконец продефилировал вдоль всей цепочки зевак, перекрывающей улицу, и смог снова обозреть окрестности, он обнаружил, что наблюдает уже не в одиночестве.

Чуть поодаль, в густых кустах орешника, явно с умыслом насаженного хозяином перед собственным домом, стоял невысокий ньюфаундленд. Позиция у него была очень выгодная: сам он видел почти все, что творилось у дома Эрлихмана, а заметить нюфа возможно было всего с двух точек: с той, где сейчас оказался Рихард, и с противоположной стороны улицы, на продолжении воображаемой прямой.

Нюф холодно воззрился на Рихарда, зевнул и неторопливо направился прочь; до угла ему было рукой подать.

«Кто он, черт побери?» — подумал Рихард озабоченно.

После вынужденной беготни за злосчастным афганом Рихарда вполне могли срисовать сторонние наблюдатели. Тот же нюф, к примеру. А примелькаться подобной публике —

хуже нет. Агент полезен лишь до той поры, пока незаметен. Внешность Рихард, конечно, слегка изменил, да только наметанному глазу такие перемены не помеха.

Отсюда нужно было убираться, и чем быстрее, тем лучше. Дом под присмотром, пробраться туда — и думать нечего. Даже глубокой ночью. Да и немногое там уцелело, судя по всему. Если сибирякам уже известны координаты, они вскоре отправятся в тайгу. Тогда предстоит осторожно клеиться им в хвост...

Рихард торопливо вернулся к стоянке, забрал мопед и целеустремленно покатил прочь. Несмотря на то что нужно было спешить, он забрал в сторону южной окраины, внимательно поглядывая на попутные экипажи. Но ни один не ехал подозрительно медленно и не останавливался, поджидая ездока на мопеде-малютке.

«На Январской сверну, — прикинул Рихард. — И сразу в Шумилово... Да пошустрее...»

Когда он подъехал к перекрестку с улицей Январской, что соединяла южные районы Алзамая с центром, по ней как раз тянулась колонна тяжелых грузовиков. Пограничных, судя по эмблемам на бортах и дверцах-надкрылках.

Рихард свернул. И тихонько присвистнул.

Колонна была длиннющая как полярная ночь. И тянулась насколько хватало глаз — что вперед, что назад.

Наверное, вот так же в старину, до биокоррекции, когда еще существовали армии, в города вступали войска.

Пограничники в одинаковой зелено-рыжей пятнистой форме лениво высовывались из окон. Кое-где из этих же окон торчали тонкие автоматные стволы с чешуйчатыми насадками компенсаторов и ажурными зубцами прицелов.

«Вот это номер! — подумал Рихард. — Никогда не думал, что увижу такое!»

Вероятно, дела принимают серьезный оборот. Мобильный спецназ Европы, теперь пограничники... Скорее всего координаты базы волков стали известны, и Сибирь активно готовится. А чтобы попытаться предотвратить бойню, вызвала пограничников. В количестве. Конечно, это не такие звери, как волки... Но и не жирный обыватель. Эти хотя бы теоретически

умеют обороняться. Да и вооружены не кое-как, а по последнему слову селекции. Селекции и техники — механическое оружие у пограничников тоже имелось в избытке.

Рихард катил, прижимаясь к обочине, по Январской, а мимо ползли и ползли темно-зеленые пограничные грузовики. Колонна, похожая на чудовищную безмозглую гусеницу.

Грузовики сворачивали с Январской на Беговую. А Рихард поспешил дальше, в сторону Тайшетской. И некогда стало упиваться короткой свободой — приходилось гнать, выжимая из малютки все скорость, на которую тот был способен.

— Юра, — сказал Рихард Цицаркину, когда вернулся. — По-моему, мы с тобой попали еще круче, чем ты думал...

— Константин Семеныч, встаньте на мое место, — умоляюще сказал министр. — Три десятка убитых за неделю. Горожане в шоке. Люди боятся на улицу выйти. Вся Сибирь вот-вот содрогнется!

— Не содрогнется, — буркнул Золотых. — Город мы оцепили, а каналы связи перекрыты. Включая межгород.

— Вообще-то это произвол, — заметил министр.

— Я знаю, Алексей Владимирович. Но есть ли иной выход? Поймите, мы столкнулись с тем, с чем еще никогда не сталкивались. Мне стыдно это говорить, но сегодняшняя ночная резня была совершенно неизбежной. Мы не можем обычными методами отражать удары убийц. Причем великолепно обученных убийц, да еще экипированных и вооруженных лучше нас. Мы сейчас в положении несчастных индейцев после высадки Кортеса. С копьем на игломет — это, знаете ли...

— Знаю, не знаю, — министр болезненно поморщился. — Надо заканчивать с этим. Отыскать их логово... и раздавить.

Золотых откинулся на спинку огромного, как мастодонт, кресла для посетителей к кабинете Бережинского.

— Вы полагаете, что это возможно?

Министр даже подобрался, как харза перед броском.

— Простите, Константин Семеныч... Что значит — возможно? Вы хотите сказать, что не сможете обеспечить локализацию и уничтожение волков?

— Силами службы безопасности — нет. И можете рвать погоны, если желаете. Тот, кто займет мое место, сделает не больше. А скорее даже меньше.

— Что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать, что, если мне не будут переподчинены прибывшие части пограничников и европейский спецназ, результат останется нулевым, а трупов прибавится.

Министр беспокойно завозился в кресле.

— Но... это не вполне в моей юрисдикции. Я не могу приказывать европейским коллегам.

— Зато можете влиять. Кстати, у меня есть еще одно требование. Касающееся не только Европы, но и России с Балтией, а также, вероятно, Сахарского Халифата и Турана. Да и американцам неплохо бы сказать пару ласковых...

— Константин Семеныч! — всплеснул руками министр. — Политика — это не допрос контрабандиста, как вы не поймете...

— Я все понимаю, Алексей Владимирович. Но если политики сейчас будут обмениваться вежливыми и туманными нотами вместо реальных шагов навстречу, волки скоро прорвутся на территории соседних стран. И тогда эти страны почувствуют на себе все, что сейчас чувствуете вы. Сейчас не время играть в слова. Сейчас время решительных и слаженных действий. Для этого мне нужно три вещи, я уже говорил: а) подчинение пограничников, б) подчинение мобильного спецназа Европы и ц) выход из тени всех агентов всех стран и опять же подчинение их мне. В том числе и Шерифа, общего и единственного легального агента на территории Сибири. И меня не интересует, каким образом вы этого добьетесь. Это — ваша работа. Если мы все будем четко выполнять свою работу, мы победим. Если нет... Догадайтесь сами.

Министр впечатленно покачал головой.

— Ну и ну! Интересно, кто из нас министр, а, Константин Семеныч? Кто кому приказывает?

Золотых рывком встал.

— Когда волки выйдут из тени, приказывать будут они. И вам, и мне. Если, конечно, мы к тому времени еще оста-

немся в живых. И будет уже все равно, кто раньше был министром. А сейчас, простите, Алексей Владимирович, мне пора идти и делать свою часть работы. Вот тут, в папочке, внятно изложены мои требования и посильная мотивация моих требований. Командование пограничниками мне будет необходимо уже к обеду. Командование чужими агентами — самое позднее завтра к утру. И поймите наконец, действовать нужно быстро. Иначе так хорошо знакомый вам мир просто рухнет.

Золотых порывисто встал и прошел к выходу, ни разу не оглянувшись на оцепеневшего министра. Специально прилетевшего в Алзамай ранним утром.

Конечно, так давить на него, без оглядки на чины, — дурной тон. Но выхода другого просто нет. Министр внутренних дел вызвал Золотых для нещадного разноса, а на деле получил разнос сам. Причем достаточно бесцеремонный. В другое время после подобного демарша Золотых моментально слетел бы со своего поста. В два счета. Но только не сейчас. Министр прекрасно знает, что если и есть человек, способный все-таки справиться с накалившейся ситуацией, то это именно железный полковник Золотых.

Золотых едва успел дойти до выделенного ему Бережинским кабинета, как заверещал красный телефон — прямой президентский канал. Рука привычно потянулась к трубке.

— Золотых.

— Полковник? Здравствуйте. С вами сейчас будет говорить президент.

— Я внимательно слушаю.

В трубке щелкнуло, и знакомый по многочисленным телевыступлениям голос обратился непосредственно к Золотых:

— Здравствуйте, полковник.

— Доброе утро, господин президент.

Золотых не впервые говорил лично с президентом. Даже встречался дважды. Но все-таки сказать, что беседы с ним — дело обыденное, было нельзя. В основном приходилось общаться с министром внутренних дел.

— Алексей Владимирович мне звонил... Жаловался.

— Жаловался? — Золотых постарался вложить в это единственное слово легкое презрение.

— Представьте себе, жаловался. Мол, наехали вы на него, как утюг на платочек.

— Господин президент... У меня сложилось впечатление, что Алексей Владимирович, опытнейший и достойнейший работник, просто не уловил сути момента. Бирюльки закончились. Мы в состоянии войны. Войны — понимаете? И в сложившейся ситуации жизненно необходимо жесткое централизованное руководство. Даже если это идет вразрез с сиюминутными интересами державы — сейчас на кону интересы всей планеты.

— Даже так? — сухо спросил президент.

— Поверьте, я не преувеличиваю. Вы уже просмотрели ролик с последствиями ночного налета волков?

— Нет, еще не успел.

— Обязательно посмотрите. И вы убедитесь, что мои слова — не просто слова.

Президент, казалось, растерялся от такого напора.

— Посмотрю... Обязательно посмотрю. Э-э-э... Собственно, я хотел спросить вот о чем: если необходимые полномочия вам будут предоставлены, вы можете гарантировать разрешение проблемы в кратчайшие сроки?

— Боюсь, господин президент, что в этом деле любые гарантии — не более чем пустой звук. Мы столкнулись с силой, заведомо превосходящей наши возможности. Заведомо. Но с случае, если мои требования будут удовлетворены, наши шансы в борьбе станут максимальными. Промедление сейчас может стоить очень и очень дорого.

— А если вы все же ошибаетесь?

— Что ж, — невозмутимо сказал Золотых, — тогда вам придется меня уволить.

Президент несколько секунд молчал — наверное, размышлял, а может, совещался со своими помощниками. Золотых показалось, что президент в процессе разговора сменил позицию на прямо противоположную.

— Вам позвонят через два часа, полковник. Обязательно будьте на месте.

— Буду. В крайнем случае мне заведут этот канал на мобильник. Я жду, господин президент.

В трубке щелкнуло — на этот раз погромче. Золотых водрузил ее на аппарат и прищурился.

— Зашевелились... Но Владимирович-то каков! Сразу же президенту капнул...

Про себя Золотых добавил еще одно слово. Довольно обидное.

Министр внутренних дел всегда больше пекся о собственной шкуре, чем об интересах страны. И почему наверх всегда пробиваются именно такие типы — скользкие и неприятные?

«Наверное, потому, — ответил себе Золотых, — что нормальные люди вроде тебя, полковник, вынуждены делать грязную работу. И вдобавок — за все отвечать в случае поражения. А министры нужны, чтобы почивать на лаврах в случае победы».

Два часа промелькнули совершенно незаметно — забежал издерганный Чеботарев, которому нужно было приказать все бросить и отправить как следует выспаться, но нельзя, нельзя... Забежал Бережинский с выпученными глазами. После вчерашнего убийства Шарадниковых на него скопом накинулись кабинетные деятели из верхов, но после ночного погрома дома Эрлихмана так же скопом оставили в покое. Аналитики пытались расшифровать записи Эрлихмана — вычислительный центр гудел которые сутки. Золотых намеренно туда не совался, не звонил и не донимал. Был уверен: когда хоть что-нибудь прояснится, немедленно прибегут сами.

Оперативная группа, изрядно поредевшая, просеивала всех, кто в интересующий период приехал в Алзамай из Ашгабата. В процессе взяли двух наркодельцов, прямо с товаром.

Перед самым полуднем красный телефон зазвонил вновь.

— Полковник?

— Я, господин президент.

На этот раз даже референта вперед не подпускали, в трубке с самого начала прозвучал знакомый голос:

— Принимайте командование. И пограничниками, и европейцами. Их начальники вот-вот явятся к вам. Что касается агентов... Предложение рассматривается. В ближайшие сутки ответ станет ясен.

Золотых изо всех сил попытался скрыть облегчение.

— Спасибо, господин президент. Наконец-то у меня будут развязаны руки...

— Не оплошайте, полковник. Мы надеемся на вас. И вот еще что: отсылайте мне короткие сводки каждые три-четыре часа. Только без воды и столь нелюбимой вами дипломатии, голые факты. Договорились?

— Конечно, господин президент. Я распоряжусь немедленно... Впрочем, о чем это я? — спохватился Золотых. — Сводки рассылаются всем членам президентского совета с первого дня.

— Вот как? — удивился президент. — Хорошо, я велю разузнать. Работайте, Константин Семенович...

И президент отключился.

«Хм... — подумал Золотых. — А он знает, как меня зовут! Вот уж чего не ожидал!»

В дверь постучали; заглянул Богдан По, а за его спиной виднелся офицер в полевой пограничной форме.

— Константин Семенович? Здесь командующий пограничным отрядом...

— Прошу! — Золотых встал из-за стола и сделал приглашающий жест рукой.

Он не собирался зря терять время.

Сигнальный жук очнулся из спячки сразу после полудня. Генрих давно бросил просматривать газеты — смысла в этом никакого не содержалось, потому что сибирские конторы закуклили город. В газетах розовая чепуха, линия межгорода беспрерывно занята, на стандартные жучиные радиочастоты накладывается могучая помеха однозначного происхождения... И наверняка оцепление на всех дорогах. И даже тропках.

Город решили превратить в мышеловку. Суровая мера. Во всяком случае, Генрих не был уверен, что Европа решилась бы изолировать целый город. Слишком уж Европа пе-

чется о свободе каждого отдельного человека. А тут — прихлопнули крышку и вся недолга. Все-таки сибиряки — неисправимые практики. Когда нужно...

Пение сигнального жука выдернуло Генриха из раздумий. Конечно, специальные жуки-радиоблизнецы использовали диапазон, отличный от общепринятого. И разумеется, использовали многоуровневую кодировку. Собственно, это была одноразовая пара. Тот жук, что у Генриха, должен был принять сообщение, транслировать его и умереть, унося вместе с жизнью секрет одноразового кода и используемую частоту. Как правило, таких жуков применяли для единственной цели: для внеурочного отзыва агентов, когда обстановка резко меняется.

Жук-передатчик тоже самоуничтожался после сеанса. Дабы генетическую вытяжку никто не смог использовать для расшифровки сообщения.

Генрих без промедления проделал все необходимые манипуляции для приема трансляции. Нацепил наушник и — чтобы не отвлекаться — темные очки. Вскоре в ровное пение вплелся высокий атональный обертон: жук сигнализировал о начале трансляции.

Генрих выслушал короткое бесстрастное сообщение.

Когда он стянул наушник и очки, жук догорал в своем продолговатом коконе. Догорал, не оставляя даже пепла. Он растворялся в пламени без малейших следов. Так уж он был устроен европейскими биоинженерами.

Итак, все закончилось. Генрих устало помассировал переносицу.

Точнее, закончилась предварительная фаза. Досрочно. Но вторая фаза центром отменена, а вместо этого Генриху предписано прийти к сибирским безопасникам и сдаться. Впрочем, сдаться — это неверное слово. Никто его, агента Европейского Союза, не собирается арестовывать за незаконные действия на территории Сибири. Кстати, никаких незаконных действий Генрих вообще не успел предпринять, разве что приехал по поддельному паспорту. Генриха собирались использовать как профессионала. На стороне складывающегося межгосударственного альянса «Земля против волков».

Иными словами, приказывать Генриху отныне станет сибиряк-безопасник. Кто тут у них главный? Наверное, сам шеф службы безопасности — не станет же он в такое горячее время отсиживаться в Красноярске?

Что ж... Приказы Шольца Генрих никогда не обсуждал и не собирался обсуждать. Раз приказано идти и поступить в распоряжение сибиряков, значит, надо идти и поступать. Он деловито перепахал все свое снаряжение, отсеял все секретные новинки, чтобы уничтожить, и оставил все достаточно традиционное, но полезное снаряжение. Накормил оба игломета и почистил механический пистолет. Обнулил все записи на компе. Обнулил память мобильника. И пошел сдаваться сибирякам.

Так и не довелось ему, агенту Европы, ничего здесь сделать: события обернулись таким образом, что Франсуа в самом начале угодил в больницу, а сам Генрих все эти несколько дней оставался просто сторонним наблюдателем. И вот даже это закончилось, причем очень неожиданным образом.

Генрих никогда еще не работал на службы чужих стран.

— Еще, говоришь, круче? — переспросил Цицаркин, в упор глядя на Рихарда. — Ну и что же стряслось?

— В дом Эрлихмана ночью наведались. Там и смотреть теперь небось не на что. Улица блокирована спецназовцами из Европы, я и подойти близко не смог.

Цицаркин ограничился нейтральным кивком; Рихард ждал какой угодно реакции, но только не такой безразличной.

— Юра... Ты что, знал, что ли? — спросил Рихард недоуменно.

— Когда тебя отсылал — еще нет, — сказал Цицаркин. — Садись, напарник. Тут из центра директива свалилась.

— Директива?

— По безоткатке.

— Что, отзывают?

— Представь, нет.

Рихард расслабленно повалился на облюбованный диван.

— В общем, нам нужно идти в лапы к безопасникам, назваться, а дальше делать то, что они скажут.

Рихард, лежа, остолбенел.

— Ахм-м-м... Ты уверен, что это не липа?

— По закрытому каналу? — с иронией в голосе спросил Цицаркин. — Не смеши.

— А что — не смеши? — Рихард даже сел. — Ты что, инсекторадист, что ли? Много ты об этих приемниках знаешь?

— Не много, — признался Цицаркин. — Но точно знаю, что настроиться на частоты выращенной пары не сможет никакая другая.

— Теоретически, — уточнил Рихард.

— Теоретически отпечатки носа тоже могут совпасть. Однако ж не совпадают почему-то.

Рихард поморщился.

— Ладно, Юра. Не будем лезть в биоинженерию, мы оба не спецы. Лучше скажи: ты уверен, что директива действительно из центра и что нам не морочат голову?

— Уверен.

— И что будем делать?

— Выполнять.

— Но это... как бы это сказать... убивает наше преимущество, что ли. По всей теме.

— Рихард, — проникновенно сказал Цицаркин, — сейчас мы либо объединимся с Россией, Европой и Сибирью, либо все вместе проиграем. Что тебе больше нравится?

Рихард Вапшис тяжело вздохнул.

— Мне ни то, ни другое не нравится.

— Мне тоже. Но выполнять будем. Так что поднимай свой laiska dirsa и перетряхивай вещички. На предмет эксклюзива. Уяснил?

— Уяснил, босс... — Рихард послушно встал с дивана. — Слушаюсь, босс...

Формально в двойке Цицаркин значился старшим и имел право приказывать. Рихарда утешало только одно — недолго ему осталось приказывать. И подумал об этом Рихард наполовину с добродушным злорадством (по отношению к на-

парнику), наполовину с легкой тоской (по отношению к моменту).

Кто станет радоваться, когда приходится подчиняться соперникам?

В вихре событий Арчи и не заметил, как минуло девять дней. Мать опять хлопотала на кухне, снова накрывался стол, снова в дом сбрелись родственники и знакомые, и Арчи даже рад сделался очередному поручению: мать заслала его на рынок за чем-то съедобным. За чем именно — Арчи даже запоминать не стал, попросил, чтобы ему написали подробную шпаргалку, сунул ее в карман и успокоился.

По дороге на рынок он невольно принялся в который раз анализировать последние новости. Позиция стороннего наблюдателя, которую определило ему начальство, теперь не казалась глупой и зряшной. Он все еще жив и не раскрыт, а активные теперь где? Где шустрый афган, убивший Эрлихмана? Где Испанец, отправивший на больничную койку д'Арсонваля? Где настырные братья, которые выгоняли Арчи из наблюдательного пункта в баре магазина Кузьминых? Достоверно Арчи знал, что уцелел долговязый дог, которого квалифицировали как прибалта, — Арчи видел его на улице неподалеку от пострадавшего дома Эрлихмана. Ни о его напарнике, ни о гипотетическом напарнике д'Арсонваля, ни об ашгабатских гастролерах, к которым, видимо, принадлежали братья Шарадниковы, Арчи больше не имел решительно никаких сведений. Афган, скорее всего американец, тоже бесследно исчез, но этот исчез как-то нехорошо, суматошно, из чего Арчи и заключил, что он либо убит, либо взят кем-то помимо сибиряков, может быть, и волками. Остальные же наверняка залегли на тюфяки. И выжидают.

В город ввели пограничников и европейцев — все как один здоровенные лбы, — Арчи видел их в оцеплении перед домом Эрлихмана. Как на подбор — ризены, ротвейлеры, немецкие и бельгийские овчары... Рослые ребята, решительные и весьма неплохо экипированные. Уж Арчи-то знал толк в экипировке.

В ближайшие же сутки должно проясниться, раскопали что-нибудь сибиряки у Эрлихмана или нет. Если погранцы слаженно двинут в тайгу — значит, раскопали. И тогда придется волей-неволей садиться им на хвост. Причем нагло и цинично, потому что предполагаемые координаты волчьей базы Арчибальду, понятно, никто не удосужится вовремя сообщить. А когда сообщат, будет уже поздно догонять.

Нырнув в людской поток, что вливался на рынок, Арчи невольно вслушался в свежие городские сплетни.

Дороги перекрыты, ни в город, ни из города проехать невозможно. В центре ступить некуда, на каждом углу патрули, проверяют у всех документы, у кого нету — без разговоров кладут мордой в асфальт, обыскивают и задерживают до выяснения. На аэродроме с утра садился правительственный самолет, синий такой, с флагами на брюхе. Межгород не работает, и радио заглушили. По телеку сплошь «Лебединое озеро», прям как во время давнего путча. На Иркутке цельный квартал разнесли в щепочки и две сотни человек погубили (тут Арчи скептически хмыкнул, потому что доподлинно знал: разнесли только внутренности одного-единственного дома и погибли при этом двадцать четыре человека — двадцать три на месте и один по пути в больницу). Какой-то банкир, когда не смог позвонить по межгороду, решил, что это по его душу, и сдуру сиганул в окно, причем не убился, потому что упал сначала на сосну, а потом в фонтан. Видать, нечиста совесть. Мясо подорожало, потому как подвоза с утра не было из-за все тех же кордонов.

Больше всего Арчибальда поразила сухонькая рыжая бабуля-бракк, с жаром утверждавшая, будто в городе «полным-полно шпиёнов». И откуда это ей стало известно?

Потом поток разделился и потек вдоль торговых рядов, и вместо слухов стала слышна только торговля да выкрики продавцов, расхваливающих товар. Арчи вытащил шпаргалку и пошел набивать здоровенную сумку по списку. Торговаться Арчи не любил, и на нем скорее всего многие сегодня неплохо нажились.

Итак, думал Арчи, уже сегодня к вечеру многое прояснится. И тут же, очень непоследовательно, с легким раздра-

жением, вспомнил, как мать утром решила застелить его койку и наткнулась на игломет под подушкой. Арчи ее еле успокоил.

Бедная мама. До сих пор убеждена, что ее сын — инструктор-водолаз, вынужденный часто ездить в командировки и учить людей неводных морфем держаться на плаву...

Остался всего один пункт из списка, который Арчи приписал сам: корейское блюдо хе. Мясо с морковкой и луком, особое, очень острое. На обычном месте его почему-то не продавали, может быть, тоже из-за пограничных кордонов? Арчи спросил раз, другой; потом вдруг почуял слежку и напрягся. Но тут же узрел Виталия Лутченко, чему несказанно удивился, но виду, конечно, не подал.

— Хе спрашивал? — весело сказал Лутченко, приближаясь. — Надо? Пойдем!

Арчи скептически взглянул на часы.

— А далеко? Я спешу вообще.

— Да тут рядом! — заверил Лутченко.

— А крабов у вас нет? Остреньких? — немедленно поинтересовались со стороны.

— Крабов — нет, — вздохнул Лутченко, умело работая локтями.

Уголком глаза Арчи заметил и Баграта, своего ровесника. Баграт держался в стороне и казался поглощенным собственными заботами.

Лутченко вывел Арчи за рыночную ограду и остановился только у полосатой «Белки», что приткнулась в узкой щели между экипажами у самого тротуара.

— Садись, — велел Виталий и распахнул дверцу-надкрылок.

Незнакомый парень принял из рук Арчи пухлую сумку и немедленно запихал ее в багажник, а сам уселся на место водителя.

В экипаже было прохладно и тихо; Арчи заметил, что это спецпорода, с прочными стеклами и наверняка с антипрослушиванием.

— Это вы за мной по рынку таскались? — хмуро спросил Арчи. — А то я не успел разглядеть.

— Мы. Больше никого, мы проверяли.

— Ну так что?

— Кое-какие изменения, друже. Кое-какие...

Лутченко поглядел в окно — на противоположной стороне улицы маячил Баграт с бутылкой пива в руке. Он лениво озирался и сейчас был очень похож на рыночного ловкача-кидалу в поисках жертвы.

— В общем, сегодня утром проведен брифинг в самых верхах. — Лутченко многозначительно кольнул взглядом потолок. — Участвовали представители четверки — Сибирь, Россия, Европа и Балтия, — а также наблюдатели Японокитая и Турана. Все, кроме Турана, ну и Сибири, конечно, признались, что отсылали независимых агентов. Но я думаю, что и Туран в ближайшие же часы признается. Ввиду чрезвычайной важности обстановки решено переподчинить всех агентов непосредственно службе безопасности Сибири. Короче, конец чехарде.

Арчи бесстрастно поглядел на Лутченко.

— Меня тоже переподчиняют?

— Тебя — нет. Ты по-прежнему в стороне, но теперь о тебе уже знают. В смысле, что ты агент, а не просто к родственникам приехал. Теперь твоя задача — увидеть все, что произойдет, и рассказать когда вернешься.

— Значит, — подытожил Арчи, — базу волков обнаружили?

— Не совсем. Определили приблизительное местоположение. Вечером погранцы выступают. Маршем. Тебе тоже предстоит стать как бы погранцом. Вот, держи. — Лутченко вытащил откуда-то из под ног пакет с пятнистой формой и второй — с ботинками. — Ровно в восемь вечера на углу Зеленой и Ольшанского остановится пограничный грузовик-тент. Просто сядешь в кабину. Захвати легкое оружие и средства связи по образцу два. Никаких документов. Водила грузовика вкратце обрисует тебе ситуевину. Ну, что у них за подразделение и что тебе придется делать. Водилу зовут Владимир Пожарков. Он представится. Повтори.

Арчи послушно, как автомат, без всяких интонаций повторил:

— Восемь вечера, угол Зеленой и улицы Ольшанского, быть там в форме погранца; подъедет пограничный грузовик, сесть в кабину, если водитель назовется Владимиром Пожарковым. При себе иметь легкое оружие, связь по двойке и не иметь документов. Далее действовать согласно инструкциям; генеральное задание — все увидеть, запомнить и вернуться.

— Отлично. У тебя не память, а компьютер, ей-право.

Арчи промолчал. Ну какой, к черту, агент без тренированной памяти?

— Тебя отвезти? — справился Лутченко. — А то сумочка у тебя неподъемная даже с виду.

— Хе я так и не купил, — проворчал Арчи. — Ладно, поехали...

— Очередной, — сказал Чеботарев. — По-моему, китаец.

— Зови, — велел Золотых.

Чеботарев дал сигнал кому-то за дверью. Вошли четверо европейцев-спецназовцев, рослых, на загляденье, ребят, и невысокий плотно сбитый мужчина. Шарпей. На пороге шарпей поклонился. Золотых невольно приподнялся в кресле и кивнул в ответ.

— Господин полковник! — доложил один из спецназовцев. — Капрал Сфорца, Е-Эс. Согласно приказу нового руководства отряда, мое отделение несло патруль на улице Малахитовой. В четырнадцать двадцать три к патрулю приблизился вот этот мужчина и произнес условленную фразу. Я решил препроводить его лично.

— Хорошо, капрал. Можете возвращаться к своему отделению...

Спецназовец козырнул, сделал знак своим ребятам и вышел. Золотых остался с шарпеем наедине.

— Я полковник Золотых, руководитель единой программы. Назовитесь, пожалуйста.

— Агент Японокитая, текущий псевдоним Панда. Настоящее мое имя, полагаю, вам совершенно ни к чему.

По-русски китаец говорил безукоризненно.

— По соглашению правительств наших стран вы обязаны сообщить все, что посчитаете важным, относительно предстоящей операции. Сообщить мне. Я вас внимательно слушаю.

Шарпей, нимало не смущаясь, парировал:

— Вряд ли я располагаю информацией, которая вам, полковник, еще не известна.

Золотых поморщился. Конечно. Никто не хочет выбалтывать тайны даже сейчас. Чертова политика, каждый тянет воз в свою сторону, в то время как волки действуют слаженно, словно единый организм. Обидно, черт возьми! До чего обидно!

Но вслух Золотых ничего, разумеется, не сказал.

— Вы агент-одиночка?

— Да.

— Есть какая-либо специализация? Пожелания относительно вашего участия в операции?

— Я бы попросил определить меня в передовую ударную группу, полковник, — с достоинством попросил шарпей. — Если хотите, можете проверить меня в спортзале и на тренажерах.

— Проверим, — кивнул Золотых. — Обязательно проверим...

Он вызвал Михеича и перепоручил ему очередного иностранного агента. До сегодняшнего дня — соперника и объект повышенного внимания. Цель контрразведчика. Теперь — почти коллегу.

Все вставало с ног на голову.

По мере приближения к зданию службы безопасности кордоны становились все плотнее и все многочисленнее. И проходить их стало невероятно трудно. Генрих инстинктивно старался подойти к цели как можно ближе и сдаться в самый последний момент. Потешиться последней иллюзией свободы.

Но дойти ему все же не дали. Даже на нужную улицу свернуть не получилось: из-под арки слаженно вынырнули четверо спецназовцев в родимой европейской форме. Ген-

рих когда-то сам такую носил: во-первых, в спецшколе, а во-вторых, во время практики. Целых полгода.

Ребята-спецназовцы привычно наставили на прохожего длинноствольные иглометы. Старший, долговязый капрал-ризеншнауцер, на неплохом русском предложил показать документы.

Генрих, держа руки на виду, негромко сообщил капралу:

— А ночка-то темная выдалась. И много кто может выйти из темноты.

Патрульные сразу же напряглись; капрал подобрался, облизал губы и ответил тоже условной фразой:

— Все, кто выходит, уже не опасны. Опасны те, кто остается.

Генрих кивнул:

— Ведите. Да, и можно мне руки опустить? Я, понятно, вооружен, но даже доставать ничего не собираюсь.

— Вообще-то мне приказано оружие изымать, — сказал капрал. — Простите, а вы какую страну... представляете?

Генрих усмехнулся:

— Европейский Союз. И форма ваша, ребята, мне знакома. Сам такую таскал. В Брюсселе... и потом.

Капрал сразу повеселел.

— Не буду я у вас оружие отбирать!

«Ну и дурак, — равнодушно подумал Генрих. — Во внешнюю разведку тебя точно не возьмут. Так и будешь всю жизнь капральствовать да патрули водить».

— Спасибо, — сказал Генрих капралу. Мысли никак не отразились на его лице.

Впрочем, это неприятно, когда кто-то выворачивает тебе карманы и хлопает по бокам в поисках игломета. Лучше без этого.

— Руди! За старшего! — велел капрал кому-то прячущемуся в подворотне и снова повернулся к Генриху: — Следуйте, пожалуйста, за мной.

Трое крутоплечих ребят потащились за ними следом.

К зданию и в само здание их пустили без проволочек, но зато внутри, перед лифтом и на этаже, пришлось дважды показывать свой липовый паспорт. Центр скорее всего со-

общил данные этого паспорта сибирякам, и те бдили, чтоб кто-нибудь посторонний не притворился единственным агентом-европейцем. Людей в здании было много; кто в штатском, кто в форме сибирских пограничников, кто в родимых европейских комбинезонах...

Капрал ввел Генриха в довольно скромный кабинет, козырнул и доложился грузному полковнику-лайке, который почему-то носил мундир даже по летней жаре.

— Господин полковник, у нас агент Европы. Сдался патрулю на улице Сибирской, выразил полное желание сотрудничать. Проверку прошел, все уровни.

— Добро, капрал. Можете быть свободны.

— Есть...

Капрал козырнул, повелительно качнул головой, и его ребятки стали по очереди вытряхиваться за дверь.

Кроме полковника, в кабинете находились трое штатских: один пожилой со смутно знакомым лицом, и двое помоложе, приблизительно Генриховых лет.

— Я — полковник Золотых, руководитель новой единой программы, — в который уже, наверное, раз за сегодня повторил полковник. — Представьтесь, пожалуйста.

— Генрих Штраубе, агент внешней разведки Европейского Союза. Сегодня утром получил приказ поступить в ваше распоряжение. Я весь ваш, полковник.

— Штраубе! — оживился второй пожилой. — Правая рука Манфреда Шольца! И вероятный его преемник!

«Преемник? — удивился Генрих. — Что за новости? Шольц что, в отставку собрался?»

А даже если бы и собрался — молод еще Генрих, чтобы претендовать на столь высокую должность. Штатский определенно что-то путал.

— Не хотите ли сообщить что-либо важное? — справился полковник с легким нажимом. — Возможно, вы располагаете данными, которые неизвестны нам?

Генрих пожал плечами:

— Сомневаюсь, что мне известно больше, чем вам, полковник. Вкратце ситуация такова: я ничего не успел сделать в Алзамае и вдобавок с первых же часов остался без напар-

ника. Кто его вывел из строя, я выяснил, но не выяснил, кого он представляет; кроме того, я запомнил вероятного наблюдателя и если увижу его, непременно узнаю.

— Степа! — Полковник выразительно взглянул на одного из безопасников помоложе. Тот немедленно сел за компьютер, вскрыл фолдер, называющийся почему-то «Ашгабат», и вытащил на экран фотографию.

— Взгляните-ка! — предложил Золотых. — Может, встретится кто знакомый?

Генрих подсел к компу. Степа стал неторопливо менять фотографии на экране.

Под конец второго десятка Генрих ткнул пальцем в экран:

— Вот этот мне знаком. Именно он вывел из строя моего напарника. Кличка — Испанец, в школе обучался под именем Давор Мрмич. Первое же задание бросил и скрылся.

Золотых кивнул; видимо, эта информация не являлась для него тайной, но его порадовал тот факт, что Генрих выразил готовность к сотрудничеству.

На экране сменилось еще несколько лиц, и вдруг Генрих узнал человека, которого запомнил сидящим на лавочке и глядящим на толпу, что собралась вокруг Франсуа в тот самый злополучный первый день. Человек этот на фотографии выглядел несколько старше, нежели в жизни, но Генрих сразу же его узнал. Именно это лицо Генрих запечатлел в памяти, когда прятался за газетным киоском.

— Это он! — сказал Генрих. — Имя и клички мне неизвестны, видел я его всего один раз. Когда Испанец вырубил Франсуа и скрылся, этот тип сидел через дорогу на лавочке и на все это пялился. Потом ушел. Больше я его не встречал, ни разу.

Генрих мгновенно отметил, что все в комнате напряглись: Золотых нахмурил кустистые брови; второй, пожилой, озабоченно потянулся в карман и извлек трубку мобильника; Степа за компом шустро обработал фотку в фотодизайнере и отослал куда-то прямо с экрана. Информация Генриха явно сдвинула с мертвой точки какое-то сибирское дело.

— Спасибо... э-э-э... Генрих, — пробасил Золотых. — Еще что-нибудь?

Генрих задумался.

— Наверное, следует рассказать вам мое видение ситуации. Так будет проще.

— Да, пожалуй.

— Волки периодически наведываются в Алзамай, о чем говорит и та странная фотка в газете с летающим грузовиком, и штурм дома убитого балтийского резидента. Я собирался каким-нибудь образом зацепиться за их хвост и установить вероятные координаты базы, но, понятно, ничего не успел. Вообще, если совсем откровенно, моя миссия в Алзамае была близка к провалу, потому что я отчетливо сознавал: слишком многие меня обгоняют. В общем, я даже обрадовался, когда наше руководство сделало шаги навстречу друг другу.

— Что можете сказать об исчезнувшем афгане, убийце резидента-прибалта?

— Не очень много. Я его считаю американцем и думаю, что не ошибаюсь. По тому, как резко он выпал из событий, делаю вывод, что он устранен кем-то из многочисленных алзамайских гостей.

Золотых задумчиво покивал:

— Добро, Генрих, спасибо за сотрудничество. Последний вопрос: как вы видите свое участие в предстоящей операции? В каком качестве?

Генрих пожал плечами:

— Да мне, в сущности, все равно. Могу работать как полевой агент, могу с обработчиками. Полагаю, вам виднее.

— Понятно. Умеете ли стрелять, думаю, спрашивать не совсем удобно...

— Умею. — Генрих ничуть не обиделся. — Из любого оружия. У вас тир есть?

— Конечно. Ладно... — Золотых вызвал из коридора одного из своих людей. — Герасим! Отведи человека на тесты. В первую группу.

Герасим кивнул и поманил Генриха пальцем.

— Спасибо за открытость, — поблагодарил напоследок Золотых. — Если честно, вы первый, кто пришел к нам с поднятым забралом и реальной готовностью сотрудничать.

Генрих развел руками и ничего не сказал.

Он так и не вспомнил, кто таков второй пожилой безопасник в кабинете, хотя лицо его по-прежнему казалось знакомым.

Едва европеец покинул кабинет, из смежной комнаты высунулся Шелухин с ЗаССовской трубой в руке.

— Нестеренко объявился, — сказал он. — Прибалтов отследил.

Золотых нетерпеливо щелкнул пальцами; Шелухин быстренько приблизился к столу и протянул трубу.

— Золотых, слушаю...

— Господин полковник? Нестеренко, с басовокзала. Только что прикатил биобус из Шумилова, на нем приехали оба прибалта — дог и эрдель. Оба с рюкзачками, пошли в сторону стоянки такси. Богдан По за ними приглядывает...

— Мышей ловят? — поинтересовался Золотых. — В смысле — по сторонам хоть глядят?

— Глядят. Богдана они, по-моему, срисовали, а я не показывался, из зала наблюдал.

— Скажи Богдану, чтоб на рожон не лез. Даже если они не станут сдаваться.

— Понял, выполняю...

— Таскайтесь за ними, можете даже сильно не прятаться. Но и в первый ряд нечего лезть.

— Понял, господин полковник...

Нестеренко отключился.

— Ну, что, — сказал Золотых Коршуновичу. — Последняя парочка. Остальные сдались.

— По-моему, и эти сдадутся. Иначе твои шустрики черта с два бы их отследили.

— Ты это... добрее будь, вот, — огрызнулся Золотых без всякой злобы. Слишком уж давно они с Коршуновичем друг друга знали. И мелкая пикировка соперников-профессионалов давно стала чем-то вроде полуобязательного ритуала.

— Кстати! — Золотых хлопнул себя по лбу. — А что с Шерифом? Где твой Лутченко?

Коршунович взглянул на часы.

— Скоро объявится... Через час-полтора, наверное.

Золотых тоже взглянул на часы.

— Черт, завтракать пора. Сходим, что ли?

— Надо бы, — вздохнул Коршунович. — У меня тоже это... кишка кишке колотит по башке.

Золотых усмехнулся и вызвал ординарца:

— Олежка! Распорядись, чтоб завтрак несли!

— Так поздно уже завтракать, Константин Семеныч! Обедать давно пора!

— Ну пусть обед несут, какая разница! И можно заодно вчерашний ужин...

— Давай все-таки сходим, а, Семеныч? Подумаешь, пару минут... — предложил Коршунович.

Золотых пожал плечами:

— Ну ладно, давай... Олежка, отставить, мы в буфет пойдем! Степа, побудь тут, после нас позав... Гм! Пообедаешь, лады?

— Конечно, Константин Семеныч.

Золотых встал из-за стола, оправляя китель.

— Тебе не жарко? — поинтересовался Коршунович. — Снял бы ты его...

— Жарко, — фыркнул полковник и выразительно воздел указательный палец горе: — Однако я сейчас являю собой лицо Сибири. Вот прибалтов проведем, тогда и сниму.

— Тучноватое, надо признать, лицо, — фыркнул Коршунович. — Ты когда в футбол последний раз бегал?

— Футбол я не люблю, — вздохнул Золотых, выходя из кабинета. — Я теннис люблю.

— Теннис? — Коршунович задумчиво пожевал губу. — Это импортное дрыгоножество и рукомашество? Я понимаю — футбол или, там, волейбол. Но теннис? Тебе не кажется, что это игра для маленьких девочек?

— Тогда уж давай всей толпой в регби играть. Дабы подчеркнуть мужескость. И без судьи, чтоб клочья из всех летели...

— Клочья из нас полетят, Семеныч, не беспокойся. В самое ближайшее время.

— Так! — Золотых остановился посреди коридора. — У нас обед, понял? Мы отвлекаемся душой и... это... восстанавливаем силы. Так что о деле — ни слова.

— Молчу, молчу, — отмахнулся Коршунович. — Порядочки у вас...

— А что, в России иначе?

Коршунович только вздохнул.

В буфете было полно спецназовцев. Рядом с каждым столом аккуратными треугольными вигвамами стояли иглометы. Да не ручные, а длинноствольные, каждый с рукоятью и выступом под вторую ладонь, с упором для плеча и приживленным двуморфом целеуказателя.

— Что-то у меня аппетит разыгрался, — проворчал Коршунович. — Хотя когда я по-людски обедал в последний раз — и вспомнить не могу...

Едва они вернулись в кабинет, Степа Чеботарев сообщил:

— Сдались прибалты. Приехали на тачке прямо к кордону на Звездном и вылезли с поднятыми руками. Сейчас здесь будут.

— Вот видишь, Семеныч, как полезно обедать в буфете. Пока ты насыщаешься, дело само делается...

— Сделается оно, как же! — Золотых уселся на свое место. — Рак на горе семикратно свистнет, пока оно само сделается...

Всю дорогу Рихард был мрачен, а Цицаркин — уныл. Единственное, что радовало, так это отпавшая необходимость сохранять осторожность и глядеть в оба. Тем не менее еще на басовокзале Рихард тихонько пихнул Цицаркина локтем и взглядом указал на сибиряка-безопасника, который созерцал их проход к стоянке такси из-под темных очков.

— Следят, орелики, — буркнул Рихард по-балтийски. — Боятся, наверное, что мы сбежим куда-нибудь.

Он исподлобья взглянул на сибиряка и несколько секунд его откровенно рассматривал.

— Интересно, — сказал Цицаркин, — а если бы мы и правда решили сбежать, что бы они сделали?

— Не знаю. — Рихард пожал плечами, отчего изрядно похудевший рюкзачок за его плечами колыхнулся. — Могли бы и пристрелить, между прочим. Мы теперь как бы в юрисдикции Сибири.

— Почему — как бы? Действительно в юрисдикции. Дурацкое, кстати, положение.

— У других — не лучше.

— Лучше, Рихард. Лучше. Они подтягиваются из отстающих к основной группе. А мы — из лидеров влипаем в самый пелетон. В самую гущу.

Рихард с сомнением пожал плечами и обратился по-русски к проходящему мимо таксисту:

— Ехать бум, папаша?

— Бум! — оживился папаша. — А куда?

— В управу службы безопасности.

Лицо у папаши вытянулось.

— Ето на Басевича, что ль? — переспросил он. — Так туды хрен теперича проедешь! Кордонов и не счесть, еще от бульвара.

— Ну тогда до кордонов поедем, — вздохнул Рихард, открывая дверцу заслуженной «Тайги», изрядно потрепанной временем и суровыми сибирскими условиями.

Цицаркин молча уселся рядом с Рихардом.

Едва таксист тронул пестики и рванул «Тайгу» с места, как завзятый раллист, Рихард снова перешел на балтийский:

— Ты действительно веришь, что у нас был серьезный отрыв? У научников наших, в смысле.

— А зачем тогда дом Эрлихмана разнесли? От скуки, получается?

— А я вот что думаю, — сказал Рихард. — Может, и было у Эрлихмана что-нибудь интересное, да только он это сумел скрыть. Замаскировать. Если бы там содержалась информация о базе волков, результаты наблюдений — и все это было бы доступным, — сибиряки ни за что не позволили бы кому-либо все это уничтожить. Даже волкам. Эвакуировали бы в конце концов. Куда-нибудь от греха подальше. В собственную контору, например. Или к дружинникам в гарнизон.

Цицаркин хмыкнул.

— Ты полагаешь, волкам труднее было бы разнести контору безопасников? Вон какой-то одиночка там такого шороху навел — сибиряки небось до сих пор зады оттирают от вазелина. Да и гарнизон волки, по-моему, растаскали бы по

клеточкам без особого напряга. Подобную информацию в подобное время сохранить вообще невозможно.

— Может, ты и прав, — вздохнул Рихард. — Может...

Они помолчали, и таксист решился осторожно вставить фразу:

— Эй, ребятки! А по-каковски это вы гутарите? Ну ни словечка не понятно!

— По-мадьярски, — зачем-то соврал Рихард.

Таксист впечатленно покачал головой:

— Надо же... Так вы мадяры, что ль?

— Не, мы зулусы, — продолжал сочинять Рихард. Цицаркин покосился на него с сомнением.

Неизвестно, чем бы завершился столь содержательный разговор с уклоном в этнографию, но тут «Тайга» уперлась в переносной барьерчик, стоящий поперек улицы. Рядом переминались с ноги на ногу и бродили туда-сюда европейцы в спецназовской форме.

— Гляди, — пробурчал Цицаркин. — Явились. Оккупация прям.

Долговязый овчар-бельгиец, чернявый, словно облитый смолой, заглянул в окошко экипажа:

— Документики, пожалуйста!

Говорил он по-европейски твердо, с преувеличенной артикуляцией. Даже странно было слышать такой выговор после десятка дней в Сибири.

Рихард и Цицаркин отдали рабочие паспорта; дедок протянул спецназовцу водительские права и вдруг громко зашептал в окно:

— А ети двое по-ненашему гутарють, о! Проверьте их похлеще, граждане охранники.

— Ах ты, зараза, — скучным голосом протянул Рихард. — Стучишь? Хрен теперь денег от нас дождешься!

— А не нать мне ваши поганые евромарки! — агрессивно вскинулся дедок.

— Выходите из экипажа, — велел овчар, отступая на два шага и поднимая игломет. Рядом немедленно возникли еще трое плечистых прицеливающихся ребят — выучка у мобильного спецназа Европы была традиционно безукоризненной.

Цицаркин и Рихард послушно подняли руки и полезли из «Тайги» наружу.

— Кто тут у вас старший? — сморщившись от дневного света, осведомился Цицаркин. Потом увидел на плечах ближнего спецназовца-ризеншнауцера капральские лычки и очень усталым голосом сообщил: — Темно здесь у вас по ночам... Столько всякого из темноты лезет...

Капрал выпрямился.

— Кто вылез, те уже не опасны, — сдавленно отозвался он после некоторого раздумья. — Опасны те, кто все еще кроется в темноте.

И без паузы:

— Капрал Оверпельт. Извольте сдать оружие, господа.

Рихард и Цицаркин одинаковыми движениями сбросили с плеч рюкзаки и отдали спецназовцам. Оделись они нарочито легко — в шорты и майки, чтоб сразу было видно, что при себе оружия нет.

— Пойдемте в наш экипаж, — велел капрал. — И спасибо за сотрудничество.

Рихарду очень хотелось сказать, куда капрал может засунуть свое «спасибо», но он сдержался. В конце концов не капральское это «спасибо». А просто спущенное сверху. Капрал выполняет, и бессмысленно тут грубить. Вместо этого Рихард сердито пнул заднюю маршевую опору ни в чем не повинной старушки «Тайги». Бдительный дедок что-то сердито зашипел внутри.

Экипаж у спецназовцев был европейский — микробиобус «Мазовия». С бронированными надкрылками и усиленной ходовой. Понятно, что до самого здания управления ни один патруль их больше не останавливал.

Перед входом в управу тоже толклись спецназовцы, причем в изрядном количестве. Цицаркин вторично поймал себя на мысли, что такая картина до странного напоминает оккупацию. Ну где это видано — службу безопасности Сибири охраняют европейцы!

— Выходите, — велел капрал Оверпельт, самолично открывая дверцы-надкрылки «Мазовии». Тон у него был неопределенный: с одной стороны, это и не звучало как при-

каз арестованным, но и крылось что-то на втором плане эдакое грозное, типа намека «трепыхаться не рекомендуется».

Рихард с Цицаркиным и не собирались трепыхаться. Все-таки они оставались профессионалами и на этом своем последнем задании.

Они оба не сомневались, что последнем. После такой засветки их уже никуда не пошлешь — их лица, отпечатки носов, пальцев и сетчатки глаз будут в каждой картотеке. Голоса и феромонные карты — в каждом компе. В каждой более или менее полной и упорядоченной базе.

Больше они не разведчики. Возможно, Сибирь слегка использует их в качестве боевиков, в качестве первой шеренги, которая, по преданиям, не выживает после боя... Если получится выжить и вернуться в Балтию, их ждут долгие мытарства с отчетами и собеседованиями, проверки на детекторах откровенности и в финале, если повезет, досрочный выпих на пенсию.

Но нужно еще, чтобы повезло.

И чтобы волков либо передавили всех до одного, либо почистили им геном. Откорректировали, как каждого землянина в тысяча семьсот восемьдесят четвертом.

— Сюда... — Капрал предупредительно придерживал двери, пропуская их вперед. Охрана, которой хватало и внутри здания, поедала процессию глазами. Перед лифтом проверили документы, причем у капрала и его ребят — тоже. На выходе из лифта — снова.

— Суровo тут у них, — впечатлился Рихард, поворачиваясь к Цицаркину.

— ...стало, — закончил за Рихарда Цицаркин. — Угадай с трех раз — почему?

Рихарду показалось, что капралу очень захотелось приказать им заткнуться, но тут они как раз пришли. Кто-то распахнул перед капралом дверь кабинета — совершенно неказистого на вид. Раньше тут небось какой-нибудь занюханный бумагомарака в нарукавниках заседал.

— Разрешите? — вопросил капрал у человека в полковничьем мундире.

Тот энергичным жестом поманил всех внутрь.

— Капрал Оверпельт, старший патруля на Звездном бульваре. Задержаны два человека; при проверке документов один из них произнес условную фразу. Сопротивления не оказывали, проследовали сюда добровольно. Вот их вещи. — Капрал указал на рюкзачки в руках одного из своих лбов.

— Степа, — сказал с нажимом полковник, и моложавый сибиряк-лайка, похожий, кстати, на полковника в миниатюре, забрал рюкзачки.

— Свободны, капрал.

Оверпельт козырнул и отправился прочь — наверное, снова тащить службу на Звездный бульвар.

— Итак, господа, — полковник указал на два жестких табурета напротив своего стола, — прошу садиться.

«Как на допросе, блин... — сердито подумал Рихард. — Могли бы и стулья поставить...»

— Для начала назовитесь.

— Юрий Цицаркин, внешняя разведка Балтии. Это — Рихард Вапшис, он из корпуса nopea reagoida.

— Замечательно! Я — полковник Золотых, руководитель единой программы, о которой вы, безусловно, уже знаете. Рад, что вы и ваше правительство сочли возможным посотрудничать. Мы очень на вас рассчитываем, господа.

Прибалты тактично отмолчались.

— Не хотите ли поделиться своей информацией? Наверняка вы знаете что-нибудь неизвестное нам...

Рихард и Цицаркин переглянулись с таким видом, словно сбылись все их ожидания одновременно.

— Например, подробности пребывания в Алзамае Эдуарда Эрлихмана, — предложил тему сибиряк.

— Надо говорить. — Цицаркин взглянул на Рихарда. — Приказ был выкладывать все...

— Ну и выкладывай, — буркнул Рихард.

Цицаркин перевел взгляд на полковника Золотых.

— Не думайте, что для нас все это большая радость. С гораздо большей охотой мы бы продолжили свою сольную деятельность...

— Незаконную, — спокойно сказал Золотых. — По соглашению Россию, Европу, Сибирь и Балтию представляет

единый агент. Вы двое и ваш Эрлихман являетесь преступниками.

— Ну да! Старая песня. Для вас, полковник, сибирский разведчик в Балтии — разведчик. А балтийский разведчик в Сибири — шпион. А для нас все наоборот. Так что давайте не будем трепать друг другу нервы.

— Давайте, — с готовностью согласился Золотых. — Я вообще трепать нервы не люблю, ни свои, ни чужие. Давайте сотрудничать в этом странном деле, и если вы внесете посильный вклад, Сибирь не будет иметь к вам никаких претензий и не станет препятствовать вашему возвращению на родину.

Цицаркин потер виски, собираясь с мыслями, и начал:

— В Балтии существует научная разведка, организация полуполитическая и очень глубоко скрытая. Мы, например, агенты внешней разведки и корпуса, о ее существовании не подозревали до определенных событий в Алзамае. Одной из разрабатываемых ею тем было изучение предметов и явлений внеземного происхождения. Нам неизвестны подробности и причины внедрения Эрлихмана в Алзамай, известно лишь, что окрестная тайга давала много материалов по разрабатываемой теме. Эрлихман работал здесь довольно долго и, вероятно, собрал ценнейшие сведения. Когда внешняя разведка заинтересовалась темой волков, научники быстро связали это со своей темой и в одностороннем порядке вышли на внешнюю разведку. Эрлихман должен был сыграть роль временного связного и снабдить нас координатами вероятных точек активности волков; после чего намеревался уйти в тень и дожидаться результатов. Но ему не дали с нами встретиться, и вдобавок теперь потеряны все его наработки и записи. Относительно убийцы Эрлихмана: мы так и не пришли к окончательному мнению, кого он представляет. Очевидно только, что не Сибирь.

— Америку он представляет... Точнее, представлял, — сказал Золотых. — Но вы продолжайте, продолжайте...

— Америку? — переспросил Цицаркин и немного подумал. — Очень может быть. Во всяком случае, это единствен-

ная страна, которая не стесняется афишировать наличие научной разведки.

Золотых подался вперед, навалившись локтями на столешницу:

— Американцы-научники явно вели ту же тему, что и ваши. Но они отставали от вас и потому всеми силами пытались затормозить ваш прорыв к цели.

— Ну, в общем, это им удалось, — честно признал Цицаркин. — Собственно, с убийством Эрлихмана мы сели на мель и сошли с нее только сейчас.

— Значит, координаты объекта, за которым следил Эрлихман, вам до сих пор неизвестны?

— Нет. Если честно, то мы и об объекте слышим впервые. По крайней мере я.

— Я тоже, — буркнул Рихард и снова умолк.

— М-да, — хмыкнул Золотых. — Странные у вас порядочки в Балтии.

Он поразмыслил.

— Ладно. Поскольку информация получена именно со стороны официальной Балтии, думаю, что нет смысла ее утаивать от балтийских агентов.

Цицаркин с легким интересом и в то же время с некоторым сомнением глядел на Золотых: мол, ну, что ты еще нам расскажешь?

— Эрлихман наблюдал за устройством, которое ваши научники называют «маяк». Вам известно, что в районе Алзамая последнее время во много раз чаще, чем в среднем по Сибири, засекались неопознанные летающие объекты? Так вот, это именно из-за маяка. Ваш Эрлихман за ним следил и все эти объекты регистрировал. После нескольких лет наблюдений он вычислил две возможные посадочные площадки и временную базу. И пусть меня режут на части, если это никак не связано с волками. Вот так-то, ребятки.

Цицаркин склонил голову набок.

— Если вам известны координаты посадочных площадок и временной базы, зачем вы остаетесь в Алзамае и ловите нас, бестолковых? — недоверчиво спросил он. — Как-то это странно выглядит.

— Координаты нам известны всего пару часов. С того момента, когда правительство Балтии приготовило нам сводную директиву научной и внешней разведки. Сегодня вечером начинается операция по окружению и блокаде вышеупомянутых волчьих объектов. Кстати, вы в этой операции участвуете. Есть пожелания, в качестве кого?

Цицаркин и Рихард переглянулись.

— А что... есть варианты? — осторожно справился Цицаркин.

— Почему нет? — Золотых развел руками. — Вы — опытные профессионалы, наверняка с солидным практическим опытом. В операции принимают участие сибирские пограничники, собственно оцепление и европейский мобильный спецназ, который полезет в самое пекло. Думаю, что и ваше участие в ударной группе будет нелишним. Во всяком случае, агенты Японокитая, Европы и Турана уже выразили желание поработать в этом направлении.

Цицаркин и Рихард снова переглянулись.

— Ну, раз так... — вздохнул Цицаркин. — То и мы не откажемся. В конце концов у нас приказ подчиняться вам до завершения этого дела.

— Ну и отлично. Желаете что-нибудь добавить?

— Наше снаряжение нам вернут? — спросил Рихард.

— Конечно.

— Тогда — все.

— Степа, — обратился Золотых к одному из своих. — Вызывай Герасима, пусть проводит...

Степа что-то негромко забормотал в селектор, и дверь кабинета тотчас открылась; вошел еще один безопасник.

— Ступайте с ним, — сказал Золотых. — И спасибо за сотрудничество. И рюкзачки, рюкзачки не забудьте...

Коршунович, как и условливались, ненадолго выскочил из здания управы. Он миновал четыре патруля, пока добрался до угла Сибирской. В двухстах метрах от перекрестка располагалась чебуречная — в старом доме с подслеповатыми маленькими окошками.

Лутченко с Багратом уже сидели внутри. Коршунович кивнул им, встал в очередь за троицей каких-то трудяг, однозначно собирающихся сообразить по хмельному делу во время перерыва. Дождался, пока всем впереди отпустили кто чего желал, взял минералку и пару чебуреков и присоединился к своим ребятам за столиком. Те дожевывали чебуреки и допивали скверный кофе.

— Ну как, орлы?

— Все в норме, — тихо сказал Лутченко. — Он подсядет в нашу машину ближе к вечеру.

— С погранцами договорился?

— Да. Гарькавый соорудил приказ о прикомандировании к подразделению связи подвижной спецлаборатории в составе двух экипажей. Приказ протащен через все инстанции, и, по-моему, никто ничего не заподозрил. Все будут убеждены, что лабораторщики — самые настоящие сибирские пограничники.

— Отлично. Прикрытие подготовил?

— Наспех, Вениамин Палыч. Времени нет. Да и какое тут прикрытие? Операция новая, неотработанная, бардака будет выше крыши. На бардак все и спишется.

— Ладно. До вечера в конторе не показывайтесь. Золотых — тертый филин, может унюхать неладное. О Шерифе я ему сам все расскажу. Как договаривались.

— Ясно.

— Все. — Коршунович глотнул для виду минералки, оставил чебуреки нетронутыми и торопливо направился к выходу.

«Эх, — подумал он сокрушенно. — Нехорошо Семеныча за нос водить. А ведь придется...»

И — спустя несколько секунд:

«Чертова работа...»

Золотых при виде российского коллеги заметно оживился:

— А, Палыч! Куда это ты запропастился?

— Начальству докладывался... — озабоченным тоном объяснил Коршунович.

— У нас тут новость... Довольно странная.

Коршунович и не подумал спросить, какая именно.

— У нас эксперт один пропал, Шверников. Вышел из здания, миновал два наружных патруля и пропал. К третьему патрулю, дальше по улице, он так и не пришел. Ума не приложу, что с ним могло стрястись, тут спецназовцев сейчас больше, чем крыс в подвалах.

— А чем он занимался? — Коршунович проявил наконец-то некоторый интерес.

— Да этим самым ашгабатским биноклем... Пытался его судьбу отследить, от клонирования до сегодняшнего дня.

Золотых склонил голову набок, недовольно поморщился, а потом подозрительно уставился на коллегу.

— Чего это ты... словно ужа проглотил?

Коршунович свалился в кресло.

— Да понимаешь... еще проблемы у нас.

— У вас?

— У нас. И у тебя тоже.

Золотых сложил руки на груди.

— Так-так... Ну и какие же у нас еще проблемы?

— Шериф пропал. Лутченко его до сих пор ищет. Ушел с утра на базар — и тю-тю. Говорят, сел в какой-то экипаж, и его увезли.

Золотых подозрительно поцыкал зубом.

— Слушай, Веня... А вы часом не задумали какой-нибудь пакости, а? Он же ваш, россиянин?

Коршунович фыркнул:

— Ага. И накануне окружения волчьей базы убрали его к чертовой матери подальше. Чтоб он ничего не узнал и ничего не увидел. Очень умный ход.

— Гм... В самом деле глупо, — согласился Золотых. — Но что с ним могло произойти?

— Мало ли. — Коршунович потерзал ворот рубашки. — Жарко, ч-черт... Во-первых, в городе все еще остаются агенты непримкнувших к единой программе стран и наша веселая ашгабатская команда. Во-вторых, волки. Их мы даже отследить толком не в состоянии. И в-третьих, случай. Попал под экипаж. Нарвался на жуликов и временно выпал из событий.

— А не мог он начать свою игру?

Коршунович ответил не сразу.

— Мы его долго отбирали... Понимаешь, Семеныч, в прошлом у него были такие дела, когда он смело мог переметнуться на вражью сторону и безнаказанно купаться в деньгах до конца жизни. Но он этого не сделал. Зачем ему предавать сейчас?

Золотых некоторое время пристально всматривался в глаза Коршуновичу.

— Ну что ж... Тебе лучше знать. Что будем делать?

— Подождем. — Коршунович пожал плечами. — Не такой он парень, Шериф, чтоб исчезать без следа. Всплывет, обязательно всплывет в нужный момент.

Золотых кивнул и потянулся к селектору.

— Чеботарев уже вернулся? Хорошо, зови его и оперативную группу зови... Да, всех плюс резерв.

Минут через десять в кабинете Золотых собрались Чеботарев, Михеич, Герасим, Нестеренко, Богдан По, Шелухин плюс шестеро безопасников из Иркутска. И два офицера-европейца из спецназа.

— Ну что, господа? Начнем?

Золотых разложил вокруг себя листики срочных распечаток. Как и все работники старшего поколения, он недолюбливал компьютеры и втайне побаивался их, предоставляя манипулировать с этой новомодной селектурой своим более молодым и гибким коллегам.

— Итак, господа! Среди ашгабатских гостей интерес у нас вызвала следующая группа, прибывшая одним рейсом, как раз накануне первых событий в рамках разрабатываемой темы. Все они поселились в гостинице «Централь», причем гостиница эта обычных гостей вообще не принимает. Принадлежит она деловым кругам и не имеет даже вывески. Без рекомендации поселиться туда невозможно, гостиница охраняется частной службой, и даже у нас могут быть с проникновением туда легкие проблемы. Интересуют нас шестеро: Сулим Ханмуратов, Саймон Варга, Фарид Юнусов, Курбан Гафур-оглы, Гейдж Мустафы и Родион Феоктистов.

Золотых называл имена, а Чеботарев одновременно с этим выводил с компа на проектор фотографии.

— Сегодняшнее свидетельство агента-европейца Генриха Штраубе лишний раз подтверждает наши подозрения, поскольку опознанный Генрихом Руслан Эльяшов...

Новая фотография на экране проектора.

— ...дважды имел контакты с Юнусовым и Мустафы. Вероятно, Эльяшов является оперативным агентом ашгабатской группы, Юнусов, Гафур-оглы и Мустафы — связующим звеном, а Ханмуратов и Варга — мозговым центром и руководителями указанной группы. Феоктистов, похоже, нечто среднее между стюардом и денщиком Варги. В эту группу, безусловно, входили и братья Шарадниковы, и их убийца, до сих пор нами не идентифицированный, и Давор Мрмич по кличке Испанец. Возможно, в городе есть и еще их люди.

Сведений о высшем звене этой группы — Ханмуратове и Варге — нам собрать не удалось. Вообще. Эти люди словно и не существовали никогда. Скорее всего имена, под которыми они прибыли в Алзамай, ненастоящие.

Цель нашей сегодняшней операции — арест всей этой группы и всех, кто окажется в номерах этих людей. Учитывая чрезвычайное положение в городе... — Золотых выразительно помолчал, — действовать придется предельно жестко. Степа, твои сегодня у психологов были?

— Конечно, Константин Семеныч. Как и было приказано накануне.

— Иркутск?

Встал один из резервистов — старший по званию и должности.

— Психокондиционирование прошли в полном объеме, — коротко доложил он и сразу сел.

— Господа европейцы?

Один из офицеров, не поднимаясь с места, сказал:

— Наши подразделения имеют штатных психологов и постоянно находятся в состоянии готовности.

— Прекрасно. Тогда сообщаю, чтобы ни для кого сей факт не явился новостью: на операцию идем с боевым, а не

с парализующим оружием. В случае необходимости прибегать к крайним мерам... потому что другого выхода нет.

Все в кабинете вдруг стали очень серьезными. Не то чтобы до сих пор они шутили и веселились — просто не так уж часто даже при их работе приходилось слышать подобные слова.

— Значит, так, — продолжал Золотых. — Если наши компьютерные гении не ошибаются, живет эта публика в трех номерах.

Чеботарев тотчас выдернул из недр памяти компа-селектоида объемный план здания. Сотканный из светящихся голубых линий макет повис посреди комнаты, словно мираж над оазисом.

— Варга и Феоктистов — в люксе, на третьем этаже...

Часть макета засветилась ярче, выделяя указанный номер.

— Ханмуратов — на втором этаже, в полулюксе. А остальные трое — в противоположном крыле, в трехкомнатном бизнес-номере с общими предбанничком, санузлом и кухней.

Нет смысла объяснять, что нам гораздо важнее взять Варгу и Ханмуратова, чем остальных, это понятно и так. Но надо постараться никого не упустить.

В гостинице два лифта, оба в центральном стволе, и три лестницы — одна тоже в центральном, рядом с лифтами, и по одной в каждом крыле. Балконы в номерах негостиничного типа, то есть сквозного прохода с балкона на балкон нет. Пожарных лестниц тоже нет, так что с балкона или из окна только выпрыгнуть получится. И если со второго этажа это еще можно проделать без риска переломать ноги, то с третьего — уже вряд ли. Но лучше не умничать и оставить людей под каждым окном на всякий непредвиденный случай — вдруг они гимнасты-акробаты, лови их потом по всей округе...

Золотых выразительно поглядел на Чеботарева — именно из-за того, что мелкие пушеры-марихуанщики оказались профессиональными акробатами, одно из былых дел было Чеботаревым успешно провалено. Эти ребята умудрились за считанные секунды спуститься с седьмого этажа на стеклян-

ную крышу оранжереи, а оттуда — в сад, и безопасникам осталось только бессильно наблюдать с балкона, как они удирают.

— На группы разделитесь следующим образом: Чеботарев с гвардией — берете на себя Варгу; раз живет в самом роскошном номере, да еще слугу держит, значит, он самая важная птица. Блокируете этаж со стороны лифтов и лестницы в крыле; и надо придумать что-нибудь, чтоб пару человек подсадить на балкон.

Офицер-европеец поднял руку, испрашивая слова. Золотых жестом пригласил его высказываться.

— Мои ребята проходили альпинистскую подготовку. Можно спустить их на тросах с крыши или с балконов верхних этажей.

Золотых взглянул на макет — гостиница насчитывала шесть этажей.

— С крыши, наверное, будет удобнее, — заметил Чеботарев. — Корона там — закачаешься, и ветки толстые да прочные.

— Значит, так и делаем. По трое ваших ребят на каждый балкон. Снаряжение у вас при себе?

— Конечно, — подтвердил европеец.

— Вмешиваться им не стоит, разве только ашгабатцы попытаются этим путем удрать, тогда пусть вступают в дело.

— Ясно, господин полковник. Мы отрабатывали подобные операции, ребята знают, что делать в любом случае.

— Прекрасно! — Золотых не скрывал, что доволен. — Далее. Когда все займут исходные позиции, проникаете в номер. Оружие держать наготове. Класть всех лицом вниз, руки за головы и первым делом обезоруживать. Ни в коем случае не позволять никаких активных действий — они могут попытаться уничтожить какие-нибудь важные документы, записи, улики. Так что глядеть в оба и варежкой не хлопать!

Дальше. Вы, Шеремет, и ваша группа берете на себя Ханмуратова, — обратился Золотых к безопасникам из Иркутска. — По той же схеме. Вполне возможно, что Ханмуратов окажется у Варги в номере, тогда просто присоединяетесь к

группе Чеботарева. Все сказанное ранее столь же относится и к вам. Ясно?

— Ясно, господин полковник!

— Ну и троица боевиков остается вам, господа. — Золотых взглянул на европейцев. — Судя по всему, операции по задержанию отработаны вами не раз, посему задействуйте любую из ваших типовых схем, лишь бы она отвечала нашим требованиям и условиям гостиницы.

— Не беспокойтесь, господин полковник, — солидно и без тени волнения заверил один из офицеров-европейцев, тот, что уже несколько раз высказывался. Второй с самого начала совещания не проронил еще ни слова.

— Рабочие частоты и каналы связи оговорены? Ваша селектура согласуется с нашей?

— Так точно, согласуется, — вскочил парень-радист из команды Чеботарева. — Базовая европейская модель-порода использует спектр каналов, который частично пересекается с нашим. Я разработал ключ, с которым рации европейского спецназа будут в состоянии работать с нашими рациями. Мне необходимо пять минут перед операцией, чтобы проинструктировать всех, кто будет пользоваться европейскими породами.

— Степа! — велел Золотых. — Забей в план немедленно.

— Сделано, — отозвался Чеботарев из-за компьютера.

— В наших рациях ничего менять не придется, я правильно понял? — уточнил Золотых.

— Нет, господин полковник, ничего менять не придется. Да и в европейской перемены минимальные — подживить дуплексный кодировщик-калибратор. Это дело нескольких минут.

— Все, вопрос исчерпан. У вас все готово?

— Так точно, все.

— Прекрасно.

— Давайте подумаем, какие в ходе операции могут возникнуть непредвиденные трудности?

Чеботарев выглянул из-за компьютера.

— Тут заходила речь о проблемах с проникновением в гостиницу. Кто ее охраняет?

Встал Герасим, который с утра занимался выяснением мелких подробностей.

— «Централь» охраняется частным агентством «Стена». Агентство зарегистрировано в Новосибирске и плотно работает с большим бизнесом. Репутация практически безупречна, берется только за солидные дела, никогда не пело на две стороны. Конфликтов с официальными структурами не зарегистрировано, но был случай, когда работник охраны предупредил нанимателя о готовящейся полицейской облаве, и полицейские в итоге остались ни с чем. По официальным данным, этот работник впоследствии уволен, но на деле просто переведен в другой филиал с повышением. В общем, я считаю, что у нас действительно могут быть с ними проблемы.

— Понятно, — кивнул Чеботарев. — Константин Семеныч, я думаю, следует этих охранников моментально сажать под замок, а лучше под наш надзор, чтоб не дергались.

— Сколько их там, в гостинице? — спросил Золотых у Герасима.

— Двое в холле, по одному на этажах и начальник смены в караулке, это на первом этаже... вон там.

Перед столом полковника вновь возникла объемная схема гостиницы; нужное помещение выделялось более яркими линиями.

— Итого, девять человек. Придется вам и под это дело людей выделить, — обратился Золотых к офицеру-европейцу. Тот без промедления сделал пометку в переносном блокноте-селектоиде.

— Дальше, — продолжал Чеботарев. — Есть риск столкнуться с ними в холле, в коридоре, в лифте... В общем, разумнее заранее подпустить москитов и просканировать всю гостиницу. Перед операцией. И начинать, когда момент будет наиболее благоприятствовать нам.

— Ну об этом мог бы и не говорить, — проворчал Золотых. — Это само собой разумеется.

— Да я в основном для коллег, — начал оправдываться Чеботарев. — Чтоб никаких неясностей не осталось.

— Кто занимается москитами?

— Я, кто же еще, — ответил радист. — Комарики готовы, могу их выпустить в любую секунду.

— Замечательно. Относительно транспорта... Господа европейцы, у вас достаточно экипажей?

— Вполне достаточно, господин полковник.

— Степа, — обратился Золотых к Чеботареву. — Иркутск обеспечить надо.

— Я уже позаботился, Константин Семеныч.

— Ну, подчиненные, — покачал головой Золотых. — Изо рта все выхватывают! Вот бы еще операцию так же провести.

— Проведем! — уверенно сказал Чеботарев. — Никуда не денутся наши ашгабатцы...

— Только охраняйте их потом получше, — ехидно вставил Коршунович из дальнего угла, — а то постреляют прямо в накопителе.

Золотых только отмахнулся:

— Да ну тебя, Палыч... Лучше скажи: непосредственно в операции ты и твои люди участвовать собираетесь?

— Непосредственно — нет, чего вам мешать? Да и расползлись мои, сам знаешь, чем Лутченко занят. А после всего, когда разговор начнется, поучаствую с удовольствием.

— Понятно, — кивнул Золотых и взглянул на часы. — Четырнадцать двадцать две. Медлить нам непозволительно, тем более что исчез один из наших работников, разрабатывающих ашгабатскую тему. Пока Варга и Ханмуратов в гостинице, надо использовать это, потому что они вполне уже могут быть осведомлены о нашей заинтересованности ими. В четырнадцать сорок пять начинаем по основному плану. Схемы проезда к «Централю» розданы?

— Константин Семенович, схемы будут транслированы на компьютеры служебных экипажей в момент начала операции. Программа трансляции полностью готова и может быть запущена в любую секунду.

Золотых только тяжко вздохнул:

— Когда я к вашим умным селектоидам привыкну?

— Никогда, Семеныч, — снова встрял Коршунович. — Ты старый боевой конь, тебя за броневиком скакать не приучишь...

— Можно подумать, что ты конь молодой, — огрызнулся Золотых. — Однако толкуешь с этой чертовой зверушкой, словно с собственной женой.

— У меня нет жены.

— Да знаю я...

Золотых перевел взгляд на невольную аудиторию, с трудом сдерживающую смех. Шутливая перебранка двух опытных стариков — разведчика и контрразведчика — просто и очень естественно согнала предстартовое напряжение. Коршунович четко знал, когда следует подпустить иголочку. А Золотых знал, что Коршунович это знает, и был уверен — не упустит случая.

А перед началом операции что может быть важнее хорошего настроения?

Мало что — только готовность и уверенность в себе. А это в команде Золотых уже имелось.

Ротан вернулся спустя двадцать минут.

— Ну?

— Патрули везде. Без шороха нам из города не убраться.

— Значит, будем убираться с шорохом. Ждем Ядвигу — и мотаем. Если, конечно, она не принесет новостей...

Никто не проронил больше ни слова. Головы, приподнявшиеся было с подушек, когда Ротан вошел, снова опустились. Занятый дом вновь погрузился в тишину.

Гном отсиживался в каморке над спортзалом уже около суток. Утром и вечером было слышно, как внизу гулко бухают мячи и азартно кричат баскетболисты. Гном старался не обращать внимания на посторонние звуки, но неожиданно для себя вдруг ощутил жгучее желание спуститься и присоединиться к игрокам. Когда-то Гном неплохо играл в баскетбол, несмотря на малый рост, да и кличку свою он заработал именно на баскетбольной площадке. Но в отличие от Магси Боггса карьеру Гном сделал отнюдь не спортивную.

Конечно, никуда Гном не пошел. Стиснул зубы и снова подсел к крохотному чердачному окошку.

Он видел, как прохаживаются по улице патрульные — группами по пятеро-шестеро. Видел, как останавливают всех без разбору прохожих и дотошно проверяют документы. И понимал, что сибирские безопасники прижали его к стене: они явно знали, как он выглядит, составили фоторобот и разослали оттиски по всем постам. Даже если изменить внешность, у Гнома не много шансов остаться неузнанным. И на резервный паспорт надежды мало: Гном знал, что безопасники просеяли всех приезжих — действительно всех — и отследили пути их прибытия в Алзамай. Резервный паспорт в этом случае только насторожил бы патрули: человек с таким именем попросту никогда не приезжал в город.

Оставалось только отсиживаться, как велел Варга. А Варга явно что-то затеял, потому что его приказ оставить неподалеку от управления службы безопасности бинокль носил слишком уж суицидальный характер. Безопасники после этого просто обязаны выйти на Варгу меньше чем за сутки.

Гном еще немного с тоской поглядел в окно, потом встал и бросил в стакан с водой таблетку чая. Вода потемнела и вскоре начала бурлить — химическая реакция несла мощный экзотермический заряд. Вода не просто превращалась в сладкий, крепко заваренный чай, но еще и в считанные секунды нагревалась до кипения.

Гном уже хотел сесть на табурет и побаловаться чайком, но тут внешняя дверь чердака едва слышно скрипнула.

Гном бесшумно вскочил и вытащил игломет.

С минуту он прислушивался, но с крыши больше не доносилось ни звука. Дверь могла бы качнуться от ветра или, скажем, от проскочившей рядом харзы, если бы не один немаловажный факт: Гном явственно помнил, что запер ее на щеколду, когда хоронился на этом чердаке. Изнутри запер.

Мягко переместившись ко внутренней двери, Гном приложился глазом к щелке. В предбанничке было сумрачно и пусто, только по углам в пыли и паутине стояло несколько лопат, которыми зимой сгребали наметенный снег с плоской крыши. Внешняя дверь оставалась запертой — Гном ясно видел задвинутую щеколду.

Петли внутренней двери Гном предусмотрительно сбрызнул каталитическим раствором, и открываться она стала совершенно бесшумно. Внешнюю он трогать не стал — решил, что лишний сторож в лице скрипящих петель не помешает.

Спустя несколько секунд он уже выглядывал в щели наружной двери. Крыша выглядела пустынной — по крайней мере перед дверью. Даже вездесущие голуби, которые обыкновенно толклись на ветвях короны, куда-то поразлетелись.

Гном потихонечку отодвинул щеколду, переместился чуть в сторону, чтобы спрятаться за косяк, и резко толкнул дверь. Та, отчетливо скрипнув, отворилась. Когда скрип растаял и на крыше вновь воцарилась тишина, разбавляемая только едва долетающими звуками городского дня, Гном обратился в слух. И ничего подозрительного не услышал.

Наконец он шмыгнул наружу, выставив игломет перед собой. Прижался спиной к стене чердачной надстройки и шастнул за угол. Там тоже никого не оказалось, только плясал над крышей прогретый летним солнцем воздух.

Так Гном обогнул всю надстройку; потом встал на вентиляционную трубу и вскарабкался на кровлю надстройки. Если какой-нибудь умник так же, как и Гном, неслышно ходил по кругу, сейчас было самое время свалиться этому умнику на голову, утащить внутрь и потолковать по душам.

Все-таки не покидало Гнома ощущение, что на крыше есть кто-то посторонний.

Но и с кровли надстройки он никого не заметил.

Гном повертел головой, вспомнив, что его могут отследить с соседних крыш, однако и там не узрел ни единой живой души.

Он шепотом чертыхнулся и прыгнул с кровли вплотную к двери в надстройку. Вошел внутрь, заперся и снова припал взглядом к щелочке. Простоял так минут десять; если бы он сам собирался как-либо действовать, на месте таинственного визитера больше выжидать он бы не стал.

«Нервы, блин», — подумал Гном с неудовольствием. Он прекрасно знал: если начинают посещать подобные пустые галлюцинации, значит, пора на покой. Или хотя бы на длительный отдых.

Крепкие нервы — едва ли не самое ценное, что есть у агента-одиночки.

Он вошел в свою временную каморку, на ходу засовывая игломет за пояс. И вдруг застыл, будто кто-то неведомый и огромный, наблюдающий за всем со стороны, нажал на клавишу паузы на своем не менее огромном видике.

Та самая полуденная воздушная рябь струилась сейчас посреди каморки, а над тумбочкой, ничем абсолютно не поддерживаемый, неподвижно висел стакан с чаем.

Гном впервые в сознательной жизни растерялся. Но всего лишь на миг. Игломет моментально вернулся в его ладонь, и Гном уже решил, что выстрелил и попал, но вдруг это самое шевеление воздуха проворно перетекло вплотную к нему, схватило за локоть совершенно борцовским приемом...

...отравленная стрелка воткнулась в потолок...

...опрокинуло Гнома на пол, поймало руку на излом, вышибло игломет и прижало к полу.

— Поговорить надо, — родился из ниоткуда бесплотный голос. — Я не собираюсь тебя убивать или сдавать властям. Мне нужно только поговорить.

— Ладно, — сказал в пол Гном. — Обещаю не дергаться.

Можно подумать, у него оставался выбор.

Гном не ожидал, но его сразу отпустили. Он перевернулся на бок и с немым изумлением пронаблюдал, как это самое воздушное шевеление вдруг пошло мерцающими искрами, словно экран ненастроенного на канал телевизора, потом между искрами появились прорехи с изображением, с каждой секундой прорех становилось больше, а искр — меньше, и потом перед Гномом появилась крепенькая девчонка в ладном комбинезоне. К предплечью ее незнакомым Гному способом был пристегнут неизвестный Гному пистолет.

И Гном моментально все понял.

— Ты — волк? — спросил он хрипло.

Девчонка оскалилась:

— Волчица!

Гном покачал головой и, кряхтя, поднялся. Бок и рука ощутимо побаливали — если бы всего десять минут назад

Гному сказали, что его завалит девчонка, он бы расхохотался. Но, глядя на эту девицу, Гном совершенно не чувствовал своего превосходства.

Он покорно уселся на табурет.

— Я слушаю.

Девчонка осталась стоять.

— Кого ты представляешь?

Гном прищурился.

— Э-э-э... сударыня. Я вам вполне поверил... Насчет волчицы. Но не могли бы вы предоставить какое-нибудь веское доказательство? Чтобы я не волновался, будто вы из местной службы безопасности.

Девчонка усмехнулась и откуда-то из-за плеча вытянула за ремешок обычный бинокль. Родной насквозь.

— Знакомая штучка?

Гном кивнул.

— Где он находился последнее время, знаешь?

Гном опять кивнул — он действительно знал. Бинокль подобрали безопасники, как он и ожидал. А оставил Гном бинокль на крыше соседнего с управлением безопасности здания по приказу Варги.

Девчонка метнула бинокль Гному, тот рефлекторно поймал. Бездумным отработанным движением.

— Сходи наружу. Там кое-что валяется... Думаю, это тебя убедит.

И она демонстративно уселась на второй табурет.

Гному ничего не оставалось, как последовать ее совету.

На выходе из надстройки Гном первым делом поймал на себе алую точку целеуказателя. Ему недвусмысленно намекали, мол, на мушке ты, дружок, так что не трепыхайся. Естественно, что эта девица явилась сюда не в одиночестве.

Второе, что привлекло внимание Гнома, — это труп. Труп мужчины лет тридцати—тридцати пяти, в цивильном костюме. На груди у трупа валялся форменный бэдж — не пристегнутый, а просто брошенный кем-то на мертвое тело. Гном склонился, решив ничего не трогать. Как знать, может, на него всего-навсего хотят повесить тривиальное убийство какие-нибудь полоумные агенты-конкуренты...

Бэдж удостоверял, что обладатель прилепленной фотографии является работником алзамайского управления службы безопасности Сибири Игорем Александровичем Шверниковым. Судя по фотографии, бэдж валялся именно на хозяине. Ныне мертвом — закаченные глаза не оставляли сомнений.

Гном вздохнул, бросил взгляд туда, откуда в него целились — в ветвях короны вроде бы знакомо дрожал перегретый воздух, — и вернулся в комнату. Девчонка сидела на табурете с самым независимым видом.

— Если тебе интересно, то это я его, — сообщила она. — И за последние трое суток он у меня седьмой. Ты удовлетворен?

Гном колебался считанные секунды. «Наверняка это волки, — думал он. — Кто еще может работать так нагло? И камуфляж опять же... Не выращивают на земле такой селектуры. И аппаратуры такой не делают. Оружие незнакомое... Точно волки. А боссу что от меня нужно? Чтобы я вычислил волков и устроил ему с ними встречу. Так пусть встречаются — уж босс-то разберется со всем, что свалится на его хитроумную голову».

— Да, — сказал Гном. — Я удовлетворен. Я представляю частную организацию. Могу сказать название, но нужно ли оно вам? Что оно вам даст?

— Может, чего и даст.

— «Чирс», Туркменистан.

— Вы неправительственная организация?

— Нет, я же сказал. Целиком частная.

— Вы зависите от кого-нибудь?

— Нет. — Гном помотал головой. — «Чирс» уже много лет ни от кого не зависит.

— Прекрасно. — Волчица встала и подошла к Гному вплотную. У нее был очень цепкий, прямо-таки гипнотический взгляд. — Нам нужно встретиться с руководителем «Чирс». Ты должен это устроить.

— Легко, — пожал плечами Гном. — Но мне сначала нужно спросить у босса.

— Лично?

— Нет, по связи.

— Связывайся.

Гном полез в тумбочку и достал заветную чернильницу. Точнее, предмет, неотличимый внешне от чернильницы. Легкое нажатие на дно, и срабатывает вживленный папиллятор. «Чернильница» раскрывается, словно цветок, на шесть причудливо изломанных сегментов. Во влажном нутре хибернатора дремлет жук-приемопередатчик. От чернильницы веет холодком и поднимается к потолку легкая морозная струйка.

— Ух ты! — сказали над ухом у Гнома, а мгновение спустя уже знакомым телевизионным манером рядом материализовался здоровенный детина — не то овчароподобный, не то аморф.

Но на самом деле — несомненно волк.

— Балдею я от их биоштучек! — сказал детина с неприкрытым восторгом.

Девчонка покосилась на него, но ничего не сказала. Впрочем, некоторое любопытство Гном и у нее в глазах все же рассмотрел.

Жук просыпался. Для этого ему требовалась всего минута. Вот он встает на лапки, вот расправляет надкрылки, образующие крохотный отражатель, а единственный ус вытягивается вперед — вот вам и готовая высокочастотная антенна. Как только жук дал знать, что настроился на спутник, Гном вытащил из специального паза одного из сегментов «чернильницы» иглупестик и дотронулся до брюшных колечек жука. В нужной последовательности.

Жук мигнул хемолюминофором у основания крыльев; это означало, что он выбрал нужное из заранее загнанных в память сообщений, сжал его в рабочий пакет, закодировал и выплюнул пакет в эфир. Единственным коротким импульсом.

Ответ пришел через семнадцать секунд. И ответ этот гласил: «Зови».

Жук транслировал ответ трижды и вспыхнул.

Детина рядом с Гномом отшатнулся от неожиданности.

— Тю, м-мать! — ругнулся он. — Что, заело?

Гном покачал головой.

— Нет, все в порядке. Это одноразовый жук. Он самоуничтожается после использования.

— И что тебе ответили? — с нажимом спросила девчонка.

У жука-близнеца, которого Варга просто не выпускал из рук, было всего два варианта ответа. Если бы Варга ответил «Веди», следовало направлять волков по заранее оговоренному адресу. Но Варга ответил «Зови», а это означало, что волкам нужно просто назвать его номер в гостинице. И все.

— Вас ждут, — сказал Гном. — Гостиница «Централь», номер двести четырнадцать. Прямо сейчас.

— В Алзамае нет гостиницы «Централь», — спокойно промолвила девчонка.

— Это для кого попало нет, — объяснил Гном. — А для тех, кто знает, — улица Ахтиярская, дом девять. Только не ищите вывеску — там ее все равно нет. Пропуск, полагаю, вам оформят.

Детина уже тыкал пальцем в крохотную раскрытую коробочку, похожую на книгу.

— Есть такая улица, — довольно выдохнул он.

Девчонка встала. Детина захлопнул коробочку и сунул ее в нагрудный карман комбинезона. Волки явно собирались уходить.

— Эй! — негромко крикнул Гном им в спины. — Вы мертвяка приберите, что ли! Нужен он мне, как игла в заднице...

Телепредставление, на этот раз синхронное, повторилось в третий раз, но теперь — в обратной последовательности. Сначала мало искр, потом все больше, а потом только еле заметное дрожание воздуха. Двух человек — или двух волков — как не бывало.

— От, бля, — сказал Гном с досадой. Возиться с трупом ему совершенно не улыбалось.

Но волки решили все-таки ему помочь.

— Режим, — сказал невидимый детина, а потом над трупом вспыхнул неразличимый в свете дня пожар, и буквально в пару секунд от безопасника остался только пепел. Продолговатая кучка пепла. Которую тут же принялся развеивать горячий летний ветер.

«М-да, — тупо подумал Гном, — что у человека, что у радиожука судьба в общем-то сходна — обратиться в пепел, когда ты становишься не нужен...»

Целых пять минут Гном бесцельно пялился на постепенно тающую черную кучку. И все это время гадал, чем они это сделали? Тем пистолетом, который был пристегнут у девчонки к предплечью, или той штукой, которая имеет целеуказатель?

Так Гном и не нашел ответа на свой вопрос. Через пять минут он просто понял, что остался на крыше совершенно один. И решил: раз задание шефа выполнено, нужно сматываться из этого городка подальше. И побыстрее.

Радист обещал уложиться в пять минут, и он в пять минут уложился. Группы разбежались по экипажам, и каждый сибиряк-безопасник или европеец-спецназовец был снабжен маленькой, меньше мобильника, рацией. Действующей.

Золотых, сменивший мундир на безликую штатскую одежду, занял место в штабном экипаже. Здесь, кроме него, разместились спецы, включая и умельца-радиста, не усидевший на месте Коршунович и офицер-европеец — не то консультант, не то наблюдатель. Золотых не стал вдаваться в детали, кто он и зачем он. Места в экипаже хватило, и ладно.

Гостиница «Централь» располагалась в нескольких минутах неторопливой езды от управления. Экипажи с группами захвата по замысловатым траекториям схватили в кольцо весь неправильной формы квартал.

Наверное, в каждом городе есть место, именуемое «Пять углов». «Централь» стоял именно в таком месте. Порталом на площадь, где сбегались к памятнику Плисецкому пять дорог.

Штабной экипаж остановился перед площадью, напротив парадного входа в «Централь». Золотых глядел на мониторы. Приятно было видеть, как слаженно покидают экипажи все три группы плюс внешнее прикрытие, как разбегаются по условленным маршрутам. Как с крыши на невидимых с такого расстояния мономорфных нитях паучками спускаются на балконы спецназовцы, как отсекает прохожих внешнее оцепление, как проходят сквозь турникет на входе Чеботарев с ребятами, будто нож сквозь масло. Как лбы-европейцы прикладами

иглометов сгоняют в кучу ершистых охранников из агентства «Стена», как прижимают к стенам некстати встреченных постояльцев, как занимают лифт, лестницы и этажи.

И все это молниеносно, отточенно и согласованно. Залюбуешься просто.

В эфире слышались только краткие ремарки:

— Выход взят, поднимайтесь.

— К стене! К стене, я сказал!

— Шенер, здесь дети!

— Уведи их! Наружу, от греха...

— Балконы? Что балконы?

— Уже все, по трое на каждом.

— Вася, что твои москиты?

— Ханмуратов в двести четырнадцатом. Как поняли? В двести четырнадцатом! Триста седьмой пуст, пуст триста седьмой.

— Понял, понял, триста седьмой не трогаем. Иркутск, по схеме два! Трое по ближней лестнице, трое по центральной.

— Схема два, отрабатываем...

— Вася, в двести четырнадцатом сколько народу?

— Как минимум трое. Надо понимать, Варга, Ханмуратов и стюард... Как его?

— Феоктистов.

— Хлопцы, запомните: первым Варгу. Он постарше и кучерявый.

— Этаж блокирован, седьмой, слышите?

— Понятно, тендер пошли... Да по ковру, болваны, по ковру! Ботинками не грохочите!

— На пол! На пол, придурок!

Звук выстрела.

— А-а-а!

Еще звук выстрела.

Золотых заволновался:

— Что там за стрельба?!

Голос с европейским акцентом тотчас объяснил:

— На первом этаже в одном из номеров вор орудовал... Ему ногу прострелили.

— Спеленайте его! — велел Золотых. — Разберемся потом, что это за вор...

— Как это ему ногу прострелили? — удивился Коршунович. — Из игломета?

— Из огнестрелки, — проворчал Золотых. — Спецназ пользуется огнестрелкой...

— Степа, — позвал Золотых. — Вы где? Начинать пора, Варга в номере, и Ханмуратов там же.

— Начинаем, Семеныч! Третья группа, как вы?

— На исходной, — доложил европеец.

— В двести сорок четвертом — только двое, — сказал радист, повелитель москитов.

— Ждать некогда. Мы начинаем, Семеныч?

— Давайте.

— Первая, вторая, третья! Пошли!

Герасим пробует ручку двери двести четырнадцатого номера. Дверь открывается; видна пустая квадратная прихожая и три дверных проема. Одна из дверей закрыта.

Безопасники стремительно врываются в номер; Герасим — налево, Михеич — прямо, Богдан По — направо, Нестеренко и Шелухин — вместе налево, Чеботарев — прямо; следом россыпью спешат иркутские во главе с Шереметом.

Налево — кабинет, там двое. Один сидит за столом у окна (Варга), второй (Ханмуратов) в кресле напротив. Едва в комнату врывается Герасим, Ханмуратов вскакивает и молниеносно вытаскивает оружие, какое — не рассмотреть, изображение скачет. Но от балконной двери на него кошкой прыгает спецназовец и вместе с Ханмуратовым валится на пол. Герасим с иглометом в руках вскакивает на стол, наставляет его на Варгу и орет: «На пол! На пол, руки за голову!» — после чего пинает Варгу в плечо. Тот падает с кресла, вытягивается на полу и послушно закладывает за голову обе руки. На каждого наседают минимум по трое, у Ханмуратова оружие уже отобрано.

На соседнем мониторе видно, как Михеич вышибает из рук стюарда поднос с кофейником; лицо у стюарда удивленное.

Третий монитор показывает сущую свалку: это спецназовцы берут боевиков-ашгабатцев. Там слышна стрельба, и один из спецназовцев уже неподвижно лежит на полу. Золо-

тых не успевает следить за всем одновременно. Когда он снова переводит взгляд на первый монитор, раздается голос Чеботарева:

— Первая, вторая — закончили, все упакованы, жертв нет.

Немедленно отзываются и спецназовцы:

— Третья — закончили, оба взяты, у нас один парализованный.

Все. Операция завершена, и, похоже, успешно.

Как приятно с облегчением вздохнуть...

Золотых устало провел ладонью по лицу. Вот ведь напасть: просидел всю операцию перед экраном, а каждая мышца болит, будто он сам сигал по столам и вязал ашгабатцев. Нервы. Все нервы проклятые...

— Быстро! — похвалил Коршунович. — Просто блеск. Поздравляю, Семеныч!

Золотых поднялся и вышел наружу. Перед штабным экипажем телеграфными истуканами торчали дюжие ребята-спецназовцы из оцепления.

— Пошли, Палыч, — сказал Золотых. — Потолкуем с этим Варгой...

— А разве не лучше в управе? — усомнился Коршунович.

— В управе — само собой. Но и тут пару слов сказать обязательно надо. Неужели это ТЕБЕ нужно объяснять?

Коршунович послушно вышел, и офицер-спецназовец тоже увязался следом.

Пока они пересекали площадь, двоих боевиков уже вывели и грузили в экипажи без окон.

На второй этаж Золотых поднялся пешком, по лестнице. Коршунович не отставал, а офицер задержался около своих гвардейцев в холле.

Вскоре достигли полуоткрытой двери с номером 214, приживленным к гладкому покрытию. В номере было людно; Варга и Ханмуратов снова сидели в креслах, но теперь — рядышком, перед столом, и на каждого были нацеплены наручники. Чеботарев нервно курил, спецназовцы кучковались на балконе; Герасим с Михеичем копались в ящиках стола, а Нестеренко пристально изучал чьи-то документы.

Чеботарев, пуская дым в сторону, тоже периодически заглядывал в документы.

— Так-так, — сказал Золотых с порога. Оба пленника одновременно взглянули на него. — Здравствуйте, господа.

— Вы — старший? — миролюбиво спросил Варга. — Так ведь?

— Ну, допустим, так, — не стал запираться Золотых.

— Не соблаговолите ли объяснить, что происходит? — достаточно хладнокровно попросил Варга.

— Происходит задержание предполагаемых иностранных преступников, чинящих незаконную деятельность на территории Сибири. Обвинение и доказательства будут вам предъявлены в управлении безопасности. А пока несколько вопросов, господа. Не возражаете?

— Во-первых, — заявил Варга, — я требую, чтобы с нас сняли наручники. Во-вторых, прикажите своим людям немедленно прекратить рыться у меня в столе, там много документов конфиденциального характера, и если вы не хотите международного скандала, вы внемлете моим требованиям.

— Внемлем, безусловно, — заверил Золотых и велел Герасиму, вопросительно уставившемуся на шефа: — Продолжай, продолжай.

Наручники с арестованных тоже никто снимать не спешил.

— Похоже, вы не собираетесь вести себя благоразумно, — разочарованно констатировал Варга. — А вы казались мне умным человеком.

— Знаешь что, дорогой, — Золотых навис над Варгой и выпятил челюсть, — хватило бы только Шарадниковых и Мрмича, чтобы упечь вас всех куда следует. А есть еще тот ловкач, который убрал Шарадниковых и поставил на уши всю службу безопасности. Неужели ты думаешь, что тебе это спустят? Ты тоже казался мне умным человеком.

Варга высокомерно откинул голову назад.

— Если это обвинения, то такие обвинения доказывают...

— Обвинения ты получишь позже, — прервал его Золотых. — И доказательства тоже. А сейчас заткнись и не мельтеши. Понял?

Коршунович с удивлением покосился на коллегу — тот явно играл роль тупого функционера. На что Золотых надеялся? На то, что Варга перед таким ослом сразу блеснет каким-нибудь козырем? Сомнительно.

В кабинет как раз внесли большущий чемодан, вероятно, для многочисленных документов Варги и для компьютера, что покоился на краешке стола.

«Как этот комп Герасим не растоптал, когда по столу прыгал, будто птица по насесту?» — подумал Коршунович.

Последующие события разворачивались столь стремительно и непредсказуемо, что практически у всех безопасников и спецназовцев остались от них только отрывочные воспоминания.

Сначала в нескольких местах кабинета будто бы сгустился воздух; по комнатам и коридорам прогулялся легкий ветерок.

И началось.

Герасим у письменного стола получил такой удар в нос, что потерял сознание, еще не успев осесть на пол. Золотых ощутил короткий укол в спину, и секундой позже по позвоночнику у него разлилась ледяная волна, а мир медленно померк. Он тоже упал на пол. Коршунович успел увидеть рядом с собой неясную прозрачную зыбь, дернулся в сторону, но получил по затылку чем-то твердым и успокоился на удачно подвернувшемся диване. Нестеренко, Богдана По и Шелухина смело, словно смерчем, в прихожую, где каждый из них получил парализующий заряд и из игры временно выбыл. Спецназовцев на балконе швырнуло через перила, и они беспомощно повисли на своих нитях, не в силах пошевелиться. По всей гостинице нечто неощутимое и почти невидимое атаковало любого вооруженного человека. Результат всегда получался один и тот же: человек оказывался либо без сознания, либо терял способность двигаться, а нечто спешило дальше, к следующей жертве.

Этот кошмар продлился минуты три.

В кабинете осталось всего два человека, которые сохранили способность видеть, двигаться и соображать — Саймон Варга и Сулим Ханмуратов, но двигаться им мешали

наручники. Они даже не могли встать с кресел — оба были пристегнуты к позвоночникам кресел.

А потом посреди кабинета материализовались трое — два коренастых овчароподобных мужика и подтянутая девушка, похожая не то на исхудавшую нюфку, не то на сеттера в теле. Или даже на ретривера. На черного ретривера.

— Саймон Варга? — спросил один из мужчин.

Варга кашлянул.

— А... с кем имею честь? — осторожно осведомился он.

Мужчина осклабился:

— Мы именно те, с кем вы так хотели встретиться.

«Волки!» — понял Варга. Сразу понял, по этому ни с чем не сравнимому оскалу, по льдистому взгляду и скрытой за внешним спокойствием силе.

Его опасный план все-таки сработал. Варга уже решил, что план провалился и сибирские безопасники по злополучному биноклю Гнома раньше волков вышли на «Чирс». Но волки все-таки подоспели — в самый последний момент.

Он оглядел кабинет — повсюду валялись неподвижные безопасники и спецназовцы в самых разных позах; валялось оброненное оружие и прямоугольные листики распечаток, вывалившиеся из ящиков стола. Вопреки недавнему заявлению Варги, ничего особенно ценного в них не содержалось.

— Вы пойдете с нами, — сказал волк-вожак и сделал знак девчонке. В ее руке тотчас появился темно-коричневый пистолет странной формы. Что-то сухо вжикнуло, и Варга с Сулимом оказались свободными: наручники сами свалились на пол.

— Вы желаете что-нибудь взять с собой?

— С собой? — растерялся Варга. — А... Родион!

Еще один волк выпихнул из соседней комнаты растерянного стюарда.

— Да, хозяин?

— Собери что-нибудь, — велел Варга без особой уверенности. — Ну, что может понадобиться... Мы уезжаем.

Девчонка-ретривер с нехорошей улыбочкой взглянула на Родиона.

— Повезло тебе... — сказала она стюарду со странным выражением на лице.

Варга перевел взгляд на нее.

— А почему, позвольте полюбопытствовать, повезло?

Девчонка улыбнулась шире, но улыбка ее оставалась какой-то хищной и кривоватой.

— Мы хотели, чтобы вы сразу поняли, кто мы такие. Поэтому я собиралась его убить — в качестве иллюстрации. Но подвернулись эти вот ребятки. — Она указала на безопасников, валяющихся на полу.

Родион быстро пошвырял в кейс какие-то вещи из стенного шкафа и ванной. Варга быстро упаковал компьютер в дорожный контейнер, а содержимое ящиков спровадил в лапшерезку у стола.

— Вам, уважаемый, придется идти как есть, — обратился волк к Сулиму.

— Ничего, — ответил тот без тени огорчения. — У меня все равно вещей почти нет.

— Двинули! — скомандовал волк-вожак, и вдруг вся его фигура пошла зыбкими полупрозрачными камуфляжными разводами. И разводы эти быстро набирали прозрачность, пока волк окончательно не растворился в воздухе. Варга помотал головой — только непонятная рябь отмечала место, где только что стоял вожак.

Варгу предупредительно взяли за рукав и достаточно бесцеремонно повлекли прочь из номера. К лестнице. Но только повели их не вниз, как ожидал Варга, а наверх. На верхний этаж. Или даже нет — на крышу гостиницы.

Позади кто-то кубарем скатился с лестницы, со сдавленным проклятием, переходящим в тоскливый вопль.

На крыше воздух так и плясал, и невозможно было понять — то ли просто от жары возникало это марево, то ли по крыше разгуливали волки в своих камуфляжных костюмах.

А в самом центре крыши еле-еле угадывалось что-то большое, размером с большой экипаж или даже с махолет. Но угадывалось, только если внимательно присмотреться.

— Садитесь! — скомандовал кто-то, и секундой позже машина волков мгновенно стала видимой. Именно маши-

на — Варга сразу понял, что это мертвый механизм, а не селектоид.

С отчетливым щелчком отворилась странной формы дверь; в машине парами вытянулись вдоль бортов компактные одноногие кресла. Тоже мертвые.

Сулим уже лез внутрь этой машины — пугающей, пахнущей железом, и пластиком, и чем-то органическим — то ли очищенной нефтью, то ли чем-то синтетическим, — и нагретой резиной, и смазкой, и опасностью... Неожиданный и поразивший Варгу до глубины души букет запахов.

Только кровью машина не пахла. Совсем.

Он проворно нырнул в дверцу и сел рядом с Сулимом. На кресле позади устроился присмиревший Родион.

Волки тоже, на ходу сбрасывая камуфляж, по очереди садились в машину. Они сбегались со всей крыши, выскакивали из похожих на большие грибы надстроек, прыгали с ветвей короны, взбирались с внешних стен...

Волков насчитывалось больше двух десятков.

А потом машина вдруг тихо-тихо заурчала, завибрировала; крайний волк захлопнул дверцу, и Варга почувствовал подкатившую к горлу тошноту. Крыша гостиницы «Централь» провалилась вниз, а волчья машина стремительно рванулась в линялое летнее небо Сибири.

— М-да, — сказал Сулим, глядя в круглое оконце. — Чего угодно ожидал. Но не этого.

Варга поглядел на него и непроизвольно покачал головой.

«А я ожидал? Даже не знаю, — подумал он. — Даже не знаю, чего я ожидал...»

Летающая машина быстро набирала высоту. Внизу волновалось зеленое море. Городская тайга.

Впрочем, городская тайга вскоре сменилась тайгой загородной. Дикой.

— Лететь минут двадцать—двадцать пять, — сказал волк-вожак. — Водички хотите?

— Хотим, — ответил Варга и поймал себя на мысли, что в горле действительно пересохло. — Очень хотим...

Золотых пришел в себя на диванчике. Все тело неприятно ломило, особенно спину. Он уже успел забыть об ощуще-

ниях, которые испытываешь, когда заканчивается действие парализатора. Последний раз все это тогда еще капитан Золотых пережил лет десять назад, когда брали команду Байрама Гураева.

Над полковником склонился Чеботарев, и вид Чеботарев имел несколько синеватый.

— Семеныч? Ты как? — тихо спросил Чеботарев, неожиданно переходя на «ты».

— Вроде жив, Степа, — прохрипел Золотых. Язык слушался, хотя и заплетался слегка. — Сколько жертв?

Золотых готовился услышать двузначную цифру. Готовился и боялся.

— Ни одной, Семеныч. Только парализованные да травмированные. Но живы — все.

Облегчение ненадолго захлестнуло полковника — худшие опасения не подтвердились.

— Постой, — прошептал он. — Так это что, были не волки?

— Волки, Семеныч. Я уже проглядел запись уголком глаза.

Золотых оживился и даже попытался сесть на диванчике:

— А есть запись?

— Есть. Радист местный оказался пареньком ушлым и дошлым. Надо бы его поощрить, Семеныч.

Золотых поморщился и сказал:

— Помоги-ка мне сесть, Степа.

Степа помог.

Напротив, в креслице, полулежал Коршунович и вид имел несколько зеленоватый.

«Господи, — подумал Золотых. — Хоть к зеркалу не подходи. Какого ж я цвета?»

Если бы полковник все же набрался сил и решимости и подошел к зеркалу, он бы убедился, что просто смертельно бледен.

— А, Палыч... Ты жив?

— Частично, — буркнул тот. — Причем только в некоторых местах и очень нерегулярно...

Коршунович шутил, а это означало, что он живее, чем притворяется.

— Тебя тоже парализатором?

— Парализатором. Но тактильным. Прикладом по затылку, — объяснил тот. — Башка раскалывается...

— Верю, — тоскливо сказал Золотых. — Мать-мать-мать, ну что за херня, ребята, а? Провал? Снова провал? В монастырь теперь, что ли?

Он потер виски, отчего ощутил некоторое облегчение.

— Степа! Распорядись-ка, чтоб запись принесли. Хочу на все это посмотреть.

Степа обернулся и коротко крикнул что-то в прихожую. Оттуда в кабинет сразу просунулась лохматая голова Нестеренко.

Золотых отметил, что с лица Чеботарева постепенно сходит мертвенно-синеватый цвет. Парализатор окончательно улетучивался из организма. Наверное, и сам полковник постепенно теряет сходство с манекеном.

В прихожей послышалась короткая возня, хлопнула дверь. Вошел давешний радист-умелец, повелитель москитов и радиостанций. Он внес в кабинет и водрузил на стол пузатенький селектоид-монитор с плоским глазом-линзой. Открыл дата-приемник и посадил внутрь москитиху-матку. После чего разбудил монитор и отдал команду на воспроизведение.

Картинка шла без звука, но зато с титрами — монитор реконструировал текст по движениям губ снимаемых людей.

Вот Золотых разговаривает с Варгой; тот требует, чтоб арестованных освободили от наручников и прекратили рыться в документах. Вот рыжий спецназовец-карабаш вносит большой кейс для документов...

И — вот оно. На экране возникают вытянутые по вертикали облачка полупрозрачного тумана — в видеосъемке они видны четче, чем вживе. Облачка по окружности обходят комнату, а безопасники и спецназовцы один за другим валятся на пол и остаются недвижимыми. Золотых пронаблюдал, как одно облачко вытянуло руку и всадило заряд из своего оружия ему в спину. Невидимки действуют очень быстро, слаженно и профессионально. Две минуты пятьдесят четыре секунды, судя по таймеру в уголке экрана. И все. Варга и Ханмуратов беспрестанно вертят головами.

— Стоп! — крикнул Золотых. — Повтор в замедлении!

Радист солирует на клавиатуре монитора.

Облачко тумана начинает подергиваться рябью, потом из-под тумана проступают первые детали-подробности, туман тает, и становится виден мужчина в темном комбинезоне. Взгляд у мужчины колючий.

Короткий диалог с Варгой: «Вы кто?» «Те, кого вы ищете». Вталкивают стюарда; на лице у того написано раздражение и глубоко спрятанный гнев, но не страх.

Сборы наспех. Волки (среди них — одна женщина) снова становятся невидимыми и уводят Варгу и Ханмуратова прочь. Ведут почему-то вверх по лестнице, на крышу.

И все, съемка прекращается, на открытый воздух однажды выпущенные москиты уже не вылетают.

Экран гаснет.

В кресле кряхтит Коршунович.

— Это все...

Голос у радиста немного виноватый, извиняющийся.

Золотых прикрыл глаза. Чертовщина просто. Все-таки волки. Но почему тогда они никого не убили? И почему, спрашивается, они не пользовались ранее таким бесподобным камуфляжем? В Берлине, во время серии убийств, когда и поднялся такой нежелательный для волков шум? Если бы убийцы пользовались столь совершенной защитой, никто бы их не заметил и никакого шума в итоге не было бы.

Поведение таинственного противника окончательно утратило логику. Золотых даже начало казаться, что убийства в Берлине и соседних странах не имеют с волками ничего общего. Уж слишком по-разному и при непохожей экипировке действовали первые волки и волки сегодняшние.

— Что скажешь, Палыч? — обратился Золотых к Коршуновичу.

Тот тяжело вздохнул.

— А что говорить? Намяли нам бока, как детям в песочнице. Мне все явственнее кажется, что наш великий крестовый поход в тайгу окончится подобным же пшиком. Они каждый раз нас чем-нибудь поражают. Видал, какой камуфляж? Сотня бойцов с таким — и наши пограничники поля-

гут все до одного. Никакое оцепление не удержит экипированных таким образом специалистов — а они специалисты, это слепому видно. У нас просто нет шансов.

— Я не о том. — Золотых поморщился. — Они никого не убили. Ты заметил?

— Заметил. Но это легко объясняется. Если они кого-нибудь убивают, мы начинаем сердиться, Семеныч. А они не хотят нас излишне сердить. Трупы им сегодня не нужны, им нужны только Варга и Ханмуратов. Так зачем лишние сложности, сам посуди. Они ведь все больше о нас узнают и потому подстраиваются под нас.

Звучало это убедительно.

— Константин Семеныч! — возник из прихожей Богдан По. — Министр на телефоне.

Золотых прикрыл глаза, сосредоточиваясь.

— Давай!

Ему передали трубку спецмобильника.

— Золотых на связи, Алексей Владимирович.

— Здравствуйте, Константин Семеныч. Я слышал, у вас снова проблемы?

«Блин! Кто-то уже капнул. Ну что за люди — стукач на стукаче...» — с раздражением подумал Золотых.

— Да, Алексей Владимирович. У нас проблемы. Волки снова удивили нас своей селек... гм! Техникой.

— А почему мне никто не соизволил доложить? — с неудовольствием осведомился министр.

— Мы разбираемся, Алексей Владимирович. К тому же вам все-таки доложили — по вашей лично, видимо, информационной сети.

— Это не ваше дело, Константин Семенович, моя личная информационная сеть.

— Конечно, конечно. Не мое.

— Так занимайтесь своим, черт возьми, делом! Чтоб через четверть часа отчет лежал у меня на столе.

— Отчет? — ожесточенно сказал Золотых. — Пожалуйста. Включайте записывающие устройства.

— Включены.

— Полковник Золотых, служба безопасности Сибири. Краткий предварительный отчет об операции «Бинокль».

Силами службы безопасности Сибири и мобильного спецназа Европейского Союза сегодня, двадцать девятого июля, осуществлялся арест лиц, подозреваемых в незаконной деятельности на территории Сибири, город Алзамай, в рамках темы «Карусель». Арест производился в гостинице «Централь» по оригинальному плану, разработанному накануне мною, оперативной группой службы безопасности под командованием капитана Чеботарева и при участии офицеров европейского спецназа. Задержание прошло успешно и без неожиданностей; единственный ущерб — один парализованный европеец.

Спустя пять минут после завершения операции, когда эвакуация арестованных уже началась, группа захвата подверглась форсированному нападению, предположительно — со стороны основной группировки объекта «Карусель». Противник применил тактическое новшество, заключающееся в том, что каждый из нападавших оставался невидимым до вывода из строя всех, подчеркиваю, всех подчиненных мне людей. Видеозапись операции будет переслана немедленно. Вышеуказанное новшество явилось для нас полной неожиданностью, обеспечило противнику стопроцентное преимущество и свело на нет все наши попытки сопротивления. В результате нападения практически все сотрудники безопасности и спецназа подверглись действию парализующего оружия, включая и меня. Трое арестованных, в том числе два главаря, похищены. Двое арестованных второго ряда до сих пор находятся в наших руках. На основании новых фактов считаю, что первоначальный стратегический план операции «Кедр» нуждается в срочной доработке.

Конец отчета.

— Константин Семенович, — сказал министр; Золотых показалось, что начальство в замешательстве, — что вы несете? Какая невидимость?

— Сами удостоверитесь. В видеозаписи. Причем в видеозаписи нападавших кое-как видно, еле-еле, но видно. В реальности — многие из моих подчиненных сошлись во мне-

нии, что не видно вовсе, и я разделяю мнение моих подчиненных.

Алексей Владимирович, уверяю, я в своем уме. Просто нам в очередной раз продемонстрировали высочайшие технические возможности. Если говорить образно — в очередной раз щелкнули по носу.

— Что вы намерены предпринимать дальше? — спросил министр; он явно утратил большую часть первоначального пыла и тянул теперь время.

Золотых немного подумал, прежде чем ответить.

— Во-первых, допросить двоих арестованных, тех, что остались у нас. Во-вторых, подумать, что можно сделать против боевого камуфляжа волков. В тайге думать будет некогда.

Министру, вероятно, требовалось время, чтобы осмыслить ситуацию.

— Действуйте, полковник. О результатах незамедлительно докладывайте мне в оперативный штаб.

— Слушаюсь.

Трубка пискнула и извергла тихое шипение неактивного канала.

Пару секунд было тихо; потом Коршунович полюбопытствовал:

— Что, Семеныч? Очередная пилюля?

Золотых уныло кивнул.

— Это министр внутренних дел?

— Ага.

— Понятно... — вздохнул Коршунович.

— Эй, орлы! — громко сказал Золотых своим ребятам. В прихожей и соседних комнатах тотчас стало тише. — Кто-то министру постукивает, наверное, из местных. Узнаю кто — яйца оторву, — пообещал Золотых. — И успокоюсь на заслуженной пенсии с чувством выполненного долга.

Полковник встал с дивана и пошатнулся — парализатор все еще оказывал остаточное действие на организм. Немолодой уже и порядком побитый жизнью организм. Золотых схватился за стену.

— Тьфу ты, черт! Шатает.

— Помочь вам, Константин Семенович? — сочувственно спросил из прихожей Богдан По.

— Иди ты знаешь куда? — без злобы огрызнулся Золотых. — Что я вам, маленькая девочка?

Он выпрямился, нарочито твердым шагом добрался до прихожей и выглянул. В соседней комнате на кровати сидели сразу семеро, и в который уже раз прокручивалась видеозапись волчьей атаки. Дверь номера тоже была распахнута настежь, по коридору медленно прохаживались спецназовцы с длинноствольными иглометами.

— Степа! — позвал Золотых.

Чеботарев немедленно вышел из кухни. В руках он держал малюсенькую чашечку кофе.

— Да, Константин Семеныч?

— Командуй финиш. Оцепление снять, гостиницу покинуть. Не забудьте после всего выпустить охранников...

Золотых заметил, что Чеботарев хочет вмешаться, и решил: пусть говорит прямо сейчас.

— Что там?

— Прибыл шеф местного представительства «Стены». Кажется, он жаждет крови и сатисфакции.

— Ну и отбреешь его по всей программе, — пожал плечами Золотых. — Разрешаю даже мордой в пол ткнуть при необходимости. Но — вежливо, вежливо, мы же цивилизованная страна...

— Понял, Константин Семеныч! — обрадовался Чеботарев. — Разрешите выполнять?

— Давай!

Чеботарев тут же вогнал рацию в циркулярный режим.

— Внимание, всем группам: финиш. Повторяю: финиш. Покинуть все посты и начать эвакуацию по стандартной схеме. Первая группа — со мной, сбор у лифта второго этажа. Закругляемся, хлопцы!

Оперативники и спецназовцы враз утратили неприкаянность — у них снова появилась цель, и каждый из них снова знал, что ему делать, знал до мельчайших подробностей.

— Пошли, Палыч. Сейчас номер опечатывать будут...

Коршунович поднялся со своего кресла, тяжело вздохнул и пожаловался:

— Да, Костя... Не те уже наши годы. Парализатором шандарахнули — и все тело будто наизнанку вывернулось...

— А ты чего хотел? — с неожиданным спокойствием отозвался Золотых. — Чтоб, как раньше, только насморк проходил?

Золотых покачал головой.

— Ладно, Палыч. Может, мы и старые пеньки, но весь этот молодняк все равно без нас не обойдется. Тут мозгами шевелить надо. А вспомни — ты много шевелил мозгами в двадцать лет?

Коршунович уныло развел руками.

— То-то, Палыч. То-то.

03: Область приложения

Когда массивные часы отбили половину восьмого, Арчи переоделся в пограничное и в последний раз проверил снаряжение. Собственно, снаряжения у него было — в одном кармане уместится... Нож, игломет и жукопара. Ну, часы, подаренные Ником еще. Игломет Арчи поселил в специальном кармане — на левом боку, чуть выше пояса. Нож сунул в узкий карман на лодыжке. Нижняя часть кармана пряталась под голенищем высокого шнурованного ботинка. Контейнер с жукопарой перекочевал во внутренний карман куртки.

В прихожей Арчи добыл из-за зеркала карандаш, покрытый темным от времени лаком, и клочок бумаги из тощенькой стопочки. Бумага когда-то была школьной тетрадью, рассеченной ныне на листики размером с пачку сигарет.

«Мама, я уехал, — написал Арчи, на всякий случай изменив почерк. — Экстренный вызов. Твой Ирч».

Нечасто Арчи исчезал из дома таким образом; последние лет десять он там бывал настолько редко, что дом даже сниться перестал. Но те несколько раз, когда все же приходилось исчезать, всегда оставлял лишь короткую записку и всегда

подписывался детским прозвищем. И сейчас, покидая не родительский дом в Крыму, а оставшееся без хозяев дедово гнездо, почувствовал, что изменять этой привычке ни в коем случае нельзя. Не то нарушится что-то очень хрупкое и святое, нечто такое, что ни в коем случае нельзя нарушать.

В последний раз окинул взглядом комнату — бывший дедовский кабинет. Древнюю, как сам дом, мебель. Потемневший свод потолка и старомодный светильник, прививленный к потолку. Подслеповатое маленькое оконце — когда-то такие были традиционными и здесь, в Сибири, и еще много где в Евразии. Прежде Арчи гостил здесь только однажды, лет двадцать назад, еще ребенком, жизнерадостным толстеньким щеном. В этом кресле тогда сидел дед, и сабля на ковре над кроватью не была тогда настолько тусклой...

Усилием воли отогнав внезапно нахлынувшие воспоминания, Арчи прошел вдоль книжных полок, машинально провел пальцами по шершавым корешкам и бесшумно отворил входную дверь.

Уходить он решил задами, чтоб меньше кто видел. Выскользнув во дворик, хоронящийся под сенью старых деревьев, оглянулся. Ни матери, ни соседей во дворике не оказалось. И хорошо.

Арчи быстро миновал опасно покосившуюся поленницу, неизменные сарайчики в самой глубине двора и перемахнул через добротный, сработанный еще молодым дедом забор. Узкая щель между забором и соседской оградой вела к переулку — здесь обильно росли крапива и гигантские лопухи и кое-где — зеленые суставчатые стебли дудника.

Выйдя из щели в переулок, Арчи снова огляделся. Невдалеке на лавочке заседала местная молодежь и, похоже, что-то праздновала: как раз бряцнули стаканами. Арчи отвернулся и побрел в противоположную сторону, чтоб выйти не к улице Шадченко, а к параллельной, через квартал. И вышел.

Мимо проскочил одинокий экипаж, и вновь повисла душная летняя тишина, которую и тишиной-то назвать нельзя. Какие-то звуки присутствуют, но все где-то вдали, и какие-то однообразно-глухие, отчего постоянно кажется, будто уши плотно забиты ватой.

Тихо вминая песочек на тротуаре тупоносыми ботинками, Арчи зашагал в направлении восточной окраины, к улице Зеленой. Одинокий невооруженный пограничник вызывал только мимолетное поверхностное любопытство. Арчи провожали ленивыми взглядами, а в следующую секунду уже забывали о нем. И это Арчи очень нравилось.

До Зеленой он шагал минут пятнадцать; дойдя — свернул направо, на юг. Зеленая пересекалась с улицей Ольшанского сразу за махонькой стоянкой для экипажей. Практически пустой в это время дня.

Арчибальд Рене де Шертарини, он же агент большой четверки Шериф, появился в условленном месте за пять минут до назначенного срока. Прислонился к разлапистой угловой сосне и словно растворился на фоне серо-коричневого ствола. За забором, во дворе, кто-то играл на гармони — здорово играл, просто виртуозно. Мелодия была Арчи незнакома. Торжественная и чуточку тоскливая, невольно наталкивающая на мысли о какой-то невосполнимой утрате. Арчи замер и вслушался. Ритмом и рисунком мелодия немного напоминала давно и прочно любимый «Funerales».

Совпадение это почему-то показалось Арчи очень важным.

Тот факт, что из агента большой четверки он, похоже, превратился в чистого агента России, его не очень взволновал.

Утробный гул приближающегося экипажа Арчи услышал загодя. Минуты за две. Трехприводной «Енисей» с обтекаемым кунгом показался на пересечении Зеленой и Ольшанского точно в восемь вечера — вдалеке как раз пикнул сигнал «Радио Сибири». Из кабины «Енисея» выглядывал некто стриженный ежиком меж стоячих треугольных ушей. Арчи тотчас отделился от ствола.

— Я — Пожарков, — негромко сказал стриженный. — Владимир Пожарков.

Арчи молча кивнул.

— Садись? — неуверенно произнес водитель.

Арчи тут же потянулся к рукоятке двери-надкрылка и поставил пограничный ботинок на рифленую плоскость подножки.

В кабине пахло универсальным кормом и жареными орешками.

— Как тебя называть? — спросил водила вполне дружелюбно.

— Арсений Пасечный. Коротко — Арчи.

— У-гу. — Водитель кивнул, манипулируя пестиками. Экипаж медленно тронулся с места. Арчи глядел в открытое окно. — Значит, так, Арчи. Мы — подвижная лаборатория спецподразделения связи в составе СПС южного пограничного округа Сибири. В данный момент прикомандированы к отдельному батальону связи этого же округа. Никто из связистов нас не знает, что и нужно, собственно. Веди себя естественно, на вопросы отвечай что вздумается; если будут интересоваться, где тебя готовили, говори, что в Хабаровске, в тамошней школе. Хабаровск связистов не готовит и полевиков тоже не готовит. Так что расколоть тебя просто некому. Ты бывал в Хабаровске?

— Нет, — мрачно ответил Арчи.

Пожарков беспечно махнул рукой:

— Ну и не страшно. Все равно из тамошней школы никого и никогда в город не выпускают. Ага.

Они свернули на Алтайский проспект и некоторое время катили вдоль шеренги симпатичных двухэтажных коттеджей, увитых сибирским плющом до самых разлапистых корон.

— Лаборатория наша состоит из двух экипажей; собственно лаборатории, где установлена полиморфная селектура и кое-какие приборы, и такелага, где свалено все разборное вооружение, припасы и походное оборудование. В данный момент мы едем на такелаге. Личный состав — восемь человек, включая тебя. Я перечислю всех, запомнишь?

Арчи кивнул. Конечно, запомнит! Да и выхода другого у него все равно нет.

— Добренько, — расплылся в улыбке Пожарков. — Значит, так. Начальник лаборатории — лейтенант Данильчук, бульдог. Начальник биосиловых устройств — это ты. Вообще-то ты рядовой, но должность это прапорская. Комод — Олег Похил, сержант. Водилы — я на такелаге, Славка Куликов на лабе. И операторы — Олег Рожнов, Игорь Агупов и

Колька Карпов. Биосиловыми на самом деле занимается Карпов, оператор он по совместительству. А ты, получается, просто оператор, но на должности прапора...

— Морфемы перечисли, — попросил Арчи.

— Данильчук — бульдог, французский. Мелкий такой. Я — сам видишь. — Пожарков хохотнул. — Второй водила, Славка Куликов то есть, — аморф, как и я, и Карпо тоже аморф. Сержант — ротвейлер, Олег Рожнов — курцхаар, Агупов — питбуль.

— М-да, — буркнул Арчи. — Хорошие лаборанты. Только меня, нюфа, вам и не хватало. Ладно, проверяй: лейтенант Данильчук — французский бульдог; сержант Похил — ротвейлер. Водители, Пожарков и Куликов, — аморфы, силовик-оператор Карпов — аморф, операторы: Рожнов — курцхаар; Агупов — питбуль; Пасечный — ньюфаундленд.

— Правильно! — искренне обрадовался Пожарков. — Все сходится! Головастый ты парень.

— Теперь клички, — продолжал вживаться Арчи.

— У лейтенанта клички нет, но промеж себя мы его иногда зовем Пистоном. Сержанта зовут Котом. Меня — Доктором, Куликова — Лысым. Карпова — просто Карпо. У Рожнова клички тоже нет, но его часто величают Рожновский. Агупов — он Гоша. А ты вроде как Арчи, получается.

Арчи и это впечатал в память.

— Вот, собственно, и все, — сказал Пожарков-Доктор. — По дороге Рожновский и лейтенант познакомят тебя с начинкой лаборатории. Игломет твой вон, сзади, и подсумок там же, пристегивай сразу. По легенде ты из госпиталя возвращаешься; госпиталь — в Барнауле, это филиал Хабаровской школы, его тоже никто не знает, потому что обычный состав погранвойск туда не возят.

— Чем я добирался?

— А чем хочешь. Я у тебя еще ведь не спрашивал, верно?

Пожарков хитро подмигнул, и отчего-то Арчи тоже стало весело.

— Верно, — ответил Арчи и засмеялся. — Вернее некуда... Поездом я приехал. Поездом.

Тут экипаж снова свернул, теперь — на площадь Казарского. Арчи высунулся в окно — вся площадь была запружена пятнистыми рыже-зелеными экипажами. «Енисей» под кунгами; приземистые трехприводные «Вепри»; «Егеря» в джип-варианте; точеные, как обветренные столбы на солончаках, «Изюбры» — какие под облегченными кунгами, какие просто под вылинявшими тентами; пузатые бочки полевых кухонь — пограничный табор... Если бы не город, эта стая рассредоточилась бы по куда большему пространству, врылась бы на полметра в почву, вырастила бы из нескольких грибниц полусферические купола палаток. Арчи уже видел прежде подвижные функционары, городки, которые могли сворачиваться в колонну экипажей за считанные часы и без проблем переезжать с места на место.

Соседние улицы тоже были запружены экипажами.

Пожарков подрулил к близнецу-«Енисею», рядом с которым на раскладных стульчиках сидели несколько погранцов.

— Эй, застава! — весело крикнул Пожарков, выпрыгивая из кабины. — Глядите, кого я привез! Арчи вернулся!

Арчи тоже прыгнул на размягчившийся от жары асфальт. Навстречу ему тотчас шагнули сразу трое: курцхаар, аморф и питбуль.

— Привет, старик! — Курцхаар бесподобно разыграл радость от возвращения старого друга, хотя на самом деле видел Арчи впервые в жизни.

— Здорово, Рожновский!

Они обнялись и похлопали друг друга по спинам. Арчи тоже не жаловался на недостаток актерских навыков.

Аморф, скорее всего Куликов, он же Лысый, стриженный еще короче Пожаркова, в испачканном лимфой комбезе, скупо улыбнулся и от души огрел Арчи по плечу:

— Починили?

Арчи в долгу не остался и тоже врезал аморфу по плечу.

— Как новенький! Привет, Гоша! — повернулся Арчи к питбулю.

Тот сдержанно кивнул и просто подал руку.

— А где Карпо? Где Котяра? — Арчи огляделся.

— Да с летехой ушли... Скоро ж выступаем.

Арчи потихоньку осмотрелся — пограничники в отдалении не слишком заинтересовались событиями по соседству. Поглядел кое-кто без особого любопытства — и все. Хватало у связистов и своих хлопот перед стартом.

— Пошли в лабу, — потянул за рукав Рожновский и заговорщицки подмигнул. — Гоша! Живенько!

Арчи послушно полез в кунг за поджарым курцхааром. Он моментально почувствовал, что Гоша — молодой, шкиперюга то есть, в то время как водилы и Рожнов — старики. Деды.

Питбуль вскочил в кунг последним и плотно затворил за собой овальную дверь — Арчи знал, что пограничные экипажи выращиваются с герметичными кабинами и кунгами. В лаборатории было тесновато: вдоль боковых стен располагались рабочие места операторов и внушительные вертикальные стойки с селектурой; переднюю часть кунга, прилегающую к кабине, занимал сплошной полиморфный модуль; целые ряды фасетчатых глазков и сенсорных панелек аккуратными цепочками тянулись по каждому сегменту модуля.

Гоша проворно очистил складывающийся столик от каких-то биоинженерных причиндалов, выудил откуда-то початую бутылку сибирской водки и пластиковую тарелку с нарезанной кружочками домашней колбасой. Вместо стаканчиков местным спецам служили роговые чехольчики из-под отслуживших радиомономорфов.

— Водилам, как ты сам понимаешь, нельзя, — прошептал Рожнов, хитро подмигивая. — А мы с летехой уже приняли. Так что давай, за встречу... А я заодно лекцию тебе прочту.

Арчи принял наполненный чехольчик; Гоша тем временем добыл из литровой банки мягкий маринованный помидор.

— Давай, — потянулся чокнуться Рожнов. — Да не сомневайся ты, все равно марш будет длинный, суток трое, просветлеешь еще. Сейчас вся колонна пьет: водка казенная, вместе с ужином выдали. Будь как все.

«Трое суток? — подумал Арчи. — Ну и шут с ним. Я на поминках больше выпил, чем за все три года в Крыму. И ничего».

— Ху! — сказал он в сторону и опрокинул чехольчик под язык. Во рту, а потом и в пищеводе стало остро и огненно. Зажевал помидором — чересчур пряным на вкус Арчи. И к колбаске приложился.

Рожнов с довольной физиономией поедал помидор и косился на Арчи.

— Хороши овощи! — вздохнул он и указал на бутылку. — Гоша, ты будешь?

— Неохота, — отозвался Агупов. — Я ж спортсмен... Хватит и полусоточки.

— Ну, как хочешь. Нам больше перепадет. Вот Карпо с Котом вернутся — точно не откажутся.

Рожнов заткнул бутылку пробкой и сунул ее в ящик под столом. Там подозрительно звякнуло. Гоша проворно убрал закусь в другой ящик и протер столик.

— Значит, так, — начал Рожнов. — Сие есть лаборатория ЗаСС — засекреченной селектуры связи. Сильно засекреченной, почище местных «Рубина» и «Астры». Официально — мы вообще испытываем опытный образец. На деле — здесь подживлена достаточно старая и известная модель шестиканального релейного генератора «Воздушный коридор», запихнутая в реально не существующую морфооболочку в дизайне последнего поколения. Дуля в красивой обертке, так сказать. В силу официальной засекреченности доступ в кунг запрещен даже командующему погранотрядом. Так что изнутри гонять всех к едрёне матрёне. На законном, заметь, основании. Лейтенант наш подчиняется одному капитану-особисту, который на самом деле наш человек. Кому подчиняется капитан, я не знаю, знать не хочу и тебе знать не советую. Кстати, особисту в кунг доступ все равно запрещен. Нам велено делать все, что ты скажешь, и научить тебя всему, что необходимо для роли простого погранца-ЗаССовца. С селектурой учиться работать лучше завтра, днем будет учебное разворачивание. Мачту с антеннами поставим, провода раскинем и все такое. Пока рекомендую потереться около экипажей, поглазеть. А как поедем — садись к Доктору в кабину и снова гляди. Такие, брат, дела.

Арчи сдержанно кивнул и осмотрелся. Релейный, значит, генератор. В реально несуществующей оболочке. Втис-

нули зародыш старенькой селектурки в наспех сбряцанную оболочку видом позаковыристее и нате: якобы сверхсекретная лаборатория. Ну, ушлый народ в отделе у Коршуновича! Это же надо такую куклу воткнуть сибирякам в погранчасти! И с чистым сердцем заворачивать из кунга пограничное начальство!

«И поделом, — мстительно подумал Арчи о сибиряках. — Развели, понимаешь, секретность, никто ни хрена не знает. Вот пусть теперь и расхлебывают...»

Прикрытие это явно делалось наспех, но по заранее подготовленному сценарию, так что с недельку все должно идти гладко. Трое суток — на марш к волчьим местам и столько же — на операцию. А дольше это все и не продлится. Ну а потом — ищи-свищи оператора секретной лаборатории!

— Ладно, — сказал Арчи. — Полезли, что ли, наружу? Перед маршем-то, поди, все на травке полежать норовят?

— Эт'точно! — подтвердил Рожнов. — Норовят. Ты прям прирожденный погранец, проницательный — дальше некуда. Гоша, включай дурилку!

Гоша чем-то щелкнул на продолговатой панели; один из глазков немедленно зарделся эдаким вкрадчивым сигаретным огоньком. И зазвучал в кунге нудный диалог с уклоном в спецдисциплины.

— Мы тут у себя жучка изловили, — шепнул Рожнов Арчи. — Так в нужный момент мы его усыпляем, а когда есть пустое время, кормим его сказками. Пусть местные особисты поломают головы у себя в управе!

Рожнов довольно ухмыльнулся.

«Гм... — насторожился Арчи. — Все-таки с жучком. Как бы это все быстрее не раскрылось. Да в неподходящий (по вреднющему закону подлости) момент».

Снаружи было жарковато, жарче, чем в кунге. Пограничники бродили меж экипажей, курили, собравшись кружками, кое-где почти в открытую пили и злорадно прохаживались по водилам, которым спиртное было заказано. Кто-то орал в микрофон портативной рации: «Борячинского ко мне!»

Приглядевшись, Арчи понял, что на площади собраны в основном экипажи подразделений обеспечения — связи-

стов, хозяйственников, ремонтников, саперов, словом, кого угодно, кроме собственно хранителей сибирских границ. Потом Арчи вспомнил, что Алзамай оцеплен. И стало понятно, кем оцеплен. Внутри города патрули, скорее всего европейские. Спецназовские. А вот по периметру — точно погранцы. Их ведь в таком невеликом городке и разместить толком негде.

Вскоре к «лаборатории» явились остальные ЗаССовцы — бульдог-лейтенант, аморф Карпо и сержант-ротвейлер. Они тоже моментально «обрадовались» возвращению Арчи, позубоскалили минут пять, тихонечко опрокинули еще по полста граммов, а там и команда «К маршу!» подоспела. Сержант немедленно скомандовал построение. Отделение немедленно образовало довольно ровную шеренгу с водилой Куликовым на правом фланге и невысоким питбулем Гошей на левом. Арчи встал предпоследним, рядом с Гошей, и не ошибся — остальные были выше него.

— Ну, орлы, на крыло! — Лейтенант, тоже низенький, но зато мускулистый и подвижный, будто склепанный из пружинок, прошелся перед строем и потянулся к кожаному подсумку, что хлопал его по бедру. — Маршевое расписание: лаборатория: старший экипажа — я, Рожнов — в кабину, Агупов — в кунг. Такелаг: старший экипажа — Похил, Пасечный — в кабину, Карпов — в кунг. Позывные: лаборатория — «Рупор-девять», такелаг — «Рупор-десять». Следуем за командно-штабным «Изюбром», во-он тем, сорок двадвенадцать. Интервал — десять метров. Похил, получи карту.

Он вручил сержанту закатанный в пластик квадрат, испещренный топографическими пометками.

— Вопросы? Нету? По экипажам!

Арчи, машинально поправив игломет за плечом и подсумок на поясе, побежал к кабине такелага вслед за сержантом.

— Ты — с краешку, — сообщил сержант, влезая в кабину первым. — И дай-ка мне гарнитуру...

Над площадью висело многоголосое урчание десятков экипажей.

Двинулись только через четверть часа, когда большая часть площади уже очистилась. Пограничные экипажи один

за другим втягивались на мостовую узенького бульварчика и колонной уползали к окраине. По иронии судьбы колонна проехала улицей Распадной, прямо мимо дедовского дома. Арчи на всякий случай отвернулся и утвердил на нижнем срезе открытого окна согнутую руку, чтоб никто из близких его ненароком не узнал.

Ведь провожать колонну вышел, казалось, весь город.

Летающая машина волков падала прямо на тайгу. Варга глядел в маленькое круглое оконце и не замечал никаких признаков жилья, пусть даже и временного. Сплошное зеленое марево, дикая тайга. Как волки собирались сажать свою машину, ну не на короны же? Но потом внизу произошло какое-то неясное движение, овальный участок тайги вдруг всколыхнулся, словно потревоженный ветром, и сдвинулся, открывая дыру, видимо, в подземелье. Искусственное подземелье. Машина отвесно пошла вниз, в этот подозрительный провал. Легкое, как вздох, касание — и все, финиш. Дверцу рядом с пилотской кабиной уже открывали.

Когда Варга вышел из машины, над головой обнаружился только составленный из квадратных плит потолок. Незыблемая, как закон всемирного тяготения, твердь. Уровнем выше, над квадратными плитами, надо понимать, шумела тайга.

Варга огляделся — они находились в просторном ангаре, прекрасно освещенном. Некоторые плиты на потолке являлись одновременно и светильниками, причем светильники эти были разбросаны настолько беспорядочно, что Варга стал подозревать в способности светиться просто каждую плиту. В ангаре стояло еще три машины, похожие на только что прилетевшую, около одной копошились люди. Точнее, волки. Люди-волки. Его цель и его мечта. Команда невидимок, сейчас, впрочем, вполне видимых, неторопливо выгружалась. Бряцало непривычного вида оружие.

— Следуйте за мной, — сказал после выгрузки волк-вожак. Варга послушно кивнул.

Основная масса прилетевших волков потянулась в сторону, к двери в дальнем краю ангара. Трое, в том числе и девчонка-ретривер, остались сопровождать ашгабатцев.

Варга взглянул на своего шефа разведки и безопасности — тот сохранял бесстрастный вид, но по сторонам зыркал исправно. Родион почти не озирался, его внимание занимал в основном хозяйский чемодан.

Они покинули ангар через обычную дверь. Совершенно обычную. Но вот дальше произошло нечто такое, чего никто из троицы ашгабатцев доселе не испытывал.

За дверью была маленькая круглая комнатенка; единственным предметом обстановки служил небольшой овальный пульт на изогнутой ножке. Пульт казался огромной кособокой поганкой, одиноко взросшей на дне великанского стакана дымчатого стекла. Вожак поколдовал у пульта; Варга почувствовал мгновенную дурноту, тотчас прошедшую. И еще ему показалось, будто глаза на миг подернулись неясным туманом. А потом вожак пошел назад, к входной двери, зачем-то решив вернуться в ангар.

Вернее, это Варга решил, что вожак возвращается в ангар. «Вероятно, — подумал Варга, — забыли что-нибудь».

За дверью оказался вовсе не ангар. Другая комната, тоже круглая. Но побольше размерами и на этот раз вполне обставленная. Мебель, правда, выглядела несколько странновато, но большую часть обстановки все-таки удалось свести к стандартным знакомым вещам. Вон то, например, очень напоминает стол, но слишком большой и чересчур замысловатой формы. Вон то более всего смахивает на болезненную помесь дивана с вешалкой. А вот это, вероятно, шкаф, только почему-то низкий и цилиндрический.

Вожак прошел через всю комнату. Не задумываясь и нигде не задерживаясь. К двери напротив.

Эту дверь вожак отворять не стал — сначала приложил ладонь к стене рядом с косяком, и дверь открылась сама собой. Вожак, сделав запрещающий жест рукой, вошел. Люди и свита остались у входа.

Девчонка-волчица глядела на людей оценивающе. На Варгу и Сулима по крайней мере. Родион ее интересовал мало. Более всего Варге в глаза бросался пристегнутый к локтю пистолет и та непринужденность, с которой девчонка его присутствие переносила.

Вожак отсутствовал всего ничего. Варга даже не успел поразмышлять об этой девушке.

— Входите! — велели им, и пришлось шагать в дверной проем, навстречу чему-то новому и пока неясному.

Но, бесспорно, очень важному.

В комнате находились трое людей-волков, и едва Варга их увидел, приведшего сюда волка сразу расхотелось называть вожаком. Вожаками были эти. А тот — офицером. Командиром над рядовыми, но ни в коем случае не настоящим вожаком.

Офицер и охрана тихонько встали в сторонке.

— Здравствуйте, господа, — поздоровался один из хозяев круглой комнаты. У него был тот же незнакомый акцент, что и у остальных волков. — Прошу садиться.

В этой комнате тоже имелся гибрид дивана и вешалки, и садиться людям предложили именно туда.

Разговаривал с ними высокий широкоплечий мужчина, похожий на отставного борца. У него были пристальный взгляд и порывистые движения, на удивление точные и завершенные. Одежда ничем не отличалась от одежды офицера или девчонки — тот же ладный комбинезон и ботинки. О морфеме Варга определенно высказаться не мог — нечто овчарообразное.

Двое других выглядели чуточку моложе первого, но заметно старше офицера и его людей. Варга подумал, что еще лет пять, от силы — десять, и они станут почти точными копиями своего предводителя, за тем лишь исключением, что морфемой один из них больше походил на ретривера, чем на овчара.

— Меня зовут Расмус. Это — мои помощники, Веном и Лоренцо. Давайте договоримся сразу: спрашивать буду я. Если сумеете отвечать быстро, полно и четко, возможно, мы и поладим. Если нет... вы знаете наши методы.

Варга коротко кивнул. Волчьи методы он действительно успел слегка изучить.

— Насколько я понял, главный — вы. — Расмус обращался теперь конкретно к Варге.

— Именно так.

— Назовитесь.

— Саймон Варга, шеф частной организации закрытого пирамидального типа. Это — Сулим Ханмуратов, шеф отдела разведки и безопасности. Это — Родион, мой стюард.

Расмус, сидящий за одним из изгибов стола, продолжал разговаривать только с Варгой.

— Вы доверяете своим людям?

— Вполне.

— Цель существования организации? Структура?

Варга на секунду задумался. Он чувствовал, что медлить нельзя, но и вопросов главарю волков задавать не хотелось. Но надо было как-то узнать, знают волки о биокоррекции семьсот восемьдесят четвертого или нет? В конце концов он нашелся:

— Мы пытаемся путем научных исследований снова научить людей убивать. Цель организации — мировое господство, средство достижения цели — получение идеального солдата, который не сойдет с ума, пристрелив первого же врага.

— Подробнее.

— Двести лет назад на Земле была произведена коррекция человеческого генома. Всем без исключения. С целью подавления немотивированной агрессивности и некоторых атавистических инстинктов, доставшихся нам в наследство от предков-хищников. В результате мир двести лет прожил без войн и почти без убийств. Моя организация пытается реализовать обратный процесс.

— Насколько успешно?

— Увы, безуспешно. Именно поэтому я искал встречи с вами.

— Что вы рассчитываете получить у нас?

Варга снова чуть-чуть помедлил с ответом.

— Я так понял, что вы уже являетесь теми идеальными солдатами, которые мне нужны.

— Почему вы решили, что мы согласимся воевать на вашей стороне?

— Я так не решил. — Варга изо всех сил старался сохранять спокойствие. — Я только хотел познакомиться, поговорить и поискать точки соприкосновения. Для начала.

— О структуре организации по-прежнему не сказано ни слова, — напомнил волк.

— Организации принадлежит земельный участок в Туркменистане. Там расположены научные лаборатории и постоянно находится бóльшая честь персонала. Сулим отвечает за охрану и разведку; у нас существует разветвленная сеть осведомителей и исполнителей во всем мире. Практически любой интересующий нас биоматериал в конечном итоге попадает в наше распоряжение. Кроме того, организации принадлежит ряд предприятий во всем мире, обеспечивающих финансовую независимость. Во главе организации стою я. У меня есть несколько советников — по науке, по безопасности, по политическим вопросам.

— Что о вас знают в мире?

— Ничего. Одни считают нас биотехнической базой, другие — закрытым исследовательским центром одной из ведущих стран мира, причем разные страны зачастую грешат друг на друга.

— Как вы зависите от правительства Туркменистана?

— Практически никак. Нынешнему правительству периодически оказывается помощь, благодаря которой оно по-прежнему остается у власти, и если мы не прекратим помогать — будет оставаться еще достаточно долго. По большому счету они от нас зависят даже больше, чем мы от них.

— Как вы пресекаете утечку информации?

— Сложилась целая система, пересказывать ее устройство долго. Вообще-то у меня работают лучшие в мире специалисты. Сулим Ханмуратов, например. Подробности нужны?

— Нет. Я понял. Хорошо, что вы знаете о нас?

Варга быстро сообразил, с чего стоит начать:

— Некоторое время назад мир всколыхнула череда убийств — в основном в Берлине. Естественно, нас заинтересовали люди, которые совершили эти убийства. В плане генетического материала. Перехват кое-какой секретной правительственной организации привел нас в Алзамай. Попутно выяснился тот факт, что в окрестностях Алзамая чаще, нежели где бы то ни было, засекаются неопознанные летающие объекты. Не сопоставить эти два факта было бы верхом легкомыс-

лия. После чего я сам направился в Алзамай и постарался выйти на вас раньше правительственных агентов со всего мира. Их цель — ваше уничтожение или коррекция. Наша цель совершенно иная, и именно поэтому я надеялся и надеюсь до сей поры, что нам есть о чем договариваться.

— Как вы видите наше сотрудничество? В общих чертах.

На этот раз Варга даже мгновения не колебался:

— Бесспорно, что из окрестностей Алзамая вам придется эвакуироваться. После того шума, который вы наделали, в покое вас уже не оставят. На мой взгляд, единственным выходом из сложившейся ситуации будет срочная и по возможности незаметная передислокация, причем желательно в другую страну. Менее развитую, чем Сибирь. Туркменистан в этом плане подходит как нельзя лучше. Моя организация вполне способна предоставить вам площади под базу и обеспечить анонимность. Мир будет считать, что мы просто укрупнились.

— После того, как вас взяла на карандаш сибирская служба безопасности? — насмешливо спросил Расмус. — После вашего дурацкого демарша с биноклем на крыше? Да по такому следу вся нынешняя свора пожалует в Ашгабат в полном составе. И никакое правительство не сумеет выстоять под нажимом таких политических китов, как Европа, Россия и Сибирь.

Но Варга ничуть не смутился. Ничуть.

— Да. После того демарша. У меня припасен в рукаве очень жирный туз, господа. Очень жирный.

Тут Варга подумал, что волки могут не знать значения слова «туз» — вдруг они не поняли сути людских карточных игр?

Но Варга ошибся.

— Ну что ж, — сказал Расмус с заметным интересом. — Тогда самое время вам зайти с этого жирного туза и поглядеть, найдется ли у нас ответный козырь? Как вы полагаете, Варга?

И в этот момент Саймон Варга окончательно поверил, что сумеет договориться с волками. Ему сразу стало не так тревожно, отчего в голосе еще добавилось уверенности.

* * *

— Вот такие пироги, братцы, — завершил свою речь Золотых. — Стартуем через десять минут. Все документы по теме сдать в спецхран, файлы — уничтожить. Пограничники уже на марше, они еще засветло выехали.

— Значит, — спросил офицер-спецназовец, — внешнее оцепление снято?

— Конечно. — Золотых вопросительно поглядел на европейцев, кучкующихся у левой стены конференц-зала. — А какой смысл в оцеплении, если у волков такой камуфляж? Они ж мимо постов впритирку гулять могут. Сколько захотят, хоть целый день туда-сюда...

Европеец с сомнением покачал головой.

— Господин полковник, я считаю, что боевой волчий камуфляж — это не повседневное оснащение их оперативников. По-моему, это дорогая и штучная селекту... э-э-э... техника. Иначе она активно применялась бы с самого начала. Да и здесь, в Алзамае, волки воспользовались ею только один раз и все в одном месте. Не значит ли это, что мы крепко прижали их к стене и вынудили прибегнуть к крайним мерам? Ведь и раньше возникали ситуации, когда при наличии такой техники волки решили бы свои сиюминутные проблемы с неизмеримо меньшим шумом и прилагая меньше усилий. Однако они действовали обычным порядком, то есть без камуфляжа.

— Ишь, чешет, — прошептал Коршуновичу Лутченко. — Как устав цитирует, мухомор германский...

Коршунович взглянул на Лутченко строго. Тот с легким вздохом умолк, но чувства вины на его лице Коршунович все равно не заметил.

— По крайней мере, — продолжал европеец, — одна попытка прорыва через оцепление была совершена. Без камуфляжа. Неудачная попытка, прошу заметить. А это значит, что в городе остается группа волков. Сейчас она, конечно, сумеет беспрепятственно покинуть город. А между тем за этой группой можно было бы проследить и потом не плутать по тайге в поисках волчьей базы, а выйти точно к нужному месту.

— Дельные соображения, — едко прокомментировал Золотых. — И удивительно своевременные. Оцепление уже час с лишним как снято, и из города можно было за это время сто раз смотаться. Браво, лейтенант! А теперь дельные мысли, если у вас таковые найдутся.

По конференц-залу прогулялся легкий шумок. Встал другой европеец — капитан.

— Простите, полковник. Лейтенант ван Арнен уже высказывал эту мысль ранее, но было как-то не до того.

— Ладно, вычеркнули. — Золотых тоже поднялся, показывая, что последнее совещание перед началом операции «Карусель» завершено. — Экипажи поданы на стоянку перед управлением. Прошу не задерживаться.

— Э, Семеныч! — запротестовал Коршунович. — А ужин?

Золотых хлопнул себя по лбу.

— Тьфу! Зарапортовался совсем! Конечно же! Простите, господа, в буфете накрыт ужин на нашу команду. Хотя... — Он взглянул на часы. — Запланированное время мы все равно уже исчерпали.

Он на миг задумался.

— Ладно... Даю еще пятнадцать минут! Тряхнем стариной, вспомним молодость! В молодости все, поди, на время столовались? В учебках?

Шум в конференц-зале стал погромче, и не только потому, что люди вставали и хлопали сиденьями кресел. Наверняка всем — от рядовых спецназовцев до полковника — было что вспомнить.

— От спасибо, — тихо, чтобы никто не услышал, проворчал Коршунович. — Пятнадцать минут! Хорошо, хоть буфет рядом с конференц-залом...

Однако Золотых либо обладал полным слухом, либо слишком хорошо знал своего российского коллегу.

— Палыч! А тебе я могу одолжить вставную челюсть, а то не управишься за четверть часа-то...

Коршунович мысленно выругался и возблагодарил небеса за то, что Золотых сказал это так же тихо. Чтобы никто не услышал.

Впрочем, на зубы Коршунович никогда не жаловался, а некая вольность в отношениях сибиряка-контрразведчика с подчиненными ему даже импонировала.

— Пошли, пошли. Осталось всего четырнадцать с половиной минут...

Удивительно, но к исходу назначенного Золотых времени все успели проглотить снедь и, дожевывая на ходу, поспешно тянулись вниз. Этот ужин снова на время согнал предстартовое напряжение и свел на нет неизбежную нервотрепку. О чем можно нервничать после того, как лицезрел торопливо поглощающего жаркое полковника?

Степа Чеботарев уже со знанием дела распоряжался внизу:

— Иркутск, сюда, вот ваши экипажи... Европа, налево. Эй, не сюда, это оружейная. Группа «А»! Вон «Ласки» вас дожидаются.

Золотых одобрительно хмыкнул при виде командующего зама. Водители давно поджидали пассажиров; маршрут и порядок движения давно был ими изучен.

— Константин Семеныч, кого в ваш «Егерь» подсаживать? Или никого? — справился Степа.

— Да вот Вениамин Палыч, пожалуй, со мной поедет. Ну и ты садись, если хочешь. Ты где рассчитывал ехать?

— В штабной. Но могу и с вами.

— В общем, решай.

— Тогда с вами.

— Ну и ладно. Вперед сядешь.

— Понял, Константин Семеныч.

Коршунович, как раз подошедший и слышавший весь разговор, негромко пробурчал:

— Что же это ты, Семеныч? Потенциального соперника к себе в членовоз сажаешь? Думаешь, Сибирь поймет?

— Зато буду спокоен, что ты никакой пакости не устроишь, — огрызнулся Золотых. — Лучше скажи Степе, куда твоих орлов рассаживать.

— А у нас свой транспорт, — сказал Коршунович с некоторой гордостью. — Но я, так и быть, уважу тебя, старика: поедем вместе.

— Вот спасибо! — вздохнул Золотых. — Что б я без тебя делал?

Степа, уже из машины, заканчивал короткую перекличку по рации. В руках он держал закатанный в прозрачную пленку список.

— Фагот, я — Зебра, все готово. Разрешите старт? — спросил кто-то.

— Как, Семеныч? Стартуем? — спросил Чеботарев у полковника, отворив окошечко в задний салон.

Золотых сверился с часами.

— Давай, Степа, — вздохнул он. — Авось повезет.

Окошечко тут же снова захлопнулось, и голос Чеботарева теперь зазвучал из динамиков, встроенных в боковые панели.

— Зебра, я — Фагот, старт разрешаю. Циркуляр: старт в основном порядке, и не растягивайтесь там, на трассе. Связь на промежуточных точках каждые двадцать минут. Внеочередная точка на выезде из города. Пятиминутные остановки — каждый час. АР, гвардия...

— Ну и позывные у тебя, — негромко заметил Коршунович. — Зебра... Ты бы еще диплодока вспомнил. Нет, чтобы родное что-нить. Белка, там, или барсук.

— А я в детстве на фаготе играть учился, — ностальгически заметил Золотых. — Лет в десять. Вот и вспомнил.

— Кстати, а что значит АР? — Коршунович зачем-то перешел на шепот.

Золотых поглядел на него подозрительно.

— А ты что, не знаешь? Во, темнота! Это значит: «Ответа не требуется». Еще с телеграфной связи.

— А-а! — осенило Коршуновича. — Так это просто...

И он просвистел морзянкой: «.—.—.»

— Правильно, — снисходительно сказал Золотых. — Еще не совсем мозги у тебя засохли...

Коршунович хотел, по обыкновению, съязвить в ответ, но тут Золотых откинул столик от передней панели и достал из бара узкую высокую бутылку с глянцевой этикеткой цвета беж.

— Это еще что? — подозрительно спросил Коршунович.

— Коньяк, — коротко объяснил Золотых. — «Ереван», тридцать четвертого года. Давай, за удачу. Она нам понадобится...

Он наполнил два сферических бокала и постучал к Чеботареву. Тот вторично отворил маленькое окошечко в передний салон.

— У тебя рация выключена? — спросил Золотых.

— Нет. А что? — Чеботарев ничего не понял.

— Выключи.

Тихое пение эфира в переднем отсеке тут же смолкло, и теперь слышен стал только шорох ходовой и тихое урчание привода.

Золотых подал Чеботареву свой бокал, а сам наполнил еще один.

— Давайте, хлопцы. За удачу.

И они сомкнули бокалы, старясь не пролить ни капли драгоценного напитка. Коршуновичу пришлось для этого привстать, а Степе Чеботареву — обернуться чуть не на сто восемьдесят.

Операция «Карусель» началась.

Юркая «Ласка» мчалась по ночной сибирской трассе, покачиваясь на неровностях и вжимаясь в редкие повороты. Впереди тлели габариты точно такой же «Ласки». А сзади пристроился кто-то посолиднее, «Росомаха», кажется. Генрих расслабленно откинулся на спинку кресла. Водила, плечистый сибиряк лайкообразной морфемы, сноровисто манипулировал пестиками. Дороге было очень далеко до европейского автобана, и здесь наполненный бокал на крыше экипажа не продержался бы и нескольких секунд. Азиатская специфика, что поделаешь...

Позади тихо переговаривались по-своему двое балтийцев, Юрий и Рихард. Почему они решили ехать вместе с ним, Генрих не знал. Весь остаток дня после тестов в тренажерной и тире и весь вечер они провели по соседству, в одном и том же кабинете, только Генрих — в кресле у окна, а балтийцы — на диване перед аквариумом с какими-то национальными сибирскими карасями. Генрих присмотрелся

к этой колоритной парочке еще в тире, на контрольных стрельбах из пулевых пистолетов. Оба стреляли на загляденье — сто из ста. Только Юрий классически, неторопливо и надежно, а более молодой Рихард — жестко, быстро и зло. Но тем не менее — точно. Генрих тоже выбил сто из ста, и молчаливый шарпей-китаец тоже сто, и смуглый малый из Турана, с совершенно не туранским разрезом глаз, — тоже. Только россиянин по имени Баграт, невесть зачем вклинившийся в группу агентов, которые сдались Сибири, выбил восемьдесят восемь с девяти выстрелов, да и то только потому, что на девятом выстреле пистолет намертво заклинило. Стрелять заново Баграт не стал, бросил ненадежную технику на стол и ушел. А стрельбу из иглометов распорядитель-сибиряк попросту отменил.

— Генрих, — негромко спросили сзади по-европейски. — Мы можем поговорить?

Говорил Юрий, эрдель, тот, что постарше.

Генрих обернулся, насколько позволяло кресло, и забросил руку на тонкую штангу, к которой крепились ремни безопасности.

— Поговорить? О чем?

— О сложившейся ситуации. Как европейцы с европейцем. Балтия — это ведь Европа, не так ли?

— Россия, — заметил Генрих, — тоже Европа. Самая настоящая.

— А Сибирь, — с непонятной злостью вставил дог, — нет.

Генрих покосился на водителя.

— А ведь он наверняка понимает по-европейски, — сказал Генрих.

— Конечно, понимаю, — тоже по-европейски отозвался водитель. — У нас все прилично говорят по-европейски и по-английски. Да и с балтийским у меня неплохо.

— Вот видите! — Генрих приподнял ладони, словно собирался кому-то сдаваться.

— Не страшно, — заверил его Юрий. — Все равно ничего особенного мы обсуждать сейчас не собираемся.

Генрих насторожился.

— А потом, надо полагать, собираетесь?

— Потом — собираемся. — Юрий даже подался вперед. — Но только не думай, что мы затеваем какую-нибудь рискованную игру за спиной у Сибири. Нет. Нам приказали сдаться, а значит, мы станем играть честно. Просто нам интересно понимание ситуации европейцем. Очень интересно. Если... кое-какие наши догадки подтвердятся, выиграют все, и Сибирь в том числе.

— Что ж, — вздохнул Генрих. — В таком случае я вас внимательно слушаю.

Юрий завозился, устраиваясь поудобнее. И начал:

— Европа верит в удачное завершение операции «Карусель»?

Генрих усмехнулся:

— Я вам не скажу за всю Европу. Вся Европа слишком велика.

По-европейски это звучало не так складно, как по-русски про Одессу. Но вышло очень узнаваемо, потому что и прибалты, и водитель от души захохотали. Генрих тоже рассмеялся, не выдержав, и вдруг почувствовал себя много свободнее. Словно пропал некий барьер, разделяющий его и ребят-балтийцев.

— А если серьезно — не знаю я, братцы, что и сказать. Запутался я. И все мы здесь запутались. У меня вообще сложилось впечатление, что в Берлине я имел дело с одними волками, первые дни в Алзамае — с другими, а под конец — и вовсе с третьими. Загадочная это история, слишком много в ней дыр, нелогичностей и нестыковок.

— В Берлине? А ты и там имел дело с волками? — удивленно спросил Рихард.

Генрих немного удивился:

— Ну да! С теми, что убивали людей из записной книжки Леонида Дегтярева. С первыми обнаруженными волками, теми, что бросались под грузовик или с крыши небоскреба.

— А что, этим разве занималась внешняя разведка?

Генрих фыркнул:

— Этим кто только не занимался! Я как-то на одной из операций мельком видел паренька из охраны Зайара ин Хасманди.

Прибалты загадочно переглянулись.

— Ну и?..

— Вот я и говорю. Такое впечатление, что там орудовали совсем другие волки. Фанатики какие-то. А в Алзамае чем дальше, тем больше их действия приобретали налет оперативного профессионализма. Ну вы ведь понимаете, о чем я?

— Да мало ли, — небрежно сказал Рихард. — У волков тоже могут быть и гражданские, и обычная недалекая полиция, и спецназ. Когда не справлялись одни, вызывали других, покруче, вот и все.

Генрих задумался. А ведь верно, черт побери! Очень даже верно подмечено. Скажем, пустили по следу знакомых бедняги Дегтярева первых, кто подвернулся под руку. А они не справились. Тогда послали более опытных. И эти подкачали. И тогда уж бросили затыкать дыры настоящих асов, с парализаторами и чудо-камуфляжем. Волчий спецназ. Элиту. И вот эти провели захват ашгабатцев и отшили сибиряков блестяще, без единого прокола.

Кстати, а зачем им ашгабатцы? Тоже непраздный вопрос...

Но всего этого Генрих Штраубе вслух говорить не стал. Решил приберечь до лучших времен.

— Одно я знаю точно, — продолжал Рихард. — Волчий центр будут охранять те, с камуфляжем. Не думаю, что мы с ними справимся.

— С таким настроением на дело идти, — встрял водила, — лучше уж сразу оружие побросать, ручки в гору и стройными шеренгами в волчью неволю...

— Ты бы молчал, — огрызнулся Рихард. — Умник. На приступ не тебе лезть. Поэтому и рассуждаешь.

Сибиряк только вздохнул в ответ и покрепче ухватился за пестики.

— На что надеется Золотых, вот в чем вопрос, — сказал Юрий. — Я тут прикинул — в принципе он все время действует верно и каждая из его операций в Алзамае была блестяще задумана и неплохо исполнена, просто в какой-то момент волки словно прыгали ступенькой выше и начинали действовать на новом уровне. Только поэтому и случались срывы. И мне кажется, что Золотых эту тенденцию схватил.

— Думаешь, он станет действовать как бы с упреждением? — протянул Генрих. — Откровенно говоря, сомнительно, чтоб можно было предугадать новый волчий сюрприз.

— Он что-то задумал веселенькое, точно вам говорю. — Юрий слегка подался вперед. — Чую. Не сумею объяснить, но чую. Не может быть, чтоб не существовало способа перехитрить волков — даже этих, крутых, невидимых. Силой их не взять, это понятно. А Золотых демонстративно испек план силовой акции. Но будь я проклят, если он ничего не прячет в рукаве! Наверняка ведь припас какой-нибудь финт, и даже скорее всего не один.

— Возможно, — согласился Генрих. — Но нам-то что с того? Мы ведь в передовой группе. Как это именовалось в древности? Пушечное мясо, так?

— Не так, — возразил Рихард-дог. — Пушечным мясом именовали безмозглую и чаще всего плохо вооруженную толпу, которую отсылали вперед, на штыки. У нас другой случай. Фактически мы лучшее, что есть у Золотых в распоряжении.

— И что? — спросил с подозрением Генрих. — Он сразу сунет нас вперед, на верную смерть? Чтобы лишиться своих лучших сил? Не верится мне что-то.

— Вот об этом я и говорю. — Юрий щелкнул пальцами. — Глупо это, сразу совать нас в прорыв. Золотых хитрит. Он уже начал обманывать волков и для начала пытается обмануть нас.

Тут все покосились на сибиряка-водилу. Наверняка после первой же остановки содержание их разговора станет известно Золотых.

«Ну и пусть, — подумал Генрих. — Пусть знает, что мы не похожи на его болванов. Пусть будет готов, что мы постараемся не сдохнуть, как наши прапрапрадеды в бесконечных войнах, а выжить и победить. В конце концов выжить и победить — важнее, чем послушно сдохнуть во имя поражения».

— Отважные вы ребята, как я посмотрю, — неожиданно сказал водила. — А о Золотых вы правильно подумали. Хитер он, как старый лисовин. А уж на выдумки горазд... Не сомневайтесь, найдется у него чего-нибудь и в рукаве, и в другом, и в сапоге, и за пазухой. Я его двадцать лет знаю.

Колонна как раз проходила очередную промежуточную точку. Водила, на секунду бросив правый пестик, разбудил рацию и натянул на голову гарнитуру. Серая шишечка микрофона на тонком отростке застыла напротив его губ.

— Фагот, я — Нельма-четырнадцать. Продолжаем движение.

Он стянул с головы гарнитуру и пошевелил затекшей шеей.

— Вы бы поспали, ребятки, — посоветовал он. — Утром будет передышка, я-то посплю, а вам не дадут.

Генрих вздохнул, слегка откинул спинку кресла и расслабился. Ночь мчалась навстречу, обтекая лобовое стекло и шарахаясь от слепящего света фар.

Проснулся Арчи от того, что экипаж внезапно прекратил мерно покачиваться и остановился.

Он открыл глаза — подголовник водительского кресла находился в нескольких сантиметрах от кончика носа. Арчи приподнял голову, чтоб увидеть лобовое стекло. За стеклом виднелся рыже-зеленый капот и кусочек дороги. Водила — Пожарков — чуть не по пояс высунулся в окно.

Арчи потянулся и слез со спального места за сиденьями, похожего на полку в купе поезда. Сержанта-ротвейлера в кабине не было, как ушел в начале ночи спать в кунг, так, видимо, и пребывал там.

Пожарков все глядел куда-то наружу; потом ожила рация:

— Циркуляр, рупор-один всем-всем-всем! Учебное разворачивание; место подбирать начальникам подразделений. После разворачивания — общее построение, кроме водителей. Водителям в разворачивании не участвовать, после установки экипажей на точки разворачивания — всем водителям команда «отбой» до особого сигнала. Подтвердить прием.

Эфир пронзили беспорядочные шорохи, потом там сгустился чей-то низкий гнусавый голос:

— Рупор-два, прием подтверждаем.

Другой голос:

— Рупор-три, подтверждаем.

— Рупор-четыре...

— Рупор-пять...

Когда дошла очередь до «лаборатории», в эфире родился голос лейтенанта:

— Рупор-девять, рупор-десять, прием подтверждаем...

Арчи тоже выглянул в окно — колонна, казавшаяся бесконечной, убегала вперед по шоссе и исчезала из видимости за близким поворотом. Вокруг тихонько шумела на легком ветерке безмятежная тайга.

Слева от шоссе тайга отступала далеко в сторону, а чуть впереди поблескивала на солнце излучина небольшой речушки. Командно-штабной «Изюбр» съехал с асфальта и неторопливо полз по траве, удаляясь от трассы. На обочине собрались несколько офицеров, в том числе и лейтенант Данильчук. Офицеры колдовали над картой. Минут пять колдовали. Потом разом разбежались, каждый к своему экипажу.

— Давай к «Изюбру», — крикнул лейтенант Пожаркову, махнул рукой в сторону реки и сел в кабину лаборатории. Лаборатория тронулась, забирая влево, и тоже съехала с шоссе. Пожарков подал вперед такелаг, пристраиваясь лаборатории в хвост. Минут десять экипажи нещадно мяли буйную траву; потом лаборатория мигнула стоп-сигналом и встала. Пожарков протянул чуть в сторону, по размашистой дуге подрулил к лаборатории и пристроился рядом, но кабиной в противоположную сторону, «валетом». Из кунгов дружно полезли пограничники. Арчи, оставив длинноствольный игломет в кабине (со своим личным он, понятно, не расставался), тоже выпрыгнул наружу.

— Так! — звонко сказал лейтенант, вертя головой и осматриваясь. — Водилам — отбой. Залегайте в кабинах, ясное дело.

Арчи догадался почему — раз лабораторию будут разворачивать, значит, в кунгах будут шнырять люди. Какой уж тут отдых?

— Похил, ищи место под мачту. Коммутатор вон, южнее. Карпо, сымай силовик.

Потом взгляд лейтенанта остановился на Арчи.

— Пасечный, трам-тарарам, где игломет? Расслабился, что ли, в госпитале?

— В кабине оставил, господин лейтенант! — весело ответил Арчи. — Все равно ж разворачиваемся!

— Ну и хрен ли? Построение — с оружием. Марш за иглометом!

Арчи послушно сбегал в кабину и спустя полминуты уже стоял в строю вооруженный, с иглометом за правым плечом.

— Так-то! — удовлетворенно пробурчал лейтенант. — Начали!

Первым делом все отнесли иглометы в кунг лаборатории и оставили там. Арчи в душе повеселился, но ничего никому не сказал.

— Пошли, — потянул его за рукав аморф Карпо. — Ты ж начальник биосиловых, как-никак...

С тыльной стороны кунга лаборатории имелся крохотный отсек со своей автономной дверцей. Карпо разблокировал запор, влез в этот отсек и поманил Арчи пальцем. Арчи тоже влез — насилу втиснулся.

— Гляди. Это — биосиловой полиморф породы «Алтай». Служит для обеспечения энергией любой радиоселектуры или линейной селектуры, а также для питания механических приборов. Выходная мощность — около полутора киловатт. Жрет универсальный корм. При разворачивании его надлежит сгрузить на землю, установить, подключить и накормить до отвала. Поскольку разворачивание учебное, до отвала кормить не станем, просто отгрузим ему в брюхо дневную дозу и все. Сгружается он следующим образом... Гляди. Вот тут лебедочка приспособлена. Снимаешь стопор, травишь тросик, заводишь под станину... Давай заводи... нет, левее опоры. Ага, вот так. Внатяг. Теперь приподнимаешь его чуток и начинаешь лебедку помалу разворачивать. Прыгай, с земли посмотришь, а то сейчас сбросит. Вот, разворачиваешь...

Тяжеленный полиморф на ороговевшей прямоугольной станине дрогнул и стал величаво выплывать из кормового отсека. Носик лебедки поворачивался, пока не уперся в металлический ограничитель.

— И теперь травишь лебедку, пока не станет на землю! — довершил объяснения Карпо. — Только разверни его рожей от экипажа. Ага, вот так. Все, лебедку — в отсек, трос отцепляй...

Трос Карпо закинул в отсек; взамен он вытянул оттуда толстый комбинированный кабель, селектурно-электрический.

— Разъем вот здесь, — сказал Карпо и откинул на боку силовика маленькую дверцу-надкрылок. Под дверцей обнаружился комбинированный же разъем, наполовину контактно-механический, наполовину живой, с жадно отверзтым устьем.

Арчи без всякого труда подключил кабель к разъемам.

— Теперь кормежка...

Карпо подбросил в руке пакет с универсальным кормом.

— Ну, тут вообще ничего сложного нет. Жрут они все одинаково.

Содержимое пакета мигом перекочевало в пищевод силовика. Тотчас ожили и еле заметно завибрировали его чешуйчатые выпуклые бока и затеплились фасетчатые бельма, которые назвать глазами язык почему-то не поворачивался. Силовик был скорее всего совершенно слепым полиморфом, глаза у него оставались только потому, что никому не мешали.

— Отлично! — крякнул Карпо. — Пошли Коту с Рожновским поможем.

Остальные, пока Карпо и Арчи возились с силовиком, метрах в тридцати от экипажей составили из отдельных колен L-образную мачту и сейчас занимались с тем, что проводили от двух заколоченных в землю колов к будущей верхушке мачты сложную систему растяжек. Потом, уже с помощью Арчи, прикрепили к мачте решетчатую релейную антенну и навесили несколько промежуточных концентраторов на толстый чешуйчатый фидер. Фидер был особенно похож на гигантскую змею.

— Все, поднимаем! — скомандовал сержант, и Гоша с Карповым вручную перевели короткую часть мачты в вертикаль. Остальные схватились за растяжку, потянули, и длинная часть мачты медленно встала, вздыбилась, нацеливаясь в зенит, а короткая опять припала к земле.

— Переноси!

Часть растяжек прикрепили к третьему вбитому колу; теперь тринадцатиметровая мачта стояла вполне самостоятельно и надежно. На самом верху красовалась четырехметровая плоскость релейной антенны. Глядела она на юг, где метрах в двухстах виднелась точно такая же плоская антенна на телескопической ноге.

— Готово! — удовлетворенно крякнул сержант. — Рожновский, включайся, я пойду доложусь.

Кот сбегал к лейтенанту, который уже минут двадцать как пребывал в командно-штабном экипаже, и вернулся. Рожнов тем временем затащил Арчи в лабораторию. Первым делом он отключил вражеского жука и просканировал кунг на предмет посторонней селектуры. Щуп у него был новейший, даже Арчи такими еще ни разу не пользовался. Исправно отследив пассивного жука, щуп доложил, что больше инородных организмов и аппаратуры в пределах охраняемого объема нет. Рожнов самодовольно ухмыльнулся:

— Славненько. Значит, так, Арчи. Гляди. Вот это — релейка, четыреста девятая порода...

— Я знаю.

Рожнов оживился:

— А обращаться умеешь?

— Умею.

— Ну-ка! Тогда включайся. Общее питалово на кунг вон, на пульте.

Арчи щелкнул указанным тумблером; тотчас вспыхнул светодиод, сигнализирующий, что запитана электросеть, и стал еле заметно тлеть фасетчатый глаз биоиндикатора. Организм релейки подключился к богатому питательными веществами пищевому кругу биосиловика. Арчи чуть ли не кожей почувствовал, как поток ионов и транспортных кислот устремился по биоселектурной части кабеля от силовика к голодной релейке.

Он разблокировал пищевой круг. Релейка довольно заурчала, насыщаясь. Подмонтировал антенный модуль; контрольное отражение составило почти восемьдесят процентов. Уменьшив излучение, Арчи сказал:

— Антенну покрутить надо.

Рожновский тотчас крикнул в открытую дверь:

— Гоша! Помалу!

Питбуль Гоша заранее встал к мачте. По сигналу он принялся вращать сухожилие точной настройки.

— Горизонталь, по часовой... Еще чуть-чуть. Еще. Стоп! — командовал Арчи. — Теперь наклон. От себя...

Гоша манипулировал сухожилием.

— Стоп! Хорошо. Контрольное...

Теперь отраженный сигнал составил девяносто восемь процентов.

— Выставлять на абсолют или хватит? — поинтересовался Арчи.

Рожновский покачал головой:

— Да зачем? Разворачивание все равно учебное. К тому же при полной нагрузке вполне хватает девяноста процентов. Молодец, Арчи! Я не думал, что ты так здорово подготовлен.

Он дружелюбно ткнул нюфа в плечо.

— Ну а теперь эта, с позволения сказать, секретная селектура. Мы ее ориентируем на ближайшую область положительного отражения и радостно ловим в коридоре собственный луч. Короче, он кодируется до посинения, после чего мы его отправляем через коммутатор выезда на адрес-пустышку. Вот и вся недолга.

— Так просто? — удивился Арчи. — М-да. Действительно. Но ведь и не подкопаешься ни с какой стороны!

Пограничник-курцхаар снова ухмыльнулся:

— На том стоим! Ладно, полезли.

Рядом с кунгом стоял и курил лейтенант. Сержант возился у мачты, что-то поправляя, а Гоша присыпал землицей протянутые кабели.

— Лаборатория оттестирована! — бодро доложил Рожнов. — Сетку натягивать будем?

— Нет. — Лейтенант выплюнул сигарету. — На месте натянем, а тут — нет.

Он снял с ремня рацию.

— Блик, я — Призма. Финиш, повторяю, финиш.

— Понял, Призма. Сигнал есть?

— Полный. Полный сигнал.

— Профессия, вы их видите?

— Видим, господин капитан.

— Понял. Призма, ожидайте команды на общее построение. Личному составу можно отдыхать, только часового выставьте.

— Есть.

Лейтенант снова водрузил рацию на пояс.

— Агупов! — крикнул он Гоше. — Ты выспался?

— Так точно, господин лейтенант.

— Закончишь — бери игломет и патрулируй. Дальше полста метров от экипажей не уходи. К завтраку тебя подменит Карпов.

— Есть...

Лейтенант стащил с головы кепку, почесал макушку, прищурившись поглядел на солнце и вполголоса скомандовал:

— Ну что, орлы? По пять капель перед завтраком, пока начальство не набежало?

Рожнов немедленно запрыгнул в кунг и загремел откидным столиком. Кот закончил колдовать у мачты и, докуривая на ходу, шел присоединяться.

«М-да, — подумал Арчи без особого, впрочем, сожаления. — Не погранцы, а партия любителей выпить прямо. Только почему это у меня настроение улучшается, интересно?..»

— Ну что же, — сказал Расмус, предводитель волков. — Достаточно смелый план. Мы его обсудили и сочли вполне работоспособным. Вероятность успешного исхода нас устроила. Что нужно для его осуществления?

— Задействовать одно мое средство связи.

— Биоинженерное?

— Да.

— Нас очень интересуют ваши биоинженерные решения. В области связи — в особенности.

— Полагаю, мы сможем предоставить вам обширную информацию в этой области. Насколько я понял, ваш взгляд

на мир исключительно техногенный. Вы строите вещи, а не выращиваете их. Так ведь?

— Так.

— Значит, наша заинтересованность взаимная. Построенные на Земле машины пока не очень совершенны.

— Вы непростой человек, Варга, — сказал Расмус после некоторой паузы. — Очень непростой.

Несколько секунд волк и человек пристально глядели друг другу в глаза.

— Ладно. — Расмус принял более расслабленную позу. — Чувствую, что у вас масса вопросов ко мне. Я готов некоторое время уделить ответам на них. Спрашивайте.

Варга давно ждал этой минуты. Минуты, когда ему позволят спрашивать. Ему надоело пробираться вперед вслепую, надоело ожидание нелепой ошибки, которую можно допустить просто по незнанию, от недостатка информации. Итак, с чего же начать?

— Кто вы? Выходцы из иного мира?

— Нет, — невозмутимо ответил Расмус. — Все мы родились на Земле около четырехсот лет назад.

Варга беспомощно поглядел на Сулима. Тот оставался бесстрастным, словно памятник любому из вождей, установленный в любом из городов. Вожди любят быть бесстрастными. Варга тоже любил быть бесстрастным, но иногда мир преподносил ему слишком уж неожиданные сюрпризы. Впрочем, он умел быстро брать себя в руки.

— Ваш линейный и ваш биологический возраст различаются?

Расмус еле заметно усмехнулся.

— Конечно. Не думаете же вы, что нам по четыреста абсолютных лет? Мне, к примеру, семьдесят четыре.

Для столь почтенного по земным меркам возраста Расмус выглядел невероятно хорошо. На вид ему пошел бы полтинник — полновесный полтинник бывшего спортсмена, когда тело еще крепко, а жизненный опыт достигает некоего критического предела, позволяющего сворачивать горы и почти всего добиваться исключительно словами. Силой убеждения.

— Все мы солдаты, любезный Варга. Наемники. Четыреста лет назад нас похитили... ну, скажем так, инопланетные агенты-вербовщики. Двенадцать лет нас готовили, растили из нас солдат, способных вступить в войну на стороне... Ну, в общем, способных воевать за одну из сторон. И мы воевали. Но теперь война закончилась, и мы решили вернуться. Домой, на Землю.

— Сколько вас?

— Около двух сотен. Половина от первоначального числа.

Варга ненадолго задумался.

— Э-э-э... Расмус... Я понимаю, что вопрос праздный. Но все же не могу удержаться, чтобы не задать его.

Он взглянул на вожака волков, но прочесть в его темных глазах ничего не смог. Совсем ничего.

— Инопланетяне... Какие они?

— Разные, любезный Варга. Очень разные с виду. И очень похожие на нас в целом. Просто большинство чужих рас, с которыми нам довелось столкнуться за полвека, гораздо старше землян, и поэтому они сумели взобраться по лестнице прогресса на невообразимую для вас — да и для нас тоже — высоту. Возможно, и Земля когда-нибудь станет столь же искусной в науках и технологиях.

Варга готов был спрашивать о чужаках еще и еще, но что-то его удержало. Что-то разом сбросило его жгучее любопытство с небес на Землю. И он вернулся к сиюминутным проблемам.

— Значит, нам предстоит разместить у себя две сотни людей...

— Волков, любезный Варга, — поправил его Расмус. — Волков. Мы вовсе не возражаем против этого... гм... наименования. К сожалению, за время нашего отсутствия люди превратились в нечто такое, что не может у нас вызвать ничего, кроме недоумения и легкой брезгливости. И только благодаря факту, что хоть кто-то на всей планете пытается вновь сделать людей людьми, а не слюнявыми овечками, наш разговор и стал возможным. Меня совершенно не радуют родственники, падающие в обморок при виде крови. Что, в конце концов, произойдет, если чужие вздумают завоевать

Землю? Даже бойни не получится. Получится плодотворная прогулка грабителя и насильника по детской площадке.

— А что, — с легким холодком в груди спросил Варга, — есть вероятность, что Землю попытаются завоевать?

— Вряд ли. — Расмус пожал плечами. — Какой смысл тогда нам здесь оседать? Земля не может заинтересовать ведущие расы — как не может заинтересовать шефа «Чирс» Саймона Варгу муравейник на соседнем с базой поле. Наткнуться на прогулке и разворошить подвернувшейся под руку палкой — это еще возможно. Но — если начистоту — часто ли шеф «Чирс» гуляет по окрестным полям?

Варга немного смутился.

— Нет... По правде говоря, ни разу не гулял за все годы.

— Вот видите. Земля не нужна чужим. Единственное, что как-то может заинтересовать некоторые расы, — это ваша биоинженерия. Но все то, что делаете со своим живым материалом вы, доступно и чужим. Все то же и еще много того, чему Земле только предстоит научиться в ближайшие тысячелетия. Есть две причины, по которым чужие могут посетить Землю. Это скука и это любопытство.

— Скажите, Расмус, — вкрадчиво поинтересовался Варга, — а войну чужие вели от скуки или же от любопытства?

Все трое волков дружно расхохотались; причем Варга сразу понял, что смеются они не оттого, что вопрос глуп или неуместен. Вовсе нет. Варге скорее всего удалось взглянуть на приевшуюся им проблему с совершенно неожиданной точки зрения. Как иногда удается детям поразить взрослых неожиданной мыслью или неожиданным вопросом.

Варга тотчас вспомнил, как лет десять назад в Тирасполе по давно уже забывшейся причине угодил на конкурс детского рисунка — малышня рисовала мелками на асфальте всякую маловразумительную лабуду. Но один рисунок Варгу просто потряс. На асфальте был изображен желто-оранжевый зверь, которого юный художник назвал «Жераф». Зверь имел совершенно нормальных размеров шею и очень длинное туловище. Тогда Варга еще подумал, что если зверь назван «жерафом», а не «жирафом» умышленно, то кусок асфальта с рисунком можно смело вырубать и прятать, а лет

через пятьдесят продавать за баснословные деньги. Всплыл бы сейчас детский рисунок Сальвадора Дали — то-то всколыхнулся бы мировой бомонд!

Воспоминание это молнией промелькнуло у Варги в голове, а сам он не отрываясь глядел Расмусу в глаза.

Расмус продолжал смеяться. А когда отсмеялся, ответил странно:

— Я не могу ответить на ваш вопрос, любезный Варга. На него просто нет ответа. Но если бы я задал такой вопрос чужим, меня либо убили бы на месте, либо осыпали бы почестями. И я не берусь судить, что более вероятно.

Утренняя стоянка затянулась на шесть с половиной часов. Пограничники снялись уже за полдень. Юркие легковые экипажи сибирских безопасников и передовой группы долго мчались по левой полосе, обходя нескончаемую колонну пятнистых грузовиков, лениво косящих глазами на обгоняющую мелочь. Из-под выгоревших на солнце тентов выглядывали скуластые стриженые головы. Цицаркин вдруг подумал, что этих юнцов, вчера еще тискавших на лавочках одноклассниц и гонявших по траве саморощенные мячи, посылают в самую настоящую мясорубку.

А ведь это трудно — посылать юнцов в мясорубку. Цицаркин не чувствовал в себе сил на подобное. И он в который раз подумал, что ноша полковника Золотых в этом необычном деле — самая тяжелая.

Юрий Цицаркин, агент внешней разведки Балтии, неизбежно привык к промытым психологами мозгам. Чужая смерть давно уже его не ужасала, да и своя много лет не казалась абстрактным понятием. Она стала понятием вполне конкретным, некоей сущностью, непрерывно маячившей в поле зрения, и на многих операциях Цицаркину приходилось прилагать массу усилий, чтобы эта костлявая старуха в ветхом рубище не вздумала приблизиться хотя бы на шаг. Тем не менее старуха иногда оказывалась совсем рядом, но ухватить его или хотя бы коснуться ей пока не удавалось.

Но вот эти ребята... Юнцы, в неполные двадцать получившие в руки казенные иглометы, оторванные от дома и

каждую ночь вынужденные ловить пронырь контрабандистов на японокитайской границе. Чем для них является смерть? Без разницы, своя ли, чужая ли? Как уберечь их непрочное «я», если им придется убивать? И как оправдать, если костлявая старуха сграбастает их в объятия, от которых уже не освободиться? Сколько их в каждом грузовике? И сколько грузовиков на каждом километре сибирской трассы?

И как, черт возьми, люди жили до коррекции? Жили и умирали? Шли на смерть сами и отсылали других? Что они чувствовали при этом? Ведь не может же быть, чтобы ничего?

Не может. Точно не может.

И поди теперь разберись, что есть биокоррекция — благо или зло? Что важнее — сохраненные жизни тысяч людей, не вцепившихся друг другу в глотки за последние двести лет, или неумение человечества дать толковый отпор невесть откуда вынырнувшей горстке волков? Как сравнить, как сопоставить и как оценить одно и другое?

Как, наверное, трудно было людям, от которых зависело, проводить биокоррекцию или нет. Впрочем, тем, кто выбирает не только за себя, но и за других, всегда бывает трудно.

Но ведь тогда, в тысяча семьсот восемьдесят четвертом, кому-то пришлось выбирать за всех. За всех, живших тогда, и за всех, живущих ныне, и за всех, кто еще только будет жить.

И еще — за тех, кто умрет завтра. За этих скуластых мальчишек, которым, возможно, не суждено увидеть очередную осень. Которые навечно останутся в сибирском лете с пулей в сердце и непониманием в стекленеющих глазах.

Ты ведь не любишь, когда выбирают за тебя, Юрий Цицаркин. Хотя и подчиняешься приказам. Но все же — не любишь. Как странно, что прогресс и цивилизация предполагают бесконечную цепочку ситуаций, в каждой из которых ты выбираешь за других, а кто-то — за тебя, и крайне редко человеку дается выбор, способный изменить исключительно собственную судьбу.

И как странно понимать, что нынешний порядок вещей — тоже чей-то нелегкий выбор.

Выбор за тебя. И выбор за всех.

* * *

После учебного разворачивания погранцы совершили еще два трехсоткилометровых броска. И все. Грузовики полевых частей оторвались и ушли дальше по шоссе, а связистам и прочим тыловикам велели разворачиваться, причем по полной программе. Второй раз было уже легче — Арчи знал, что делать и кому помогать. Мачта с релейкой послушно вознеслась ближе к пушистым тучкам, что торопились куда-то вперед, вслед за основной пограничной колонной. Ожил сонный биосиловик, без капризов, впрочем, сожравший четырехдневный усиленный паек. Над экипажами, снова поставленными «валетом», растянули буро-зеленую маскировочную сеть. Водилы мигом затащили на крыши кунгов полосатые пограничные матрацы — Арчи заглянул под сетку и впечатленно покачал головой. Ну прям беседка где-нибудь на море, ни дать ни взять. Вокруг оживал выезд — поднимались мачты с антеннами, озабоченные линейщики бегали с тяжелыми катушками кабелей, костяные срезы лопат вспарывали годами слежавшуюся таежную почву.

Спать водилам на этот раз не позволили: всех моментально назначили в патруль, пока операторы налаживали связь. В центральном лагере, где сгрудилась основная масса командно-штабных машин, рябило от звезд на погонах. Хорошо еще, что и погоны, и звезды были полевые, маскировочных оттенков.

Хватало и штатских — Арчи не сомневался, что это сибирские безопасники и наблюдатели от командных структур.

Показался ненадолго долговязый капитан, видимо, тот самый пресловутый особист. Он о чем-то недолго пошептался с лейтенантом Данильчуком, оставил ему небольшой брезентовый подсумок вроде противогазного и убрался назад, к центру выезда. Данильчук полез в подсумок, извлек оттуда какую-то документацию и некоторое время внимательно ее изучал, причем для этого специально перебазировался из-под навесика перед входом в лабораторию аж в кабину экипажа, где никто не смог бы его разглядеть из-за сетки.

Никто, кроме Арчи, разумеется.

А минут через пять лейтенант самолично отыскал Арчи.

— Эй, Пасечный! — сказал он. — Пойдем-ка подсобишь.

Арчи послушно отлепился от мачты, которую уже с минуту подпирал спиной, и вид при этом имел такой, будто проторчал тут по меньшей мере минут десять.

Лейтенант без колебаний направился к лаборатории. Подсумок болтался у него на боку — и даже ниже, потому что капитан был терьером-чернышом, а распущенный почти до отказа ремень низкорослый бульдог подтягивать почему-то не стал.

В кунге Данильчук сразу стащил подсумок с плеча и поставил его на столик, да не на откидной, а в самый угол, между двумя ЗаСС-аппаратами.

— Знаешь, что это такое? — спросил он, вскрывая опечатанную панель и отпуская слепую крышку.

Под крышкой обнаружился стандартный монитор. Стандартный из хороших, с высоким разрешением. Больше двух тысяч пикселов по горизонтали и около полутора — по вертикали. В общем, профессиональный селектоид; Арчи такие только в конторе видел.

— Знаю, — ответил Арчи.

— Прекрасно. — Лейтенант вытащил из подсумка продолговатый, похожий на термос прибор. Прибор, не селектоид. С прилепленным сбоку грибом-согласователем. Тонкое жало видеовхода лейтенант умело подживил к согласователю. Теперь экран монитора засветился, но на нем развернулся пустой растр. Понятно, сигнал на прибор нужно подать откуда-то снаружи.

— Слушай сюда, Арчи. — Лейтенант понизил голос до шепота и при этом в руках вертел такой же индикатор чужих жуков, как и у Рожновского. Индикатор сигнализировал, что все на контроле: выявленный жук спит, а прочих в очерченном объеме нетути. — Через соседний коммутатор будут транслировать картинку с места событий самому высокому начальству. До коммутатора — по воздуху, релейками. А дальше — по кабелю, и кабель этот только что закопали в полусотне метров от нас.

И когда лейтенант показал ему тонюсенький шнур с иглой на конце, Арчи все понял. Команда Коршуновича поза-

ботилась и о том, чтобы он все увидел, причем из сравнительно безопасного места.

Что ж... Разумно. Но все равно глупо. Можно сделать хитрее... И надежнее.

— Я могу тут пошариться по ЗИПам? — спросил Арчи.

— Можешь, — без разговоров позволил лейтенант. — И если ты что-нибудь придумал, делай это немедленно, потому что трансляция может начаться в любую секунду.

И он, круто развернувшись, шагнул к выходу и выпрыгнул наружу.

Где висят ключи от ящиков, Арчи уже знал.

То, что ему хотелось найти, нашлось только в четвертом ящике. Портативный видеоплейер, понятно — пишущий. И четыре чистых кристалла, ни разу еще не пользованных. А это больше двенадцати часов непрерывного кино...

И пульт — как водится, маленький и очень дальнобойный. Ну очень. Осталось найти только батарею.

Нашлась и нужная батарея вместе с пакетиком специального корма — видику ввиду портативности обычный не годился. Эти лопали высококалорийный, от которого обычный селектоид осоловел бы мгновенно и надолго.

Остальное было делом навыка.

Сначала Арчи отыскал нужный кабель от коммутатора, подкопался, вонзил иглу, проложил ниточку до самого экипажа и присыпал это ровным слоем сухой рыжей хвои. Потом провел еще одну паутинку к ближайшему дереву. Замаскировал все как следует. Влез на дерево, продолжая разматывать паутинку за собой. Надежно закрепил жука-передатчика, разбудил его и вогнал в нужный режим. На обратном пути закрепил и паутинку в нескольких местах.

Жуку могли угрожать только люди — птиц, хищных насекомых и даже млекопитающих он отпугивал генетически.

Арчи все время внимательно глядел по сторонам, но псевдолаборатория стояла чуть особняком, Доктор и Лысый охраняли подходы, а на дереве Арчи установил еще и микрорефлектор, который все равно должен понадобиться для поиска областей с положительным отражением. Разглядеть же тянущуюся вдоль ствола паутинку... Для этого нужно при-

сматриваться. Но кто станет присматриваться? Арчи надеялся, что никому это в голову не взбредет.

Второго жука-радиоблизнеца он подживил к видику, видик зарядил парой кристаллов и запитал от батареи, но оставил в режиме полудремы. Проверил сигнал на приборе, который принес капитан-особист, — новый растр на мониторе раскрылся сразу, но он тоже был еще пустым. На коммутатор просто еще не передали картинку с оконечных датчиков.

Как только штабистам передадут картинку, она появится и на мониторе в лаборатории. Прибор передаст ее жуку-передатчику, тот — жуку-приемнику, а с приемника картинка тут же начнет писаться на видик. А видик останется у Арчи в кармане; в крайнем случае — под соседним кустом. Просто... и запись под рукой. Когда (и если) фокус Арчи отследят, кристаллы все равно останутся. А сидеть у лаборатории он, если честно, не собирался.

Данильчуку Арчи явился пред ясны очи спустя полчаса и вид при этом имел совершенно ангельский.

— Все сделал? — тихо поинтересовался лейтенант.

— Все. И как пойдет сигнал, монитор лучше вообще отключить. От греха. Лучше никому это не видеть. Да и сигнал у штабистов не так искажаться будет.

— Писать будешь? — догадался лейтенант.

— Да.

— Значит, — констатировал тот, — сидеть тут ты не намерен...

Арчи промолчал.

— Пойдем, — сказал лейтенант-бульдог и ловко поднырнул под сетку.

С ростом Арчи проделать то же самое оказалось вовсе не трудно, но сетку пришлось все же придержать рукой. Лейтенант присел у экипажа, словно собирался подлезть под него. Потом откинул какой-то зажим...

И вытащил из-под экипажа мопед-малютку. Одноглазенький, не слишком скоростной, но зато компактный и трудолюбивый, как муравьишка, селектоид. Такой и по тайге пройдет, и даже по болоту, если не совсем топь.

В самом деле — не пешком же Арчи тащиться к передовым позициям погранцов? К волчьему логову?

— А документов заодно никаких нет? — Арчи готов был поверить и в такое чудо. — Чтоб часовые только честь отдавали?

— Документов нет, но жетон вестового особист наш обещал достать. Стемнеет — стартуй. Операция начнется ночью. А пока район оцепили и осторожненько прочесывают окрестности.

Арчи сдержанно кивнул.

— За деревом приглядывайте, — попросил он лейтенанта. — Чтоб никакая сука паутинку не сорвала.

Лейтенант кивнул с самым серьезным видом.

— Эта ваша плотина — она что, не охраняется? — подозрительно спросил один из помощников Расмуса, кажется, Лоренцо.

— Только с берегов, — сказал Сулим.

Сулим был все еще недовольным: шеф спрятал в рукав подобного туза без его ведома, а значит, он Сулиму не доверял. Это было очень неприятно. Внешне Сулим, конечно же, ничего не показал. Да и Варга уже не раз доказывал, что его решения в конечном итоге всегда оказываются безошибочно верными. Раз не открылся своему верховному разведчику и охраннику, выходит, есть в этом некий неявный резон.

— Какой смысл охранять плотину на воде? Туда все равно невозможно пробраться, — сухо пояснил Сулим.

Они глядели на обмелевшую Ангару. Чуть выше по течению, перегородив всю реку, вздымалось на семидесятиметровую высоту роговое тело плотины. Оно тускло поблескивало в лучах закатного солнца, а через верхнюю кромку валился серебристый водопад, валился прямо в пенную круговерть, в кипящий котел у подножия плотины, и мерный гул падающей воды глушил все звуки в округе, даже надрывное пение истребителей, что звеньями носились в вечернем небе.

Сулим взглянул ввысь.

— Ишь, разлетались, — проворчал он.

Лоренцо лениво взглянул на небо.

— Гробы, — сказал он, презрительно опуская нижнюю губу. — Я бы в такой ни за что не сел.

— Этот гроб, между прочим, — заметил Сулим с обидой в голосе, — в состоянии выжечь сотню гектаров тайги. Со всеми, кто в тайге прячется.

Лоренцо с иронией поглядел на него.

— Надо же, — хмыкнул волк. — А говорили, что у вас нет средств массового поражения. В газетах клялись, с трибун и телеэкранов... Убивать вы, может, и разучились, господа потомки. Зато научились лгать. Так научились, что вас снова можно зауважать.

Сулим вздохнул. Что верно, то верно. Он и сам это подозревал всю жизнь. Поэтому его гораздо больше задел отзыв Лоренцо о новейших истребителях как о гробах.

К тому же люди замечательно умели лгать и до биокоррекции.

— Ладно, — проворчал Лоренцо. — Где этот ваш шлюз расположен?

— У подножия плотины. Ближе к противоположному берегу. Его не видно из-за водопада.

— И что, им так ни разу и не пользовались?

— А кто о его существовании знает? Боюсь, что никто. Кроме, разумеется, селекционеров, Варги и нас.

— Даже правительство Сибири?

— Даже правительство. Плотины-то почти во всей Евразии выращивали туркмены. Это старый национальный секрет. Американцы, правда, тоже научились лет пятьдесят назад, но их плотины хуже. Хранить воду умеет только тот, кто знает ей истинную цену.

— То есть обитатели пустынь? Почему же тогда в Сахаре или в Аравии не научились возводить такие же?

— А там есть крупные реки? Вроде Амударьи или Сырдарьи?

— Нил.

— Нил далеко от пустынь.

— Кстати... — Лоренцо напрягся, вспоминая. — А ведь Сырдарья течет не в Туркмении. Да и Амударья большею частью тоже. Что ж узбеки не выращивают плотин?

Сулим усмехнулся:

— Когда туркмены выращивали первые плотины, узбеки еще толком не знали огня. Вся Средняя Азия когда-то принадлежала туркменам. Вместе с Сырдарьей и Амударьей. Любая азиатская плотина — дело селекции туркменских биоинженеров.

— Шовинисты вы, — вздохнул Лоренцо. — И наци, к тому же.

— Это не шовинизм, — спокойно ответил Сулим. — Это скорее клановая верность.

— Ладно, — проворчал волк. — Что, собственно, нужно? Добраться к подножию?

— Да. У вас много грузов?

— Не особенно. Помимо персонального снаряжения, несколько грузовиков и кое-какое оборудование. Ну, пищевой запас небольшой и запас воды.

— Воды нам хватит. — Сулим хмыкнул и указал на водопады. — Хватит ведь, а?

— Вода Ангары пригодна для питья? — уточнил Лоренцо. — Химии никакой там нет? А то передохнем все в вашей мышеловке, и следов никто не найдет.

Сулим еле заметно изогнул в улыбке губы.

— Милейший волк, — сказал он. — Вода всех рек на Земле пригодна для питья. Всех, понимаете? Мы не гадим в собственном доме, как это, видимо, принято у вас там, в небесах.

Лоренцо остался невозмутимым.

— Ладно, будем считать вопрос с водой решенным. Когда этот ваш гражданский гроб прилетит?

Сулим взглянул на часы.

— Уже недолго. Минут, думаю, пятнадцать—двадцать.

Небо продолжали чертить звенья истребителей. Сулим неторопливо разбудил и покормил рацию.

«Все-то он предусмотрел, — подумал Сулим о своем шефе. — Даже рацию, вот, прихватил... Бестия».

Разве можно не восхищаться таким человеком?

Несколько часов назад Варга задействовал предпоследнего жука-радиоблизнеца; парный жук находился, видимо, в Братске. На аэродроме.

Сообщение было коротким: «Высылайте игрушки».

И вот теперь приходилось сидеть и поджидать гражданский самолет. В то время как над тайгой полно истребителей. Но Сулим теперь ни на секунду не сомневался, что Варга предусмотрел и это. И истребители. И возможный перехват радиосообщения предусмотрел.

Все волки затаились в прибрежных зарослях. Внутри кольца пограничников-сибиряков.

Сулим активировал рацию и принялся неторопливо сканировать каналы, все подряд. Вскоре он наткнулся на канал синоптиков — те предупреждали о грозовом фронте, ползущем от Байкала. Но до него было слишком далеко, чтобы волноваться. Потом нашлась волна пограничников-летунов; Сулим машинально запомнил настройки. Братск молчал, да и что мог сказать Братск? Вылет, организованный Варгой, конечно же, частный, а значит, в эфире сообщений о нем будет раз-два и обчелся. Расчетный взлета и запрашиваемый курс.

Прошло минут десять—двенадцать. К этому моменту Сулим вновь настроился на канал истребителей. Он знал, что делает.

— Полюс, я восьмой, видим гражданский самолет. Идет в запретную зону.

— Восьмой, видим ваш самолет, ждите, сейчас запросим.

С полминуты эфир только шуршал. Потом вновь вылез Полюс:

— Восьмой, третий, четырнадцатый, сопровождайте самолет до Ангары, он сейчас отклонится на север. Это экологи, они обогнут запретную зону и пойдут дальше на запад.

— Восьмой, понял...

— Третий, выполняем...

— Четырнадцатый, выполняем...

Одно из звеньев над головой резко изменило курс и пошло точно на восток.

— Полюс, а если это все же не экологи, что тогда? — вмешался кто-то посторонний. Сулим почему-то сразу же решил, что это не пограничники, а гражданские. Безопасники, например.

— Тогда расстреляем, — отозвался Полюс. — Но они уже отклоняются и тянут к реке. Так что все в порядке.

— Сейчас! — хмыкнул Сулим. — А ведь их действительно сбить могут.

— Почему? — спросил Лоренцо. — Они ведь слушаются.

— А сброс плотиков? Как они это объяснят?

— Как только они сбросят плотики, — веско заметил Лоренцо, — сразу станут ненужными. Пусть себе горят, намто что?

Сулим подавил в себе непроизвольное желание передернуть плечами. Никак он не мог перенять безжалостный образ волчьего мышления. Даже он, один из самых жестких людей на Земле, не мог вот так спокойно и расчетливо жертвовать кем-то. Даже незнакомым.

— Полюс, экологи говорят, что у них неполадки с герметизацией. Говорят, грузовой отсек откупорился.

Кто-то изумленным до крайности голосом протянул:

— Да что они там, с ума посходили? Какая еще разгерметизация? Да их на части разорвало бы уже!

— Ну, может, частичная... — возразили без особой уверенности.

На Полюсе кто-то вполголоса выругался и спросил:

— Ну и что теперь? Допустить их в зону, что ли? Дудки, пусть проваливают! Могут садиться, но за Ангарой. Что они, восьмой?

— Тянут к реке, — сказал истребитель. — Ровненько, менять курс и не пытаются. Правда, высоту теряют.

— Ну так разгерметизация же, — вздохнули на Полюсе. — Хоть бы в реку не шлепнулись.

— Не шлепнутся, — убежденно сказал восьмой. — Перетянут. Точно перетянут.

— Ну и бес с ними... Далеко они от реки-то?

— Километров десять. Приблизительно минута лету.

— Хорошо. Доложите, как только они окажутся за Ангарой.

— Есть.

Сулим переглянулся с Лоренцо. Волк лежал у ствола на палой хвое, опираясь на локоть, и совершенно по-челове-

чески грыз травинку. Прямо за его спиной лес обрывался и начинался покатый склон, на котором росли редкие чахлые кустики. Склон тянулся до самой реки. Когда-то давно, до возведения плотины, как раз здесь, где сидели Сулим и волк, пребывал берег Ангары. А чуть впереди вместо чахлых кустиков шевелились под волнами водоросли и хозяйничали омули да таймени.

— Все, они уже над водой, — сообщил истребитель и вдруг смешно булькнул, словно чем-то подавился. — Черт! Они что-то сбрасывают!

Полюс молчал.

— Полюс, я восьмой, — опомнился истребитель. — Гражданский самолет что-то сбрасывает в воду. Какие будут указания?

— Восьмой, подождите. — В голосе человека с Полюса засквозило легкое замешательство. — Они говорят, что грузовой отсек окончательно откупорился и у них вываливается снаряжение. Курс самолета не менялся?

— Нет, они продолжают лететь над Ангарой. Собственно, они уже снова над сушей, вне зоны. Уходят прочь.

Некоторое время Полюс молчал; потом вмешались гражданские:

— Пусть сопроводят самолет до стокилометровой отметки вне зоны. Мы выловим все, что они обронили, и проверим. Если попытаются вернуться в зону — сбивайте без дальнейших предупреждений.

— Есть, — сдавленно отозвался Полюс. — Восьмой, сопровождайте до стокилометровой и возвращайтесь. Если самолет изменит курс больше, чем на девяносто, — открывайте огонь. Третий, четырнадцатый, возобновляйте патрулирование.

— Вот и все, — довольно потер руки Сулим. — Надо вылавливать нужный тюк. Он помечен красными треугольниками.

Лоренцо выплюнул травинку, сунул в ухо бусинку и заговорил в собственный браслет:

— Веном! Начинайте. Тюк с красными треугольниками. Остальные пусть плывут.

Разглядеть отсюда прячущийся в маскировочном камуфляже летающий грузовик волков было невозможно. Да и над всей плотиной стояло сплошное марево из капелек и брызг. Кто заметит исчезновение одного тюка? Одного из нескольких?

Да никто.

Еще через несколько минут браслет Лоренцо тихонько пискнул.

— Они все выловили. Пошли отсюда, — сказал он, поднимаясь.

Усыпить рацию было недолгим делом.

Человек с волком двинулись вдоль линии бывшего берега, а ныне — вдоль лесной опушки. Скрываясь под деревьями. Чтобы никто не мог их разглядеть с реки или противоположного берега.

— Дали картинку, — сообщил Чеботарев, заглядывая в кунг. — У вас есть?

Золотых обернулся к монитору.

— Есть, — сказал он. — Залезай, Степа, хватит бегать.

Высокое пограничное начальство уже сидело за столом. Офицеры-европейцы — тоже.

Монитор Чеботарев заранее развернул так, чтоб всем было видно.

— Что поисковая группа? — справился Золотых у майора-пограничника, начальника разведки.

— Выходят к берегу. Вот-вот выйдут.

Золотых поглядел на экран — там виднелся лес и чья-то пятнистая спина, перехваченная широкой портупеей. Картинка прыгала, снимали явно на ходу.

— Что-то они все-таки затеяли, — проворчал Золотых. — Чую нутром — ашгабатцы наши вмешались. Как считаешь, Палыч, — Золотых обратился к Коршуновичу, — могли ашгабатцы с волками снюхаться?

— Могли, — убежденно сказал Коршунович. — Только непонятно зачем. Нам все равно их не остановить. Прорвутся ведь.

— Прорвутся, если налягут, — согласился Золотых. — Но ведь мы от них все равно не отстанем. Не так их много, чтобы от нас отбиться, и не так мало, чтобы затеряться без следа. Все равно отследим. И снова окружим. И так много раз, пока наконец у нас не получится. В конце концов, не могут же быть неисчерпаемыми их ресурсы? Энергия, боезапас... Измором возьмем...

— И они это понимают? — осторожно спросил один из европейцев.

— Конечно. — Золотых пожал плечами. — Если они не дураки — понимают. А они далеко не дураки, сто раз можно было убедиться.

— Потому-то они что-то и затеяли, — сказал Коршунович убежденно. — Не устраивают их такие прятки. Совершенно не устраивают.

— Выходим к берегу, — сообщили по рации.

— Мешки эти видны? — поинтересовался майор.

— Так точно, видны. Их сносит к нашему берегу.

— А в воду лезть придется?

— Скорее всего да. Они еще далеко от берега.

— Приступайте, — скомандовал майор. — Как выловите первый, вскрывайте немедленно.

На экране появились торопливо раздевающиеся ребята-пограничники.

«Вот где Шериф пригодился бы, — мимоходом подумал Коршунович. — Плавает он, как ни крути, куда лучше любой лайки».

Ребята уже забредали по колено в Ангару и ныряли.

— Как водичка? — неожиданно спросил Золотых. Самым обыденным тоном, словно и сам собирался искупаться.

— В смысле? — не понял командир поисковиков.

— Ну, холодная или нет?

Командир даже растерялся.

— Сейчас попробую...

Коршунович спрятал лицо в ладонях, чтобы никто не мог рассмотреть его широкой улыбки. А сдержаться никак не получалось — Семеныч в своем репертуаре.

— Градусов двадцать, — наконец сообщил поисковик.

— Это хорошо, — вздохнул Золотых.

Спросить, почему именно это хорошо, никто из присутствующих не решился.

Ожила вторая линия связи:

— Штабная, плоты уже готовы. Куда их доставить?

— Проснулись, — буркнул Коршунович и поглядел на Золотых: что, мол, тот скажет? Но тот довольно спокойно осведомился:

— Плоты нам еще нужны?

— Да зачем? — Майор-пограничник пожал плечами. — Поздно уже. Пока их на берег доставят, все уже и так выловят.

— Что ж они у вас не готовы оказались? — вздохнул Коршунович.

— Почему не готовы? — обиделся говоривший. — Готовы. Просто они у инженеров, а инженеры позади остались. С вами.

— Ладно тебе, Палыч, — отмахнулся Золотых. — Кто знал, что в воду лезть придется?

— Кто знал? — Коршунович даже привстал. — Да ведь река в запретной зоне! Неужели никто не подумал, что волки могут уйти по реке?

— Вниз по этой реке далеко не уйдешь, — рассудительно вставил майор. — А вверх и подавно — плотина. Не пойдут они в реку, глупо это. Если и есть у волков шанс попасться, так это именно он.

Видеооператор поисковой группы, похоже, взобрался на ближайший пригорочек — теперь было видно, как пограничники плывут наперерез темным клякcам в синей Ангаре. До ближайшей оставалось метров сто. Течение величаво влекло и тех, и других влево, на запад.

— Хорошо плывут, — заметил Чеботарев.

— Ну, так это же поисковики! — развел руками майор. — Им положено.

Золотых вдруг очнулся от короткого раздумья, в которое погрузился минуту-другую назад.

— Послушайте-ка... А около плотины охрана есть?

— Есть, — ответил майор. — Специальная служба, гидроинженеры. А что?

— Надо бы усилить их посты нашими. С обеих сторон.

— Выполнять? — На этот раз майор даже задумываться над смыслом не стал.

— Выполняйте.

Майор немедленно снял трубку прямого канала и деловито затараторил команды. Золотых представил, как в кольце оцепления сержанты поднимают резерв и дюжие ребята в пятнистой форме с иглометами наперевес рысцой исчезают среди деревьев.

— Может, и на мосту усилить посты? — спросил Коршунович.

— На мосту они давным-давно усилены, — пробормотал Золотых. — Людей бы на все хватило...

— Хватит, — заверил его майор, на секунду отрываясь от трубки. — У нас в резерве пока больше людей, чем в оцеплении.

«Неплохо живут! — подумал Коршунович с легкой завистью. — Это сколько ж народу сибиряки сняли с границы, чтоб оцепить десятикилометровый круг и еще в резерве многих держать?..»

— Глядите, — оживился один из европейцев и указал на монитор. — Доплыли!

На экране было хорошо видно, как первый из поисковиков доплыл до продолговатого мешка и для начала пихнул его раз-другой. Мешок закачался на волнах. Пловец подныряул под него и принялся толкать к берегу. Получалось, хотя и медленно, наверное, из-за того, что мешок был куда тяжелее человека.

— Да к берегу его разверни, плашмя-то тяжелее, — в сердцах сказал Золотых. — Физики, ё-моё...

Пограничник словно услышал — уперся в торец мешка и добросовестно заработал ногами. Теперь сия композиция отдаленно напоминала бревно и бобра. Только бревно — чересчур короткое и толстое, а бобра — странно ушастого.

Вскоре все семь клякс уже медленно, но неуклонно приближались к берегу.

— Давайте, давайте, — негромко бормотал Золотых, не отрывая взгляда от экрана. Наверное, ему не терпелось узнать, что там, внутри этих плавучих мешков.

Как только первый из них общими усилиями вытолкали на сухое, оператор поспешил покинуть пригорочек и подбежал вплотную. Картинка на экране наконец перестала прыгать, оператор протиснулся через кольцо пограничников. Щуплый сержант уже водил вдоль мешка миноискателем, и миноискатель в двух местах звенел, словно утренняя молочница в спальном квартале.

— Звенит, черт возьми! — озадаченно сказал офицер-европеец. Тот, что поразговорчивее. Второй вообще все время молчал, только зыркал настороженно из-под кустистых бровей.

Командир-поисковик без напоминаний отогнал всех, кроме саперов, подальше и велел залечь.

— Э! — встрепенулся Коршунович. — Там же в воде еще люди!

— Леонов, остальные мешки сплавьте ниже по течению метров на сто—сто пятьдесят и там вытаскивайте на сушу! Как пловцы укроются, пускайте саперов! — сказал в микрофон майор. Лицо у него было очень сосредоточенное.

— Есть! — отозвался поисковик и обернулся к реке. Пловцы тотчас свернули на запад, вдоль бережка.

Залегшие было пограничники побежали им помогать. В общем, еще минут пять зрителям в штабном экипаже оставалось только ерзать на креслах и строить бесплодные догадки.

Но наконец все мешки были вытащены из воды, люди укрыты, оператор вернулся на давешний пригорочек и дал картинку с увеличением. Около первого мешка осторожно колдовали саперы.

— Непохоже, чтобы тут стояли какие-нибудь взрывные устройства, — сказал один из саперов, рыжий, как прошлогодняя хвоя, чау-чау. — По крайней мере снаружи. Есть единственный фал, видимо, активирующий трансформацию. Похоже, что это автоселектоиды.

Золотых даже на секунду не задумался:

— Укрыть людей и активировать!

Двое саперов убрались подальше, а сержант-чау еще немного повозился у мешка, а потом тоже попятился прочь.

Видно было, как он разматывает, отступая, длинный гибкий тросик.

— Все готово! — доложил командир поисковиков. Золотых успел запомнить его фамилию: Леонов. Лейтенант Леонов.

— Дергай! — выдохнул Золотых, и все затаили дыхание, вперившись взглядами в изображение на экране монитора.

Продолговатый мешок дрогнул, и стал быстро набухать, словно внутри него освободились тугие пружины. Потом он стал раскрываться, словно древесная почка, а потом вроде бы даже выворачиваться наизнанку. Оператор медленно водил объективом влево-вправо, стремясь не упустить ничего.

— Да это десантный плотик! — узнал майор-пограничник. — Обычный десантный плотик-селектоид, восьмиместный! У наших инженеров такие же на балансе.

— А на что тогда миноискатель звенел? — недоуменно спросил Степа Чеботарев.

— На движитель, наверное, — пожал плечами майор. — Там много активной органики, да и железа хватает.

Истекла минута, и ни у кого не осталось сомнений, что это действительно просто плотик. Когда стало понятно, что взрываться там нечему, его по-быстрому обследовали.

— На борту стандартный комплект: движитель-полиморф, запас универсального корма и сухпай для людей, аптечка, набор сигнальных ракет, ножи и фонарики. И все, — доложил Леонов. Оператор забрался на борт и показывал все это с близкого расстояния. — Ножи обычные, селектоиды.

— Господи! — вздохнул Коршунович, сам себе удивляясь. — И отчего мы решили, что там взрывчатка? Зачем волкам взрываться на собственных плотиках?

— А может, это и не волчьи плотики... — задумчиво протянул Золотых. — Степа! Свяжись-ка с Братском и выясни, что это за экологи на самолете. Если и вправду их плотики, тогда мы только зря потеряли время.

— И все-таки очень это смахивает на ловкую попытку эвакуации, — вставил разговорчивый европеец. Молчаливый с сомнением поглядел на него, но по-прежнему не проронил ни слова.

— Отчего же тогда плотики никто не встречал? — спросил Коршунович.

— А как? Мы ведь сразу ими занялись.

— Нужно быть круглым идиотом, чтобы поверить, будто мы этим не заинтересуемся. — Золотых продолжал пребывать в некоторой задумчивости, а это значило, что он подозревает неладное, просто сам еще толком не понял, в чем подвох. — Вскройте-ка остальные, — велел он, чуть поразмыслив.

Но и остальные шесть мешков оказались такими же плотиками. Одинаковыми, как клоны. Да они, собственно, и были клонами. Селектоидами-трансформерами, клонированными в одной из многочисленных биолабораторий Земли.

— Принадлежность их возможно установить?

— Это сибирская порода, — уверенно сказал майор. — Вне всяких сомнений.

— Ну-ка, — скомандовал Золотых. — Пусть реку покажут. Ничего там не осталось? И пусть с воздуха кто-нибудь пройдется, снимет, а потом рапидом запись просмотрите.

Оператор с пригорочка дал максимальное увеличение и прощупал всю поверхность реки, от плотины и чуть не до горизонта ниже по течению. Ничего похожего на сброшенный с самолета груз Ангара на своей синей спине не несла. Потом над фарватером с низким ревом прошелся истребитель, а чуть позже — два пограничных махолета.

— Река чиста, — доложил не то пилот, не то кто-то из авиаторов ЦУПа. — Сейчас транслируем вам запись...

Офицер-связист, прикипевший к пульту в самом углу кунга, был совершенно незаметен. Он пробежался пальцами по сенсорам, и тут же ожил второй монитор, рядом с уже работающим. Сначала экран его оставался молочно-белым, но потом завели картинку с истребителя и прокручивали ее даже не рапидом, а покадрово, отчего казалось, будто показывают бесконечную череду пейзажных фотографий, каждая последующая из которых отличается от предыдущей лишь самую малость.

— Пусто, — разочарованно сказал майор через некоторое время и вопросительно уставился на Золотых. В ожидании приказа, наверное.

Золотых еще секунд двадцать внимательно глядел на монитор.

— Погрузите плотики на махолет, — распорядился он наконец, — и уберите с глаз долой.

— А может, пусть валяются? — спросил Коршунович тоном заговорщика и еле заметно подмигнул. — Засаду вокруг оставить... Вдруг сунутся, а мы их р-раз! И в конверт.

Но Золотых отрицательно покачал головой.

— Если я хоть что-нибудь понял в волках за последние недели, то не сунутся они. А если сунутся, то никакая засада не поможет. Нет, Палыч, уберем мы это, не станем их искушать. Как там у Джералда ван Даррелла сказано? «Не искушай голодного зверя». Так не станем же искушать, даже если наш зверь — человек.

— Зверь и человек — это не одно и то же, — заметил разговорчивый европеец, делая глубокомысленное лицо.

Золотых поглядел на него с усталой улыбкой.

— Ты прав. Человек на самом деле хуже зверя. И тебе предстоит в этом убедиться уже сегодня ночью.

Глаза у европейца стали недоуменные. Он явно ничего не понял. Да и никто из присутствующих не понял полковника Золотых до конца. Разве только его старинный друг и коллега из России Вениамин Коршунович.

Летающие машины-невидимки, все четыре, около полутора часов челноками сновали между волчьей базой и подножием плотины. Чтобы перевезти людей, понадобилось семнадцать рейсов. Чтобы перевезти оборудование и снаряжение — девять. К темноте на базе остались только три сапера и спецназовцы Венома — Архипа, Дрон, Дудник, Ротан, Кекс, Штопик, Слива и Ядвига. Саперы тотчас начали готовиться к фейерверку, а спецназовцы просто сидели и ждали сигнала. Сигнала или атаки.

Жетон Арчи получил сразу после ужина. А перед этим с живейшим интересом пронаблюдал за вылавливанием из реки безобидных плотиков. Смысла подобного маневра Арчи не уловил, но чувствовал, что это именно маневр, а байки с

разгерметизацией отсека в самолете — не более чем байки. Самолет, конечно, маленький и не особенно скоростной... Но к чему приводит разгерметизация, Арчи знал прекрасно.

Волки определенно что-то затеяли. Одно из двух: либо у них тесные связи в этом мире, либо им помогают. Местные помогают, земляне. И непонятно, что хуже — связи или земляне-помощники.

Когда с небес стек первый намек на вечерние сумерки, Арчи отсоединил монитор от прибора капитана-особиста, сам прибор задрапировал матовым чехлом от небольшого пучеглазого селектоида над монитором, наскоро пошарил в походной аптечке и прихватил кое-какие препараты, сменил в видике кристалл на чистый, выбрался из кунга и потихоньку вытащил из-под сетки мопед. Бульдог-лейтенант при этом старательно глядел в противоположную сторону, а невольные свидетели — патрульный аморф Пожарков и питбуль Гоша — только безмолвно проводили его взглядами.

Чуть в стороне Арчи разбудил мопед, и тот коротко сверкнул единственной фарой.

— Поехали, малыш, — тихо сказал ему Арчи и направил мопед меж стволов — туда, где заросли были пореже.

Сумерки быстро сгущались, намертво запутываясь в подлеске. Арчи внимательно смотрел вперед и не слишком гнал, боясь налететь на пень или валежину и повредить малютке ходовую. А малютка благодарно и трудолюбиво тянул через неровности почвы, и все равно ему было — что в гору ползти, что вниз по склону катиться. Скорость он почти и не менял.

Километров через пять—семь Арчи должен был натолкнуться на внешнее оцепление. И точно: впереди неожиданно вспыхнул прожектор, а от стволов отделилось несколько размытых силуэтов с иглометами наперевес. Увидев родимую пограничную форму на Арчи, они несколько расслабились, а желтый жетон вестового и вовсе их успокоил.

— Проезжай, — сказал ему худющий, как велосипед, сержант, не очень, впрочем, похожий морфемой на борзую. Полукровка, наверное.

— А далеко внутренние кордоны?

— Метров триста.

— Тогда я мопед оставлю.

Сержант пожал плечами:

— Как хочешь. Только прикрой его чем-нибудь. Есть чем?

— Разве что ветками, — сказал Арчи.

Говорили они тихо, невольно приглушая голоса.

— Не нужно ветками, — вздохнул сержант. — Мы тебе лишний кэзээс дадим.

— Давайте, — согласился Арчи.

Чернявый парень с квадратной физиономией (шотландский терьер) метнул ему темный комок ткани. Арчи развернул — это и вправду оказался КЗС, то бишь комбинезон защитный сетчатый. Из той же ткани, что маскировочные сетки для экипажей, только скроенный в виде одежды. Арчи прикрыл уже успевшего прикорнуть малютку, машинально проверил игломет в кармане, махнул рукой погранцам и пошел в глубь зоны.

— Спасибо, — бросил он напоследок.

На кордоны он натыкался еще дважды, причем последний едва не пропустил — соблазнительная кочка под ногой вдруг шевельнулась, и Арчи с немым изумлением опознал в ней чью-то голову в задрапированной ветками каске.

Сибирские погранцы были великими мастерами по части растворения в окружающей природе — не то что российские лодыри с западной границы.

Жетон вестового продолжал выручать Арчи, хотя парни из последнего кордона посмотрели на него странно — должно быть, пытались сообразить, кого он пытается отыскать внутри оцепленной зоны и кому несет весточку. И еще Арчи подумал, что выйти обратно за кольцо будет, наверное, труднее.

Лезть в кольцо было, конечно же, опасно. Но Арчи по себе знал: если наблюдать из-за спин — не увидишь ровным счетом ничего и поймешь тоже немного. Поэтому он решил потихоньку пробраться поближе к волчьей базе и присмотреть укромное место не на виду, но чтобы самому все видеть.

Арчи прекрасно сознавал, насколько это опасно. Но как опытный агент он так же прекрасно чувствовал грань, даль-

ше которой забираться не стоит. У волков наверняка найдутся впечатляющие средства обнаружения.

Через километр, когда сумерки стали чересчур плотными, Арчи принял сразу две таблетки гипофтальмина, выждал минуты две и осмотрелся. Сумерки постепенно становились прозрачными, а звездная зыбь в просветах крон превращалась в скопище ярчайших точек, при взгляде на которые казалось, будто в глаза втыкаются холодные иглы.

Чуть впереди и справа Арчи различил поросшее лиственницей всхолмье. Туда он и направился.

Он даже не успел толком осмотреться и выбрать безопасное место — небо в центре оцепленной зоны вдруг расцвело мертвенно-бледной вспышкой, а потом разом стало светло, как днем. Арчи еле успел зажмуриться, а если бы не успел — ослеп бы часов на пять. Глаза медленно привыкали к новой освещенности — контрастной, без полутонов. Как мир в растянутой на долгие минуты фотовспышке. И тут же Арчи понял, что пограничники начали сжимать кольцо.

Сцепив зубы, подавляя сильное желание в голос выругаться, Арчи полез на первую попавшуюся лиственницу. Обдирая ногти и елозя щекой по шершавой коре. На высоте шести метров в более или менее удобной развилке он замер и притих.

Минут через десять внизу прошли пограничники — частой цепью, почти бесшумно, словно компания лесных духов. От них остро пахло азартом и страхом одновременно.

Потом прошла вторая цепь, а еще спустя несколько минут — третья. Арчи в сердцах стиснул зубы. Подобрался поближе, нечего сказать!

В тот же миг где-то вдалеке часто-часто зацокали иглометы и раз-другой сухо грохнул пулевик. Иглометы ненадолго притихли и разом заговорили снова. Чаще, злее. Пулевик больше не отзывался, зато чуть в стороне что-то глухо и раскатисто бабахнуло, словно взорвался пороховой склад.

Арчи чертыхнулся, на этот раз шепотом, и полез вниз. Сползать по голому стволу было глупо, поэтому он повис на нижнем суку и мягко прыгнул на лежалую хвою.

Глаза к этому моменту окончательно адаптировались к мертвенному свету ракет, что поочередно отцветали над тайгой, уступая место товаркам.

Гадая, будет четвертая волна атакующих или не будет, Арчи двинулся к центру оцепленной зоны. Так и не удалось ему проникнуть в первый ряд, хотя именно из Арчи сегодня получился бы самый благодарный зритель.

Уже метров через триста плотная иглометная пальба заставила его вжаться в землю. Подстегнутое гипофтальмином зрение ловило каждое движение в темноте.

Арчи вдруг увидел, что полупрозрачный сгусток сумрака бесшумно свалился с дерева на головы трем пограничникам, которые залегли перед крохотной полянкой. Те даже захрипеть не успели, а сгусток уже метнулся в сторону и за какую-то секунду прикончил еще троих. По соседству кто-то не выдержал и принялся беспорядочно садить из игломета по шевелящимся кустам, рискуя попасть в своих же, и чей-то срывающийся мальчишеский голос перечеркнул этот мгновенный кровавый кошмар:

— Распылитель! Да распылитель же!

Прежде чем Арчи сообразил, что это означает, из-за спин стреляющих вдруг забила светлая струя, очень похожая на поток пены из селектоида-пожарки, только гораздо толще. И еще — пена была какая-то странная, словно состоящая из мельчайших невесомых крупинок. И волк-невидимка мгновенно стал видимым — белесым приземистым силуэтом с оружием в руках.

Сколько иглометов цокнуло сразу, Арчи не смог бы сосчитать. Волк, даже падая, убивал. А пограничники, казавшиеся бравыми и способными на все ребятами, просто умирали. Один за другим. Кто молча, кто со сдавленным стоном, кто с отчаянным криком.

Арчи с величайшим трудом удерживал бунтующее сознание от паники. Он не привык видеть столько смертей разом. Что же говорить о сопляках-пограничниках?

Арчи с ужасом подумал, что половина из них сейчас побросает оружие, закусит удила и побежит кто куда. Причем половина из этой половины попрет под волчий огонь, а

остальные — под иглы своих же. Те, кто не побежит, начнут палить куда попало. И тут начнется форменная резня, хуже, чем при визите хорька в курятник.

В общем, он выдернул из кармана игломет и приготовился к худшему.

Но Арчи ошибся. Видимо, пацанве перед операцией основательно промыли мозги. И недаром выдавали вместе с ужином водку.

Не побежал никто. Ну почти никто — единицы, — причем многих тут же сдернули наземь свои же. И это, как оказалось, было предусмотрено. Вот стреляли ребятишки беспорядочно, это да. Но опять же, если не в волка, то поверх голов.

Волков, кроме того, самого первого, Арчи больше не видел, и стрельба помалу улеглась. Погранец-командир (не то лейтенант, не то сержант даже) быстро опомнился и принялся наводить порядок. Ребятки довольно быстро залегли, перезарядились; раненых и запаниковавших оттеснили назад, а то ли убитого, то ли оглушенного волка повязали и тоже отгрузили в тыл. Там вроде бы кто-то объявился из эшелона обеспечения.

Можно было перевести дух и осмотреться.

В оцепленной зоне то и дело вспыхивала стрельба. Тот тут, то там Арчи слышал характерный шелест распылителей, плотное цоканье иглометов и редкую стрельбу из пулевого оружия.

Вероятно, волков было очень мало. Пока.

На закате помощник сибирского босса по фамилии Чеботарев откинул гибкий полог-подкрылок и вошел в палатку. Синеватая химическая лампа наполняла полусферический купол даже не светом, нет — отсутствием тьмы. Воздух под куполом казался густым и фосфоресцирующим.

— Ну что, гвардия? Готовы? — напряженным голосом спросил Чеботарев.

Китаец-шарпей молча встал и вогнал в механический пистолет черный прямоугольник обоймы. Казалось, он родил-

ся и вырос в этом комбинезоне с обилием карманов, в каждом из которых таилось что-нибудь смертоносное.

«Интересно, — подумал Генрих, — а он хоть немного нервничал после первого «фитиля»? По-моему, нисколько».

— Что, поехали? — мрачно осведомился долговязый прибалт-дог.

— Ага. Через пять минут кольцо начнут стягивать. Ваш выход, супермены.

Второй прибалт, туранец, россиянин Баграт и четверка сибиряков, похожих на бультерьеров-переростков, тоже поднялись с шезлонгов-коек.

Себе Генрих выбрал многозарядный пулевик, но не длинноствольный, как пограничные иглометы, а смахивающий на большой пистолет. Штуку достаточно смертоносную и невероятно скорострельную — иглометам-селектоидам такая и в первом приближении не снилась. Правда, имелась у этого и оборотная сторона: все карманы пришлось набить запасными обоймами, да еще обмотаться специальным ремнем-патронташем. Обойм, помимо примкнутой, Генрих взял аж восемь, а выпотрошив ремень, можно было снарядить еще шесть.

Никогда прежде Генриху не приходилось вооружаться так основательно. И та его часть, которая не переносила людской смерти, напряглась и задрожала, но Генрих привычным усилием воли подчинил ее мрачной скорлупе-оболочке, которую вылепили европейские психоинженеры перед заданием.

«А ведь если разобраться, — отстраненно подумал Генрих, — психоинженеры просто делают из нас шизофреников. И те, у кого сдерживающая сущность оказывается слабее сущности побудительной, становятся агентами. Чем сильнее разрыв между сущностями, чем легче удается подчинить сдерживающую сущность — тем ценнее агент. И тем больше он может натворить».

Это не значит, что агент-шизофреник не в состоянии сойти с ума после очередного убийства. Просто он может вынести больше убийств подряд — без профилактической промывки мозгов. Без сдирания старой скорлупы и тор-

жественного запихивания в новую. Только-только вылепленную.

Один за другим они выходили из палатки в вечернюю комариную муть. После неживого химического освещения все казалось преувеличенно темным — и таящийся в зарослях мрак, и последний закатный росчерк на небе, и даже луна, полускрытая символическими облачками.

У палатки стояли Золотых, россиянин Коршунович и майор-пограничник. Лица их тоже казались темными; Генрих видел только слабые отсветы в глазах.

Чуть поодаль вытянулся в шеренгу взвод российского мобильного спецназа. Те, чью судьбу нынешней ночью придется разделить.

Полковник Золотых сделал маленький шаг вперед — Генриху на секунду показалось, что он готов разразиться неуместной напутственной речью, но сибиряк произнес всего две фразы:

— Постарайтесь притащить хотя бы одного живьем. И все, считайте свою миссию выполненной.

Прибалты коротко переглянулись. Эти явно привыкли понимать друг друга без слов. Генрих решил для себя, что там, в лесу, постарается держаться к ним поближе.

Кольцо вокруг оцепленной зоны было тройным. Пограничники — все с регулярными сибирскими иглометами — провожали спецназовцев и передовую группу уважительными взглядами. Генрих под каждым кустом замечал отблески прожекторного света в глазах. Заметил он и то, что ребятки-пограничники очень умело прятались по этим самым кустам, и слегка даже позавидовал навыкам истого лесовика. Врожденного. Сейчас такие навыки очень ему пригодились бы.

До предполагаемой границы базы оставалось около километра, когда Генрих уловил слабенький запах озона.

«Начинается», — успел подумать он, и в тот же миг над лесом вспыхнуло зеленоватое зарево парящих осветителей, а спустя пару секунд тишину распороли далекие хлопки ракетниц. А потом заросли впереди ожили. Просто ожили. Шарпей-китаец переломился пополам, но все же успел выстрелить; и тут за спинами очнулись ребята с распылителями.

Волков было четверо. Белесые фигуры, до странности напоминающие призраков, внезапно стали видимыми. Взвесь добросовестно облепила их костюмы, и хитрый полупрозрачный камуфляж перестал растворять волков в ночи.

Прибалты дали дружный залп и одновременно упали на землю. Генрих тоже залег. Чуть в стороне. Очень вовремя, потому что сзади принялись беспорядочно стрелять спецназовцы, да и пограничники со своими иглометами моментально набежали с трех сторон.

Но волки молниеносно разобрались в ситуации и дружно отступили; Генрих заметил, что двое поддерживали третьего, а четвертый прикрывал. Чтобы исчезнуть, им понадобились какие-то три-четыре секунды.

Стрельба не утихала еще секунд двадцать. Потом один из сибиряков из передовой группы предостерегающе поднял руку. Генрих, прильнувший к сухой таежной подстилке, ненадолго прикрыл глаза. Над кронами продолжали вспыхивать и светить ракеты, и мир оттого казался резко контрастным.

Вскоре стрельба разгорелась немного в стороне, но и там она довольно быстро стихла. Похоже, что волки нащупывали слабину в кольце окружения.

Потом кто-то из россиян-спецназовцев расшвырял светляков — лес в отдалении стал просматриваться гораздо лучше. Прибалты проползли вперед, к неловко лежащему у молоденького кедра шарпею. Кажется, шарпей был еще жив.

Генрих тоже пополз вперед. Он слышал, как сержант докладывает кому-то по рации, что вылазка волков пресечена, но есть потери, около двадцати человек, и что никого из волков не удалось ни пленить, ни устранить.

Он так и сказал — «устранить», а не «убить».

«Двадцать человек! — подумал Генрих озабоченно. — За несколько секунд. Дьявол! Да если волков много, они нас постепенно передавят всех, как клопов. И никакое оцепление не спасет».

Единственное, что порадовало, — никто из людей не впал в шоковое оцепенение после стрельбы. Все-таки накрутили всех как следует. Если и погранцы подготовлены так же, то есть даже небольшие шансы на успех. Наверное...

Рядом оказался россиянин Баграт; задумчиво перезаряжая короткоствольный «Самум», он сказал, обращаясь куда-то в пустоту:

— А с распылителями это они здорово придумали...

— Здорово, — фыркнул из густой тени туранец. — Лучше бы огнеметы принесли, чем распылители.

«Н-да, — подумал Генрих. — Нравы у них вполне сарацинские, там, в Туране. Да и в Халифате тоже».

— Эй, сержант! — негромко позвал спецназовца прибалт Цицаркин. — Буди своих и двинули! Цепью. У кого осветители?

— У нас! — с готовностью отозвались два терьера-йоркширца, похоже — близнецы.

— И у нас, — добавил кто-то из темноты.

— Давай! Осветители — вперед, швырнули — подтянулись. И хренью своей поливайте, не мешкайте!

— Слышали? — с нажимом спросил сержант. То ли он полностью согласен был с советами прибалта, то ли просто слегка растерялся и поэтому рад был, что инициативу проявил кто-то другой. — Давай, двинули!

По его команде цепочка передовой группы двинулась к центру оцепленной зоны. Медленно, крадучись, обильно расшвыривая по дороге хемоосветители и оставляя за собой праздничный лес. Сияло сверху, сияло в подлеске, в крови бушевал адреналин, и от этого Генриху почему-то неудержимо хотелось чихнуть.

Перестрелки вспыхивали там и сям, то справа, то слева, то где-то далеко, по ту сторону волчьей базы, где тоже смыкались цепочки спецназа и пограничников. Но все время ненадолго, словно волки осторожно пробовали сжимающееся кольцо на прочность. На разрыв.

Впереди, за стволами мачтовых сосен и лиственниц, уже угадывались просветы. Поляна или вырубка, и причем большая.

«База», — только и успел подумать Генрих, а в следующий миг навстречу ему рванулось целое море огня. Навстречу ему и навстречу всем, кто находился рядом. Сплошной алый поток, сначала похожий на вспухающий пузырь, а потом — на стену.

На стену выше самых высоких деревьев, выше осветительных ракет. На стену, поднявшуюся до небес.

Мысли оцепенели, но тело среагировало само. Несколько прыжков прочь, в сторону низинки, и нырок туда, в спасительную ложбину, на острые хрустящие сучки. Из-под кучи веток с визгом рванулась какая-то зверюга, визг этот утонул в сплошном грохоте, сверху на Генриха кто-то тяжело свалился, и стало жарко, нестерпимо жарко.

Ударная волна засыпала их трухой, прошлогодней хвоей, горящими ветками. В ушах оглушительно звенело. А на краю поляны уже занялся и принялся резво скакать с кроны на крону скорый пожар-верховик. После мертвенного света ракет и хемоосветителей рыжее пламя казалось живым и едва ли не одушевленным.

Рядом сдавленно выругались по-балтийски, кажется, это был Рихард; секундой позже послышался хрип Цицаркина:

— Туда! В болотце!

Генрих вскочил, еще ничего не соображая. Просто потому, что вскочили оба прибалта, счастливо спасшиеся в той же ложбинке. Вероятно, они для себя тоже решили держаться поближе к Генриху.

Бежали они как сумасшедшие, подгоняемые ревом и треском пламени. Бежал и еще кто-то, впереди и с обеих сторон беспорядочно метались хаотичные тени. Кто-то горел и кричал от боли, кто-то молча несся сквозь стонущий лес...

В болотце — округлую, метров десяти в диаметре лужу, сплошь заросшую ряской, — они вскочили с ходу и забрались по самые брови. Ноги по колено ушли в клейкий ил, со дна поднимались веселые вереницы пузырьков, активно пахло какой-то органической дрянью. В болотце уже сидели человек двадцать, и со всех сторон сбегались новые спецназовцы. Некоторые даже с оружием.

И тут верховик с ревом прошел с боков и над ними. Генрих зажмурился и нырнул в мутную жижу. Даже там, под поверхностью, он почувствовал неистовый жар. Или, может быть, это только показалось?

Пулевик свой Генрих впопыхах утопил. Да и не много от него было бы толку после купания.

Ошеломленные и растерзанные, мокрые, словно жертвы паводка, они выбрались из спасительного болотца только спустя двадцать минут. Жижа нагрелась чуть ли не до температуры человеческого тела, а стрелки камыша обгорели и поникли, уронив сигарообразные утолщения в уцелевшие лужицы. Поголовье местных лягушек смело могло счесть сегодняшнюю ночь локальным армагеддоном.

На месте волчьей базы осталась только конусообразная воронка, чуть не доверху засыпанная бархатистым пеплом; а вокруг раскинулось еще отдающее теплом пожарище. Остро и удушливо пахло сгоревшей органикой. Генрих зачарованно глядел на этот ад и зачем-то пытался оттереть от грязи лицо, но только впустую размазывал грязь.

— Ну дела, — прошептал дог Рихард.

— Что же это получается, — недоуменно спросил туранец, тоже уцелевший в непредвиденной передряге, — они себя взорвали? Как в Берлине — умираем, но не сдаемся?

— Рация у кого-нибудь есть? — мрачно осведомился Цицаркин.

Очумевший пограничник-спаниель протянул ему селектоид. Голова и уши у пограничника были опалены, а рация даже с виду казалась совершенно сбитой с толку. Цицаркину понадобилось целых полторы минуты, чтобы ее успокоить и заставить работать.

В эфире царило нездоровое оживление, больше похожее на легендарный пекинский паноптикум. Кто-то причитал, словно ребенок, всхлипывая и шмыгая носом, кто-то орал в ответ и грозил всеми земными карами, кто-то пытался орущего урезонить...

Досталось всем — в этом можно было не сомневаться.

Через некоторое время стало ясно, что волкам так и не удалось прорвать кольцо и что они либо продолжают укрываться где-то посреди пожарища, либо погибли все до единого при взрыве. Европейцы-спецназовцы и первое пограничное кольцо выгорели процентов на тридцать—сорок; таких потерь за такое короткое время Земля не знала со времен биокоррекции. Даже во время самых свирепых стихийных бедствий. Второе и третье кольца почти не пострадали, по-

граничники успели принять меры и даже сумели остановить огонь — почти везде. Лишь в трех местах пожар добивали конкретно в текущую минуту. Командование склонялось к мнению, что надо дождаться утра и лишь после этого начинать копаться в воронке. И предварительно просветить почву на предмет пустот и новых смертоносных сюрпризов.

Уцелевшим спецназовцам и пограничникам, а также передовой группе предлагалось незамедлительно возвращаться к штабу операции для отчета и оказания помощи.

«Веселая выдалась ночка, — подумал Генрих разбито и только сейчас сообразил, что смерть в очередной раз прошлась в нескольких шагах от него. Всего лишь в нескольких шагах. — Исключительно веселая. Чего угодно ожидал, но не этого...»

Отлеживаясь в кустах, Арчи так и не решил, ползти вперед или пропустить пограничников. А те что-то не спешили. И еще: Арчи недоумевал по поводу европейского спецназа, которому полагалось быть впереди всех. Здесь спецназом и не пахло, только сибиряки толклись. Или численности спецназа не хватило, чтобы полностью замкнуть кольцо? Наверняка, не полк же их прислали... Кольцо держат погранцы, а спецназ должен был, наверное, штурмовать базу. Не обязательно же ее для штурма окружать?

Стрельба возобновлялась еще несколько раз, но все где-то вдали. Пограничники сидели по кустам и терпеливо ждали приказа.

И вот тут-то началось самое неожиданное.

Волчья база взорвалась. Обратилась в необъятное облако огня, в смерч, в концентрическое расходящееся цунами из ударной волны и пламени. Волна содрала с кустов листву, словно покрывало с памятника. Арчи оторвало от почвы и крепко приложило о ствол лиственницы, а потом со всех сторон начали сыпаться сучья, хвоя, листья, песок, еще какая-то колючая и жесткая дрянь, причем не обязательно сверху. Ударило Арчи крепко, аж в глазах потемнело. В рот набилось песку, лицо Арчи поцарапал и ухо едва не разорвал. А секундой позже над лесом словно солнце взошло. Арчи

снова посчастливилось не ослепнуть — в этот момент он валялся носом книзу, и даже сквозь закрытые веки увидел вспышку.

Он приоткрыл глаза, предварительно заслонившись ладонями. Так и есть. Пожар-верховик. Из тех, что мчатся немногим медленнее курьерского поезда и не щадят никого на своем пути.

Забыв обо всем, Арчи вскочил и понесся на пламя, потому что оттуда слабо тянуло приторным запахом тины и вообще чувствовалась влага. К сожалению, быстро нагревающаяся.

Крохотный ручей — всего лишь. Воробью по колено. Но все же... Вода не горит. Арчи отыскал место поглубже и плюхнулся лицом вниз. Вода даже не покрыла его целиком. Тогда он крутнулся, намочил спину и взглянул на огонь. Пора — жар становился нестерпимым, и рыжая волна готовилась пронестись над головой.

И пронеслась. Спину под пятнистым комбинезоном мгновенно опалило — стало нестерпимо больно. И Арчи решился перевернуться еще раз.

Странно это было — находиться в костре. В огромном костре. Всего миг, и снова лицом вниз. А на спину словно расплавленного свинца налили.

Через несколько минут Арчи потерял сознание и не захлебнулся в горячей жиже только потому, что был ньюфаундлендом, а ньюфаундленды не тонут. Горят, но не тонут.

Впрочем, окончательно сгореть ему было не суждено. Когда сознание вернулось, Арчи понял, что комбинезон на спине тлеет. Ручей практически испарился, и намочить спину уже не удалось бы. Сцепив от боли зубы, Арчи нашел в себе силы комбинезон снять. Спина и ноги казались сплошным ожогом. Да что казались — они и были сплошным ожогом, слава Богу, что всего лишь поверхностным и не слишком серьезным. Негнущимися пальцами Арчи расстегнул аптечку и проглотил лошадиную дозу обезболивающего. Нож и одуревший от пережитого видик он втиснул в аптечную сумку, а игломет оставил в руке.

Странно он, наверное, выглядел в эту минуту. Обожженный, в черной сзади футболке и казенных синих трусах, но в совершенно не пострадавших ботинках; в одной руке игломет, во второй — аптечка, с дурным от таблеток и боли взглядом, оглушенный, истерзанный, Арчи пошел. Плохо соображая, куда. Вперед. Просто вперед.

Шел он, судя по всему, долго и, судя по всему, причудливыми зигзагами. Дважды он выходил к руслу того же ручья. Полувысохшему. А может, это были другие ручьи. Боль не прошла, но отступила, стала привычной и докучливой. Сознание вошло в мерцающий режим — в целом Арчи соображал плохо, просто инстинктивно шел вперед, но случались редкие проблески. Сначала Арчи осознал себя стоящим на коленях перед огромным обугленным пнем-выворотнем. Несколько позже — уже в стороне от пня, перед узкой, как траншея, ямой. В яме кто-то валялся. И этот кто-то был мертв, но зато одет в необожженный комбинезон. Следующее мерцание отстояло, видимо, всего на несколько минут — потому что Арчи был уже в куртке и, сидя на краю ямы, пытался протиснуть ногу вместе с ботинком в штанину. Спина казалась упрямым средоточием боли, но отчего-то Арчи был уверен, что куртку снимать ни в коем случае нельзя и что все его мучения не напрасны.

А когда он вышел к небольшой округлой луже, которая еще совсем недавно была куда больше размерами, и снова опустился на колени, пришло огромное облегчение. Рядом была вода — совсем немного, но все же вода. Ведь не может же он, черт возьми, умереть у воды? Это было бы слишком глупо для бывшего спасателя и для его морфемы. Аптечку он продолжал сжимать в давно уже ничего не чувствующей руке, только теперь аптечка была почему-то в правой руке, а не в левой, а игломета не было вовсе. Наверное, выронил или, что вероятнее, забыл, когда переодевался. Здесь сознание окончательно оставило Арчибальда Рене де Шертарини, и он без сил распластался на краю лужи. В чужой одежде и едва живой.

Архипа, Дрон и Дудник благополучно пересидели взрыв в укрытии. Бабахнуло так, что невольно вспомнились бои

там, за тысячи световых лет от Земли. Переждали они и пожар. А потом включили камуфляж и пошли прорываться через кольцо. На этот раз — всерьез.

Лес после огненного цунами выглядел плачевно — обглоданные пламенем остовы деревьев, сиротливо воздевшие к небесам мертвые ветви, и удушливые дымные облака над черной землей. И лишь кое-где случайно уцелевшие островки зелени, выглядящие до странности нелепо.

Волки шли на северо-восток, чтобы выйти из окружения максимально близко к плотине.

На обгоревшего парня в волчьей пехотной форме они наткнулись совсем рядом с кратером, что остался от бывшей базы.

— Ё-моё! — тихо сказал Дрон и остановился. — Поглядите только!

Парень еще дышал. Но досталось ему изрядно — ожоги плюс контузия...

— Ты его знаешь? — спросил помрачневший Дрон у Архипы.

— Нет.

— А ты?

Дудник тоже не знал.

— Да... Досталось пехтуре.

Дрон стянул с плеча автомат и протянул Архипе:

— Держи...

И склонился над парнем. В руке тот сжимал небольшую сумочку из местных — не поймешь живую или обычную. Похоже, живую.

Без видимых усилий Дрон взвалил парня на плечи. Камуфляжный модуль зафиксировал возросшую массу и скорректировал поле. Растянул и обволок ношу, растворил в ночи.

— Так и потащишь? — хмуро спросил Дудник.

— Не бросать же его? — отозвался Дрон. — Живой все-таки.

— Давай подсумки, что ли... — вздохнул Дудник. — Архипа, ступай вперед, а я хвосты прижимать буду...

Троица призраков обогнула изувеченную поляну по самому краю и, оставляя в пепле цепочки следов, скрылась в лесу. Одна из цепочек пропечатывалась отчетливее.

* * *

— Константин Семенович?

Золотых оторвал гудящую голову от столика:

— Да, Степа?

— Министр на связи.

Полковник разбито вздохнул. Именно разбито — впервые за много дней он почувствовал, что нервы даже у него не железные.

— Давай...

Архаичная трубка закрытой связи словно бы сама собой прыгнула в руку. Парень-телефонист снова шмыгнул в свой угол и притих.

— Слушаю, Алексей Владимирович.

— Полковник? Что творится в тайге? Мне доложили, что там у вас натуральная война со стрельбой, взрывами и пожарами?

— Война? Не сказал бы. Похоже, что волчьей базы больше нет.

Министр опешил.

— То есть как это — нет? Вы ее уничтожили?

— Не мы. То ли что-то у волков непредвиденное стряслось, то ли они предпочли поражению самоубийство. В ноль сорок мы начали сжимать кольцо, точно по плану. Произошло несколько стычек, десятка два, но никто из волков за пределы кольца не прорвался. Потери есть... но они незначительные. По крайней мере по сравнению с прогнозируемыми. А потом база просто взорвалась, в час двенадцать по среднесибирскому. Теперь там здоровенный кратер и вдобавок лес горит. На север пожар не пошел, там Ангара. А вот с южной стороны и с юго-восточной могут быть проблемы. Мы уже оповестили пожарных, они выслали махолеты с пирофагом.

— Что вы планируете делать дальше? — нетерпеливо перебил министр.

Золотых хотел пожать плечами, но шевелиться было настолько лень, что он сделал это только мысленно.

— Дождемся утра, справимся с пожаром и пойдем разгребать пепел в воронке. Не могло же там все в пыль обра-

титься? Может быть, захватим остатки оборудования или возьмем кого-нибудь живым.

— А до сих пор не взяли?

— Нет. Только несколько трупов, но зато двое в полном снаряжении. Научники наши уже воют от восторга, особенно механики.

— Кольцо нигде не прорвали?

— Нет. По-моему, волки не слишком-то и стремились его прорвать. Прощупали в нескольких местах и отступили.

Министр долго молчал.

— Ладно... Мне нужно обсудить это с... В общем, не отходите от аппарата, Константин Семенович. Я перезвоню. Да, и если появятся новости, вызывайте меня немедля.

— Конечно, Алексей Владимирович, конечно.

Золотых вернул трубку на аппарат и задумался.

Он не мог избавиться от ощущения, что волки снова всех обманули. Снова. Обманули. Но как? Каков смысл их загадочных маневров? Зачем они подорвали себя? И подорвали ли — вот еще вопрос.

«Хоть бы поскорее светало, что ли... — тоскливо подумал Золотых. — Все равно ведь не засну».

Он вновь уронил голову на откидной столик и принялся ждать.

Это трудное дело — ждать. Особенно когда ставки так высоки.

Зверь
в каждом из нас

— Я корреспондент журнала «Европа». Вы можете ответить на несколько вопросов, полковник?

— Попробую. Но у вас в распоряжении всего несколько минут, поэтому задавайте дельные вопросы.

— Спасибо. Скажите, волчья база под Алзамаем уничтожена полностью или там что-нибудь осталось?

— Ничего не осталось. Воронка и пепел. Впрочем, несколько трофеев все же попало к нам в руки — кое-какое снаряжение и оружие, но это мы раздобыли не на базе. Еще до взрыва удалось подобрать несколько волчьих трупов. Все технические новшества изучаются специалистами стран альянса, включая, естественно, Европу.

— Изучение волчьих артефактов будет иметь практическое значение?

— Несомненно. Уровень техники у волков заметно превышает самые значительные земные достижения.

— Остались ли волки в живых?

— Сомнительно. Если на базе не уцелело ничего, то о живых людях или волках и говорить не приходится. Я убежден, что все до единого волки — кроме погибших в ходе операции по окружению — погибли вместе со своей базой. Земля может вздохнуть спокойно. Среди нас нет и не может быть убийц. Простите, мне уже нужно идти.

— Спасибо, господин полковник!

(Из экспресс-интервью руководителя операцией по окружению и разгрому волчьей базы полковника службы безопасности Сибири Константина Золотых журналу «Европа».)

00: Зона игнорирования

— Здравствуйте, господин президент!

— Здравствуйте, полковник. Чем порадуете?

— К сожалению, пока ничем. Мы снова были вынуждены идти на поводу у противника. База, правда, уничтожена, в этом нет ни малейших сомнений. Но волки ее уничтожили сами. Трупов мы не обнаружили — там такой взрыв произошел, что смешно думать о трупах. О захваченных технических трофеях я уже докладывал; в настоящий момент с ними работают эксперты.

— Я слышал, что вам удалось захватить раненого волка...

Золотых еле заметно улыбнулся.

Ну конечно. Президент уже знает. Ему положено все знать, на то он и президент.

— Так точно, господин президент. Как выяснилось, один из трупов оказался не совсем трупом. Но волк сильно пострадал при взрыве и сейчас пребывает в глубокой коме, и медики, увы, не гарантируют, что он выживет. В настоящий момент он находится в подвижном биомедцентре погранвойск. Я вызвал из Красноярска нескольких ведущих врачей — надеюсь, им удастся спасти этого волка. Изо всех сил надеюсь.

— Об охране медцентра вы, понятно, позаботились?

— Безусловно, господин президент. Но если волки ухитрились пересидеть взрыв и пожар и вздумают своего товарища освободить, сомневаюсь, что мои люди будут в состоянии остановить их. Хотя есть надежда, что инженеры на

основе захваченных трофеев сумеют создать средство обнаружения волчьего камуфляжа. Если так — то шансы в принципе уравниваются. Если нет — сами понимаете... Воевать с невидимками не под силу даже асам из асов. А наш вариант с опрыскиванием не везде применим.

— Что с официальным агентом?

— Он исчез, господин президент. Мне грустно и неприятно это говорить, но, по-видимому, он погиб во время пожара. Далеко не все найденные трупы удалось опознать. Но я все же надеюсь, господин президент. Де Шертарини — агент высочайшей квалификации, и если у него имелся самый крошечный шанс выжить, он выжил. И если не дает о себе знать, следовательно, на то есть веские причины. Откровенно говоря, я не верю, господин президент, что волки погибли на собственной базе. Не верю, и все тут. Уж слишком все произошедшее смахивало на красивый спектакль. Волки хотят, чтобы у нас не осталось сомнений в их гибели, а сами они, отсидевшись в сторонке, преспокойно уберутся подальше отсюда, едва предоставится такая возможность. Покуда я не вижу способов, благодаря которым волки могли бы до нынешнего момента скрываться, но это вовсе не значит, что таких способов не существует.

— Что вы намерены предпринять? — Президент выглядел совершенно спокойным, и голос его казался спокойным, но Золотых понимал, что спокойствие кажущееся. Собственно, в его, полковника Золотых, руках была не только судьба Сибири, но и судьба всего сибирского президентского кабинета. И полковник не мог поручиться, чья судьба волнует больше сам кабинет.

— Я намерен притвориться, будто поверил в уничтожение волков. Некоторое время мои люди будут прочесывать тайгу, некоторое время будут возиться на месте бывшей базы, а потом я начну потихоньку эвакуировать силы из зоны конфликта. Оставлю лишь хорошо замаскированных наблюдателей. Если волки все же сумели обмануть всех и отсидеться, мы их вычислим.

— Понятно. Какой помощи вы ждете от меня лично и от правительства? В целом и в частности?

— Господин президент, совершенно необходимо поддержать официальную версию о гибели волков вместе с базой. О том, что мы в это не верим, должны знать считанные люди, стоящие во главе стран—участниц альянса. Ну и мой штат, разумеется. Чем меньше людей будут знать правду, тем больше шансов, что мы выследим волков.

— То есть можно начинать праздновать победу и купаться в лучах славы?

Лицо президента выразило ровно столько иронии, сколько полагалось.

— Именно так, господин президент. Именно так.

Президент вздохнул. Совершенно по-домашнему, протяжно и сокрушенно.

— Ох, полковник, вытряхнете вы меня из кресла, если что не так...

Золотых промолчал. Да и что он мог ответить?

— Действуйте, полковник. Признаться, в самом начале я не подозревал, что удастся продержаться так долго. Вы выдающийся организатор и стратег. Не знаю, чем это все закончится, но дырочку на мундире можете уже сверлить, какой же праздник без наград? И о штанах с генеральскими лампасами самое время подумать. Кстати, я жду от вас представления к наградам ваших людей. Праздновать так праздновать!

— Непременно представлю, господин президент! Мои ребята последние дни с ног сбивались. До сих пор отсыпаются...

— Удачи, полковник. Удачи всем нам.

Президент величаво кивнул и покинул штабную палатку; свита, дожидавшаяся его снаружи, привычно взяла первую персону Сибири в живое охранное кольцо. Золотых задумчиво поглядел на шевелящийся полог и подумал: хорошо бы все послать к чертям и поехать на Ангару. Порыбачить.

«А в самом деле? — подумал он вдруг. — Все равно мне ближайшие сутки предстоит лишь ждать. Ждать решения медиков, ждать донесений, ждать заключения экспертов... Какая разница, куда их будут доставлять — в эту осточертевшую палатку или на бережок у омута?»

* * *

Окончательно сознание вернулось к Арчи день приблизительно на третий. Проблески были — даже той жуткой ночью. Арчи смутно помнил, как его нес на плече какой-то человек, коренастый и сильный. Одновременно казалось, будто Арчи находится внутри огромного мыльного пузыря: вокруг мерещились радужные разводы, а мир виделся как в большую линзу. Пропорции растянуты, линейная перспектива нарушена...

Впрочем, все это могло Арчи просто пригрезиться.

Еще он запомнил шум падающей воды — водопад? В темноте ничего было не разобрать, а когда человек встряхнул Арчи, поудобнее устраивая того на плече, сознание вновь померкло.

Потом над Арчи склонялись какие-то люди; особенно запомнилась девушка, похожая на ретривера. Или даже на невероятно стройную нюфку. Было больно: вероятно, с него снимали одежду и обрабатывали ожоги на спине и ногах. Отдельно — большая кружка с чуть теплым бульоном, которую Арчи жадно выхлебал в два приема. И блаженная истома от подействовавшего лекарства... Бульон, кажется, приносила та же девушка.

Часов двенадцать Арчи проспал; короткое, будто фотовспышка, озарение, и вновь беспамятство; издерганный организм как мог защищал мозг. От боли и шока.

Когда он вновь почувствовал себя человеком, а не комком обожженной плоти, достало сил даже на то, чтобы приподняться на локте и оглядеться.

Арчи находился в низком, узком и длинном, как барак, помещении без единого окна. Несколько мономорфных светопанелей тлело под потолком, едва разгоняя сумрак. В помещении было полно людей: они сидели, лежали на постеленных прямо на пол спальниках, бродили по проходу, собирались группками, пили что-то из металлических кружек. В дальнем углу стояло три раскладных стола, за которыми расположилась самая большая группа.

В углу, где пребывал Арчи, больше никого не было. Только он.

«Где это я?» — подумал Арчи, озираясь.

Стены не дали ему ровно никакой пищи для размышлений. Ороговевшая органика незнакомой структуры — это могло быть что угодно, от трюма корабля до подземного убежища.

Шевеление его не прошло незамеченным — приблизилась та самая девушка-ретривер. Точно, ретривер.

Если и есть морфема, более всего похожая на ньюфаундлендов и ландсиров, так это черные ретриверы.

Девчонка щеголяла в пятнистом комбинезоне явно военного образца и высоких ботинках на шнуровке. У нее был цепкий и внимательный взгляд.

— Привет. Меня зовут Ядвига. А тебя?

— Арсений, — ответил Арчи. Язык слушался. Боль в обожженной спине еще не окончательно прошла, но стала вполне терпимой. Арчи перевернулся на бок, старательно отгоняя желание поморщиться.

— Есть хочешь?

— Не знаю. Кажется, да.

— Кажется? Значит, не очень. Тогда лучше потерпи часок, горячего получишь. Ты из взвода Гурана?

— Нет.

— А откуда? — Девчонка сразу насторожилась и непроизвольно потянулась к кобуре, пристегнутой у локтевого сгиба.

— Только не пали в меня с ходу. — Арчи все-таки не сдержался, поморщился, но теперь это можно было списать не на боль, а на досаду, скажем.

— Веном! — громко позвала девчонка; люди за столами как по команде повернули головы в их сторону.

Арчи собрался с силами, встал на четвереньки, а потом и сел, кутаясь в одеяло. Прикрыл на миг глаза, пытаясь остаться совершенно спокойным.

Приблизились четверо. Все в одинаковых комбинезонах, только нашивки не у всех были одинаковыми.

— Назовись, — потребовал тот, кого Ядвига назвала Веномом.

— Арсений Пасечный, — тихо сказал Арчи. — Вы не будете столь любезны объяснить мне, где я нахожусь?

— Попридержи вопросы, — посоветовал Веном без всякой угрозы, хотя от каждого его слова веяло несомненной силой. — А вот на ответы наляг. Итак, кто ты?

— Пограничник. Пограничник Сибири, связист.

Волки — а в том, что это волки, сомневаться не приходилось — переглянулись.

— Складно, — заметил один из четверых. — Видик, опять же.

— Почему на тебе была наша форма? — продолжал допрос Веном.

Арчи пожал плечами:

— Моя сгорела. Вот и надел.

— С трупа снял?

— Да.

— Завидная находчивость. Если бы не это, быть бы тебе сейчас на пепелище. В качестве, полагаю, такого же трупа. Везунчик ты, Арсений Пасечный.

Арчи промолчал. У него имелись смутные подозрения, что плен волков, возможно, и не самый лучший исход.

— Ладно. — Веном взглянул на Ядвигу. — Ты спрашивала о Гуране?

— Да.

— И что?

— Сказал, что он не из его людей.

— Значит, врать не пытался, — констатировал Веном. — Умен.

— Или глуп, — заметил кто-то. — Впрочем, какая разница?

Некоторое время волки молчали. Арчи тосковал под их изучающими взглядами.

— Ну, — спросила Ядвига с явным интересом, — и что теперь с ним делать?

Веном несколько раз покачнулся, поочередно перенося вес тела с носков на пятки.

— Что с ним делать? Пусть отлеживается. Все равно ждем. А там видно будет. — И уже обращаясь к Арчи: — Отдыхай покуда. Но учти: что-нибудь вытворишь, цацкаться не будем. Нам ершистый балласт ни к чему.

Веном четко, по-военному развернулся и зашагал прочь. К столам. Остальные — тоже, только Ядвига осталась на месте.

Когда все удалились достаточно далеко, чтобы не слышать ее слов, Ядвига произнесла, глядя прямо в глаза Арчи:

— Ты молодец, что не стал ничего сочинять. Иначе тебя сразу же пристрелили бы, наверное.

— Я так думаю, никакого взводного по имени Гуран среди вас нет? — предположил Арчи.

— Правильно. Нет. Мы просто хотели тебя проверить. Ты догадливый малый. Я за тебя рада.

— Рада? — Арчи испытывающе глядел на эту милитаризированную девицу. — А почему, собственно?

Ядвига опустилась на колени рядом с ним.

— Почему? А черт его знает — почему. Ты мне напомнил одного... парня. Наверное, поэтому.

«Этого еще только не хватало, — озабоченно подумал Арчи. — Валькирия с сентиментальной душой и пушкой в руках...»

Ядвига встала с колен и отошла, присоединившись к одной из групп у стены, состоящей преимущественно из женщин. Там сразу заозирались, глядя на Арчи. Но постепенно вернулись к какому-то своему разговору, и Арчи оказался предоставленным самому себе, а значит, появилось время поразмыслить, оценить ситуацию и выработать разумную линию поведения.

Итак, он угодил в плен к волкам, которые и не думали взрываться вместе со своей базой. Ясно, они скрылись в загодя подготовленное убежище, базу подорвали и теперь выжидают, когда окружающий мир окончательно поверит в их гибель.

Увидев полуживого человека в своей форме, волки его подобрали и унесли в убежище. Это значит, что волков достаточно много и не все знают друг друга в лицо. А может, впопыхах да в сумерках никто и не стал рассматривать, на всякий случай дотащили до убежища, а там уж убедились, что это чужак.

Но сразу не убили и не вышвырнули наружу, значит, какой-то интерес в нем у волков есть. И, вероятно, есть шанс выжить, осмотреться... а там — поглядим, решил Арчи.

Он не любил заглядывать слишком далеко в настолько неопределенных ситуациях. А ситуация сложилась вопиюще неопределенная: он не знает ни где находится, ни что творится снаружи, ни что с ним намереваются делать волки, ни сколько их, ни что им нужно... Остается только набираться сил и наблюдать, наблюдать, наблюдать... Впитывать все, что достойно внимания. И действовать сообразно моменту.

«А спину они мне здорово залечили, — подумал Арчи, прислушиваясь к себе. — Почти и не чувствую... Интересно, сколько времени прошло? Суток двое-трое, не больше. И, кстати, где тут у них сортир?»

У Саймона Варги, шефа организации «Чирс», и Сулима Ханмуратова, начальника службы безопасности и разведки этой же организации, не много было времени, дабы перекинуться словом. Узкая, похожая на коридор полость внутри Чадобецкой плотины буквально кишела волками. Спали вповалку, вдоль стен, оставляя лишь неширокий проход между сплошным ковром походных спальников. К некоторому удивлению Варги, главари волков не стали изобретать себе какие-нибудь особые условия. Спали как все, ели вместе со всеми. Только поставили в углу несколько раскладных столов да развернули портативный прибор-компьютер, похожий на книгу. Небольшая вогнутая чаша стратосферной антенны целилась пестиком в светильник-мономорф на потолке. Чаще у прибора дежурили женщины-волки; иногда кто-нибудь из главарей — Расмус, Веном или Лоренцо — подсаживался к компьютеру и принимался шелестеть клавиатурой или елозить пальцем по датчику интерфейсного манипулятора.

Они явно выжидали чего-то, волки. Что-то должно было произойти там, за пределами атмосферы Земли. И пока это не произойдет, они не сдвинутся с места, так и будут безвылазно сидеть в этом душном продолговатом склепе, совсем не рассчитанном на такую прорву народа.

Варга не мог даже толком оценить ресурсы волков. Скорее всего у них стало неважно с энергией. Во всяком случае, все четыре машины Расмус распорядился оставить на площадке, которая отделялась от низовьев реки только эфемер-

ной завесой падающей с плотины воды. Сунься охранники-гидроинженеры на плотину — и все, машины заметят, поднимут тревогу... Но дело было даже не в месте — в конце концов, где еще можно было оставить четыре полноценных грузовика? Дело было в том, что Расмус распорядился снять камуфляж. В камуфляже машины не рассмотрел бы ни один охранник, даже если подошел бы вплотную; к тому же над плотиной постоянно висит белесая волглая взвесь, внешне неотличимая от тумана. Впрочем, волки выставили дозор, и если охрана плотины и впрямь вздумала бы лезть куда не следует, камуфляж тут же включили бы. Что касается пищевых припасов, то в этом вопросе Варга снова терялся. Единственной пачки волчьего концентрата хватало, чтобы накормить двадцать здоровенных мужиков. А пачка эта размером была не больше детского кубика с буковками и утятами. И не похоже, чтобы это какая-нибудь синтетическая дрянь, Варга пробовал — напоминает смесь мясного паштета с каким-то растительным субстратом, вроде молотого зерна. И вдобавок все это неожиданно вкусно.

С водой точно проблем ни малейших — Ангара в двух шагах.

Но как долго волки намереваются здесь сидеть? Неделю? Две? Поди угадай...

Несмотря на тесноту, Сулим все же улучил момент и шепнул Варге на ухо:

— Шеф! Вы видели раненого во-он там, в дальнем углу?

— Ну?

— Он очнулся. И он ньюфаундленд. Назвался пограничником, но мы-то знаем, что на внешнюю разведку России работает некто Арчибальд Рене де Шертарини, как раз ньюфаундленд...

— Тот, с которым сталкивались Шарадниковы?

— Именно он.

— Ты знаешь его в лицо?

— Увы, шеф. Я — нет. Шарадниковы знали.

«А из Шарадниковых сейчас много не вытянешь», — подумал Варга.

Несколько дней назад арестованных братьев Шарадниковых, низовых агентов «Чирс», прямо в здании управления

службы безопасности Сибири города Алзамая устранил другой агент «Чирс» по прозвищу Гном.

— Думаешь, это де Шертарини? — с сомнением прошептал Варга, невольно косясь в сторону дальнего тупика.

— Думаю, да.

Варга ненадолго умолк, слегка шевеля бровями.

— Вопрос: сообщать ли об этом волкам? А, Сулим?

Сулим, в свою очередь, выдержал короткую паузу и осторожно предположил:

— Я полагаю, шеф, волкам мы всегда успеем сообщить. Куда спешить? Торчим здесь, как медведи в берлоге в разгар зимы...

— Пожалуй, — согласился Варга. — Надо бы все это взвесить и обмозговать. Куда он из этой полости денется в конце-то концов?

— Не скажите, шеф. Это же нюф. А вокруг — Ангара.

Варга с сомнением воззрился на Сулима:

— Думаешь, он настолько оклемался, что способен удрать?

— Он высококлассный агент, шеф.

Самому Варге задача незаметно улизнуть из полости, где толкутся две сотни волков, казалась невыполнимой. Да и двое вооруженных охранников у единственного выхода постоянно дежурят. Но если де Шертарини все же обманет всех и ускользнет, операция по эвакуации волков в Туркмению окажется под угрозой срыва. А Сулим предпочитал не полагаться даже на с виду стопроцентные вероятности. И правильно делал — те частенько в итоге нарушались.

— Знаешь, Сулим... Мне кажется, что волки знают толк в охране. Поэтому спешить не станем.

— Понял, шеф. Не станем.

Сулим не имел вредной привычки перечить шефу.

— Если возникнут идеи, сообщай. Что-то у меня мозги не варят совершенно, — пожаловался Варга.

Но Сулим последним словам шефа не поверил. Он ведь прекрасно знал: руководитель «Чирс» — человек выдающихся способностей и уже много лет не позволяет себе расслабиться ни на секунду.

Сулим привалился к стене и закрыл глаза. Снаружи доносился мерный шум падающей воды, но он уже успел стать привычным за двое с лишним суток.

Полезное умение — погружаться в неизбежное ожидание полностью спокойным.

— Шабанеева будем ждать? — спросил Баграт.

Майор вэ-эр Российской Федерации Вениамин Коршунович отрицательно качнул головой. Спецкомпьютерщик в данный момент был ему не нужен.

— Начнем, что ли? Виталий, давай, — велел Коршунович.

Виталий Лутченко, крепкий рослый мужчина морфемы русский овчар, на миг склонил кудлатую голову к записям, но тут же снова выпрямился.

— Прошлой ночью истекли седьмые сутки с начала сибирской операции. Как и прогнозировали эксперты, видеополиморф Шерифа окончательно перестал откликаться на запросы пульта. Практически все это время он не перемещался и пребывал где-то на самом севере оцепленной зоны, в районе Чадобецкой плотины. Сибиряки, прочесывавшие тайгу в этом районе, подобрали четыре десятка трупов, но Шерифа среди них точно не было. Вениамин Палыч, сегодня сибиряки сворачивают оцепление и в ближайшие дни покидают район катастрофы. По моим данным, в тайге продолжат работать пожарники и экологи. Думаю, примерно половина из них будет настоящими, остальные — безопасниками Сибири.

— Ты думаешь или эксперты говорят? — сварливо уточнил Коршунович.

— Эксперты, Вениамин Палыч. Впрочем, я тоже так думаю.

Коршунович фыркнул. Дело в том, что он давно и хорошо знал полковника Золотых, сибирского безопасника, руководителя недавней операции «Карусель». И поэтому вполне был согласен с недавно высказанным предположением, кто бы это предположение ни высказал — эксперты или Виталий Лутченко.

Видик Шерифа успел транслировать около сорока минут записи, но ничего архиважного запись не поведала. По-

том установленная Шерифом селектура не то погибла в огне, не то просто отказала. Спецвыезд пограничников-связистов изрядно пострадал, погибло даже несколько биомобилей-рабочих станций. Но сам видик, который Шериф оставил при себе, продолжал исполнять побочную функцию маячка, сигнализируя, что с Шерифом если и не все в норме, то по крайней мере при взрыве он не погиб. А поскольку маячок перемещался, можно было предположить, что с Шерифом все более или менее в порядке.

Но двигался маячок от силы час, причем к границе оцепленной зоны, предположительно — на север или северо-восток. И, не достигнув границы, замер. На целую неделю.

Сигнал постепенно слабел — видик проголодался, но Шериф его не подкармливал, хотя обязан был позаботиться о корме. Значит, не мог. И вот это было очень плохо.

Теоретически без подкормки видику-полиморфу полагалось вскоре впасть в спячку. Но это знание никоим образом не объясняло, что произошло с Шерифом и вообще жив ли он.

— От сибиряков сводка поступила. — Лутченко перетасовал листы с записями и распечатками. — От Золотых. Лично вам.

Коршунович выпрямился.

— Давно?

— Минут десять. Вы уже ушли из кабинета, поэтому распечатку передали мне.

— Прочел?

— Прочел.

— Длинная?

— Конечно, поскольку официальная.

— Тогда сформулируй в двух словах.

— Сибирь подтверждает участие в альянсе; Золотых остается у руля. Кстати, он теперь не полковник, а генерал.

Коршунович покачал головой:

— Растет, шельма... Теперь, поди, козырять ему придется...

Несмотря на активное участие в международной операции «Карусель», Вениамин Коршунович по-прежнему оставался всего лишь майором; внезапное исчезновение главного агента России ставило жирный крест на поощрении всех задействованных вээровцев.

К тому же операция еще далеко не закончилась.

— В Сибири откровенный праздник, — продолжал рассказывать Лутченко. — Победу над волками отметили с большой помпой, там у них сплошные фейерверки и народные гулянья. Ну и раздача слонов, то бишь званий и наград, понятно. Думаю, это все нарочитая туфта.

Коршунович едва заметно скривился:

— Не скажи, Виталий... Туфта туфтой, но политики на этом однозначно наварятся.

— Сибирские — да, — согласился Лутченко. — А наши?

— А наши — выжидают. И пока не определится судьба Шерифа, хрен нам награды и хрен нам покой.

— Вениамин Палыч, — подал голос Баграт. — Надо проситься к Золотых. В экологи. Или в пожарники. Много мы отсюда, из кабинетов, не разнюхаем. Неделя прошла, пора бы...

— Спасибо, — буркнул Коршунович. — А то я не знаю.

Баграт ничуть не обиделся. Такие уж отношения сложились в отделе майора Коршуновича, которого сотрудники за глаза иногда величали «Батей». Все знали, что Батя иной раз может и наорать, и разнести так, что мало не покажется, но только среди своих. При начальстве и посторонних Коршунович стоял за подчиненных ребят стеной. И попасть к нему в отдел было невероятно трудно; да и приживались далеко не все.

— Значит, так. Лутченко: готовь запрос вэ-эр Сибири и штабу альянса на представительство в зоне «Карусели». Баграт: садись на шею аналитикам и умри, но выдави из них несколько моделей произошедшего. Три—пять. Меня они все завтраками кормят, а тебя, надеюсь, не посмеют.

Баграт довольно ухмыльнулся. Выдавливать он умел. Особенно из аналитиков — Шабанеева и его группы.

— Свирский: ты, как всегда, завхозом. Опять что-нибудь упустишь или забудешь — шкуру спущу. Сурнин: отбери четверку полевиков. И врачей, тоже полевых. Да, и Шпаковский со своей группой чтобы были готовы по полной.

Коршунович ненадолго прервался.

— Кто с европейцами работал? И с Балтией?

— Да Шабанеев и работал, — подсказал Лутченко. — А также с туранцами, Халифатом и Японокитаем.

— Надо же, — удивился Коршунович. — И когда успевал все?

— Ваня у нас реактивный, — объяснил Баграт. — Дашь ему пинка, он мигом все, что полагается, исполнит и по инерции — еще чего-нибудь в придачу.

— Вот и пинай его. Заодно узнаешь, Балтия решилась-таки рассекретить свою программу или нет.

— Вряд ли, Вениамин Палыч. Прибалты — известные конспираторы. И сами не расколют, и другим не дадут.

— Посмотрим. Мозги у них, надеюсь, все же в наличии. К тому же они уже дали сибирякам один ценный совет.

— Какой? — спросил Баграт, но оживились все присутствующие.

— Сканировать зону операции не только средствами биолокации, но и радиолокации тоже.

— Ух ты! — восхитился Сурнин. — Так это же практически снимает вопрос волчьего камуфляжа!

— Кто знает... Если камуфляж их построен на работе со светом, радиоволны он отражать тоже не будет. Радиоволна — тот же свет, только другой длины.

Коршунович помолчал, потом поднял на Лутченко тяжкий руководящий взгляд:

— И вот еще что, Виталий: устрой-ка мне прямую линию с Шольцем. Прямо сейчас. Он, надеюсь, еще не полковник?

— Вроде нет, Вениамин Палыч. Шольц всегда с начальством на ножах был. Только за профессионализм его и держат. Прям, как вас...

— Но-но, — одернул шеф Виталия Лутченко. — Нечего мне на начальство бочку катить, каким бы оно ни было. Субординация, и все такое.

— Есть не катить, шеф! — бодро отозвался Лутченко и взялся за мобильник.

Связисты ответили почти сразу.

— Гордеев? Закрытый канал с вэ-эр Европы, с майором Шольцем! Коршунович заказывает. В малый зал... Ага.

— По коням, хлопцы, — скомандовал Коршунович, вставая. — Если все получится, завтра снова будем в Сибири.

Кресло его тоненько и жалобно пискнуло.

— Черт! — сказал Коршунович с досадой. — Велите Валентине, чтоб всю мебель покормила! А то я вечно забываю...

Когда Рихард Вапшис вошел в номер, Юрий Цицаркин валялся на кровати и тупо глядел на телеэкран. Разумеется, он и не подумал снимать кроссовки и сейчас являл любому гостю две рифленые замысловатым узором подошвы. На возвращение напарника он отреагировал еле заметным поворотом головы и вялым: «Ну что?»

Рихард опустился в кресло и состроил неопределенную гримасу.

— А шут его разберет! Выложил все, что знал. Меня выслушали и велели убираться.

— Погонят нас, вот увидишь. Десять дней мурыжат, а сдвигов никаких, — мрачно предположил Цицаркин.

— Было б за что, — вздохнул Рихард.

— Эти изобретут. Мы ж, считай, в плен сдались. Потенциальному сопернику.

— По приказу сверху, между прочим!

— Ну и что? Думаешь, наших кабинетных крысят это остановит?

Рихард вздохнул:

— Думаю, нет.

— Вот в том-то и дело.

Некоторое время слышно было только бормотание телевизора. Шел репортаж из Сибири, как раз о разгроме волчьей базы.

— А Сибирь празднует, — фыркнул Цицаркин, — словно и вправду волков извели.

— Ну, это для отвода глаз, — убежденно сказал Рихард. — Ты ж видел, сколько народу там толклось. Вряд ли всех из тайги вывели.

— Видел. Черт, спина чешется, сил нет.

После событий в сибирской тайге оба агента Балтии отделались лишь легкими ожогами, которые им поспешили заживить. На совесть. А после искусственной регенерации новая кожа всегда нестерпимо чешется.

— А ты об косячок, — посоветовал Рихард с легкой ухмылкой. — Как корова.

— Вставать лениво... — пробормотал Цицаркин. — Слушай, Рихард, а чем ты займешься, если выпихнут на пенсию?

Тот пожал узкими, как у всех догов, плечами:

— Не знаю. Думаешь, выпихнут?

— Ну, если по совести разобраться, операцию мы не провалили... Да и сколько материалу привезли. Не за что нас шпынять, просто не за что. Если честно, будет светить досрочная пенсия — уйду. Открою биомастерскую в Хельсинки. Или хотя бы в Риге... Экипажи лечить стану... Ну их, эти разборки на высшем уровне.

— А меня тренер все зовет... — грустно сообщил Рихард. — Говорит, что во мне пропадает выдающийся баскетболист.

— Так уж и выдающийся! — усомнился Цицаркин.

— Это ж не я говорю, — вздохнул Рихард. — Это тренер. А я скромен и застенчив.

И после короткой паузы оба балтийца хором, чуть нараспев, протянули:

— Как береза!

И довольно заржали.

Смех их прервался громким стуком в дверь.

— Sisaeaen! — сказал Цицаркин официальным тоном.

Вошли сразу двое. Посол и шеф местной резидентуры.

Рихард и Цицаркин мгновенно вскочили.

— Господа! — объявил посол по-балтийски. — Родина снова нуждается в ваших услугах.

И сделал приглашающий жест второму гостю, как бы передавая слово.

— Вы остаетесь в деле, — прокашлявшись, сообщил резидент. — Через час совещание и инструктаж. Постарайтесь быть максимально готовыми.

Цицаркин и Рихард переглянулись. Вот этого никто из них не ожидал.

— Арест с вас снимается. Совещание в зеленом холле. Поздравляю. — Резидент сухо закруглился и выжидательно уставился на посла.

— Не будем мешать, — всплеснул руками посол, поклонился и неторопливо вышел. Резидент вышел следом и плотно затворил за собой дверь.

Ни Рихард, ни Цицаркин не проронили ни слова в присутствии начальства. Лишь оставшись наедине, Цицаркин нарушил молчание:

— Думаешь, они ждали, что мы рассыплемся в благодарностях?

— Да ну их. — Рихард состроил закрытой двери циничную рожу. — Кто первый в душ? Ты?

— Могу и я, — согласился Цицаркин, стягивая футболку. — Ты ж у нас поплескаться любитель...

Естественно, они были готовы заметно раньше, чем через час.

Майор Шольц последние дни редко покидал рабочий кабинет. Количество отчетов, которые ему пришлось написать, уступало только количеству отчетов, которые ему довелось прочесть. Наиболее пространные отчеты писал Генрих. Собственно, по приказу Шольца он их и писал. С утра Генрих обыкновенно приходил в кабинет Шольца, с протяжным вздохом валился в кресло и протягивал шефу диск со свежим опусом. Шольц загружал текст и принимался читать, то и дело донимая Генриха вопросами и редактируя отчет.

Со дня возвращения Генриха в Берлин прошло уже две недели, но до сих пор было непонятно — получит ли алзамайская история какое-либо продолжение.

Генрих не верил в то, что волков удалось уничтожить. Слишком уж нелепо погибла волчья база и слишком внезапно исчезли боевики-волки, щупавшие пограничное кольцо. Чувствовался в этом какой-то неявный подвох. Словно прощупывание было неприкрыто косметическим. Только изображалось.

Но, с другой стороны, покинули ли волки оцепленный район? По оценкам экспертов, их было более сотни на базе. Да плюс снаряжение — не бросились же они удирать с пустыми руками? Даже учитывая их непревзойденный (пока) камуфляж, добрая сотня волков просто не могла незаметно

просочиться сквозь кольцо. Кто-нибудь в оцеплении неизбежно что-нибудь заметил бы. И в итоге случилось бы именно то, чего ждали: прорыв силой.

Но прорыва не дождались. Либо волки все-таки сумели ускользнуть совершенно незаметно, либо они все еще находятся в тайге. Где-нибудь неподалеку от взорванной базы. Откуда кто знает — вдруг у них больше одной базы? Или они уничтожили только часть, а не всю целиком? И потом, кто сказал, что взорвалась именно база, а не какая-нибудь обманка, бутафория?

В общем, и Шольц, и Генрих ожидали продолжения. А пока терпеливо писали отчеты, читали отчеты, редактировали и подправляли отчеты...

И ждали.

Этот день с утра ничем не отличался от предыдущих. Но довольно быстро Арчи понял: это необычный день.

Началось все с того, что кто-то из волков повозился с настольным устройством, которое Арчи счел компьютером. И в какой-то момент все разом переменилось.

За две недели Арчи отлежался и предпочитал думать, что полностью восстановился от ожогов и контузии. Отчасти — благодаря крепкому и здоровому организму, отчасти — благодаря действенной медицине волков. Но он продолжал валяться и много спать, потому что альтернативы у него все равно не было. Волки почти не обращали на него внимания, спасибо, хоть кормить не забывали. Однажды к нему приблизился один из людей, которых Арчи принял за таких же пленников, как и сам, только более нужных волкам. Людей было трое, но один занимал явно подчиненное положение и, вероятнее всего, был просто слугой. Двое оставшихся большей частью находились в своем уголке рядом со столами волков-главарей — вроде бы и рядом с волками, но все же чуть обособленно. Один из этих людей, сухощавый и крепкий овчар-среднеазиат, возможно, не вполне чистый, скользящим шагом подошел к Арчи и склонился над его постелью. Арчи притворился, будто спит. Овчар таращился на него секунд двадцать, после чего таким же неслышным скользя-

щим шагом удалился в свой угол. Цели этого визита Арчи так и не уловил. Но подозревал, что овчар просто хотел взглянуть ему в лицо. А значит, вполне мог его знать.

Девушка-ретривер на пятый день куда-то пропала. И не появлялась вплоть до дня перемен.

В какой-то момент Арчи вдруг сообразил, что остался единственным в помещении, кто лежит. Волки повскакивали очень дружно, и так же дружно загалдели. А по поднявшейся суете Арчи догадался, что их вынужденное заключение подошло к концу.

Вообще-то сам Арчи полагал, что волки будут отсиживаться гораздо дольше. Зная вээровцев Сибири, России и Европы нетрудно было предположить, что настолько откровенный спектакль, как подрыв собственной базы, кого-нибудь обманет. Но все оказалось гораздо сложнее и неожиданнее, чем ожидал Арчи.

Волки сворачивали и паковали спальники, рассовывали по ранцам вещи и снаряжение. Арчи тоже пихнули под бок — весьма бесцеремонно. И впервые заговорили с ним.

— Эй, болезный! Собирай туловище в кучу! Да пошевеливайся! — Волк говорил добродушно, словно обращался не к пленнику, а к ребенку.

И метнул ему точно такой же комбинезон, какой Арчи натянул в лесу. Потом принес и ботинки. Тоже чужие, но вполне подошедшие по размеру.

Пока Арчи облачался, волк занялся спальником — тот, скатанный по всем правилам, казался совсем крохотным, как короткая трость. Видимо, материал спальника был тонким и пористым и имел свойство в развернутом состоянии впитывать и удерживать воздух.

Волки запихали спальник в продолговатый контейнер, который тут же уволокли к единственному выходу.

От Арчи ни на шаг не отходили двое дюжих плечистых волчищ с механическим оружием в руках.

— Ты не трепыхайся особо, — посоветовал один из них. — Тогда все будет тип-топ. И паралитика не вкусишь... А то мы можем.

— Не сомневаюсь, — буркнул Арчи.

У всех волков прослеживался один и тот же неясный акцент. За две недели Арчи к нему успел привыкнуть и даже стал неосознанно подражать этому акценту, переняв и произношение, и интонации.

— От и молодчик! — закруглился волчище и отвернулся к выходу. Второй остался стоять как стоял: боком, причем ствол его автомата был обращен, конечно же, к Арчи.

Каждое движение, каждая повадка любого волка выдавала прирожденного бойца, у которого все завязано на рефлексы, и рефлексы эти возможно выколотить только вместе с жизнью.

Часа два пришлось ждать; волки свернули все, кроме единственного стола с тем самым прибором-книжкой. Часть из них — числом десятка в три — вышла наружу и больше не возвращалась. Потом, минут через сорок, ушла вторая партия.

Арчи попал в четвертую партию. Троих непонятных людей увезли в предыдущей.

— Эй! Вислоухий! — позвали его.

Арчи поднял голову; последние полчаса он сидел, привалясь спиной к ороговевшей стене.

— Вставай давай! Руки за спину! Шагом арш! Вон, следом за ними...

И указал стволом автомата на очередную направляющуюся к выходу группу. Арчи послушно пристроился следом, сложив руки за спиной. Долгое ожидание и долгое бездействие успели его изрядно утомить.

По пути к герметичному шлюзу они преодолели шесть крутых, лабиринтоподобных поворотов. Такое впечатление, что тайник, в котором прятались волки, строили какие-нибудь средневековые маньяки-маскировщики.

Снаружи было темно; гул падающей воды навалился, едва Арчи свернул за очередной поворот и прошел сквозь тесный овальный шлюз.

«Да это же плотина!» — осенило Арчи.

Они стояли на нижнем, а возможно, и на втором снизу уступе, на вогнутой стороне, обращенной к устью Ангары. С верхнего уступа белесым упругим потоком лилась вода, поэтому разглядеть что-либо вокруг было невозможно. Широ-

ченный, во всю Ангару, водопад. И под ним, во влажном облаке водяной пыли — волки, и ход в потайной схрон, скрытый в теле плотины.

«Вот те на! — подумал Арчи, украдкой оглядываясь. — А я думал, плотины сплошные, монолитные... Как же!»

Но неужели о схроне никому больше неизвестно? Не может быть! Экологи, гидроинженеры, плотиноводы — эти должны о подобных сюрпризах знать.

— Давай-давай! Шевелись!

Арчи бесцеремонно пихнули в спину. Он провел по лицу — влага осаживалась на двухнедельной щетине крошечными капельками.

А потом он увидел, куда ему предстоит идти.

Чуть в стороне, прямо в потоке льющейся воды, виднелся узкий проход. А за ним — Ангара с высоты добрых тридцати метров. Луна на западе, и светлая дорожка на волнах; и темный полог тайги на берегах, и мерцание звезд на летнем небе...

Звезды мерцали очень сильно.

Волки шли прямо по воздуху, ни на что ногами не опираясь. То есть, вероятно, опираясь, конечно, но это что-то было невидимым... точнее, видимым, но лишь едва-едва. И упиралось оно в небольшое темное пятно, похожее на отдраенный люк самолета. Самого самолета, понятно, видно не было.

«Опять камуфляж», — понял Арчи.

Ступить на то, что все естество упрямо считало пустотой, было невероятно сложно, но Арчи сжал волю в комок и пересилил естественный страх высоты.

Опора была вполне твердой и надежной, и даже с невидимыми перильцами. Стараясь не слишком глядеть по сторонам, Арчи дошел до пятна-входа и едва преодолел слабо просматривающуюся перепонку, как сразу почувствовал себя увереннее.

Пустота осталась за перепонкой. А он и впрямь оказался в чем-то похожим на самолет или даже скорее на махолет, потому что корпус этого «чего-то» был не сигарообразным, не вытянутым, а пузато-округлым, как исполинская дыня.

Вдоль стен (или бортов?) тянулись ниши-кресла; почти все были заняты волками. В центре отсека грудой лежали ранцы, продолговатые контейнеры (вероятно, с припасами), оружие...

— Давай, давай, не спи, замерзнешь.

Арчи опять чувствительно пихнули, подталкивая к нескольким незанятым нишам, самым дальним.

Он послушно прошел и плюхнулся в крайнюю. Охрана приземлилась рядом.

— Пристегивайся!

Разобраться в системе ремней оказалось совсем несложно. «Щелк-щелк!» — сказали зажимы, и Арчи надежно зафиксировал себя в нише. Теперь этот самолет-махолет можно было вертеть и переворачивать как угодно — Арчи никуда не делся бы со своего места.

В отсек вбежал еще кто-то, повозился у люка и быстренько юркнул в последнюю свободную нишу.

— Готово, Тигра! Стартуй давай! — раздался голос одного из волков-главарей.

— Атас, смертнички! — сказал кто-то весело и небрежно. — Выдохнули! Старт!

Голос был женский.

Арчи выдохнуть успел. Мгновенно навалилась свинцовая тяжесть, сковав каждую мышцу, и он понял, что летательный аппарат волков стремительно набирает высоту.

«И что же теперь? — размышлял Арчи. — Засекут этот старт наши БЛСники или нет? Вряд ли: эта летающая штуковина, как и все остальное оборудование волков, чисто механическая. А задействовать новейшие разработки в области радиолокации сибиряки могут и не успеть. Хотя две недели прошло, если они не сидели сиднем все это время, а работали... могли бы и уложиться».

Думать было тяжко: казалось, перегрузка навалилась даже на мысли. Но мало-помалу она стала слабеть.

«Интересно, куда мы перенесемся? В какую точку Земли?»

Знай он скорость этого аппарата, можно было бы прикинуть расстояние от Чадобецкой плотины, которое успели бы пролететь за двадцать минут. Впрочем, может, и не за

двадцать минут: кто сказал, что у волков всего один такой аппарат?

И Арчи понял, что гадать бесполезно. Он просто слишком мало о волках знает. По-прежнему мало, даже две недели проведя у них в плену.

Летели действительно около двадцати минут. Потом снова повторилась некоторая изящная пляска и перегрузки, и мягкий, без всякой болтанки, финиш.

Волки дружно принялись отстегиваться; в одном из бортов вновь прорезался люк, в который хлынул свет, очень похожий на дневной.

Но только похожий.

— Давай шевелись, — поторопил нюфа один из стражей.

Волки уже начали разгружать свои пожитки, и Арчи пришлось мимо них протискиваться.

На выходе Арчи первым делом взглянул перед собой.

Ангар. Довольно здоровый, метров сорок до фронтальной стены; высота — метров семь. И в ширину метров не меньше пятидесяти. На сколько ангар простирался назад, за спину, пока невозможно было оценить: во-первых, обзор заслонял аппарат, на котором они прилетели, а во-вторых, охрана не очень-то позволяла осматриваться.

— Давай, давай, нечего глазеть! Вперед!

Его продолжали пихать и подталкивать; Арчи с огромным трудом удержался от соблазна перехватить ствол автомата и хорошенько шмякнуть не в меру ретивого волчару о квадратные плиты, которыми был вымощен пол ангара. Но сдержался все-таки. К чему лишний раз злить настоящих бойцов? Один раз он волка проучит, но тот явно запомнит и найдет способ отомстить.

Вели Арчи к аккуратной арочке-выходу. Раз он все же умудрился обернуться и взглянул на волчий летательный аппарат, лишенный камуфляжа. Аппарат имел стремительные обтекаемые формы, походил на слегка более выпуклое с верхней стороны чечевичное зерно и был чрезвычайно красив. Формой красив, потому что цвет он имел довольно мерзкий: грязно-серый, как дорога в дождливый осенний день.

За арочкой начинался узкий и короткий коридор, упирающийся в овальный, затянутый перепонкой люк. Перед

люком торчал охранник, полный двойник тех, что сопровождали Арчи: крутоплечий, рослый и мордастый. Когда троица приблизилась к люку, охранник сделал шажок в сторону, насколько позволяла близкая стена, и повелительно дернул головой. Арчи воспринял это как приказ входить.

И шагнул прямо в перепонку.

Вообще проход через перепонку напоминал визит в огромный мыльный пузырь. Края этой тонкой полупрозрачной пленки слегка промялись под напором Арчи, потом перепонка расслоилась, плотно прилегая к обводам его фигуры, а когда он вошел — снова сомкнулась за спиной.

Арчи подозревал, что перепонка реально герметична. И даже проникновение сквозь нее человека, волка или любого подходящего по размерам предмета не означает нарушения герметичности.

Волки-охранники остались у перепонки с внутренней стороны; Арчи застыл в нескольких шагах ближе к центру комнаты, куда его привели.

Комната была не очень большая и представляла собой почти правильную полусферу диаметром у пола-основания метров восемь и наибольшей высотой в центре метра три. Посреди комнаты располагался большой стол-пульт подковообразной формы. За пультом сидел волк, которого Арчи определил как главаря даже среди главарей. Купол, накрывающий комнату, был абсолютно прозрачен, и за ним виднелись тысячи и тысячи невообразимо ярких звезд. Их было куда больше, чем Арчи привык видеть на небе даже в ясные и безлунные крымские ночи, на порядок больше. Казалось, в это сплошное синеватое сияние лишь кое-где вкраплялись пятнышки угольной черноты.

Звезды не мерцали. Светили ровно и мощно, словно далекие-далекие прожекторы.

А потом на полу перед собой Арчи увидел отчетливую тень и вторую, побледнее.

Волк за пультом криво усмехнулся. А Арчи медленно-медленно стал оборачиваться.

И замер как вкопанный.

Позади него, как раз над входом-перепонкой, висел гигантский голубовато-зеленый шар. Он был отчетливо вы-

пуклым; белесые перистые спирали кое-где закрывали его лик, а в свободном от этой белесости участке Арчи вдруг угадал знакомые с детства очертания западного побережья Африки и желтое пятно Сахары, на которое наползала волна непроницаемой ночи.

Чуть в стороне от шара маячил гораздо более примелькавшийся взгляду кругляш Луны, тоже видимый заметно лучше, чем привык любой человек, но на него Арчи почти не обратил внимания.

Арчибальд Рене де Шертарини с некоторым смятением понял, что видит свою родную планету из космоса. С околоземной орбиты. Возможно, первым из землян... если не считать волков землянами.

Зрелище было настолько величественное и захватывающее, что Арчи не обратил внимания даже на насмешливые ухмылки охранников у перепонки. Невозможно было оторвать взор от этого живого и теплого в отличие от звезд и Луны чуда.

— Ты полюбуйся, полюбуйся, — вполне миролюбиво позволил волк-главарь. — По первому разу это действительно впечатляет. Но говорю тебе — рано или поздно это тоже приедается, особенно если вынужден каждый божий день таращиться на такой шарик по нескольку часов.

Арчи молча созерцал Землю еще минуты три. Потом все же оторвался и обратил взгляд к волку-главарю.

Не любоваться же его сюда привели? Волк наверняка затеял какой-то важный разговор.

— Возьми вон там стульчик, — велел главарь, показывая пальцем куда-то за оконечность пульта.

Арчи заглянул — и обнаружил тройку складных походных сидений. Взял одно, пристроил напротив волка и послушно уселся.

— Привет, Арсений. Я вижу, ты вполне оклемался после всех таежных злоключений.

— Да. Спасибо.

— Сильно тебя пожгло?

Арчи старался остаться бесстрастным.

— Изрядно, я думаю. Спасибо, что вытащили. Если честно, от вас я ожидал совсем не этого.

Главарь спокойно и как-то испытывающе глядел Арчи в глаза.

— Ну, — сказал он, — мы ведь не звери, как вы пытаетесь нас выставить. Мы умеем убивать, это да, но мы не стремимся убивать без веских на то причин.

Волк помолчал.

— Меня зовут Расмус и я здесь главный. В данный момент мы находимся в орбитальном модуле, но он очень мал и тесен. Поэтому нам все равно придется возвращаться туда, на Землю.

Арчи выслушал, тоже выдержал некоторую паузу и поинтересовался:

— А зачем вы мне это рассказываете? Мне, пленнику?

Волк ненадолго спрятал лицо в ладонях. Потом ответил, все так же не отнимая рук от лица:

— Арсений... Нам не нужна новая война. Нам нужно только одно: чтобы нас оставили в покое. Чем я рискую, рассказывая тебе правду? Да ничем. — Расмус порывисто убрал руки на стол и взглянул Арчи в глаза. Взгляд у волка был жесткий, но открытый. — Будешь артачиться, тебя просто убьют. Но я надеюсь, ты артачиться не будешь, а, напротив, внемлешь нашим предложениям. Я не собираюсь скрывать: нам нужен консультант, хорошо разбирающийся в земных делах. Зачем ловить нового, если у нас все равно есть ты? Кроме того, я хочу подчеркнуть, что сотрудничество с нами не есть измена твоей стране и твоим убеждениям. Наоборот, когда руководители земных государств поймут, чего мы добиваемся на самом деле, твои действия неизбежно будут одобрены. Так что у тебя, Арсений, у простого погранца-связиста, есть шанс стать чуть ли не национальным героем Сибири. Да что там Сибири — героем всей Земли!

— И чего же вы добиваетесь на самом деле? — с некоторым скепсисом в голосе спросил Арчи.

Волк снова помолчал, демонстрируя, будто бы собирается с мыслями.

— Я расскажу тебе все с самого начала, так будет проще. Наверное, ты уже не однажды задавался вопросом: а откуда, собственно, у этих волчар такая совершенная техника? Так вот,

Арсений, это не земная техника, хотя все мы рождены на Земле. Триста шестьдесят примерно лет назад Землю посетили существа из иных миров. Они увезли с собой четыре сотни землян, которых затем подготовили как солдат, способных сражаться за их интересы в межзвездной войне. Те, кого вы называете волками, это остатки захваченных тогда землян. Война закончилась, и мы хотим вернуться домой. Мы сыты по горло смертями и схватками, мы желаем просто осесть на Земле — все равно где — и мирно дожить свой век. Вырастить, наконец, детей. Но правительства ведущих государств видят в нас угрозу своему существованию из-за того, что мы отличаемся от теперешних землян. Вы провели у себя биокоррекцию в тысяча семьсот восемьдесят четвертом году и превратились в... прости уж, но я скажу как есть — в слюнтяев. В мягкотелые и излишне мирные существа. Что, впрочем, не помешало вам устроить форменную бойню в сибирской тайге. В покое нас не оставят, это точно, но умирать мы не намерены, да и калечить свой геном мы тоже не позволим. Если мы сумеем проделать все, что еще не успели, тихо и гладко, Земля ничего не заметит. Не будет новых смертей, не будет напрасных жертв. А мы обретем свой дом, только и всего. А не успели мы сделать самое главное: вывезти свои законные трофеи, добытые в галактической войне. Ценности и технологии. Они довольно громоздкие по объему, наши трофеи, поэтому мы не сумели захватить их с собой. Нам осталось построить мощный межпространственный портал с достаточно большой трансферной областью. На это нужно время, и, конечно, нам бы очень хотелось, чтобы над головой не свистели пули и эти ваши отравленные иголки. И чтобы нам не мешали. Когда Земля поймет, что вреда от нас все равно нет и не будет, все само собой уладится. Может быть, нам позволят основать нечто вроде резервации или просто признают нас как отдельное государство, все возможно. Остров отдадут, наконец. Есть ведь масса приемлемых для вас и для нас вариантов. Так нет же, вы вместо того чтобы договориться, кинулись окружать наш маяк и нашу базу...

— Правительство Сибири готово было с вами договориться, — сухо сказал Арчи. — Но где было вас искать? И что вы устроили в Алзамае? Полигон для головорезов?

— В Алзамае, Арчи, действовали в основном агенты различных земных спецслужб. Особо ретивых нам даже пришлось устранить, а то они такое в этом городишке наворотили бы... В общем... Не срослось, увы и ах. Но теперь-то... Кстати, твои услуги, я еще не говорил, будут довольно щедро оплачены. Поможешь нам — до конца жизни нуждаться ни в чем не будешь. Поселишься где захочешь и с кем захочешь, можешь даже с нами, никто не против. В общем, мое предложение ты обдумай... Но, к сожалению, много времени я тебе дать не могу. Пяти минут хватит?

— А где гарантия, что вы меня потом просто не пристрелите? — угрюмо поинтересовался Арчи.

— Никаких гарантий, кроме моего слова, ты не получишь. И, кстати, не забывай: ты у нас немножечко в долгу. Если бы тебя не вытащили из того котла, ты бы уже витал где-нибудь в атмосфере в виде частичек пепла... Тебе ли бояться смерти, по сути уже мертвому? Думай, Арсений. Думай. Говоришь «да» — месяц-другой работы, и ты свободен, богат и счастлив. Говоришь «нет»... За бортом вакуум, а он не знает ни жалости, ни сомнений.

— Да! — сказал Арчи по-прежнему мрачно и раздраженно. — Да! Умирать мне не хочется. И я не идиот, мне очень хочется стать счастливым и богатым. И еще я понимаю, что выбора у меня особенно и нет. Если в любом случае смерть, так хоть не прямо сейчас. Глядишь — и вправду в живых оставите.

— Умничка! — Расмус расплылся в улыбке. — Ты решительный малый! С этой минуты можешь считать себя моим официальным консультантом. Твоя задача — находиться неподалеку и по возможности четко и быстро отвечать на возникающие вопросы. Здесь, на орбите, мы пробудем недолго, пару часов всего.

Арчи угрюмо внимал. Похоже, волки действительно считали его простым пограничником. Или игра куда тоньше и изощреннее, чем кажется на первый взгляд? Но в любом случае, согласившись на предложение, Арчи выиграл время и снова отсрочил возможную гибель.

— И вот еще что. Понятно, что твое согласие еще не означает полного тебе доверия. Поэтому рядом с тобой все

время будет находиться мой человек. Можешь выбрать любого. — Расмус криво улыбнулся и указал на охранников рядом с перепонкой, которые выглядели равнодушно и оставались неподвижными в течение всего разговора.

— Выбрать? — переспросил Арчи. — А если я выберу ту девушку, что за мной ухаживала?

— Ядвигу? — удивился волк. — Да ради бога! Можешь даже с ней спать, если она тебе башку раньше не отвертит.

— Тогда я ее и выберу, — заявил Арчи.

Волк в самом деле не возражал.

— Как знаешь. Только потом не жалуйся. Дрон! Отведите его в санмодуль, пусть вымоется и все такое. И пришли ко мне Ядвигу.

— Есть, — коротко отозвался Дрон. И повелительно взглянул на Арчи.

Перед тем как уйти, Арчи аккуратно сложил стульчик и вернул его на место.

Терминатор проходил уже по центру Сахары, рассекая Халифат на освещенную и затененную части.

«Эх, — подумал Арчи озабоченно. — Не поскользнуться бы...»

Разумеется, в глобальном смысле.

— Итак, коллеги. С чего начнем? — чуть нараспев спросил Расмус.

Варга и Сулим переглянулись, причем ни тот ни другой не поворачивали при этом голов. Только глаза скосили. Профессионал-волк не мог это не отметить: запрокинул голову и рассмеялся. Потом вздохнул и изрек короткое: «Простите...»

— Как я понимаю, нам не придется добираться к моей базе через пол-Сибири и всю Среднюю Азию?

— Нет. Мы будем сажать модуль-челнок в непосредственной близости от места назначения. Кстати, нам понадобится карта. Точнее, пометки на готовой карте — снимки с орбиты уже сделаны, мы даже сумели определить на них ваше месторасположение. Но не будем же мы садиться прямо на территорию?

— Это было бы нежелательно, — кивнул Варга. — Да и я не планировал разместить ваших людей... впрочем, именно

так, людей, на территории «Чирс». Вам и вашим помощникам, разумеется, будет предоставлено комфортабельное жилье. Но вот рядовому и сержантскому составу... У нас просто нет столько места. Как насчет палаточного городка?

— Прямо у базы?

— В некотором отдалении. В пределах десяти километров.

— Годится. Только у нас не хватит готового снаряжения, — предупредил Расмус.

Варга хлопнул в ладоши:

— Это не проблема, коллега Расмус. Все необходимое — от палаток до прикрытия — я организую в течение суток. Только мне нужно будет нанести несколько визитов в столице.

— То есть, — уточнил Расмус, — вас с коллегой Сулимом нужно выслать вперед? Так?

— Это был бы наилучший выход. Думаю, что вы могли бы к нам присоединиться. Если же вас, коллега, держат какие-нибудь неотложные дела, можете послать любого из ваших помощников. — Сулим указал на Венома и Лоренцо. Эти двое помалкивали в сторонке, на диване с вычурной фигурной спинкой, увенчанной чем-то вроде оленьих рогов или развесистой вешалки для одежды.

По глазам Расмуса было видно, что за несколько секунд он успел обдумать несколько вариантов; взгляд его на миг расфокусировался, перепрыгнул с лица Варги на столешницу, потом уперся в голую стену, после чего снова сфокусировался на лице хозяина «Чирс».

— Думаю, что все вопросы с правительством Туркмении вы успешно решите и без меня. А вот на базу и будущее место лагеря мы с моими помощниками с удовольствием взглянем.

— Нет проблем! — легко согласился Варга. — Готов показать вам все интересующее хоть прямо сейчас. Когда вы планируете начать высадку?

— Как только получу добро от вас! — Расмус расплылся в улыбке. — И, разумеется, как только решу, что место для палаточного городка нас устраивает.

— Хорошо, — нимало не смутился Варга. — Когда вы намерены доставить вниз меня и осмотреть место для городка сами?

— Через час примерно. У вас, как я понял, возражений нет.

— Вы правильно поняли, коллега.

Расмус снова улыбнулся:

— Ну что же! В таком случае за вами зайдут, когда модуль будет готов к старту. С удовлетворением отмечаю, что наше с вами сотрудничество начинается в атмосфере полного согласия и взаимопонимания. Это обнадеживает.

— Со своей стороны надеюсь, что ситуация и в дальнейшем не изменится. По крайней мере не ухудшится.

— Взаимно, господин Варга! Взаимно.

Расмус встал из-за стола, и тут же, как по команде, вскочили его замы.

Когда волки ушли, Варга и Сулим, тоже поднявшиеся на ноги, синхронно и с одинаковым облегчением опустились обратно, в узкие креслица.

— Фу-у-у! — протянул Варга. — Как-то отвык я от подобных переговоров!

Сулим состроил легкую ироническую гримасу:

— Однако, шеф! Экие у вас светские манеры вдруг прорезались! «Коллега!» И все такое прочее...

— Поиздевайся, поиздевайся! — проворчал Варга. — У тебя на моем месте тоже многое прорезалось бы. Но спина взмокла бы точно так же.

— А она у меня и так взмокла, — признался Сулим. — Стальной мужик этот... Расмус.

Чувствовалось, что Сулиму очень хотелось сказать «волк», но по быстрому взгляду в ближайший угол, намекающий на возможные скрытые камеры или микрофоны, Варга понял, что его правая рука и верный советчик Сулим Ханмуратов решил без нужды не приближаться к краю обрыва.

Конечно, назови Сулим Расмуса волком или даже волчарой, вряд ли это на данном этапе что-либо изменило бы. Но сотрудники «Чирс» всегда внимательно относились к любой мелочи.

Потому что к этому их вынуждал сам Саймон Варга. Невнимательные быстро исчезали из проекта, и, как правило,

никто о них больше не слышал и никто их не встречал. Никогда.

В глобальном смысле...

Странно, но Сулим уже начал привыкать к путешествию на машинах волков. Еще совсем недавно его занимал вид кабины, шершавый пластик и металл вместо привычной роговицы, теперь же рассматривать все это как-то не приходило в голову. Он устроился в нише, пристегнулся и прикрыл глаза, погружаясь в блаженную дрему.

Сулима удивил тот факт, что вместе с ним, Варгой, Расмусом и десятком волков-солдат на поверхность отправлялся и ньюфаундленд, который был почти со стопроцентной вероятностью Арчибальдом Рене де Шертарини. Причем вел он себя отнюдь не как пленник. Правда, от опытного глаза Сулима не укрылось и то, что двое-трое волков все время по пути к спускаемому модулю находились рядом с нюфом, да и теперь рядом с ним сидит волчица по имени Ядвига, о которой упоминал в последнем донесении Гном. Если она Гнома скрутила в две секунды, то что об этом рыхлом водолазе говорить?.. Впрочем, внешность обманчива. Нюфы как морфема обыкновенно сильны, хоть и неповоротливы. Чему-то же его учили в спецшколе?

Кстати, волчица и сама отдаленно напоминала нюфку, только была гораздо стройнее и изящнее.

Вообще среди волков преобладала неопределенная овчароподобная морфема без ярко выраженных линейных черт. И среди мужчин, и среди женщин, которых в группе было около трети. По наблюдениям Сулима, женщины почти всегда играли роль спецов при какой-нибудь аппаратуре, мужчины же были большей частью солдатами-боевиками. Чуть ли не единственное исключение из этого правила — Ядвига, и касательно морфемы, и касательно специализации. Она явно состояла в элитной группе боевиков, в волчьем спецназе.

Вся десятка, сопровождавшая Расмуса к «Чирс», состояла именно из волков этой группы.

Поведение нюфа не то чтобы смутило Сулима — в полости плотины наблюдения почти ничего не дали. Нюф пер-

вое время отлеживался, а потом просто либо спал, либо валялся на выделенном спальнике с совершенно безучастным видом. С ним почти не разговаривали, исключая момент, когда нюф пришел в сознание. Если он не пленник, то кто? Волк? Но нет, чувствуется, что в этой компании он — чужак. Возможно, он был завербован некоторое время назад? Или — такое ведь тоже не исключено — завербован буквально только что? Но какую он способен принести пользу волкам? По пунктам: во-первых, он легко может внедриться в разведывательные структуры России и тем самым получить представление о планах стран-союзниц в операции против волков. Во-вторых, он может стать просто экспертом, экспертом-аналитиком, последовательно разгадывающим ходы все тех же стран-союзниц. На месте волков, на месте Расмуса Сулим непременно предпринял бы попытку завербовать или перевербовать — неизвестно какое слово точнее — Арчибальда Рене де Шертарини. Что, судя по всему, и произошло. Именно отсюда это отношение волков: уже не пленник, но еще и не свой. Правда, оставался крошечный шанс, что нюф никакой не де Шертарини, а просто сибирский пограничник. Но и в этом случае как консультант он мог принести определенную пользу, и опять же перетягивание его на свою сторону выглядело вполне оправданным шагом.

Сулим, прикрыв глаза, перебирал варианты, вертел проблему и так, и эдак и соображал, в какой форме изложить свои выводы шефу.

Модуль тем временем приготовили к старту. Сулим почувствовал едва ощутимую вибрацию, а чуть ранее в кабине почти незаметно мигнуло освещение.

— Тигра! Стартуй! — скомандовал волк, задраивший люк. А возможно, просто проверявший герметичность перепонки.

— Атас, смертнички! — Пилот-женщина говорила весело и даже слегка развязно. — Выдохнули!

К легким перегрузкам Сулим тоже успел приспособиться. Главное, удобно сесть, расслабиться и не шевелиться.

Модуль дрогнул, маневрируя. Потом перегрузки исчезли.

Сулим знал, что лететь им около часа. Чуть больше. Время для старта, разумеется, выбрали такое, когда волчий спут-

ник висел над достаточно близким к Туркмении местом. Иначе пришлось бы облетать земной шар, а это даже при скоростях неземной техники занимает много времени.

Жаль, что в спускаемом модуле иллюминаторы отсутствовали как класс. На полет в околоземном пространстве Сулим с удовольствием полюбовался бы, потому что прекрасно понимал: вряд ли ему в ближайшем будущем предоставится подобная возможность.

«И все же, — подумал он с неясным чувством сродни сожалению или досаде, — я побывал в космосе. Кто еще из землян может этим похвалиться? Я, Варга, Родион да этот угрюмый перевербованный нюф».

О волках, которые побывали и вовсе не за самым порогом собственной родины, а в невообразимо далеких звездных системах, Сулим уже не думал как о землянах. Впрочем, почему «уже»? Он никогда о них так не думал.

Это волки. Другой вид... хоть и различий между ними и людьми очень и очень мало. Дело даже не в геноме. Волки иначе мыслят. Новый вид — это в первую очередь иное мышление. Неужели, побывав среди звезд, волки не научились мыслить иначе? Не может такого быть.

Сулим пытался смоделировать мышление, к примеру, Расмуса или его помощников. С одной стороны, они рассуждают и поступают очень логично и здраво. С другой стороны, в редких беседах иногда принимаются хохотать в самый неожиданный момент или внезапно делают из ничего не значащего слова просто убойный и непредсказуемый вывод. Это, конечно, может оказаться всего лишь следствием гораздо более высокого уровня знаний или данью прежнему окружению волков, данью их космической жизни. Но ведь ранее и у Сулима окружение по отношению к волкам было чужое, однако Сулим не мог избавиться от впечатления, будто волки видят его насквозь, будто им ведом каждый его шаг и каждый мотив всякого поступка. Попытка Варги скрыть их с Сулимом информированность относительно агента России представлялась Сулиму рискованной и авантюрной.

Но ведь жизнь шефа разведотдела такой организации, как «Чирс», не может обойтись без риска, верно? Риск дав-

но стал профессией Сулима. Поэтому даже осознавая возможные последствия, Сулим оставался спокойным и уравновешенным. Даже находясь в космосе — там, куда люди самостоятельно выйти пока еще не успели.

Большая часть перелета ничем не отличалась от путешествия в обычном земном лайнере любой из авиакомпаний. Только в кабине модуля было темнее, чем в салоне лайнера, и сидеть приходилось спиной к бортам. Ну и, конечно, никаких стюардесс.

Сулим украдкой наблюдал за нюфом, но тот, поболтав некоторое время с соседкой, вскоре задремал.

Ненадолго окунулся в чуткое беспамятство и Сулим; он очнулся, когда модуль принялся плясать в воздушных потоках, будто бумажный кораблик на легкой волне. Впрочем, это напоминало скорее не авиаболтанку, столь обычную для малых летательных селектоидов, а упругую вибрацию на длинной и тугой нити, проходящей сквозь модуль.

Болтанка прекратилась столь же внезапно, как и началась. Сулим ощутил еще несколько поворотов, снижений и ускорений по горизонтали, потом мягкий сброс скорости, быстрое, с холодком в груди, снижение и ювелирное касание грунта.

Финиш.

— Финиш! — объявила пилот все так же весело. Похоже, ей нравилось управлять этой верткой и послушной штуковиной.

Сулим вдруг подумал, что управление мертвыми механическими аппаратами целиком, от первой до последней секунды, лежит на пилоте. Это ведь не созданный для полета селектоид, который не умеет ничего, только взлетать, лететь и садиться, но уж это умеет так, как никто, кроме разве что птиц. Пилот может задремать, отвлечься, заболеть в конце концов. Пилот только помогает селектоиду. А тут — все не так. Стоит пилоту на миг расслабиться, и привет.

От этой неожиданной, но вполне очевидной мысли Сулим вздрогнул и поежился, что случалось с ним очень и очень нечасто.

Люк отдраили.

— На выход! — скомандовал кто-то из волков; не Расмус и не его помощники. Кто-то из солдат. Видимо, охрана уже начала работать.

Сулим отстегнулся и встал на слегка затекшие ноги. В люк лился ослепительный после полумрака кабины дневной свет, а когда Сулим вышел наружу, сразу же дохнуло привычным туркменским жаром, сухим и упругим, как поток воздуха из-за приоткрытой печной заслонки.

Темные очки Сулим заранее положил в нагрудный карман легкой белой рубашки. Сейчас самое время нацепить их. Одновременно Сулим подумал: каково волкам в их плотных комбинезонах на этой больше чем сорокаградусной жаре? Впрочем, это совсем не его дело.

Вот и нюф вышел и сразу же приоткрыл рот, разве что язык не свесил. Привыкай, кто бы ты ни был, простой сибиряк или россиянин с длиннолинейной аристократической фамилией де Шертарини...

Модуль сел прямо у подножия гряды, в месте, где пологое земляное взлобье проламывали вылущенные жарой и временем каменные глыбы. В самом начале ущелья, куда Сулим неоднократно наведывался, если возникало необъяснимое желание побродить. Гряду на «Чирс» почему-то называли сопками, и Сулим привычно думал о ней как о сопках, хотя и знал, что это неправильно. Вторая гряда, гораздо выше первой и расположенная южнее, была уже не туркменской, а туранской. Она казалась совсем близкой, но Сулим не обольщался: гряды разделяла долина добрых тридцати, а местами и пятидесяти километров в ширину. Именно по этой долине и проходила туркмено-туранская граница.

Саймон Варга, тоже надевший солнцезащитные очки и сразу ставший похожим на богатого плантатора откуда-нибудь с Гаити, вытащил мобильник. Впервые за много дней.

Арчи уже приходилось бывать в жарких странах. Но туркменские температуры оказались сюрпризом даже для него. Здесь было горячим все, вплоть до ветра. Изнуряюще горячим. В Крыму, на побережье, можно было плюхнуться в воду или хотя бы выйти на бережок, в освежающие объятия про-

хладного бриза. Здесь же прятаться было некуда — жара доставала повсюду.

Переговорив по мобильнику, Варга сообщил Расмусу:

— Сейчас за нами приедут.

Арчи поглядел на север. Туда, где чуть ниже по пологому склону лежала опутанная периметром база.

«Чирс». База называлась «Чирс» — Арчи успел это подслушать. Логово Саймона Варги и его хмыря-безопасника по имени Сулим Ханмуратов. Вероятно, частная лаборатория. Вероятно, биоинженерная. Арчи не пришлось особо долго размышлять, чтобы понять устремления Варги и других главарей «Чирс», если существовали главари помимо Варги.

Пресловутый волчий ген. Все просто, настолько просто, что впору удивляться: почему никто ничего не заподозрил при таком обилии косвенных признаков? При таких щедрых россыпях, казалось бы, очевидных фактов?

Охота за генетическим материалом европейских самоубийц. Живейшее участие в алзамайской кровавой чехарде. Выход на волков и сделка с ними. Ловкий ход с прятками в плотине.

Арчи в общих чертах догадался о ближайших ходах Варги и волков. И о конечной их цели — создании идеальных убийц. Но вот какой была их следующая цель, когда и если на «Чирс» сумеют восстановить пресловутый ген хищника? Просто иметь в распоряжении готовых на все людей-волков? Или выше? Что затеял этот непроницаемый человек с льдистыми глазами? Банальный замах на мировое господство?

Зачем ему оно? В мире правят вовсе не те, кого показывают по телевизору и чьи портреты украшают приемные государственных мужей. Правят незаметные вроде Варги люди. Те, в чьих руках сконцентрированы нити растянутой на весь мир паутины. Те, кто за эти нити дергает и тем самым изменяет мир. Или не изменяет. Именно их закадровая воля распоряжается судьбами миллионов.

Арчибальд Рене де Шертарини, агент внешней разведки Российской Федерации и официальный агент альянса евразийских стран, отчетливо осознал: вот она истинная задача его миссии. Даже не волки, нет.

Невысокий человек с льдистыми глазами, пребывавший в безвестности, но первый, кто сумел найти общий язык с главарем волков.

Арчи, он же Шериф, обязан узнать об этом человеке все. Узнать и найти способ переправить эту информацию во внешний мир. Может быть, тогда планы Саймона Варги окажутся сорванными.

А в том, что планы эти угрожающи и опасны, у Арчи не возникло ни малейших сомнений.

С территории базы жучками выползло несколько открытых, без верха, джипов. Вздымая пыльные шлейфы, они припустили под гору, постепенно увеличиваясь в размерах.

— Наши селектоиды, конечно, не так совершенны, как ваша техника, уважаемый Расмус. Но, надеюсь, вы не будете в претензии.

Голос Варги звучал ровно и подчеркнуто корректно.

Волк только слабо кивнул в ответ.

Чтобы приблизиться к ущелью, джипам понадобится всего несколько минут. Хорошие на «Чирс» были джипы. Мощные и сытые, судя по здоровому цвету внешней роговицы и лоснящимся сочленениям. Джипам явно приходилось много гонять по окрестной пустыне и по предгорьям, и если они сохраняли такой цветущий вид, значит, их отменно кормили. Да и вообще всячески пеклись о них и окружали неустанной заботой.

Арчи уселся на заднее сиденье между Ядвигой и волкомбоевиком по имени (а скорее — по прозвищу) Архипа. Вперед сел Расмус; водитель тронул пестики, и джип помчался под уклон к далеким воротам базы. Пыльный шлейф от идущего впереди селектоида медленно сносило ветром на запад, поэтому джипы построились не гуськом, а со смещением: каждый последующий забирал все дальше к востоку от предыдущего, так что пятый джип даже вынужден был слегка «промазать» и упереться в колючее ограждение базы, а потом проехать вдоль него на запад добрых сто метров.

Мазнув взглядом по ажурной пирамидальной вышке, по торчащей вбок рыжей трубе и по струйке воды, что текла из трубы в овальный, утопленный в грунт резервуар, Арчи перенес внимание на ворота базы.

При караулке прибывших встречало целое войско — все как на подбор смуглые, лобастые, практически без ушей. Среднеазиатские овчары. С пулевыми короткоствольными автоматами системы Демченко. В городской тропической форме — легкая рубашка выгоревше-рыжего цвета, шорты, панамы и сандалии. Войско приветствовало шефа коротким первобытным взлаиванием.

Варга просто вскинул руку, и вслед за этим вереница селектоидов-пустынников стала стремительно втягиваться в приподнятые ворота.

У ближайшего корпуса, похожего на перевернутую пиалу, джипы замерли. Хозяева и гости ступили на перегретый и оттого податливый асфальт. Казалось, на нем должны оставаться следы, как в свежезалитом и еще незастывшем бетоне. Ан нет, асфальт плыл под ногами, но и оплывал после того, как человек убирал ногу. Снова становился ровным, разглаживал округлую вмятину, оставленную человеческой обувью.

Закон зноя...

Слугу своего, по-прежнему не расстающегося с хозяйским чемоданом, Варга сразу же куда-то отослал. Тот охотно и с большой радостью отловил местного солдатика, навьючил поклажу на него и направился к виднеющемуся невдалеке трехэтажному домику, увитому виноградной лозой по самую корону. Только пятнышки окон да балконы выступали из-под сплошного зеленого покрывала.

Напротив полусферического корпуса помещался прямоугольный пруд, явно рукотворный. Чуть дальше тянулись к выцветшему от жары небу узловатыми ветвями многочисленные кусты антенн зенитного излучения вперемешку с желто-высохшей местной колючкой, в которой легко мог укрыться даже самый долговязый дог или мастиф. Даже не пригибаясь. Слева от пруда изнывала под солнцем туевая роща — Арчи никогда прежде не видел таких громадных туй. В Крыму это просто пушистые, часто стриженные под шарик или кубик деревца. А здесь — ни дать ни взять сибирские сосны. Голый ствол, уходящий высоко вверх, и только под самым небом скудная крона, тесно переплетенная с

соседскими. Между прудом и рощей — небольшой, мощенный квадратными бетонными плитами плац.

Больше Арчи рассмотреть ничего не успел — прибывшие вошли в здание, и Арчи пришлось следовать за всеми. В небольшой конференц-зал, как и здание — округлых форм.

— Господа! — обратился к волкам Саймон Варга, едва гости расселись в первом ряду. — Времени у нас не так много. Поэтому я тотчас же займусь переговорами в Ашгабате; вас же перепоручаю своему помощнику. Позвольте представить, Нилаш Спойде, мой зам по хозяйственным вопросам.

Лохматый пули поднялся со своего места, вышел к подиуму и, встав рядом с Варгой, сдержанно поклонился. Варга положил руку ему на плечо.

— Уверяю вас, — продолжал Варга, — это человек недюжинных талантов, и я считаю его одним из самых ценных своих работников. Касательно городка на Хендываре, он решит все проблемы — с палатками, с оборудованием, со снабжением и так далее. Коллега Расмус, все вопросы адресуйте ему. Я же, с вашего позволения, откланиваюсь.

— Когда вы планируете вернуться из Ашгабата? — спросил волк-главарь.

— К вечеру.

— Вернетесь — известите меня.

— Разумеется, коллега. Разумеется.

От Расмуса не укрылся тот факт, что в стенах родной организации Саймон Варга стал чувствовать себя гораздо увереннее. И вести себя немного иначе. Он явно стремился выйти из подчиненного положения. Хотя, возможно, причина крылась и в другом: Варга пытался в глазах своих людей выглядеть партнером. Полноправным партнером, а не тем, кому диктуют условия.

Расмус решил не возражать. В конце концов от Варги сейчас многое зависело — от его расторопности, от его связей в этой чересчур жаркой и сухой стране, от его отношений с правительством, от компетентности его людей. А приструнить Варгу вместе с его когортой всегда успеется.

Расмус жестом дал понять, что вопросов больше не имеет, и Варга, также отвесив легкий поклон, удалился. С волками остались двое: Сулим Ханмуратов и Нилаш Спойде.

Венгр обратился к гостям «Чирс»:

— Господа! С чего бы вы предпочли начать — с осмотра места под городок или с размещения на «Чирс»? Поселить на базе всех мы, естественно, не сумеем, база просто не рассчитана на такое количество дополнительного народу. Но человек десять—двадцать мы вполне в состоянии принять.

— Сначала — место под городок, — ни секунды не колеблясь, сказал Расмус. — А потом уж все остальное.

— Тогда прошу за мной. Поедем на тех же джипах.

Арчи поднялся вместе со всеми, но почти сразу натолкнулся на осязаемо-жесткий взгляд Расмуса.

— Останешься здесь.

Арчи сдержанно кивнул — здесь так здесь. В конце концов городок рядовых волков его не очень и интересовал.

Спустя пять минут джипы выползли за ворота и по извилистой асфальтовой дороге укатили прочь, а еще через некоторое время откуда-то из-за ближнего корпуса стремительно вырвался длинный иссиня-черный лимузин с трепещущими флажками на капоте. Варга отправился на аудиенцию к местным правителям, которых, судя по всему, давно подкармливал. Арчи, стоя на краю плаца, проводил взглядом сначала джипы, потом лимузин.

Ядвига, конечно же, осталась рядом с Арчи. И Архипа остался, волк-спецназовец. Сейчас Архипа сидел, развалясь, в курилке, что была обустроена в туевой роще, и лениво грыз пластиковую зубочистку. Чувствовалось, что ему невероятно в кайф вот так вот сидеть в теньке, вдыхать аромат хвои и слушать, как горячий ветер упруго колышет кроны.

«Как же они жили там, среди звезд? — подумал Арчи отстраненно. — И как, должно быть, соскучились по Земле...»

Арчи надеялся, что никогда так не соскучится.

Никогда.

Гном пробирался в Туркмению долгими окольными путями, через Японокитай, Индию и Туран. Из Алзамая ему посчастливилось улизнуть еще до снятия пограничного кордона — Гном проделал это виртуозно и незаметно. Выехал в багажнике личного экипажа майора-пограничника и оказался в Тай-

шете. Оттуда на товарняке доехал аж до Читы, хотя пришлось даже слегка поголодать. Но это были мелочи.

В Чите поднял старые каналы; как результат — глубокой безлунной ночью перешел японокитайскую границу вместе с китайцами-контрабандистами и уже через день был в Хайларе, а еще через день надел личину официального представителя «Балхаш анталы», что вкупе с деньгами на резервном счету помогло совершить два абсолютно легальных воздушных перелета первым классом: Харбин—Бомбей и Бомбей—Герат. Ну а через туркменскую границу — снова с контрабандистами, на этот раз вместе с афганскими мелкооптовыми пушерами-таджиками. Выйдя в более или менее людные места уже в Туркмении, Гном на попутках добрался до Маров, а затем и до Ашгабата. В Ашгабате, истратив последние деньги, купил на базаре древний, выращенный еще в начале века велосипед, и кое-как преодолел оставшиеся два десятка километров до «Чирс».

Охрана его опять не опознала, но кодовое слово, слава богу, сработало. «Посидишь в изоляторе пока, — предупредил охранник, вызывая конвой. — Уж извини. Если ты наш, порядки должен знать».

«Посижу, — со вздохом согласился Гном. — Только пусть пожрать принесут. Замаялся я по горам со всяким ворьем шататься».

«Пожрать принесут», — заверил охранник.

Когда Гнома вели в изолятор, из курилки в рощице на него взглянули трое.

Крепкий овчароподобный парень, нюф и девушка-ретривер.

Та самая волчица, что навещала Гнома в его Алзамайской лежке.

Кажется, она Гнома тоже узнала, потому что долго провожала пристальным изучающим взглядом.

«Дела-а, — подумал Гном. — Нюф какой-то... Неужели тоже волк? Не верится что-то...»

Пожрать действительно принесли. Даже бутылку теплого пива к обеду присовокупили.

Он просидел в изоляторе около четырех часов, а потом дверь с сухим хрустом отворилась, шелестя уплотнителями

по роговице пола, и в проеме возник шеф, Саймон Варга, в строгом деловом костюме, несмотря на вечернюю жару.

— Гном! — осклабился он. — Ты, как всегда, вовремя! Сегодня ночью для тебя найдется уйма работы!

— Здравствуйте, шеф. Я готов. Вы ведь знаете, я всегда готов...

— Знаю, — заверил Варга. И повернулся к охранникам: — Сопроводить в мое крыло!

Гном сразу понял, что шеф затеял очередную силовую операцию. Причем состоится она ближайшей же ночью.

«Ну что же, — подумал Гном философски. — Раньше начнем, моложе освободимся...»

В холодильнике шефских апартаментов пиво было, конечно же, чуть ли не ледяным.

Вечером, когда настырная жара немного спала, Арчи сделал то, что давно намеревался сделать: предложил волкам искупаться в пруду. И дело было не только в том, что нюфы не могут без воды.

Еще днем, прогуливаясь по территории, Арчи прикинул: а какая здесь система водоснабжения? Когда только подъезжали к воротам «Чирс» после высадки, он безошибочно определил в ажурной вышке рядом с пыльной накатанной дорогой надстройку артезианской скважины. Прохладная водяная пыль оседала на лицо, а прохладной в этих широтах может быть только глубинная вода. С высоты нескольких метров скромный водопадик низвергался в бетонный бассейн. Но не растекался окрест мутным мелким ручейком, вовсе нет. Значит, из бассейна вода отводилась. Ниже по склону как раз располагалась база — значит, вода течет именно туда. Не вверх же ей течь, в самом деле? Пруд и небольшой пожарный водоем за ближайшим к воротам корпусом укрепили подозрения Арчи: к водоему, безусловно, вела мономорфная труба местной, пустынной разновидности. Такая же труба отходила от водоема и скрывалась под слоем явно привозного чернозема. Вероятно, труба огибала туевую рощу, после чего разветвлялась: один рукав уводил дальше, на антенное поле, второй отклонялся к пруду. Обойдя пруд по периметру, Арчи убедился, что оттока воды

нигде нет. Напрашивался единственно возможный вывод: где-то под поверхностью прячется следующая отводная труба. И если она уводит за территорию базы — есть шанс подать о себе весточку. Шанс как всегда мизерный, но, в общем, не нулевой. Еще в конференц-зале Арчи умудрился стянуть ручку-самописку, а в столовой — флакончик из-под соуса и пару салфеток. В уме он почти весь день составлял текст записки; улучив время, отмыл флакончик и высушил под струей воздуха в туалете. Это было единственное место, куда Арчи не сопровождала Ядвига — все остальное время она находилась рядом.

Наносить текст на салфетку Арчи не спешил: его могли в любое время обыскать. Да и нужно было сначала убедиться, что отводная труба не забрана, например, решеткой или каким-нибудь органическим ситом. Вполне возможно, Арчи видел, чем обнесена база. Знал он эти штучки. Мономорфный колючий кустарник, причем колючки ядовиты. А органический яд — это вам не химия. Чирикнуть не успеешь, если оцарапаешься. Кроме того, Арчи увидел систему тоненьких проволочек, тихо-тихо и очень однозначно гудящих. Ток, высокое напряжение, слепому ясно. Озоном вблизи пахнет... Впрочем, обычный человек вряд ли унюхал бы запах озона. Но Арчи был разведчиком и обоняние имел соответствующее. Разбуженное.

Ядвига идею искупаться горячо поддержала. Архипа, напротив, отнесся вполне равнодушно, но в воду все же плюхнулся и только потом позволил окунуться Арчи. Когда оделся и завладел кобурой.

Не доверял.

И правильно — Арчи на его месте тоже не доверял бы. Именно поэтому сегодня Арчи решил только исследовать пруд, а действовать позже. Не во второй и даже не в третий раз. Судя по вытоптанному пляжику, купание для персонала «Чирс» было делом привычным, только время для этого местные избрали странное — послеобеденное, самый зной.

Возможно, в этом и присутствовал некий неочевидный смысл, но Арчи и в Крыму купался только вечером. Ну иногда еще рано утром, пока жара не раскачалась. Впрочем, здешняя жара — дело совсем иное. Это, по мнению Арчи, днем

надлежит сидеть в помещениях под слегка одурелыми, сочащимися лимфой кондиционерами. А местные могли и привыкнуть. Что им полдень?

Арчи не обманулся в ожиданиях. Затеял с Ядвигой нырянние на дальность и уже на пятой минуте обнаружил отточную трубу в дальнем углу прямоугольного пруда. Труба действительно была забрана сеткой, но крупноячеистой, и флакончик пропихнуть скорее всего удалось бы без особого труда.

«Отлично, — подумал Арчи удовлетворенно. — Рискну. Дня через три-четыре, когда пообтрусь, а волки привыкнут к нюфу-паиньке».

Потом он долго лежал на горячем, горячее вечернего воздуха, бережку и жмурился на закат. Солнце валилось за гряду далеко на западе, и косые багровые лучи простреливали базу насквозь; за полусферическими куполами строений сгущались чернильные тени. Как оглашенные стрекотали цикады, а где-то в горах отчетливо хныкал шакал. Далекий дикий родич любого из людей. Он и хныкал совсем как ребенок — жалобно, с подвыванием.

Вода освежила Арчи, придала ему уверенности и спокойствия.

«Все мы из воды вышли, — философски подумал Арчи. — Не оттого ли нас туда так тянет?»

Джипы вернулись еще перед ужином; хозяйский лимузин — когда Арчи окончательно обсох и принялся одеваться.

Вовремя Арчи это затеял: волк-гонец явился за ними в момент зашнуровывания второго ботинка.

Разговор (впрочем, если выражаться точнее — не разговор вовсе, а перепалка) Варги с Расмусом состоялся в уютном кабинете, видимо, в рабочих пенатах первого человека «Чирс». Присутствовали Варга, Сулим Ханмуратов, еще двое из местных и волки — Расмус, Веном и Лоренцо. Когда Арчи постучался и вошел, Расмус отрывистым кивком головы указал на стул рядом с собой. Арчи послушно сел. Ядвига устроилась чуть в стороне, ближе к входной двери.

В кабинете было прохладно, кондиционеры работали на совесть. Сам Варга сидел за столом, самой заметной деталью на котором был ворох весьма разнообразных газет —

взгляд Арчи зацепился за оборванный титул «Парагон Беоба...» и за окончание другого титула — «...керз Комплит Евент Ревю». Рядом со своим шефом расположились остальные служащие «Чирс» — Сулим, рыхлый пули с венгерской фамилией и подтянутый немецкий овчар, которого Арчи раньше не видел и как зовут его не знал. Разговор шел на повышенных тонах и оборотах:

— Это авантюра! — рычал Расмус. — Затевать такое, не посоветовавшись с нами! Черт возьми, Варга, вы казались мне умным человеком!

Варга, напротив, хранил видимость спокойствия.

— Господа! Я бы попросил вас воздерживаться от поспешных выводов. Принятое мною решение — единственно возможный вариант из тех, что устроят и «Чирс», и вас, Расмус. Вас и ваших э-э-э... людей.

— Устроят? — Стул под могучим телом предводителя волков жалобно всхлипнул. — Если я хоть на столько, — Расмус продемонстрировал присутствующим мизинец, — понимаю ситуацию, ответом будет немедленное объявление войны всеми сопредельными государствами! Сибирью, Россией и Тураном. Европа тоже вряд ли в стороне останется. Да и окрестные азиатики тоже не преминут под шумок выдрать свой кус... Эй, консультант! — Расмус внезапно всем корпусом обернулся к Арчи, и стул под волком снова душераздирающе всхлипнул. — Ну-ка, давай консультируй!

Арчи с готовностью привстал:

— К сожалению, я слегка опоздал и не слышал, что затеял наш коллега, — негромко сказал Арчи. — Кто потрудится ввести меня в курс дела?

Волки внешне никак не отреагировали на его слова, но Арчи показалось, что им очень понравилось это «наш коллега». Арчи походя продемонстрировал, по какую сторону черты находится. Ненавязчиво подчеркнул, что играет в волчьей команде.

— Охотно, — отозвался Варга с не меньшей готовностью. — Я и введу. После сегодняшней беседы с президентом Туркменистана и членами его кабинета я окончательно уверился в необходимости государственного переворота. Если уж

все равно перехватывать вожжи в свои руки, так зачем мне кормить эту несметную банду бездельников и тунеядцев?

— Переворота? — опешил Арчи. — То есть вы собираетесь силой взять власть в стране?

— Да, — спокойно, чересчур спокойно, до ненатуральности спокойно подтвердил Варга. — План этого... мероприятия разработан давным-давно. Нужные люди уже оповещены. Сегодня ночью нынешнее правительство Туркмении будет низложено. Селектоид оживает, и я уверяю всех присутствующих: его не остановить.

Варга взглянул на часы:

— Если быть безукоризненно точным, первая фаза уже завершена. Запущена вторая. Собственно, силу применять и не придется. Полиция, пограничники и национальная гвардия давно куплены. Они уже много лет делают то, что велю им я, а не президент и министры. Президент и министры — всего лишь удобная ширма.

— Если так, то какой смысл их устранять с политического горизонта? — поинтересовался Арчи. — Зачем менять вывеску, если суть заведения остается прежней?

— Видите ли, молодой человек, — терпеливо сказал Варга. — Длительное безделье на подобных постах развращает даже самого преданного человека. Эти наглецы вообразили, что могут игнорировать мои требования. Все, мне надоело. Пора показать, кто хозяин на этой земле.

Арчи кивнул, давая знать, что услышал достаточно, и повернулся к Расмусу:

— Ответом на переворот станут немедленные меры ведущих евразийских государств. Блокада границ, возможно, после алзамайских событий, ввод вооруженных формирований. Новое правительство скорее всего не признает никто: ни государства, ни ООН. Наш коллега, по всей вероятности, затеял развязать войну.

— Именно, — подтвердил Варга. — Именно войну. Только у меня ведь есть лучшие солдаты на этой планете, не так ли?

— Нет у вас никаких солдат, — заявил вдруг Расмус.

Он на глазах мрачнел.

— Я, помнится, говорил, что мы свое отвоевали. И класть жизни за вас, господин Варга, мы не намерены. Наш уговор

был совсем другим, если вы забыли. Да и потом, будь мы согласны — двести солдат не устоят перед всем миром, даже если это мир слюнтяев. Вы воюете паршиво, но не безнадежно. Вам не удержаться у власти — ни самим, ни с нашей помощью. Осознаете вы эту очевидную истину или нет?

Варга, казалось, ничуть не смущался.

— Господа! — сказал он, лениво расчищая место на столе; расчистив, он водрузил на столешницу локти и подался вперед. — Я прекрасно понимаю все, что тут было высказано. Позвольте теперь высказаться мне.

Переворот я затеял не от зуда в известном месте и не из тщеславия, как могло кое-кому показаться. Наша — подчеркиваю: наша с вами задача — выиграть минимум три недели. Лучше — месяц. И у нас в распоряжении появятся несколько тысяч отменно подготовленных солдат. И не, как вы изволили выразиться, слюнтяев, а людей, которым убивать ничего, ровным счетом ничего не стоит, потому что у них будут ваши гены. Волчьи. «Чирс» — биолаборатория. Особи-матрицы уже выращиваются, два десятка. Потом мы их клонируем. И все. Этот месяц нам нужно удержать границы; можно даже не всей Туркмении, хотя бы Ашгабата и окрестностей. При старом правительстве эта задача неожиданно стала трудновыполнимой. Если во главе нового правительства встану я — все будет в порядке. Неделя, а то и все две, уйдет на переговоры, ноты, коммюнике и прочие объяснения. Ну а потом... Будем обороняться. Вы тем временем построите свой портал или что там вы собрались строить. Как только первые клоны покинут лаборатории, можно будет считать наш договор исчерпанным. Отправляйтесь куда угодно. В Пасифиду, в Латинскую Америку, в Австралию — весь мир ваш. Внимание будет приковано к нам, к Туркменистану. Вам ведь именно это и нужно, не так ли? Чтобы на вас перестали обращать внимание. Уверяю, я об этом позабочусь. Но пока растут матрицы и не началось клонирование, я крайне, крайне нуждаюсь в ваших услугах. В конце концов, если тут будут свистеть иглометы да черкать небо европейские штурмовики или российские тяжелые махолеты, вы тоже много не настроите...

— Погодите, Варга, — прервал излияния шефа «Чирс» Расмус. Видно было, что он взял себя в руки и успокоился. Во всяком случае, перестал орать. — Неужели нельзя было просто пересидеть этот месяц, без всяких дурацких переворотов?

— Нельзя, — отрезал Варга. — Меня сегодня отследили агенты Сибири и России. Если ничего не предпринимать, уже завтра тут будет черно от разведчиков и спецназовцев. Нынешнее правительство Туркменистана наотрез отказалось закрыть границы и заявило, что не в состоянии отказать в содействии Европе, Сибири и России. А это значит, что тут готовится второй Алзамай. В таких условиях ни нам, ни вам спокойно поработать не дадут. Единственный выход — смешать всем карты. Шокировать. А потом тянуть время. Подскажите мне иной выход, и я с удовольствием им воспользуюсь, если только это будет возможно. И учтите: в распоряжении у нас всего одна ночь. Ближайшая. Утром будет поздно что-либо предпринимать.

Расмус нахмурился; потом переглянулся с Веномом и Лоренцо.

Несколько секунд шел безмолвный обмен взглядами.

— Что скажешь? — Расмус снова обратился к Арчи.

— Вообще-то, если абстрагироваться, он все излагает верно, — честно признал Арчи. — Если нас срисовали, то при открытых границах уже завтра тут будет форменный фестиваль, а не пустыня. В случае же переворота неизбежна отсрочка как минимум на неделю. Я думаю, ни одно государство не решится на поспешные действия. Пока соберутся с мыслями, пока просто соберутся, пока выработают совместную программу... действительно, пройдет время. Единственное, в чем я не уверен, — это в сроках. Во всяком случае, месячный срок представляется мне однозначно завышенным. Все решится раньше, полагаю, в течение второй недели.

— Ишь ты, — тихо, но так, чтобы все слышали, сказал Сулим Ханмуратов. — Какой подкованный погранец. Ну чистый тебе политический обозреватель...

И поднял на Арчи тяжкий взгляд. Пристальный, многозначительный.

Воцарилась тишина. Теперь на Арчи глядели все, но острее всего он почувствовал почему-то только один из взглядов. Не Сулима. Даже не Расмуса или Варги.

Острее всего Арчи почувствовал взгляд Ядвиги.

— А что? — Расмус склонил голову и взглянул на Арчи как-то странно: не то с одобрением, не то, наоборот, подозрительно. — Тебе уже доводилось принимать участие в государственных переворотах?

— Нет. — Арчи и не подумал смущаться. — Последний случился больше двухсот лет назад. Но зато мне вдоволь пришлось половить китайских контрабандистов — мне кажется, это занятие еще сложнее.

Взгляд Ядвиги сразу стал одобрительным.

А Арчи вдруг поймал себя на мысли, что очень этому рад.

В том смысле, что ему раньше не доводилось участвовать в переворотах, Арчи не лгал. Да и контрабандистов, в том числе и китайских, ему доводилось в свое время ловить. Правда, не столь интенсивно, как он попытался продемонстрировать Расмусу и прочим... В общем, многое, из сказанного действительно было правдой.

Главарь волков размышлял недолго. О чем-то коротко переговорил со своими — на совершенно непонятном Арчи языке; каждая фраза звучала рублено и отрывисто, а фонетика вообще, похоже, была людям абсолютно чуждой.

— Ладно, коллега, — буркнул он после этого совещания. — Вы меня снова убедили. Хорошо, в событиях сегодняшней ночи мы на вашей стороне. Но впредь я бы попросил, прежде чем принимать схожие решения, хотя бы советоваться со мной. И еще одно. Раз уж вы говорите, что в стране все куплено... давайте обойдемся без крови.

Варге следовало бы просиять, однако он это умело скрыл. Только обменялся коротким взглядом с Ханмуратовым.

— Вообще-то следовало бы шлепнуть десяток-другой. Из президентской охраны. Да и среди министров есть такие прыщи...

— Нет, — коротко выдохнул Расмус.

На месте Варги мало кто осмелился бы возразить, таким тоном это было сказано. Но Варга, на миг прикрыв глаза,

уже вдохнул было, чтобы разразиться очередной тирадой, но наткнулся на металлический взгляд волка и ненадолго смешался. Впрочем, он быстро нашел выход из положения:

— А... А что скажет наш драгоценный советник?

И уставился на Арчи, будто тот только что на глазах у всех присутствующих превратился в кошку.

— Это мой советник, — напомнил Расмус; было видно, что он заинтересовался и действительно ждет ответа.

— Я бы не рекомендовал крайние меры, — ответил Арчи. — Во-первых, это наверняка ускорит принятие решений альянсом, а стало быть, сократит выигранное время. Ну и во-вторых, где десяток, там и два. А где два — там и сотня. А где сотня — там и вся тысяча. И так до бесконечности.

— И к тому же, — вмешался Расмус, которому явно пришелся по душе ответ Арчи, — мы не убиваем без необходимости. Особенно на чужой войне.

— Теперь это и ваша война, мой друг, — вкрадчиво сказал Варга. — В том числе. Ведь вам тоже нужно выиграть время... А что до необходимости... В конце концов там, — Варга выразительно поглядел на вогнутый потолок, — вы выступали как типичные наемники. Не будете же вы утверждать, что среди звезд велась ВАША война.

— Буду, — жестко заверил Расмус. — Буду. Но, коллега, давайте прекратим разговор на эту тему. Когда будут нужны мои силы? Учтите, модуль у нас один, и он весьма небольшой, придется челночить.

— Думаю, начать стоит прямо сейчас. Ввиду скорой темноты садиться можно и поближе к базе. Если что — джипы с водителями в вашем распоряжении. В час двадцать прибудут пограничные грузовики. Начало операции в Ашгабате — ровно в два. Кстати, коллега, если вы так не хотите крови, мы способны принести необходимые жертвы и самостоятельно.

— Не сомневаюсь, — буркнул Расмус. — Но спишут их все равно на нас. И переворот этот чертов тоже спишут на нас.

Он ненадолго замолчал, а потом неожиданно тихо продолжил:

— А я очень не люблю брать на себя смерти убитых не мною.

Варга улыбнулся было уголком рта, но тут же стер с лица всякое выражение и снова стал бесстрастным, как бенгальский питон.

Веном уже разворачивал на коленях свой прибор-книжку спутниковой связи. А Расмус поманил пальцем своего новоиспеченного советника.

— Пойдешь с нами, — сказал Расмус. — И подумай, нужно ли тебе оружие.

— Даже так? — без особого удивления переспросил Арчи.

— Даже так. Но Ядвига все равно останется у тебя за спиной.

Арчи понимающе кивнул:

— Что ж... Спасибо за доверие.

Расмус молча расстегнул карман-кобуру, вынул ручной пулевик, похожий на пистолет Хайнриха, и без лишних слов протянул Арчи.

Тот принял, мельком оглядел. В принципе ничего нового, подумал он. Вот предохранитель... Вот стопор обоймы.

Выщелкнул обойму — она оказалась полна. Блестящие головки пулек, казалось, только и ждали, чтобы их пустили сквозь душный туркменский воздух на волю. В чье-нибудь податливое тело. В стык чьей-нибудь жизни и смерти.

Оборвав шалые мысли, Арчи вернул обойму на место, пулевик сунул в точно такой же карман-кобуру и снова поймал одобрительный взгляд Ядвиги.

А Расмус уже давно переключил внимание с Арчи на разговор с орбитальным модулем.

Ядвига неслышно приблизилась, потянулась к Арчи и, почти касаясь губами уха, прошептала:

— Поздравляю...

Арчи с нежданно прорезавшейся тоской и усталостью поблагодарил:

— Спасибо. — И добавил: — Только ты там следи получше... за моей спиной.

— Я обещаю, — ответила Ядвига.

* * *

Едва Чеботарев вбежал в кабинет генерала (уже генерала!) Золотых, тот мгновенно понял: началось. Началось то, чего сам генерал и его люди мучительно ожидали последние дни. До звона в натянутых нервах.

— Константин Семеныч! — с порога начал Чеботарев и невольно съехал на зловещий шепот: — Семь минут назад Саймона Варгу и Сулима Ханмуратова видели в Ашгабате!

Золотых оторвался от очередной бумаги из бесконечной стопки.

— Подробнее?

— Агент «Эфа», ведущий наблюдение за одним из взятых под контроль объектов, доложил по экстренному каналу: Варга и Ханмуратов совершенно открыто объявились в Ашгабате. Наносили визит президенту... Как он там у них в Туркмении называется? Баши?

— Что за объект?

— Президентский дворец. Приехали на лимузине, с помпой и шухером, с флажком своей организации на капоте. Прямо дипломатическая делегация.

Золотых озадаченно уронил ручку-самописку.

— То есть как открыто? Не понял. Мы же имеем все основания их арестовать, и правительство Туркмении защитить их при всем желании не сможет. Против Интерпола и ООН, даже порознь... А уж вместе...

— Вот и я о том же!

Золотых умолк, лихорадочно перебирая мыслимые и немыслимые варианты. Но он так ничего и не придумал.

— Степа, — сказал генерал убежденно, — тут какой-то подвох. Это ход-приманка. Провоцируют они нас, что ли? Но зачем?

— Операцию готовить?

Генерал снова задумался.

— Не понимаю. Все равно ничего не понимаю. Не могут же они надеяться, что мы офигеем от такой наглости и не решимся на арест?

Чеботарев ел начальство глазами. У него, если начистоту, за семь... точнее, уже за десять минут владения информа-

цией тоже не выкристаллизовалось ни единой убедительной версии случившегося. Ни одного объяснения, в которое можно было хоть сколько-нибудь верить.

— Вот что, Степа... Готовь-ка ты операцию по первому варианту. С поправкой на наглость, конечно. А я пока министру доложусь... Мало ли...

Чеботарев с готовностью кивнул и умчался. Вариант один предусматривал «действия по аресту Варги и Ханмуратова силами альянса и доставку их в штаб-квартиру наспех созданной экспертной группы под эгидой ООН в Красноярске». Правда, все ожидали, что эти двое объявятся тайно.

Просчитались.

«А, похоже, Семенычу золоченые погоны жгут плечи, — подумал Чеботарев на бегу. — Хотя верно: ошибка полковника сил безопасности — это одно, а ошибка генерала, руководящего операциями альянса, — совсем даже другое. Отныне с министрами-президентами, поди, придется Семенычу общаться чуть ли не ежечасно...»

У себя Чеботарев с разбегу запрыгнул в вертящееся полусонное кресло и с размаху влепил по сенсору селектора. Селектор обиженно вякнул и только потом включился.

— Группа! — зарычал Чеботарев, не в силах перебороть здоровый, чуть ли не охотничий азарт. — Отрабатываем первый вариант! Повторяю, первый вариант! Фиксирую старт: четырнадцать-ноль две по среднесибирскому. Поправка: объекты альфа и бета объявились легально! В остальном — по варианту один...

Этаж, доселе тихий и почти безлюдный, забурлил. Безопасники полезли изо всех щелей, где маялись вынужденным бездельем уже больше двух недель. Связь с национальными штабами стран—участниц альянса давно успели установить — весть о донесении агента «Эфа», конечно же, уже расползлась, как стремительный городской слух.

— Берлин? Господина Шольца... Ах это вы? Красноярск, штаб-квартира; будьте готовы, генерал Золотых появится на связи в ближайшие минуты... Вкратце? Да, началось.

— Москва? Господина Коршуновича... В Алзамае? Ну, коммутируйте Алзамай...

— Хельсинки? Господина Скаммельсруда...
— Истанбул? Господина Бехчета...
— Токио? Господина Нарахаши...

Коммутаторы закрытой правительственной связи вовсю мигали индикацией задействованных голосовых линий. Потоки информации в кодированном виде перекачивались по проводам-нервам и растекались по всей Евразии. Событийный центр мира готовился переехать из впавшего полмесяца назад в шоковое состояние сибирского Алзамая в прокаленный августовским солнцем Ашгабат, город у подножия Копетдагской гряды.

«Будет жарко, — подумалось Чеботареву. — В глобальном смысле...»

Ашгабата Арчи не знал вовсе. Скупые обрывки, которые засели в памяти с прошлых проводок, позволили ему узнать купол цирка на Межлаука да театр Мухтумкули. Ну, гостиницу «Ашгабат» еще — но только благодаря яркой хеморекламе на короне.

По дороге от «Чирс» он мало что рассмотрел — окрестности Ашгабата были погружены в непроглядную патриархальную темень. Только однажды чуть в стороне от дороги мелькнули теплые огоньки, а свет фар пограничного грузовика на миг выдернул из темноты указатель с надписью «Бикрава».

Варга и Расмус поехали, естественно, на лимузине. А Арчи, Ядвига и Архипа присоединились к волкам, да не к пехотинцам, а к группе спецназа, которая целиком погрузилась в отдельный грузовик. Спецназ шел налегке — во всяком случае, Арчи показалось, что оборудование чудо-камуфляжа никто на себя навешивать не стал. Просто комбинезоны да оружие.

Волки явно не собирались ничего громить. Обычная полицейская операция, не более.

Арчи зажали в самый угол кузова; грузовик трясло и подбрасывало на ухабах дрянной дороги. Пассажирам то и дело приходилось взлетать над жесткими скамейками из роговицы; волки беззаботно ржали и болтали друг с другом. Арчи сумрачно держался за теплый борт. Ядвига держалась за Арчи.

— Эй, Двиша! — весело крикнул кто-то от самого заднего борта. — А что там за перец рядом с тобой?

— Советник Расмуса, — пояснила Ядвига нейтрально. — Я его веду.

— Со-оветни-ик? — протянули в ответ. — Ух-ты! Надо же, как на Костуся Смолярека похож... Такой же вислоухий и чернявый...

— Заткнись, Штопик! — Голос у Ядвиги враз сделался жестяным.

Штопик внял; Ядвигу больше никто ни о чем не спрашивал, но Арчи то и дело ловил на себе взгляды ближайших соседей и радовался царящей под тентом грузовика темени. Впрочем, волки скорее всего в темноте видят не хуже Арчи. Но, с другой стороны, смотреть в темноте — совсем не то, что смотреть на свету, это всякий знает.

А вскоре въехали в город, и волки сразу стали серьезнее и как-то собраннее, что ли?

Команду вытряхиваться дали у приземистого четырехэтажного здания. Часть экипажей с волками-пехотинцами куда-то подевалась по дороге; старшего волка по кличке Кэп встречал смуглый овчар-среднеазиат в рыжеватой местной форме. Вероятно, пограничник.

— Здыравсуйте! — сказал он с заметным акцентом. — У мыня двэ роты пагранычников. Прыказано пдчынятиса вашыму старшому. Вам?

— Мне, — подтвердил Кэп. — Что в здании? Точнее, кто?

— Толко охрана. Чылавек двадцат.

— А это что? Здание правительства?

— Угу. Саур-Матшала.

— Там внутри есть сотрудники?

— Навэрно ест. Ныкак не узнат.

— Ладно, — оценил Кэп. — Оцепите здание. И чтоб ни одна кошка не прошмыгнула!

— Эст! — обрадовался пограничник. Вероятно, доступности приказа и тому, что всю работу брали на себя другие.

— По восьмерке на этаж, — скомандовал Кэп уже своим. — Всех гнать из кабинетов и прочих помещений и класть мордой в пол в коридорах. По сигналу начинать сгонять вниз, в вестибюль, там места хватит.

Вероятно, с топологией здания Кэп ознакомился заранее.

— Готовы?

Волки хором негромко выдохнули:

— Йэп!

Арчи уже показалось, что Кэп отдаст последнюю команду, но тот вдруг неожиданно повернулся к нему:

— А ты не лезь никуда. Торчи в вестибюле... И пушкой особо не размахивай. Понял?

— Понял. — Арчи вовсе не собирался препираться.

— Начали! — взглянув на часы, рявкнул Кэп, и три с половиной десятка волков бегом ринулись к освещенному порталу.

Местные погранцы как раз замкнули цепь.

Охрана давно уже заметила нездоровое оживление у правительственного здания, но, во-первых, телефоны и любая другая связь к этой минуте уже не работали, а во-вторых... они тоже знали, кто такой Саймон Варга. Скорее всего знали.

Во всяком случае, запирать или блокировать вход охрана не стала. Все пятеро — два овчара и трое аморфов — едва услышали повелительное «На пол!» — тут же повалились около своей будки рылами в инкрустацию. Их, понятно, разоружили — отняли штатные иглометы и оставили лежать.

Волки тотчас рассосались — кто в боковые коридоры, кто к лестнице и лифтам. В вестибюле остались только Арчи, Ядвига, Кэп и еще двое волков с прикладными пулевиками.

Арчи сунул свой пулевик в кобуру и указал на трофейный игломет в кармане Ядвиги:

— Я лучше это возьму... Не возражаешь?

Ядвига хмыкнула, но карман расстегнула: мол, бери. Арчи взял. Сама она, понятно, с прикладником расставаться не пожелала, как и остальные волки. Все, вплоть до Кэпа. Ручной пулевик из группы захвата к моменту входа в здание имелся только у Арчи в руке. Остальные придерживали на потом, в кобурах.

Игломет был привычнее да и заряжен скорее всего паралитиком, а не ядом.

Из левого коридора тем временем донеслись всхлипывания и причитания и раздраженные крики волков:

— На пол! На пол, я сказал!

Кого-то выгоняли из помещений.

Стремительная волна окриков и шума пронеслась по зданию и схлынула. А спустя пяток минут в вестибюль согнали человек сорок, не меньше. Нескольких бабулек, явно из обслуги. Одну даже с шваброй в руке. Еще четверых охранников в форме. Стайку перепуганных девиц секретарского вида. Двоих мужиков в робе с лимфоприжигателями и щипцами для вытяжек в прозрачных накладных карманах. Нескольких официального вида молодых людей и несколько не менее официального вида людей постарше.

И еще — четверку стопроцентных телохранителей при мужчине с печатью начальственности на лице. Телохранители выглядели помятыми, один даже был ранен, а второй отсвечивал разбитой рожей. Все были хмурые; начальственный тип — раздражен и взбешен. Он сразу определил в Кэпе старшего и чуть ли не с ходу накинулся на него.

— Что здесь, черт возьми, происходит? Кто вы? Я — министр внутренних дел Туркменистана! Я...

— Заткнись, — перебил его Кэп. Очень спокойно.

— Молодой человек! — рявкнул министр. — Достаточно одного моего слова, и вас по стене размажут! Поня... ух!

Кэп коротко, без замаха, пнул министра в пах. Тот сразу перестал брызгать слюной и мгновенно сложился чуть не пополам. Кэп добавил — коленом в лицо, да от души, так что министра выпрямило и швырнуло на спину. Рухнув, министр сразу же скрючился в позе зародыша, из чего явствовало: с первым ударом волк тоже не поскупился.

Один из телохранителей не выдержал, ринулся на ближайшего волка, но волк небрежно уклонился и огрел его прикладом по голове.

Кэп тем временем оглядел «улов», невольно сбившийся в кучки по принадлежностям.

— Так! — Кэп указал пальцем на бабулек и девиц. — Вы и вы! Брысь по домам! Рекомендую сидеть тихо и на улицу не высовываться!

Второй раз приказывать не пришлось: к выходу кинулись охотно и ретиво. Бабулька с шваброй так и не выпустила свой рабочий инструмент.

Больше Кэп никого отпускать не стал, хотя многие из пленников на это наверняка очень надеялись.

— Здание захвачено! — сказал Кэп в трубку переговорника. Это был точно не мобильный телефон, Арчи разглядел. Что-то другое.

Пауза.

— Министр внутренних дел и немного шушеры. Женщин я отпустил.

Пауза.

— Министр? Валяется на полу и держится за яйца.

Пауза.

— Есть, ждать.

Кэп отнял трубку от уха.

Пленных отогнали к стенам и велели рассесться, даже тех, кто ранее был уложен на пол. Министра бережно подняли трое уцелевших холуев (четвертый валялся без сознания) и испросили разрешения взять стул охранника. Кэп не стал возражать, но за стулом послал своего, волка. Отключенного телохранителя тоже убрали под стеночку; посреди вестибюля осталось лишь несколько кровавых пятен.

«И это называется бескровный переворот, — подумал Арчи с горькой иронией. — Впрочем, а ведь действительно могли кого-нибудь пристрелить. Но, с другой стороны, женщин волки отпустили...»

И вспомнил слова Варги: мол, полезно было бы шлепнуть десяток-другой... И кто, спрашивается, после этого зверь? Кто хищник? Люди? Или волки?

Арчибальду Рене де Шертарини вдруг показалось, что он еще не раз задаст себе этот вопрос.

Шофер лимузина нарочно не слишком спешил — грузовики явно не смогли бы за ним угнаться. Так и докатили до президентского дворца — величаво и неторопливо, перекинувшись лишь несколькими малозначащими словами.

Только минуя сонные окраины, Расмус поинтересовался:

— Мы куда? К правительству или к президенту?

Роли групп захвата, конечно же, были давно распределены. Непонятной оставалась только роль Саймона Варги.

— Мы — в президентский дворец. Не могу отказать себе в удовольствии лично объявить Коко, что он больше не президент.

— Понятно, — закруглился Расмус и снова замолчал.

Город не произвел на Расмуса должного впечатления — дыра и дыра. На захолустной планете, волею судеб оказавшейся родиной для двух сотен уцелевших волков. После имперских мегаполисов этот городишко, едва освещенный скудной иллюминацией, казался скорее жалкой пародией на средоточие цивилизации. Или просто неумело выполненной имитацией, ложной целью для желторотых новобранцев из ударных бомбардировочных эскадрилий.

Даже дворец, подсвеченный куда лучше ашгабатских улиц, выглядел почему-то на редкость неубедительно.

Дворец прятался в центре ухоженного, но все равно поникшего от жары парка. Душная ночная теплынь неподвижно зависла над Туркменией: ни ветерка, ни колыхания. Казалось, все замерло перед бурей.

Ворота-двуморф открывались дистанционно; но сначала нужно было скомандовать им, чтоб открылись. Четверо служак в одинаковой тропической форме попирали стерильный асфальт перед въездом на президентскую территорию. Когда лимузин приблизился вплотную, они даже иглометы из-за спин не добыли.

— Личная гвардия, — сообщил Варга, взглянув в окно. — Эти меня не послушают.

Расмус невольно поморщился.

— Сколько их там?

— У ворот — четверо, в караулке — еще минимум столько же. И на территории гвардейцев порядком, точно говорю.

— Они вас знают? В лицо?

— Полагаю, да, — отозвался Варга без особой, впрочем, уверенности. — Во всяком случае, еще не было случая, чтобы меня не узнали.

— Понял, — буркнул Расмус, хрустнув костяшками пальцев и слегка поведя могучей шеей. — Значит, так. Мы выходим. Пусть гвардия вас узнает. Остальное я беру на себя. Только велите своим людям не дергаться, пока я не скажу.

Да и вообще — на территорию лучше ваших не допускать, сами справимся. А ваши пусть окружат тут все, а то еще сбежит кто-нибудь не ровен час...

Варга забормотал приказы в пристегнутый к вороту рубашки микрофон.

— Готовы? — спросил Расмус нетерпеливо. — Они сейчас переполошатся.

В самом деле, подъехавший к воротам лимузин, из которого никто не выходит, никто не предъявляет в приоткрытые окна никаких документов, поневоле привлечет внимание охраны.

Четверо гвардейцев как раз подались было к экипажу, но Варга сказал: «Готов!», и Расмус распахнул дверцу. Варга вышел наружу следом за ним.

— Господин Варга? — Шефа «Чирс» узнали сразу же. — Прикажете доложить о вас?

— Не нужно, — ответил Варга высокомерно. — Я сам. Открывайте воро...

Варга осекся, потому что слушать его стало некому. Все четверо гвардейцев вдруг повалились как подкошенные на пышущий теплом асфальт. Расмус тенью скользнул к двери в караулку, отворил ее плечом и ввалился внутрь. Внутри кто-то коротко вякнул, упало что-то тяжелое, и сразу же все затихло. Потом Расмус выглянул наружу.

— Как открыть ворота?

Из лимузина с готовностью выскользнул Сулим и пришел волку на помощь; спустя несколько секунд ворота величаво поднялись. Расмус отдал команду своим, и из прилегающих улиц лавиной выплеснулось волчье воинство. Вслед за лимузином проворные и бесшумные, как тени, космические солдаты втянулись в ворота; четверо остались снаружи. Предыдущих стражей сразу же спрятали в караулке, где тоже осталось несколько волков.

Сулим Ханмуратов поразился — волки действовали слаженно, словно единый организм, и при этом ими вроде бы никто не управлял. По крайней мере коротких и редких команд Расмуса для таких образцовых действий было явно недостаточно.

«То ли какая-то особая связь, то ли годами отработанный автоматизм, — подумал Сулим с уважением. — А скорее всего — и то, и другое».

Он был недалек от истины, шеф разведки и безопасности организации «Чирс».

Стремительный проход по аллее — Варга едва успевал за Расмусом. Цепь волков-пехотинцев, словно расческа, цедила через себя жиденькую зеленовато-желтую поросль парка. Поросль оставалась нетронутой, зато встреченные гвардейцы валились на траву и больше не вставали. Отловленные в кустах хлыщеватый афган с полураздетой девчонкой тоже ушли в блаженную бесчувственную горизонталь, так и не заметив никого и ничего.

Портал, понятно, тоже охраняли. Четверо — традиция у гвардии такая, что ли?

— Господин Варга? Президент с гостями в оранжерее...

Расмус действовал стремительно и жестко. Две с половиной секунды, четыре бессознательных гвардейца. Плюс еще двое в холле — тоже не более двух секунд.

Остолбеневший стюард с тележкой, уставленной напитками и снедью. Ну, еще бы не остолбенеть, увидев одновременно человек сто в широченном коридоре... Причем все сто вооружены.

— Господин Варга?

Тележку и стюарда пристроили под стеночкой, чтоб ненароком не опрокинуть (тележку) и не затоптать (стюарда). О тележке пеклись исключительно в целях соблюдения тишины. О стюарде, впрочем, тоже.

Оранжерея, решил для себя Расмус, больше походила на ухоженный зимний сад. Прохлада и свежесть, настоящая сочная зелень, плоды — явно настоящие, каскад небольших водопадиков... И даже птичий щебет, несмотря на ночное время.

Компания отдыхающих на огромном подковообразном диване — несколько мужчин в возрасте и теле, десяток моложавых личностей, девушки. Девушки — разнообразных морфем и все на загляденье.

— Саймон? — удивился один из мужчин, обрюзгший среднеазиат-овчар в раззолоченном халате и нелепом головном

уборе, похожем не то на макси-папаху, не то на мохнатую чалму. — Ты откуда?

Он ссадил с колен очаровательную эрдельшу и тут заметил по периметру оранжереи волков.

— Что это значит?

— Это значит, что ты мне надоел, Коко, — внятно и громко произнес Варга.

Повисло тягостное молчание.

— Не понял, — протянул Коко. — Что это за люди? Что ты затеял?

Варга повернулся к Расмусу и как заправский актер удрученно всплеснул руками:

— И эта дубина еще недавно звалась президентом! Воистину, несчастна туркменская земля!

И после эффектной паузы выразительно указал на оцепеневшую компанию бровью.

— Взять, — коротко распорядился Расмус.

Никто и не подумал сопротивляться.

Расмус с каменным лицом наблюдал, как на мужчин надевают наручники, а девкам просто велят убираться. Потом отвлекся — на связи как раз возник Веном и доложил, что всех до единого гвардейцев заперли в подвале, а территория президентского дворца и прилегающего парка чиста и вдобавок оцеплена снаружи — пограничниками и людьми с «Чирс».

Варга сиял. Неспешно подошел к накрытому столу, налил полбокала густого, как деготь, «Малаг Дашгала», пригубил, чмокнул, сжевал маленький бутербродик с икрой и только потом потянулся и взял со скатерти маленький мобильник.

Персональный связной селектоид президента. Символ и инструмент власти.

В этот момент Расмуса снова вызвали.

— Здание правительства захвачено, — сообщил он Варге, выслушав. — Министр внутренних дел там.

— Что он делает? — быстро спросил Варга.

— Валяется на полу и держится за яйца, — невозмутимо повторил Расмус вслед за своим невидимым собеседником. — В общем, там все в порядке. У Лоренцо тоже — он уже занял городской узел связи и телецентр.

— А Гном — вокзалы и аэропорт, — удовлетворенно добавил Варга. — Собственно, осталось взять только министра информации, это единственный хоть сколько-нибудь опасный человек в Туркмении. Полагаю, он дома. Вы сможете это сделать без меня, Расмус?

— Судя по такому «перевороту», это под силу и моей трехлетней дочке, уважаемый Варга, — заверил Расмус. — Давайте координаты.

В здании правительства Варга появился ближе к утру. В сопровождении целой свиты людей самого разнообразного облика — от лощеных моложавых личностей в безукоризненных костюмах и с безукоризненными дорогими прическами до мрачных небритых субъектов совершенно уголовного вида; от смуглых туркменов в неких национальных балахонах разной степени чистоты и свежести до пропыленных пограничников в форме и при оружии; от гвардейцев в парадных мундирах до молодчиков вообще неопределенного вида и рода занятий.

Волков при новом туркменском властителе не было вообще. Ни одного. Тем не менее волк Кэп доложился Варге по полной программе и сдал из рук в руки заметно присмиревшего министра внутренних дел.

Минут двадцать Варга и министр беседовали с глазу на глаз в кабинете министра на втором этаже. Охранники министра бестолково ерзали в креслах посреди приемной. Под стволами иглометов и огнестрелки они чувствовали себя крайне неуютно, а без оружия при себе — и вовсе голыми.

Под конец этого разговора в здании появился Расмус на пару с Лоренцо. Расмус коротко перемолвился с Кэпом и всех волков отослал прочь. Всех, за исключением Архипы и Ядвиги, которые снова остались при Арчи, поскольку Арчи также было велено остаться. И даже подняться в приемную арестованного министра.

И даже войти в кабинет.

Буквально с первого взгляда Арчи понял, что министра тривиально «кололи». Как выяснилось, Варга беседовал с министром отнюдь не один на один. В кабинете находился

Сулим Ханмуратов и еще трое, причем во всех Арчи безошибочно распознал коллег-профессионалов, перéметнувшихся на частные хлеба.

Варга о чем-то пошептался с Расмусом, показал ему какие-то документы в сафьяновой папке из министерского сейфа. Арчи не слышал, о чем речь, но создалось впечатление, что Варга советуется с предводителем волков. Тот кивал без особой уверенности, а возможно, просто равнодушно. А потом сказал всего одну короткую фразу, и Варга сразу от него отстал.

— Значит, так и действуем, — объявил Варга своим. — Гном, тебе главарь; Бизону — связные и почтальон, Лэснеру — группа с базы на Худайбердыева.

Один из троицы нейтрально справился:

— А на подхват?

— Гном справится и в одиночку. А подхват делите по своему усмотрению.

— В одиночку к главному соваться неразумно, — проворчал Сулим. — Гном, не сверкай глазами. Я в тебе не сомневаюсь. Просто сегодня такой день... такая ночь, что нужно пять раз перестраховаться. Понимаешь?

— А пусть он моих возьмет, — вдруг подал голос Расмус. — Вот этих. Всех троих.

Гном, еще в самом начале обменявшийся с Ядвигой быстрыми взглядами, склонил лысую голову и набычился. Ядвига загадочно улыбалась.

— И его? — спросил Варга, указывая на Арчи. Варга выглядел совершенно сбитым с толку.

— А что-о? — вкрадчиво протянул Сулим, кривя уголок рта. — Пусть.

И выразительно поглядел на своего шефа.

Шеф моментально все понял и обернулся к Гному.

— Так и будет. И вот еще что...

Он склонился и шепнул лысому несколько слов; у Арчи даже в груди заныло. Мгновенно вспомнилось, как еще в плотине Сулим втихую наблюдал за ним.

Что-то за этим крылось. Но что?

Соображай, де Шертарини, соображай...

Что плохого может стрястись? Вообрази это, и тогда можно подумать, как уберечься...

Итак. Похоже, что Варга и Сулим не верят, будто Арчи — просто сибирский пограничник. Отсюда и внимание к его персоне, отсюда и ехидная реплика Сулима во время совещания на «Чирс». Выходит, его раскрыли? Отследили по Алзамайским событиям? Но в них Арчи практически не принимал участия; во время же финальной операции действовал как пограничник. Если он и прокололся, то явно не в Алзамае, а уже здесь. Или, возможно, раньше — но тогда не прокололся, а где-то засветился перед агентами Ханмуратова.

Впрочем, если так — его давно бы вывели из игры и уж точно не давали бы столько свободы. Что стоило Арчи сегодня просто выскользнуть за дверь правительственного здания? Были ведь моменты в первой суматохе. Да и потом были. Сквозь оцепление Арчи прошел бы, что ему какое-то там оцепление...

Получается, что сейчас затевается дело, где Арчи уже не может выступить беспристрастным участником. Нечто отличное от захвата здания Туркменского правительства. Захват посольства России? Но Варга не дурак, он на это не пойдет. Только тронь посольство — и Россия ринется выручать своих, невзирая на всяческие международные нормы, а тогда у Варги не окажется желанной паузы перед интервенцией. Нет, Варга не слабоумный, посольства он трогать не станет, да и к тому же настоящие посольства расположены главным образом в Алматы, негласной столице Конфедерации, а в Ашгабате — только консульские отделы.

Значит, не это.

Остается одно. Резидентура вэ-эр в Ашгабате. Вот ее-то во время переворота обезвредить не только логично, но и архиважно.

«Вот оно, — подумал Арчи. — Вот. Если я агент России, думают Варга с Ханмуратовым, я могу попытаться помешать Гному. Собственно, я и должен это сделать. Но как?»

Если агент уйдет, он многое расскажет. Потому что много знает. Нет в том беды, если какой-нибудь дедуля из дальнего селения смоется в ночь через закрытую границу. Что

он может рассказать русским, если толком и не видел ничего? Другое дело — глава резидентуры... Стоит Арчи шепнуть ему всего несколько слов и помочь сбежать — и все, свою миссию Арчи в принципе мог счесть выполненной. Если Россия и альянс узнают все то, что знает Арчи, никто Варге спасительной задержки не даст. Все это прихлопнут за сутки, не больше, как неожиданно выросший на футбольном поле муравейник.

Вот и объяснение. На поверку оказавшееся совсем простым. Едва Арчи дернется — его либо скрутят, либо ликвидируют. Именно поэтому Гнома одного не отпустят, дадут подмогу... Хотя бы даже в лице Архипы и Ядвиги.

Почему-то Арчи не сомневался, что Ядвига выстрелит в него, если будет необходимо. Она — профессионалка.

Но Арчи тоже профессионал. Поэтому он тоже выстрелит в нее, если будет туго. Выстрелит, несмотря ни на что. Даже на симпатию, которую испытывает к этой девушке. Даже на то, что внутри неотвратимо зреет нечто большее, чем просто симпатия.

Выстрелит.

Будь проклят подобный профессионализм! Но все равно выстрелит... И вот с этим фитилем психоинженерам будет особенно трудно справиться. Хотя они наверняка справятся, они ведь тоже профессионалы, психоинженеры из реабилитационного центра внешней разведки России. Возможно, ты и не сойдешь с ума, Арчибальд Рене де Шертарини. Возможно.

Но скорее всего сломаешься. Как уставшая от времени роговица.

«Сейчас все зависит, шепнет ли Варга что-либо Расмусу, а Расмус — Архипе и Ядвиге», — подумал Арчи.

Зря он надеялся. Перешептывание состоялось. Но игломет у Арчи не отняли.

— Пойдете вот с ним, — велел Расмус, глядя в основном на Архипу. — И поможете повязать одного ловкача. Потом доставите сюда. Все ясно?

— Так точно, босс, — бодро ответствовал Архипа.

Ядвига смолчала.

— Все, приступайте. — Варга хлопнул в ладоши. — Только вот что... Гном, Бизон, Лэснер, я не знаю, где буду находиться через полчаса. Поэтому захва... арестованных доставьте на «Чирс». И сдайте охране, я им все проясню. Вперед.

Гном молча и не оглядываясь направился к выходу. Похоже, его мало заботило, следуют ли за ним его нежданные и нежеланные коллеги. Коллеги на полчаса.

Арчи безмолвно пожелал себе удачи.

Уже вне здания Гном все же соизволил на волков и Арчи взглянуть и махнуть им рукой, приглашая за собой.

Они миновали двойное оцепление — Гном демонстрировал пограничникам и гвардейцам не то жетон, не то значок, и всех пропускали без лишних вопросов. Сразу за вторым кордоном на дороге ждал экипаж — потрепанный российский «Волгарь». Гном уселся за руль, жестом велел Ядвиге сесть рядом. Арчи с Архипой уселись сзади.

Гном тронул. Некоторое время он гнал «Волгаря» рассветными улицами, почти не касаясь пестиков. Потом негромко сказал:

— Чтоб вы знали... Я всегда работаю один. Поэтому я буду вам безмерно благодарен, если вы не станете лезть куда не надо и отсидитесь в прикрытии.

— Я думаю, что, когда мы прикроем тебе задницу, ты будешь не менее благодарен. — Ядвига не преминула съехидничать.

Гном недовольно засопел.

— Послушайте, мадам... не знаю, как вас. Тогда, в Алзамае, я действительно думал, что вы суперлюди. Но теперь-то я знаю правду. Будь на мне ваш камуфляж, еще неизвестно кто кого носом в пол ткнул бы.

«О как! — изумился Арчи. — Они сталкивались в Алзамае? Интересные веники...»

Как ни странно, этот факт вдруг необъяснимым образом помог снять напряжение, расслабиться и успокоиться.

— Да ладно тебе, — вздохнул Архипа неожиданно миролюбиво. — Хочешь лезть вперед — лезь. Мы свое уже отвоевали. Так что никто тебе не станет мешать. Лучше расскажи, как прикрывать.

Гном тотчас сменил тон с недовольного на деловой.

— Однокомнатная квартира на Восточном бульваре. Второй этаж. Дом не очень старый, окна на бульвар, запасного выхода нет. Нужно будет только проследить, чтобы он в окно не улизнул.

— Клиент один? — уточнил Архипа.

— Девяносто девять процентов, что один.

— Тогда все просто. — Архипа даже зевнул. — Ты с Ядвигой к двери, мы у окон. Ты ломись в квартиру, Ядвига держит выход. Если он полезет наверх, по сигналу Ядвига сразу на крышу, ты, — Архипа указал на Арчи, — к входной двери, я на месте. Никуда он не денется, в крайнем случае прострелю ему ногу. Или просто сшибу со стены. Годится?

— Годится... — проворчал Гном.

«Придется их вырубать, — подумал Арчи озабоченно. — С резидентом и его связями мы покинем город уже через полчаса. Ну а если это не резидент... Тогда поглядим по обстановке».

Арчибальд Рене де Шертарини не знал, что предусмотрительный Саймон Варга выслал следом за Гномом пограничников. И что квартал будет оцеплен.

Но судьба в этот день решила быть благосклонной к нему. Квартира на Восточном бульваре оказалась пустой. Гном и Ядвига спустились уже через несколько минут, и Арчи, чудом не успевший вогнать иглу Архипе в шею, именно в шею, а не в бок, поскольку волк носил бронежилет под комбезом, слегка расслабился, хотя испытал некоторое разочарование. А когда на обратном пути проезжали через оцепление, понял, что был на самой грани провала.

Главу резидентуры (а арестовывали именно разведчиков, правда, как выяснилось, не российских, а сибирских) взяла группа Бизона. Вместе со связистами. Арчи даже знал его (а точнее — ее, ибо это оказалась женщина) в лицо и помнил целых три псевдонима. Майа, Эфа или Золушка.

Настоящего имени Арчи, естественно, не знал.

В это утро Варга умудрился выкорчевать в Ашгабате почти полтора десятка иностранных разведчиков. В том числе российских, сибирских, балтийских, европейского, туран-

ского, двоих японокитайцев и даже одного халифатца. Были ли взяты агенты Америки или какой-либо из Канад — Арчи выяснить не удалось.

В полдень Арчи, Ядвига и Архипа вернулись на «Чирс» вместе с Расмусом. Удивительно, но заснуть Арчи удалось довольно быстро и без особых усилий.

Наверное, потому, что он оставался профессионалом всегда. Даже сожалея об этом.

Сегодня ночью в столице Туркменистана Ашгабате группой патриотически настроенных офицеров пограничной охраны был осуществлен государственный переворот. Президент страны Кокташ Алескеров взят под стражу и объявлен низложенным вместе со всем кабинетом. Руководство страной возложил на себя некто Саймон Варга, доселе возглавлявший анонимную миссию в Туркменистане. Он уже приступил к формированию нового кабинета и обратился к жителям страны по телевидению и голосовому вещанию, в котором призвал к спокойствию и заверил, что новое правительство исправит все ошибки и перегибы, допущенные Алескеровым и его приспешниками, оздоровит экономику и установит подлинную демократию, тем самым вернув свободу некогда процветающей Туркмении.

По сообщениям наших корреспондентов, переворот прошел бескровно; в столице и других крупных городах Туркменистана — Чарджоу, Марах, Красноводске и Ташаузе — никаких беспорядков не наблюдалось. Транспорт, магазины, учебные заведения и другие общественные предприятия наутро возобновили работу в обычном режиме. Силы пограничной охраны в полном составе признали новое правительство; города патрулируются. Единственное место, где возникли волнения, — это центральная пересыльная тюрьма в Небит-Даге, но и там быстро был наведен порядок силами все тех же пограничников. В настоящий момент новое правительство Туркменистана готовит обращения и

ноты к правительствам стран Евразии и мира, а также к Организации Объединенных Наций. В распространенном около часа назад официальном коммюнике сообщается, что Туркменистан намерен покинуть состав Среднеазиатской Конфедерации; кроме того, сообщается, что силами государственной безопасности Туркменистана выявлена и практически обезврежена широкая сеть иностранной агентуры, готовившей несовместимую с нормами международного права операцию в стране. Саймон Варга заявил, что готов выдать арестованных при условии неприкосновенности границ суверенного Туркменистана. В случае же нарушения границ силы пограничной охраны найдут, что противопоставить агрессору. Туркменистан должен остаться свободной многонациональной и многоморфемной страной и никакое вмешательство в его внутренние дела категорически недопустимо.

На текущую минуту все еще не зафиксировано ни единой жертвы первого государственного переворота за последние двести двенадцать лет.

(Из экстренного выпуска новостей программы «ТВ-МиГ», Сибирь.)

Группа генерала Золотых выслушала сообщение диктора в гробовом молчании. Молчание сохранялось и после того, как ти-ви-миг переключился на другие новости.

Степан Чеботарев убавил звук телевизора и выжидательно взглянул на шефа.

— Вот это номер, — тихо сказал Золотых. — А ведь недооценили мы этого Варгу, черт побери! Диктатор самозваный, туды его...

— Группа патриотически настроенных офицеров — это, без сомнения, волки, — заметил Шеремет, руководитель иркутской группы.

— Да уж. — Золотых задумчиво поскреб небритый подбородок. — Куда ж мы теперь? Граница с Туркменией однозначно закрыта. Богдан, где там связь?

— Сейчас, Семеныч. О! Как раз! Президентская линия.

— Странно, что не Владимирович, — пробормотал Золотых вставая.

Министр внутренних дел действительно чаще реагировал первым. Но и с государственными переворотами до сих пор никто дела не имел.

Генерал скрылся в носовом отсеке, перед самой кабиной пилота.

— Слушаю, господин президент.

— Генерал? Вы, безусловно, уже в курсе событий?

— Конечно, господин президент.

— У вас есть какие-либо соображения относительно первоочередных задач?

— Очевидно, нам нужно садиться где-нибудь вблизи туркменской границы и разворачивать полевой штаб. Скажем, в Ургенче или Хиве. И ожидать решений правительств стран альянса.

— Разумно. Через десять минут я с премьером вылетаю в Москву, на экстренное заседание руководителей стран альянса. Будьте на линии ежесекундно! Ежесекундно! Ваше участие будет крайне необходимо. И позаботьтесь, чтобы у представителей иностранных групп были свои независимые каналы связи.

— Разумеется, господин президент. Могу я узнать, какова политика Сибири относительно нового правительства Туркменистана? Хотя бы в общих чертах.

Президент без всякой паузы заявил:

— Пока Сибирь не признала Саймона Варгу законным правителем Туркменистана. Но это еще не повод к нарушению норм международного права. Вы понимаете меня, Константин Семенович?

— Понимаю, господин президент. Конечно, понимаю. Мне будет позволено высказать рекомендацию как руководителю сил альянса?

— Прямо сейчас?

— Да. Сейчас.

Президент колебался всего секунду.

— Высказывайте.

— Единственным разумным поступком будет немедленная интервенция Туркмении всеми странами Евразии. Промедлим — будет поздно. Я понимаю, как это звучит, господин президент, но я уже говорил вам ранее — время шуток закончилось. Началась война. Значит, нужно учиться воевать.

Пауза.

— Я непременно учту и выскажу на заседании ваше мнение, — пообещал президент.

И что-то в тоне президента убедило генерала Золотых: действительно выскажет. Без всяких сомнений.

— Постарайтесь употребить оставшееся время перелета на отдых, Константин Семенович. Боюсь, в ближайшие дни нам будет не до сна...

— Непременно, господин президент.

Золотых вернул тяжелую трубку закрытой правительственной связи на рычажки, покосился на Богдана По и коротко велел:

— Спать.

Богдан с готовностью кивнул — ночка выдалась бессонная.

А Золотых вернулся в основной салон.

— Ну что, Семеныч? — Чеботарев даже на ноги от нетерпения вскочил.

Золотых устало опустился на диван.

— Что-что... Если Европа, Россия, Балтия, Туран и мы одновременно и немедленно не дойдем до Ашгабата и не придавим все это...

Уточнять Золотых не стал. Все и так было понятно.

— И как наши... настроены?

— Наши — похоже, осознали. Но вот остальные?..

И снова оставалось только ждать — на этот раз решения евразийских правительств относительно волчьего — зачем употреблять расплывчато-официальное слово «государственный»? — переворота в Туркмении.

И еще Золотых подумал, что ставки продолжают расти, а просвета все не видно и не видно.

01: Зона стабилизации

— Генерал?

— Да, господин президент.

— Доброе утро. Впрочем, у вас уже наверняка день.

— Почти.

— Вы все еще в воздухе?

— Да.

— Место для развертывания выбрали?

— Выбрал, господин президент. Несколько восточнее города Хива.

— Отлично. Откровенно говоря, я боялся, что вы сочтете более выгодным устроить штаб поближе к Ашгабату и заберетесь на территорию Турана.

— Боялись? — осторожно переспросил Золотых. — Вообще-то расположиться на северных границах Турана действительно было бы намного удобнее.

Президент негромко кашлянул и снова вернул трубку к уху:

— Видите ли, генерал... Только что состоялось закрытое совещание «большой тройки».

«Сибири, России, Европы», — машинально расшифровал Золотых.

— Поскольку речь идет о событиях и информации исключительной важности, каковые могут возыметь самые неожиданные последствия в будущем, мы обязаны учитывать любую мелочь...

— Другими словами, — осмелился перебить Золотых, — этим куском пирога с Тураном решено не делиться?

Президент выдержал паузу, причем Золотых буквально почувствовал его недовольство.

— Я бы попросил вас выбирать более уместные формулировки, генерал. Не забывайте, большая политика не терпит прямоты. И легкомысленных высказываний не приемлет.

— Извините, господин президент. Но ведь по сути я, похоже, прав?

— Правы не правы, не в том дело, — неожиданно раздражаясь, ответил президент. — Если геном волка или волчьими технологиями завладеет арабский мир, вы сможете поручиться за стабильность в ближайшие десятилетия?

— Я могу поручиться, господин президент, что если геном волка или волчьими технологиями завладеет кто угодно — мы, Россия, Европа, Америка, Пасифида, — о стабильности в ближайшие годы можно смело забыть. Все это нужно уничтожить, а не захватывать.

— О том и речь. Мы, Россия и Европа, действуем сообща и склонны друг дружке доверять. А вот за действия Турана поручиться, увы, никто не решается. Поэтому операция в Ашгабате должна произвестись силами России и Сибири при посильной поддержке Европы и Балтии. Ни единый человек

со стороны Турана и Японокитая в этом участвовать не должен. Вам понятно?

— Так точно, господин президент. Откровенно говоря, я предвидел такое развитие событий. Именно поэтому я и выбрал место под будущий штаб у северных границ Туркмении, а не у южных.

— Мне нравится ваша прозорливость, генерал. Мне импонирует ваша дальновидность и трезвость в умонастроениях. И все же я осмелюсь дать вам совет: не все, что вы думаете, стоит произносить вслух. И тем более облекать в такие... смелые обороты. Вы понимаете, о чем я?

— Понимаю, господин президент. Спасибо за совет. Следует ли рассматривать вашу информацию как приказ оказывать поддержку России и Европе?

— Следует. России, Европейскому Союзу и Балтии. Но в первую очередь — всегда России. В сущности, операция возложена на наши государства. Европа и Балтия только оказывают помощь. Подробности и уровни секретности и полноты сводок для всех стран—участниц альянса высланы вам дипломатической почтой. Начинайте стягивать силы к границам Туркменистана...

— Простите, что перебиваю, господин президент. Силы давно стягиваются и отчасти уже даже на местах.

— Отлично. Напоминаю, что туркменские границы пока — подчеркиваю, пока! — по-прежнему неприкосновенны. Но когда понадобится, вы должны в кратчайшие сроки достичь Ашгабата.

— Собственно, десантная операция уже планируется, господин президент.

— Не тяните с этим. С этим нельзя тянуть.

— Господин президент, у меня, во-первых, мало данных, а во-вторых, я, как и раньше, связан по рукам и ногам вашими запретами. В таких условиях операцию возможно распланировать разве что вчерне, в самых общих чертах.

— Запреты, генерал, не от хорошей жизни, — заметил президент.

Золотых слегка — самую-самую малость — порадовался: звучало это так, будто президент оправдывается. Перед ним, вчерашним полковником-безопасником.

И еще Золотых подумал: а сумеет ли он в случае чего нарушить президентский запрет? Нарушить все эти чертовы дипломатические условности и атаковать волчье логово без всякого приказа, просто по велению совести и здравого смысла? Найдет ли силы взвалить ответственность на себя?

В конце концов он призван защитить мир, а не скользких, как омули, политиков, этим миром управляющих. Людей защитить, миллионы мирных и беззащитных перед хищниками людей.

— Господин президент, я попрошу информировать меня о ходе переговоров с новым правительством Туркменистана каждые четверть часа. Это не каприз и не беспочвенная прихоть, это насущная необходимость.

— Непременно. Непременно, генерал. Ваша информация о ходе подготовки вполне нас устраивает, поэтому более ни о чем даже не напоминаю. До связи, генерал.

— До связи, господин президент.

Золотых опустил трубку на ушки сбоку от пульта закрытой правительственной связи и устало провел рукой по лицу.

— Надо поспать, — тихо сказал он. — Хоть немного.

Диван очень удачно располагался буквально в двух шагах.

Отключился Золотых мгновенно, едва голова коснулась цветастой подушки.

Когда официально сообщили об Ашгабатском перевороте, группа Коршуновича находилась в тайге, под Алзамаем. Россияне еще толком не успели обжить притянутые в окрестности бывшей волчьей базы вагончики-теплушки на массивных роговых полозьях.

Сообщение прошло днем, часа в два по местному времени, по сибирскому каналу новостей «ТВ-МиГ». Большинство россиян в этот момент находились на объекте; Коршунович тоже. На мчащегося сломя голову от оперативной теплушки Ивана Шабанеева, спеца-компьютерщика, трудно было не обратить внимание.

— Что там, Ваня? — стараясь хранить хотя бы внешнее спокойствие, спросил Коршунович.

Рядом выпрямился Виталий Лутченко, оторвавшись от очередной распечатки аналитиков.

Группа со вчерашнего дня ожидала новостей: сибиряки намедни сообщили, что в Ашгабате объявились Саймон Варга и Сулим Ханмуратов, предположительно контактировавшие с волками и исчезнувшие вместе с ними. Причем объявились открыто, что выглядело неописуемой глупостью. А значит, что-то за этим неожиданное крылось.

Шабанеев молча сунул в руку шефу селектоид-полиморф и коснулся сенсора «Воспр», а сам тем временем попытался отдышаться.

— Совсем ты форму потерял, — буркнул Коршунович неодобрительно. — Думаешь, раз спец, можно жирком обрастать?

Шабанеев молча отмахнулся, а в следующий момент Коршуновичу стало не до одышки своего подчиненного: он вперился в глаз-экранчик и затаил дыхание.

«Сегодня ночью в столице Туркменистана Ашгабате группой патриотически настроенных офицеров пограничной охраны был осуществлен государственный переворот. Президент страны Кокташ Алескеров взят под стражу и объявлен низложенным вместе со всем кабинетом. Руководство страной возложил на себя некто Саймон Варга, доселе возглавлявший анонимную миссию в Туркменистане...»

Коршунович лихорадочно принялся крутить ус антенны, но тут же сообразил, что сигнал идет не из эфира, а в записи, и ограничился увеличением яркости. Но увы: кадров прошедшей ашгабатской ночи транслировали очень мало, в основном показывали миловидную дикторшу, с очень серьезным видом читавшую экстренное сообщение. Глаза у дикторши были совершенно квадратные и растерянные — она, казалось, и сама не верила в то, что произносила.

Вокруг сгрудились оперативники — Лутченко, Сурнин, Свирский, Баграт...

Сообщение было коротким, скупым и сухим. Оно и понятно — Земля не знала насильственной смены государственных мужей уже больше двухсот лет.

По окончании сообщения Коршунович размышлял около минуты.

— Хлопцы, — скомандовал он. — Готовимся к отъезду. Кто-нибудь, подайте мне на связь Золотых. Здесь оставить только экспертов из группы Сурнина. Живо, собираем барахлишко!

Шабанеев не успел вызвать генерала Золотых — тот объявился на связи сам.

— Палыч? — Золотых было слышно плохо, словно звонил он из самых потаенных глубин преисподней. — Будь здрав. В курсе уже?

— Ашгабатских новостей? Только что просмотрел запись.

— Стареешь, — буркнул Золотых. — Такое нужно в прямом эфире отслеживать.

— Я на объекте. Какой тут, к лешему, эфир? Спасибо, что хоть запись сразу же притащили... Ладно, что у вас?

— Я в воздухе, — сообщил Золотых. — Вообще-то мы направлялись в Ашгабат, но теперь, понятно, нас не пропустят. Будем садиться где-нибудь у границы, полагаю, недалеко от Ургенча.

— А не лучше ли с туранской стороны? Там ближе.

— Не лучше, Палыч. Тогда Туран сразу как бы активно входит в дело, а оно нам надо? Тут еще Европа и Балтия, да и Японокитай... Короче, мне сверху намекнули — не стоит. Допляшем и из Узбекистана. Честно говоря, я и на это не слишком надеялся.

Коршунович жадно внимал, время от времени перекладывая трубку из руки в руку и вытирая о штанину потную ладонь.

— В общем, собирай, наверное, манатки и дуй к нам. И учти: я тебе неофициально звоню, так сказать по дружбе.

— Интересно, — пробурчал Коршунович, — чем это я сподобился, господин новоиспеченный генерал?

— Не рычи, — парировал Золотых. — Мне намекнули тут — опять же сверху, — что России нужно всецело содействовать в первую очередь. Я и содействую. И, кстати, не расслабляйся, сейчас твоей группе официальные директивы пойдут из Москвы. Косяком. Жирным таким косяком, причем одна другой страшнее и путаннее. Я тебе просто время экономлю — собирайся прямо сейчас.

— Понял, — вздохнул Коршунович. — Спасибо, Семеныч... Точные координаты конечного пункта не забудь сообщить.

— Уж не забуду, — пообещал Золотых. — В плане, так сказать, всецелого содействия в первую очередь...

Коршунович медленно отнял трубку от уха.

— Что там? — с тревогой осведомился Лутченко — первый помощник и правая рука.

— А ничего особенного. Советуют собираться и двигать к границам Туркмении.

— А ведь мы уже и так собираемся! — хмыкнул Лутченко.

— Ну, — Коршунович поскреб небритую щеку, — у вас не самый глупый начальник в бюро, не находишь?

Лутченко ухмыльнулся.

— Ладно, Виталик. — Коршунович нетерпеливо повел рукой. — Давай шевелись. Оборудование бросай, пусть Сурнин пользуется. Махолет вызвал?

— Наш? Или сибирский?

— Какой наш, он весь день пилить сюда будет. Сибирский, из Алзамая.

— Вызываю...

— И Шпаковского банду пни. Они в теплушках, поди, прохлаждаются.

— Заметано, Палыч. Уже бегу.

Лутченко сделал повелительный жест Шабанееву, неосознанно повторяя недавнее движение шефа, и опрометью помчался к оперативной теплушке.

На юге были пески и туркменская граница. На севере — рукав мутной Амударьи. На западе — Хива. На востоке — Хазарасп.

Золотых отнял от глаз местного выроста бинокль (дающий, к слову говоря, весьма приличную картинку) и невольно окинул взглядом еще пару дней назад совершенно девственный клочок каракумской пустыни.

Его было не узнать. Там и сям возвышались над песками буро-рыжие маскировочные тенты. Под наспех сооруженными грибами прятались от солнца незадействованные в данную

минуту селектоиды. Чуть поодаль выпадала из череды барханов ровная посадочная площадка с десятком махолетов по краешку. При необходимости сюда мог сесть и небольшой самолет-транспортник. Врытые в песок мачты поддерживали полуметровые чаши антенн-излучателей стратосферной связи.

«А ведь еще день-два, — подумал Золотых, — и нечто подобное будет наблюдаться по всему периметру туркменской границы».

Генералу Золотых очень хотелось в это верить.

— Господин генерал! — обратился к Золотых новичок-связист. — Борт с русскими на подлете. С русскими и балтийцами, борт наш, сибирский. Их под Алзамаем подобрали.

— Пусть садятся, — сказал Золотых и потер раскрасневшиеся от бессонницы глаза.

«Что за жизнь, — подумал он с легким раздражением. — Не было дел, не спал в ожидании новостей. Навалились новости — не сплю, потому что некогда. Только в любом случае — один черт не сплю. Как же жить дальше-то?»

Не хватало еще закемарить прямо здесь, на пороге импровизированного штаба.

Минут через пять послышался нарастающий гул самолета — Золотых всегда удивляло: чему там гудеть? Не механизм ведь, не железка. Селектоид, квазиживой организм. Все равно гудит. От скорости, что ли? Трение о воздух, то-се...

Как ни странно, но Золотых действительно не знал, почему гудят самолеты. Наземные экипажи — те передвигаются почти бесшумно. Если здоровы и вдоволь накормлены, естественно.

Вскоре в небе без всякого бинокля можно было разглядеть темную точку приближающегося борта. Он дотянул до условного посадочного коридора, сделал контрольный круг над полосой, зарулил на посадку и начал снижаться.

Золотых вдруг осознал, что последние дни ему очень не хватало присутствия Вениамина Коршуновича, коллеги-россиянина. Работать рядом с ним было удивительно легко и комфортно, даже несмотря на то что каждый работал на свою страну, а следовательно, кое-что придерживал в секрете. В рукаве. Но даже в условиях подобной неполной откровен-

ности Золотых мог со спокойным сердцем взвалить некоторую часть дел на Коршуновича и его группу. Балтийцам, европейцам — этим Золотых не доверял. Не говоря уж о сотрудниках туранских или японокитайских служб. А россиянам — легко. Может быть, потому, что сибиряки — те же русские? Потому что Россия и Сибирь разделены весьма условной границей? Несмотря на некоторое охлаждение отношений при Самойлове, бывшем президенте России, обе страны очень быстро вернулись к безвизовому режиму и практически открытой границе. Чуть ли не у каждого сибиряка есть родственники в России, а у русского — в Сибири. Слишком уж велика территория для одной страны — наверное, поэтому Сибирь в свое время и отделилась от России. Как известно, чем дальше от столицы — тем больше беспорядка, тем обильнее коррупция и взяточничество среди чиновников. Вот и пришлось провести по Уралу границу и объявить второй столицей Красноярск. И однажды утром около ста миллионов вчерашних россиян вдруг обнаружили, что отныне они граждане Сибири...

Самолет сел. Генерал Золотых очнулся от раздумий, снял с шеи ремешок бинокля, пристроил уже успевший задремать селектоид на раскладном столе и направился к летному полю.

Коршуновича он хотел встретить лично.

С реабилитации Генриха отозвали рано утром в понедельник. Генрих, естественно, еще спал, ибо кто осмелится нарушать распорядок на реабилитации? Директор медцентра, кряжистый боксер, слегка обрюзгший в последние годы, но отнюдь не потерявший непреклонности, живо построил бы нарушителя, как выражались в медцентре, «на подоконнике» и выразил ему укоризну. А что такое укоризна старика Вермайера, Генрих не хотел даже вспоминать.

В общем, Генрих спал. Крепко, без сновидений, и намеревался проспать еще часа три-четыре, вплоть до официального подъема.

Не просыпаясь, он зафиксировал чьи-то тихие шаги в коридоре. Если бы этот кто-то прошел мимо, Генрих скорее всего и не вспомнил бы потом, что ночью у его палаты кто-

то шастал. Но неизвестный остановился перед дверью, и Генрих проснулся. Открыл глаза, шевельнул ушами и уже приготовился было сесть на кровати...

В дверь постучали. Неизвестный не таился. Он пришел совершенно открыто и не собирался торчать перед дверью попусту или что-либо вынюхивать.

Генрих нащупал босыми ступнями казенные тапочки у кровати, включил неохотно оживший светильник и подошел к двери.

— Кто там? — зачем-то спросил он.

Дверь была не заперта, такие уж порядки в реабилитационном медцентре европейской разведки. Врачи и психотехники должны иметь неограниченный доступ к пациентам...

— Шольц, — коротко назвался Шольц.

Шеф.

«Если шеф ни свет ни заря примчался в медцентр, значит, что-то началось», — осознал Генрих, отворяя дверь.

Шеф был, как обычно, в штатском. Подтянутый и стройный, как и практически все доберманы, он производил впечатление человека, у которого рабочий день длится двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. И, если разобраться, это было не так уж далеко от истины.

Генрих посторонился, пропуская шефа в палату. Шольц, не снимая плаща, прошел к креслу.

— Собирайся, Генрих. Твоя реабилитация досрочно завершена.

Чего-то подобного Генрих и ожидал. Психотехники не стали лепить ему новую скорлупу, ограничились подлатыванием и косметической реставрацией старой. А это означало, что им просто не дали достаточно времени.

Впрочем, чему-чему, а этому Генрих совершенно не удивлялся. Он был на все сто процентов убежден, что история с волками возымеет скорое продолжение, и, естественно, не останется в стороне и он, Генрих Штраубе, в недавнем прошлом — оперативник группы «У», а последнее время — официальный агент внешней разведки Европейского Союза.

Его напарника — Франсуа д'Арсонваля — вывели из строя в самом начале алзамайских событий. Генрих продержался в

Алзамае до самого конца, до попытки окружения и штурма волчьей базы в тайге. Бесславно провалившейся попытки. Но Генрих уцелел и даже умудрился с честью выйти из всех передряг. Откровенно говоря, нынешняя реабилитация не особенно и требовалась. Формы Генрих не потерял.

Вещей у Генриха почти не было — разведчики быстро отвыкают от вещей. Поэтому он просто оделся, нацепил часы и сунул в карман пиджака протянутый шефом пакет с документами.

— Готов, — выдохнул он.

Шольц немедленно покинул кресло и зашагал к выходу. Генрих пристроился следом.

По пути к выходу они никого не встретили; здание медцентра оставалось погруженным в дремотную тишину, а звуки шагов удачно глушились коврами. У портала разведчиков ждал длинный черный экипаж с дипломатическими номерами.

Транспортный самолет тянул над самыми барханами. Юрий Цицаркин, сотрудник внешней разведки Балтии, глядел в овальный иллюминатор и думал, что в Сибири они тоже высаживались с воздуха. С махолета. Только тогда внизу шевелилась тайга и в открытую рампу врывался прохладный ветерок. А пустыня была горячей даже на взгляд — Юрий видел красновато-желтые пески и едва различимые подвижные точки — шары перекати-поля. Поверхность барханов должна быть волнистой, но с такой высоты этого не различить.

Напарник Юрия — Рихард Вапшис — дремал в соседнем кресле, вытянув ноги далеко в проход. Ему было начхать на пустыню. Видимо.

Скорее всего более молодой и потому более импульсивный Рихард некоторое время назад уже посчитал себя уволенным из разведки. Что-то, видимо, неуловимо изменилось в его отношении к миру. Прежний Рихард хоть пару раз, но взглянул бы в иллюминатор, отпустил бы какое-нибудь едкое замечание. А этот — спал.

Тогда, чуть больше трех недель назад, дремал как раз Юрий. А Рихард разбудил его перед самой высадкой.

Теперь все наоборот.

«Черт возьми, — подумал Юрий. — А ведь и меня последние недели здорово скрутили... Во всяком случае, спать перед высадкой меня уже не тянет...»

И еще он подумал, что появление на Земле волков изменило жизнь очень большого числа людей. Взять хотя бы этот злосчастный туркменский переворот. Чего там наворотит Саймон Варга, темная личность, располагающая, как оказалось, довольно обширными возможностями?

Загадка. Уравнение со многими неизвестными. Он, Юрий Цицаркин, один из самых опытных разведчиков своей страны, вынужден чуть ли не переучиваться и принимать участие в полномасштабной служебной операции, для которой более соответствовало напрочь забытое людьми слово «война».

Так ведь и есть. Страны альянса вынуждены развязать войну против Туркмении. Точнее, против самозваного режима Варги и против волков. Сколько жизней будет сломано в этой войне? И откуда, черт возьми, взяться победителям, если многим российским и сибирским парням-пограничникам суждено обагрить руки людской кровью и сойти с ума, сознавая это? Как, черт возьми, легко волки нашли подобных себе здесь, на Земле! И как глубоко, оказывается, сидит в людях волчья натура, если, разучившись убивать, они все равно убивать не прекратили?

Вопросы, вопросы... Раньше Юрий почему-то редко задумывался о подобных вещах. А теперь — все чаще.

Самолет зарулил на посадку и стал снижаться. Рихард заворочался в кресле, открыл глаза.

— Что? Прилетели? — справился он сиплым со сна голосом.

— Ага.

Потянувшись к иллюминатору, Рихард выглянул и скривился, словно увидел там что-то осточертевшее ему еще до рождения. Потом оглянулся на русских, сидевших в середине маленького пассажирского салона. Русские вполголоса переговаривались.

Толчок, еще толчок... Махолет скользит по песку, быстро теряя скорость. И вскоре — все, остановка.

Из кабины тотчас показался пилот-пинчер.

— Все! — весело сообщил он тоненьким писклявым голоском. — Земля!

Русские принялись отстегиваться и вставать. Встали и Юрий с Рихардом. Бортселектолог возился с запором пассажирского люка. Несколько секунд — и люк ушел в сторону, а в самолет ворвалась плотная и тугая волна каракумского жара, растворенная в лучах неистового, яркого-яркого солнца.

— Фу-ты, — обронил кто-то из русских. — Прямо баня...

Было действительно очень жарко.

— Панамы не забывайте, — насмешливо посоветовал кто-то из встречающих. — А то десять минут — и здравствуй медпункт. Живо лобики напечет...

Русские принялись беззлобно огрызаться.

А Юрий решил не экспериментировать — послушно натянул на пшеничную голову выданную еще в тайге под Алзамаем панаму и ступил на трап.

Жара казалась почти осязаемой.

Весточку Арчи решился отправить на третий день после переворота.

Утром, после всей неизбежной суеты и коротких штурмов, волки вернулись на «Чирс», предоставив Варге, пограничным чинам и невесть откуда вынырнувшим функционерам из оппозиции право играть в большую политику, надувать щеки перед телекамерами и произносить в эфир проникновенные речи.

Два полных дня в нескольких километрах от базы, у пасти небольшого ущелья, возводился городок. Пузатый селектоид с огромным ковшом ловко и неутомимо копал капониры, волки натягивали над ними маскировочные сети. Другой селектоид, похожий на иссиня-черного земляного червя, тянул от самой базы узкую, метровой глубины траншею. В траншею укладывался силовой электрический кабель (Арчи догадался, что волкам органическое питание не подходило), после чего червь траншею сразу же засыпал. Из Ашгабата то и дело приезжали грузовики с оборудованием — тоже сплошь неживым, механическим.

На Арчи никто не обращал внимания; Расмус за два дня потревожил его всего лишь дважды, оба раза вечерами. Яд-

вига, свыкнувшаяся со спокойным нравом подопечного, расслабилась и бдила уже не так неусыпно, как раньше. Во всяком случае, у Арчи появились окна в несколько минут, когда за ним вообще никто не подглядывал. Поэтому ближе к обеду третьего дня он решил действовать, тем более что его с утра никто не поднял и не потащил к городку помогать. Естественно, в качестве «подай-принеси-подержи».

Сразу после завтрака, когда волки гурьбой потянулись в курилку под туи, Ядвига взяла Арчи за рукав и отвела в сторону.

— У нас сегодня вроде как выходной, — сказала она. — Купаться будем?

Арчи с сомнением глянул в сторону боксов — там вовсю ворочались разбуженные джипы и строительные селектоиды. Как вчера, как позавчера. Да и первые курильщики уже брели к воротам.

— У нас — это значит у тебя и у меня, — пояснила Ядвига. — Сегодня начинают монтировать портал.

— Чужие глаза? — догадался Арчи. — Мне теперь на Хендывар путь заказан?

Ядвига вздохнула и опустила взгляд.

— Арчи... Нам ведь нужно выжить. В условиях вашей, земной экономики. Мы намерены торговать технологическими разработками. Отсюда и неприятие чужих глаз.

Арчи это и сам прекрасно понимал. Поэтому дежурно улыбнулся и попытался вильнуть в сторону:

— Ты говоришь как экономист, а не как спецназовец.

— А я и есть экономист, — улыбнулась Ядвига. — Спецназ — это хобби. Ну и спорт, если угодно.

— Ничего себе спорт для женщины, — буркнул Арчи.

— А что? — Ядвига слегка ощетинилась. — Ты сторонник само собой разумеющегося мужского превосходства?

— А ты — феминистка?

Ядвига моментально успокоилась.

— Вообще-то нет. Но и с судьбой кухонно-постельной приставки к мужчине я не согласна.

— О как... — пробормотал Арчи. — Знаешь, а ведь я тоже не одобряю такую судьбу. В смысле как мужчина не одобряю такой подход к женщинам.

— Даже так? — Ядвига, казалось, забыла обо всем на свете, кроме этого разговора. — А какой подход ты одобряешь?

— Ну... Люди ведь разные, — попробовал вывернуться Арчи. — Думаю, для каждой конкретной пары подход формулируется по-разному. Надо просто видеть в партнере в первую очередь человека, а не инструмент. Разве нет?

Ядвига долго — секунд двадцать — смотрела Арчи в глаза, а потом неожиданно закинула руки ему за шею, коснулась губами его щеки и тихо попросила:

— Увидь во мне человека...

А потом развернулась и пошла к жилому корпусу.

— Я переодеваться, — бросила она через плечо. — Через десять минут на пляжике.

Именно в этот момент Арчи принял решение: сегодня.

Текст Арчи давно составил в уме; вместо салфеток умудрился даже раздобыть плотный писчий пластик, который не боялся воды.

Сначала он хотел написать записку в сортире, но все же убоялся скрытых селектоидов наблюдения. Поэтому он просто пошел к пруду-бассейну, неторопливо разделся и улегся на глиняном пляжике.

Вдалеке сновали волки, отправляясь на Хендывар. Большая их часть обитала прямо там, под тентами, в капонирах. Но офицерский состав разместили на «Чирс», тем более что Варга и десятка два его помощников прочно застряли в Ашгабате, а значит, освободилось несколько квартир-номеров в жилом корпусе. Местных, из обслуги «Чирс», Арчи видел редко, исключая разве что охранников. Эти на виду оставались всегда.

Протянув руку, Арчи сорвал желтую травинку и вознамерился ее погрызть, но травинка оказалась такой горькой на вкус, что пришлось ее тут же с отвращением выплюнуть. Противная горечь еще долго сохранялась на языке.

Минуты шли. Арчи потихоньку вытащил из кармана лежащего рядом комбинезона самописку, из другого кармана — пластик. Огляделся. Вроде бы все тихо.

И Арчи стал писать.

«Нашедшему это. Международный код — 8-095, номер телефона — 776-91-27. Наберите этот номер в любое время дня или ночи и произнесите всего одно слово — «Шериф». После чего назовите номер своего счета либо адрес для почтового перевода. Вознаграждение вас не разочарует».

Поскольку код Арчи указал московский, записку он написал по-русски — в конце концов Средняя Азия почти повально пользуется русским, потому что на северо-востоке — Россия, а на северо-западе — Сибирь, без связей с которыми никуда... А значит, практически любой, кто подберет весточку, сумеет ее и прочесть, и понять.

Свернув пластик в тугой цилиндрик, Арчи втиснул его в бережно хранимый флакончик из-под соуса, а сам флакончик спрятал в плавки. Самостоятельно соваться в воду и светиться в углу, где располагался отток, он не решился.

Вскоре пришла Ядвига; зрелище было еще то. В весьма скудном купальнике, темных очках, кепке и с автоматом на плече. За несколько дней она даже успела слегка загореть.

— Валяешься? — спросила она, опуская автомат на землю.

Арчи машинально отметил: автомат она кладет так, чтобы между оружием и Арчи оказалась она сама. Ядвига всегда оставалась профессионалкой.

— А где Архипа? — лениво поинтересовался Арчи. — То ни на шаг не отходил, то вовсе его не видно.

— А он в тебя поверил, — сообщила Ядвига и сладко потянулась — было чем полюбоваться. Скорее всего для этого Ядвига и потягивалась: чтоб полюбовались. От ворот, из тенька, на нее голодно пялились охранники дежурной смены. — Ты в Ашгабате сто раз сбежать мог. Но не сбежал. Значит, нечего тебя караулить. Если сильно хочешь — сбежишь все равно. Но скорее всего никуда ты не собираешься.

Арчи вздохнул.

«А не очередная ли это проверка? — размышлял он. — С «Чирс» улизнуть невозможно, охрана меня даже к периметру не подпустит. В Ашгабате действительно был шанс, но куда бы я подался в Ашгабате? Города не знаю, без денег, без прикрытия... Меня бы вычислили в момент».

В общем, Арчи похвалил себя за то, что не стал раньше времени дергаться.

— Ну что? Опять на дальность? — предложила Ядвига, заходя в воду по щиколотки.

— Размяться сначала надо. — Арчи встал и покосился на свое купальное одеяние — флакончик едва заметно выпирал. Но если не присматриваться, можно было решить, что Арчи просто слишком пристально таращился на Ядвигу.

— Тогда начнем. — Ядвига зашла по колено и бесшумно нырнула.

Арчи тоже обычно далеко не забредал, плюхался сразу. А теперь сам бог велел поскорее прятаться под воду.

Для начала он поплавал, потом немного понырял, побрызгал из озорства на Ядвигу и, удирая, отступил к нужному углу. Ядвига преследовать его поленилась; Арчи нырнул, вынул флакончик, в два гребка подобрался к решетке и пропихнул его в одну из ячеек. Флакончик мелькнул в уходящем потоке воды и пропал.

«Ну, — подумал Арчи, — осталось только молиться, чтобы он не застрял где-нибудь под землей, в трубопроводе...»

Энергично работая руками и ногами, он отплыл в сторону и вынырнул.

— Попался? — довольно сказала Ядвига, и на Арчи обрушилось настоящее цунами.

Снова погружаясь под воду, Арчи рассеянно отметил: «Дня три понадобится. Не меньше».

Семнадцать дней назад Кейлу исполнилось целых четыре года. Он был обычным щеном морфемы кавказский овчар, толстеньким, с непропорционально большими ступнями и ладонями, жизнерадостным и любопытным. Еще не успевшим нагулять обычную для кавказов мрачную сосредоточенность.

Он любил болтаться в арыке, запускать самодельные кораблики из листьев тутовника и бежать, бежать вдоль по улице Верхнего Багира, глядя, как течение увлекает листик-кораблик в неведомые дали, высвобождать кораблик из коварных и неожиданных запруд, а когда арык вольется в широкий рукав, ведущий к руслу оросительной системы, проводить кораблик взглядом и обязательно помахать ему рукой на прощание.

Сегодня он посадил в кораблик двух здоровых муравьев, которые все время так и норовили впиться в руку острыми, как иголочки, жвалами. Течение в арыке то убыстрялось, то замедлялось, словно кто-то неведомый и огромный там, откуда текла вода, то отвинчивал, то прикрывал волшебный кран. Кораблик резво скользил по поверхности, огибая препятствия в виде камней и кучек мусора. Моряки-муравьи озабоченно бегали по зеленой палубе.

Кейл вприпрыжку бежал вдоль арыка; из одежды на нем были только шорты, панамка и стоптанные пыльные сандалии — солнце успело так затемнить его кожу, что ни о каких ожогах и речи быть не могло. Который день он вот так проводил на туркменской жаре, коротая время, пока родители трудятся в багирской фактории.

Ярко-оранжевый цилиндрик Кейл заметил только тогда, когда в сие неожиданное препятствие уперся кораблик с муравьями. Заметил и удивился — надо же, эдакое сокровище валяется прямо на виду и никто его до сих пор не умыкнул!

Очередной волной цилиндрик сняло с мели и протащило на метр-другой вперед. Кораблик тоже высвободился из плена и умчался вперед на гребне потока. Но теперь внимание Кейла было приковано к цилиндрику.

Дождавшись, пока цилиндрик снова сядет на мель, Кейл обстоятельно и неторопливо выловил его из воды загодя подобранной веткой. Взял в руки — цилиндрик был скользкий и прохладный, как вода в арыке.

«Если это крышечка, — подумал Кейл, изучая добычу, — из него получится замечательная подводная лодка!»

Несколько минут у Кейла ушло на то, чтобы справиться с плотно насаженной крышкой. Но Кейл справился.

В цилиндрике обнаружился плотный, свернутый в трубочку лист, испещренный буковками. Если бы Кейл умел читать, он попробовал бы прочесть, что там написано, но Кейл читать не умел. Поэтому он решил показать этот листик отцу, когда тот придет. И сунул в карман шортов. До срока.

В цилиндрик-подводную лодку влезло много-много муравьев: десять, а то и больше. Кейл увлекся приключениями

оранжевой лодки — ее приходилось чаще вызволять из запруд. И о листке пластика в собственном кармане вскоре начисто забыл.

Вечером мать Кейла — плотная сорокалетняя женщина — решила, что шорты сына неплохо бы простирнуть. Четырехлетние дети обладают непостижимым талантом мгновенно пачкать вещи. Впрочем, это касается детей любого возраста. Привычно обшарив карманы (муж страшно не любил пропущенных через селектоид-стиралку денег и прочих бумажек) и найдя только свернутый в трубку клочок пластика, она запихнула шорты в разинутый рот-приемник селектоида. О пластике она тоже забыла почти мгновенно.

Ее супруг, вернувшись из пивной около полуночи, вошел в уже темную комнату и свет зажигать не стал. А когда снимал часы и клал их на стол, ненароком спихнул ремешком этот кусок пластика на пол, естественно, вообще ничего не заметив.

Утром, когда он проснулся по сигналу настырного и совершенно бездушного селектоида-будильника, свернутый в трубку пластик оказался зафутболенным под диван, причем отец Кейла снова ровным счетом ничего не заметил.

Впрочем, у послания агента внешней разведки России Арчибальда Рене де Шертарини оставался шанс: еженедельно, в субботу, хозяйка наводила в комнате порядок и обязательно вытирала пыль под диваном.

Оранжевый цилиндрик был выловлен несмышленышем Кейлом из арыка днем в среду.

— Босс, — обратился к Расмусу капитан спецназовцев. — Там Варга едет.

— Варга? — переспросил Расмус с некоторым удивлением, явно деланным. — Что это с ним стряслось?

За минувшие четыре дня новоявленный туркменский президент ни разу не наведался на Хендывар, где кипело волчье строительство. Видимо, ашгабатские дела казались Варге важнее. Предводитель волков уже успел к этому привыкнуть, поэтому и удивился. Одновременно Расмус поймал себя на мысли, что за эти четыре дня и сам ни разу не поинтересо-

вался состоянием дел на туркменских границах, и подумал: «Теряю форму».

Земля, безопасная и сытая Земля — вот единственная причина. Там, в глубоком космосе, расслабляться нельзя было ни на секунду. А здесь любой из волков очень быстро перестанет быть солдатом.

«Черт побери, — думал Расмус. — Скорее бы расплеваться с этими проклятущими проблемами и уйти в тихий и манящий омут, где никому не будет до волчьей общины дела».

Но проклятущие проблемы имели одно жутко малоприятное свойство: они плавно перетекали друг в дружку. Только удавалось с грехом пополам разделаться с одной — тут же наваливалась очередная. И так без конца.

Расмус ничуть не удивился бы, если бы узнал, что Саймон Варга везет в черном правительственном лимузине очередную Большую Проблему.

Впрочем, Расмус ошибался. Не вез Варга очередной Большой Проблемы. Варга мог сообщить, что предыдущие еще не решены, но не более. Время новых проблем пока еще не настало.

Варга не сразу вышел из экипажа, подождал, пока ветерок снесет в сторону поднятую пыль. Волки на стройплощадке на лимузин внимания не обращали: что им какой-то полуживой лимузин? Пусть даже с туркменским президентом внутри. Они своими глазами видели инопланетные рейдеры, способные покрывать расстояние между звездами за несколько земных суток. Они строили межпространственный портал, для которого расстояния — вообще не более чем пустой звук. Они сражались на стороне могучей звездной империи, в сравнении с которой Земля — лишь одинокая песчинка посреди огромного пустого ангара. Им вручало награды и премии существо, по чьему приказу могли почти мгновенно распылить всю солнечную систему и парочку ближайших звезд заодно...

В общем, Саймона Варгу отнюдь не встречал почетный караул. Вышел навстречу Расмус, и все.

— Я смотрю, вы тут трудитесь не покладая рук, — вместо приветствия заметил Варга, окидывая взглядом площадку.

— Мы спешим, — пожал плечами Расмус. — Это ведь уже обсуждали.

— Обсуждали, — согласился Варга. — Собственно, я не протестую. Просто заехал узнать, как у вас идут дела.

— Идут дела, — заверил Расмус. — Медленнее, чем хотелось бы, но идут. А что там? — Волк выразительно склонил голову в сторону и округло шевельнул ею, словно бы очерчивая туркменские границы.

— Там... — протянул Варга, сразу став озабоченным. — Послушайте, мы так и будем беседовать на этой жаре или у вас тут найдется тенек?

— Думаю, удобнее будет в вашем лимузине, — предложил Расмус невозмутимо. — Ручаюсь, там стоит кондиционер.

— Действительно, — проворчал Варга. — Пойдемте.

Кажется, он втайне надеялся поглазеть, что же такое сооружают волки на Хендываре? Хотя бы одним глазком.

В салон лимузина при желании можно было запихнуть стол для настольного тенниса. И там действительно царила блаженная прохлада.

Внутри, конечно же, обнаружился Сулим Ханмуратов и еще двое коротко стриженных лбов с едва намеченными ушами. Лбы взглянули на Расмуса ревниво — псы всегда смотрят на волков именно так.

— В общем, — заговорил Варга, усевшись на комфортное сиденье, более напоминающее диван, выращенный на заказ для баскетболиста, — отсрочка у нас есть. Но небольшая. К границам стягиваются разнообразные вооруженные формирования; собственно, границы уже блокированы. Но пока на нашу территорию никто не отважился сунуться. Я веду переговоры сразу с несколькими правительствами, а также с альянсом наиболее влиятельных стран Евразии. Если выражаться без дипломатических экивоков, я пока кормлю их расплывчатыми обещаниями и старательно путаю. К счастью, страны успели и между собой отыскать предмет для трений; я имею в виду претензии России и Сибири к Турану. Если вы помните, Туркменистан с юга граничит с Тураном. Туран — страна большая и стремительно развивающаяся, и это не очень радует Европу, Россию и Сибирь.

Собственно, сей могучий триумвират и ранее прилагал все силы, чтобы в алзамайской истории оставить Туран не у дел. Нынче триумвират занят тем же. Но Туран тоже не собирается сидеть паинькой: еще до окончательного решения туркменского вопроса он стянул к северным рубежам почти половину своих пограничников со всей селектурой, техникой и вооружением. Причем Турану до Ашгабата пути от силы час-полтора; россиянам же и сибирякам — не менее суток, да все через пустыню. Естественно, Россия и Сибирь опасаются, что Туран первым начнет интервенцию и захватит все волчьи секреты еще до того, как силы триумвирата достигнут Ашгабата. Нам эта внезапная склока очень на руку; мы выиграем не менее двух лишних суток сверхзапланированной недели. Кроме того, весь альянс в целом пытается понять, что же такое мы затеяли, ибо ведем мы себя в высшей степени нелогично, а это всегда чревато сюрпризами. Я никого не разочаровывал и туманно намекнул пару раз на некое оружие «превентивной обороны». Аналитики альянса убеждены, что это ваше оружие, продукт волчьих технологий, посредством которых силы альянса были неоднократно щелкнуты по носу еще в алзамайской тайге.

Расмус внимательно слушал эту вдохновенную речь. Один из лбов тем временем влез в бар-холодильник и смешал несколько напитков, выставив их в конце концов на откидной столик. Варга потянулся к стакану; видно было, что он успел отвыкнуть от изнурительной туркменской жары. В лимузине было совсем не жарко, но тело Расмуса все еще помнило наружную температуру, поэтому Расмус тоже осушил стакан с непередаваемым удовольствием.

— Кроме того, я пока не спешу начать переговоры по обмену агентами, коллега Расмус. И это тоже сдерживает альянс. Они очень надеются, что задержанные нами в ночь переворота осведомители сумеют ответить на множество вопросов.

— Значит, наш человек выжил? — уточнил Расмус.

— Естественно, я могу только повторить то, что мне сообщил пресс-атташе альянса. Пленный волк жив, хотя попрежнему находится в правительственном госпитале Крас-

ноярска. Но теперь медики утверждают, что его жизнь вне опасности.

— Его следует обменять как можно скорее, — глухо сказал Расмус.

Варга примирительно поднял ладони:

— Коллега, вы зря беспокоитесь. С его головы ни один волос не упадет, это ясно как божий день. Альянсу это невыгодно, неужели вы не понимаете? А поспешный обмен только приблизит день интервенции. Нет, коллега, с обменом необходимо тянуть так долго, как только возможно.

Расмус промолчал.

Некоторое время было слышно только размеренное дыхание двуморфа-кондиционера.

— Сколько вам еще потребуется времени? — спросил Варга, делая знак, чтобы его подручный смешал еще напитка.

— Если ничего экстраординарного не произойдет, — сказал волк, — то дня три-четыре. Ну от силы — неделя.

Расмус лгал. Сознательно лгал. Он надеялся запустить портал ближайшим же вечером.

— Скажите, коллега Расмус, — проворчал Варга. — Если вы так быстро управляетесь, почему вы не построили его еще в тайге? У вас там было явно больше недели времени.

«Что б ты понимал, царек банановый», — подумал Расмус с легким раздражением. Но вслух произнес, конечно же, совсем иные слова:

— Не будь той подготовки, мы бы и здесь так скоро не управились.

Варга застыл в задумчивости — не то в притворной, не то в истинной. Расмус чувствовал, что он готовится задать очень важный вопрос. Возможно, один из самых важных, чуть ли не ключевых в своих малопонятных для волков планах.

— Коллега... Правильно ли я понимаю, что портал способен транспортировать материальные предметы из одной точки в другую?

Пока Расмус не чувствовал никакого подвоха. О портале Варге было сообщено достаточно давно, да и сам смысл межпространственного портала землянам был вполне доступен и не так уж для них нов. Другое дело, что принципов его работы на родине людей и волков пока еще не открыли.

— Ну если не вдаваться в подробности — правильно.

— Я могу задать вопрос: а как вы намерены сохранить доставленные из космоса ценности? Мы ведь, по сути, в блокаде, в окружении. Ну доставите вы их сюда. И что? Прорываться силой? Но ведь вы сами признавали, что альянс воюет хоть и не блестяще, но все же более или менее успешно. И что не умением, так числом земляне способны задавить даже вас. Ведь так?

— Что касается ваших последних слов — так. А что касается нас и наших ценностей... Видите ли, коллега, портал — это такая штука, которая транспортирует материальные, как вы выразились, ценности действительно из одной произвольной точки пространства в другую произвольную точку пространства. Причем совершенно не обязательно именно в ту, где находится сам портал, как это парадоксально ни звучит.

Глаза Варги мгновенно загорелись.

— Следовательно, — спросил он, — когда портал освободится, можно будет им воспользоваться еще разок? Допустим, в наших общих целях?

— Нельзя ли поконкретнее? — попросил Расмус. — Что вы опять задумали?

— При помощи портала мы можем эвакуировать всю базу. В произвольную, как вы выразились, точку. И там спокойно завершить начатое. Слишком уж серьезно взялись за дело наши противники. Боюсь, мне не удастся клонировать достаточное количество бойцов... в столь короткие сроки.

— Если бы не ваши ашгабатские художества, — неодобрительно заметил Расмус, — отсидеться втихую можно было бы и здесь. Вполне благоприятное место. Так нет, нужно было прогреметь на весь мир — я смотрел новости по телевещанию, и, признаться, чуть ли не впервые в жизни мне было мучительно стыдно и очень, очень противно.

Варга иронически улыбнулся.

— Благодаря моим ашгабатским художествам, мой друг, мы выяснили одну очень, очень, как вы выразились, важную вещь.

— Интересно, какую же? — поинтересовался Расмус.

Варга вдруг подался вперед, оторвавшись от спинки сиденья.

— Захватить власть силой — задача действительно выполнимая. Было бы достаточно силы.

Вид у Саймона Варги был близок к торжествующему.

— Черт вас побери, Варга, — видно было, что Расмус буквально захлебнулся гневом и возмущением и с трудом держит себя в руках. — Так вы что, просто затеяли генеральную репетицию? Подставили под вероятный удар и себя, и нас, чтобы убедиться в выполнимости своих планов?

Варга поморщился:

— Коллега Расмус, слово «подставили» — из лексикона мелких кидал и бандитов, коим я не являюсь. Зато теперь мы гораздо ближе к цели, чем были раньше. Мы знаем, что задача имеет решение. А это главная составляющая успеха. Кто говорил, что наше дело обойдется без риска? И кому бояться риска — вам, волкам? Мне казалось, вы умеете рисковать. Спокойно и невозмутимо.

— Мы умеем рисковать, когда это действительно необходимо.

— Жаль, что вы не считаете произошедшее необходимым. Хотя оно необходимым, безусловно, является.

Расмус некоторое время молчал, глядя в затененное окно лимузина.

— Куда вы намерены эвакуировать лаборатории? — глухо спросил он.

— В Крым. Нужны точные координаты?

— Понадобятся... потом. Когда портал будет готов к работе. К работе на вас, я имею в виду.

— Только дайте знать, коллега. Только дайте знать, и я предоставлю вам всю необходимую информацию.

Расмус снова умолк на некоторое время.

— А ведь вы страшный человек, Саймон Варга, — вдруг сказал волк неожиданно уставшим голосом. — Умный и страшный. Умный и потому страшный.

— Дайте срок, — пообещал Варга, — и эти же слова произнесет весь мир. Итак, еще от силы неделя, и мы приступим к следующей фазе нашей беспримерной операции? Так ведь?

— Так, — согласился Расмус. Он не собирался скрывать, что соглашаться ему неприятно, но иного выхода попросту нет.

— Вот и отлично. Неделю спокойствия я просто гарантирую. Вы знаете, водить за нос заправил альянса — это такое увлекательное занятие!

Варга азартно, с воодушевлением засмеялся и внезапно потер руки, словно устал ждать успешного воплощения в жизнь своих замыслов.

— Недели, думаю, хватит. Извините, я, пожалуй, пойду. Время, как вы сами говорили, не терпит.

— До встречи, коллега. Мой курьер дежурит на базе круглосуточно. Как только посчитаете нужным — только шепните, и я примчусь, даже если мне придется заставить ждать президентский совет Евразии.

Безмолвный лоб-азиат распахнул дверцу перед Расмусом в тягучую туркменскую духоту. Сразу захотелось приоткрыть рот и свесить язык, но Расмус сдержался.

Лимузин тотчас развернулся и с изрядным ускорением рванул к трассе. От стройплощадки на Расмуса глядели Веном и Лоренцо, явно терпеливо дожидавшиеся босса.

У обоих готов был вырваться одинаковый вопрос: «Ну что?» Но оба, разумеется, не проронили ни слова.

— Увы, ребятки, — безрадостно сказал Расмус. — Оказывается, с нами не сотрудничают. Нас просто используют. Как презерватив.

Новый вопрос помощников можно было бы интерпретировать как: «И что теперь?»

— А значит, — подытожил Расмус, — хватит слушать лживого дядю. Покажем ему, что он ошибочно принял за презерватив орудийную гильзу.

В глазах Венома и Лоренцо синхронно вспыхнуло давно сдерживаемое: «Наконец-то!»

Они вернулись на площадку и до самых сумерек не отвлекались более ни на что. Даже на обед и ужин.

— Господин президент, ждать больше просто невозможно. — Генерал Золотых говорил убежденно и выглядел убедительно. — Варга просто тянет время, это ясно как божий день.

Президент Сибири не ответил. Он взглянул на президента России — кряжистого, как вяз, поволжского овчара.

— Дату начала операции нужно утвердить немедленно. И самый поздний срок, когда операцию нужно начать, — это ночь с субботы на воскресенье.

— Почему, позвольте спросить? — поинтересовался президент Сибири; тон у него получился достаточно нейтральным.

Золотых склонил поседевшую голову.

— Если Варга тянет время, значит, он чего-то выжидает. Выжидает чего-то такого, что послужит ему козырем в нашем противостоянии. Тогда, в сибирской тайге, волки не приняли боя, предпочли ретироваться. А если противник бежит, его нужно добивать, не теряя темпа...

— Браво, генерал! — Российский президент иронически зааплодировал. — Я вижу, вы выдающийся стратег и специалист по военным операциям. Интересно, откуда только у вас столь любопытный опыт?

Золотых нимало не смутился. Наоборот, ответил так, что сибирский президент заволновался, как бы его западный коллега не воспринял слова генерала за издевку или насмешку.

— А это не мои слова, господин тоже президент. Это слова выдающегося русского полководца, нашего с вами соотечественника Александра Васильевича Суворова — слыхали о таком? Кстати, он еще говорил, что опыта минувших поколений чураются только безумцы либо глупцы. А как он умел воевать, вы должны помнить, если интересовались историей собственного отечества.

— Константин Семенович! — Президент-сибиряк даже вскочил. — Ну что за детский сад?

Золотых тоже поднялся. Потом указал рукой за спину, на юг, по-прежнему глядя на совет альянса.

— Детский сад? А вон там, по-вашему, тоже детский сад? Под Алзамаем погибли люди. Каждый час промедления — это чьи-то жизни здесь. Пока вы играете в слова, волки врываются в землю по самые брови и построят такие укрепления, которые нам без тысячных жертв не взять. Разумеется, вам удобно ждать — это будут не ваши жизни, господа.

— Генерал... Вы, кажется, забываетесь! — Российский президент выглядел ошеломленным и даже несколько растерянным.

Золотых скрипнул зубами и сел.

— Два часа, — сказал он опустошенно. — Если за два часа вы не выработаете общее решение относительно времени начала операции, я приму решение самостоятельно. И операцию начну без дополнительного согласования с кем бы то ни было. Если мое присутствие не кажется вам необходимым, господа, я предпочел бы уйти. У меня масса дел.

Политики долго переглядывались.

— Идите, генерал, — наконец позволил сибирский президент. — Постарайтесь отдохнуть и расслабиться.

Золотых молча поднялся и, не прощаясь, вышел.

— Однако, — заметил президент-балтиец.

— А мне кажется, он во многом прав, — сказал представитель Европейского Союза. — Зря мы тянем время. Террор есть террор, с ним нужно бороться, навязывая решения, а не идя на поводу у террористов.

Россиянин покачал головой:

— Но и соваться очертя голову в неизвестность тоже не выход. Что там с обменом? Пленного волка доставили?

— Да, он уже в Хиве. Под должной охраной, разумеется, — подсказал один из бесчисленных референтов, людей, знающих абсолютно все и обладающих непостижимым даром оставаться невидимыми и неслышимыми до тех пор, пока в них не возникает нужда.

— Кстати, Туран уже сосредоточил на границе с Туркменией изрядные силы. Их пресс-атташе висит на моей приоритетной линии связи круглые сутки и не переставая...

— Мой бы тоже сидел, — перебил балтийца европеец. — Итак, господа! Боюсь, что время для принятия решения действительно настало, и генерал Золотых во многом прав. Конечно, он облек свои мысли в несколько э-э-э... рискованную форму, но его тоже можно понять. Это настоящий, я не побоюсь давно забытого слова, солдат. Грубоватый и прямой, но готовый умереть, если так будет нужно во имя победы. Я поздравляю вас, Леонид Онуфриевич, у вас нашелся прекрасный руководитель для столь неожиданной операции.

— Спасибо, — вздохнул сибиряк. — Но обмен... Золотых говорил, что Варга взял нескольких агентов, которые пре-

красно могли бы проконсультировать относительно текущей обстановки. В том числе агента, который отследил Варгу и Ханмуратова в Ашгабате.

— А так ли много эти агенты могут рассказать? — усомнился россиянин. — Сомневаюсь, что им позволено было разгуливать на свободе и глазеть по сторонам. Их взяли в ночь переворота, так же как и... — он поморщился, — наших.

— Да и волка терять не хотелось бы... — добавил сибиряк.

— Ну, в случае успеха волки у нас еще будут, а в случае поражения... Понадобится ли нам пленный волк?

— Итак, начинаем? Пока Туран нас не опередил? Есть возражения? Нет? Тогда предлагаю назначить Варге время до, скажем, двадцати часов на обмен, и если он продолжит тянуть волынку... дать «добро» генералу Золотых, который прямо-таки рвется с поводка?

— Я — за, — поспешно сообщил балтиец, который, вероятно, не очень надеялся угодить на совет «большой тройки».

— Я тоже, — сказал европеец.

— Не возражаю, — буркнул россиянин.

— Понятно. Поздравляю, господа, в отпущенные генералом Золотых два часа мы уложились...

Президенты сдержанно посмеялись. Референты вежливо поулыбались.

— Кстати, может быть, его обрадовать, вот так вот, сразу? — предложил европеец.

— Махолет генерала Золотых только что вылетел к полевому штабу, — не замедлил подсказать безотказный референт.

— Так обеспечьте связь, черт возьми! — фыркнул европеец и поглядел на хозяина референта, президента Сибири, укоризненно. Референт уже колдовал у телефона на дальнем конце стола.

— Кстати, — заметил россиянин. — Прилетел узбекский глава. Банкет затевает. Посетим?

Президенты переглянулись.

— Неудобно как-то... В такое-то время... — Европеец зябко повел плечами в дорогом сером костюме. — Если честно, мне будет совестно после этого глядеть в глаза тому же генералу Золотых.

— Знаете что? — подсказал умный балтиец. — Предложите банкет перенести. Операция завершится — заодно и отметим.

— Или не отметим, — мрачно дополнил россиянин. — Если продернут нас, как в прошлый раз.

— Генерал на связи! — доложил референт, опуская телефон на столешницу перед сибиряком.

Тот взял трубку и сразу же рефлекторно сделал официальное лицо.

— Константин Семенович? Могу вас обрадовать. Если сегодня до двадцати часов Варга не согласует время обмена пленными, можете считать, что у вас развязаны руки. Естественно, вам будут сообщать все важные новости.

Пауза.

— Ну... А за что нас благодарить-то? Все, действуйте.

— Ершистый генерал, — заметил россиянин с неудовольствием и не удержался, похвастался: — У меня таких нет.

— Правильно, — хмыкнул сибиряк, — потому что ты таких генералов сразу делаешь полковниками.

— Так он и был полковником еще в Алзамае...

— Вот скажи, Леонид Онуфриевич, — поинтересовался россиянин. — Если раздавит и волков, и Варгу, ты ему еще одну звезду дашь?

— Да я ему маршальский лист дам! — воскликнул сибиряк, причем вполне искренне.

— Ну и зря, — констатировал россиянин. — Я бы упек на пенсию.

— Вот в этом ты весь. — Сибиряк покачал головой. — Весь с потрохами.

В эту субботу мать кавказеныша Кейла затеялась убирать необычайно поздно, только после обеда, когда муж отправился с сыном в ашгабатский городок-сказку.

Злополучная записка на пластике была выметена из-под дивана и замечена.

Женщина даже прочитала ее. Но значения почему-то не придала, решив, что с этим должен разбираться муж.

Лист пластика вновь лег на стол, что стоял вплотную к дивану. На этот раз лег в развернутом виде.

«Знак, — думал Арчи. — Если мое послание дошло, мне обязательно подадут какой-нибудь знак. Но какой? Шальной самолет помашет крылышками, проносясь над «Чирс»? Вставят пару с виду невинных слов в телепередаче? Так я не смотрю ти-ви. На что обращать внимание?»

Арчи думал, прикидывал и не находил ответа.

Даже купание было не в радость.

Последние два дня Арчи откровенно бездельничал. Расмус не потревожил его ни разу; Ядвига всю пятницу безвылазно околачивалась на Хендываре, и Арчи был предоставлен самому себе. Он шатался по территории «Чирс», сопровождаемый угрюмыми взглядами внешней охраны. Взглядами — и только, поскольку никто не отваживался сказать ему хоть слово. Но, с другой стороны, Арчи сознательно не совался к самому периметру, зная, что охране это заведомо не по нраву. И к боксам не лез, где имелась своя охрана. Пруд, туевая роща, плац, дорожка перед жилыми корпусами — вот и все доступное пространство. Ну, кусок антенного поля еще, свободный от селектоидов, тот, что прилегал почти к самой роще.

База эти дни жила переменным ритмом: то вдруг приезжали откуда-то грузовые экипажи под кунгами, и у лабораторий их не то разгружали, не то, наоборот, загружали. То вдруг все затихало, и кроме охранников живой души вне зданий не оставалось. То вдруг, словно муравьи из нор, откуда-то выныривали человек тридцать из обслуги, открывали зевы служебные боксы за главным корпусом, местные экипажи, включая джипы, начинали маневрировать на дорожках, а потом уносились куда-то в сторону Верхнего Багира. И вновь все затихало. Потом экипажи возвращались, и все повторялось в обратном порядке. Суета, закрывание боксов, обслуга рассасывается — и «Чирс» опять кажется вымершей.

После обеда Арчи подумал: а не залечь ли в своей клетушке? Там хоть кондиционер есть. Впрочем, к местной жаре

Арчи неожиданно быстро привык. А если периодически окунаться в воду — так вообще чувствуешь себя нормально.

В общем, занятый этими раздумьями, Арчи оккупировал пустую курилку. Слушал вкрадчивый шорох туй, и под этот расслабляющий аккомпанемент мысли о клетушке постепенно оставляли его. Он в очередной раз пытался вообразить, какой знак могут организовать ему коллеги-вээровцы, как вдруг заметил довольно странную парочку на дорожке перед головным корпусом.

Впереди шел маленький взъерошенный аморф; даже невысокому Арчи он едва достал бы до пояса. Аморф являл собой классический образ кабинетного ученого: мешковатые брюки, пузырящиеся на коленях, скверно отглаженная рубашка с мятым воротом, нарочитый налет неряшливости на всей внешности, общая рассеянность и взгляд, по которому ясно, что мысли хозяина витают где-то в эмпиреях.

Вторым вышагивал худой и высокий дог; он был минимум втрое выше аморфа. Этот соблюдал аккуратность во всем, от прически до одежды.

Несмотря на разницу в росте, аморф то и дело останавливался и поджидал отстающего дога. При этом он что-то негромко втолковывал ему скрипучим тенорком; дог записывал сказанное на портативный селектоид-компьютер, потому так медленно и шел.

Арчи напряг слух и сжался в комок, жалея, что нет возможности стать невидимым.

Он мало что понял из услышанного. Аморф явно был научником-генетиком. Термины «оперон», «экзон», «интрон» то и дело доносились до Арчи, а однажды он совершенно отчетливо услышал слово «нуклеотиды».

Он прекрасно помнил все, что сказал на одном из первых совещаний Саймон Варга. Что здесь намерены вырастить несколько матриц-волков, а затем клонировать их. Пока в распоряжении Варги не окажется достаточное количество солдат. А что это за солдаты — легко можно догадаться.

И еще у Арчи возникло серьезное подозрение, что малыш-аморф был мозговым центром базы «Чирс». Возмож-

но, он здесь не единственный ученый-генетик. Но явно один из ведущих.

Сам собой стал складываться безумный план — устранить аморфа; устранить остальных генетиков... Без специалистов Варга окажется подобен змее без жала. Никто не поможет ему в таком тонком деле, как клонирование, если специалистов «Чирс» вывести из строя.

Но поддаваться пустым мечтам было глупо. Конечно же, ученые охраняются. Вот этот долговязый... Хоть и дог, а вполне может оказаться телохранителем. Да и где-нибудь в сторонке с большой вероятностью может найтись мрачный головорез с иглометом, а то и со скорострельным пулевиком. И потом — а выдюжишь ли ты, Арчибальд Рене де Шертарини, несколько фитилей кряду? Один-два — еще туда-сюда. А если ученых группа? Да и как проникнуть в их лаборатории — Арчи к ним даже близко не подпускают. А лаборатории, надо полагать, это четыре дальних купола.

— Господин Шадули! — позвали аморфа от входа административного корпуса. — На связи господин Варга, он желает немедленно переговорить с вами!

Аморф сердито взмахнул рукой, сказал что-то своему спутнику-догу и обреченно направился к корпусу. Звавший его охранник предупредительно распахнул дверь перед ним.

«Шадули, — повторил в уме Арчи. — Шадули».

Эта фамилия крепко впечаталась ему в память.

Сулим Ханмуратов взглянул в холодные глаза шефа.

Надо сказать, холода в глазах шефа за последние несколько дней прибавилось, и прибавилось изрядно. Если шеф «Чирс» был просто хозяином у себя на территории, с которым можно было при случае и позубоскалить, и перекинуться шуточкой, то президент Туркменистана вызывал подспудное желание сделаться официальным, оттопыривать локти и щелкать каблуками. Шутить в его присутствии уже не хотелось. Даже сама мысль о шутках казалась дикой и совершенно невозможной.

Сулим всегда знал, что власть меняет людей, и чем больше власть, тем заметнее перемены. Но ему казалось, что

Саймон Варга и так обладает достаточной властью, чтобы меняться от факта какого-то там президентства.

И тем не менее. За одну ночь его шеф стал другим. Совершенно другим. За одну-единственную ночь — ночь Ашгабатского переворота.

— Ну-у? — протянул Варга, пристально глядя на своего министра обороны и безопасности.

Министров обороны не существовало ни в одном государстве Земли. До недавнего времени. Теперь один существовал — в Туркменистане.

— Мне кажется, — осторожно прокомментировал Сулим, — на этот раз они не шутят. Если не определить нашу точку зрения и не обсудить сроки и условия обмена — они на самом деле начнут десантную операцию.

— Почему ты так решил? — поинтересовался Варга.

Сулим чувствовал, что шеф ему верит. Просто хочет оценить его выводы.

— Туран, — коротко пояснил Ханмуратов. — Все дело в нем. Большая троица надеется захватить волчьи секреты и воспользоваться ими по своему разумению. Скорее всего в это вмешается еще и Балтия, но лишь настолько, насколько ее допустит основная тройка. Европе, России и Сибири незачем делиться мощью с набирающим силу Тураном. Им не нужен четвертый титан на континенте.

— На материке, — сварливо поправил Варга, на миг став похожим на прежнего Варгу, того, который мог и поворчать, и посмеяться соленой шуточке.

— В общем, в Евразии, — уточнил Сулим.

— А Японокитай? — спросил Варга с живейшим интересом. — А Индия?

— Японокитай неизбежно будет рваться в долю, но его вежливо отошьют, так же как и Туран, — предположил Сулим. — А что до Индии... Не смотрится она пока рядом с Тураном и Японокитаем. Калибр жидковат. Кстати, наше перемещение — ну и перемещение волков, разумеется, — из Алзамая в Туркмению сыграло на руку «большой тройке». Мы ушли из сферы реальной досягаемости Японокитая и

тем самым практически обрекли его на роль стороннего наблюдателя.

— Зато мы и волки влезли прямиком в сферу досягаемости Турана. На самую его границу. В сферу такой реальной досягаемости, что реальнее просто некуда.

— Верно, — согласился Сулим. — Но если сравнивать: кто, по-вашему, решительнее бы действовал в удобный момент, Японокитай или Туран?

Варга размышлял недолго.

— Очевидно — Японокитай, — сказал он.

— Вот именно. — Сулим прищелкнул пальцами. — Опасность для «тройки» не исчезла, но заметно уменьшилась.

— Ты прав, — кивнул Варга. — Я над этим просто не думал. Некогда, чтоб его... Ну ладно, мы отвлеклись. Дальше?

— А дальше... — Сулим развел руками. — Что доносят с южных границ? Туран накапливает резервы для вероятного броска к Ашгабату. «Тройке» это, безусловно, известно. И учтите, Турану до Ашгабата — рукой подать. А северянам — тащиться сутки через пустыню. Пока они ее пересекут, Туран сто раз успеет все ценное упрятать на своей территории, а вторгаться в Туран — это далеко не то же самое, что вторгаться в мятежную Туркмению...

— Побольше уважения к Туркмении, господин министр, — заметил Варга с ехидцей. — Где, черт тебя побери, патриотизм?

Сулим лишь вздохнул.

— Но ты, пожалуй, и тут прав. Нельзя больше тянуть. Вышло время на бирюльки. Россия кипит, Сибирь скрежещет зубами, а Европа на заднем плане партнеров своих науськивает. Теперь давай обсудим вот что: нужен нам этот обмен или нет?

— Безусловно, нужен, — сказал Сулим убежденно. — Обосновываю. Первое и, как мне кажется, главное. Очередной выигрыш времени. Обмен отодвинет вторжение минимум на сутки.

— Суток нам не хватит. Расмус говорил, что они управятся за трое-четверо. Сутки прошли, плюс выигранные сутки от обмена, плюс несколько часов... Мало.

— Но это все равно лучше, чем вторжение через несколько часов.

— Логично. Ладно, продолжай.

— Второе. У меня такое впечатление, что волки нами недовольны...

— У тебя верное впечатление, — невозмутимо подтвердил Варга.

— Обмен их пленного товарища на тучу разнообразных агентов позволит нам выгоднее выглядеть в их глазах. Дескать, вот, вашего единственного раненого мы разменяли на полтора десятка иностранных шпионов. Цените.

— Отношения это не поправит, — заметил Варга с легкой словно бы грустью.

— Но несколько очков выигрыша — даст. А очки за плечами не носить...

— Резонно. Что еще?

— Это плюсы. Теперь минусы, кажущиеся и мнимые. Выданные агенты, безусловно, многое своим хозяевам расскажут. Вряд ли это нам на пользу. Но если как следует задуматься: а много ли они видели? Много ли знают? Сущие крохи. Кроме того, тут можно сыграть в очень веселую и перспективную игру. Обеспечить разменных пленников убедительной дезой. Причем очень удачно, что они представляют разные страны. Дезу можно сочинить для каждого свою, причем таким образом, чтобы «большую тройку» окончательно запутать. И если все это проделать достаточно виртуозно, то мы сможем выиграть даже не сутки, а больше — двое-трое суток.

Варга покачал головой:

— А успеем? Сколько до обмена осталось?

— Обмен можно назначить на утро.

— Рискованно.

— Тогда на ночь. На полночь, скажем.

— А согласятся?

— Не знаю.

— Тогда можем не успеть.

— Постараемся. — Сулим пожал плечами. — Что еще остается? Тем более у меня есть кое-какие на этот счет мысли.

— Кто тебе нужен для работы? Кстати, я тоже поучаствую.

— Аналитический отдел в полном составе. Ну и ваш советник по внешней политике со всем ворохом документов и толпой помощников.

Варга уже вызывал референта, которого незадолго до разговора с Сулимом бесцеремонно выгнал из кабинета.

Шел шестой час вечера четвертого дня после переворота.

— Арсений!

Арчи вздрогнул и поднял голову.

Звала Ядвига.

Арчи напрягся, пытаясь вспомнить, когда последний раз волчица произносила его имя, и вспомнить не смог. Ее обращение обычно было безличным. Словно слова ее предназначались кому-то другому... только похожему на Арчи.

Он так и просидел в курилке до момента, когда жара стала ощутимо спадать.

— Что? — отозвался Арчи. — Купаться?

Ядвига кивнула, тряхнув недлинной прической. Со вздохом — наигранным, впрочем, искупаться хотелось — Арчи встал на ноги и потянулся к застежкам форменной рубашки.

— Не в пруду, — остановила его Ядвига. — Есть место поинтереснее...

Арчи вопросительно воззрился на нее.

— А где? — поинтересовался он. — Неужели в арыке? Или в пожарном бассейне?

— В арыке пусть верблюды купаются. — Ядвига брезгливо поморщилась. — В этой-то мути...

— Согласен, — поспешил поддакнуть Арчи.

— А в бассейне — неинтересно. Пойдем. Такое место покажу, у-у-у...

Арчи заинтересовался. Что еще за место?

— Только кепочку не забудь, — посоветовала Ядвига. — А то идти далеко.

У Арчи всполохнутой птицей затрепетало сердце в груди.

Идти. Далеко. Неужели за пределы базы? Откуда можно сбежать? Или волчица не только его приглашает, а, например, еще и Архипу?

— Только ты должен дать мне слово. Дашь?

— Какое? — сонно спросил Арчи, тщетно пытаясь унять сердцебиение.

Ядвига вдруг остановилась, взяла его за плечи и взглянула прямо в глаза. Глаза ее были, Арчи так показалось, глубже неба и больше моря.

— Ты не будешь пытаться удрать. Даже если предоставится такая возможность.

Непонятно почему, но Арчи враз успокоился. Даже сердце еще пару раз учащенно тюкнулось и угомонилось. Вошло в обычный размеренный ритм.

— Сбежать? А зачем?

Ядвига пожала плечами.

— А ты мне поверишь?

— Поверю.

— Почему? — изумился Арчи.

— Не знаю.

— Обещаю, — не задумываясь, сказал Арчи. — Не стану я удирать.

Ядвига без слов чмокнула его в щеку.

И Арчи вдруг стало нестерпимо противно. Не от поцелуя, нет — поцелуй как раз ему очень понравился. Ему стало противно от самого себя.

Потому что Арчибальд Рене де Шертарини, разведчик Российской Федерации, твердо знал: пытаться сбежать он не будет. Он просто сбежит. Любой ценой. Оглушит Ядвигу, обманет, ошеломит...

И именно от этого хотелось выть по-волчьи. Потому что вести себя иначе разведчик не мог. Настоящий разведчик, профессионал. Профессионалы обязаны пользоваться неожиданностями. Даже если такой же жесткий профессионал неизвестно почему решил положиться на слово, которое легко произнести и еще легче нарушить.

Но Арчи смолчал. Все-таки смолчал. И покорно пошел за Ядвигой к главным воротам базы.

С волчицей его выпустили безропотно, не спросили ни пропуска, ни пароля, хотя сотрудники «Чирс» без этого миновать пропускной пункт не могли, Арчи видел.

Мельком взглянув в тонированное стекло караулки, Арчи увидел мрачного, насупленного ньюфаундленда рядом с сияющей, похожей на ретривера девушкой.

«Так, — сказал себе Арчи. — Спокойно. Только спокойно. Главное — чтобы она ничего не заподозрила. Не заподозрила, какой ты гад, де Шертарини. Какая ты подлая и лицемерная сволочь».

«Разведчик не может быть ни подлым, ни лицемерным, — прозвучал внутри голос, знакомый до последней интонации. Голос нынешнего шефа, Вениамина Коршуновича. — Он может лишь выполнить или не выполнить задание. Остальное — частности, о которых никто не спросит. И о которых никто никогда не вспомнит».

Никто. Кроме собственной совести.

— Нам туда, — сказала Ядвига и указала рукой на гряду, что заполонила юг, отгораживая Туркмению от Турана.

На ущелье, у устья которого высаживал волков орбитальный модуль.

— Только я на площадку забегу, — предупредила Ядвига.

Они отклонились к Хендывару; Ядвига о чем-то недолго переговорила с часовым в отрытом по полному профилю окопчике и грациозно выскочила на поверхность.

— Пойдем! — Ей явно не терпелось показать Арчи нечто необычное.

«Стоп! — спохватился вдруг Арчи. — Стоп!»

Он тут изо всех сил борется с совестью... а его ведут в ущелье. Якобы купаться.

Купаться. В ущелье.

Вот именно.

«А уж не шлепнуть ли меня решили? — похолодев, сообразил Арчи. — Но зачем такие сложности? Это можно было без риска проделать и на базе. Или даже в давешнем окопчике, если волки по какой-либо причине решили утаить факт убийства своего консультанта от Варги».

По спине прогулялся легкий озноб, но зато перестало докучливо ныть в груди.

Драка — это не обман. Драка — это именно то, чего разведчику негоже стыдиться. Даже если это поединок с жен-

щиной. Впрочем, волчица Ядвига, хоть она и экономист, это такой противник, с которым не каждый из землян-мужчин совладает. Да и неизвестно еще, действительно ли она экономист. Арчи помнил Гнома, человека, безусловно, очень и очень опасного. А Ядвига, похоже, однажды разобралась с ним. По-своему, по-волчьи... разве что не насмерть.

— Это, конечно, не Ков-Ата, — беззаботно, совершенно не замечая хаотичных, как метания потерявшегося термита, мыслей Арчи, сообщила Ядвига. — Но тоже примечательное место.

— Ков-Ата? — тупо переспросил Арчи.

Он действительно понятия не имел, что еще за Ков-Ата, на которую ссылается Ядвига.

— Ков-Ата — это пещера, частично затопленная пещера. Немного западнее, по Бахарденской трассе. Озеро там. Теплое, говорят, даже зимой.

— Озеро? — пробормотал Арчи. — Ух ты...

— Ага! — радостно подтвердила Ядвига. — Извини, не удержалась. Хотела тебе сюрприз сделать... да выболтала заранее по скверной бабской привычке.

Ядвига обезоруживающе улыбнулась и вдруг взяла Арчи за руку.

Тот даже напрячься не успел. Но ничего не произошло — Ядвига просто шла рядом, держась за его ладонь. Будто дошкольница на прогулке.

Дорога шла в гору. Зев приближающегося ущелья распахивался перед ними, словно пасть лежащего на боку дракона. Сказочного дракона, которых на самом деле не бывает. Искрошенные каменные зубы обрели буро-рыжий цвет, и отчего-то казалось, что они загорели под безудержным южным солнцем.

Они так и вошли в ущелье рука об руку. Правда, вскоре пришлось разнять ладони, потому что прыгать по камням в сцепке — удовольствие сомнительное.

Они заходили все глубже в таящуюся меж склонами тень. Подъем постепенно становился круче, и карабкаться приходилось уже не по прямой, а зигзагами, по выщербленным терраскам едва в полметра шириной.

А потом, на очередной терраске, открылось оно. Даже не озеро — озерцо. Округлая чаша, полная пронзительно синей воды. Вода еле заметно играла в каменном ложе, и непонятно было: то ли она сама по себе такая синяя, то ли в озерце просто отражается небо.

В сущности, это была, вероятно, лужа, непонятно почему не высохшая со времени последнего дождя. Но назвать такую красотищу лужей язык не поворачивался.

— Здорово, правда? — прошептала Ядвига.

— Ага... — только и смог ответить Арчи. Все его страхи и сомнения вдруг испарились, словно по волшебству. Осталось только оно — чудесное озерцо на стыке склонов ущелья.

— Я пошла, — сказала Ядвига, снимая ботинки. А потом одним непостижимым движением сбросила комбинезон. На ней ничего не осталось из одежды. Совсем ничего.

Почти без всплеска Ядвига скользнула в воду; вынырнула, радостно отфыркиваясь.

— Ну же! — засмеялась она. — Лезь ко мне!

Арчи с некоторым сомнением стянул ботинки, рубашку и замер на краю озерца, почему-то не решаясь тоже раздеться догола.

Судьба решила за него: камень под ногами неожиданно подался, раскрошился и с хлюпаньем ухнул в воду, а следом за ним рухнул и Арчи, как был, в легких брюках и с иглометом в кармане.

Едва он вынырнул, Ядвига повисла у него на шее. Соприкосновение дурманило; Арчи хотел отдышаться — и не смог. Ему не позволили.

Губы у Ядвиги были горячие и требовательные. И руки тоже. Несмотря на то что вода в озерце была пронзительно холодной, почти обжигающей; и еще вода была такой чистой, что невольно хотелось сравнить ее с глазами Ядвиги, но Арчи сейчас не видел глаз Ядвиги, потому что Ядвига закрыла глаза.

Одной рукой Арчи прижал волчицу к себе, не переставая целовать ее. А второй полез в карман.

За иглометом.

Он уже достал оружие и даже будить игломет не пришлось — тот проснулся от воды. Отпустить предохранитель было делом мгновения.

И вдруг Ядвига открыла глаза.

— Господи... — прошептала она. — Да будь же ты человеком хоть иногда...

Арчи замер.

— Убери игломет. Убери его ко всем чертям, слышишь? — шептала она сердито. — Убери!

У Арчи враз стало пусто в голове.

— Убери! Видишь? — Ядвига вдруг отняла правую руку и отбросила нож, который, оказывается, до сих пор упирался Арчи под ребра. Далеко отбросила — к одежде. Нож ощутимо звякнул на камнях, ведь волки пользовались металлическими ножами. — Видишь? Я безоружна. А ты обещал, что не станешь убегать.

Медленно-медленно Арчи выпростал руку с иглометом. И тоже швырнул его вверх, на камни. В отличие от ножа игломет упал почти бесшумно.

Ядвига тотчас прильнула к нему. Словно ничего не случилось.

А потом они, продрогшие, выбрались из воды, и Ядвига сняла с него промокшую одежду, и они любили друг друга прямо на камнях, неистово и жадно, словно в последний раз. Нож был рядом, и игломет тоже был рядом, но у Арчи больше не возникало мысли дотянуться до оружия.

Ему показалось, что темнеющее небо одобряет подобные поступки.

Кейл с отцом вернулись из Ашгабата уже в темноте, на последнем рейсовом биобусе. Малыш раздулся от съеденного мороженого и выпитого морса, его отец — от пива. Оба были довольны собой, друг другом и замечательно проведенным днем.

В биобусе Кейла убаюкало, и от остановки он ковылял, крепко держа отца за руку и задремывая на ходу.

Дома Кейл был немедленно сдан на руки матери, а отец, включив в комнате свет, переоделся в домашнее и уже со-

всем было приготовился повалиться на диван перед телевизором, но тут взгляд его упал на одиноко белеющий на роговице стола лист пластика.

С надписью.

«Нашедшему это. Международный код — 8-095, номер телефона — 776-91-27. Наберите этот номер в любое время дня или ночи и произнесите всего одно слово — «Шериф». После чего назовите номер своего счета либо адрес для почтового перевода. Вознаграждение вас не разочарует».

Отец Кейла перечитал записку трижды.

«Что за чертовщина? — подумал он растерянно. — Код московский...»

Минут пять он размышлял. Потом решительно направился к телефонному аппарату, привычно дремавшему в коридоре.

«Чем черт не шутит! — думал он, уже начинающий седеть здоровый овчар-кавказ, рабочий багирской фактории. — Ну, в крайнем случае разорюсь на несколько монет, заплатив по телефонному счету. А вдруг что и выгорит?»

И стал набирать номер.

В трубке щелкало и потрескивало — домашний телефон-селектоид успел состариться, еще когда отец Кейла был в нынешнем возрасте сына. Наконец раздались гудки, и почти сразу на противоположном конце сняли трубку.

— Вас слушают, — произнес мужской голос, исполненный неожиданной доброжелательности. Собеседник говорил по-русски, совершенно чисто. — Ни в коем случае не кладите трубку. Говорите все, что собирались сказать, вас внимательно слушают.

— Алле? — нерешительно отозвался кавказ. — Эта... Тут записка.

— Прекрасно, — подбодрил собеседник. — Читайте. Это может быть очень важно для нас.

«А ведь и правда, — подумал кавказ. — Слушают. И говорят вежливо...»

Запинаясь, он прочел текст сообщения, стараясь, чтобы его характерный акцент не очень-то рвался на волю.

— Прекрасно, — подытожил собеседник, когда записка была прочитана. — Теперь, будьте добры, назовитесь, сообщите, где вы находитесь и расскажите, каким образом эта записка попала к вам в руки. А вслед за тем я запишу номер вашего счета или адрес для почтового перевода — вам полагается вознаграждение в две тысячи российских рублей за эти сведения...

«Две тысячи! Российских!» — Отец Кейла все более воодушевлялся.

— Итак, — продолжал собеседник. — Вас зовут...

— Меня зовут Бахва, Ахтамали Бахва. Я работаю в фактории Верхнего Багира, это в Туркменистане... Адрес — Ашгабат, отделение Багир, для Ахтамали Бахва... Индекс еще...

Ахтамали продиктовал шестизначный почтовый индекс, принятый в Среднеазиатской Конфедерации.

— Прекрасно, я все записал, деньги вам будут отправлены немедленно. Еще один вопрос: при каких обстоятельствах эта записка попала к вам?

— Обстоятельствах? — растерялся Ахтамали. — Нэ знаю... Дома нашел. На столе. Наверное, жена положил. Счас спрошу...

— Мальяра! — позвал мать Кейла кавказ. — Откуда это? — и показал лист пластика.

— Нашла под диваном, — лаконично пояснила жена.

— А под диван откуда? — удивился Ахтамали.

Жена лишь плечами пожала.

Ахтамали вернул трубку к уху.

— Э-э-э... Жена говорит, под диваном нашел. А больше — не знает.

— Замечательно, Ахтамали, вы нам очень помогли. Спасибо. Загляните завтра на почту — вас обязательно будет ожидать приятный сюрприз.

— Спасибо. Пожалуйста, — пробормотал растерянный кавказ.

И связь прервалась.

Ему хотелось немедленно бежать на почту, но Ахтамали Бахва прекрасно понимал, что раньше утра почта не откроет-

ся. Поэтому он задумчиво добыл из холодильника пару банок пива и все-таки уселся перед телевизором.

В полуночной пустыне совсем не было темно. Остекленевшим фонарем цеплялся за небо кругляш Луны, но никак не мог зацепиться — скользил, двигался. Медленно, правда. Песок неохотно отдавал дневное тепло — если сесть или лечь, возникало полное впечатление, что ложишься на древний селектоид-печь. Осатанело скворчала где-то некая сумасшедшая цикада — Золотых почему-то думал, что в песках цикады не живут. Оказалось — живут как миленькие. «Вероятно, — подумал Золотых, — это специальная пустынная цикада. Рожденная жрать песок и пугать случайных путников».

Мысли блуждали без особой системы. Сначала Золотых поправился: цикады не рождаются, а, вероятно, метаморфируют из каких-нибудь ненасытных личинок. Потом попытался представить случайного путника в пустыне и не смог. Кого сюда может занести? Разве что кого-нибудь из местных. Но местных цикадами не удивишь, они к ним с рождения привычны. А кто-нибудь одинокий и чужой этим пескам без поддержки и припасов вряд ли продержится здесь больше суток. Без воды — точно не продержится.

Постепенно мысли вернулись к предстоящему обмену.

Все-таки раскололся Варга в конечном итоге на обмен. Но, надо сказать, виртуозно тянул время. И обозначил сроки, только когда Золотых действительно вынудил руководство «большой тройки» отдать приказ о начале десантной операции. Тут-то Варга и заявил о сроках. И оттянул штурм еще минимум на сутки.

Но, с другой стороны, если обмен пройдет гладко, без сучка и задоринки, во-первых, будут освобождены люди, весьма ценные агенты. Та же Эфа, которую в управлении просто некем заменить. Она многое расскажет. И ее группа — тоже многое расскажет, все трое. Они видели переворот своими глазами. Не могли не видеть, потому что они хорошие агенты.

«Но если они хорошие, — спросил сам себя Золотых, — как же тогда они угодили в лапы Варге?»

Впрочем, стремительную и безукоризненно выполненную операцию новоявленной туркменской контрразведки трудно было предвидеть. Золотых не считал себя великим спецом по государственным переворотам — успел только проконсультироваться с историками да полистать соответствующую литературу. И тем не менее у него сложилось вполне однозначное мнение: первое время после переворотов мятежники заняты в основном обезвреживанием старой власти, а отнюдь не профилактическим тралением на предмет отлова иностранной агентуры.

Что-то в этом было нечистое. Агентуру кто-то сдал. Ну как, скажите на милость, можно отловить полтора десятка давно внедренных и удачно законспирированных агентов? Это попросту невозможно во всех случаях, кроме одного: когда абсолютно точно знаешь, куда идти и кого брать.

А Варга это определенно знал. Весь вопрос только — откуда?

Но, впрочем, теперь это уже не важно.

— Летят, кажись, — пробубнил Чеботарев, заслоняясь ладонью от Луны.

В самом деле, далекий гул махолета незаметно вплелся в рулады сумасшедшей пустынной цикады. Группа, отобранная для прикрытия обмена, дружно рассосалась в стороны.

— Палыч, — шепнул Золотых Коршуновичу, — как там волчара наш?

— Спит, — сообщил Коршунович. — У него нервы не то из капрона, не то вообще никаких нервов у него нету. Будить?

— Буди, пожалуй. А то отдадим сонного, подумают, что накачали его какой-нибудь дрянью, избави бог. Перестрахуемся.

Коршунович немедленно заслал Баграта. Естественно, с прикрытием. Впрочем, пленный волк все еще был слаб для серьезных выходок. Вскоре его привели — Баграт на всякий случай нацепил волку на запястья наручники-мономорф.

— В экипаж его, — велел Золотых отрывисто.

Волка посадили на заднее сиденье приземистого сибирского внедорожника породы «Валдай»; кроме «Валдая», на песке застыло еще несколько юрких «Ласок».

Вскоре туркменский махолет показался на фоне ночного неба. Точнее, не сам махолет, а огни — габаритные и сигнально-дипломатический.

Ребята из группы прикрытия дружно натянули капюшоны комбезов-пустынников и окончательно растворились на фоне песка. Иглометы у них были тоже особые, выведенные специально для разведчиков. Рыжие и крапчатые. Золотых видел, когда перед операцией дюжие ребята-стрелки кормили свое оружие. Корм, кстати сказать, тоже был специальный, с минеральными добавками, но это в идеале. На практике рыжие иглометы способны были поглощать и обычный универсальный корм и даже некоторое время могли продержаться на жесткой и иссохшей пустынной колючке.

Махолет приближался, гул становился басовитее и громче. Вот и цикада забеспокоилась, цвиркнула несколько раз, неубедительно, судорожно, и примолкла. Подлети махолет поближе, стоящих у экипажей сибиряков и россиян обдало бы волной прогретого воздуха. Но он сел вдалеке, метрах в двухстах, грузно навалившись на роговые полозья-опоры. Поблескивающие стрекозиные крылья шевельнулись и застыли. Стих равномерный гул.

Тотчас ожила рация-триморф на поясе у генерала; завибрировала и тихо пропела голоском вызова.

— Слушаю, — отозвался Золотых.

— Вызывает Сулим Ханмуратов, доверенное лицо президента Туркменистана. Я говорю с генералом Золотых?

— Именно с ним, — подтвердил Золотых.

— Доброй ночи, господин генерал. Вы готовы?

— Несомненно.

— В таком случае я хотел бы еще раз обсудить процедуру обмена, если не возражаете.

Полковник Золотых сейчас сказал бы: «Валяйте», но в устах генерала подобные слова прозвучали бы излишне легкомысленно и легковесно. Генералу полагается быть солидным и убедительным. И Золотых довольно быстро нашел подходящее слово.

— Извольте, — сказал он. Солидно и убедительно.

— Итак. Один — акцентирую — любой из ваших людей, обязательно один, выводит интересующего нас челове... э-э-э... волка вперед. Приблизительно на середину разделяющего наш махолет и ваши экипажи пространства. Ваш человек может быть вооружен, но желательно, чтобы оружие он не доставал. Мы, в свою очередь, выводим группу навстречу. Когда не останется сомнений, что приведенный вами — именно тот, кого мы ищем, мы его забираем и отступаем. Я буду вам чрезвычайно обязан, если основная ваша группа останется неподвижной до момента, пока наш махолет не поднимется в воздух и не наберет высоту. После этого вы вольны делать все, что вам заблагорассудится.

— А где гарантия, что вы выведете именно тех, кто нужен нам? И где гарантия, что всех?

— Насколько я понял, если обмен будет признан некорректно проведенным, вы немедленно начнете десантную операцию. Нам незачем обманывать вас.

— И тем не менее нам вы не доверяете, — констатировал Золотых.

— На моем месте и вы бы не доверяли. Вас в отличие от нас ничто не сдерживает. Напомню, что в предварительном договоре обмена сказано: окончательные условия обмена туркменская сторона оставляет за собой. Мне кажется, что никаких неприемлемых требований мы не выразили. А вам?

— Нам тоже, — буркнул Золотых. — Начинаем?

— Минуточку. Похоже, в округе полно ваших снайперов.

— Ну а если и так, то что? — не слишком приветливо осведомился Золотых.

— Считаю своим долгом сообщить, что вы, генерал, а также майор вэ-эр Российской Федерации Коршунович, который стоит рядом с вами, под прицелом. Если ваши снайперы не сдержатся... Очень жаль, но наши люди откроют огонь. Именно откроют огонь, а не пустят иглы. Чувствуете разницу?

— Нахал вы, господин Ханмуратов, — вздохнул Золотых без тени испуга или удивления. — Впрочем, я и ожидал чего-то подобного. Успокойтесь, снайперы тут только на случай непредвиденных сюрпризов с вашей стороны. Ведите себя

соответственно и можете считать, что нет тут никаких снайперов.

— Полагаюсь на ваше слово, — удовлетворенно, как показалось генералу, сказал Ханмуратов. — Мы готовы.

— Мы тоже.

— Начали.

Золотых обернулся к Чеботареву.

— Степа? — вопросительно протянул Золотых.

— Могу и я. — Чеботарев пожал плечами.

— Нет, — отрезал Золотых. — Тобой я рисковать не хочу.

Он задумался на секунду.

— Шеремет! — позвал генерал начальника иркутской группы.

— Здесь, — отозвался тот и выбрался из экипажа на теплый песок.

— Отведите волка куда полагается, — приказал Золотых. — Вы вооружены?

— Так точно. Ручной игломет, в кобуре.

— Вот пусть в кобуре и остается. Скорлупа на вас?

— Да.

— Отлично. Надеюсь, стрелять в голову им не придет... гм... в голову. Если, конечно, они все-таки замышляют какую-нибудь пакость.

— Есть, — коротко отозвался Шеремет.

Волка тем временем вынули из «Валдая».

— Идти сможешь? — поинтересовался Шеремет.

Волк утвердительно кивнул.

— Тогда пошли. Ты впереди, когда я скомандую, стоишь. Понял?

Волк снова кивнул. Он действительно выглядел болезненным и ослабевшим.

— Марш! Вон туда. — Шеремет указал рукой на огни туркменского махолета.

Волк, щурясь, побрел в указанном направлении, подволакивая ноги и бессильно свесив перед собой скованные руки.

— Да! — спохватился Чеботарев. — Олег! Ключ держи!

Он бегом догнал Шеремета и передал ему плоскую феромонную вытяжку с кодом, который отпирал устье наручников.

— Что там такое? — обеспокоенно спросил Ханмуратов по рации.

— Ничего особенного. Позаботились, чтобы вы потом смогли снять с волка наручники.

— А вы его сковали? — удивился Ханмуратов. — Раненого? Звери вы, господа, сущие звери..

— Кто б говорил, — огрызнулся Золотых.

Он хотел добавить еще что-нибудь, на тему переворота в мирной стране, но вовремя сдержался.

«Черт! — подумал он в который раз. — Не привык я пока быть генералом... Надо привыкать. Да и пора бы уже...»

Волк и Шеремет шли в пятне света двух прожекторов. Один светил от туркменского махолета, второй — с противоположной стороны. Выхваченный из ночного полумрака пятачок казался частью сцены в каком-то немыслимом гротескном спектакле.

Пятно медленно перемещалось прочь от экипажей; наконец Шеремет велел волку остановиться. Тот послушно замер. Шеремет подошел и встал с ним рядом; чуть слева и сзади. Туркменский прожектор светил прямо в глаза, и Шеремет ничегошеньки не видел в сплошном белом сиянии.

А вот Золотых прекрасно рассмотрел, как от махолета быстрым шагом навстречу волку и Шеремету вышли четверо. То же расстояние они преодолели втрое быстрее. Опознавали волка недолго, генерал увидел, как Шеремет примирительно поднимает ладони, потом отдает ключ-вытяжку одному из встречающих. Волка аккуратно взяли под локотки и увлекли прочь. Прожектор при этом не сдвинулся, так и продолжал освещать Шеремета.

Прошло около минуты, рядом с махолетом почудилось неясное движение, а потом раздался знакомый гул. Габаритные огни медленно взмыли на высоту нескольких человеческих ростов, пятно света от прожектора стало менее ярким, но зато расплылось на добрые метров десять.

— Взлетели, — зачем-то прокомментировал Коршунович.

Было видно: на месте, где только что стоял махолет, теперь стоят люди. Десятка полтора.

Стояли они всего несколько мгновений, потом чуть ли не бегом кинулись навстречу. Шеремет перехватил их на полпути, присоединившись к этому странному забегу.

— Кажется, обошлось, — вздохнул Золотых.

Рядом немедленно возник единственный европеец, которого взяли на обмен, — майор Шольц. Конечно, он высматривал своего человека, повязанного наспех сколоченной спецслужбой Саймона Варги.

«А ведь очень, надо заметить, приличную спецслужбу сколотил этот хитрец Варга, — подумал генерал Золотых. — В первую же ночь взять столько разведчиков! И не кого попало — элиту. Не иначе, что у Варги под рукой все время была эта самая спецслужба, просто до переворота она числилась как частная. А в ту злополучную ночь перешла, так сказать, на легальное положение. Ну невозможно за одну ночь создать такой эффективный орган чистки! Невозможно!»

Наконец освобожденные агенты приблизились вплотную. Золотых сразу увидел ее — стройную молодую женщину с непривычно короткой стрижкой.

— Здравствуй, Таня, — сказал генерал с нескрываемым облегчением.

— Здравствуй, отец, — отозвалась женщина.

Майор Коршунович, стоявший совсем рядом, чуть было на песок не рухнул от удивления. Обернулся.

— Оте-ец? — переспросил он нараспев. — Ну ни фига себе!

Президентский лимузин подкатил к Хендывару около половины второго ночи. Расмус, с красными от недосыпа глазами, вышел из капонира, где был смонтирован пост управления порталом.

— Что там еще? — спросил он у часового.

— Кажется, Варга приехал, — отрапортовал часовой.

Это сугубо гражданское «кажется» еще недавно аукнулось бы часовому по первое число.

Но война закончилась. И предводитель волков, еще недавно упекший бы солдата на гауптвахту, а то и в штрафную

бригаду, лишь кивнул и ушел в темноту. Туда, где светились мощные фары президентского лимузина.

— Коллега Расмус? — окликнули его, когда Расмус приблизился.

Говорил Сулим Ханмуратов, ближайший подручный Варги.

— Что-нибудь стряслось? — угрюмо осведомился волк.

— Я привез вашего... человека. Плененного под Алзамаем.

Из темноты выступил исхудавший парень в пехотном волчьем комбинезоне; в парне Расмус с трудом узнал Шамана.

— Здорово, босс, — тихо сказал Шаман и закашлялся.

Расмус молча обнял его — действительного рядового базовой имперской пехотной бригады, героя финальной стычки за седьмую инхайскую базу. Одного из немногих, кого волки потеряли под Алзамаем, а теперь вновь обрели.

И не было ничего странного в том, что командующий имперской пехотной бригадой обнимается с рядовым. Там, под светом чужих звезд, они познали простую истину: нет ничего ценнее жизни соратника. Если ты готов, рискуя собственной жизнью, выручить любого, кто сражается рядом, то в трудную минуту выручат и тебя. Ничего не спрашивая и ничего не объясняя. И тем горше было Расмусу сознавать, что нынешние земляне, казалось бы, вообще не приемлющие убийств и насилия, на деле оказались готовыми посылать на смерть несмышленых и неопытных детей своих. Посылать в самое пекло, в схватки с волками. И класть детей своих в этих схватках пачками.

— Как ты? — спросил Расмус.

— Плохо, — сознался Шаман. — Но теперь все будет в порядке, — и он через силу улыбнулся.

— Веном! — позвал помощника Расмус. — Сведи-ка его в медпункт. А то знаем мы, какие из местных доктора...

Шамана увели.

— Я надеюсь, вы довольны? — спросил Ханмуратов.

— А где Варга? — вопросом на вопрос ответил Расмус. — Он приехал?

— Нет, он остался в Ашгабате. Мы только что разменяли всех арестованных агентов на вашего Шамана — так ведь его зовут, кажется?

— Спасибо, — сухо поблагодарил Расмус. — Передайте Варге, что любой из волков благодарен за этот поистине гуманный поступок.

— Обязательно передам, — заверил Сулим. — В свою очередь Варга просил поинтересоваться: как продвигается ваше строительство?

— Продвигается, — уклонился от ответа Расмус. — А что, сроки жмут?

— Очень жмут, — невесело сообщил Сулим. — Десантная операция сил альянса едва не началась нынешней же ночью. Обмен только сдвинул сроки... Нам надо согласовать действия на случай, если альянс все-таки вторгнется в пределы Туркменистана.

— Вам не удержать таких протяженных границ, — сказал Расмус. — Это я вам как кадровый военный говорю... Как бывший военный.

— Мы это прекрасно сознаем. Основные силы пограничной охраны и гвардии оттянуты в окрестности Ашгабата. Собственно, наша задача — удержать пятачок в несколько сот квадратных километров. Ашгабат, «Чирс»... и предполагаемый рукав отступления. На это у нас хватит сил. На границах же оставлены только ложные цели да маневренные группы для создания иллюзии присутствия крупных вооруженных формирований.

«Ага, — подумал Расмус. — Сами доперли. Ну что же, дураками людей Варги не назовешь. Негодяями — легко, но не дураками».

— Это умное решение, — сказал он Ханмуратову. — И мне представляется — единственно выигрышное в сложившейся ситуации. Если правильно занять оборону, нужное время можно выиграть. Правда, альянс способен применить средства глобального поражения... Располагает альянс подобными средствами?

— К сожалению, — вздохнул Сулим, — располагает.

— Так я и думал, — проворчал Расмус. — Убивать мы не можем, но готовы. Старая, как мир, история. Впрочем, ладно. Когда у господина Варги будет время заехать и обсудить предполагаемую эвакуацию?

— В любое удобное для вас время.

— Тогда, — предложил Расмус, — в ближайший полдень.

— Договорились, — выдохнул Сулим.

Расмус, более ничего не произнеся, развернулся и ушел к капониру-посту.

За центральным пультом колдовал Лоренцо.

— Ну что? — В голосе Расмуса прорезались нотки нетерпения.

— Ползет помалу. Ретрейны частые, правда.

— Мощность мала, — скрежетнул зубами Расмус. — С такой техникой, как у местных...

— Для такой техники трансфер просто на диво, — вздохнул Лоренцо. — Впрочем, еще, думаю, часа два. Девяносто восемь процентов массы уже передано.

— Успеем, — выдохнул Расмус. — Успеем, точно. Пожалуй, можно начинать эвакуацию. Сначала пехоту и инженеров. Демонтировать ничего не будем, только матрицы снимем. Пусть люди Варги поломают головы. Сколько там придется челночить? Раз десять, не меньше?

— Босс, — сказал Лоренцо не то виновато, не то, наоборот, гордо, — я втащил в пределы управляющей зоны два дисколета. Можно будет убраться одной сменой, без челночных рейсов на грузовиках.

Расмус опешил.

— Дисколеты? Откуда они, черт возьми, у нас?

Лоренцо вздохнул:

— Ребята попросили. Ну я и приплюсовал парочку к золотому списку. Вышло всего плюс полтора процента по массе, а объем нас вообще мало волновал... Как, говорят, там на Земле без настоящих машин? Не на зверушках же местных летать...

— Дисколеты инхайские?

— Ага.

Расмус глубоко вдохнул. Потом выдохнул.

— Обормоты. Раздолбаи. Скоты. Спасибо вам, уродам непослушным!

И он изо всех сил врезал Лоренцо по плечу.

— А ведь я приносил торжественную клятву инхайскому стратегу, что в призовом фонде нашей команды нет устройств

высокого технологического класса! Дьявол, Лоренцо, если бы наш ангар проверили, то что?

— Думаю, было бы плохо, — осторожно предположил Лоренцо. — Но ведь не проверили же?

— Осядем, — хмуро пообещал Расмус, — я тебе все ребра переломаю.

— Йеп, босс! — весело согласился Лоренцо и козырнул.

— Где дисколеты?

— Я их ближе к ущелью навел, там и стоят. Темно — кто увидит?

— Грузить всех свободных! Все незадействованное имущество и технику! Оставить только портальную вахту и часовых по периметру. Мы уйдем на грузовике, думаю, все влезем. На «Чирс» много наших?

— Человек сорок, — сообщил Веном. — Все свободные.

— Отозвать!

— А не всполошатся? — с сомнением спросил Веном. — Если все сразу?

— Да пусть. — Расмус махнул рукой. — Варги нет, выводы делать некому.

— Йеп!

— Только, — предупредил Расмус, — никакой связи эфиром. Вестового зашли.

— Понял, босс, — кивнул Веном, и Расмус в очередной раз с грустью отметил, что Земля распустила вчерашних вояк неимоверно быстро. Даже в нынешних, все же не совсем мирных условиях.

Стройплощадка и палаточный городок на Хендываре зашевелились. В относительной тишине и без особой суеты волки собирались.

— Босс, — осторожно спросил Лоренцо, — а что с Варгой и его людьми? Что они хотели эвакуировать? Оборудование?

— Не только, — ответил Расмус, отвлекаясь от посторонних мыслей. — Они хотели еще и эвакуироваться сами.

— Сами? — удивился Лоренцо. — Но портал не...

— А откуда им это знать? — перебил Расмус. — И главное, зачем?

— Так они не знают?

— Нет. И не узнают. Я очень не люблю, Лоренцо, когда меня, вежливо улыбаясь, используют. Как презерватив. Вот пусть Варга и попробует сдержать всю остальную Землю. Но без моей помощи.

Лоренцо с сомнением покачал головой:

— А ведь будет драка... Та еще. Варга очень на нас рассчитывал.

— Знаешь, — с горечью в голосе произнес Расмус, — да, конечно, будет драка. Но я не хочу больше в это встревать. Они называют нас волками, Лоренцо. Может быть, может быть. Мы умеем убивать. Если надо. Но мы убиваем врагов. А они — самих себя. Они не волки, Лоренцо, конечно же, нет. Псы. Бешеные псы, не более. Так пусть же грызут друг другу глотки, если это они называют «борьбой с волчьим геном». Я не генетик, Лоренцо. Но мне кажется, что волчий ген мало удалить из ДНК. Сначала его нужно вытравить из песьих душ. А вот этого на Земле как раз и не произошло. И еще мне кажется, что пока Земля не содрогнется от пролитой крови, никто и ничем не сможет ей помочь. Ни мы, ни они сами. Такие дела, Лоренцо. Как там, кстати, трансфер?

— Девяносто восемь и три.

— Хорошо. Должны успеть.

Через четверть часа подтянулись волки с базы «Чирс». Индикатор трансфера вплотную подошел к отметке «девяносто восемь с половиной». Командиры подразделений один за другим докладывали Расмусу о готовности к эвакуации.

Потом пришел спецназовец Кэп.

— Босс, — сообщил он. — Нет Ядвиги. И этого вашего... консультанта. Последний раз Ядвигу видели здесь, на Хендываре, днем. На территорию базы они не возвращались.

Расмус долго смотрел на Кэпа. Долго и молча. И пытался понять, что это значит.

Говорят, для влюбленных время течет иначе.

Чушь, конечно. Дело не во времени, а в том, что влюбленным гораздо больше нужно успеть.

Но так или иначе, а Арчи толком не успел заметить, как навалилась душная летняя ночь. Теперь в ущелье заглядывали звезды; где-то выше по склону заунывно хныкал шакал. Озерцо шептало совсем рядом что-то свое, потаенное. И тихо пел огонек костра.

Впрочем, нет, костром это было трудно назвать. Никаких дров, никакого хвороста — найдешь разве в здешних предгорьях пищу для костра? Просто пылает на плоском камне таблетка сухого топлива, источая тонкий своеобразный запах. Но некая малообъяснимая первобытная потребность в открытом огне заставила зажечь эту таблетку, одну из пяти. Не ради тепла — туркменской ночью мог замерзнуть только больной, а они были здоровы. Не ради света — к чему им свет, влюбленным, каждый из которых к тому же видит в темноте немногим хуже диких псов-предков?

Полночь давно минула, а они сидели, обнявшись, и глядели на трепетный огонек. Ядвига прижималась щекой к боку Арчи. Рука Арчи легонько гладила плечо Ядвиги.

Они большею частью молчали, лишь изредка перешептываясь. Ни о чем.

А время все равно мчалось, словно угорелое, заставляя стрелки часов вращаться с непостижимой уму быстротой.

— Славное озерцо, правда? — спросила Ядвига, в очередной раз прерывая молчание.

— Ага, — согласился Арчи. — Я и не знал, что в горах такие бывают.

— Его, наверное, ключ подпитывает. Иначе высохло бы. И холодное какое!

— Ага. — Арчи почему-то трудно было блистать разнообразием ответов. Мысли разъезжались, как лапы только что научившегося ходить щена.

— И названия у него нет, я спрашивала.

— Надо наречь его твоим именем, — предложил Арчи, надеясь, что не сморозил никакой глупости.

Ядвига прижалась к нему крепче.

— Спасибо, конечно... Только у меня имя для этого неподходящее.

Арчи не нашелся, что ответить. Поэтому несколько минут они снова молчали.

— Нас не хватятся? — спросил Арчи потом.

— Не должны. — Ядвига едва заметно пожала плечами и с женской непосредственностью разом перескочила на другую тему: — Спасибо тебе.

— А? — только и смог ответить Арчи.

— Я не о том, — тем не менее поняла Ядвига. — Спасибо, что перестал хвататься за игломет. За доверие, что ли...

Арчи промолчал. Ему не хотелось думать об этом.

— Ты ж последние дни был как локомотив на рабочем ходу, — тихонько продолжала Ядвига. — Хоть бы раз улыбнулся. Только по сторонам зырк-зырк... А от мыслей, слепому видно, голова плавится...

«Вот так вот, значит, — уныло подумал Арчи. — Горе-агент ты, де Шертарини. Халтурщик. Ламер».

— Мне вообще-то все равно, кто ты. — Ядвига вдруг отстранилась и внимательно поглядела на него; огонек на миг отразился у нее в глазах. — Будем считать, что погранец. Да только ведь видно, что между теми сопляками из алзамайского леса и тобой пропасть, глубиной больше жизни.

«Черт! — подумал Арчи. — А может, ее просто попросить? Отпусти, мол, сердешная, очень надо... Вдруг и правда отпустит?»

Неизвестно, осмелился бы Арчи на это. И неизвестно, как повела бы себя Ядвига. Именно в этот момент рядом с грядой что-то огромное и округлое вдруг взмыло над горами, заслоняя звезды, а затем стремительно вознеслось к этим самым звездам. А минутой позже — вознеслось второе. И все это почти бесшумно.

В ущелье ворвалась волна прогретого за день воздуха; заплясал огонек на таблетке, заволновалась вода в безымянном озерце, так и не нареченном именем волчицы.

— Черт! — Ядвига вскочила.

— Что это было? — Арчи почему-то был уверен: она знает.

— Это инхайские дисколеты... Космические штурмовики, одним словом. Откуда они здесь?

Вероятно, присутствие дисколетов на Хендываре означало какие-нибудь неприятности.

Ядвига уже шнуровала ботинки.

— Плохо, да? — растерянно спросил Арчи.

— Не знаю. Пока.

Ядвига вскочила, поправила пулевик на плече. Арчи тоже выпрямился.

У них оставался всего миг.

Целый миг. На поцелуй. Но это ничего не значило, ведь для влюбленных время течет иначе.

А потом Ядвига растоптала таблетку, и освятивший их первое свидание огонек умер под рифленой подошвой сработанного где-то в космических далях ботинка.

У махолета Коршуновича встречал взъерошенный связист-колли.

— Палыч! Из Москвы шифровка пришла!

— Раскодировали уже?

— Конечно!

— Давай... — Коршунович поморщился. Откровенно говоря, он полагал, что это очередные указания от начальства. Солидные, но абсолютно бесполезные. Чаще всего.

Лутченко, Баграт и троица агентов-ашгабатцев, только что разменных на единственного волка, замедлились перед махолетом.

— Давайте, давайте. — Коршунович махнул им рукой. — Коридор, поди, закроют скоро!

Народ споро полез в махолет, а Коршунович покамест заглянул в носовой отсек.

— Вот. — Связист сунулся к своему углу и подал узкую пластиковую ленточку, совсем недавно выползшую из щели декодера-полиморфа.

«Срочно. Секретно. Руководителю операции «Карусель-2» от Российской Федерации майору Коршуновичу.

В 22.54 по московскому времени на один из телефонов резервной связи поступил звонок от некоего Ахтамали Бахва, работника фактории Верхнего Багира, что вблизи Ашгабата. По словам Бахва, его жена обнаружила в доме записку,

из содержания которой явствует, что агент Шериф жив и находится где-то в Туркменистане, вероятно — вблизи поселка Багир. Вам надлежит немедленно организовать заброску агента в Багир; задачей агента будет сбор всей возможной информации об этом происшествии и в идеале — установление связи с агентом Шериф.

Запись телефонного разговора прилагается.

Меру распространения этой информации рекомендовано ограничить главным руководителем операции «Карусель-2» генералом Золотых.

Старший группы резервной связи ВР РФ капитан Тентарёв».

— Твою мать! — прошептал Коршунович, отрываясь от ленточки. — Ты все-таки жив, Арчи! Я знал, что ты не можешь сгинуть, даже в огне...

И почти без паузы:

— Закрытый канал с сибиряками! С Золотых!

— Готово, шеф! — весело отозвался колли. — Я канал заранее оживил...

Коршунович нетерпеливо отобрал у него наушники и поправил бусину микрофона перед лицом.

Золотых отозвался почти сразу.

— Палыч? Что там у тебя?

— Семеныч, Шериф объявился.

— Где? — даже на слух легко было понять, что и без того собранный сибиряк насторожился и сосредоточился. Как харза перед прыжком.

— Где-то под Ашгабатом. Нужно выяснять. Он каким-то образом умудрился подбросить записку с телефоном резервной связи кому-то из местных. Местный таки позвонил... В общем, надо засылать агента.

Золотых колебался всего секунду.

— А стоит ли, Палыч? То есть агента ты, конечно, готовь, но стоит ли засылать его?

— Не понял? — растерялся Коршунович.

— Ты еще со своими ангелами не говорил?

— Не успел.

— Десантную операцию начинаем немедленно! Пересекаем границу, и все, отдаю приказ.

— А почему не сейчас?

Золотых фыркнул:

— Палыч! По условиям договора обмен еще не завершен. Вот покинем предоставленный коридор, тогда будет можно...

— Понятно, — закруглился Коршунович. — Высокая дипломатия. Тогда мы взлетаем.

— Давай!

Коршунович вернул гарнитуру связисту и перешел в основной отсек. Ребята уже вовсю работали с освобожденными ашгабатскими.

— Баграт! Виталий! — рявкнул Коршунович.

Оба мгновенно повернули головы. Остальные на миг прервались и тут же вернулись к работе.

— Ко мне оба. Остальным — не отвлекаться...

Лутченко и Баграт послушно встали и зашагали к шефу.

В этот же миг махолет оторвался от песка и, медленно набирая высоту, потянул на северо-восток, к границе.

Обстановка в первом из сибирских махолетов мало отличалась от обстановки в российском: оперативники внимали только что обмененным агентам, аналитики спешно строили модели ситуаций, сталкивали воображаемые варианты ближайших событий и пытались оценить возможные результаты. Генерал Золотых проводил экспресс-совещание полевого штаба — с командирами пограничников, европейского спецназа и начальниками подразделений селектурно-технической поддержки.

Из четверых агентов-ашгабатцев говорила в основном Эфа, Татьяна Бузыкина, урожденная Золотых. Степан Чеботарев, один из тех, кто с самого начала был привлечен к истории с волками, слушал и ловил себя на мысли, что худшие из его опасений оправдываются.

Возвращение на Землю не прошедших биокоррекцию волков отнюдь не послужило толчком, как казалось сначала, для возврата к старому. Максимум — неожиданным симво-

лом, странно совпавшим по времени с переменами на самой Зе́мле.

Рушилась рабочая гипотеза, выстроенная аналитиками Сибири, России и Европы в тихих кабинетах и развитая в тесных палатках посреди каракумской пустыни.

Ашгабатский переворот отнюдь не был экспромтом, реакцией загнанного в угол пса по имени Саймон Варга на действия стран альянса. То есть аналитики допускали, что идея переворота пришла в голову Варге не в последний момент. Но такой тщательной проработки действий, такой согласованности и убийственной точности шагов невозможно было добиться без многолетней кропотливой подготовки.

— Пограничники, полиция и национальная гвардия, казалось, только и ждали соответствующего сигнала, — устало излагала Эфа. Она то и дело проводила ладонью по коротко стриженным волосам, словно машинально пыталась поправить утраченную совсем недавно прическу. — Ручаюсь, что Варга давным-давно имел влияние на руководителей, причем реальных, а не номинальных — любой мало-мальски значимой силы в Туркменистане. Даже на пожарные части — в захвате биовокзала пожарные участвовали как ближайший резерв.

— А оружие? — вставил слово Богдан По. — Что они, со шлангами вокзал штурмовали?

— Во-первых, — терпеливо пояснила Эфа, — в Средней Азии пожарные имеют штатные иглометы и имеют право пускать их в ход. Дабы в случае чего пресечь ненужную панику. А во-вторых, никакого штурма не было и в помине. К вокзалу сначала подкатил обычный полицейский экипаж и двое в штатском прогулялись к вокзальному инспектору. А потом на площадь приехали три пограничных грузовика. Естественно, с пограничниками. Начальник вокзала выслушал лейтенанта-пограничника и немедленно принялся «оказывать посильное содействие». То бишь санкционировал немедленную отмену всех рейсов, особый контроль над подотчетными ему средствами связи и все такое прочее. Вот и весь штурм. Пассажиров тут же разогнали по домам, вокзал просто заперли.

— Понятно, — кивнул Богдан.

— В общем, поражает точность, с которой Варга выделил все сколько-нибудь значимые объекты, стремительность, с которой он взял их под полный и безусловный контроль, а более всего — легкость, с которой он изыскал для всего этого исполнителей. Такое впечатление, что Ашгабат последние лет тридцать только и делал, что готовился к этому перевороту, разве только не репетировал его ни разу.

— Вот-вот... — прозвучал знакомый всем голос.

В проходе, возвышаясь над всеми, стоял генерал Золотых. Взгляды невольно обратились к нему. И в каждом взгляде читался вопрос.

— Репетиция. Это ключевое слово, — пояснил Золотых.

— В каком смысле? — всеобщее непонимание высказал Степан Чеботарев и вопросительно двинул ушами — еле-еле заметно.

— Ашгабат — это всего лишь репетиция перед более впечатляющей акцией, вы не находите, коллеги?

Стало поразительно тихо; слышался только мерный гул — пилоты вынуждали махолет торопиться.

— Ладно, — вздохнул Золотых. — Есть хорошая новость, ребятки. Шериф объявился.

— Где? — чуть ли не в один голос вопросили все присутствующие, кроме ашгабатцев.

Золотых, неотрывно глядя на Эфу, разъяснил:

— В Ашгабате. Вернее, где-то в окрестностях. Он задействовал резервный вариант связи; похоже, он не вполне свободен.

— Выходит, он на «Чирс»? — озадаченно выдохнул Чеботарев.

— Или у волков, — добавил Шелухин. — Второе, кстати, вероятнее.

— И до сих пор жив? — насупившись, усомнился кто-то из иркутской группы. — Маловероятно.

— Погодите, — в разговор снова вклинилась Эфа. — Если я правильно помню, Шериф — ньюфаундленд?

— Да, — подтвердил Чеботарев. — Невысокий такой.

— Какой-то ньюфаундленд принимал участие в захвате здания правительства. А потом его видели рядом с моей ашгабатской квартирой на Восточном бульваре.

— Это-то тебе откуда известно? — в очередной раз удивился Чеботарев.

Эфа замялась:

— Да так... Перед самым обменом предоставилась возможность кое-что подслушать...

«Молодец, девочка, — думал генерал Золотых, по-прежнему неотрывно глядя на дочь. — Я так боялся, что этот плен тебя сломает... если ты сумеешь там выжить. Ты сумела. И сумела не сломаться при этом. Молодец, Танюша...»

— Тебе что-либо известно о дальнейших планах Варги и волков? Ты вообще видела волков? — Аналитики решительно брали быка за рога. Им нужна была информация, а не догадки.

— Волков — да, видела. Похоже, они принимали активное участие в перевороте, причем на самых ответственных участках. Например, при аресте президента и, как я уже упоминала, в захвате здания правительства. По моим оценкам, волки были наиболее четко действующей силой. И при этом они умудрились выполнить все возложенные на них задачи не то что без единой жертвы, а, кажется, вообще без единого выстрела. Хотя стрельба все же случилась: пограничники затеяли перестрелку на пункте дальней связи с местной охраной. Но и пограничники, и охрана в ход пустили исключительно иглометы, так что отделались только парализованными, но не погибшими.

— То есть, — уточнил глава аналитиков, очень похожий на генерала Золотых седовласый мужчина-лайка, — налицо очередные изменения в поведении волков?

— Получается, да, — подтвердила Эфа. — Похоже, они склонились к желанию обходиться вовсе без жертв.

— Кстати, — заметил Золотых, обращаясь в основном к главе аналитиков, — было бы интересно услышать — почему?

— Мы постараемся построить соответствующую модель, — пообещал аналитик.

Золотых хмыкнул:

— Стараться не нужно. Нужно строить.

Аналитик-лайка вздохнул в седые усы:

— Построим, Семеныч. Непременно построим. Дай только всю информацию собрать...

— Собирай, собирай, — позволил Золотых.

И вдруг обратился к дочери:

— Таня! Тебя могут подменить ненадолго?

— Да, папа.

— Тогда пойдем. Есть пара вопросов...

— Олаф, — велела Эфа одному из своих. — Давай теперь ты.

И встала.

Ее даже не проводили взглядами — на это просто не оставалось времени. Теперь все внимали крупному парню-аморфу, которого Эфа назвала Олафом.

Махолеты стремительно неслись над песками, будоража горячий воздух. Они были похожи на безмолвных хищных стрекоз, затеявших в ночи грандиозную охоту, но на самом деле они лишь спешили вырваться из условного дипломатического коридора. Чтобы генерал Золотых мог беспрепятственно и вполне законно отдать приказ о начале операции по окружению и захвату туркменской столицы.

Едва махолет сел и майор Шольц с Грабовским выпрыгнули на песок, рядом по обыкновению неслышно возник Генрих. Он казался невозмутимым; ничто в выражении его лица не могло свидетельствовать о нетерпении или спешке.

— Поздравляю, босс, — коротко приветствовал Генрих. — С освобождением, коллега.

Грабовски сдержанно кивнул. С Генрихом Штраубе он был незнаком, хотя и наслышан об этом разведчике после известных событий в Алзамае и окрестностях.

— Пойдем, — прервал Генриха Шольц. — Мы еще и поговорить толком не успели...

«Конечно, — понял Генрих. — Слишком много чужих ушей в сибирском махолете...»

Сотрудничество сотрудничеством, но у разведок каждой страны, пусть даже объединенных альянсом, есть глубоко интимные дела.

Спустя десять минут Шольц и его люди устроили экстренное совещание европейской оперативной группы. Естественно, сначала выслушали рассказ Грабовского об ашгабатском мятеже и его же первоначальный анализ.

Выводы получались странные.

Очень странные. Майор Шольц даже счел их решительно невозможными. Если верить всему, что сообщил Грабовски, переворот в Ашгабате подготовила и спровоцировала Россия.

Будь у Шольца и его людей больше времени — возможно, и удалось бы тщательно проанализировать ситуацию. Но времени не осталось.

Генерал Золотых отдал команду начать десантную операцию.

По всей северной туркменской границе пришли в движение сибирские и российские пограничные части. Сотни селектоидов взвились в воздух. Сотни экипажей-внедорожников вторглись на территорию Туркменистана.

Интервенция началась — незадолго перед рассветом. И, естественно, первые выстрелы не заставили себя долго ждать.

Генрих в этот момент сидел в чреве скоростного махолета ударной группы. Рядом с Грабовски. Напротив, через проход, расположились старые знакомые — прибалты Юрий Цицаркин и Рихард Вапшис. Кроме того, в группу входили трое россиян, трое сибиряков и полтора десятка европейцев-спецназовцев. Номинальным командиром группы считался лейтенант-европеец, мрачноватый немецкий овчар. Но Генрих знал, что он сам и Грабовски, равно как и прибалты, русские и сибиряки, просто приданы к спецназовцам. Несомненно, что на опытных агентов-разведчиков руководство возлагало задачи поважнее, чем на чистых боевиков-спецназовцев. Скорее всего поэтому агентов усадили в глубине десантного трюма, дальше всего от люков. Дабы ненароком не положить их в первые же минуты, если случится какая-нибудь роковая заминка при высадке.

Далеко впереди, кажется, даже не на нейтральной полосе, а уже на территории Туркмении, вспыхнула стрельба. Несколько бронетранспортеров смяли стену мономорфного заграждения, чудом произрастающего в бесплодных песках, и в открытый проем устремились внедорожники с солдатами альянса.

Туркмены вяло отвечали — на удивление вяло.

А потом махолет взлетел.

Теоретически махолет могли сбить. Европа, к примеру, подобным оружием располагала. Располагала ли Туркмения — никто толком не знал. Номинально — нет. Но традиционные успехи туркменских генетиков и биологов на самых различных, порой очень неожиданных направлениях селекции не исключали такой возможности. Кроме того, неизвестно, чем занимался на своей базе Саймон Варга — почему бы не разведением эффективных селектоидов-зениток? Да плюс волки. У этих наверняка имелось в запасе какое-нибудь подходящее оружие.

Но операцию альянса планировали тоже не дилетанты. Перед транспортными махолетами над границей прошла сплошная волна беспилотных селектоидов-тральщиков. Если у мятежников есть противовоздушная оборона, тральщики неминуемо ее выявят. И тут за дело возьмется вторая волна — секретные европейские штурмовики, которые скрытно доставили к туркменским границам. Эти малоповоротливые летающие крепости были способны обратить целые гектары какого угодно ландшафта в сплошь перепаханные поля. Сровнять с землей, с песком — с чем придется — любые укрепления.

Генералу Золотых стоило неимоверных трудов добиться разрешения на использование этих селектоидов. И Европа скрепя сердце санкционировала их применение в операции «Карусель-2». Потому что руководство ведущих стран альянса отнюдь не собиралось получать второй щелчок по носу, как в Алзамае.

Генрих Штраубе переварил всю эту шокирующую информацию со странным отрешением. В принципе любой вээровец или служащий спецназа подозревал, что Европа имеет мощное оружие. Но подробностей не знал никто.

Когда Генрих впервые увидел зачехленные штурмовики, что дремали на железнодорожных платформах, и узнал от Шольца, что же это такое, он впал в какой-то странный мысленный ступор. Словно отказало умение удивляться.

А потом один штурмовик расчехлили. И стало возможно воочию полюбоваться на воплощенный селектоид смерти. Пока еще сонный и обманчиво неопасный.

И лишь к вечеру того богатого на откровения дня Генрих наконец полностью осознал, что живет в эпоху великих перемен. И более того, сам во всем этом активно участвует. Факт, что люди готовы убивать других людей и даже вывели для этого специальных селектоидов, его не очень удивил. В конце концов он служил во внешней разведке, а значит, был подготовлен психоинженерами к самым крайним и решительным поступкам.

Генриха потряс глобальный подход. Потрясла реализация идеи «убивать все, что движется или сопротивляется». И он вдруг задумался: какой же тогда смысл гоняться за волками по всей Евразии, если в Европе, оказывается, давно отыскались свои волки, добропорядочные и сытые, которые днями чинно изобретают и реализуют в селектоидах методы массовых убийств, а вечерами гуляют в парках с детьми и водят жен в рестораны? Волки, которые лично не нажимают на спуск пулевиков, но зато пулевики придумывают? Мощные пулевики. Очень мощные. Сращивают их с самолетами и обеспечивают достаточный боезапас...

Мир рушился. Мир, в котором люди не убивают людей — только когда это действительно крайне необходимо, — таял и исчезал. Вместо него вставал пугающий мир, недобрый мир, мир, в котором небо в любой момент мог застить вражеский штурмовик и обрушить на каждого без разбору всю свою неизмеримую боевую мощь. Не на изгоя, который собственными проступками сам вывел себя за рамки истинных людей, а на любого, кто встретится на пути. На правого и виноватого. На беззащитного.

И еще Генрих вдруг подумал, что никогда не интересовался вопросом: а проходят ли психокондиционирование все

те, кто отдает Генриху и десяткам других вээровцев во всем мире приказы в моменты пресловутых фитилей?

Проходят? Или нет?

Махолет тем временем вышел на расчетную высоту; канонада внизу почти сразу стихла, так толком и не разгоревшись. Генрих вслушивался, пытаясь понять: штурмовики сказали свое веское слово или обошлось без них? Похоже, что обошлось. А это значило, что силы альянса смяли жиденькие пограничные барьеры Туркменистана без особых проблем.

Или это только казалось?

Генрих Штраубе тискал ствол регулярного длинноствольного пулевика и ожидал, что же принесет ему ближайшее будущее.

А еще он решил при первом же удобном случае сменить пулевик на игломет. С парализующими иглами.

— Генерал?

— Да, господин президент... Точнее, наверное, господа президенты.

— Как начали?

— Благополучно. Но есть первые неожиданности.

В голос президента Сибири Леонида Аношко, семнадцатого в достаточно старой линии, вкралась тревога. Ему было доложено, что пограничные посты Туркменистана пройдены практически без жертв, а тут командующий «Каруселью-2» вдруг намекает на какие-то там неожиданности! Кому угодно неуютно в кресле станет.

— Неожиданности?

— Именно так, господа. Варга оказался хитрее и предусмотрительнее, чем я ожидал. А может, это и не Варга. Даже скорее всего не Варга, а волки. Эти-то — вояки прожженные и ситуацию просчитать смогли бы легко.

— Нельзя ли поподробнее?

— Отчего же? — Золотых на миг отвлекся, давая мелкие неотложные указания Степану Чеботареву. — Вполне можно. Собственно, северные границы Туркменистана не охранялись. Вдоль нейтральной полосы были оставлены всего

лишь незначительные силы, которые последние дни старательно занимались исключительно втиранием очков. Иначе говоря, они создавали иллюзию присутствия на границах крупных вооруженных формирований и скоплений мобильной селектуры. На деле же пограничников оказалось раз в двадцать меньше, чем в принятом недавно Туркменией штатном режиме. Схожая ситуация и на Каспии — морской десант вообще не встретил сопротивления. Исключение составляет только юго-восток, районы Красноводска и Гасан-Кули. Но и там оборону не назовешь плотной.

— И что же это означает?

— Только одно, господа: Варга прекрасно сознает, что имеющимися силами такую огромную территорию, как вся Туркмения, он не удержит. И он осознанно отступил. Без всяких сомнений — к Ашгабату. И вот тут-то и будет организована настоящая эшелонированная оборона. Наши аналитики склоняются к мысли, что преодоление этой обороны может растянуться от суток до недели.

— И что же вы намерены предпринять? В свете новых, так сказать, веяний...

— Окружить очаг сопротивления. Для начала — чтобы отсечь от Ашгабата Туран и воспрепятствовать... различным неожиданностям. Прочим. После чего можно будет заново проанализировать обстановку и пробовать разгрызть сию, с вашего позволения, сахарную косточку.

— Туран, как я понимаю, пока активных действий не предпринял?

— Пока нет. Во всяком случае, таких данных у меня нет. Я надеюсь, что морской десант от Красноводска и Гасан-Кули успеет воссоединиться с передовыми отрядами восточного крыла еще до того, как Туран сообразит, что мы начали.

— Сколько, по-вашему, понадобится времени на окружение?

— От сорока минут до двух часов. Вряд ли больше.

— Постарайтесь не мешкать без нужды. Сомнительно, что Туран прохлопал начало операции... Даже странно, что туранцы до сих пор не предприняли ровным счетом ничего.

Ей-богу странно. И вот еще что, генерал... Мы тут посовещались... И решили, что европейским штурмовикам будет полезно побарражировать вдоль туранских границ. Просто так, для острастки. Вы не находите?

Золотых нахмурился. Он решительно не представлял себе реакцию Турана на подобную акцию.

— Разумеется, — поспешил уточнить президент, — никоим образом не нарушая воздушного пространства Турана.

— Я буду готов ответить на этот вопрос, когда кольцо вокруг Ашгабата замкнется, — осторожно ответил Золотых. — До того штурмовики могут понадобиться для более насущных задач, нежели запугивание бездействующего Турана.

— Тогда примите мои слова в качестве рекомендованной меры. Настоятельно рекомендованной.

— Я вас понял, господин президент... господа президенты.

— Прекрасно. — Леонид Аношко и его высокопоставленные коллеги пока имели все основания быть довольными ходом операции. — Работайте, Константин Семенович! Канал связи ни в коем случае не прерывайте...

Золотых молча кивнул кристальному глазу селектоида-видеопередатчика и обернулся к снова возникшему на пороге отсека Чеботареву.

— Ну?

— Все, заслон под Чарджоу смят и рассеян, позиции заняты нашими пограничниками из читинского отряда. Готовятся форсировать Амударью. Передовые группы грузятся в махолеты, ударная группа наводит понтоны. Мост, кстати, спасти не удалось...

— Варвары, — пробурчал Золотых. — Взорвали?

— Нет. Заразили какой-то дрянью. Видимо, загодя. Несколько пролетов просто осыпались и рухнули.

— Что Красноводск?

— Продвигаются, но медленно. От моря противник оттеснен. Но трассу они отдают очень неохотно, все время контратакуют, буквально за каждый метр цепляться приходится. Жарко, наши не привыкли... А моряков слишком мало для внятной атаки.

— А давай-ка над трассой пару штурмовиков пустим, — предложил Золотых неожиданно для самого себя. — Как раз светать начинает. А?

— Можно попробовать, — сказал Чеботарев с некоторым сомнением.

Генерал немедленно прильнул к пульту связи с авиадиспетчером. Но он и слова не успел вымолвить — отодвинув Чеботарева, в проем люка втиснулся Олег Шеремет.

— Константин Семенович! Махолеты достигли основной линии обороны. Это в тридцати километрах от Ашгабата. Есть сбитые тральщики.

— Начинайте высадку! — скомандовал Золотых. — На позиции не лезть, сначала кольцо!

— Есть! — Шеремет мгновенно исчез.

«Бардак, — зло подумал Золотых. — С президентами нашими непрерывный канал, а со сводками по десанту Шеремет из соседнего отсека пешком бегает, ёрш твою медь...»

Наспех адаптированный под командный пункт грузовой махолет не мог вместить всю необходимую селектуру. А использовать уже ставший привычным штабной самолет в боевых условиях Золотых не решился. Даже под опекой европейских штурмовиков. А возможно, именно поэтому.

Ведь Эфа успела рассказать прелюбопытные вещи, из коих вполне могло следовать, что за ашгабатский переворот ответственен исключительно Европейский Союз. И что Европа, прикидываясь равноправным партнером по альянсу, на самом деле вынашивает тайные коварные планы.

Вот это, к примеру, рекомендованное поигрывание мускулами перед Тураном — что оно может означать? Помимо заявленного смысла? Ведь может же, черт возьми, может!

— Первый сброс! Десант начат! — доложили, причем опять из-за пределов отсека. Откуда-то из тамбура.

— Что Туран? — запросил Золотых службу наблюдения.

— Мертво, господин генерал! Ни намека на шевеление! По всей северной границе.

— Хорошо, — пробормотал Золотых. — Это хорошо. Может, и впрямь обойдется?

Операция «Карусель-2» набирала обороты и размах. Такая непохожая на предыдущую, на просто «Карусель». Чуть более трех недель — и как все изменилось...

Если бы генерал Золотых не был так занят, возможно, он и задумался бы над тем, как порой бывает тяжко ощущать себя песчинкой в жерновах времени крутых перемен.

02: Зона аккумуляции

— У меня есть светильник, — сказала Ядвига, показывая Арчи упакованный в хрусткий плацентофанид стержень. — Ломать?

— Не надо, — сквозь зубы сказал Арчи. — Попробуем так.

И они побежали. Хотя нет, не побежали — в темном ущелье бежать означало искалечить себе ноги. Поспешили, так будет точнее. Поспешили прочь из ущелья.

Арчи включил «ночной взгляд». Он и так неплохо видел в темноте, но если не таращиться под ноги, а просто смотреть вперед, выхватывая камни у ног периферийным зрением, вполне получалось даже временами переходить на трусцу. Пока вновь не встречалась россыпь крупных желтоватых камней — ночью они казались просто светлыми.

Ядвига и не думала отставать; ее движения стали экономными и стремительными. Она сейчас очень напоминала харзу на охоте — те же нечеловеческая грация и отточенность каждого движения, та же неудержимость, сквозящая в каждом изгибе тела...

Ее Арчи тоже воспринимал периферийным зрением. Уголком глаза.

Медленнее, чем хотелось бы, но они все же продвигались к устью ущелья.

Никакие дисколеты больше не шныряли, заслоняя звезды, над головами. Никакие особые звуки не нарушали тишину летней ночи. Разве что потрескивали, остывая, окре-

стные камни, хныкал выше по склону шакал да на деревьях вокруг «Чирс» беззаботно скрипели на всю округу цикады. Еще доносился далекий и слабый плеск воды — это ниже по склону струя из артезианской скважины била в бетонную пиалу бассейна.

Когда ущелье достаточно раздалось, чтобы камни остались у стен, а посредине обнаружилась тропинка, Арчи перешел на настоящий бег.

Все это время он боролся с разнообразными предчувствиями. И понятия не имел — что сейчас увидит.

Незаметно ущелье сошло на нет — стены полого обратились основаниями двух соседних гребней. Арчи с Ядвигой взобрались на правый и на миг застыли.

Прожектора на стройплощадке волков исправно горели. Не вздымался к небесам дым, не буйствовало шальное пламя. И не похоже было, чтобы на Хендываре возникли какие-нибудь посторонние воронки...

«А с чего я взял, что будут воронки? — лихорадочно соображал Арчи. — Стратег хренов. В любом действии готов подозревать агрессию. Может, волкам просто помощь подоспела? Из космоса? Со спутника?»

На «Чирс» все тоже выглядело как обычно. Цепочка осветителей на периметре-мономорфе и на заградительной проволоке. Те же прожектора. Ярко освещенная проплешина у ворот. Огоньки в окнах, тусклые из-за света прожекторов, но вполне различимые.

— Пойдем! — Ядвига нетерпеливо дернула его за рукав.

Естественно, она увлекла Арчи к стройплощадке.

И снова бег, бег под уклон, сквозь духоту среднеазиатской ночи, сквозь тьму...

Под ногами тихо хрустела иссохшая колючка, отвар из которой пили местные. На «Чирс» тоже пили этот отвар, горький, но быстро приходящийся по вкусу. И прекрасно утоляющий непрерывную жажду чужака на этой земле.

Недалеко от памятного окопчика Ядвига сказала Арчи:

— Побудь здесь...

Арчи не стал перечить. Он привык, что для неволков ход на стройплощадку закрыт. Волки хранили свои секреты, и

это было нетрудно понять. Он присел на все еще теплую со вчерашнего дня землю, шикнув, вытащил из-под задницы некстати подвернувшийся колючий побег и затих. Ядвига, пригибаясь, пересекла освещенное ближайшим прожектором пространство по направлению к окопчику. Некоторое время пробыла там, потом лаской выпросталась, текуче вскочила на ноги и побежала дальше.

Тишина звенела в ушах.

«Странно, — подумал Арчи. — Ночь ведь полна звуков, но они как-то очень органично отступили на второй план, на фон. А тишина рвется в уши, словно бежит от каких-то одной ей ведомых страхов...»

Небо готовилось светлеть: короткая августовская ночь уступала место нарождающемуся утру.

Когда у прожектора появилась Ядвига и призывно махнула рукой, Арчи сначала не поверил. Но Ядвига продолжала махать, и пришлось вставать и тоже бежать вперед. Пригибаясь. Зачем-то пригибаясь...

Он миновал окопчик — пустой. Совершенно пустой, словно выметенный. Добежал до Ядвиги — у той был несколько растерянный вид.

— Никого нет, — сообщила она. — Вообще никого. Ни единого человека.

Арчи озирался. Он впервые попал сюда, на секретную стройплощадку волков. Десятка два капониров, разбросанных без особой системы; некоторые накрыты пузырями маскировочной сетки. Ажурные стойки под прожектора. Неживая электрическая подстанция-преобразователь, к которой, выныривая из-под земли, подводились четыре толстых кабеля в черной изоляционной оболочке. Круглая площадка с красным пятном идеальных очертаний в центре, какие-то непонятные механизмы за пределами пятна.

И пусто. Ни души.

— Что это значит? — спросил Арчи, надеясь, что Ядвига в состоянии объяснить это безлюдье.

Но он ошибся.

— Понятия не имею, — сердито ответила Ядвига. И добавила: — Никого даже на центральном посту!

— А в городке? — осенило вдруг Арчи. — В палатках?

Но и в отстоящем от стройплощадки метров на двести палаточном лагере не нашлось ни души. Арчи присмотрелся, пытаясь понять, что же здесь произошло. Следы сборов наличествовали, даже можно сказать следы спешных сборов, потому что там и сям валялась в совершеннейшем беспорядке всякая всячина: пустые банки из-под консервов, упаковочная пленка, разнообразный хлам и мусор, который волки обыкновенно не бросали где попало, Арчи имел время в этом убедиться. Но несмотря на всю поспешность, сборы все же не несли следы экстренности. То есть ничего жизненно важного, вроде оружия, припасов или вещей, брошено не было. Значит, волки уходили спешно, но срок ухода определяли все же сами. Если их что-то и вспугнуло (те же дисколеты), это что-то прямой и немедленной угрозы не несло.

Арчи не замедлил высказать свои соображения вслух. Ядвига как раз вылезала из первой попавшейся палатки.

— Скажи, — спросил ее Арчи, — а не могли на этих дисколетах явиться ваши прежние... наниматели?

— Не вижу — с чего бы? — пожала плечами Ядвига и села на пустой деревянный ящик, явно предназначенный в конечном итоге на дрова. — Война закончилась. Нашим прежним хозяевам нечего делать в этих краях.

— А свои дисколеты у вас... в смысле — у вашей группы были?

— Насколько я знаю — нет. — Ядвига легонько покусывала губы. — Хотя Расмус очень предусмотрительный командир. Но ведь были поводы воспользоваться дисколетами раньше. Весьма насущные поводы. И уж тем более непонятно, что могло заставить Расмуса применить их сейчас?

— Хорошо. — Арчи попытался мыслить максимально логично. — Предположим, что некие загадочные обстоятельства заставили Расмуса осуществить эвакуацию. И даже с применением дисколетов, прибереженных на самый черный день. Вопрос вот в чем: ты представляешь, куда твои друзья могли навостриться?

— Нет. Правда не представляю. Хотя есть несколько вариантов, которые мы рассматривали как вероятные места поселения...

— Это все на Земле, я правильно понял?

Ядвига посмотрела на него странно:

— Конечно, на Земле! Где же еще?

— Значит, в космос вас не тянет?

— А что там делать? — искренне изумилась Ядвига. — Там пусто и неуютно. А здесь наш дом, здесь, а не в космосе.

— И что ты предполагаешь делать теперь?

— Не знаю. — Ядвига почему-то насупилась. — Дура я, дура. Знала ведь, что в любой момент может произойти нечто подобное. И никому не сказала, где буду.

— Ты жалеешь? — спросил Арчи с непонятным самому себе напряжением.

Ядвига вскинулась. Мгновенно оказалась рядом. И обняла его.

— Жалею? Конечно же, нет. Просто можно было предупредить часовых, что я в ущелье. И за нами бы пришли.

Ее слова прозвучали для Арчи как музыка. И, конечно же, Арчи Ядвигу прижал к себе и поцеловал, потому что это было естественно и необходимо, как дыхание. Для обоих.

И не стало враз никаких проблем и никаких задач. Правда — всего на миг, но все же.

«Значит, есть в мире что-то, что выше наших мелких ежеминутных метаний. Выше суеты и даже выше долга... перед страной».

Какой-то месяц назад, приди к нему подобные мысли, Арчи, свесив язык, помчался бы к психоинженерам. А сейчас просто стоял под светлеющим небом в покинутом волчьем лагере и обнимал женщину, которая быстро и донельзя естественно стала для него единственной.

И чувствовал себя при этом удивительно хорошо.

Но все в мире заканчивается — Ядвига мягко отстранилась и заглянула ему в глаза.

— Что будем делать?

— Волчица спрашивает меня, паршивого не-хищника-землянина, что делать? — с напускной иронией осведомился Арчи.

Ядвига легонько пихнула его кулаком в бок:

— Язвим? Это хороший знак. Во-первых, я тоже землянка. А во-вторых... господин якобы пограничник, я уже убедилась, что голова у тебя варит. Причем получше моей. Если, там, в лоб кому дать или пострелять для острастки, я бы у тебя совета не спрашивала.

Арчи вздохнул; настроение у него, вопреки всему, заметно улучшилось.

— Ну-у-у... — протянул он, лихорадочно соображая, — я на твоем месте повнимательнее осмотрел бы центральный пост... как он тут у вас называется?

— Так и называется. Постом.

— Веди. Или мне нельзя?

Ядвига только досадливо отмахнулась. И направилась назад, к красному округлому пятну посреди стройплощадки.

Означенный пост был устроен в капонире, с виду ничем не выделяющемся среди остальных. Ядвига нырнула под сетку, Арчи тоже.

В капонире стояли три стола, на которых, Арчи готов был поклясться, еще совсем недавно работали волчьи портативные терминалы-компьютеры. Теперь на столах было пусто, только пучки проводов, словно отсеченные нервы, торчали там и сям.

Ядвига озадаченно вертела головой.

— Яся, — обратился к ней Арчи, — ска...

— Как ты меня назвал? — перебила Ядвига.

— А... Яся. А что?

Ядвига снова прижалась к нему.

— Мне нравится... Называй меня так.

Арчи погладил ее и все же задал вопрос, который намеревался задать.

— Скажи, то, из-за чего вы не допускали сюда чужаков, все еще здесь?

— Нет, — не задумываясь, ответила Ядвига. — Самая важная аппаратура демонтирована. Осталось только самое обыденное... все ваше, кстати.

— Походи здесь. Присмотрись, — посоветовал Арчи. — Не может быть, чтобы твои не оставили тебе какой-нибудь знак.

— Тогда отпусти меня.

— Отпускаю, — с сожалением вздохнул Арчи и развел руки в стороны.

Ядвига отстранилась только спустя пару секунд.

Чтобы не мешать, Арчи вышел наружу; ночная тьма таяла на глазах. Занимался рассвет.

И почти сразу Арчи услышал знакомый далекий гул.

Он замер и вслушался.

Нет, не показалось.

«Бу-у-у-у-у-уууу...»

Минуту спустя из капонира выскользнула Ядвига.

— Это мне кажется, или...

— Или, — глухо сказал Арчи.

— Что это?

— Махолеты. Или самолеты. Транспортные. Много. Очень, Яся, много. Сотни.

— А это значит?

— А это значит, что альянс начал боевую операцию. Ни вы, ни Варга не успели.

— Ну, — протянула Ядвига с некоторой долей злорадства, — мы-то как раз успели.

«Успели? — подумал Арчи. — Так вот почему вы свернули площадку и забрали все самое важное... Вот почему вы собирались спешно, но все же не впопыхах...»

А вот Варга скорее всего не успел. И это почему-то радовало Арчибальда Рене де Шертарини неизмеримо сильнее.

— Яся, — спросил Арчи с внезапно прорезавшейся тоской в голосе. — Скажи, вы правда хотите просто осесть где-нибудь и тихо жить? Вы правда не хотите никого убивать? Вы, волки, воины?

— Правда, Сеня. Вы зря затеяли на нас охоту... А мы зря пытались пресечь ее так решительно. Нам не нужно было никого убивать с самого начала. И тогда ничего плохого не случилось бы.

— Арчи, — сказал Арчи.

— Что? — не поняла Ядвига.

— Арчи, а не Сеня. Меня на самом деле зовут Арчибальд.

Арчибальд Рене де Шертарини, сотрудник внешней разведки Российской Федерации, подозревал, что поступает вопиюще неверно, называя представителю официальной противоборствующей стороны свое настоящее имя. И при этом свято верил, что ничего худого все же не случится.

«Бог мой, — подумал Арчи со смешанным чувством. — Сколько же мне еще предстоит осознать? Из-за тебя, девочка? Из-за твоей не пойми отчего вспыхнувшей страсти к пленному советнику и из-за того, что у советника полыхнуло в ответ...»

Едва вышел Домкрат, последний из обмененных ночью агентов, Коршунович поднял тяжелый взгляд на Лутченко.

— Ну, — спросил он чуть погодя. — И что ты обо всем этом думаешь?

Лутченко зябко повел плечами, несмотря на туркменские температуры.

— Даже не знаю, что думать...

— А по-моему, это все фигня, — неожиданно выдал Шабанеев из облюбованного угла и беззаботно цыкнул зубом. — Лажа, иными словами.

— Поподробнее, пожалуйста. — Коршунович не говорил, Коршунович требовал.

Шабанеев поудобнее умостился на раскладном походном стульчике и начал:

— Вот смотрите, Палыч... Что бы мы стали делать на месте ашгабатцев? Для начала сформулируем их цели. Варге позарез нужно время, ручаюсь. Он всеми силами тянул волынку перед операцией, это факт, не подлежащий сомнению. Даже обмен этот несчастный, совершенно невыгодный противной стороне — не что иное, как затяжка времени. На фига Варге еще один волк, если у него их уже никак не меньше сотни?

Коршунович недовольно поморщился:

— Ваня, выражайся поприличнее, будь добр! А то наши умники отчет президенту подсунут, не читая, а там твое «на фига» во всей красе...

— Извините, Палыч. Так я продолжаю. Итак, зачем, спрашивается, Варге волк? Да не нужен он ему. А нам эти агенты были необходимы, дабы хоть сколько-нибудь прояснить обстановку в Ашгабате. Взглянуть, так сказать, на переворот изнутри. Но ведь Варга тоже не ду... неглупый индивид. Он прекрасно понимает, зачем нам эти агенты, и прекрасно понимает, что ради этого мы даже согласны отнять у себя немножечко времени. Понимает он и то, что, отпуская агентов, он, в сущности, ничем не рискует. Поскольку агентов взяли либо ночью, либо под самое утро, и ничего особенного они не видели и не знают. Напрашивается вопрос: если агентов все равно отпускать, то нельзя ли извлечь из этого какую-либо попутную пользу? Вот, к примеру, легенда — я умышленно говорю «легенда» — Домкрата. Ну не верю я в то, что при допросе ему позволили бы таращиться на экран терминала. И эти... э... неумные паузы и перешептывания... В общем, Палыч, режьте меня, колите, а пахнет это наспех слепленной липой. Домкрату сознательно подсунули под нос дезинформацию и постарались обставить это так, чтобы он поверил, будто бы случайно ее подслушал. Та же песня и с Методистом. Вы верите, что начальник охраны будет с кем-то шептаться прямо у камеры с арестованным разведчиком?

— А ведь он прав, Палыч, — подал голос Лутченко. — У меня подобные мысли тоже возникали, но я как-то опешил и отвлекся, когда услышал, что за переворотом в Туркмении на самом деле стоит Сибирь. Слетел с мысли, увы...

— Так... — Коршунович на глазах терял мрачность и наполнялся охотничьим азартом. — Стало быть, агентам других стран тоже была скормлена деза в виде развесистой клюквы. И, ручаюсь, виновником переворота выставлялся другой. Другая страна то бишь.

— Именно! — воздел палец Шабанеев. — Пока мы будем разбираться да выяснять отношения, Варга отсидится в тепле и уюте, сделает то, ради чего выгадывает каждую секунду, и...

Шабанеев умолк.

— Что и? — не выдержал Лутченко.

— А вот что — и, я пока еще не придумал. Но ситуационная логика в этом, похоже, есть.

— Так. — Коршунович хлопнул в ладоши. — Ваня, ты можешь проанализировать информационный траффик от коллег по альянсу? На предмет изменений в характере? Если кто-нибудь подозревает нас в двойной игре, содержание сводок неминуемо должно измениться. Либо усохнуть, либо наполниться водой, либо что-нибудь еще. Есть у тебя спецы по содержательному анализу?

Шабанеев фыркнул:

— Разумеется, есть. Например, я сам.

— Так давай шевелись, чего расселся?

Иван Шабанеев, жизнерадостный аморф-компьютерщик, мгновенно оккупировал ближайший свободный терминал и немедленно слинковался со связистами и аналитиками. Руки его порхали над клавиатурой полиморфа, и казалось, что в данный момент они существуют отдельно от своего владельца.

Но Коршунович знал, что самое ценное в Шабанееве — не руки. Впрочем, руки Шабанеева тоже высоко ценились.

«А я пока попробую тихо и задушевно побеседовать с Семенычем... — подумал он. — С нашим доблестным генералом Золотых...»

Он снял с пояса спецмобильник и коснулся всего одного сенсора — прямого вызова.

— Золотых, — тотчас отозвался знакомый голос.

Невольно Вениамин Коршунович вслушивался в этот голос, пытаясь уловить новые интонации, натянутость или что-нибудь еще. Ведь сибирякам вполне могли подсунуть версию, что во всей этой истории грязно играет именно Россия.

«Черт! — подумал Коршунович, медленно стервенея. — С Семенычем приходится играть в гляделки-слушалки! Вынюхивать, а не думает ли он, что ты его надуваешь... И пытаться понять, не ищет ли он в твоем голосе то же самое. С Семенычем, с которым черт знает сколько пройдено и бог знает сколько выпито!»

— Семеныч, — сказал Коршунович тихо и устало. — Надо поговорить. Срочно. Только с глазу на глаз и лично.

Золотых выдержал короткую паузу.

— Жду, — коротко сказал он. — Но торопись, снимаемся через десять минут. И надеюсь, что дело того стоит...

— Бегу, — сказал Коршунович, отключаясь. И выскользнул из-под наспех натянутого над штабным «Изюбром» тента.

А потом действительно побежал.

Подчиненные, попадающиеся по дороге, округляли глаза и в немом изумлении отшатывались.

«Черт! — подумал Коршунович с тревогой. — Нехорошо как. Майорам вэ-эр бегать не положено! В мирное время бегущий майор вызовет только смех, а сейчас не иначе панику...»

Но ему действительно нужно было срочно поговорить с генералом Золотых. И от результатов этого разговора вполне могли измениться последствия операции «Карусель-2».

— Нашла? — спросил Арчи, оборачиваясь.

Ядвига отрицательно помотала головой в ответ:

— Нет. Не нашла.

Арчи вздохнул.

— Интересно, — изрек он, обращаясь не то к небу, не то к пустыне. — Что сейчас на «Чирс» делается?

— Понятия не имею, — ответила Ядвига. Она явно не сочла вопрос риторическим. — Пойдем туда?

— Если честно, — признался Арчи, — то мне не хочется.

— Мне тоже, — заявила Ядвига.

— Почему? — изумился Арчи.

— Ну... — Ядвига замялась: то ли слова подбирала, то ли эта информация не предназначалась Арчи. — Если коротко, то у нас в последнее время возникли серьезные разногласия с партнерами из «Чирс». В общем, я ни секунды не сомневаюсь, что наши эвакуировались именно поэтому.

Арчи мгновенно оценил это — в сущности, получалось, что он больше не пленник.

— Мне нужен телефон, — сказал он, поднимаясь. — Что тут у нас ближе всего? Янбаш?

— Кажется. Километров пять.

— Побежали! — Арчи вскочил.

— Погоди, — осадила его Ядвига. — Это на трассе. Там могут вертеться люди из «Чирс» — экипажи могут проезжать, посты дежурить в конце концов. В связи с этим. —

Она повела головой, явно намекая на далекий рокот и пыльный шлейф, что, явно приближаясь, полз вдоль пограничной гряды.

Махолетов они так и не увидели, зато над самой границей пронеслось несколько звеньев штурмовиков породы «Валькирия». Это было жутковатое и вместе с тем захватывающее зрелище. Неизвестно, что собирались смешивать с песком эти полулегендарные динозавры европейской секретной селекции; ни единого залпа они так и не произвели. Просто пронеслись чуть ли не над головами и сгинули на юго-востоке.

— Пойдем в Багир, — предложила она. — Причем лучше в Нижний. А оттуда — в Ашгабат.

— Прямо вот так? — с иронией поинтересовался Арчи, намекая на волчью форму, в которую были облачены оба. — А если нас узнают? Бабушки уборщицы из правительственной обслуги, к примеру?

— Купим обычную одежду, — отмахнулась Ядвига. — Тоже мне, проблема.

— Это если магазины работают.

— Тогда отберем у кого-нибудь. — Ядвига презрительно фыркнула. — Не тормози, Арчи.

— Ладно, не буду, — вздохнул де Шертарини.

Такой вариант его тоже устраивал.

И они, обходя базу «Чирс» по пологой дуге, двинулись к Нижнему Багиру. Для начала стоило достичь арыка, сплошь заросшего ежевикой и тутовником. Дабы не маячить в чистом поле и не привлекать ничьего постороннего внимания. А там, вдоль трассы, тоже что-то растет — в случае чего можно будет укрыться.

Они не знали, что зря опасаются приближаться к «Чирс». К этому моменту на базе оставались только усиленные посты охраны, получившие приказ лично от Варги никого на территорию не допускать, а если подобная угроза все же возникнет — задействовать систему ступенчатой самоликвидации и сдаваться.

Спустя пятнадцать минут передовые «Вепри» сибирских погранцов прокатили мимо стройплощадки волков — аль-

янс замыкал кольцо. Каждые три километра несколько «Вепрей» отставали от колонны и занимали удобные позиции. Окопчики вокруг стройплощадки показались пограничникам вполне приличными позициями, особенно если правильно расположить «Вепри».

Уже пробираясь вдоль арыка, Арчи и Ядвига услышали и увидели возвращающиеся «Валькирии». Но не задерживаться же из-за этого? Арчи спешил к телефону. А волчице, как показалось Арчи, было все равно что делать. Лишь бы не бездействовать, пока обстановка не определилась. И это вполне его устраивало.

На позициях ашгабатцев что-то размеренно бухало и стонало. Рихард выглянул из-за опоры тяжелого сибирского транспортера «Мамонт» и тотчас спрятался обратно.

Так и есть — невдалеке, рядом с таким же транспортером сибирских погранцов, песчаной свечой восстал взрыв, коротко ахнуло, и кто-то пронзительно, с детской обидой в голосе, закричал.

— Sauhunde! Schweinehunde! — сквозь зубы выругался у соседней опоры Генрих Штраубе и, выглянув, вдруг стал с остервенением садить по позициям ашгабатцев из своего пулевика. Пулевик стенал и плевался железом, пока не иссякла обойма.

— Зря, — без особого желания что-либо изменить прокомментировал Цицаркин. — Хрен ты им что сделаешь, они из минометов шпарят, навесом.

Цицаркин единственный из всех даже не пытался выглянуть: просто сидел, привалившись спиной к «Мамонту» в месте, где его не могла бы достать шальная игла или пуля, и меланхолично пялился в небо.

Генрих, отдуваясь, менял обойму. Пулевик на игломет он так и не сменил — с началом обстрела все впали в неизбежное ожесточение, и Генрих тоже. Хотелось стрелять в минометчиков. Генрих и стрелял. Он понимал, что все его пули бесполезно ушли либо в песок, либо в бетонные плиты, которыми отгородились обороняющиеся турк-

мены, либо просто поверх плит, в белый свет. Разумеется, как в копеечку.

— Что-то я слабо представляю себе, как мы будем прорывать это... — проворчал сибиряк, которого коллеги называли Герасим.

Рихард снова осторожно выглянул, и почти сразу далеко слева бабахнула очередная мина. На этот раз никто не закричал, только основательно засыпало песком нескольких спецназовцев.

Солнце, недавно восставшее из-за горизонта, взирало на весь этот бардак с немым ужасом.

— Ничего, — философски заметил Цицаркин. — Сейчас штурмовики позавтракают и еще разок пройдутся. Тут-то мы на полкилометра и подберемся.

— А толку? — уныло заметил тот же Герасим. — Там дальше у них точно такая же бетонная линия. А штурмовики опять выдохнутся и жрать улетят.

— Ну и что? — Рихард хотел пожать плечами, но лежа это было неудобно делать. — Спешим мы, что ли? Так помалу-потиху и до Ашгабата доползем.

— И застрянем, — мрачно напророчил другой сибиряк, Михеич. — Потому что от штурмовиков придется отказаться — дома порушат к едрёне-матрёне.

— Боюсь, — с иронией заметил Цицаркин, — дома наших доблестных вождей взволнуют мало. К тому же живи я в этих домах — давно бы уже закопался в ближайшем глубоком подвале с чемоданом еды и бидоном воды.

— Это ты умный, — проворчал Герасим. — А они — туркмены...

Рихард фыркнул.

Впрочем, видно было, что Герасим просто потешается. Не считает же он в самом деле, что туркмены глупее русских?

— Туркмены, сибиряки, — пробормотал Генрих. — А вы не учитываете, что эта публика просто не представляет себе последствия обстрела штурмовиков? Они не могут оценить опасность, им не с чем сравнивать. Вот и будут сидеть по домам. А мы их — штурмовиками...

— Не мы, — холодно уточнил Цицаркин. — И даже не пилоты. И даже не сами штурмовики, в конце концов, они ничего не соображают.

— А кто же? — с непередаваемым интересом спросил Рихард; вопрос его утонул в грохоте близкого разрыва. «Мамонт» вздрогнул и присел на опорах, еще плотнее прижимаясь к песку. Кажется, ему было страшно.

— От холера, — отплевываясь, ругнулся третий сибиряк по фамилии Нестеренко. — У меня песок уже везде, даже в жопе.

— У меня тоже! — радостно сообщил Герасим.

Рихард поймал себя на ощущении, что они вот так вот, под обстрелом, валяются уже не первый день и даже не первую неделю. Хотя на самом деле — всего третий час. Валяются и уныло зубоскалят, словно эта вялая перестрелка надоела им до скрежета зубовного бог знает когда. Рутина и обыденность — обстрел, переругивание, жалобы на песок.

Словно они воюют не впервые в жизни.

Дико. Даже он, разведчик не с одним фитилем за плечами, не мог себе такого представить еще в начале лета. А теперь даже удивляться сил не осталось.

— О! — встрепенулся Нестеренко, чутко поводя ушами. — Летят. Ща врежем им по самые гланды!

Все невольно прислушались; в том, что у Нестеренко самый острый слух, все уже успели не однажды удостовериться.

Гул накатывался с северо-востока, с наспех приспособленного под аэродром дна сухого в это время года водохранилища.

Рядом с Цицаркиным завозился и вынул голову из-под брезента водитель «Мамонта». Этот умудрялся безмятежно спать даже под обстрелом. Кажется, он даже толком не понимал, чем ему и его послушному гиганту-селектоиду угрожает обстрел.

— А? — спросил он, вряд ли окончательно проснувшись. — Что, едем?

— Пока нет, — успокоил его Цицаркин. — Но скоро поедем.

— А... — протянул водила и почесал кудлатую аморфью голову. — Ладно. Тогда я еще посплю, а как время будет — растолкаете.

— Спи, — позволил Цицаркин. — Растолкаем...

— А все-таки, — не унимался Герасим. — Не пойму я, на что они надеются? Все равно ведь прижмем их. Кольцо ведь. Нас больше. Так нет — ерепенятся, из минометов пуляют...

— Между прочим, — заметил Генрих, — это их земля.

— Да какая тут, мать его, земля, — ругнулся Нестеренко. — Песок один!

— Эй, Гнат, что-то ты как сапожник материшься, — заметил молчаливый сибиряк по фамилии Шелухин. — Не узнаю тебя прямо.

Нестеренко сокрушенно вздохнул:

— А вдруг это моя естественная потребность? А при Семеныче я изо всех сил сдерживаюсь?

— Да поджилки у него трясутся, вот и матерится, — насмешливо объяснил Цицаркин.

— А у тебя, можно подумать, не трясутся? — окрысился Нестеренко.

— Трясутся, — спокойно согласился Цицаркин. — Что ж я, неживой, что ли? В конце концов я, как и все тут, впервые в жизни под минометный обстрел угодил. А когда рядом мина бубухнет, тут и обосраться не зазорно, я так полагаю.

Герасим нервно захихикал.

В сущности, Цицаркин был прав. У всех у них играли нервишки и тряслись поджилки. И каждый реагировал на эту чудовищную ситуацию по-своему: Генрих палил из пулевика, Нестеренко ругался, Цицаркин вежливо хамил и призывал остальных немедленно обосраться, водила спал, Герасим премерзко хихикал при первом удобном случае.

«Что это? — думал Рихард. — Началась естественная реакция на происходящее? Мы медленно сходим с ума, невзирая на мудреные щиты психоинженеров? Мы, профи, за плечами у каждого не один фитиль и даже не одна смерть на совести. И то... двигаемся. А каково же простым погранцам, в жизни не имевшим дела ни с кем, страшнее контрабандистов?»

А с севера наползал зловещий размеренный гул, и небо на горизонте начало чернеть.

Летучая армада штурмовиков спешила обрушить на головы непокорных туркменов тонны концентрированной взрывчатой смерти.

«Двадцатый, блин, век. Конец второго тысячелетия. Вот чем оборачивается двести лет сплошного мира. Мы разучились убивать, а заодно разучились бояться чужой смерти. Что с того, что смерть чужая? Мы не ощутим чужой смерти и чужой боли.

Я даже не спрашиваю, сможем ли мы жить после того, как кто-нибудь там, на позициях, умрет. Потому что уже вижу: сможем. Если бы нам суждено было сойти с ума от массовых убийств, мы бы уже сошли, после первого же залпа европейских летающих крепостей. Так ведь нет, сидим, цепляемся за оружие, а когда штурмовики перемелют линию обороны ашгабатцев в мелкий песчано-бетонный фарш, вскочим и помчимся туда. Вопя и стреляя во все, что движется впереди.

А потом все повторится. И так до полной победы... И до полного краха веры в заповедь «не убий».

— Что там у тебя стряслось? — тихо спросил Золотых, когда наконец удалось отогнать всех посторонних. Даже тех, кто, выпучив глаза, размахивал какими-то экстренными пропусками.

Коршунович всмотрелся в глаза коллеги и старого друга. И, как головой в омут бросился, выдохнул:

— Семеныч, по моим данным получается, что переворот в Ашгабате санкционировала и подготовила Сибирь. Я хочу узнать у тебя — так ли это?

— Что? — опешил Золотых. — Ты в своем уме, старик?

Коршунович вежливо развел руками.

— Семеныч... Сам понимаешь, как российский разведчик я уже попал на пожизненное заключение, раз тебе это говорю. Я у тебя как у старого пса-соратника спрашиваю: это так? Мы все — просто пешки в игре президентов? Или?

В следующую секунду Коршунович осознал, что в голове генерала Золотых что-то ощутимо сдвинулось и завертелось. Разве что не щелкнув и не зажужжав при этом. Слова Коршуновича скоррелировали с некими неизвестными пока россиянину фактами, и мыслительная машина пришла в движение. Золотых думал, сопоставлял и делал выводы.

— Постой... Откуда у тебя такая информация? Впрочем, погоди, я попробую угадать. Агенты из Ашгабата? Обмененные. Так?

— Именно.

— Вот оно что...

Золотых молчал почти полминуты.

— Да, Палыч. Да. По моим данным, за переворотом стоит Европа. Источник тот же. И, кажется, я понимаю, что это значит.

— Деза из Ашгабата?

— Несомненно. Знаешь, теперь мне становится понятно, что агентов наших обработали довольно топорно, наспех. Наверное, времени для подготовки не хватило. Но если бы... если бы они знали, что здесь топчут пески не президенты, а два старых битых пса, которые могут неожиданно похерить профессиональный долг, потому что верят друг другу больше, чем президентам...

— Семеныч. — Коршунович приложил гигантское усилие, чтобы сдержать коварную, неожиданно навернувшуюся слезу. — Не говори красиво...

— Палыч, мы их точно прижмем! — сказал Золотых, и в голосе его сквозила такая праведная убежденность, что Коршуновичу даже стало немного жаль обреченного на неминуемое поражение противника. — Ё-мое! Могли ведь на ровном месте споткнуться...

«Надо же, — боялся поверить Коршунович. — Мы выяснили все несколькими фразами! За пару минут! Черт, теперь я лучше понимаю дельцов, которые могут пригнать партнеру грузовик золота просто под честное слово. Правда, смотря какому партнеру. Лично мне слова Золотых вполне хватит, чтобы рискнуть грузовиком золота, если он у меня когда-нибудь будет...»

Золотых уже подозвал своих помощников и что-то резко втолковывал, обращаясь в основном к Степану Чеботареву.

На поясе коротко пискнула мобила; Коршунович машинально сгреб ее рукой.

— Коршунович!

— Палыч? — узнал он голос Шабанеева. — Я проанализировал входные сообщения. Вывод однозначный: Европа. Нас в грязной игре подозревает Европа.

— Понял, Ваня, — сказал Коршунович. — Пока ничего не предпринимайте. Жди, я как раз с Золотых совещаюсь...

Генерал, словно почувствовав, умолк и, по-прежнему окруженный свитой, выжидательно глядел на Коршуновича.

— Все сходится, Семеныч, — сообщил россиянин. — Нам накапали на Сибирь. Вам — на Европу. А Европе — на нас. Круг замкнулся.

Золотых хмыкнул — даже с некоторым, вытеснившим усталость, азартом.

— Знаешь, Палыч, у меня такое ощущение, что мы в ближайшее время будет иметь счастье беседовать с господином Шольцем.

Коршунович, помалу заражаясь тем же азартом, с готовностью выставил на всеобщее обозрение мобилу.

— Вызывать?

— Вызывай. Думаю, это должен сделать именно ты.

Коршунович молча набрал трехзначный номер.

— Але! Коршунович, Россия. Господин Шольц, генерал Золотых и я считаем, что нам немедленно — подчеркиваю: немедленно — нужно провести закрытое совещание. Поскольку линия вот-вот сдвинется, думаю, разумно будет провести его в штабном махолете генерала Золотых. Да, уж поспешите.

Он отключился и взглянул на Золотых.

— Сейчас будет. Но, кажется, он прибудет со спецназом.

— Не доверяет, значит...

— Я бы на его месте тоже не доверял.

Коршунович уже вызывал Шабанеева.

— Ваня? Подготовь-ка мне распечатку итоговой сводки по отчетам Домкрата, Методиста и Стоппера. Под доступ альфа. Ага, одного экземпляра хватит.

— Пойдем, — сказал Золотых и направился к туше махолета, вытянувшейся на песке метрах в ста от места исторической беседы.

Коршунович, не мешкая, направился за ним, удивляясь, когда и куда успела рассосаться многочисленная свита генерала. Ведь генерал, грузно увязая в песке и попирая колючку, шел к махолету в полном одиночестве.

Золотых и Коршунович не ошиблись: майор вэ-эр Европейского Союза Манфред Шольц действительно появился у штабного махолета в сопровождении десятка рядовых-спецназовцев и капитана-сенбернара. У капитана, как и у всех его соморфемников, был очень печальный взгляд — наверное, из-за опущенных уголков глаз и чуть отвисших век. Чем-то его бесконечная печаль напоминала обычное выражение лица утерянного и вроде бы снова найденного агента Шерифа, Арчибальда де Шертарини восемьдесят восьмого.

Коршунович, ничего не объясняя, мрачно и вообще молча подал Шольцу распечатки и вернулся в махолет.

Вокруг царила предотлетная суета. Линию противостояния ашгабатцев переносили на пару километров ближе к городу — защитников как раз оттеснили и территорию зачистили от возможных отставших.

Шольц документы просмотрел лишь вскользь; затем жестом отослал спецназовцев и так же молча направился к люку махолета. Его сразу направили в отсек, где находились Золотых и Коршунович.

— Прочли, коллега? — справился генерал Золотых.

— Прочел, — подтвердил Шольц. — Не могу сказать, что особенно удивлен. Наверное, мне стоит предоставить аналогичные отчеты моих агентов?

— Стоит, но не немедленно. Если можно вкратце: вас пытались убедить, что за ашгабатскими событиями стоит Россия?

— Именно так. Причем, как и в вашем случае, метод убеждения моих агентов при более пристальном рассмотрении кажется достаточно искусственным.

— Н-да, — вздохнул Коршунович. — Схалтурил Варга...

— Это не Варга, я так полагаю, — уточнил Золотых. — Это его помощник, Сулим Ханмуратов. Темная лошадка...

— Думаю, он просто был весьма ограничен в сроках, — мягко вставил Шольц. — Но своего он все же добился: выгадал еще немного времени. Я часа три пытался выведать у собственного руководства, имеются ли у них какие-нибудь данные на этот счет?

— Вы поставили свое руководство в известность? — насторожился Золотых.

— Нет, — невозмутимо ответил Шольц. — Но принял меры, чтобы руководство узнало обо всем, если... со мной что-либо произойдет в ближайшие сутки.

Золотых и Коршунович многозначительно переглянулись.

— То есть... Вы допускали, что все обстоит именно так, как вас пытаются убедить?

— Я обязан был учитывать и такой вариант развития событий.

— И тем не менее вы пришли к нам? Вы отважный человек, Шольц.

— Видите ли, господа... Если бы я действительно проведал об информации, которая не предназначалась для меня, десяток спецназовцев вряд ли сумели бы меня оборонить.

Золотых покачал головой:

— Ну и ну... Ладно.

Махолет, слегка качнувшись, взлетел. Золотых невольно схватился за край стола.

— Раз уж у нас такое сложилось взаимопонимание, буквально с полуслова... давайте решим, как нам вытаскивать Шерифа. Я так полагаю, никому не придет в голову посылать на город штурмовики...

— Мы прорабатывали вариант засылки агента в Багир, к этому самому Ахтамали Бахва, — сообщил Коршунович.

— И что? — заинтересовался Золотых.

— Есть проблема. — Коршунович неопределенно повел рукой. — Как, собственно, переправить агента за линию противостояния. Не сбрасывать же с махолета...

— А кого ты намеревался послать? — продолжал допытываться Золотых.

Коршунович пожал плечами:

— Да мало ли... Нашелся бы человек.

— У меня есть предложение. — Золотых легонько хлопнул ладонями по столешнице. — Которое одновременно и решит все наши проблемы, и станет жестом доброй воли. Операция по выходу на Шерифа будет совместной операцией разведок наших стран. Ты, Палыч, предоставляешь всю информацию по тому телефонному звонку. Вы, Шольц, отряжаете своего агента. Например, Генриха Штраубе, мне он представляется специалистом очень высокого класса. Ну а я обеспечу тайную засылку агента за линию противостояния. Ну как?

— Поддерживаю, — лаконично высказался Шольц.

— А как ты его зашлешь? — недоверчиво спросил Коршунович. — Темнишь ты что-то, Семеныч...

— Ты забыл, Вениамин Палыч, что у нас в руках был пленный волк.

— Ну и что? — не понял Коршунович. — Его ведь обменяли? Да и как он мог поспособствовать нашей проблеме?

— Волка мы обменяли. А прибор волчьего камуфляжа, захваченный вместе с ним, — нет. Прибор работает, наши спецы проверяли.

Коршунович на миг онемел.

— Вот это да! — наконец сумел вымолвить он. — А мы тут ни сном, ни духом!

— И кстати, — небрежно добавил Золотых, искоса взглянув на Шольца, — вам не следует строить никаких планов относительно быстренького изучения этого прибора, пока он будет у вашего разведчика. Сибирь готова предоставить всю документацию по изучению вышеозначенного... гм... прибора. Данные секретны, но только не в отношении России и Европы. Вы понимаете меня, коллеги?

— Вполне, — ответил Шольц. — Перейдем к частностям?

Махолет тем временем сел. Летчики суетились у внешнего люка, топотали в отсеке-тамбуре.

— Вызывайте вашего Генриха, — сказал Золотых. — Надеюсь, он готов отправиться на задание немедленно?

— Безусловно, готов, — ничуть не сомневаясь, заверил Шольц. — Он всегда готов. И ко всему.

— Прям, как пионер, — пробормотал Коршунович.

— Что? — не понял Шольц.

— Да нет, ничего, ничего. — Коршунович махнул ладонью. — Это я своих помощников вызываю.

Едва сигнал прокатился по рядам наступающих, Цицаркин растолкал соню-водителя.

— А? — вскинулся тот. — Что, едем?

— Едем, — подтвердил Цицаркин.

Ашгабатцы прекратили садить из минометов минут десять назад; все это время вдоль их прежних огневых точек с урчанием ползали бронированные «Кершнеры» да «Вепри», то и дело для острастки постреливая. А потом и сигнал подоспел.

Генрих, расстрелявший за время вынужденного лежания за «Мамонтом» несколько обойм, поднялся и уже приготовился было нырнуть в устье десантного люка, но тут показался вестовой на мопеде-малютке. Еще четверть часа назад на него наорали бы и заставили немедленно залечь, а если неймется — то ползти, но уж никак не ехать на виду у минометчиков. Теперь же за приближением вестового просто следили взглядами, гадая, кому из отряда грядут новости.

Пока водила успокаивал ошалевший от непрерывной стрельбы экипаж и возился с пестиками, почти все успели вновь выбраться из отсека наружу.

Несомненно, вестовой направлялся именно к «Мамонту», который был придан сводному отряду разведок альянса.

Впрочем, гадать пришлось недолго: вскоре стало понятно, что вестовой одет в форму европейского спецназа, летний вариант.

— Тебя, — разочарованно вздохнул Герасим, обращаясь к Генриху, и полез в карман за сигаретами.

Соседние «Мамонты» уже тронулись; получалось, что их экипаж ломает строй. Рация на плече у Цицаркина, формально — командира отряда, уже давно надрывно пиликала и мигала оранжевым глазком.

— Эй, гвардия! — скомандовал Цицаркин, неодобрительно косясь на сигареты Герасима. — А ну, в нору! Щаз кавалерия нам наваляет за дырищу в строе!

Сибиряки, ворча, подчинились; Герасим со вздохом вернул незакуренную сигарету в пачку, а Михеич сунул свою за ухо. Рихард с высоты дожьего роста пристально глядел на вестового.

Наконец тот подкатил вплотную.

— Мне нужен Генрих Штраубе! — выпалил он, тяжело дыша. Словно не ехал он от штаба, а бежал на своих двоих да еще тащил на закорках малютку-мопед, который хоть и малютка, а весит всяко поболее человека морфемы вроде овчара... Хотя вестовой мог тяжело дышать из-за жары.

— Это я, — сообщил Генрих, натягивая большим пальцем ремень пулевика, что висел на плече.

— Вам надлежит немедленно прибыть в штаб. Садитесь, — и вестовой отрывисто указал себе за спину.

Генрих встретился взглядом с Цицаркиным; тот безмолвно кивнул. И, не теряя времени, уселся в седло позади вестового. Трудяга-мопед тут же зафырчал и прянул вперед. Кажется, до того, что вес седока увеличился вдвое, ему не было никакого дела. По крайней мере он пер по рыхлому песку ничуть не медленнее, чем несколько минут назад по пути сюда.

Линия противостояния неумолимо смещалась в направлении Ашгабата.

Генрих ожидал, что его привезут либо к Шольцу, либо к махолету генерала Золотых, главного во всей этой заварушке. Довольно быстро он понял: едем не к Шольцу. Но и махолетами прямо по курсу что-то не особо пахло. Поэтому, когда мопед свернул к наспех вырытому капониру, прикрытому выцветшим тентом, Генрих еще не знал — уже приехали или это просто транзитная остановка.

Оказалось, приехали.

— Сюда, — позвал его дежуривший на входе дюжий сибиряк-лайка с новомодным скорострельным иглометом в руках.

Генрих молча соскочил с седла малютки и вошел под полог.

В сущности, все походные рабочие пункты одинаковы: несколько легких переносных столов, несколько складных стульчиков без спинок, портативная селектура кругом, провода на полу, тускловатый свет в общем и яркие пятна от локальных хемоосветителей над рабочими местами. И люди с печатью не то усталости, не то безграничного терпения на лице. А возможно, со смесью этих выражений. Они прекрасно знают, что не сегодня, так завтра с этого слегка уже насиженного места придется сниматься и переезжать в точно такой же (варианты: меньших размеров, больших размеров, иной формы) капонир, где столы и стульчики будут стоять точно так же (варианты: теснее, свободнее, в ином порядке), а работа не изменится ни на йоту. Кто-то из древних мудро подметил, что нет ничего более постоянного, чем временное. А все полевые штабы и сопутствующие им структуры и подразделения по определению являлись временными, а значит, неизменными по сути.

Генрих хотел доложить о прибытии и сейчас как раз соображал: кому и как при этом отрекомендоваться.

— Привет, Генрих, — поздоровался с ним еще один сибиряк из свиты Золотых. — Тут руководство затеяло коечто, поэтому твоего шефа здесь нет, занят он. Это — Виталий Лутченко и Иван Шабанеев, россияне. Садись.

Генрих кивнул и сел. Чеботарева он запомнил, еще когда по приказу начальства сдавался сибирякам в Алзамае, а имена российских коллег — с прошлых совместных инструктажей.

— На, прочти, — ему подали распечатку на фирменном бланке европейской разведки.

Генрих взял невесомый лист пластика.

«Агенту Штраубе. Настоящим приказываю поступить в распоряжение сотрудника сибирской разведки капитана Чеботарева.

Майор Шольц».

И подпись, которую ни с чем не спутаешь. Генрих по привычке внимательно изучил финальную завитушку и на-

шел, что она вполне соответствует сегодняшнему дню недели.

— Прочел?

Генрих кивнул.

— Давай.

Чеботарев требовательно протянул руку, взял приказ и на глазах Генриха спровадил его в селектоид-лапшерезку. Пару секунд, и лист пластика обратился в труху, которая через полчаса исчезнет, переваренная селектоидом без малейшего остатка.

Чеботарев перетасовал какие-то документы на экране рабочего терминала и начал:

— Тебя засылают за линию противостояния. Предыстория задания: по резервному телефону российской разведки позвонил некто Ахтамали Бахва, житель Верхнего Багира. Он продиктовал якобы найденную им в собственном доме записку, написанную предположительно основным агентом альянса Шерифом. Цель задания: отыскать Ахтамали Бахва и выяснить все возможные подробности обнаружения записки; саму записку изъять. Затем на основании полученных данных попытаться установить местонахождение Шерифа и, если удастся, связаться с ним. В случае успешного выполнения этой части задания — подробно проинструктировать Шерифа относительно перехода линии противостояния и передать ему всю полученную селекту... э-э-э... точнее, аппаратуру. Самому лечь на дно и тихонько дождаться, пока силы альянса на займут местность, после чего назвать пароль первому же патрулю и следовать, куда укажет начальник патруля. Все.

Генрих, не дожидаясь намека, повторил.

— Отлично, — удовлетворенно не то крякнул, не то смешно тявкнул Чеботарев. — В Верхнем Багире нет нумерации домов и названий улиц. Жители друг друга все знают. Поэтому ориентируйся на месте, легенду себе придумаешь сам по обстановке. Вот это Ахтамали Бахва.

Сибиряк протянул высококачественную цветную фотографию; Генрих взглянул — Бахва этот оказался седоватым

угрюмым овчаром-кавказом лет сорока; возможно — немного старше.

— Это — Шериф. — Чеботарев подал очередную фотографию.

На ней был изображен спокойный и невозмутимый ньюфаундленд.

Следующие минут пять Генриху крутили короткие видеоролики, все изображавшие Шерифа. Генрих фиксировал походку, манеру жестикулировать, мелкие подробности — чтобы быть уверенным, что узнает Шерифа, даже если увидит его издали со спины.

— Ну и гвоздь программы. — Чеботарев продемонстрировал Генриху плоскую сероватую коробочку, похожую на плейер. Ряд кнопок-полусенсоров только усиливал сходство. От коробочки свисали два усика с присосками на конце. — Гляди внимательно.

Чеботарев задрал рубашку, выпростал усики, прилепив их к телу, а «плейер» прикрепил к поясу специальным зажимом-прищепкой.

— Вот это — индикатор готовности. Ждем... Вот.

Индикатор налился зеленым.

— Все, прибор готов к работе. Жмешь вот сюда. Жми. И любуйся.

Генрих нажал и принялся любоваться.

Любоваться было на что: по корпусу Чеботарева, прямо поверх одежды вдруг забегали тусклые искорки, постепенно увеличиваясь в числе, сливаясь в полосы, извивающиеся как змеи. Скоро искорки целиком поглотили его, постепенно теряя цвет, становясь прозрачными. Еще несколько мгновений, и Чеботарев растворился, стал невидимым; остался лишь слабый, едва различимый в отраженном свете намек на его фигуру, которую можно было теперь рассмотреть, только до рези напрягая глаза.

Генрих догадался почти сразу.

— Волчий камуфляж? — спросил он.

— Он самый, — ответил невидимый Чеботарев.

Видимо, он задрал рубашку, потому что голый бок с присоской, часть пояса брюк и «плейер» стали на миг видны, но

тут же подернулись теми же искрами и стали исчезать; было видно, как на полупрозрачном «плейере» слегка утопла одна из кнопок. И тут же все повторилось в обратном порядке. Словно ненастроенный телевизор постепенно подстроили под один из каналов вещания. Проступило изображение, искры исчезли. Под искрами обнаружился целый и невредимый Чеботарев.

— Пойдешь прямо через линию, — пояснил он, отлепляя присоски и снимая прибор с пояса. — Доберешься до Ашгабата, а лучше — сразу до Багира. Там можно пройти, если сразу через трассу проскочить. За линией постарайся отключить прибор, мы не знаем, как долго работает батарея. На пару часов ее хватит, а потом — кто знает? Шерифу нужно оставить максимум заряда.

Генрих понимающе кивнул.

— На, прослушай запись разговора с этим Бахвой. — На этот раз Генриху протянули настоящий плейер, с наушниками-бусинами.

Генрих прослушал.

— Оружие выберешь себе сам. Прикладник, конечно, тебе не понадобится, а вот что-нибудь портативное — арсенал к твоим услугам. Сейчас... — Чеботарев поглядел на часы, — тебе подадут обед. Контрольные четверть часа, и все, начинаем. Давай вопросы, если есть.

— Как мне представиться Шерифу?

— Пароли будут в общем пакете. А представишься как агент альянса, явившийся по его душу. Не беспокойся, по паролю Шериф все и так поймет.

— А если я его не найду?

— Тогда просто сдашься нашему патрулю.

— Все время, пока не подавят сопротивление, мне надлежит заниматься поисками?

— Да. Шериф нам всем, как ты прекрасно понимаешь, очень нужен.

— Понял, вопросов нет. Я хотел бы посмотреть подробную карту местности.

— Ваня. — Чеботарев обернулся к одному из россиян — к Шабанееву. Тот поманил Генриха пальцем.

Перед Шабанеевым на экране переносного терминала развернулась карта. Шабанеев умело елозил пальцем по тачпеду-манипулятору.

— Гляди. Это Ашгабат, мы сейчас находимся вот здесь. Линия на данный час проходит приблизительно вот так. Тебе удобнее пересечь ее вот тут, между Небит-Дагским шоссе и грузовым двором ашгабатской ральсовки. От границы города совсем недалеко до поворота на Багир, вот, гляди, шоссе, потом улица Гёроглы, вот этот перекресток — улица Сатпаева. На повороте скорее всего будет указатель не «Багир», а «Бикрава». Ориентиры по трассе: Бикрава, конезавод «Ахалтеке», Янбаш и, собственно, Багир. В принципе есть еще один путь, со стороны Фирюзинской трассы, но она по ту сторону Небит-Дагского шоссе, а Небит-Дагское шоссе почему-то держат плотнее остальных направлений. Через пару часов стрельба поднимется, так что лучше первый вариант. Теперь сам Багир... Их два — Верхний и Нижний, но разделение достаточно условно, так что можно считать это одним населенным пунктом. Вот центр: универмаг, почта, остановка биобуса; Ахтамали Бахва живет примерно вот тут. Насколько нам удалось установить, вот в этом доме...

Генрих впитывал информацию, изредка кивал, впечатывал в память схемы и фотоснимки. Откровенно говоря, это ему нравилось заметно больше, нежели садить из пулевика по позициям противника. Прижимаясь плечом к опоре «Мамонта».

Минут через десять принесли обед.

Демонстрируя пресловутую немецкую невозмутимость, Генрих расправился с миской солянки, с отбивной и каким-то маловразумительным десертом. Его никто не трогал и над душой не стоял; даже стол, за который его посадили, никто не стал занимать, хотя терминал напротив Генриха продолжал потрескивать, а значит, работал. Экрана Генрих, конечно же, не видел. Чеботарев и Лутченко все время с кем-то разговаривали по мобильникам, то по очереди, то разом, и тогда каждый зажимал свободное ухо ладонью и отходил в сторону.

Пятнадцать минут, отведенные на отдых, Генрих провел снаружи, в теньке. Дневная жара уже набрала силу, хотя до

полудня было еще порядком. Он присел на вынесенный складной стульчик и поглядел на юг. Туда, где периодически вспыхивала стрельба и продолжали кое-где бухать минометные разрывы.

Почти сразу к Генриху присоединился Чеботарев; вид у него неожиданно сделался ожесточенный.

— Что-нибудь случилось? — деликатно осведомился Генрих.

— Случилось, — глухо ответил Чеботарев. — Четверо ваших пилотов сошли с ума.

Генрих вздрогнул и невольно втянул голову в плечи.

Он и сам задумывался: а выдержат ли пилоты чудовищную нагрузку на психику после штурмовых ударов по позициям ашгабатцев? Будь они триста раз противники, они ведь не перестают от этого быть людьми...

Кое-кто не выдержал.

— А на земле есть... не выдержавшие?

— Два случая, — так же глухо отозвался Чеботарев. — Но на земле — это мизер, по сравнению с общими силами процент ничтожный. А вот четверо среди пилотов — это почти пять процентов. Много.

— Дьявол, — пробормотал Генрих. — Надо это поскорее заканчивать.

— Закончишь тут... — Сибиряк задумчиво почесал затылок. — За каждую пядь песка цепляются. Ползем, как черепахи. Такими темпами до Ашгабата мы добредем только послезавтра. А уж сколько будут длиться уличные стычки — я и думать боюсь.

— Интересно, — не то у собеседника, не то у желтой пустыни спросил Генрих, — а среди ашгабатцев есть не выдержавшие?

— Наверняка есть, — пожал плечами Чеботарев. — Разве ж они неживые?

— Живые, неживые, а из минометов лупят — будь здрав!

— Лупят, — согласился Чеботарев. — Ладно. Пора, наверное. Ты готов?

— Готов.

— Желудок в порядке? А то придавит не ко времени...

— В порядке.

— Смотри. Вопросы есть?

— Нет. Я все запомнил, не беспокойтесь.

— Надеюсь.

Чеботарев махнул кому-то за капониром; к прорехе в пологе, который служил входом, вскоре подкатил джип-пустынка. Рыжий, с разводами. Говорят, местные породы совсем не боятся песка, тогда как даже хваленые сибирские внедорожники от песка ощутимо страдают.

Генрих послушно уселся позади водителя. Впереди сел Шабанеев, ни на секунду не расстающийся с работающим терминалом; рядом — Чеботарев. А за руль — второй россиянин, Лутченко.

— Знач, так, — продолжил инструктировать Чеботарев. — Стартуешь от своего «Мамонта». Чуть восточнее наши ребята прорыв затеют, так что, надеюсь, минометчики отвлекутся, да и под шальную иглу или пулю меньше шансов угодить. По команде запускаешь камуфляж и перебежками — на юго-запад, к трассе. Будет необходимость — ползи, но старайся времени не терять. Коллеги тебя жуками снабдили?

— Конечно, — подтвердил Генрих.

Естественно, жуков для связи предоставили свои, европейцы. Во-первых, сибиряки и русские используют разные породы, каждая со своими секретами, а секретами не все спешат делиться, а во-вторых — не переучиваться же на ходу? Плоская камера-гибернатор с тремя половинками одноразовых жукопар покоилась во внутреннем кармане легкой, но прочной рубашки цвета хаки. Покрой у рубашки, да и у брюк тоже, был подчеркнуто неслужебный, чтобы можно было без труда затеряться в пестрой и многоморфемной городской толпе. Впрочем, во время стрельбы и авианалетов Генрих не особенно рассчитывал встретить в городе толпы. Но, по идее, он должен был смотреться на улицах вполне гармонично и ничем не выделяться.

Ближе к линии противостояния пришлось пересесть из джипа в резервный «Мамонт». Туша сибирского экипажа подползла вплотную к собрату, и в узкую щель между надкрылками Генрих даже различил сидящих спиной к опорам при-

балтов — Юрия и Рихарда; на месте Генриха теперь лежал несдержанный на язык Нестеренко и точно так же постреливал, только из игломета. Остальные сибиряки лежали кто где и голову поднимали редко.

Едва «Мамонт» замер, Чеботарев тут же вызвал по закрытой связи начальство:

— Константин Семенович? Чеботарев. Мы на месте. Пусть начинают... Добро.

Чеботарев положил трубку на пульт и отрывисто сообщил:

— Сейчас...

Спустя пару минут слева, на востоке, что-то невообразимо громко бабахнуло, а когда рокот взрыва расползся и начал утихать, стало слышно, что там стреляют. Да так, как, наверное, не стреляли в алзамайской тайге. В сотни, в тысячи стволов.

— Камуфляж! — скомандовал Чеботарев.

Генрих послушно нажал на нужную кнопочку волчьего прибора.

Он почти ничего не ощутил, лишь мурашки слегка прогулялись по непокрытым тканью частям тела. А потом он перестал себя видеть. Ну, почти совсем перестал. Рубашка, брюки, ботинки, кожа на руках и, наверное, лице подернулись знакомой полупрозрачной рябью, которая на глазах становилась почти совсем прозрачной. Не видеть собственного тела было странно, но если не концентрировать на этом внимание — мешало не очень.

— Ну, — выдохнул Чеботарев. — С богом, коллега. Удачи.

Лутченко распахнул дверцу-надкрылок, и Генрих решительно нырнул в душный день из кондиционированного нутра экипажа.

Спотыкаться он перестал уже через пару минут. Бесплотной тенью, призраком он бежал к позициям ашгабатцев, и никто даже не думал открывать по нему огонь. Игломет в руке тоже стал невидимым, секунды через три после того как Генрих его вытащил. Поправив на голове сползающую панамку с коротким козырьком, он направился на юго-восток. То бегом, то переходя на шаг. На всякий случай — горбясь и пригибаясь, насколько это было возможно.

«И все же, — думал Генрих, — это куда веселее, чем валяться на осточертевшем песке и палить не пойми в кого. И главное — привычнее».

Ему нравилось быть агентом. Вопреки всему.

Утром Ахтамали Бахва едва дождался десяти часов, времени, когда открывалась почта. Хлопнув для храбрости стакан «Чамена» и зажевав вчерашней лепешкой, он бросил жене:

— Скоро вернусь!

И направился к выходу.

За воротами он взъерошил шевелюру сыну, возившемуся у арыка, и зашагал в направлении почты.

— Папка, ты куда?

Ахтамали на ходу обернулся:

— На почту, Кейл! На почту.

— А можно с тобой?

Ахтамали остановился и опасливо прислушался к звучащей с самого утра канонаде.

— Нет, не ходи. Играйся тут. И от ворот — никуда, слышишь?

— Ладно, папка.

Кейл не выглядел слишком огорченным. Сегодня его внимание почти целиком поглотила запруда на арыке.

По шоссе изредка проносились экипажи — больше грузовые, с пограничниками или гвардейцами. Дважды проезжали бело-красные санитарные фургоны. Все они направлялись в сторону Багира, но вряд ли именно в Багир. Скорее всего дальше, на Небит-Дагское шоссе, откуда доносилась особенно плотная канонада. У гряды тоже постреливали, совсем недалеко от стройплощадки.

Навстречу проехала только замызганная древняя легковушка давно позабытой породы.

Арчи и Ядвига то и дело были вынуждены прятаться в кустарнике, буйно разросшемся вдоль дороги. Громоздкий прикладный пулевик Ядвига обернула прозрачной пленкой и закопала в зарослях, не вполне ясным Арчи способом по-

метив место. Из оружия у нее остался только маленький игломет с парализующими иглами да нож в набедренном кармане.

Ближе к Багиру кустарник закончился, и до крайних домов пришлось добираться рысцой. Хорошо хоть именно в эти минуты трасса оставалась пустынной.

Они направились не на улочку, к которой вела ответвившаяся от трассы накатанная колея, а чуть дальше. К сплошному забору крайнего участка.

В огороде кто-то копошился; у забора рылись в неопрятной куче всяких отбросов пестрые взъерошенные куры. Тихо журчала вода.

Ядвига харзой перемахнула через колючий забор — как ныряльщик, руками и головой вперед. Приземлилась она в красивом мягком кувырке и тотчас вскочила на ноги.

Петух у кучи предупредительно заквохтал.

Арчи хмыкнул и прошел чуть дальше.

К калитке.

Просунул руку меж прутьев, откинул крючок и просто вошел.

Немолодая женщина, копавшаяся на грядках, выпрямилась и вопросительно уставилась на Арчи.

— Здрасте! — поздоровался Арчи, широко улыбаясь. — У вас телефон есть?

Ядвига тем временем, не замеченная хозяйкой, проскользнула к дому.

Женщина глядела на Арчи с подозрением. Кажется, она пребывала в легком замешательстве.

— Телефон есть? — повторил Арчи, подходя вплотную и улыбаясь еще шире.

— Телефона? — переспросила женщина и что-то быстро затараторила по-туркменски. Арчи ни слова не понял.

— Не понимаю, — покачал он головой. — Вы говорите по-русски? Или по-европейски? Или, может быть, по-английски?

Женщина продолжала вопросительно смотреть на Арчи. Наконец она обернулась к дому и позвала:

— Сеитар!

И что-то еще добавила.

На зов явился парень приблизительно одних с Арчи лет.

— Здрасте, — снова поздоровался Арчи. — У вас телефон есть? Мне позвонить нужно.

— Нэт тэлэфон, — с сильным акцентом сказал парень. — На почта ыды, там эст.

— Спасибо, — пробормотал Арчи.

«Про одежду, что ли, спросить», — подумал он нерешительно.

Парень рассматривал волчью форму с нескрываемым подозрением.

Но тут вмешалась Ядвига. Она всадила в хозяйку и в этого неприветливого Сеитара по игле. Сноровисто и быстро и без видимых колебаний. Женщину Арчи успел подхватить и аккуратно уложить между грядок, в относительно сухое место (ибо пространство между грядками представляло собой миниатюрные арычки). Сеитар рухнул где стоял, изумленно вытаращив глаза.

— Пойдем, — бросила Ядвига через плечо.

Арчи только вздохнул. Волчица, что с нее взять...

Вопрос с одеждой решился на удивление просто: за углом, перед входом в дом, висело уже успевшее просохнуть белье. Самое разнообразное. Арчи выбрал себе просторную светлую рубаху и бесформенные штаны. Потом примерил разношенные сандалии, нашедшиеся у крыльца. Уже вторая пара пришлась впору. У Ядвиги возникли сложности: если одежду она подобрала так же быстро и непринужденно (нечто вроде длинного, до пят, синего сарафана с национальной вышивкой), то с остальным оказалось сложнее — обычные сандалии были ей велики, а ничего похожего на женскую обувку у крыльца не обнаружилось. Пришлось заглянуть в дом, растратив еще три иглы: одну — на девушку лет двадцати, две — на чернявых пацанов, притаившихся за дверью.

С девушки Ядвига немедленно сняла полотняные кеды на шнуровке; по размеру подошло — и ладно, а то, что с этим «сарафаном» не вполне коррелирует — так это мелочи. Волчьи ботинки коррелируют с «сарафаном» еще слабее.

Переоделись; снаряжение Ядвига сложила в небольшой шмотник-заплечник, вытряхнув оттуда учебники, пенал и почему-то непочатую бутылку мадеры «Сахра». Маленький игломет Ядвига спрятала в складках «сарафана». Для порядка заглянула в потемневший от ветхости шкаф в прихожей; ничего интересного не нашла и захлопнула створки. Шмотник отдала Арчи; с полочки у зеркала взяла солнечные очки и надела.

— Ну, как я тебе?

— Нормально, — усмехнулся Арчи. — Тебе любое рубище пойдет.

Ядвига вздохнула:

— Ладно, сочту это комплиментом... А вот ты похож не то на сбежавшего уголовника, не то пропившегося вдрызг матроса.

Арчи виновато развел руками: одежка его действительно выглядела мятой и жалкой. А вот «сарафан» Ядвиги, похоже, не нуждался в том, чтобы его гладили.

— Погоди. — Ядвига пошарила глазами по прихожей. — О! — нашлась она.

Прыжком подскочила к крючкам с разнообразной одеждой и сняла с крайнего небольшую соломенную шляпу, смутно похожую на канотье.

— Примерь-ка!

Арчи примерил. И едва не разинул рот от изумления, едва взглянул в зеркало.

Все, никаких уголовников или пропившихся матросов. Теперь Арчи выглядел точно как вольный художник с Арбата или ялтинской набережной. Не хватало только знака «Flower Power», намалеванного углем на рубахе.

— Ха! — сказала Ядвига. — И последний штрих!

Она подобрала с пола пенал, добыла черный фломастер и несколькими расчетливыми движениями нарисовала у Арчи на груди кельтский цветок-трилистник в круге. И такой же — на спине.

— Сойдет, — резюмировала она, критически осматривая свои художества. — То, что мы не местные, слепому видно. А так хоть мирно выглядим.

«Ё-мое! Она-то откуда знает об этой эмблемке? — изумился Арчи. — Или волки изучили нас заметно лучше, чем мы думаем, или...»

Что — «или», Арчи не успел додумать.

Для порядка он заглянул во все комнаты, хотя и так было видно, что телефонная проводка отсутствует. На что он надеялся, Арчи и сам не знал — не на мобильник же?

— Все, пошли, — решительно скомандовала Ядвига. — Я знаю, где в Багире почта.

Перед тем как покинуть этот дом, Ядвига склонилась над парализованной девушкой.

— Извини, — сказала волчица вполне дружелюбно. — У нас просто нет времени на разговоры. Мы взяли немного, и то, что мы взяли, стоит тоже немного. Не держите на нас зла.

Они вышли во двор, потом на улицу. Кажется, кто-то из соседних дворов видел, как они выходили из калитки, но Арчи и Ядвигу это не очень волновало.

— Нам туда, — сказала Ядвига.

И показала — куда.

Улица тянулась совсем недалеко — уже через пару сотен шагов она примкнула к другой улице, побольше. Эта была даже асфальтирована. Ядвига, ни секунды не колеблясь, свернула направо.

Прохожие если и выказывали удивление их видом, то очень незначительное. Похоже, что их куда больше заботили далекие звуки выстрелов и даже взрывов, непрерывно доносящиеся чуть ли не отовсюду, и с севера, и с юга.

Их обогнала колонна крытых грузовых экипажей; под тентами сидели пацаны в форме курсантов пограничного училища. Бледные, но решительные. Все были вооружены древними длинноствольными винтовками — музей, что ли, подвергся конфискации оружия? Впрочем, откуда в музее несколько сот совершенно одинаковых механических винтовок, придуманных каким-то маньяком больше ста пятидесяти лет назад? И откуда, интересно знать, удалось добыть к ним боеприпасы?

Странная все-таки страна Туркмения...

Арчи, надвинув канотье на самый нос, угрюмо проводил грузовики взглядом. Ядвига прятала глаза за стеклами солнечных очков, и понять, куда она смотрит, было просто невозможно. Голову держала прямо, а куда глядит — поди угадай...

Слева, на остановке, человек десять ожидали биобуса. Даже канонада, явно подсказывающая, что в мире что-то неладно, не могла смутить этих людей.

Работал большой, по сельским меркам, универмаг, и скорее всего покупателей в него заходило не меньше, чем обычно. Багир жил, и никакая стрельба и никакие перевороты не могли отменить обыденных забот его обитателей.

«А ты ждал, что все с вилами в руках будут сидеть по подвалам?» — ехидно спросил сам себя Арчи.

Небольшое здание с вывеской «Почта — Телефон» на жиденькой короне примостилось рядом с универмагом. По диагонали, через перекресток. Дверь на эластичном побеге была зафиксирована в открытом положении.

— Давай. — Ядвига качнула головой в сторону входа. — Я здесь постою, понаблюдаю.

Арчи молча вошел на почту.

В округлом зале было почти безлюдно, только какой-то грузный кавказ у стойки совал в одно из окошек захватанную грязными пальцами кредитку да за столом надписывал конверт седенький благообразный дедуля-шпиц. Единственная телефонная кабинка пустовала, и по виду селектоида, дремлющего на подставке, Арчи понял, что кодовой международкой тут и не пахнет. Придется заказывать разговор через операторов.

— Вах! — Кавказ издал радостное восклицание, словно обнаружил на собственном счету невесть откуда взявшуюся тысчонку-другую, и что-то принялся весело объяснять женщине по ту сторону окошка.

Арчи, стараясь выглядеть непринужденно, чуть сдвинул канотье к затылку и приблизился к окошку, рядом с которым значилось схематическое изображение телефона.

— Здрасте, — сказал он миловидной смуглой девушке местной морфемы. — Мне нужно поговорить с Москвой.

— С Россией нет связи, — виновато сообщила девушка. — Наверное, это из-за войны...

Арчи даже вздрогнул от слова «война».

Надо же. Как быстро люди его вспомнили.

«А что ты хотел? — зло подумал он секундой позже. — Как это еще можно назвать, когда над головой носятся штурмовики, твою землю попирают чужие экипажи, а в мужей, сыновей и братьев-пограничников стреляют (хорошо, если просто из иглометов) пограничники-чужеземцы? Как это назвать, если не войной? И нечего прятать голову в песок на манер страуса.

Это война. Самая настоящая война».

— Скажите, а мобильная связь работает? — спросил Арчи, чтобы отвлечься от неприятных мыслей.

— Не знаю. — Девушка пожала плечами. — В Багире мало у кого есть мобильные телефоны.

— Но все-таки у кого-нибудь есть?

— Есть, у членов правления фактории, у директора универмага. Наверное, еще у кого-нибудь есть.

Где искать членов правления фактории, Арчи не представлял даже в первом приближении. А вот директор универмага вполне мог оказаться на рабочем месте. Даже в такой день.

— Спасибо, — поблагодарил Арчи и направился к выходу.

Кавказ все изливал восторги тетеньке за окошком.

— Что? Облом? — поинтересовалась Ядвига, которая так и стояла у входа.

— Связь не работает. Наверное, повреждены кабели. Или атакующие их намеренно отключили. Собственно, это правильно, лишить противника связи — дело святое...

— Как поступим? Пойдем в Ашгабат? Точнее, поедем...

— Наверное. Только заглянем сначала в универмаг — по слухам, у директора есть мобильник.

— Заглянем. — Ядвига, кажется, даже повеселела и украдкой поправила игломет под сарафаном. — Мобильник, мнится мне, нам вовсе не помешает.

В универмаге Арчи сразу же подошел к первой попавшейся продавщице.

— Здравствуйте. Директор у себя?

— У себя. — Продавщица смерила его оценивающим взглядом.

— А как к нему пройти?

Продавщица засомневалась.

— А вы кто такой?

— Вы уверены, что вам это хочется знать? — Ядвига вежливо улыбнулась и шагнула вплотную к Арчи.

В ее словах крылось такое бешеное давление, такая угроза, что продавщица даже отшатнулась.

— Вон туда, в дверь, по коридору и налево...

— Спасибо. — Арчи церемонно поклонился, взял Ядвигу под руку и повел к указанной двери. — Слушай, — спросил он с сомнением. — Тебе что, нравится пугать людей?

— Этих квочек — да, нравится, — созналась Ядвига без всякого намека на раскаяние или сожаление. — Иногда мне даже хочется их стукнуть. Жаль, что приходится сдерживаться.

Арчи только сокрушенно вздохнул.

Они миновали прилавок (никто не попытался преградить им путь или задержать), вошли в дверь, выстлали шагами часть темного коридора и свернули налево. В небольшой тупичок с неизменным секретарским столом и тройкой кресел для посетителей. На единственной в этом тупичке двери красовалась недвусмысленная табличка: «Директор. Музроев В. И.»

Секретарша, матрона неопределенного возраста, высокомерно уставилась на посетителей.

— Варсан Итлоевич сейчас заня...

Ладонь Ядвиги запечатала ей рот.

— Заткнись, — тихо и равнодушно сказала Ядвига. — Вякнешь — пришибу.

Арчи с удивлением осознал, что такая Ядвига ему нравится еще острее, чем мирная. Хоть и понимал умом, что негоже так поступать с ни в чем не повинными людьми.

Оставалось уповать, что будущее простит. А на что еще, спрашивается, он мог уповать, потерянный разведчик в чужой стране? Разведчик с волчицей-напарницей?

Он угрюмо толкнул дверь кабинета.

Директор, худощавый овчар-среднеазиат, сидел в кресле и таращился в телевизор. Кто-то при очках, галстуке и костюме вещал с экрана на местном наречии.

— Добрый день, — миролюбиво начал Арчи. — Мне нужно позвонить в Москву.

— Звани. — Директор и не думал возражать: пододвинул Арчи телефон-селектоид. Обычный, проводной. И снова вперился в телеэкран.

«Попробую, — решил Арчи. — Чем черт не шутит?»

Он без спросу уселся на стул и набрал код Москвы.

Сигнал немедленно свалился в занятость.

Арчи попробовал еще — раз, другой.

Короткие гудки. Тогда Арчи набрал код Питера.

Бесполезно. Питер, Самара, Волгоград, Киев, Минск — все было наглухо занято.

— Не получается. — Арчи встал и развел руками. — Занято.

Директор взглянул на Арчи. Арчи выразительно покосился на мобилу в пищевом стакане, что стоял тут же, на столе.

— На, папробуй. — Господин Музроев В. И. великодушно протянул ему селектоид-триморф. Порода Арчи была неизвестна, но ведь, в сущности, все трубки мобильной связи одинаковы.

Код, номер в Москве, посылка. И записанный на пленку голос в крохотном динамике: «Сегмент временно недоступен. Сегмент временно недосту...»

Арчи мельком взглянул на индикатор — мобильник был сыт и явно готов к стабильной работе минимум на сутки.

— Знаете что, — сказал де Шертарини по-прежнему вполне миролюбиво. — Я одолжу у вас телефон, ладно? Мне очень надо.

В дверях возникла Ядвига с иглометом в опущенной руке.

Директор приоткрыл рот; так он сидел секунды две, озадаченный и напряженный.

— Харашё, — наконец сказал он и протянул вперед руки, ладонями вперед. — Забирай! Раз тебе нюжен — забирай! Патом вернёшь, кагда сможешь! Забирай, мнэ нэ жялко!

— Спасибо. — Арчи вполне серьезно поблагодарил и пристегнул трубку к поясу. — Всего хорошего!

Дверь кабинета он заботливо затворил за собой. Секретарша сидела в своем гнезде ни жива ни мертва и ошеломленно ела глазами Арчи и Ядвигу.

— Вот видишь, — нравоучительно прогнусавил Арчи. — Нужно просто попросить, и никого не придется заставлять!

Ядвига хмыкнула:

— Конечно, если к просьбе присовокупить игломет... Добрым словом и иглометом можно добиться гораздо большего, чем просто добрым словом...

Арчи не выдержал и фыркнул. Ядвига не унималась:

— Спорим, если ты попросишь у кого-нибудь экипаж, а я буду рядом поигрывать иглометом, тебе и экипаж отдадут?

Продавцы, естественно, провели их глазами через весь зал, до самого выхода.

Словно по заказу рядом с универмагом стояли целых две легковушки. Российская «Кама» и нечто пикапообразное. Пикапообразное немилосердно воняло навозом и выглядело под стать запаху, а «Кама» производила вполне благоприятное впечатление. Только просить было не у кого, салон пустовал.

— Мой выход, — протяжно вздохнул Арчи. — Я видел у тебя такой тоненький стерженек в снаряжении. Дай, а...

Ядвига немедленно подала этот самый стерженек, с виду — отмычка отмычкой.

Чтобы вскрыть замок, Арчи понадобилось около четырех секунд. Будить экипаж не пришлось — он просто не успел задремать. Смена хозяина его слегка взволновала, но Арчи умел обращаться с экипажами достаточно профессионально. Он по-хозяйски коснулся пестиков и обернулся к Ядвиге.

— Если не ошибаюсь, нам налево? — спросил он.

— Все равно, — лучезарно улыбнулась Ядвига. — Но налево немного ближе.

«Кама» мягко тронулась с места, разворачиваясь; из универмага пулей вылетел разъяренный хозяин, которому Ядвига цинично помахала ручкой в приоткрытое окно.

— Если тебе нетрудно, — попросил Арчи, — возьми мобилу и набери номер.

Рука Ядвиги скользнула к его поясу, задержавшись несколько в ином месте. Пониже.

— Э-э! Только не в момент, когда я за пестиками! — взмолился Арчи.

— Ладно уж, — улыбнулась Ядвига и взяла трубку. — Диктуй номер.

Когда они проезжали почту, Арчи увидел, как давешний веселый кавказ о чем-то толкует в тенечке с невысоким крепким немецким овчаром, который показался разведчику смутно знакомым.

— Триста восемьдесят, ноль девяносто пять, семьсот семьдесят шесть девяносто один двадцать семь, — продиктовал Арчи.

— Не так быстро, — попросила Ядвига. — Семьсот семьдесят шесть...

— Девяносто один двадцать семь, — закончил Арчи.

— Сегмент временно недоступен, — вздохнула Ядвига. — Не везет тебе сегодня, милый.

Когда наспех обустроенные позиции минометчиков и просто стрелков остались далеко позади, Генрих огляделся.

Никого.

И отключил камуфляж. С прежним интересом понаблюдал, как собственное тело обретает видимость. Философски вздохнул и двинулся вдоль трассы. Где-то левее, параллельно его пути, тянулись ниточки рельсодороги. Впереди явственно слышались свистки встревоженного чем-то локомотива. Хотя — почему «чем-то»? Локомотив явно слышал взрывы и ощущал глухую вибрацию почвы, вот и волновался.

Еще Генрих с интересом вспомнил, как проходил мимо обороняющихся ашгабатцев. Метрах в пятнадцати от минометного расчета. Никто на него, естественно, не глядел — как можно глядеть на пустоту? В пустоту разве что. Но минометчикам созерцательность была несвойственна: они делом занимались. Лупили по позициям сил альянса. С тупым

упорством. Рожи у них были еще те — безумные какие-то, осатанелые. Впрочем, а чего ожидать от погранцов или гвардейцев, которых вдруг ни с того ни с сего вынудили стрелять по людям? Пусть по захватчикам и интервентам — ибо вторжение в Туркменистан иначе, чем интервенцией, трудно было назвать — но все-таки по живым людям? Скорее всего вся эта шатия-братия находилась на грани нервного срыва. А возможно, уже и за гранью.

Но поразило Генриха не это. Поразила его собственная реакция на близость готового убивать народа. Мысли внезапно оцепенели, словно Генрих убоялся, что они будут прочитаны, а сам он таким образом обнаружен. Теперь, по истечении почти получаса, Генрих вдруг сообразил, что мало чем отличался от мыши, шныряющей неподалеку от занятой чем-то своим харзы. Не думать! Не привлекать внимание! Шмыгнуть мимо и исчезнуть!

Нечто вроде этого.

Впереди, над невидимым пока Ашгабатом, висело явственно различимое облако более темного воздуха. Копоть какая-нибудь, не иначе. Американцы даже придумали для этого облака неприятно звучащее словечко «смог».

Машинально поглаживая игломет в кармане, Генрих ступал по слежавшемуся песку. Впереди маячили какие-то окостеневшие заборы и низкие зданьица; справа, за трассой, угадывалась зелень. Где-то там, впереди, его первая цель. Поселок Багир.

Там, впереди, крылись многочисленные позиции обороняющихся. А далеко-далеко, у самой гряды, если напрячься и присмотреться, виднелись медленно ползающие точки — это маневрировали «Мамонты». Или другие какие экипажи сил альянса. Ашгабатцы не собирались отдавать трассу на Бахарден, Кизыл-Арват и Небит-Даг с Красноводском и продолжали ее контролировать чуть ли не до самого Геок-Тепе. Образовался эдакий длинный язык, выдающийся из окружения на запад-северо-запад, который альянсу все не удавалось отсечь и раздавить, несмотря на штурмовики и прочую смертоносную селектуру.

Генриху советовали идти через Ашгабат. Но, если разобраться, напрямую гораздо быстрее, а время сейчас решает все. Сколько еще пилить до города? Три часа? Четыре? Не разумнее ли сунуться напрямую, тем самым выигрывая время? Да, конечно, этот путь опаснее. Но внимание обороняющихся обращено не внутрь удерживаемого языка, а вовне. Не к обочинам шоссе, а совсем в противоположную сторону. Кому он нужен, одинокий странник? А если кто и сунется — есть на этот случай волчий камуфляж...

Решай, Генрих.

И Генрих решил. А именно — решился рискнуть.

К Багиру Генрих вышел спустя два часа с небольшим. За это время он встретил всего двоих человек — паренька лет четырнадцати, катившего на изможденном велосипеде по обочине трассы, и пешего степенного аксакала с необъятной торбой на боку. Аксакал с Генрихом поздоровался по-русски, хоть и с сильным акцентом. Паренек просто зыркнул и безмолвно проскочил мимо. Никого из местных боевиков Генрих не заинтересовал, даже если его и замечали с позиций.

И вот — Багир. Какие-то подозрительные хибары на самой околице. Чуть глубже — уже нечто, отдаленно смахивающее на дома. А ближе к центру — так и вовсе все напоминало какой-нибудь захолустный альпийский городок. Особенно на фоне копетдагской гряды. Если не обращать внимание на жару, песок и вонь из арыка, разумеется.

По памяти сверившись с планом поселка, Генрих направился к дому Ахтамали Бахва. По его прикидкам, путь должен был занять не более десяти минут. Так оно и вышло: вскоре Генрих стоял перед ничем не выделяющимися среди прочих зелеными воротами. Табличка с фамилией хозяина недвусмысленно свидетельствовала, что Генрих не ошибся адресом. У арыка сосредоточенно возился кудлатенький щенкавказеныш.

Генрих кашлянул.

— Здласте! — поздоровался щен, заинтересованно глядя на гостя. Говорил щен по-русски.

— Привет! — весело ответил Генрих. — Ты, стало быть, хозяин?

— Нет, — замотал головой щен. — Я — Кейл. А хозяин — папка.

— А папку как зовут? — на всякий случай решил разузнать Генрих: а то вдруг это соседский пацан.

— Папка Ахтам, — с готовностью подсказал щен.

— А дома папка твой?

— Не, — замотал головой малыш. — На почте.

— На почте... — повторил Генрих. — И давно он на почте?

— Давно! — безапелляционно заявил щен.

— А хоть мамка дома есть?

— Мамка дома, — подтвердил Кейл и пронзительно провизжал: — Мамка-а-а! Тут к папе дядя плишел!

Генрих поморщился — ему не очень хотелось афишировать свой визит. Даже невидимым соседям.

Тихо стукнула дверь где-то в глубине двора, потом отворилась калитка. На Генриха взглянула худощавая женщина лет сорока.

— Добрый день, — поздоровался Генрих, машинально приподняв панаму. — Я ищу господина Ахтамали Бахва. Вы, должно быть, его супруга?

Женщина кивнула. Потом с непонятным унынием в голосе сообщила:

— Ушел. Сказал, скоро придет.

Генрих украдкой взглянул на лохматенького отпрыска — тот, совершенно не проявляя интереса к беседе взрослых, снова возился у воды.

— Скажите... Ваш муж звонил вчера в Москву?

— Куда-то звонил, — пожала плечами женщина. — Я не знаю.

— А записку он находил какую-нибудь?

— Не он. Я.

— А где она?

Женщина удивленно поглядела на Генриха.

— Записка? В доме, на столе.

— Вы не могли бы показать ее мне?

Несколько секунд женщина колебалась; потом подалась назад и затворила калитку. Генрих принялся ждать. Недолго, к счастью, спустя минуту калитка снова отворилась, и

женщина опасливо подала ему клочок писчего пластика. Клочок когда-то явно был свернут в трубочку, а потом разглажен. Текст полностью соответствовал записи, которую Генрих прослушал утром. Ничего нового.

— А! — рядом неожиданно проявился щен; Генрих едва не вздрогнул. А в следующий миг рассердился на себя: утратил бдительность.

— Бумазка из подводной лодки! — сообщил щен жизнерадостно.

«Подводная лодка в пустынях Туркмении... — с отчаянием подумал Генрих. — Сколько же я до истины докапываться буду?»

Впрочем, все оказалось не так уж и сложно. Щен охотно продемонстрировал «подводную лодку» — оранжевую капсулу из дешевого столового набора, не то перечницу, не то солонку. В общем, эдакий полый цилиндрик. Скорее всего пацан нашел его в арыке несколько дней назад. Записку в конечном итоге притащил в дом, где она некоторое время провалялась незамеченной, а с цилиндриком скорее всего вволю наигрался. Собственно, это было все. Почувствовав, что здесь больше ничего путного выудить не удастся, Генрих испросил разрешения оставить записку у себя, попрощался с женщиной, тут же канувшей в дворовую тень, потрепал по загривку щена и снова обратился в памяти к плану Багира.

До почты он шел минут десять; у местных вызывал лишь вежливое любопытство. Ничем похожим на шпиономанию в Багире и не пахло. Впрочем, этому можно было только порадоваться.

У самого входа на почту Генрих столкнулся с тем, кого искал. Не требовались навыки физиономиста, чтобы признать в этом седеющем великане человека с показанной Чеботаревым фотографии.

— День добрый, уважаемый! — Генрих вторично за сегодня приподнял панаму в приветствии. — Уж не вы ли будете Ахтамали Бахва?

— Я... — протянул кавказ, настороженно разглядывая Генриха. Генрих беззаботно улыбался. — А что?

— Вы звонили вчера вечером кое-куда, — пояснил Генрих. — Я оттуда. У меня есть несколько вопросов.

— А-а! — обрадовался Ахтамали. — Вы честные люди, господа, рад это сообщить! Почта только открылась, стрельба какая-то с самого утра, а я счет проверил — как есть, две тысячи российских, хоть вашими бери, хоть по курсу в манатах...

Генрих как раз хотел попросить, чтобы воодушевленный нехитрым стукаческим призом абориген не так шумел, но тут шум накатил из-за перекрестка. Легковой экипаж породы «Кама» неторопливо разворачивался перед универмагом; из дверей универмага с воплями выскочил некто эрделеобразный в яркой спортивной паре — шорты и футболка с верблюдами. Похоже, «Каму» у него в данный момент угоняли. Мелькнув перед почтой, экипаж помчался по шоссе; следом, отставая все больше и больше, во весь опор несся пострадавший хозяин и неистово вопил: «Полиция! Полиция!» На него таращились мигом повылазившие из каждой щели аборигены, причем практически во всех взглядах естественное сочувствие зевак мешалось со злорадством селян, не имеющих такой роскоши, как собственный легковой экипаж.

— Ну, ты посмотри! — всплеснул руками Ахтамали. — Среди бела дня! Во дают!

А Генрих стоял и думал: показалось ему или нет?

Показалось? Или нет?

В угнанной «Каме» сидели двое, причем за пестиками вроде бы нюф. В какой-то несусветной шляпе, надвинутой на самые глаза.

Нет, скорее всего показалось. Слишком уж невероятное это было бы совпадение.

Впрочем, номер угнанной «Камы» Генрих на всякий случай запомнил, да и с разнесчастным хозяином решил переговорить. Но — чуть позже. А пока стоит окончательно разобраться с кавказом.

И Генрих решительно взялся за него. Не позволяя блуждать словесами в стороне от интересующей темы и одновременно не выпуская из поля зрения незадачливого биомобилиста в паре с нарисованными верблюдами.

Выяснилось вот что: сынуля этого Ахтамали вечно запускал в арыке разнообразные кораблики. Пару дней назад он действительно выловил в арыке оранжевый цилиндрик с запиской внутри. Записка малыша, ясное дело, заинтересовала мало, но, к счастью, ее он не выбросил, а либо в карман сунул, либо просто принес в дом и где-нибудь оставил. В субботу днем жена занималась уборкой и выгребла эту записку из-под дивана. Вечером на нее наткнулся сам Ахтамали, позвонил; ему пообещали денег. Насчет денег не соврали, за что большое спасибо, а больше Ахтамали ничего не знает: ни откуда в арыке у его дома взялся этот цилиндрик, ни где такие в ходу. Если еще записки встретятся — Ахтамали тут же позвонит, ибо кому помешают лишние пару тысяч российских? Никому, особенно простому рабочему фактории...

Генрих поблагодарил и раскланялся. Тем более что обворованный биолюбитель как раз навострился к почте — видать, решил звонить в полицию.

В ближайшие несколько минут Генрих выяснил, что:

в вороватой парочке мужчина действительно был нюфом;

несколько минут назад нюф пытался позвонить в Москву, сначала с почты, потом от директора универмага;

у вышеупомянутого директора вышеупомянутая парочка, угрожая иглометом, отобрала телефон-мобилу;

арык протекает таким образом, что странный оранжевый цилиндрик мог быть принесен с загадочного образования в нескольких километрах от Багиров, которое местные считают секретной базой;

на площади перед универмагом стоит еще один экипаж, который просто грех не угнать, пользуясь поднявшейся суматохой.

В общем, жители Багира вторично проводили взглядом набирающий скорость экипаж; второй незадачливый биолюбитель — пожилой туркмен с какой-то из окрестных ферм — с проклятиями побежал по асфальту. Сначала вслед за своей похищенной собственностью, а потом — к почте, звонить в полицию, а неожиданно развеселившийся Генрих все пытался разогнать провонявший навозом пикап до пристойной скорости. Пикап не разгонялся.

Так он и дотянул до Ашгабата — хохоча от внезапного веселья и ругаясь на древний экипаж.

«Каму» он догнал у ближайшего полицейского поста на перекрестке Гёроглы и Сатпаева. У самого указателя-стрелки с надписью «Бикрава». Угнанный экипаж был пуст, рядом суетились подростки в полицейской форме (взрослые, вероятно, находились на линии противостояния, среди защитников Ашгабата). Трое новоиспеченных полицейских без признаков сознания валялись на мостовой; присмотревшись, Генрих даже различил торчащую из щеки ближайшего паренька иглу.

«Полицейские», все как один вытаращив глаза, смотрели на подъехавший пикап, а потом разом принялись хвататься кто за что: кто за оружие, кто за переговорник... Пришлось даже слегка поиграть с этими юнцами в шпионов: вываливаться из пикапа, перекатом уходить в сторону, для острастки пальнуть из игломета разок, прыгнуть через ближайший забор, задействовать волчий камуфляж и тут же прыгать обратно и вдобавок глядеть, как большинство из «полицейских» рассыпается цепью, полагая, что он сейчас будет прорываться в ближайший двор.

В общем, с этой игрушечной проблемой Генрих справился шутя. Осталась другая. Главная. Где искать Шерифа и его бойкую напарницу?

Генрих думал ровно минуту, потом досадливо хлопнул себя по лбу.

— Ты идиот, — сказал он себе и принялся оглядываться в поисках телефона. Селектоид под декоративным козырьком обнаружился на противоположной стороне улицы Гёроглы и был рассчитан на стандартные евразийские кредитки.

Вот оно, веселье и людская инертность. Стоило ли устраивать это никчемное родео на пикапе и казаки-разбойники с полицейской пацанвой? Кстати, в полицейских экипажах наверняка есть рации с выходом на городскую телефонную сеть, но снова наглеть Генриху не хотелось.

Он спрятался в тени пышного хвойного куста неизвестной разновидности, отключил камуфляж и приблизился к телефону.

Звонок первый: справочная? Рабочий номер директора универмага, что в Багире. Да, да, Варсана Итлоевича... Спасибо огромное.

Звонок второй: Варсан Итлоевич? А где он? Зовите. Здравствуйте. Инспектор Гроуди, уголовный розыск. Конечно, по поводу похищений. Да, «Кама» и старенький пикап, мы уже в курсе. Кстати, и ваш телефон ведь тоже похищен? Мобильный. Ну конечно, в курсе, Варсан Итлоевич, мы же профессионалы. Какой, кстати, номер вашей мобилы? Безусловно, важно. Ждите. Сегодня же все ваше вам вернем. И клиентам, конечно, ведь честь универмага — превыше всего, не правда ли?

И звонок третий, самый важный.

Але? Мадам, будьте добры, передайте вашему спутнику всего одну фразу.

И Генрих назвал пароль.

А еще через секунду в трубке зазвучал мужской голос:

— Я — Шериф. Как встречаемся? И где вы?

— На углу Гёроглы и Сатпаева, как раз напротив брошенной вами «Камы». А встретимся... Ну, хотя бы в «Шехрезаде» на Мухтумкули. Прямо сейчас. Ну, с поправкой на время в дороге, конечно. Договорились.

Генрих победно повесил трубку и взглянул на часы.

Он умудрился решить проблему за три с половиной минуты. Минута на размышления, две с половиной на звонки. И с удовольствием ощутил себя чуть ли не новоявленным Леверье, вычислившим планету Нептун исключительно посредством телефонной сети.

Потом оглянулся — к перекрестку ни с чем возвращались из погони горе-полицейские. Впрочем, экипажи они у угонщиков отвоевали, так что чувствовать себя победителями вполне имели право.

Генрих вынул из приемной щели кредитку и неторопливо зашагал прочь от перекрестка. А вскоре остановил такси и велел водителю:

— В «Шехрезаду».

Водитель, лет пятнадцати прыщавый юнец (блин, и таксисты на позициях, что ли?), скептически поглядел на наряд Генриха, но смолчал и деловито взялся за пестики.

А еще через десять минут Генрих был на месте.

Ждать ему пришлось недолго. Девушка, прячущая глаза за стеклами темных очков, и невысокий нюф тоже вышли из такси метрах в пятидесяти от «Шехрезады». На девушке был нелепый синий балахон с вышивкой, нюф же напоминал хипаря — канотье, мятые брюки, мятая рубаха с неизменным кельтским трилистником и, естественно, обязательное «Flower Power» в одну строку под корявой, явно самостоятельно намалеванной эмблемой.

Генрих молча отодвинул швейцара, вошел и уселся за дальний столик.

Шериф со спутницей присоединились к нему буквально через пару минут.

— Добрый день, — сухо поздоровался Арчи.

Сидящий за столиком сдержанно кивнул. Именно этого человека — он беседовал с кавказом у почты — Арчи совсем недавно видел в Багире, удирая на угнанной «Каме». Лицо его теперь казалось Арчи незнакомым, но мало ли в конторе работает людей? В конце концов этот человек мог оказаться параллельным агентом в Туркменистане. Или наспех отозванным резервистом из спящих, как и сам Арчи некоторое время назад.

— Добрый.

Человек вопросительно выстрелил глазами в Ядвигу; Арчи это понравилось. Осторожность — всегда осторожность.

— Я пойду. — Ядвига все сама поняла и встала. — Вы тут болтайте. А я в магазины загляну...

Она на миг встретилась взглядом с Арчи и тихонько ушла в сторону выхода.

«Какие магазины, у нее же денег нет наверняка... Или есть?» — подумал Арчи невпопад.

— Понятливая у тебя девушка, — сказал человек, тоже с явным одобрением, и вдруг ловко выпустил из ладони жука-шумодава. Арчи уже успел отвыкнуть от снаряжения разведчиков — волки пользовались исключительно мертвой техникой, а на «Чирс» Арчи ни к чему толком не допускали.

Жук проворно забрался в чистую пепельницу и принялся рыскать в поисках пищи. Ему милостиво подбросили предварительно измятую салфетку.

— Можешь называть меня Немец, — представился человек. — Кстати, во избежание ненужных расспросов: я действительно немец. И европеец.

Арчи напрягся, соображая, что, во-первых, это значит, и во-вторых, уже пора доставать игломет или пока еще нет.

— Не беспокойся, пароль подлинный. Я здесь по заданию разведок стран альянса. Так что мы временно коллеги, Шериф. Просто генералу Золотых и майору Коршуновичу не терпится с тобой побеседовать.

— Как вы на меня вышли? — поинтересовался Арчи. — На номер мобилы? Или на Багир?

— На Багир.

Немец просто показал Арчи записку, написанную несколько дней назад у бассейна.

— Сработало-таки, — криво усмехнулся Арчи. — Признаться, я не очень на это рассчитывал.

— Сработало, — подтвердил немец. — Как ты сумел запустить ее в арык?

— Сплавил в сток бассейна, — поделился секретом Арчи.

Все равно подобный способ связи вряд ли будет осуществим в ближайшие годы — такие трюки, как правило, одноразовые. Как и любой экспромт.

— Как меня будут вытаскивать?

— Вытаскивать тебя никто не будет. Пойдешь через линию сам.

— Сам? — не понял Арчи.

Немец положил на столешницу рядом с жуком плоский, похожий на плейер, приборчик. Именно приборчик, не селектоид. Арчи на мгновение почудилось в нем что-то волчье — дизайн, материал, а возможно, и все вместе.

— Это прибор волчьего камуфляжа, — объяснил Немец. — Вешаешь на пояс, тут прищепка, очень, кстати, удобно. Эта кнопка — «Включить». Эта — «Выключить». Вот эти присоски — на тело, сюда примерно.

Немец на себе показал — куда.

— Это индикатор готовности. Если огонек зеленый — можно включать.

«Теперь понятно, как он пробрался сквозь линию обороны, — подумал Арчи. — Непонятно только, откуда этот прибор у европейцев? Или у сибиряков? Или у коллег-россиян...»

Арчи лихорадочно размышлял.

«Впрочем, прибор могли захватить в тайге под Алзамаем, у волков ведь были потери. Но надо просчитать и другие версии. Какие? Например, что это — волк. Все равно я их всех в лицо не знаю. Да и Ядвига как-то слишком поспешно ретировалась. Только его увидела — и до свидания...»

— ...но есть одна проблема, — продолжал Немец. — Неясно, на сколько рассчитана батарея. Пока прибор работает, а вот дальше... Я экономил, как мог. По идее, тебе должно хватить на несколько часов минимум. Так что подбирайся к позициям вплотную и только потом включай.

— Понял, — кивнул головой Арчи.

Немец не забывал ненавязчиво сканировать пространство ресторана, и это не ускользало от внимания Арчи. Вообще немец производил впечатление профессионала очень высокого уровня. Такой просто обязан был участвовать в алзамайских событиях, но по Алзамаю Арчи его совершенно не помнил.

Тем временем Немец извлек из внутреннего кармана плоскую коробочку гибернатора. На три полужукопары хорошо знакомой Арчи российской породы.

«Нет, — подумал Арчи. — Это не волк. Откуда у волков наша секретная селектура? Хотя селектура уже скорее всего ни фига не секретная».

Двоих жуков Немец посадил в блюдечко и прикрыл салфеткой, третьего оставил в гибернаторе; гибернатор вернул в карман.

К столику как раз направлялся официант.

— Что господа будут заказывать? — осведомился он.

Немец наугад ткнул ногтем в раскрытое меню:

— Это, это... И попить что-нибудь. Сок.

— Ich habe kranken Daumen, — быстро сказал Арчи по-немецки.

Немец спокойно повел ладонью: не проблема, мол.

— Два раза, разумеется, — это уже официанту.

Тот записал в блокнотик заказ и канул в полутьму зала.

— У нас несколько минут, — предупредил Немец. — Потом я усыплю шумодава и разговоры закончатся. Один радиожук — тебе, примешь пароль, чтоб свои же на переходе не хлопнули сгоряча. Что еще?

— Я иду один?

— Да. Потому что прибор только один.

— Линия далеко от города?

— Километров двадцать. Хотя сейчас уже наверняка меньше. Думаю, к вечеру подтянется на окраины. Только учти: Небит-Дагское шоссе ашгабатцы держат очень рьяно, причем на большем протяжении, нежели двадцать километров. Где идти — выбирай сам, лучше всего на месте. И еще учти: стрельба стоит нешуточная. Минометы, штурмовики... В общем, берегись, камуфляж только от посторонних глаз спасает, но не от пуль.

Арчи коротко кивнул. А то непонятно... Волчий прибор он уже успел пристроить на поясе, присоски прилепить куда следует и убедиться, что зеленый огонек исправно зажегся.

— Что за база около Багира? — неожиданно спросил Немец.

Арчи поколебался: рассказывать? нет?

Немец, видимо, по-своему оценил его задумчивость.

— Жуков у меня три, — сказал он, улыбнувшись самым уголком рта. — Один — твой. Второй я задействую вместе с твоим, чтобы там, — он еле заметно склонил голову к северу, — знали, что задание я выполнил. Ну а третьего я разбужу, когда взгляну — что там, на этой базе? Понимаешь? Мне ведь все равно не выбраться наружу, только ждать, пока силы альянса не возьмут город. Неохота ждать в пассиве...

Чего-чего, а пассива у Арчи последнее время было пруд пруди. Немца можно было понять.

— Это допереворотная резиденция Саймона Варги. Его база и лаборатория. «Чирс» называется. Только ты туда не проберешься.

— Посмотрим. — Немец улыбнулся шире.

Явился официант, принес сок, пару салатниц с зеленью, столовые приборы и предупредил, что горячее будет готово минут через пять.

Когда он ушел, Немец сдернул с блюдечка салфетку. В руке его шулерски возник тонюсенький щуп-игла.

Радиожуки уже проснулись: стояли на лапках, расправив надкрылки-отражатели и усы-антенны. Но настроиться на спутник ни одному из них не удавалось, потому что мешал их дальний родственник-шумодав, невозмутимо поглощающий в пепельнице целлюлозу. Поэтому радиожуки нервничали и беспрестанно вертелись.

— Все, — предупредил Немец и несколько раз коснулся щупом брюшных колечек шумодава. Тот дернулся, затих, а спустя мгновение — вспыхнул почти неразличимым даже в полумраке голубым пламенем. Занялась недоеденная салфетка.

Зато радиожуки в блюдце по соседству сразу же нащупали спутник и как по команде застыли.

— Держи. — Немец протянул Арчи короткий, размером со спичку, мнеморасширитель. — Готов?

Арчи утвердил на столешнице локоть, одновременно прижимая расширитель к виску.

И кивнул.

Немец очень быстро пощекотал щупом сначала жука-приемника, потом — передатчика. Несколько секунд, и до Арчи донесся слабый, как вздох, шепот, который не слышал никто в мире, кроме него. Даже Немец, сидящий за этим же столиком, не слышал. А потом расширитель стал горячим, и Арчи без всякого сожаления спровадил его в пепельницу. Радиожуки тоже уже горели, оба. Немец стряхнул их из блюдца в пепельницу и щуп туда же бросил.

Когда официант принес горячее, в пепельнице осталась только горстка пепла, да и та от салфетки. Жуки и шумодав сгорели дотла, не оставив никаких следов.

Ели они молча, не проронив ни слова. Арчи подумал, что надо бы заказать что-нибудь Ядвиге.

А потом Немец оставил на столе пухлую стопку местных стоманатовых ассигнаций, утер губы салфеткой и произнес всего одно слово:

— Удачи!

Арчи с благодарностью кивнул: пожелание удачи для разведчика — гораздо больше, нежели просто вежливая поддержка. Это нечто сродни обязательному заклинанию.

Немец встал и подчеркнуто неторопливо покинул «Шехерезаду». Ну да, чего ему торопиться? Свое задание он выполнил и даже отчитаться по нему успел.

Арчи ждал Ядвигу почти час, потом потерял терпение, расплатился и вышел на улицу. Он слонялся по проспекту, заглядывал в магазины, хотел даже продавцов порасспросить, но вовремя сдержался.

Ядвиги не было. Нигде.

Российский разведчик Арчибальд Рене де Шертарини вдруг понял, что ему сейчас придется выбирать между долгом и любимой женщиной. Послать все к чертям и броситься на ее поиски или бросить ее здесь, одну, в чужом городе на чужой — чего там говорить! — для нее планете и уходить из Ашгабата, потому что ему действительно есть что сообщить руководству альянса, а времени, как всегда, не хватает, и утекает оно со сказочной, с дьявольской быстротой...

Самое мучительное — ведь Арчи знал, что именно он выберет.

И он выбрал, хотя в горле застрял ком и на душе стало неимоверно мерзко.

«Прости меня, — подумал он. — Прости, если сможешь...»

И принялся искать утешение в так называемых здравых мыслях, как-то: она взрослый человек, ей ничто впрямую не угрожает, после того как сопротивление людей Варги сломят, Арчи ее обязательно разыщет...

Но предательство всегда начинается с подобных мелочей. Когда, вместо того чтобы искать любимого человека, мчишься прочь, подгоняемый неизвестно кем и для чего придуманным долгом, подгоняемый так называемыми здравыми мыслями, пытаешься заглушить тоску и неизбежное отвращение к себе.

И поражаешься тому, что любви удается победить долг только в кассовых голливудских фильмах.

Арчи купил у какого-то пацана велосипед, подарил ему же ненужный теперь мобильник и, сгоняя злость на собственных мускулах, погнал к северной окраине.

Около четырех часов дня Ханмуратов постучался в кабинет Варги.

Президент Туркменистана не спал уже более сорока часов кряду. Вид у него был соответствующий — красные глаза, осунувшееся лицо, вялые движения.

— Что там? — спросил он вошедшего, с трудом приподнимая голову.

— Шеф! — коротко доложил Ханмуратов. — Альянс готовится к очередному удару, и аналитики в один голос твердят, что трассу удержать уже не удастся.

Варга уронил голову на грудь. Казалось, он заснул, но Сулим Ханмуратов прекрасно знал, что шеф просто думает.

— Как считаешь, — действительно вскоре спросил Варга, — аналитики правы?

— Если честно, я считаю, что уходить нужно было еще в полдень.

Варга снова оцепенел. Надолго, минут на пять. Сулим все это время терпеливо стоял перед его столом.

Наконец Варга медленно поднялся и потянулся к панели селектора. Коснулся сенсора; тихо сработал папиллятор распознающего устройства.

Варга сказал в микрофон всего одно слово:

— Всё.

В кабинет тотчас просочились два референта; оба торопливо принялись перебирать бумаги на столе и сортировать их на несколько стопок. Вскоре появился третий и занялся содержимым компьютера; первые двое к этому моменту уже опустошали оба сейфа.

— Пойдем, Сулим, — сказал Варга. — Тут без нас разберутся.

В кабинете министра обороны и безопасности, да и во всех кабинетах недолго просуществовавшего правительства независимого Туркменистана происходило то же самое.

Перед президентским дворцом уже стоял наготове длинный матовый лимузин. Несколько экипажей с охраной и два грузовика элитной гвардии примостились неподалеку.

У выхода, на ярком солнце, Варга ненадолго задержался. Щурясь, взглянул на небо, на пышную зелень парка.

— Что ж... Прощай, Ашгабат, — сказал он тихо. — Как бы там ни было, ты многому меня научил и много мне дал.

Родион распахнул перед хозяином дверцу-надкрылок.

Нахохлившись, Варга умостился на сиденье. Рядом слева сел Сулим, напротив — Нилаш Спойде и Бертольд Непке. Старые, проверенные кадры.

— Ты-то чего со всеми не рванул? — спросил Варга круглолицего пули-завхоза.

Спойде пожал плечами:

— Ха! Да тут столько хвостов подбирать — я и то не все успел.

Варга понимающе кивнул, и в этот момент лимузин тронулся. Уже через минуту Варга задремал, поэтому путь ашгабатскими улицами и короткий марш по трассе на Бахарден он совершенно не запомнил.

Невдалеке грохотало и бубухало, по трассе сновали пограничные грузовики, просто так, для суматохи. Когда кортеж достиг цели и пассажиры выбрались под выцветшее туркменское небо, водители тут же повели экипажи назад.

— Сулим, — поинтересовался Варга у своего министра... впрочем, уже у экс-министра. — С Хендывара новостей не было?

— Нет, шеф. Хотя техники сумели сформулировать один интересный вопрос.

— Какой?

— Волки воспользовались своим порталом и ушли, это бесспорно. Но портал остался в нерабочем состоянии, потому что часть важных, несомненно, ключевых блоков волки забрали с собой. Вопрос: если волки демонтировали блоки, как они после этого воспользовались порталом? По идее, тот должен был прекратить работу.

Варга фыркнул, на миг прикрыв веки.

— Тоже мне, проблема. Всех эвакуировали, а парочка оставшихся техников демонтировала блоки и смоталась на их невидимом летающем грузовике.

— Не совсем так, шеф, — вздохнул Сулим. — Я на всякий случай велел подсадить на грузовик жука-маячка. С датчиком противообнаружения. В общем, грузовик никуда не перемещался и жука никто не обнаружил. И грузовик, и жук просто внезапно исчезли с экрана слежения. Я раздробил лог записи на отдельные фракталы — на последнем фрактале грузовик спокойно стоит на месте. На следующем его уже нет.

Варга тоже вздохнул:

— Не думаю, что знание разгадки нам сколько-нибудь помогло. Мне кажется, что Расмус на нас... обиделся.

Тут из пещеры вернулся Непке и коротко доложил:

— Шеф! Все готово.

Варга кивнул; вскоре последние оставшиеся сотрудники «Чирс» вошли в полутьму, прочь от солнца, и принялись спускаться по длинной узкой лесенке. Оставшиеся гвардейцы принялись деловито зачищать следы; спустя сорок минут они попрыгали в свои грузовики и умчались к городу.

Еще полчаса спустя сопротивление защитников вдоль трассы было сломлено и пресловутый «язык» перестал существовать. Линия противостояния вплотную передвинулась к околицам Ашгабата. Альянс готовился сомкнуть кольцо.

В восемь тридцать семь вечера оружие на оборонительных порядках ашгабатцев внезапно замолчало. Защитники города просто побросали оружие и разошлись по домам. Силы альянса, немного помешкав в ожидании подвоха, вошли в город. Их никто не встречал, улицы были пустынны, хотя почти в каждом окне виднелись лица местных жителей. Ашгабат был занят без единого выстрела. И везде, где шли пограничники Сибири или спецназовцы Европы, они встречали служебные туркменские грузовики с брошенной как попало формой и оружием.

Едва в отсек без стука ввалился Степа Чеботарев, генерал Золотых понял: произошло.

— Есть, Семеныч! Шериф здесь!

— Где?

— Перешел линию в семи километрах восточнее. Уткнулся в заслон наших погранцов, перепугал телеметриста... Я послал за ним «Вепря».

— Надо было махолет послать, — буркнул Золотых.

Когда днем, спустя всего четыре часа после старта Генриха Штраубе, радиожук принял сигнал «Задание выполнено», Золотых сначала не поверил. По поверхностным прикидкам Генрих только-только должен был добраться до Багира, и это при самом благоприятном раскладе. А тут — «Задание выполнено»...

Это означало: либо Генриху несказанно повезло... либо он провалился. Причем второе вероятнее.

Золотых после доклада дежурного связиста-колли мрачно уселся за откидной столик, извлек из папки фотографию Саймона Варги и долго всматривался в лицо этого в высшей степени неординарного человека.

И вот, похоже, свидетельство того, что генерал все же ошибся в предчувствиях. Генрих таки выполнил задание, а Шериф благополучно миновал линию противостояния.

«А ведь надо бы Палыча позвать... Его агент, не мой», — подумал Золотых и только сейчас осознал и почувствовал насколько вымотали его последние дни, дни осады туркменской столицы.

Коршунович явился мгновенно, едва ему позвонили. А Лутченко и Шабанеева расторопный Степа Чеботарев догадался отправить на «Вепре», чтобы Шерифа встретили хоть сколько-нибудь знакомые лица.

А вскоре около штабного махолета замедлился рыжий «Вепрь» с иссеченной песком роговицей на обшивке. Видимо, немало пришлось побывать этой покорной зверушке под обстрелом.

И он вошел — невысокий ньюфаундленд, в каком-то невообразимом мятом балахоне с цветочком на груди, с больными глазами и печатью усталости на лице.

Не одного генерала Золотых утомили события последнего месяца.

— Здравия желаю, господин генерал... Господин майор...

— Садись.

Шерифу пододвинули раскладной стульчик.

Таким совещаниям должно проходить в тиши начальственных кабинетов, за необъятными столами вековой давности, под портретами и массивной люстрой. Но этому суждено было пройти здесь: в тесном отсеке наспех переоборудованного грузового махолета, когда у складного столика умещаются всего трое, а остальные сидят кто где, даже на соседнем столике и на полу. Связисты на скорую руку соорудили конференц-связь с аналитиками «большой тройки» и прочими специалистами, без которых было не обойтись. Последним, слегка запыхавшись, в отсек протиснулся европеец Шольц — ему тут же уступили место поближе к Золотых и Коршуновичу.

— Запись включена, — сообщили связисты. — Можно начинать.

Золотых ободряюще взглянул на Шерифа: давай, мол, сынок!

Арчи откашлялся, как делают почти все люди перед записью, и ровным бесстрастным голосом начал:

— Агент Шериф, внешняя разведка России. В соответствии с разработанной совместной операцией «Карусель» выполнял миссию наблюдателя в Алзамае, Сибирь, и позднее — в операции по захвату и уничтожению волчьей базы в тайге. В результате взрыва базы и последующего лесного пожара получил сильные ожоги и ряд иных повреждений; в бессознательном состоянии был захвачен в плен волками. Длительное время пребывал в их схроне под Чадобецкой плотиной, где мне оказали полноценную медицинскую помощь. К моменту, когда волки, а также находящиеся в сговоре с ними Саймон Варга и Сулим Ханмуратов, нынешние президент и министр самозваного правительства Туркменистана, собрались покидать схрон, я уже мог считаться практически здоровым. Схрон покидали ночью, в несколько заходов при посредстве летательных аппаратов волков, снабженных системой невидимости. Я ожидал, что у волков где-то в тайге имеется промежуточная база, но все оказалось гораздо неожиданнее и фантастичнее, чем мы могли бы предположить.

Волки эвакуировались на искусственный спутник Земли, который за время отсидки в схроне успели пригнать их коллеги из Космоса. Спутник весьма небольших размеров, поэтому длительное пребывание всей волчьей группы на нем представлялось мне решительно невозможным; и действительно, эвакуировав всех из схрона в Чадобецкой плотине, волки тут же принялись планировать и проводить в жизнь новую высадку, на этот раз — на территорию Туркмении, в окрестностях частной территории «Чирс», принадлежащей вышеупомянутому Саймону Варге. На этой территории долгие годы проводились генетические эксперименты, имеющие целью стабилизировать и внедрить в людской геном так называемый ген волка и тем самым получить солдат, способных без губительных последствий для психики выполнять разнообразные боевые задачи, связанные с физическим уничтожением противника. Самостоятельно выделить этот ген ученым Варги не удалось; и Варга принял решение воспользоваться готовым генетическим материалом наших космических гостей. В обмен на предоставление некоторых материалов и устройств, а также необходимой энергии волкам. Цель волков заключалась в постройке некоей конструкции, способной транспортировать материальные объекты из одной точки пространства в другую; волки называли ее все объясняющим словом «портал».

Будучи на спутнике, глава волчьей группы по имени Расмус сделал попытку завербовать меня в качестве консультанта по земным вопросам и мне пришлось дать согласие. В дальнейшем я действительно консультировал волков и, увы, Саймона Варгу относительно их действий в условиях блокады, но я заявляю, что не передавал им никаких сведений, способных серьезно повлиять на результат или повредить силам альянса.

Положение консультанта давало мне некоторую свободу. Волки считали меня просто сибирским пограничником; за кого меня принимали Варга и Ханмуратов — я до конца так и не установил, но есть подозрения, что они знали, кто я на самом деле. Ситуация сложилась таким образом, что Расмус распространил на меня некоторую защиту, в результате

Варга не мог особенно распоряжаться моими действиями, а позднее Варге стало просто не до того.

В качестве консультанта и вооруженного исполнителя мне пришлось принять участие в ашгабатском перевороте, а именно в захвате здания правительства и в операции по захвату разведывательной резидентуры в Ашгабате. Не знаю — чьей, возможно, что и российской. Так сложилось, что вторая часть прошла для меня вхолостую: та квартира, на которую послали группу, куда я входил, оказалась пустой, а резидентуру взяли другие группы.

Спустя несколько дней после переворота между Варгой и волками произошла какая-то размолвка; подробности и предмет размолвки мне неизвестны. Нынешней ночью волки покинули площадку с порталом и палаточный городок, на «Чирс» несколько дней подряд также наблюдалась повышенная активность, которую можно квалифицировать как подготовку к эвакуации. Куда переместились волки, мне также неизвестно, неизвестен и способ, каким они это сделали, есть только косвенные данные, полученные от одного из волков, а точнее — от одной, от волчицы, которая не сумела уйти вместе со своей группой. По ее словам, в аппаратуре портала не хватает нескольких важных блоков, без которых покинутая конструкция работать не в состоянии. Ночью в районе портала и «Чирс» мною и волчицей были замечены два летательных аппарата значительных размеров, которые моя спутница назвала дисколетами. Помимо названия, по словам спутницы, я установил также, что эти летательные аппараты не входили в снаряжение объявившейся на Земле волчьей группы.

По реакции волчицы я могу с большой долей вероятности предположить, что уход волчьей группы не был запланирован заранее и был спонтанной реакцией на некие новости. Волчицу и меня попросту «потеряли», поскольку в ту ночь мы находились... ну, сформулируем так: в самовольной отлучке.

После осмотра покинутой площадки портала мы направились в поселок Багир, откуда я пытался связаться с Россией по резервным телефонам, но связь с внешним миром

не действовала. Далее мы направились в Ашгабат, где я рассчитывал изыскать иные варианты связи, но тут на меня вышел агент альянса, псевдоним Немец, который снабдил меня необходимой аппаратурой и познакомил со стратегией перехода через линию противостояния. Я воспользовался его инструкциями... Вот, собственно, и все.

Шериф выдохнул и скользнул взглядом по лицам слушателей. Ему немедленно подали стакан минералки, который Шериф тут же жадно заглотал.

— Степа! — скомандовал Золотых, и Чеботарев, не дожидаясь повторного приглашения, принялся задавать вопросы, изредка заглядывая в пометки, которые он делал по ходу первичного отчета Шерифа.

Шерифа мучили около трех часов. Для начала.

Из «Шехрезады» Генрих вышел в отличном настроении. Еще бы: давненько ему не случалось так быстро выполнить весьма расплывчатое задание. Пойди туда, не знаю куда, и отыщи там Шерифа. Вынь, можно сказать, да положь. И вынул, и положил. Конечно, немалую роль во всей этой короткой детективной истории сыграл слепой случай. Мобильник этот дурацкий, да и сама информация о нем. Невероятно удачно получилось.

Но Генрих прекрасно знал: миром правит закон парности. Если тебе сегодня повезло — зри в оба, потому что судьба немедленно попытается отыграться. Ну, и наоборот, соответственно. Но Генриху сегодня только везло. А значит, жди неприятностей.

В общем, Генрих решил сегодня зря не рисковать. Тем более что камуфляжа у него теперь не было и спрятаться на ровном месте больше не удастся.

Поэтому он вразвалочку пошел по Мухтумкули, в ту сторону, откуда недавно приехал.

Людей на улицах почти не было, тем не менее магазины и мелкие кафешки хозяева и не думали закрывать. Работали и будочки, продающие морс и мороженое, и забегаловки-чебуречные, а у театра струился фонтан. И очень странно было на фоне этого умиротворяющего журчания слышать

далекий гул канонады. Он казался ненастоящим, призрачным, потому что звучал тихо, но Генрих знал, как гремят близкие разрывы, поэтому не обманывался.

Генрих свернул на Чехова; улицы, несмотря на жару, утопали в зелени. Теперь перед глазами воздвигалась далекая Копет-Дагская гряда. Зимой, вероятно, вершины ее прячутся в облачных шапках, но сейчас вершины чеканно выделялись на фоне пронзительной, хотя и несколько блекловатой небесной голубизны. Красивое это было зрелище, на редкость красивое. Даже обидно было, что волки и злой гений Саймона Варги решили избрать для своих темных делишек такое благодатное место.

На памятном перекрестке полиции уже не было. Никого не было — даже птицы, ошалевшие от жары, куда-то попрятались. Генрих пересек перекресток по диагонали, чего никогда не позволил бы себе в родной Германии, добрел до покоробившегося от давности козырька над биобусной остановкой и принялся ждать.

Ждать пришлось довольно долго: Ашгабат будто вымер. За все время только два рыжих пограничных грузовика примчались откуда-то от гряды, свернули на перекрестке направо, на Гёроглы, и вскоре их тихий рокот растворился вдали. И снова повисла звенящая тишина, обрамленная только звуками далекой стрельбы.

— Всю пустыню перепашут, — проворчал Генрих. — Ей-ей...

Вскоре ему повезло: из города на трассу к Бикраве вывернул одинокий грузовичок, похожий на сегодняшний угнанный пикап, только размером поболее. Генрих призывно помахал рукой.

Грузовичок притормозил; за пестиками восседал сухонький дедок совершенно европейского вида. Это не значило, разумеется, что он был во фрачной паре и с гвоздикой в петлице — одет дедок был как раз в местный халат и кудлатую шапку. В морфеме дедка угадывались признаки пинчера, но сильно разбавленные чем-то аморфоподобным.

— Куда? — спросил старик деловито.

— Да в сторону Багира, — выдохнул Генрих.

— Я только до Янбаша, — предупредил хозяин.

— Годится, — согласился Генрих. И поставил ступню на подножку-подкрылок. Дверца открылась с тихим застарелым хрустом.

В кабине грузовичка пахло свежей лимфой и еще чем-то неуловимо знакомым.

— Постреливают, — прокомментировал новости старичок. — Как думаешь — отчего?

Генрих неопределенно шевельнул бровями:

— Наверное, оттого, что соседям не по нраву наш новый президент.

— Да какой он президент, прости Аллах, — фыркнул дедок. — Басмач, чистый басмач. Пришел, разогнал всех... Раз ить так делается? Хочешь править — заявись на выборы, пообещай людям чего-нить, наври с три короба... Все так и делают. А этому приспичило, как же...

Старичок в сердцах дернул пестиками, отчего грузовик ощутимо вильнул.

Генрих от комментариев воздержался.

— Ты где живешь-то? — поинтересовался тем временем абориген.

— На Худайбердыева, — не моргнув глазом, соврал Генрих. — Около Башни.

— А я вот в Янбаше... Уже полста лет, почитай. Даже поболее. Занимаешься чем?

— Погоду предсказываю, — сымпровизировал Генрих.

— А, метеоролог, — блеснул эрудицией дедок. — Тогда понятно, отчего живешь возле Башни. Чтоб к работе поближе, так ить?

— Угу, — не стал возражать Генрих.

Почти до самого Янбаша дед развлекал Генриха подробностями своих сельскохозяйственных проблем, сетовал на дурные времена, на стрельбу, на власти и, само собой, на молодежь, которая, вместо того чтобы землей заниматься, все норовит по городам разбежаться и предаваться там танцулькам да кальянокурению. Генрих вскользь заметил, что не курит, чем вызвал горячее одобрение старичка.

Проскочили и многоэтажки Бикравы, и просторные загоны конезавода, где гуляли в неволе знаменитые ахалтекинцы. Горная гряда стала совсем близкой. А вскоре Генрих узрел и белую табличку с надписью «Янбаш» у правой обочины.

Янбаш оказался крохотным поселком на два десятка дворов, прилепившимся к трассе. По обе ее стороны тянулись живые заборы и аккуратные песчаные дорожки перед ними. Грузовичок заученно вильнул к низким ажурным воротам, фыркнул и замер.

— Все, милый. Приехали. Дальше пеше топай, тут недалече.

— Угу. Спасибо, отец, — поблагодарил Генрих. — Денег надо?

— Да ну тебя, — отмахнулся старик. — Сроду я денег не брал с попутчиков.

— Спасибо, — повторил Генрих. — Удачи вам.

— Ты лучше хорошей погоды нагадай, — хмыкнул дед.

Генрих рассмеялся:

— Я погодой не руковожу, я ее предсказываю!

— Вот и предскажи хорошую, — закруглился дед. — Бывай!

Генрих махнул на прощание рукой и двинулся дальше по трассе, которая как раз за поселком сворачивала правее, образуя плавную дугу. Слева от изгиба, в низине, виднелись строения: шесть полусферических куполов, пара домиков и прямоугольные ангары на задах. Все это было обнесено отчетливо видимым с такого расстояния периметром.

Несомненно, это была искомая база. К ней от трассы ответвлялась асфальтовая лента, ныряющая, видимо, к арыку, сплошь заросшему ежевикой и ивняком. Вдоль дороги обильно рос тутовник, грея на солнце пузатые кроны.

Генрих шагал по асфальту, когда у гряды, уже на склоне вспух разрыв. Секундой позже в уши толкнулась упругая волна. От неожиданности Генрих даже присел.

Из оптики у него имелось только плоское трехкратное «пенсне». Но даже трехкратного увеличения хватило, чтобы понять: линия противостояния совсем рядом. У подножия гряды копошились еле различимые точки-людишки, частой

цепью стояли какие-то экипажи — не то «Вепри», не то родимые «Фердинанды», и еще отчетливо виднелись окопы ашгабатцев, откуда, собственно, и начали постреливать.

Генриху показалось, что силам альянса стоит только подняться и рухнуть на хлипкие ряды обороняющихся, и те будут неизбежно смяты. Но альянс почему-то медлил.

Оторвавшись от созерцания незримой линии раздела, Генрих торопливо направился к базе.

Дорога вела прямо к бастионным воротам, а дальше — огибала базу со стороны гор и убегала неизвестно куда. Должно быть, к тому же Багиру.

База с расстояния казалась безлюдной. Идя вдоль ограды, Генрих присмотрелся — мономорфное заграждение с пропастью колючек, несомненно ядовитых, натянутая в переплетении ветвей и колючек проволока, не иначе под током. В общем, серьезный периметр. И достаточно высокий, чтобы его смело можно было счесть теоретически непреодолимым.

Проверять преодолимость на практике Генриху в голову не пришло — он не считал себя самоубийцей. Поэтому он потихоньку приблизился к воротам; рядом высилась минимум трехуровневая сторожевая башенка с утыканной прожекторами короной. В открытой будочке под козырьком виднелась верхняя половина охранника и рядом, на вращающейся турели, шестиствольное пулевое чудовище, о каких даже Генрих знал только понаслышке.

«Ни хрена себе! — опешил Генрих. — Вот это охрана!»

Слегка усиленный голос вспорол вновь установившуюся после одинокого взрыва тишину:

— Стоять! Еще шаг — и открываем стрельбу!

Генрих на всякий случай попятился. Его расчеты не оправдались — база по-прежнему охранялась.

Оставалось только обойти базу по периметру, выдерживая благоразумную дистанцию.

И везде, где он шел, охранники на башнях лениво вращали турелями, словно предупреждали: лучше не шутить. Но Генрих шутить давно зарекся, еще в брюссельской спецшколе.

Он почти замкнул кольцо, снова выйдя к асфальтированной дороге недалеко от трассы из Янбаша к Багиру, метрах в трехстах от ворот «Чирс». Огляделся. И вдруг заметил одинокую фигуру, безучастно бредущую по шоссе.

Генрих снова полез за пенсне и с немалым удивлением опознал в пешеходе давешнюю подругу Шерифа; только теперь она была одета в клетчатую рубашку навыпуск и джинсы, а не в местный балахон, и при себе имела какую-то прикладную полудлинноствольную пушку вроде сибирского автомата Шакурова.

Не успел Генрих решить — окликнуть ему эту загадочную особу или же, наоборот, затаиться, из-за гряды, вспоров напряженную тишину, вырвались четыре ромбовидных штурмовика «Валькирия», а секундой позже сотни экипажей альянса обрушили на оборону ашгабатцев сокрушительный залп. И ринулись вниз по склону.

Штурмовики разделились на две двойки и понеслись над окопами: двойка в одном направлении, двойка в противоположном. Там, где они пролетали, вставала сплошная стена песка и глины.

Альянс принялся настойчиво сжимать кольцо.

Генрих поспешно отступил к похожим на гигантские грибы тутовым деревцам и припал к своей слабенькой оптике.

О девушке на дороге он временно позабыл.

Когда отдали команду «Вперед», Цицаркин уже успел загнать всех своих своенравных коллег в «Мамонт». Нестеренко временно перестал ругаться, как раз с момента, когда ашгабатцы неожиданно покинули позиции, оттянулись назад и бегом кинулись к ближайшим домам. Самым странным было то, что они побросали на позициях минометы, а если прильнуть к оптике «Мамонта», можно было разглядеть, что винтовки свои допотопные и иглометы они тоже бросают. Прямо на песок. Грузовики туркменских пограничников угомонились несколько раньше, хотя все дни осады они сновали по территории ашгабатцев безостановочно.

— Да... — протянул Рихард озадаченно. — Кажется, конец войне.

— Ты погоди, — мрачно сказал Шелухин. — Может, они там все заминировали, как подобает, вот потому и смотались. Думают, мы сунемся, а тут...

— А минометы они для вящей правдоподобности оставили? — скептически осведомился Цицаркин.

— А хоть бы и так? — Шелухин пожал плечами. — Город-то вот он, рядом, и это их город. А покажи мне кретина, который станет разрушать собственный город.

— Думаешь, пустить в город неприятеля — большее удовольствие? — Цицаркин продолжал излучать скепсис.

— Вот в старину, говорят, защитники предпочитали погибнуть вместе с городом, чем пускать в него врага, — вставил Нестеренко. И, не удержавшись, прокомментировал: — К-кретины...

— Не похожи ашгабатцы на кретинов, — уныло заметил Рихард. — Хотя оборонять город столько дней, зная, что в конечном итоге все равно удержать его не получится, это, знаете ли...

— Да они просто время тянули, — зевнув, сообщил Цицаркин. И прикрикнул на водителя: — Ну что там, холера тебя дери? Вперед или не вперед?

— Движение по команде, — буркнул водитель, вслушиваясь в шлемофонную перебранку. — Сейчас двинем...

И действительно, вскоре двинули. Медленно-медленно. По чужим окопам шастали сибиряки-саперы; не похоже было, что они борются с какими-нибудь сюрпризами. Скорее просто осматривались.

Потом «Мамонт» с хрустом, слышимым даже в кабине, подмял под бронированное брюхо туркменский миномет; Нестеренко при этом одобрительно крякнул. А вскоре шеренга «Мамонтов» вынуждена была остановиться, потому что уперлась в Ашгабат. В самую околицу.

Тут на связь вышел Коршунович и велел вээровцам и безопасникам всех стран в темпе вытряхиваться из экипажей и собираться к месту, откуда будут пускать сигнальные ракеты. Цицаркин не замедлил выгнать свое войско наружу, на прощание от души хлопнул по спине водилу и уже снаружи огляделся. Как раз пустили первую ракету, на востоке,

около местного аэропорта. Размеренной рысцой подтянулись к сборному пункту; за все время ни единого выстрела не услышали, только хлопки ракетниц. Спецназ на «Вепрях» и «Фердинандах» уже колесил по городу, судя по докладам — рации никто и не думал глушить. Из разговоров Цицаркин понял, что начальство намерено обосноваться в президентском дворце. Потом появился Коршунович; его люди грузились в длинный зеленоватый фургон без окон. Сибиряки, по-честному испросив разрешения у Цицаркина, ушли к своим; Рихард, понятно, остался.

К дворцу они приехали вместе с европейскими спецназовцами — кого только среди них не было! И ризеншнауцеры, и ротвейлеры, и питбули, и терьеры разнообразные... Только догов не было ни одного — Рихард смотрелся в этой компании несколько странновато.

Дворец и вправду оказался дворцом. Самым настоящим.

«Не хило живут туркменские президенты!» — мысленно присвистнул Цицаркин. Рихард, выскочивший из грузовика следом, тоже впечатленно оглядывался. Сад, цветущий и благоухающий сад, и в глубине этой сказки — изразцовое великолепие куполов и башенок, глядя на которые из памяти лезло слово «минареты». Порода деревьев, из которых выводили это здание, была практически лишена короны, а в кору неизвестные Цицаркину мастера врезали тысячи самоцветов, поэтому дворец сиял и переливался на солнце, словно праздничный платок цыганки-танцовщицы. Пели птицы, журчала вода — после нескольких дней беспрерывного глотания песка пополам с пылью это место казалось воплощением рая на земле.

— Бля, — в сердцах сказал Рихард. — Сейчас пойду и упаду в фонтан. И пусть кто попробует возразить...

А когда Цицаркин увидел шефа Балтийской разведки, торопливо идущего по аллее в компании с несколькими официального вида джентльменами, он наконец окончательно осознал: альянс занял Ашгабат. Оккупировал Туркмению.

Все. Конец войне.

И ему стало невероятно легко.

* * *

— Генерал?

— Господин президент?

— С победой вас! Хотя, откровенно говоря, мне кажется, что вы несколько затянули... э-э-э... процесс. Впрочем, наверняка тому есть разумные объяснения. Итак, я с нетерпением жду ваш рапорт.

— Увы, господин президент, — угрюмо сказал Золотых. — Рапортовать особо не о чем. Да, Ашгабат под нашим контролем и мятежное правительство Варги больше не у власти. Но самому Варге, а также всем его доверенным людям опять удалось исчезнуть.

— Исчезнуть? — еще не веря, переспросил президент. — Из блокированного города?

— Это так, господин президент. Силы, верные Саймону Варге, сдерживали наш натиск до последнего. А потом вдруг просто покинули позиции и сопротивление прекратили. Теперь я понял почему: Варга благополучно скрылся, а дальнейшая оборона стала бессмысленной. Сначала мы решили, что он прячется на пресловутой базе «Чирс», но база уже два часа как взята штурмом, и на ней не осталось ни души. Единственные живые люди, находившиеся там на начало штурма, — охранники на периметре. Они недолго сопротивлялись, вскоре просто сложили оружие и сдались. Подозреваю, таковы были инструкции Варги — видимо, Варга решил, что времени выиграно достаточно, а зря губить людей даже он не любит.

— А волки?

— Волков тоже нигде нет, как и докладывал вернувшийся агент Шериф. Строительная площадка и остатки оборудования в данный момент осматриваются нашими специалистами. Но, боюсь, немного они там высмотрят. Я вынужден констатировать, что основная цель операции «Карусель-2» также осталась невыполненной. Ни Варгу, ни волков мы не сумели нейтрализовать. Точнее, не мы — я не сумел. В данный момент я всерьез раздумываю — вправе ли я оставаться на своем посту.

— Не порите горячки, генерал, — поспешно перебил президент. — Все прекрасно понимают — кто нам противостоит.

Видно было, что президент боится остаться с проблемой один на один, без поддержки генерала Золотых, пусть снова потерпевшего неудачу, но все же единственного, кто способен хоть как-то владеть ситуацией и внятно реагировать на стремительно меняющуюся обстановку. И соответственно руководить силами альянса — немалыми силами, но начисто лишенными реального опыта и боевых навыков.

— Сколько времени вам понадобится, чтобы подготовить подробный отчет и спланировать дальнейшие действия?

— Отчет — два часа. Относительно дальнейших действий — пока затрудняюсь ответить, сейчас как раз идет активное накопление данных и первичный анализ. От результатов анализа и будут зависеть дальнейшие наши действия.

— Значит, у вас все же есть какие-то соображения относительно ближайшего будущего?

— Предварительные. Пока только предварительные.

Президент испытал немалое облегчение. Старый Лис Золотых только делает вид, что остался у разбитого корыта. На самом деле это не так, что-то он снова затевает. А осознавая это, президенту Сибири будет гораздо легче общаться и работать со своими высокопоставленными коллегами — президентами России, Европейского Союза и Балтии.

«Два удара — мимо, — думал президент. — Что ж, бог троицу любит. Главное — понять: по ком теперь наносить удар? Куда подевался противник, казалось, уже надежно завязший в силках?»

Президент Сибири был достаточно опытным человеком, чтобы понимать: разогнанный боевой селектоид уже не остановить. Либо альянс добивается оглушительной и бесповоротной победы, либо... правительства евразийских стран с треском летят в тартарары. И никаких разумных альтернатив.

— Генерал, постарайтесь обо всем действительно важном докладывать незамедлительно. Чтобы я хоть знал, что говорить прессе.

«Чтобы ты знал, что ВРАТЬ прессе», — мысленно поправил Золотых.

А вслух сказал:

— Разумеется, господин президент. Через полчаса либо я, либо моя информационная служба предоставит предварительный отчет по операции «Карусель-2». Возможно, к тому времени кое-что прояснится и с другими интересующими всех нас вопросами.

— Я надеюсь на вас, генерал, — проникновенно сообщил президент и отключился.

Золотых отнял трубку правительственной связи от уха, взглянул на колли-связиста и мрачно изрек:

— На табло — ноль-два. Готовимся к третьему периоду...

— Зачем-то же они обороняли этот участок трассы? — риторически спросил Коршунович.

— Думаете, Варга мог воспользоваться этой двадцатикилометровой кишкой для бегства? — Лутченко с сомнением покачал головой. — Слева — гряда, между трассой и грядой — цепь наших бронетранспортеров. Справа — тоже наши силы. За Геок-Тепе — трасса уже наша. Ну мог он, конечно, прокатиться туда-сюда. Однако какой в этом смысл?

— Кстати, — вставил слово Степан Чеботарев, — незадолго до того, как ашгабатцы сдались, по трассе действительно прокатился кортеж с президентским лимузином. Откровенно говоря, мы считали это обманным маневром, поэтому даже попыток захватить не делали. Кортеж доехал почти до Геок-Тепе и немедленно вернулся.

— До какого места они доехали? — уточнил Коршунович.

Чеботарев подошел к карте, наспех подвешенной меж двух фигурных стоек.

— Приблизительно вот до этих пор, к единственному месту, где мятежники имели доступ к гряде. Но там выше по склону дежурили наши усиленные посты, и попытку перевалить через гряду, в Туран, они бы пресекли. Попытки такой не зафиксировано.

— Погодите, — подал голос майор Шольц. — Давайте взглянем на проблему иначе. Наблюдение показывает, что

последние несколько дней на «Чирс» наблюдалась активность, которую теперь квалифицируют как подготовку к эвакуации. Так?

— Так, — подтвердил Лутченко. — Из Ашгабата было пригнано несколько грузовиков, затем разгружено.

— Что привезли на этих грузовиках? Проверяли?

— Проверяли, — кивнул Лутченко, одновременно делая знак Шабанееву; тот принялся перетасовывать рапорты на экране мобильного компьютерного терминала. — Вот... Продукты питания, главным образом консервы и сухие пайки... Хм... Двенадцать шестиместных надувных плотиков и четыре грузовые плавучие камеры... Осветители и шестикратный запас корма для них... Веревки, непромокаемая одежда, приборы ночного видения, кислород и гелий в баллонах, химические термостаты, десять наборов по уходу за селектоидами... Тут много чего. Все куплено в фирме «Аладдин», фирма работает в области туризма и подготовки автономных экспедиций...

— Плотики, — пробормотал Коршунович. — Но тут и ректо нет! Канал — но канал все время находился под нашим контролем. Озера? Одно за Геок-Тепе, опять же наш тыл.

— Озера есть на юго-востоке, между Чаача и Хауз-Ханом, — заметил Лутченко.

— Это очень далеко, Виталий. — Коршунович с сомнением покачал головой. — И к тому же это снова глубокий тыл. Амударью и Мургаб, полагаю, тоже в этом плане рассматривать бессмысленно.

И тут вскочил доселе молчаливо́ сидящий поодаль Шериф.

— Озеро! Черт возьми — Ков-Ата! Это как раз по Бахарденской трассе!

Больше десятка глаз обратилось к нему.

— Что-что? Объясни-ка, — потребовал Золотых.

Шериф объяснил:

— Ков-Ата — это частично затопленная пещера. Если я не ошибаюсь, как раз недалеко от трассы и Геок-Тепе. Мне на «Чирс» рассказывали... Рассказывала. Одна... особа.

— Точно, пещера Ков-Ата, — прочел уткнувшийся в карту Чеботарев. — Как раз в месте, куда вечером подъезжал кортеж!

— Вот вам и ответ, — угрюмо констатировал Золотых. — Пещера наверняка имеет больше одного выхода.

Проворный Шабанеев уже выуживал из сети все доступные данные по пещере Ков-Ата.

— Так, — громогласно объявил он. — Ков-Ата — система полостей под Копет-Дагской грядой; затоплена водой из минеральных источников, температура воды — около сорока градусов, даже зимой. Глубина неизвестна; в тридцатые и пятидесятые годы предпринимались попытки проникнуть глубже первой пещеры, обе попытки неудачные, ни первая, ни вторая экспедиции не вернулись. Филиал Геок-Тепинского санатория...

— Прохлопали, — все так же угрюмо прокомментировал Золотых. — Степа, что нам проще — вторично пограбить туристическую фирму или срочно перебрасывать свое оборудование?

— Сейчас узнаем, — ответил за Степу Лутченко.

— Кстати, — поинтересовался Коршунович, в упор глядя на Шерифа. — Эту... особу еще не обнаружили?

— Нет, Вениамин Палыч. Все посты и патрули предупреждены, если ее увидят, сразу сообщат. Попыток задержать, как вы и приказывали, не будет.

Шериф уныло опустил взгляд. Чувствовалось, что на душе у него гадко и муторно.

После совещания к Арчи неожиданно подошел Немец. Они дважды виделись мельком, но не разговаривали. Арчи знал, что Немца подобрали пограничники около Нисы, древнего городища, километрах в полутора от «Чирс». Атаку сил альянса он пересидел где-то неподалеку, беспорядочно разбегающиеся ашгабатцы его если и заметили, то не тронули. А к погранцам он сам вышел и назвал пароль — его тут же переправили к ближайшему штабу, а там — и в Ашгабат, в президентский дворец.

Свергнутый недавно Кокташ Алескеров любезно выделил генералу Золотых и его людям чуть ли не полдворца; после тесных махолетных отсеков этот штаб казался даже излишне просторным.

Арчи направлялся к выделенной группе Коршуновича комнате; в холле перед залом совещаний его и перехватил Немец.

Арчи уже знал, что его зовут Генрих, причем это паспортное имя.

— Привет, — поздоровался Генрих по-русски. — Вопросик есть.

— Какой? — хмуро осведомился Арчи.

Генрих бесстрастно взглянул Арчи в глаза.

— Ты чего киснешь, разведка? Уж не из-за бабы своей?

— А если и так? — сухо ответил Арчи. — Что тогда? Будешь петь о спекшемся профессионале?

— Нет, — невозмутимо возразил Генрих. — Не буду я петь. Ты ведь ее искал в Ашгабате, верно?

— Верно.

— И не нашел?

— Не нашел.

— Я ее видел после того, как расстался с тобой в «Шехрезаде».

С Арчи мигом слетела вялость последних часов; он подобрался и требовательно взглянул в глаза Генриху.

— Около «Чирс», перед самой атакой альянса. Она шла по трассе со стороны Багира; была одета в джинсы, красную клетчатую рубашку навыпуск и вооружена. Какая-то прикладная пушка, вроде сибирской АШки.

— И куда она делась? — спросил Арчи.

Генрих, к его величайшей досаде, развел руками:

— Уж извини, но наблюдать за нею мне было некогда. Ашгабатцы как раз с позиций драпать начали, а над головой штурмовики поперли. Мое внимание, сам понимаешь, слегка переключилось. Я на дереве прятался, еле влез. А потом, когда обе волны прошли, ее уже нигде не было видно.

«Значит, она вернулась в Багир, откопала оружие по дороге к «Чирс»... или к волчьей площадке. Выходит, не все она мне сказала...»

Арчи невольно задумался.

«Что же получается? Она сопроводила меня, убедилась, что на меня вышел агент альянса, и тихо ушла в сторону.

Получается, она меня оберегала зачем-то. Сама? Или (ой, как не хочется верить в такой вариант!) по приказу?»

— Спасибо, Генрих, — поблагодарил Арчи немца. — Ты кому-нибудь говорил об этом?

— Пока нет. Если события повернутся так, что встреча с этой девушкой возымеет какое-либо значение — сам понимаешь, доложу. Либо шефу своему, либо кому-нибудь из общего руководства.

— Понимаю. Спасибо, в общем.

— Да не за что... — Генрих легкомысленно помахал ручкой и пошел прочь.

Арчи отошел к окну и некоторое время отрешенно таращился в сад. В мыслях царил сумбур и сумятица. Вдруг стало очевидно: без Ядвиги ему плохо. За последние дни он очень привык к своей охраннице. А минувшая ночь и вовсе всколыхнула сердце, разбередила душу, спрятанную за уймой психоинженерных щитов.

Разведчик не может себе позволить такую роскошь, как привязанность. К женщине, к кому угодно. Потому что сразу становится уязвимым.

Арчи и сам не ожидал, что еще способен влюбиться, быстро и по уши, как мальчишка. А влюбившись, понял, что и рад, и не рад этому. И никак не может решить: что ему ближе и дороже — долг или чувство. Долг гнал на очередную беседу с экспертами, чувство требовало: бросай все и ищи ее. Раздираемый этим виртуальным тянитолкаем, Арчи перестал походить на себя, на агента Шерифа, профессионала высочайшего класса. К сожалению, Коршуновичу и Золотых это никак не могло понравиться.

— Вот ты где!

Арчи обернулся — рядом стоял Лутченко.

— А мы тебя заждались, блин! Давай, Ваня уже землю копытом рыхлит, что-то он там накопал в своем компе, нужен твой комментарий.

Арчи в отчаянии тряхнул головой и покорно поплелся за Виталием Лутченко к российскому штабу.

«Как мне все надоело, — с глухой тоской подумал Арчи. — Неужели эта операция никогда не закончится?»

* * *

— ...целая система пустот и тоннелей, частично — природная, частично — рукотворная. Причем искусственные тоннели проделаны невероятно давно, чуть ли не тысячу лет назад.

Чеботарев, как всегда, излагал нарочито бесстрастно и не упускал ни одной мелочи.

— Все это дело давным-давно затоплено, причем непонятно — была ли вода из Сумбара в подземельях до того, как людям зачем-то вздумалось соединять разрозненные пещеры в цепочку. Там хватает и тупиков, и боковых ответвлений, но в целом система имеет явно выраженное направление на запад, эдакая могучая подземная река. Амазонка пещер. Спелеологи полагают, что в итоге все это либо снова соединяется с основным руслом Сумбара, либо с Атреком, либо впадает непосредственно в Каспий, что тоже вполне возможно. Подземная составляющая по объему протока не уступает Сумбару, во всяком случае. Вполне вероятно, что помимо Ков-Ата эти тоннели имеют и другие выходы на поверхность, равновероятно — в Туране или в Туркмении.

— Поразительно, — пробормотал Золотых. — И местные спелеологи не подозревали об этом подземном царстве, которое в буквальном смысле у ног лежало?

— Не знали, Константин Семенович. Потому что из Ков-Ата доступ к сквозным тоннелям только подводный, да на изрядной глубине. Без специального оборудования и без точного знания, куда, собственно, лезть, лучше не соваться. А местным просто не хватало средств на организацию серьезных исследований. Обе давние экспедиции, скверно, кстати сказать, снаряженные, наверняка пытались достичь соседней полости, и обе неудачно. Варге повезло больше, да и средства у него в распоряжении имелись достаточные. Кроме того, не исключен и такой вариант: Варга владеет какими-то закрытыми данными. Вспомните Чадобецкую плотину — кто из сибиряков подозревал, что туркменские плотины-селектоиды содержат полости-убежища? Никто! Хотя первые плотины на сибирских реках выращивали без малого семьдесят лет назад! Туркменские специалисты явно благоговеют к воде

и не собираются делать свои стародавние рабочие секреты достоянием гласности. Оба концерна — и «Калхашдарья», и «Кизыл Су» — монстры, практически неподконтрольные ни туркменским властям, ни руководству Конфедерации. Собственно, они и концернами-то называются только с легкой руки Запада, в Туркмении их испокон века называли кланами. У кланов хватало рычагов и влияния, дабы держать местных спелеологов подальше от Ков-Ата. Варга же, как выяснилось, был тесно связан с отцами «Калхашдарья». Собственно, он владеет частью концерна на паях. И, кстати, немало на этом зарабатывает. Точнее, зарабатывал, потому что европейцы уже взяли делишки концерна в оборот — вы знаете, Константин Семенович, это народ суровый и хваткий. А темных пятен в деятельности любой крупной среднеазиатской организации всегда более чем достаточно, местная, знаете ли, специфика. Что туркмен, что узбек, что казах — это не русский Ванька с ветром в голове, ветром в кармане и поллитрой в трясущихся лапах. Тут чтут древность и обычаи предков, какими бы дикими они ни выглядели в глазах чужаков.

— Не отвлекайся, — напомнил Золотых.

— В общем, — закруглился Чеботарев, — Варгу стоит ждать где-то на побережье, в окрестностях Гасан-Кули. Я уверен, они рванут через Каспий в сторону Кавказа, а потом — еще дальше. Если сумеем перехватить, считайте, что полдела сделано. Если не сумеем... тогда не знаю. И еще, Константин Семенович. Нужно Туран подключать, без этого вся наша беготня лишается смысла. Мы можем сколько угодно сторожить Гасан-Кули и юго-восточный берег. Если Варга выползет из подземелий в Туране — мы его упустим.

Золотых с отвращением поморщился.

— Допрыгались, господа президенты. Так исправно старались оттереть Туран в сторону, что теперь не знают, на какой козе к нему подъехать...

Он появился на четвертый день оккупации Ашгабата.

Впрочем, оккупации как таковой и не было. Войска уже на следующий день после вступления в город покинули его.

Сибирские пограничники, запрудив экипажами все трассы, потянулись на северо-восток, домой. В Ашгабате остались только две из четырех роты европейского мобильного спецназа — Золотых счел, что этих сил ему будет вполне достаточно, дабы прибрать к ногтю зарвавшегося Саймона Варгу. Ашгабат, казалось, и не заметил перемен — жил как прежде. Те, кто еще вчера садил по воинам альянса из минометов, вновь стали полицейскими, таксистами; подростки вернулись к учебе или лодырничанию, в зависимости от мировоззрения и состоятельности родителей.

Еще две роты спецназовцев патрулировали побережье Каспия неподалеку от Гасан-Кули. К сожалению, никаких следов Варги и его приспешников обнаружено не было, хотя элитная группа из тридцати спецназовцев прошла подземные тоннели от входа в Ков-Ата до колодца в прибрежной пустыне, который располагался на самой границе с Тураном, в десяти примерно километрах от береговой линии. По следам у колодца не удалось установить — выбирался здесь из подземелий Варга со товарищи или же нет, поскольку все пространство у колодца представляло собой вусмерть вытоптанный солончак. Сюда гоняли скот на водопой. Каждый день. Опросили пастухов и группу перманентно нетрезвых экологов из Красноводска — никто ничего и никого не видел. Морские патрули тоже впустую носились по волнам который день, напрасно пугая реликтовых каспийских тюленей.

Около десяти часов утра у президентского дворца затормозил обычный желтый экипаж с шашечками на надкрылках. Из него вышел рослый плечистый человек овчароподобной морфемы в неизвестной охранникам у ворот служебной форме. Человек с ходу попросил провести его к тому, кто здесь всем командует. Охранники мгновенно доложили генералу Золотых; тот секунду поколебался и велел провести визитера к нему. Визитера провели.

Золотых как раз проводил закрытое совещание. Присутствовали Коршунович, Шольц, представители Балтии, недавно прибывший в Ашгабат круглолицый туранец, двое офицеров-спецназовцев и поджарый шеф туркменской службы

безопасности из свергнутого Варгой и впоследствии восстановленного кабинета Кокташа Алескерова. Собственно, Золотых пытался скоординировать патрулирование с туранцами, поскольку сибирский президент нынешним утром сообщил, что альянс сумел договориться с Тураном о совместных действиях в интересующем направлении. Чего это стоило президентам Сибири, России и Европы, Золотых не стал уточнять, но догадывался, что за три дня дипломатам всех вышеперечисленных стран пришлось изрядно потрудиться.

Интуиция не подвела генерала Золотых: он решил ненадолго прервать совещание ради странного посетителя.

— Здравствуйте, господа, — сказал посетитель, после того как двое из четверых конвойных отбыли назад, к воротам президентского дворца. — Меня зовут Расмус, я руководитель тех, кого вы именуете волками. Я пришел для того, чтобы поделиться кое-какой информацией относительно местонахождения Саймона Варги.

Генерал Золотых немедленно раздавил в кармане капсулу с одноразовым радиожуком. Все имеющиеся в наличии силы в Ашгабате вскинулись по тревоге; в коридоре перед кабинетом послышался топот, и спустя несколько минут в кабинет ворвались вооруженные безопасники из сибирского резерва. Золотых предостерегающе поднял руку.

Волк на всю эту суету отреагировал своеобразно: а именно — никак не отреагировал. Даже головы не повернул. Казалось, он все это предвидел заранее.

Так оно, вероятнее всего, и было.

— Простите, Расмус, но я вынужден принять некоторые меры предосторожности, — пояснил Золотых, когда волк оказался под прицелом.

К этому моменту спецназовцы почти завершили оцепление президентского дворца.

— Я не в претензии, — спокойно сказал волк. — Спешу сообщить, что я не вооружен, и заявить, что прибыл для переговоров. Я могу сесть?

— Да, конечно.

Волк сел напротив генерала Золотых, между туранцем и туркменом.

— Я вас слушаю, Расмус. — Золотых тоже выглядел спокойным.

— Прежде всего, — начал волк, — могу вкратце обрисовать вам теперешнюю ситуацию. Все, что мы не успели сделать под Алзамаем, мы сделали здесь. Теперь моя группа практически неуязвима для вас. Мы уже растворились в окружающем мире — от идеи создать отдельное поселение пришлось отказаться, слишком уж ретиво вы пытаетесь нас зажать в угол и уничтожить. А отвечать вам вашими же методами, как выяснилось, бесполезно. Вас больше.

Еще могу заверить вас, что моя группа не несет никакой угрозы. Никому. Поймите: мы много лет провели на войне. Это кому угодно надоест. И мы получили за это приличное вознаграждение. Любой из нас сможет до конца дней жить на эти средства, не испытывая нужды ни в чем. У нас нет стимула что-либо менять в этом мире, мы хотим только покоя и отдохновения. Все разговоры о том, что мы ввергнем мир в докоррекционное состояние, остались бы лишь разговорами, но тут за дело взялись Европа, Сибирь и Россия. Результат не замедлил проявиться — сколько жертв вы понесли в ходе алзамайской и ашгабатской кампаний?

— Думаю, это к делу не относится, — сухо заметил генерал Золотых.

Расмус тихонько покачал головой, видимо, удивляясь.

— Генерал, что будет, если я заверю вас: мои люди первыми не возьмутся за оружие. Если нас оставят в покое, вы о нас больше никогда не услышите. Как вы это воспримете?

— Я вам не поверю, — честно ответил Золотых. — И не потому, что я такой недоверчивый, вовсе нет. Мой долг велит мне не верить. Мой долг велит мне верить только в самый нежелательный из возможных вариантов.

Расмус некоторое время молчал, потом понимающе кивнул:

— Ладно. Тогда я сразу перейду ко второй части. Скажите, генерал, вы не заметили, что последнее время у вас сменился противник?

Золотых долго обдумывал ответную реплику. Наконец сформулировал:

— Я заметил, что ряды противника стали куда многочисленнее.

— Моя группа не принимала участие в обороне Ашгабата.

— Но ваша группа принимала активное участие в перевороте, — уточнил Золотых.

— Да, тогда я еще надеялся на благоразумие Саймона Варги. Увы, я зря на Варгу понадеялся. Впрочем, переворот трудно назвать боевыми действиями. Заметьте, что он обошелся совершенно без жертв.

— Я заметил, — сказал Золотых. — Если, конечно, не считать жертвами некоторое количество нервных клеток, утраченных правительством Туркмении и сотрудниками управляющего аппарата. Вы наверняка знаете, что нервные клетки не восстанавливаются. А уж о парочке бессонных ночей руководителей окрестных стран я и вовсе молчу...

Расмус усмехнулся.

— Да, это удручающе невосполнимые потери. А вообще-то я хотел сказать: ваш нынешний противник — Саймон Варга. Он — опасен. Волки — нет. Это главное, что я пытаюсь до вас донести. Вы в курсе основных планов Варги?

— Буду рад выслушать вашу версию, — уклончиво отозвался Золотых.

— Варга намерен вырастить несколько особей-матриц, носителей пресловутого волчьего гена. Затем клонировать их в достаточном количестве, обучить и сколотить боеспособную армию. Армию, способную решать задачи любого уровня, вплоть до, как я понимаю, глобальной: установление полного и реального контроля над возможно большей территорией Земли. В идеале — над всей планетой. Ему не хватило времени, чтобы осуществить все это здесь, прямо на «Чирс». Поэтому он скрылся, надеясь воплотить свой план в другом месте. Варга рассчитывал на нашу помощь, но ввиду того, что он повел себя в отношении нас не вполне корректно, я отказал ему в помощи. Признаться, я не ожидал, что у Варги отыщется резервный план эвакуации. Думал, что Варга полагается только на наш портал, который, увы, не способен транспортировать живые организмы. Но Варга сно-

ва всех обвел вокруг пальца и улизнул. А я вдруг осознал, что из вашего противника неожиданно стал союзником.

— Это еще почему? — настороженно уточнил Золотых.

— Потому что новая война, война на Земле — это совсем не то, чего желает моя группа. Я повторяю: мы желаем покоя. Поэтому нам самим выгодно нейтрализовать Варгу.

— То есть... вы предлагаете помощь?

— Да. Именно помощь. Только не рассчитывайте, что мои ребята с оружием в руках полезут в самое пекло. Тут уж рассчитывайте только на себя. Я говорю исключительно о помощи информацией. Наверняка вы сбились с ног последние дни — Варга-то исчез. Где он вынырнет в следующий раз? Не над этим ли вы ломаете голову?

— Что скрывать, — несколько раздраженно согласился Золотых, — именно над этим мы и ломаем голову. Точнее, в том числе и над этим.

— Ищите Варгу в Крыму, — спокойно сообщил Расмус. — Когда он еще надеялся на наш портал, он заметил, что планирует эвакуироваться в Крым. Точные координаты я, к сожалению, выведать не удосужился. Не знаю, изменял ли Варга планы после того, как узнал о нашем уходе с Хендывара. Возможно, изменял. Только не думаю, что у него много заранее подготовленных баз. Это все, что могу вам поведать, генерал. Кроме того, могу пообещать: я немедленно доведу до вас все важное, что откроется мне в ближайшее время, причем в кратчайшие сроки. А теперь, с вашего позволения, я предпочел бы откланяться.

Расмус встал и отодвинул стул в сторону. Расслабившиеся было во время беседы безопасники вновь взяли его на прицел.

— А если я вас не отпущу? — с явственно видимым сомнением спросил Золотых.

Расмус вежливо улыбнулся.

— Генерал, меня освободят. Силой. У вас было мало возможностей убедиться в нашем профессионализме?

Словно в подтверждение его слов один из безопасников вдруг всхрюкнул, сложился пополам, взлетел в воздух и с грохотом обрушился на ближайший шкаф у стены. Жалобно

задребезжала дорогая посуда на стеклянных полках. Оружие безопасника секунду повисело в воздухе, став вроде бы немного светлее, а потом с отчетливым стуком упало на пол. И сразу стало очень тихо.

— Отставить! — рявкнул Золотых. — Сопроводить господина Расмуса к выходу! И никаких мне фокусов! Сержант, вы старший!

Один из безопасников коротко пролаял: «Есть!» и проворно распахнул дверь.

— Спасибо, генерал, — невозмутимо поблагодарил Расмус. — Надеюсь, нам еще суждено встретиться в менее нервозной обстановке.

— Секунду. — Золотых щелкнул пальцами, потом полез в карман. — Вот возьмите.

Он протянул Расмусу свой мобильный телефон.

— Умеете пользоваться? Вот эта кнопка — и я отвечу вам в тот же миг. И наоборот, если вдруг мне понадобится перемолвиться с вами словом — я всегда смогу вас вызвать.

Расмус застыл в задумчивости.

— Ваш мобильник? И вы все время будете знать, где я нахожусь?

Расмус оценивал предложение.

— Впрочем, давайте! Раз уж мы становимся союзниками, надо идти на уступки. Какая, вы говорили, кнопка?

— Вот эта: авто-один. Мой резервный мобильник. Авто-два — майор Коршунович. Ну и так далее, автоматический вызов людей из моего штаба.

— Ясно, — кивнул Расмус. — Если не ошибаюсь, ваши устройства нужно кормить время от времени...

— Могу предоставить вам специалиста! — с готовностью предложил Золотых.

Но тут Расмус остался непреклонен:

— Не нужно. Я отыщу специалиста и сам, если возникнет такая необходимость. Это ведь общеупотребительная модель?

— Порода, не модель, — поправил Золотых. — Нет, не общеупотребительная, она использует служебные частоты. Но в уходе она ничем не отличается от гражданских пород.

И корм тот же. Кстати, — Золотых оглядел всех присутствующих, — ни у кого нет корма при себе?

Корм нашелся у офицеров спецназовцев — стандартные европейские упаковки.

— Возьмите, Расмус. Тут и инструкция на упаковке есть. Надеюсь, разберетесь.

— Разберусь. До свидания, генерал! До свидания, господа!

Расмус двинулся к двери; на миг там возникла заминка, когда одного из сибиряков-безопасников неожиданно отстранили в сторону, а в открытую дверь будто бы проскользнул кто-то плохо видимый и почти прозрачный. Но в дальнейшем все прошло без эксцессов: волка вывели из здания и сопроводили до самых ворот, где дожидался желтый экипаж с шашечками. Охранники видели, как Расмус сел рядом с водителем и как сама собой открылась и потом опять сама собой захлопнулась задняя дверца-надкрылок.

Уличные патрули сообщили, что желтый экипаж поехал в сторону центра, потом свернул на Гёроглы и покинул Ашгабат в направлении Бикравы.

Когда экипаж отъехал от ворот президентского дворца, Золотых велел немедленно сменить частоты служебной связи между штабистами. На прием и контроль старых частот распорядился посадить специального человека. И только после этого счел возможным продолжить совещание.

Предводитель волков не очень удивился, когда на заднем сиденье материализовались Веном, Лоренцо и Капитан.

— Раздолбаи, — процедил он с негодованием. — Кто разрешил? Черт вас дери, кто из вас придумал сопровождать меня?

— Не сердитесь, босс, — попросил Лоренцо. — Как видите, мы затеяли это не зря.

Расмус угрюмо смотрел в окно, демонстративно не оборачиваясь.

— В следующий раз потрудитесь поставить в известность меня, — потребовал он.

— Вы ведь не согласитесь, — уныло предположил Веном.

— Это уже мне решать, — отрезал Расмус.

Водитель на эти разговоры никак не реагировал. Во-первых, разговор велся на языке, которого никто на Земле не знал. За исключением коллег Расмуса. А во-вторых, водитель был глухонемой. Он и пестиков-то касался только изредка, предоставляя экипажу-селектоиду почти полную свободу.

Почти — оставляя за собой только выбор направления.

Одинокого пассажира он подобрал пару часов назад недалеко от Багира. Туда же пассажира и вернуть следовало. Всё, включая размер платы, водителю написали на клочке пластика, и клочок этот вместе с обещанными деньгами лежал у водителя в заднем кармане брюк.

— Крым... — пробормотал Коршунович. — Возможно, что и Крым. Все возможно.

— Ну и как их искать в Крыму? — хмуро поинтересовался Золотых. — Есть какие-нибудь плодотворные идеи?

Коршунович нерешительно пожал плечами:

— Ну, все побережье не прошерстишь. Во всяком случае — быстро. База Варги может быть где угодно, вплоть до закрытой территории на Форосе.

— Погоди. — Золотых задумчиво поскреб недавно выбритый подбородок. — Давай будем последовательны. Какими качествами должна обладать база? Давай разберем это по косточкам.

— Ну, — начал подыгрывать Коршунович, — во-первых, она должна быть довольно просторной, чтобы вместить достаточное количество клонов. Если Варга действительно выращивает армию. Значит, какой-нибудь бункер в горах отпадает. К тому же клонов нужно будет еще обучать и тренировать. А это трудно делать незаметно.

Золотых кивнул, соглашаясь.

— Санаторий. Или пансионат. Варга мог купить что-нибудь в этом роде.

— Пустующий пансионат в это время года слишком будет бросаться в глаза, — заметил Лутченко с сомнением.

— А кто сказал, что он останется пустующим? Варга не дурак, если он хочет замаскировать свою базу, он постарается,

чтобы она не привлекала внимания. А значит, будет делать все, чтобы его пансионат не выделялся на общем фоне. — Золотых говорил, чуть растягивая окончания. Похоже, он размышлял вслух.

— Если у него пансионат, — уточнил Коршунович. — А если что-то иное?

— Вениамин Палыч, — подал голос Шабанеев, — Варге нужно будет кормить свою армию, в этом можно не сомневаться. Можно попытаться проанализировать закупки крымских санаториев и прочих подобных заведений.

— Но их же в Крыму тысячи! — ужаснулся Коршунович.

— Ну и что? — Шабанеева сей факт, казалось, совершенно не смущал. — Наверняка существует общая компьютерная база, потому что централизованные поставки всегда выгоднее и дешевле обходятся, можете мне поверить. Если какой-нибудь пансионат резко увеличил закупку продовольствия, это будет вполне заметно.

— Вот и займись, — посоветовал Золотых. — Я не особо верю, если честно: Варга тоже все понимает и обязательно позаботится, чтобы по таким явным следам его не нашли. Я больше надеюсь, что мы все-таки отследим его путь. Не могли же они переместиться в Крым, не оставив ни единого следа? Обязательно их кто-нибудь видел, кто-то им помогал...

Обсудили еще десятка три возможных вариантов выхода на базу Варги. Но сработать суждено было именно варианту Шабанеева, чуть ли не самому первому из предложенных. Спустя без малого месяц. В сентябре.

03: Зона выброса

Умирающее лето лежало на горах и побережье, еще не тронув золотом деревья, но уже уронив в море особенную сентябрьскую синь. Исчезла изнуряющая жара, и даже непременные вечерние комары стали будто бы не такими настырными.

Арчи отнял от глаз бинокль и передал соседу — Генриху Штраубе.

Теперь они работали в паре. С Генрихом, разумеется, не с биноклем.

С противоположной стороны, от седловины, крылась вторая двойка, прибалты Юрий и Рихард. Они, наверное, сейчас точно так же рассматривали территорию пансионата в бинокль.

— Вот тебе и санаторий донецкого селектологического центра... — пробормотал Арчи.

Генрих, не отрываясь, глядел в окуляры.

— Не такой уж он и большой. Да и отдыхающие выглядят естественно.

— А отдыхающие скорее всего настоящие. Просто они не знают о соседях.

Генрих недоверчиво оторвался от бинокля.

— Интересно, как это реализовано?

Арчи пожал плечами:

— Подземелье, наверное. Там, под горой, можно две Москвы спрятать, и еще для двух Берлинов место останется.

— А как на этот санаторий вышли?

— Официально в нем нынче отдыхают и лечатся сто семьдесят три человека, включая детей. С начала лета число отдыхающих колебалось от пятидесяти пяти до двухсот двенадцати. Две недели назад поставки продуктов возросли чуть не впятеро; эксперты говорят, что нынешние объемы рассчитаны приблизительно на тысячу триста человек. Был еще один небольшой скачок, как раз совпадающий по времени с завершением осады Ашгабата. А главное — информация об этом была тщательно замаскирована. Наш Ваня Шабанеев — светлая, надо сказать, голова, трахался с ней почти неделю, пока раскодировал.

Генрих хмыкнул и снова припал к окулярам.

— Тяжко нам будет, — напророчил он. — Ох, тяжко...

Арчи не ответил. Он тоже плохо представлял, как можно захватить этот санаторий, чтоб и персонал «Чирс» повязать, и никого из посторонних не потерять.

— Чего они тут торчат? В Крыму, и не на море, — спросил Генрих, имея в виду, очевидно, отдыхающих. — Не понимаю я этого.

— Да мало ли, — отозвался Арчи. — Кое-кому море может поперек горла стоять. А тут воздух целебный.

— А то на побережье воздух не целебный...

— И на побережье целебный. Только по-своему. Тут горы все-таки.

Генрих вернул бинокль Арчи.

— Дорога одна, — сообщил он глубокомысленно. — Но в гору несколько троп уводят. Думаю, тренированный псих на горном велике там проедет. Надо курьеров караулить.

— Надо, — согласился Арчи.

Вскоре они ушли — назад, к трассе, где поджидал экипаж с молчаливым водителем-татарином.

А на следующий день в ближайшем к санаторию поселке, зовущемся Малореченское, в местном магазинчике один из бесчисленных агентов сфотографировал человека, в котором впоследствии опознали Ицхака Шадули. Последние сомнения генерала Золотых истаяли, как ледышка на жаре.

— Кто его снял? — спросил Золотых, рассматривая фотографию маленького седовласого аморфа.

— Постоянный пост в Малореченском. Фамилия соглядатая нужна?

— Нет. — Золотых уронил снимок на стол и помассировал виски. — Что на него есть?

Чеботарев торопливо перетасовал распечатки.

— Так... Ицхак Шадули, семьдесят шесть лет. Выпускник Иерусалимского биологического университета. Профессорская степень Сорбонны в области прикладной селектологии. Несколько работ в области... Э-э-э... В области... Инсеметриа... триоа...

— Не можешь прочесть, опусти, — посоветовал Золотых, и Чеботарев благодарно вздохнул.

— Тут слово на полторы строки, — пожаловался Чеботарев. — Составное, наверное. В общем, в области наногенной инженерии. До пятидесятых годов жил в Иерусалиме,

потом где — неизвестно. Раз в четыре года стабильно появлялся на всемирном конгрессе генетиков; каждый раз читал там свои доклады. Периодически публикует работы в солидных научных журналах; я запросил аналитиков — ни единой работы, хотя бы сходной по тематике с выделением волчьего гена, не опубликовано. Глобальные проблемы селектологии и наногенетики, ряд фундаментальных исследований по каким-то ключевым вопросам общей биологии. Считается светилом мировой величины. Имеет нескольких учеников, имена которых ничего существенного нашим аналитикам не говорят, место жительства не установлено, двое по разу выезжали с ним на конгрессы и читали свои доклады. Практически все ученики также имеют публикации в научных журналах и, похоже, входят в первую сотню биологов планеты. Я попытался выяснить пути, которыми Шадули прибывал на конгрессы, — пусто, никаких данных не осталось.

— Шериф видел его на «Чирс», — задумчиво сказал Золотых. — Неужели он с учениками на сорок лет заточил себя? Добровольно?

Чеботарев развел руками:

— Константин Семеныч, ученые — люди нередко фанатичные. Варга явно предоставил им превосходные лабораторные условия. Вот они и работают.

— Возможно, — согласился Золотых. — Ладно, что он делал в Малореченском?

— Кефир покупал.

Золотых слегка даже опешил.

— Что?

— Покупал кефир в поселковом магазине, — виновато повторил Чеботарев. — Четыре пакета. Таллиннский кефир.

— У вас что, пост у магазина в Малореченском?

— Один из постов. Всего постов семь, у трассы, у лестницы к пляжам, у...

— Ладно, понятно. Дальше что? Куда он направился после того, как набрал... гм... кефиру?

Чеботарев виновато развел руками:

— Неизвестно, Константин Семеныч. Его опознали только вечером, Шериф проглядывал результаты сегодняшних съемок и сразу дал знать Коршуновичу, когда его узнал.

— Между прочим, — задумчиво заметил Золотых, — он ведь тоже наша цель, Степа. Я думаю, он многое может рассказать о волчьем гене. Он цель не менее важная, чем Варга. Варга без Шадули — никто. А Шадули может вырастить волков для кого угодно. Разумеешь?

— Конечно, Константин Семеныч, разумею... — подтвердил Чеботарев.

— Слушай, — неожиданно спросил Золотых, — ты меня раньше просто «Семенычем» называл. А теперь только по имени-отчеству. Это еще отчего? Лампасы действуют?

Чеботарев смутился:

— Ну, в общем...

Золотых удрученно вздохнул:

— Н-да. Выбился на старости лет в начальство... Ладно, Степа, труби совещание. Будем обнюхивать этот санаторий...

Все еще многочисленные курортники всецело внимали колдовству бархатного сезона, но даже на взгляд их было уже меньше, чем летом. Детей вообще почти не осталось — поувозили детей домой, школа ведь.

Арчи всегда любил это время. Любил именно сентябрь — когда аборигены побережья наконец-то могут выключиться из бешеной сезонной гонки и впервые с мая вздохнуть спокойнее. Очереди пропадают, море спокойное, пиво — холодное, да и жара уже не та.

Тем более Арчи был счастлив после туркменской духовки.

Пресловутый санаторий над тайной базой «Чирс» отстоял от побережья на добрых пять километров по горизонтали и метров на семьсот по вертикали. Дорога-серпантин, что вела к нему, ответвлялась от трассы Алушта—Судак и имела протяженность не менее десяти километров. Места здесь были заметно менее людные, нежели на запад от Алушты: потому как бархатный сезон, а тут почти нет фешенебельных курортов. В основном — дома отдыха для обывателя со средним доходом, стоянки для туристов-экипажников и палаточные городки дикарей. Даже в разгар лета движение по трассе трудно было назвать особенно оживленным — это вам не участок Алушта—Ялта—Форос.

— Хорошее пиво, — похвалил Генрих, дегустируя очередной местный сорт.

— А то! — согласился Арчи, тоже отхлебывая.

Они сидели под навесом, у небольшой забегаловки-кафешки с видом на берег и ждали курьера от сибиряков.

Дабы не привлекать внимания, все люди, задействованные альянсом в очередной операции, были расселены по окрестным базам, домам отдыха, санаториям; многие притворялись трассерами и дикарями. Донецкий санаторий просто и ненавязчиво взяли в клещи, контролируя все поставки и контакты его с внешним миром.

Спелеологи-итальянцы и спешно приглашенные спецы-прибалты из «nopea reagoida» зарылись, как кроты, в землю, прозвонили пустоты и приблизительно установили местоположение подземной базы. Сибиряки наводнили следящими москитами крымский пахучий воздух, но, похоже, у Варги был организован мощный противомоскитный заслон, потому что до донецкого санатория москиты еще добирались и транслировали картинку, а вот дальше — хренушки. Утешало только то, что осы, пожирающие москитов, ничего не могли рассказать своим хозяевам. Подобные селектоиды, будучи однажды выпущенными, уже никогда не возвращаются к матке. Как, впрочем, и те же москиты.

Объемы закупок продовольствия санаторием все возрастали. Ненамного, приблизительно на двадцать пайков в четыре дня. Отдыхающих тем не менее совсем не добавлялось — наоборот, кое-кто уезжал.

Горячие головы из президентских групп рекомендовали немедленно атаковать «Чирс», но Золотых, наученный двумя провалами, не спешил. Хотел удостовериться, что уж на этот-то раз противнику некуда будет сбежать.

Диггеры, как звали итальянцев и прибалтов, вот-вот должны были дать заключение: есть ли у подземной базы дополнительные выходы, кроме четырех уже обнаруженных и штатного, через санаторий. «Отдыхающие» парни из евроспецназа постоянно перекрывали Малореченское, другие окрестные поселки и побережье частой сетью. Ицхак Шадули более вне базы не проявлялся; Арчи в поисках знакомых по

Туркмении лиц каждый день просматривал сотни кадров видео- и фотосъемки, а также гигабайты фрактальных записей; кое-какой результат это возымело. Дважды он натыкался на знакомых субъектов, в которых опознал охранника и служащего «Чирс», не то техника, не то селектолога. Но, видимо, люди Варги выходили наружу только через достаточно большие промежутки времени, чтобы не примелькаться.

Это было вполне понятно.

Поведение Варги (в частности, неизвестно зачем поднятый мятеж в Ашгабате) альянсом было признано малопонятным, но настораживающим. Именно поэтому генерал Золотых и не спешил. Ему очень не хотелось провалить операцию в третий раз; кроме того, генерала сильно смущало поведение волков. И Золотых справедливо рассудил, что лучше немного выждать, собрать информацию, оценить и проанализировать ее, а потом уж принимать решения.

Именно поэтому у задействованных в операции «Карусель-3» людей наступило нечто вроде странного отпуска. А точнее — условия работы вдруг стали походить на отпуск. Приходилось купаться в море, валяться на пляже, пить пиво, плясать вечерами на танцплощадках, кадрить девиц, кататься на кораблях и надувной «колбасе», лазить в горы, ездить на окрестные дегустации и при всем этом вращаться по сотням замысловатых орбит вокруг донецкого санатория.

Арчи немного расслабился после туркменской эпопеи; он мог бы вполне чувствовать себя счастливым, если бы не одно «но».

Он не мог забыть Ядвигу. Не мог забыть ту безумную ночь у крохотного озерца в ущелье и не хотел забывать слова, которые услышал.

Куда? Куда она пропала там, в Ашгабате? Куда и почему? Тайком от начальства он позвонил на старый мобильник Золотых и моментально получил оглушительный втык от Коршуновича, потому что частоту, ясен перец, прослушивали. Втык Арчи не расстроил: пес бы с ним, со втыком; другое дело, что короткий разговор с Расмусом так ничего и не прояснил. Арчи даже не узнал, вернулась ли Ядвига к остальным волкам или так и осталась в Ашгабате.

В общем, Арчи с кислой миной пил пиво и предавался тяжким размышлениям о бренности и тщете всего сущего, хотя, по идее, должен был гореть на работе. Кое-кто не мог ему простить долгий волчий плен и опрометчивый звонок Расмусу. Вообще-то Арчи ожидал, что его отстранят, как взятого на подозрение. Но его не отстранили, что было, во-первых, странно, во-вторых, нелогично, а в-третьих, непрофессионально. В иное время Арчи ушел бы сам; но не теперь.

Поэтому он продолжал механически выходить на задания, чаще всего с Генрихом Штраубе, с которым неожиданно сблизился за последние недели. Немец ему импонировал по многим причинам. И с вопросами не лез, хотя видел, что у Арчи муторно на душе, и дело знал, и от нудной повседневной работы не увиливал, как некоторые.

И все же, невзирая на задумчивость, условный сигнал Генриха (солнечные очки на стол, стакан с пивом — меж дужек) Арчи срисовал мгновенно и столь же мгновенно выбросил посторонние мысли из головы.

Условный сигнал (всего-навсего — раздавленная ногтями бусина одноразового жучка) связному, атлетичного сложения ризеншнауцеру, который валялся невдалеке на пляже. Ризен не расставался с плейером, даже когда купался, а на бермудах его поперек задницы красовался все объясняющий трафарет «Меломан!». Плейер связного ничем не отличался от обычных плейеров, в любом киоске такой можно приобрести. Почти ничем — кроме дополнительной полиморфной присадки сверхмалого объема.

В общем, сигнал услышал не только связной, но и два его дублера в округе, и центральный пост в Малореченском, и полевой пост в киоске у трассы.

— На пляже, у воды. Чуть левее фотографа. Трое.

У Генриха было изумительное зрение — на таком расстоянии Арчи вряд ли опознал бы кого-нибудь. Во всяком случае, повременил бы с выводами.

Но одного из троих Арчи узнал бы, даже отойдя еще на сотню метров от воды.

Генрих снова надел очки; только теперь Арчи заметил тоненькую паутинку-нерв, соединяющую линзу с толстой дужкой.

Все прояснялось: в очки Генриха был вживлен оптический усилитель. И при этом линзы оставались затененными!

«Черт! — впечатлился Арчи. — Небось, свежая европейская разработка!»

— Кто? — спросил он.

— Двое. Без лабрадора.

Несомненно, Генрих помнил этих двоих по Алзамаю — откуда он мог знать лица «чирсовцев»? Присмотревшись, Арчи срисовал обоих.

Руслан Эльяшов и Фарид Юнусов. Оба из команды Варги. Первый — наблюдатель эпизода «перелом ноги европейскому агенту Франсуа д'Арсонвалю неким Испанцем», предположительно — полевой агент. Второй — недостающий в троице связников, которых брали в гостинице «Централь». Двоих тогда взяли, Курбана Гафур-оглы и Гейджа Мустафы. Арчи не знал, что из них удалось вытрясти сибирякам, но со всеми основаниями предполагал, что они нынче валят лес где-нибудь на Колыме или роют породу под Норильском. Юнусова в тот раз просто не оказалось в гостинице. Но фотографии его у сибиряков имелись.

Хуже дела обстояли с третьим. С лабрадором. Ибо лабрадором этим был не кто иной, как Николас де Тром, напарник-спасатель. Тот самый парень, с которым больше двух сезонов приходилось делить тесную спасательскую башенку на берегу.

— Я знаю и третьего, — буркнул он мрачно.

Тем временем к стойке притащился меломанствующий ризеншнауцер; одним глотком осушив стакан, в очередь за ним пристроился Генрих.

Официанты начинали работать только вечером, с наступлением сумерек.

Вскоре Генрих вернулся с добавкой, а ризен ушел к трассе. Арчи не преминул отследить, как уже спустя минуту от волейбольной площадки к воде потянулась компания загорелых парней, почти все, как на подбор, немецкие овчары. Разумеется, они шли купаться и, разумеется, почти впритирку к мирно беседующей троице.

На шее Ника де Трома имелся красочный плакат — «Морские прогулки на яхте. «Вадим». Упомянутый «Вадим» — белоснежный килевик-тонник — торчал на якоре неподалеку от линии буйков, естественно — мористее.

— Кто третий? — осведомился Генрих.

— Скорее всего — аутсайдер, — почему-то ввернув европейское слово, объяснил Арчи. — Спасатель, мы вместе работали под Евпаторией.

Волейболисты, зайдя едва по колено, попадали в воду и принялись сидя перебрасываться мячом. При этом они веселились и гоготали, как подростки откуда-нибудь из калмыцких степей, впервые вывезенные на благословенное Черное море.

Еще минута — и мимо протрусил зеркальный связной. Его знак означал: только наблюдаем! Никаких действий.

И стали наблюдать.

Ник разговаривал с «чирсовцами» еще минуты две; после чего Эльяшов и Юнусов по очереди пожали ему руку и неторопливо направились вдоль прибоя на запад. Понятно, их тут же взяли под колпак несколько групп. Не скопом, зачем? До самого мыса у альянса хватало подготовленных людей. Да и за мысом тоже хватало. Двойку «чирсовцев» будут просто передавать друг другу, куда бы они ни направились.

Тем временем к кафешке подкатил белоснежный «ганновер» с поднятыми стеклами, что недвусмысленно свидетельствовало о бортовом кондиционере. Из джипа нехотя вывалился Ваня Шабанеев, разодетый, как бандит на отдыхе — бермуды, шлепанцы и цепь на шее. Не теряя ленивой солидности, он подошел, демонстративно поручкался с Генрихом и Арчи и по-хозяйски щелкнул пальцами в сторону бармена.

Бармен подбежал.

Пока Ваня что-то ему заказывал, растопырив пальцы, Генрих и Арчи перебрались в джип. Там и вправду было прохладно; да что там — по-настоящему холодно. В пору морозным узорам появиться на тонированных стеклах.

Бармен принес заказ едва ли не раньше, чем Шабанеев успел дошествовать до экипажа — что-то мутное в высоком стакане, украшенном лимонной долькой.

А потом дверца хлопнула, отгораживая их от посторонних глаз, ушей и носов.

— Сеанс, — пояснил Ваня и откинул матрицу ноутбука, выуженного из бардачка. Проводов никаких подключать не требовалось, работали по инфралинку через бортовой усилитель. Мощности вполне хватало, ибо какой же навороченный джип без навороченной антенны?

— Ситуацию, живо, — потребовал с экрана генерал Золотых.

Генрих взглядом предложил высказываться Арчибальду.

— Опознаны двое: Руслан Эльяшов и Фарид Юнусов.

— Третий?

— Третий — мой знакомый, Николас де Тром, Лутченко и Шабанеев его, несомненно, помнят. Кажется, теперь он подрабатывает бутербродом у местных яхтсменов. Вербует клиентов. Эльяшов и Юнусов, похоже, с ним о чем-то договаривались.

Золотых на миг отвернулся, задал плохо слышный вопрос, получил ответ, из которого Арчи тоже не разобрал ни слова, и уже в микрофон велел:

— Десятиминутная пауза. Эльяшова и Юнусова ведут; шерстим местность на предмет теней, потом Арчи идет на контакт с де Тромом. Цель — выяснить, о чем шел разговор. Разрешаю часовой загул, буде таковой потребуется. Далее — доклад, далее — по обстоятельствам. Экстренный отзыв по варианту два. Вопросы?

Арчи сумрачно поинтересовался:

— Надеюсь, никто не предположил, что Ник в это впутан?

Золотых с укоризной поглядел на де Шертарини.

— Шериф, — попросил он. — Не усугубляй.

Арчи поморщился:

— Есть...

— Что ваш бутерброд?

— Бредет по пляжу, — доложил Шабанеев, глядя в бинокль. — Медленно. И печально.

Арчи повторил. В микрофон.

— Десять минут, отсчет пошел. Если де Тром вознамерится уходить вовсе — форсируйте. Отбой.

Экран вмиг стал белым и бессмысленным.

— Вот такие пироги, — с воодушевлением подытожил Шабанеев. — Зашевелились, что ли? Или снова пути отходов нащупывают?

«Поглядим», — подумал Арчи и откинулся на роскошную спинку.

Ник некоторое время бродил по пляжу, но потенциальных клиентов среди местного контингента ему явно не светило отыскать. Ваня Шабанеев нервно барабанил пальцами по приборной панели; бинокль у него отобрал Генрих и некоторое время пристально рассматривал яхту, покачивающуюся на волнах.

— Идея, — невозмутимо предложил Генрих, словно подслушав мысли Арчи. — Ваня, давай его на твой джип поймаем? А? Как форель на цветную блестку...

— Давай, — благодушно согласился Шабанеев. — А как?

— Подкати к самой воде, — пояснил Генрих. — И побибикай.

Шабанеев с готовностью взялся за пестики; джип вкрадчиво переместился к самым волнам, благо пляжников было немного, а напротив кафешки вдобавок всегда сама собой формировалась полоса свободного, никем не занятого песка.

— Сколько там прошло? — спросил Шабанеев.

— Семь минут.

— Ладно, минутой раньше, минутой позже... Пока дойдет — как раз десять будет.

И Шабанеев полез из джипа. Некоторое время он созерцал белоснежный борт «Вадима», по-хозяйски подбоченясь. Потом поискал глазами «бутерброд». Ник де Тром уже спешил к нему, инстинктивно почуяв запах добычи.

«Нет, — подумал Арчи отрешенно. — Все-таки не убили в нас охотников, иначе откуда такие подсознательные аналогии? Или это я такой атавистический урод, потому что даже убивать мне приходилось?»

— Желаете прокатиться? — справился Ник у Шабанеева.

— Девять минут сорок секунд... С мелочью, — сообщил дотошный Генрих.

— И откуда у вас, у немчуры, такая пунктуальность, — проворчал Арчи и взялся за дверную ручку.

— Это национальное, — невозмутимо пояснил Генрих.

— Прокатиться? — повторил Шабанеев, глядя на Ника поверх очков. — Я — не хочу. Зато вот он точно не откажется.

Ник застыл; если бы плакат не висел у него на шее — Ник бы его точно выронил.

— Ар... Кхм! Ты? — пробормотал он.

— Привет, Ник. Я, я, не пугайся. А ты чего здесь?

Ник сглотнул, с подозрением покосился на Шабанеева и объяснил:

— В этом году четвертого сентября закрылись... Дай, думаю, подработаю месяцок...

— Ну, — встрял Шабанеев, приветливо улыбаясь, — вы тут воркуйте, а мы поехали...

И выразительно поболтал перед лицом кулаком с отогнутым указательным пальцем — напоминал Арчи, что у того ровно час времени.

Ник тем временем оглушительно свистнул и помахал рукой; с палубы яхты спихнули надувную лодку, протянули ее к корме, и в лодку спустился кто-то аморфообразный. Мерно заработали весла; минута — и лодка подошла к берегу вплотную.

А Арчи подумал, что чудеса продолжаются.

Гребец выскочил из лодки, вытянул ее носом на песок и растопырил руки.

— Брата-ан! — восторженно проорал он и рухнул Арчи в объятия.

Вадик Чиков, старый друг, с которым совсем недавно, по пути в Алзамай, ненадолго пересекся в Москве и даже толком поболтать не успел.

— Ты-то здесь откуда, черти тебя дери? — вопросил Арчи, когда отхлопали по спинам и натряслись в рукопожатии руками.

— Да вот... Яхту купил, оттопыриваемся уже второй месяц! Решил подработать немного. Хотел тебя в команду, но ты ж куда-то исчез. Вот, Ника взял. Ты все еще... на работе?

— Вроде того. Но немного времени есть!

— Так! — скомандовал Чиков и с намеком поскреб бороду. — Ник, сворачивай на хрен эту агитацию, ща я пивка куплю и пойдем к Алуште.

— Йэп, капитан! — воодушевленно выдохнул Ник; подобное решение он явно одобрял всеми фибрами души.

Плакат немедленно был сдернут с шеи и полетел на дно лодчонки. Чиков, увязая босыми ногами в песке, спешил к кафешке.

Арчи машинально просигналил наблюдателям «Все нормально» и направился следом за Чиковым: тот вряд ли намеревался купить меньше ящика, а вдвоем тащить все же сподручнее...

Чиков взял два. Любимого — темного «Афанасия», город Тверь.

— Ого! — оценил Арчи. — А не окосеем?

— Ты тут «Афанасий» хрен где найдешь. Мне на заказ возят; из Симферополя. А запас кенгуру не тянет!

Арчи усмехнулся:

— Ну даешь, братан! Узнаю хватку!

— А то! — расплылся в улыбке Чиков. — Хватай давай, фигли стоишь?

Арчи безропотно ухватился за рукоятку неживого пластикового ящика. Нижнего, естественно.

— А лодка твоя не потонет? — поддел Арчи.

— Да она слона выдержит, клянусь! — беспечно отбоярился Чиков.

Вадим Чиков действительно походил на аморфа, но Арчи, естественно, знал, что он сорок третий Чиков в линии очень редкой для Москвы и России вообще морфемы рейнских меарцев. То ли ввиду некоторой созвучности, то ли за редкую сострадательность, выражающуюся в непременном подношении похмельному телу друга бутылочки пивка прямо в постель, Вадика Чикова прозвали «реаниматором». Вплоть до того, что в институтской зачетке у него так и значилось в графе «морфема» — реаниматор. По этому поводу существовала масса внутрикомпанейских преданий, легенд и баек, каждую из которых со смаком вспоминали на все более ред-

ких, увы, дружеских попойках в Москве или у моря, когда старая компания умудрялась собраться в более или менее полном составе. Впрочем, когда в неполном — тоже вспоминали, и Арчи ничуть не сомневался, что сегодня тоже многое из старого основательно переворошится.

Лодка и правда вполне выдержала и троих пассажиров, и два ящика пива, и плакат в придачу.

На борт «Вадима» Арчи ступил со смешанным чувством. С одной стороны, хотелось на все плюнуть и с мыслью «когда уже у меня будет такая?» пуститься с Вадиком и Ником в какой-нибудь дальний поход, а с другой — Арчи помнил, что у него меньше часа. И не ему решать, как поступать в дальнейшем.

Арчи вздохнул и провел ладонью по матовому кормовому релингу.

— «Вадим», говоришь? Да, братан, от скромности ты не помрешь!

— От скромности пусть мухи дохнут, — философски заметил Чиков. — Принимай...

Пиво вкрадчиво звякнуло.

«Ненавижу эту работу», — с отчаянием подумал Арчи.

А ведь какие-то три года назад, даже после двойного фитиля, Арчи не сомневался, что любит ее.

Даже жара здесь была другая — влажная, напоенная океанским бризом и тонким запахом тропических фруктов. Лагуна неправдоподобно синела; белесые отростки рифов кое-где выступали из воды, объятые гроздьями пены. Над волнами носились чайки, среди пальм тоже порхало что-то пестрое и пернатое, щебеча при этом беспрестанно.

Это место вызывало одну-единственную ассоциацию: рай. Сущий рай.

Отель, впрочем, смотрелся посреди всей этой первозданной природной идиллии вовсе не чужеродно: возможно, потому, что он был сплошь увит лианами и чем-то вроде местной разновидности винограда?

Скорее всего.

Ядвига, одетая в легкий воздушный костюмчик, постучалась в номер шефа.

— Да! — послышалось оттуда.

Удивительно, но у шефа шло совещание. Веном, Лоренцо, Капитан, остальные офицеры. В принципе любой боец элитного отряда Капитана мог присутствовать на совещании, но не обязательно. Да и как-то вдруг отдалились и ушли на второй план привычный воинский порядок и дисциплина. Вот и сейчас — даже Расмус был одет в шорты и цветастую майку. Майка едва прикрывала могучую грудную мускулатуру волка-главаря.

— Входи. Мы как раз тут обсуждаем кое-что...

Ядвига, поняв, что с шефом в ближайшее время с глазу на глаз побеседовать не удастся, молча присела к столу, благо свободных креслиц оставалось еще довольно.

— В общем, я за, — явно продолжая какую-то речь, сказал Лоренцо. — Ситуация складывается так, что альянсу нужна громкая победа. Если удалось поговорить с генералом, то уж с политиками договориться мы точно сумеем. Подавив центр Варги, мы одновременно и избавляемся от опасного партнера, и обеспечиваем победу альянсу, и демонстрируем политикам свою силу.

Расмус взглянул на своего зама заинтересованно:

— Слушай, Лоренцо! Ты и правда такой умный или просто выучился у инхайских сфао читать мысли?

Лоренцо улыбнулся — самыми уголками рта.

— Спасибо, шеф.

Предположение о способности к телепатии, понятно, никто всерьез не воспринял.

— Шеф, мне кажется, что Лори совершенно прав, — вступился за коллегу Веном. — Варгу все равно опасно оставлять на свободе. А местные могут еще до-олго за ним гоняться. Причем давить его нужно прямо сейчас, в ближайшие же дни.

— Там ведь курорт, куча людей, ребята. Не забывайте, что мы не можем себе позволить ни единой случайной жертвы.

Слово взял капитан:

— Босс, можно пустить мою группу. В полном камуфляже мы вырежем «Чирс» за какой-нибудь час. Никаких следов не останется.

— Останется, Капитан. Увы, останется. Генерала не обмануть, нашу работу он учует мгновенно. Нет, это не подходит. Демонстрируя силу, мы тем самым настраиваем против себя будущих партнеров по переговорам, евразийских политиков. Мы не можем себе этого позволить. Вся эта буча начиналась как охота на нас; в Ашгабате мы повели себя разумно, и внимание альянса самопроизвольно переключилось на Варгу. К чему снова переключать его на себя? Пусть альянс с честью выбирается из канавы, в которую сам себя загнал. К тому же, как правильно заметил Лори, собственноручно прибрав Варгу и его когорту, мы не только настраиваем против себя всех и вся, но еще и отбираем у альянса желанную победу. Все нужно проделать так, чтобы, во-первых, на нас не упало ни капельки чьей бы то ни было крови, а во-вторых, чтобы альянс добыл победу собственными силами.

— Чего проще, — тихо сказала Ядвига, и все моментально повернулись к ней.

— Поясни, — требовательно велел Расмус.

Ядвига прекрасно помнила, как уходил Арчи из Ашгабата и как, вероятно, в Ашгабат проник агент, вызвавший их в «Шехрезаду». Правда, подробностей она никому не докладывала, просто вернулась и сообщила, что задание выполнено. Арчи жив и переправлен к своим. А Варга думает иначе...

— Чего проще, — громче повторила Ядвига. — Договоритесь с генералом, предоставьте ему наши камуфляжные модули, и пусть его молодчики самостоятельно вырежут «Чирс».

Несколько секунд было тихо.

— А что? — озадаченно протянул Веном. — Вполне! И мы в стороне, и альянс торжествует.

Капитан презрительно фыркнул:

— Разве эти детсадовцы способны вырезать базу с волками?

— У них есть парализующие иглометы, Кэп, — напомнил Расмус. — Да и сомневаюсь я, что Варга успел подготовить своих клонов как следует.

— А меня другое волнует, — вклинился в обсуждение Лоренцо. — Где гарантия, что мы сумеем вернуть наше оборудование? Так они его нам и отдадут!

— Один модуль все равно у них в руках. Модуль Шамана.

— Не думаю, что они сумеют понять принцип его работы и уж тем более скопировать.

— Заодно и его возвращать придется, — твердо сказал Расмус. — А идея хорошая, Ядвига. Я над ней подумаю... некоторое время.

Расмус встал, давая понять, что совещание окончено. Остальные тоже зашевелились, стали переговариваться и потихоньку покидать номер Расмуса.

Ядвига осталась.

— Ты что-то хотела? — спросил Расмус, когда они остались одни.

— Да, босс. Хотела.

— Я слушаю.

— Босс... Я хочу его видеть. Снова. И я прошу разрешения отлучиться... А потом вернуться сюда с ним. Или не возвращаться.

Расмус, вставший уже было из-за стола, снова опустился и внимательно поглядел на Ядвигу — одну из самых умелых специалистов-женщин из подчиненных ему волчиц.

Они всё еще подчинялись ему, своему бригадному командиру, хотя формально ничто к этому не принуждало. Не присяга же инхайскому императору? Просто за годы войны Расмус успел стать своим людям и отцом, и матерью, и иначе его никто теперь не воспринимал. К нему шли за советом, его просили: «Рассуди!», и ничего в этом не было удивительного.

Потому что Расмус был хорошим командиром.

— Ты так увлеклась этим заданием, девочка? — негромко поинтересовался Расмус.

Ядвига ответила сразу, без паузы:

— Я увлеклась им гораздо раньше, босс. Еще когда он валялся без сознания там, в плотине.

Расмус понимающе кивнул.

— Это оттого... что он так похож... на Смолярека?

Ядвига взглянула ему прямо в глаза.

— И от этого тоже. И еще оттого, что он не оказался такой скотиной, как Смолярек.

Расмус опустил голову.

— Ну, что ж... — глухо сказал он. — Наша война закончена. Ты свободная женщина, Яся. Свободная в свободном мире. Поступай как знаешь. Как велит тебе сердце, если оно тебе что-нибудь велит. Я более не могу тебе приказывать, но я всегда буду рад видеть тебя и помочь, если смогу.

Ядвига пружинисто подскочила, с упором на одну руку перемахнула через стол, склонилась и поцеловала Расмуса в гладко выбритую щеку.

— Спасибо, босс.

— Пожалуйста, — проворчал Расмус. — И все, я больше тебе не босс. Поняла?

— Поняла, босс. — Ядвига улыбнулась, потому что ей впервые за многие годы вдруг захотелось по-бабьи пустить слезу.

Расмус только головой покачал.

— Все, мчись.

— Пока, босс. Я скоро вернусь... Или позвоню.

Она кошкой выскользнула из номера.

Расмус еще некоторое время сидел, вперившись в столешницу.

— Что ж, — негромко сказал он спустя долгую минуту. — Пусть тебе повезет больше, чем всем нам.

Отчего-то его слова прозвучали очень горько.

Потом Расмус порывисто вскочил и мягко перетек ко входной двери.

— Яся! — позвал он. — Вернись на секунду.

Девушка вернулась, лицо ее было настороженным.

— Если что — курьером нашим будешь? Ну, модули генералу отвезти? Все равно ведь в ту степь...

Ядвига не колебалась ни секунды:

— Конечно, босс! Как прикажете!

— Кажется, мы условились, что я тебе больше не приказываю. Только прошу.

— Я согласна.

— Спасибо.

И Расмус глубоко вздохнул.

Он еще не привык говорить бывшим подчиненным «Спасибо».

Но ко всему приходится привыкать.

И был поднят грот, и был поставлен стаксель...

— Носовой вира! — скомандовал Чиков.

Ник исполнил.

— Грот растрави, — буркнул Чиков Арчи; тот послушно ослабил шкот и налег на гик, чтобы парус не так трепало. Гик на тоннике располагался высоко — из кокпита не достать, пришлось взбираться на палубу.

«Вадим» величественно разворачивался носом в море.

— Кормовой вира!

Подняли кормовой.

И были выбраны шкоты, и капитан сначала увалился для скорости, а потом привелся, и «Вадим», поймав ветер, пошел вдоль берега, на запад.

— Хорошо идем! — крякнул Чиков. — Ну, открывай по первой! За ветер!

— За ветер! — эхом отозвались Ник и Арчи.

— Давай рассказывай, где тебя носило. И что тут поделываешь.

Арчи, улыбаясь, покачал головой:

— Не, братан. Сначала вы расскажете. Точнее, Ник расскажет.

И Арчи повернулся к напарнику. Как-то не поворачивался язык назвать его «бывшим» — не поворачивался, и все.

— Ты минут двадцать назад беседовал на берегу с какими-то типами. О чем?

— Да! — моментально оживился Ник. — Я и забыл, как Арчи увидел! Кэп, тут халтура наклевывается — будь здоров! Аж на Одессу.

— На Одессу? — изумился Чиков. — А сколько платят?

— Я сразу штуку запросил с перепугу. А они взяли и согласились...

Арчи не позволил разговору пуститься на самотек:

— Подробности, Ник?

— Семь пассажиров; какой-то профессор и еще шестеро типов с ним. Позарез им надо в Одессу, и именно морем. Багажа вроде как немного.

«Шадули? — мелькнула законная мысль. — У него как раз шесть учеников... Или снова Варга путь для бегства заготавливает?»

— Когда?

— Не сказали, — развел руками Ник. — Сказали, найдут нас, если что.

— Еще что-нибудь?

Ник неуверенно пожал плечами:

— Да все вроде...

— Ты этих двоих раньше встречал?

Тут Ник не колебался:

— Нет. Никогда.

— Они как-нибудь себя назвали?

Ник снова отрицательно потряс головой:

— Нет.

— Точно, больше нечего сказать?

Ник отхлебнул пива, подумал и сообщил:

— Абсолютно нечего.

Арчи взглянул на часы — из отпущенного ему генералом Золотых часа истекло двадцать три минуты.

«Позвоню сейчас, — решил Арчи. — Во избежание...»

Он вытянул из поясного чехла крохотный мобильник и ушел на нос. Вадик и Ник провели его озабоченными взглядами.

Арчи, поджав ноги, устроился у самого релинга.

— Фагот? Шериф здесь... Я все выяснил. Тут на яхте мои приятели по спасательской работе. Их пытались подрядить на рейс до Одессы. Сроки не обозначены. Пассажиры — некий профессор и шесть сопровождающих. Подробностей никаких, сказали, их найдут самостоятельно, когда потребуются. Все.

— Так-так... Найдут, значит... — протянул Золотых. — Хорошо. До темноты ты свободен. Потом пусть тебя высадят где-нибудь у точки семнадцать, а Немец тебя подберет.

— В команду мне нельзя, я так понимаю?

— Чирсовцы знают тебя в лицо, Шериф.

Арчи вздохнул. Действительно так.

— Есть, Фагот. Семнадцатая, к темноте.

— Не нажрись там, — буркнул Золотых. — Ты еще понадобишься ночью.

Спрятав телефон в чехол, Арчи подумал, что не стоило, пожалуй, так открыто выходить на Ника и Чикова сразу после разговора с Юнусовым и Эльяшовым. Если чирсовский наблюдатель оставался на пляже, он мог узнать Арчи. Хотя ребята вроде бы пляж перекрыли еще утром и божились, что никого подозрительного не срисовали... Эльяшова и Юнусова явно взяли на карандаш гораздо раньше и вели вдоль всего пляжа. Наверное. Или Золотых нарочно приказал ему это? Дабы выявить возможных соглядатаев? А что, достаточно сильный ход... Золотых не раз уже показывал себя опытным позиционным бойцом, отдавая рискованные на первый взгляд приказы, на самом деле являющиеся тонко замаскированными провокациями.

— А провались ты все! — пробормотал Арчи и пошел вдоль лееров в кокпит. — Нажираться нельзя, но пива выпью. А остальное — потом.

— Все, я свободен, — сообщил он приятелям. — Но только до темноты. В Алуште я сойду.

— Тогда открывай, — хмыкнул Чиков.

Арчи откупорил пиво и попросил:

— Дай порулить.

— Держи! — Чиков уступил де Шертарини отполированный до блеска румпель, сел и блаженно раскинул по борту руки.

— Лепота! — сказал он с нескрываемым удовольствием. — Клевая лодка! А?

— Дык! — подтвердил Арчи.

Ник деловито подобрал стаксель, чтоб работал в полную силу.

— Хорошо идем! Вот бы и до Одессы так... Где бакштагом, где в полветра...

— Думаешь, выгорит дело? — с интересом спросил Чиков.

— Знаешь, — доверительно сообщил Ник, — у меня чутье. И оно мне подсказывает, что свою штуку мы отхватим!

— За это надо выпить! — решительно объявил Чиков и протянул бутылку.

Самое приятное, что на борту даже рулевому не возбраняется пить пиво.

— Хорошо идем...

Сулим был мрачнее тучи. А отчего радоваться? Шеф требует с него обеспечить безопасность, а как ее обеспечить, если шеф умудрился за какие-то полтора месяца настроить против себя всю Евразию, а заодно и весь мир?

С самого начала Сулим не верил, что из крымской затеи выйдет что-либо путное. Но время шло, клоны подрастали и начинали тренировки, и постепенно забрезжил лучик надежды. Правда, Сулим по-прежнему не понимал: как именно с двумя тысячами убийц Варга намерен захватить мир, но, с другой стороны, и в Ашгабате поначалу Сулима брали серьезные сомнения в принципиальной возможности мятежа. Но вышло все неожиданно легко, и если бы не мгновенная оккупация Туркменистана — неизвестно, сколько продержался бы новый режим. У альянса, к сожалению, уже имелось готовое и управляемое из единого центра вооруженное формирование, которое вдобавок из-за алзамайского прокола, фигурально выражаясь, рыло копытом землю. Сулим догадывался, что ашгабатский мятеж — еще одно стеклышко в грандиозном плане-мозаике Саймона Варги. И все же было в мятеже что-то самоубийственно-безумное, что-то такое, что принуждало считать его той самой роковой ошибкой, из-за которой замысел Варги и сорвется.

Две тысячи клонов. Для себя Сулим так и не решил — верит в них или нет. Из редупликаторов клоны выходили практически безмозглыми, даже ходить толком еще не умели. Но уже через сутки начинали говорить и впитывать информацию, да так интенсивно, что из-за форсированной нагрузки на мозг первую неделю имели температуру тела под сорок два. Сулим знал, что клоны рассчитаны лет на двадцать полноценной жизни, если, конечно, их бытие можно

назвать жизнью. Интеллектом они не уступали среднему человеку, но личность каждого из них была изначально искорежена в угоду предназначению. Они малоинициативны и невероятно исполнительны. Они преданны и не коварны. Идеальные пешки, которые в случае чего без особых угрызений совести можно смахнуть с игровой доски, заменив на свеженьких, только из редупликатора. Даже раньше, до того как старый гриб Шадули получил наконец в распоряжение генетические вытяжки истинных волков, почти все выращенные им клоны характеризовались повышенной агрессивностью (правда, только по команде хозяина: фас, мол, песик...) и в отдельных случаях успешно функционировали даже после убийства других клонов (на которых давно махнули рукой и которых все равно некуда было девать). Психология клонов представляла собой темнейший лес, зачастую куда более дремучий, нежели психология обычных людей.

Сулим наблюдал за тренировками клонов и внутренне содрогался. Потому что осознал: бойцы из тех действительно могли получиться страшные и холодные. Уж кого-кого, а начальника службы безопасности и разведки могущественной организации «Чирс» не нужно было убеждать, что наиболее опасен не тот, кто в ярости сметает все на своем пути, а тот, кто холодно и расчетливо устраняет лишь действительно требующее устранения. И не больше.

Первое время после изнурительного марша по подземным тоннелям, когда хлюпать от влаги, казалось, начало везде — в ушах, в карманах, в ботинках, — Сулим боялся, что альянс сядет им на хвост и до Крыма дотянуть не удастся. Потом боялся, что на Кавказе они все-таки наследят или сдаст их кто-нибудь из своенравных и вспыльчивых горцев. Не сдали. И даже туранские контрабандисты их не сдали.

Уже на резервной базе «Чирс» Сулим не мог поверить, что альянс до сих пор на базу не вышел. Уже и первая тысяча клонов заселила казармы, уже самые ранние приступили к спецподготовке, а Сулим все ждал неминуемого провала.

Не дождался. Варга снова умудрился проделать невозможное: под носом у врага провести нужных ему людей и

протащить кучу оборудования, да так, что никто ничего не заметил и не заподозрил.

Впрочем, Сулим опять же прекрасно сознавал, что не бывает такого, чтобы никто совсем ничего не заметил. Просто нужно заранее озаботиться, дабы заметившие сделали заведомо ложные выводы. Варга, как оказалось, озаботился. И Сулим в очередной раз подивился его связям, хитроумию и предусмотрительности.

А потом вдруг оказалось, что еще немного — и все до единого клоны завершают обучение. Что можно вскрывать контейнеры с оружием и вести новоиспеченную армию в первый бой.

Сулим подозревал, что для начала Варга установит контроль над Крымом. Еще не знал как, но чувствовал. Тем более что Варга последнее время затеял какую-то сложную дистанционную интригу со своими фигурантами в штабе Черноморской пограничной охраны. После Ашгабата Сулим готов был поверить во что угодно. И две тысячи нынешних клонов — это не флегматичные туркмены с минометами. Эти способны сквозь оборону сопливых погранцов из сил альянса пройти с меньшими усилиями, чем раскаленный нож проходит сквозь брикет масла, да и хваленый европейский спецназ приструнить явно в состоянии. Тем более что сколько того спецназа в распоряжении генерала Золотых? Четыре роты? Триста пятьдесят человек? Против двух тысяч — тьфу.

Правда, у альянса имелся жирный козырь: рассекреченные европейские штурмовики. Да только ведь и на них существует управа, причем не где-нибудь, а именно в штабе Черноморской пограничной охраны, потому что больше ей существовать негде. Ну разве что в Туране, в КСИР и в Америке с их маниакальным стремлением защититься от любой воображаемой и любой вообразимой напасти.

В общем, впервые в жизни Сулим Ханмуратов ощутил себя втянутым в игру, которую понимал не до конца, и оттого игра эта казалась ему то безнадежной, то многообещающей. Хотя безнадежной больше.

Но и это не смогло бы его принудить к отступлению. Кто работает на Варгу — тот не отступает. По крайней мере без приказа.

Вяло дилинькнув, проснулся селектор.

— Шеф? — узнал Сулим голос Лэснера.

— Да.

— Доложиться?

— Давай.

Селектор закрыл канал и снова погрузился в извечную дрему.

Сулима Ханмуратова некоторые тоже называли шефом...

Лэснер явился спустя три с небольшим минуты, отметил Сулим машинально, причем для этого ему было совсем не обязательно глядеть на часы.

«Что-то слишком быстро, — обеспокоенно подумал Сулим. — Случилось что?»

— Ну как?

— Сначала результаты или ощущения?

— Как хочешь.

— Ладно. Тогда сначала результаты. Яхта «Вадим», в экипаже двое, аморф вроде и лабрадор. Шастают вдоль побережья уже с месяц, а то и больше, появились даже раньше, чем мы. Летом лабрадор на борту возникал только от случая к случаю, а с начала сентября стал жить на яхте. Аморф — все время на ней жил. Летом у него матросили разнообразные типы, теперь все поразъехались, потому, наверное, лабрадора он и подрядил. Они явно старые приятели. По всему видно, что это чистые яхтсмены. Поход в Одессу их не испугал, запросили тысячу. Я сказал, что найду их, когда понадобится. Так что с этим — порядок. Теперь об ощущениях.

Лэснер нервно дернул ушами, а это был скверный признак.

— Шеф, я не обнаружил присмотра. Но чувствовал его все время, до самого схрона. Понимаете, как-то подозрительно много стало на пляжах крепеньких мускулистых парней. И рыла все как на подбор — ризены, ротвейлеры, овчары-немцы, доберманы...

«Европейский спецназ... — сразу оценил Сулим. — Четыре роты... Неужели обнаружили?»

— Нас либо аккуратненько передавали по цепочке, либо следили оптикой. Но этот чертов взгляд в спину я всегда почувствую... В прошлый выход такого не было.

Сулим жестом остановил Лэснера и вновь разбудил селектор. Вызвал спеца из внешнего наблюдения.

— Хаким? Глянь-ка статистику, у ос и шершней выводки не возрастали последнее время? Что? Незначительно? А когда? Три недели? Ладно, спасибо.

«Незначительно, — подумал Сулим. — Экое обтекаемое слово. Мол, сие возможно и при естественных причинах. Но возможно, и что осы усиленно охотятся на чьих-нибудь комариков и потому быстрее выдыхаются, и их приходится чаще заменять. А отсюда и возросшие выводки...»

Вторым касанием Сулим вызвал снабженца.

— Нилаш? Наше вам... Слушай, с подвозами последнее время перебои были? Ни единого? Это здорово. А экипажи проверяете? Ну как на предмет чего? На предмет посторонних жучков-паучков... Я понимаю, что это тоже «Чирс», но мало ли. Чисто? Ладно, спасибо.

Ну тут, слава богу, совсем чисто. Сулим слабо верил, что разини из альянса, обнаружив базу, не попытались бы перехватить экипажи с оружием, селектурой и продовольствием. Водитель и охрана такого экипажа — слишком лакомый кус для вражеской разведки, чтобы от него отказываться. Или воздерживаться, оставлять на потом.

Осталось внешнее охранение. Но у этих глупо спрашивать — не случилось ли чего. Если бы случилось, Сулим узнал бы об этом первым. В принципе и наблюдатели, и служба хитроумного венгра-завхоза мгновенно известили бы Сулима при малейших подозрениях. Но — мало ли, расслабились после бестревожного месяца, поленились... Такого быть не должно, но такое сплошь и рядом случается. А вот за свою епархию Сулим был абсолютно спокоен.

Шеф-безопасник вновь обратился к подчиненному:

— Вроде бы никаких предпосылок, Лэснер. Все тихо. Ос, правда, и шершней стало больше рождаться, но, с другой стороны, жара ведь спала, попрохладнее, а они к этому чувствительнее нас. Из схрона до шлюза шли спокойно?

— Совершенно, шеф. Как в схроне заперлись, я чужой взгляд ощущать сразу перестал. Ну а в темноте уже все просто — там слежку не скроешь, как ни напрягайся.

— А до разговора с яхтсменами было что?

Лэснер неуверенно дернул головой и сжал губы.

— Вроде бы не было.

Сулим ничуть не сердился на своих людей за подобные «вроде бы». Чутье в их деле занимает далеко не последнее место. Иной раз доверишься ему, презрев рациональные доводы, а потом только спасибо остается сказать. Наоборот, Сулим даже поощрял подобные нелогичные источники сведений. Что-то в них кроется. Определенно.

— Ладно. А что Фарид?

— Говорит, что особого беспокойства не чувствовал и, понятно, ничего не заметил, иначе сообщил бы. Но говорит — дважды было неуютно. Словно на доске между небоскребами, и ни перил, ни страховки. Вроде и опора под ногами есть, а не то что-то.

«Черт, — подумал Сулим озабоченно. — Хреново. Когда чутье начинает вопить: «Ты обнаружен! Тревога!», а с виду ничего особенно не заметно, всего оказывается, что положение — хуже некуда. Переключаться, что ли, в состояние «экстра»?»

В состоянии «инит» они пребывали уже больше месяца. «Инит» подразумевал жесткое ограничение контактов с внешним миром, поставки с двумя промежуточными звеньями, усиленную охрану и двойное наблюдение. «Экстра» — вещь похлеще, контакты вообще прерываются, а к охране и наблюдению вообще привлекаются все наличествующие силы.

«Или не спешить? Все равно запаса продуктов на такую ораву нет, объявляй «экстра», не объявляй — а с кухней санатория обмен придется поддерживать. Какая, к чертям, тогда «экстра»? А вот наблюдение усилить — не повредит. Тем более время «Ч» на носу, Варга того и гляди вызовет. Вон, Ицхака Шадули вздумал эвакуировать заранее со всеми его высоколобыми ученичками, пока горячо не стало. Правильно в принципе: когда жарко станет — будет не до них. Здесь Шадули все равно пока не нужен, материала для клонов больше нет и не подвезешь втихую, а с насущными проблемами без труда справятся и простые лимфотологи. А кто знает — понадобится «Чирс» в дальнейшем ученый такой величины

или не понадобится? Возможно, и понадобится. Так не лучше ли его загодя убрать в безопасное место?»

— Ладно, отдыхай. — Сулим отпустил Лэснера. Тот кивнул и убрался; Сулим еще некоторое время размышлял. Потом тяжко вздохнул и потянулся к селектору.

Настала его очередь вопросительно произносить: «Шеф?»

Вызов на частоте старого мобильника прорвался из эфира часа за два до сумерек. Колли-связист, дежуривший у селектуры, разбуженно встрепенулся. Он прекрасно знал, что по этому каналу может прийти только информация исключительной важности. И он немедленно скоммутировал вызов на горячую генеральскую линию.

— Господин генерал? Вызов по вашему старому мобильнику!

— Подключай, — сухо велел Золотых и внутренне подобрался.

В трубке тихо клацнуло. Одновременно включилась запись.

— Генерал?

— Расмус?

— Добрый вечер. У вас ведь вечер?

— Совершенно верно.

— У меня есть предложение, генерал, от которого, как мне кажется, трудно будет отказаться.

— Я вас внимательнейшим образом слушаю, — совершенно искренне заверил Золотых.

— Вы ведь сейчас ломаете голову: как без неизбежных потерь и жертв среди гражданского населения взять базу Саймона Варги? Я прав?

— Ну, допустим, — неохотно согласился Золотых.

— Сочли бы вы возможным принять от нас помощь? Просто как жест доброй воли?

— Помощь какого рода?

Расмус выдержал небольшую паузу и пояснил:

— Вспомните, как ваш агент проникал в Ашгабат и как другой ваш агент покидал Ашгабат.

Золотых мгновенно сориентировался. Прибор волчьего камуфляжа все еще действовал. Его использование в деле

разведки всего, что кроется под донецким санаторием, всесторонне обсудили и признали нецелесообразным. Можно было, конечно, заслать человека поближе к базе... Но в одиночку весь персонал не спеленаешь. Да и камуфляж мог отказать в любую минуту; а если и не откажет — визиты одиночки неизбежно будут отслежены службой безопасности, Сулимом Ханмуратовым, в котором руководитель операцией альянса признал искушенного профессионала. Придумают что-нибудь, тот же распылитель в конце концов, и все, прощай секретность заодно с волчьим прибором. Рисковать же потерей секретности генералу Золотых совершенно не хотелось, равно как и волчьим прибором.

— Я помню.

— Я готов предоставить вам еще две дюжины таких приборов.

Золотых непроизвольно облизнул губы.

Две дюжины. Плюс уже имеющийся. Двадцать пять невидимок! С такой группой на приступ «Чирс» можно было идти хоть сейчас, это генерал понимал прекрасно. К тому же перестанет болеть голова относительно внезапного отключения прибора из-за истощения батареи: волки наверняка точно скажут, как долго прибор сможет работать без подзарядки, а при необходимости — сумеют подзарядить его.

Но понимал генерал и другое. Бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

— На каких условиях вы готовы это сделать?

— Условий будет два, — сказал Расмус, подтверждая догадки генерала. Волки готовы изложить свои требования, поскольку требования эти давно сформулированы, взвешены и всесторонне обдуманы. — Условие первое. По окончании операции вы вернете все приборы. Включая тот, что сейчас в ваших руках. Условие второе. Вы устроите мне конфиденциальную встречу с президентами стран альянса. Теперь я готов общаться на столь высоком уровне.

«Ну, второе устроить совершенно не проблема, — подумал Золотых. — А вот с первым... Интересно, каких гарантий он от меня ждет? Упремся и не вернем, что тогда?»

— Каких гарантий вы от меня ждете? — вслух генерал высказал сильно усеченную версию размышлений.

Ответ волка удивил его. Очень удивил.

— Вашего слова будет вполне достаточно.

Золотых даже слегка растерялся.

— Э-э-э... простите, но что мешает мне дать слово, а потом просто не вернуть приборы?

Расмус на противоположном конце линии связи издал короткий смешок.

— Генерал! Мы ведь оба знаем, что вы этого не сделаете.

Некоторое время генерал молчал.

— Ваше молчание расценивать как знак согласия? — спросил Расмус.

Тщательно подбирая слова, генерал Золотых попытался дать уклончивый ответ:

— Я, конечно, готов дать слово, но ведь я не являюсь полноправным хозяином положения... Мне могут приказать в конце концов...

— Не морочьте мне голову, генерал, — бесхитростно прервал его волк. — Просто скажите: нет или да. А уж потом сами решайте, как обходить приказы сверху и выполнять ли их вообще. Возьмите в конце концов ответственность на себя: вы мне кажетесь вполне способным на подобный поступок человеком.

Золотых размышлял еще долгую секунду.

— Да, — сказал он твердо, когда секунда истекла. — Я гарантирую вам возврат всех двадцати пяти приборов, если только в ходе операции ни один прибор не будет утрачен...

— Генерал! — укоризненно выдохнул Расмус. — Мы же взрослые люди!

Теперь пришла очередь вздыхать Золотых.

— Правда ваша... В общем, будут вам и приборы, все двадцать пять, и встреча с президентами. Гарантирую.

— Прекрасно. Приборы доставит мой курьер. Потрудитесь встретить его завтра утром в Симферопольском аэропорту.

— Не понял? — озадачился Золотых.

— Курьер прилетает обычным гражданским рейсом, — пояснил Расмус. — Я ведь говорил: мы покинули тропу войны и зарыли томагавки. Отныне мы — обычные законопослушные земляне, генерал.

«Ладно, — подумал Золотых. — Это, конечно, позерство, но надо признать: красивое».

— Как мы узнаем курьера?

— Он сам вас узнает. Ждите у выхода в город. Да, и, если можно, пусть среди встречающих будет тот парень, который некоторое время ходил у меня в советниках. Вы понимаете, о ком я, не правда ли?

— Хм... — Золотых пытался сообразить, зачем волкам понадобился Шериф.

«Надо будет прикрытие организовать, — озабоченно подумал он. — Причем с распылителями... От греха. Добрая воля доброй волей, но кто вас знает, господа хищники. Притворяться овцами — старый и излюбленный волчий трюк».

— Хорошо. Будет среди встречающих этот... парень. Обещаю.

— Рейс «Тропик Пасифик», Куала-Лумпур—Карачи—Симферополь. Посадка в десять утра. До свидания, генерал... Желаю удачи.

Даже не выслушав ответного прощания, волк отсоединился.

Золотых медленно отнял трубку от уха, пытаясь еще раз проанализировать все услышанное и сложить в единую систему.

— Паша, — велел он связисту спустя примерно полминуты. — Труби срочное совещание. И запроси канал на президентский совет, информация чрезвычайной важности.

— Есть, господин генерал!

«И эти перестали просто Семенычем называть... — поморщился Золотых. — Э-хе-хе...»

Селектор тихо бормотал, вторя вызовам колли-связиста. Словно миниатюрная цветомузыка мигали индикаторные глазки на головогруди полиморфа.

«Неужели развязка? — подумал Золотых, не в силах поверить. — Неужели?»

Если все, что рассказал волк, — правда и не предвидится никакого подвоха, то расклад получался невероятно выгодный. Гораздо более выгодный, чем в алзамайской тайге, когда Золотых не особенно и верил в успех финальной операции, и гораздо более выгодный, чем месяц назад в Ашгабате.

Первым в отсек явился, конечно же, Коршунович. Ему было ближе всех.

В семь утра Арчи проснулся по пронзительному писку будильника. Голова казалась тяжелее обычного — все-таки «Афанасия» вчера попили изрядно. Вволю вымокнув в душе и тщательно поелозив зубной щеткой во рту, Арчи наконец признал за собой право вновь называться человеком.

Руки еще помнили гладкость румпеля. Арчи обожал это состояние, когда на малейшее движение рулем яхта тотчас послушно отзывается, когда ветер держишь ладонями, когда сливаешься с ним и с яхтой, когда волны стучат в борт и когда поют натянутые снасти.

Соскучился Арчи по всему этому.

Коршунович вчера предупредил, что с утра у них с Генрихом будет спецзадание. Спец так спец, рассудил Арчи. На то он и агент. В данный момент — агент альянса.

Он вышел на балкон — дверь в соседний номер, номер Генриха, была открыта. Слышалось, как в душе шумит вода, видимо, Генрих тоже приходил в себя.

Утро расплескалось над побережьем; с высоты седьмого этажа море казалось пронзительно-синим, почти как небо. Далекая плоска горизонта терялась в неясной дымке; на фоне голубизны ослепительными восклицательными знаками белели четыре узких треугольных паруса. Берег кое-где рыжел привозным песочком, а в основном оставался галечно-серым; склоны гор утопали в темной вечнозелености кипарисов.

«Плюнуть на все, — угрюмо подумал Арчи. — Купить здесь дом. И жить. С Ядвигой».

Эта мысль приходила к нему все чаще и чаще. Вот только — где ее теперь искать, волчицу его мечты? Вопрос, выворачивающий наизнанку всю душу.

Тихо запиликала трубка; Арчи потянулся и вынул ее из пищевого стакана, где триморф насыщался всю ночь.

— Шериф, — представился он.

Звонить могли только свои — телефон-то служебный.

— Утро доброе. — Арчи узнал голос Виталия Лутченко. — Ожил?

— Я и не помирал, — уточнил Арчи.

— Ну и прекрасно. Как там Немец?

— Мокнет, — сказал Арчи. — Значит, тоже встал.

— Через двадцать минут выходите к остановке на трассе. Вас подберут. И пожрать не забудьте, потом будет некогда.

— Понял.

— Давай...

Лутченко отключился. Арчи мельком взглянул на индикацию сытости и снова сунул трубку в стакан — пусть подкормится. Потом постучал в стену. Генрих постучал в ответ, значит, уже выполз из душа.

На балкон они вышли синхронно. Совершенно голый Генрих яростно растирался жестким, почти как наждачка, вафельным полотенцем. Арчи со смешанным чувством вспомнил, как в спецшколе по молодому делу кое-кого подобным образом брили. Ох и болезненная же процедура...

— Привет.

— Привет.

— Звонили только что. Нам велено пожрать и через двадцать минут быть на остановке.

— Ага. Я одеваюсь, — кивнул Генрих, не переставая растираться. Цвет Генрих имел интенсивно-розовый.

Вскоре они спустились в столовую, послушно сжевали завтрак, вежливо раскланялись с директрисой пансионата и направились к трассе. Едва достигли остановки, примчался Ваня Шабанеев на неизменном джипе.

— Садитесь, орелики! Кажись, лед тронулся! — радостно сообщил Ваня.

Они сели, джип немедленно развил сумасшедшую скорость. Похоже, это был джип-горец: такие лихие повороты закладывал на серпантине, что дух напрочь отшибало.

— Нынче ночью совещание было, — рассказывал Шабанеев. — Я не я, если сегодня-завтра не нанесут удар по «Чирс»! Отбирали элитную группу, двадцать пять человек. Ну, с резервом, конечно.

— Двадцать пять? — недоверчиво переспросил Арчи. — Что-то мало. Там одних только клонов не меньше полутора тысяч.

— Э-э-э! — многозначительно протянул Ваня. — Вы Золотых не знаете, что ли? Кажись, он очередного туза из рукава вынул. Вчера ему звонил кое-кто... Из бывших врагов.

Арчи напрягся. Волки?

— Ваня, — мягко заметил Генрих, — рассказал бы ты все сразу, а не сыпал намеками.

Шабанеев хулигански ухмыльнулся и ухватился за пестики на особо крутом повороте.

— Ухх, мать! — восхитился он. — Лихой джипяра! До сих пор не привык! Себе оставить, что ли?

Генрих и Арчи промолчали.

— В общем, граждане, волки решили нам помочь. Они предоставляют двадцать пять приборов камуфляжа — таких же, какой вы в Ашгабате пользовали. Собственно, мы сейчас едем встречать курьера.

— С чего бы это волки решили нам помогать? — недоверчиво переспросил Арчи.

— А не знаю! — весело отозвался Шабанеев. — Мне, если честно, пофиг. Помогут, и помогут. Невидимки базу вынесут за час, я так думаю. Что нам еще нужно?

— Н-да, — протянул Генрих. — Сдают бывших подельщиков?

— Сдают-то сдают, — хмуро сказал Арчи. — Смешно. Волки в этой истории вдруг оказались чуть ли не самыми человечными. Вот что меня пугает.

— Пугает? — не понял Шабанеев.

— Пугает, Ваня, — серьезно подтвердил Арчи. — Как выяснилось, миролюбивое и якобы неспособное убивать человечество моментально сколотило целую армию и чуть не треть от нее положило в алзамайской тайге. А коли нашлась армия, сразу нашлось и с кем повоевать, даже когда волки ушли в тень. Нет волков — давно уже нет. А мы воюем. Разве это не странно?

— Да брось, — простодушно фыркнул Шабанеев. — Варга этот — чокнутый. Дай ему волю, он такую свару раздует — Алзамай раем покажется.

— В том-то и дело, — подтвердил Арчи. — В том-то и дело...

Спустя некоторое время Генрих негромко и задумчиво сообщил:

— Кто-то из древних сказал, что, однажды начав убивать, потом очень трудно остановиться. Нас всех понесло под гору. И Варгу, и альянс, и Золотых, и президентов наших.

— Так останавливаться нужно, а не нестись во весь опор! — Арчи говорил мрачно, но с такой непоколебимой верой в голосе, что Шабанеев даже с уважением покосился на него.

— Волки, во всяком случае, сумели остановиться, — закончил Арчи.

— Ага, — снова фыркнул Шабанеев. — То-то они нам свою селекту... то есть технику предоставляют.

— Волки, — заметил Арчи проникновенно, — с Алзамая никого не убивали. Даже во время мятежа. Даже во время осады. Я знаю, я видел.

— Ну, значит, честь им и хвала, — пожал плечами Шабанеев. — Мне лично все это уже надоело до чертиков. Домой хочу. В Москву. И чтобы отпуск.

— Как же, жди, дадут тебе отпуск, — проворчал Генрих.

— А что? — воодушевился Ваня. — У вас в Европе отпуска, что ли, зажимают?

— Начальство везде одинаковое, — философски заметил Генрих. — Что у нас, что у вас. Им лишь бы мы пахали да желательно — круглые сутки и за бесплатно.

— Что есть, то есть, — охотно согласился Шабанеев. — Кстати, этот ваш Шольц вроде вполне приличный мужик.

— Шольц — да, — уточнил Генрих. — Потому и ходит всего лишь в майорах. А наверху такие упыри сидят...

— У нас та же песня, — вздохнул Шабанеев. — Зато сибирякам повезло — у них Золотых есть.

— Над Золотых тоже кое-кто сидит... — включился в разговор Арчи. — Кстати, а куда мы едем? В смысле, где контакт с курьером?

— В Симферополе, — пояснил Шабанеев. — Через час.

— Через час? — удивился Арчи. — Мы же не успеем за час!

— Успеем! — беспечно хохотнул Шабанеев, и в этот момент джип лихо съехал с трассы, взобрался проселком на

холмик и вырулил на небольшую ровную площадку с белым кругом в центре.

Арчи сразу понял, что действительно успеют. В центре белого круга стоял легкий пограничный махолет.

Сулим ожидал звонка шефа. Ожидал с самого рассвета. Но, вопреки ожиданиям, Варга лично явился в кабинет Сулима. Даже постучал в дверь.

— Да, — бесстрастно пригласил Сулим, а в следующую секунду, завидев шефа, приподнялся в кресле.

— Сиди, сиди, — поморщился Варга. — Я на минутку.

Сулим послушно ухнул назад; кресло молча приняло его вес.

— Что тут у нас? В смысле — как эвакуация профессора?

— Все готово, — доложил Сулим. — Можно начинать в любой момент.

— Так начинай! — велел Варга.

— Прямо сейчас? — уточнил Сулим.

— А что мешает?

— Да ничего не мешает. Все ясно, я начинаю...

— Время идет, — напомнил Варга, уже сделав несколько шагов к выходу. — Чего тянуть? Раньше начнем — моложе победим.

«Или проиграем», — угрюмо добавил Сулим. Разумеется, мысленно.

И еще он подумал, что впервые с тех пор, как работает на Варгу, он чует запах поражения. Это было плохо. Но это было так. Именно так.

Что-то изменилось.

Варга уже ушел; Сулим вызвал Лэснера и велел начинать. Лэснер немедленно отослал людей к яхтсменам, которые, по данным наблюдения, в эту минуту тянули вдоль побережья от Алушты к Малореченскому. Потом Сулим вызвал по внутренней видеосвязи лабораторию. Ответил, конечно же, не сам Шадули, а его долговязый референт.

— Доброе утро. Вы готовы к отъезду?

Дог молча кивнул и добавил:

— Осталось только текущие исследования свернуть.

«Исследования, — неприязненно подумал Сулим. — Какие еще исследования? Что они там исследуют, если ген волка давно получен естественным путем, от самих волков? Исследователи хреновы...»

— Сворачивайте. За вами могут прислать в любой момент.

— Я должен согласовать это с господином Шадули, — упрямо заявил референт.

— Ну, так согласовывай, дылда очкастая! — раздраженно гаркнул Сулим и отключился.

Он никогда не жаловал эту высоколобую братию, а те платили ему той же монетой.

Лэснер объявился спустя полчаса и сказал, что ученых можно выводить через четвертый шлюз, к побережью.

— Вот и займись, — приказал Сулим. — Хотя, стоп, я сам займусь. А ты пока обеспечь внешнее охранение, да не жмись, задействуй всех свободных.

— Понял, шеф. — Лэснер, как всегда, был немногословен. Зато исполнителен — в этом Сулим был уверен железно.

«Ну, — подумал Сулим Ханмуратов, — начали...»

До лабораторий было десять минут ходу, в основном — коридорами и немного — по краю естественной пещеры, под гроздью белесых сталактитов. В свете люминесцентных ламп сталактиты нехотя отблескивали.

Охранник у четвертого шлюза отдал ему честь.

Махолет перевалил через гряду и стал планировать к Симферополю. Арчи поглядывал в круглый иллюминатор. Севернее гряды все было иным, чем на побережье: начиная от растений и заканчивая температурами. За какой-то десяток минут из конца субтропического лета они перенеслись в начало осени степного Крыма.

Исполинская стрекоза, изредка переходя в машущий полет, неслась над полями, над ниточкой трассы, над водохранилищами. Вдалеке смутно угадывались здания крымской столицы.

Так и дотянули до восточной окраины, где раскинулись посадочные площадки и полосы симферопольского аэропорта.

Махолет посадили в служебном секторе; лопоухий подросток-шелти с сигнальными флажками очень профессионально скорректировал касание, и стрекоза ловко встала на шесть растопыренных лап-опор.

— У нас десять минут, — сообщил Лутченко и взглянул на часы. — Борт из Куала-Лумпура на подлете, я связывался с диспетчерской.

Невдалеке, в конце резервной полосы, раскорячился транспортный «Витязь» с сибирским гербом на фюзеляже и на головогруди. Арчи даже охранение рассмотрел — шестерых иглометчиков из Томской авиагруппы.

— Пошли, — скомандовал Лутченко.

Арчи и Генрих послушно выбрались наружу. Парень-шелти поманил их за собой — показывал дорогу. Миновали какие-то ангары с еле обозначенной короной и серовато-стальной корой, открытые стоянки, потом прошли в калитку посреди бесконечного забора и оказались у какой-то объездной дороги. Напротив калитки стоял экипаж с распахнутыми дверцами. Лутченко кивнул на него.

Экипаж домчал их до здания аэровокзала за какие-то пять минут.

Арчи с некоторым трудом вычленил несколько групп прикрытия — ребятки-европейцы маскировались очень удачно.

— Выход с летного поля там, — пояснял Лутченко. — Зимой выходят только через здание, а летом — как получится. Но тем, у кого багаж, все равно придется потом идти в здание.

— Ага, — выразил внимание Арчи. Собственно, он прекрасно разбирался в реалиях симферопольского аэропорта и так, на личном опыте.

Генрих вежливо внимал.

— Стоите и ждете, — наконец завершил объяснения Лутченко. — Курьер сам вас опознает.

Генрих демонстративно нацепил солнечные очки и сплел руки, как футболист в стенке. Он действительно походил на чуть-чуть загадочного встречающего. Загадочного в плане того, что встречать ему приходилось не в личном порядке, а по долгу службы, это мгновенно прочитывалось по десяткам нарочитых мелочей.

Арчи усмехнулся и тоже надел очки. Лутченко ушел в сторону аэровокзала и скоро растворился в толпе; ребятки из прикрытия тоже все время меняли место.

Ровно в десять объявили, что самолет из Куала-Лумпура и Карачи благополучно произвел посадку. Последние минуты какие-то борты действительно носились над летным полем, но выделить из них нужный, естественно, на глазок было невозможно.

Потом открылись ворота; к ним подкатило несколько длинных транспортных экипажей и к выходу хлынул поток пассажиров.

А спустя несколько секунд у Арчи екнуло в груди и перехватило дыхание.

Навстречу шла ОНА — Ядвига, в легком летнем наряде, в темных очках, в туфельках-лодочках. В руке она несла довольно большой чемодан.

Арчи оцепенел, перестав замечать все, что вокруг происходит. Потом, словно завороженный, сделал несколько шагов навстречу. А Ядвига, поставив чемодан на пыльный серый асфальт, бросилась к нему и крепко обняла.

Молча. Без единого слова.

Несмотря ни на что, Арчи все же зафиксировал, как Генрих скептически покачал головой, подошел к чемодану и взялся за ручку. Пока то же самое не сделал кто-нибудь более проворный. И все, снова переключил внимание на Ядвигу.

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Господин генерал! — суматошно проорал в селектор дежурный связист.

— Что там? — мгновенно приник к линии Золотых.

— Донесение с шестого поста! Из объекта «бункер» разошлись двенадцать человек, в стороны! Парами!

— Наблюдать, — жестко приказал Золотых. — Люди нужны?

— Сейчас узнаю.

— Давай прямой канал с постом! И с Коршуновичем!

Вениамин Коршунович последнее время руководил оперативным наблюдением и перекрытием территории. Очень, надо сказать, толково руководил.

Чутье подсказало Золотых — что-то началось. Неужели они не успели? Неужели опоздали на какой-то несчастный час — генерал уже знал: только что курьера благополучно встретили, приборы камуфляжа осмотрели и зафиксировали инструкции по пользованию и зарядке.

А события продолжали развиваться; к счастью, Золотых, похоже, понял смысл действий «чирсовцев». Двое из них сразу пошли на контакт с яхтсменами, двое подогнали на трассу микробиобус. В место, откуда было рукой подать до «бункера». Остальные «пасли» местность.

Золотых велел даже не приближаться.

Вскоре из бункера вывели еще семерых; группу легко было разделить на охранение и охраняемых.

Донесения с постов сыпались одно за другим.

Яхта «Вадим» встала на якорь в ближайшей бухточке. Лабрадор погнал к берегу надувную лодку.

Двое из «чирсовцев» говорили с лабрадором. Потом ушли в сторону ближайшего пансионата.

«Вадим» снялся с якоря и пошел к причалу этого же пансионата.

Микробиобус идет по трассе в сторону Алушты.

Махолет с приборами волчьего камуфляжа вылетел из симферопольского аэропорта.

Отобранная вчера группа «двадцать пять» поднята по тревоге и экипируется. Коршунович требует, чтобы волк-курьер провел экспресс-инструктаж группы сразу по прибытии. Коршуновичу вежливо сообщают, что курьер — волчица и что она в данный момент пребывает в грузовом отсеке махолета наедине с Шерифом, отсек заперт, и на стук никто не отвечает. Коршунович матерится, намекая, что его это колышет поразительно мало и что Шериф свое еще огребет.

Золотых тоже матерится и велит сажать махолет не на Орлиной Плеши, а непосредственно в штабе.

Охраняемая группа из «бункера» грузится на борт яхты «Вадим». Яхта немедленно отваливает от причала и берет курс в открытое море.

Коршунович снова матерится и связывается со штабом Крымской пограничной охраны. Изображение с черноморского метеозонда, запущенного пару дней назад на Форосе, заводят на стационар в штаб альянса, непосредственно к Золотых. Искомая яхта отображается на плане красной точкой.

Волчица дает согласие провести инструктаж непосредственно по прибытии. Коршунович матерится, на этот раз с облегчением, и требует Шерифа.

Шериф матерится, просто так, без видимой причины. Ему сообщают, что шкуру с него спустят потом, а пока требуют подтвердить готовность к операции на воде. Шериф матерится и сообщает, что к операциям на воде он, по определению, готов всегда, а вместе со спущенной шкурой готов положить на стол рапорт об уходе в отставку и присовокупить к этому служебный шейный жетон.

Золотых грязно матерится и категорически требует прекратить употребление ненормативной лексики на служебных каналах.

Коршунович в самых литературных и изысканных оборотах выражает готовность следовать приказу вышестоящего начальства.

Золотых называет Коршуновича язвой и справляется насчет оцепления донецкого санатория.

Шольц в подчеркнуто вежливых выражениях сообщает, что давно уже получил рапорт офицеров спецназа. Территория оцеплена час назад.

Без вызова на канале возникает командующий европейской эскадрильей штурмовиков и на всякий случай информирует, что все подотчетные ему селектоиды готовы к взлету и оперативным действиям в пределах штатных расписаний. Пилоты находятся в кабинах.

Дежурный офицер штаба черноморской пограничной охраны с применением ненормативной лексики разгоняет с пути яхты «Вадим» патрульные катера.

Золотых на лексику не реагирует; его интересует — когда сядет махолет с грузом?

Махолет приводит текущие координаты и в качестве иллюстрации сообщает, что «они как раз перевалили через хребет».

Оперативники Коршуновича сообщают по цепочке на посты слежения, что часть охранения из обеих групп «чирсовцев» возвращается к «бункеру», часть остается в пансионате, от которого только что отвалил «Вадим».

Юрий Цицаркин, командир группы «двадцать пять», докладывает Коршуновичу, что группа готова к боевым действиям. Коршунович велит ожидать инструктажа.

Офицер-спецназовец из оцепления докладывает, что задержаны четверо якобы туристов. Пытались проникнуть на территорию донецкого санатория со стороны гор. Золотых отдает приказ задержать и изолировать до выяснения.

Махолет садится при штабе. Коршунович требует начать инструктаж. Волчица начинает. Махолет с Шерифом и Немцем снова поднимается в воздух и берет курс в открытое море, вслед за яхтой «Вадим».

Цицаркин докладывает Коршуновичу о замене в группе «двадцать пять»: вместо исполнителя «Астон» на задание пойдет исполнитель «Волчица». Мотивировку Цицаркин опускает.

Золотых мучительно принимает решение (потратив целую минуту): санкционировать замену.

Волчицу спешно экипируют; инструктаж тем временем завершается.

Группа «двадцать пять» сообщает о готовности.

Золотых отдает приказ — начать операцию «Карусель-3».

На связи, естественно, тут же возникают президенты России, Сибири и Европы.

Генерал Золотых вполголоса матерится в сторону и перемещается к пультам правительственной связи. Разумеется, с этой минуты он — сама вежливость.

— Генерал?

— Я слушаю, господин президент.

По сложившейся негласной традиции из «трех китов альянса» с генералом Золотых общался президент Сибири.

— Я слышал, у вас там серьезные подвижки?

— Да я ведь отсылал экспресс-доклад сегодня ночью. Точнее, уже утром, в полшестого. Кроме того, события стали

развиваться быстрее, чем мы ожидали. Операция «Карусель-3» может завершиться в ближайшие же часы.

— А с чего вдруг такая спешка? — чувствовалось, что президент Сибири нервничает и что он очень озабочен создавшимся положением.

— Мы получили новую информацию. Она подтвердилась. Подобный случай упускать было бы непозволительной роскошью. Я пытаюсь им воспользоваться. Простите, господин президент, операция начата, и у меня неважно со временем. Я распоряжусь отсылать вам постоянные отчеты. Прошу прощения, но я действительно не могу разорваться.

— Ну что ж, генерал... Я изо всех сил надеюсь, что хотя бы третья операция завершится результативно.

— На это есть весьма и весьма неплохие шансы, господин президент... До связи.

— До связи.

— Ну что, напарник? — тихо обратился к Рихарду Вапшису Юрий Цицаркин. — Вот он, наш звездный час?

Говорили они, естественно, по-балтийски.

— Посмотрим. — Рихарда трудно было смутить или удивить. Пресловутый балтийский флегматизм давным-давно въелся в его привычки и поведение.

Цицаркин понимающе кивнул и обернулся к своему «войску на час».

Кроме Рихарда — двадцать два человека и одна волчица, которая как раз выскользнула из вагончика, полностью экипированная и вооруженная. Надо сказать, в пятнистой форме она выглядела очень браво и естественно, а игломет держала весьма уверенно.

В закрытом с трех сторон склонами гор, а с четвертой — густыми зарослями ущелье их приготовления вряд ли кто мог бы заметить.

Группу «двадцать пять», кроме пары прибалтов и в самый последний момент возникшей волчицы, составили: трое россиян (одного из них звали Багратом, остальных Цицаркин знал только по кличкам), уже знакомые по осаде Ашгабата сибиряки Нестеренко, Михеич, Герасим, Богдан По и

Шелухин, двое людей из подчинения майора Шольца, один туранец, здоровенный и мрачный, и одиннадцать парней из мобильного спецназа, также известных только по кличкам. Результатами первого осмотра Цицаркин остался доволен — группа выглядела многообещающе. Тот факт, что командовать доверили ему, Цицаркина удивил, но не очень. Командовать так командовать. В конце концов операция довольно примитивна, просто нужно делать все быстро и толково, тогда все и получится. А Цицаркин — самый опытный и возрастной из задействованных профессионалов. Из тех, разумеется, кто еще в состоянии работать в поле. Ну, если быть точным — в подземелье, но это все равно расценивается как работа в поле.

— Готовы? — рявкнул Цицаркин; группа отозвалась слаженным «Йе-е-е!».

— «Двадцать пять», проинструктированы и готовы, — отрапортовал Цицаркин Коршуновичу.

— Начали, — скомандовал тот и что-то тихо пробормотал, не то «ни пуха ни пера» желал, не то просто дежурное заклинание выдохнул. У стариков такое встречается сплошь и рядом, Цицаркин это прекрасно знал.

И они рысцой двинулись к шахте, входу в разведанные спелеологами-итальянцами и мастерами из родимой «пореа reagoida» пустоты. Отсюда в окрестности одного из шлюзов была давно пробита узкая штольня.

Цицаркин знал, что сейчас остальные спецназовцы берут под прицел все известные «бункера». Резервная группа направлена в ближайший пансионат, где осталось несколько «чирсовцев».

Подземелье вовсе не было сырым, как могло показаться сначала. Пахло потревоженной землей, нагретым камнем и лимфой. Тусклые тела люминофоров-мономорфов выхватывали из темноты узкий ход. Самым высоким из «двадцати пяти» приходилось пригибать головы.

В самом конце тоннеля, в тупике, Цицаркина встретил чернявый итальянец по имени Антонио.

— Так! — с ходу принялся за дело он. Говорил он с неожиданным в устах итальянца сибирским акцентом. — Давайте все по нишам!

Узкие ниши-гробики числом около тридцати были загодя проплавлены в стенах.

— Знач, так, когда я взорву стену, откроется ход в тоннель «Чирс»; слева будет их шлюз; но ход откроется уже прямо на территорию базы, понятно? Шлюз скорее всего охраняется с обеих сторон, поэтому сами позаботьтесь об охранниках. Вам направо, там основные помещения базы. Вопросы есть?

— Нет вопросов, — сказал Цицаркин и разбудил переговорник на шее. — Всем задействовать камуфляж!

Двадцать пять теней растворились в неверном полусвете подземелья. Казалось, сумрак вобрал в себя заблудшие души.

— Взрывай, — велел Цицаркин итальянцу.

Тот вынул пульт, попытался сунуться в ближайшую нишу, но она оказалась занятой кем-то из невидимых «двадцати пяти», поэтому итальянец ругнулся, с третьей попытки нащупал-таки свободную нишу и спрятался там.

— Готовы? — прошептал он зловеще. — Взрываю!

Цицаркин привычно приоткрыл рот.

Бабахнуло. Основательно бабахнуло, добротно. Цицаркин так же привычно сглотнул, избавляясь от звона в ушах, и первым нырнул в пыльное облако. В облаке крылась рваная овальная дыра, за которой угадывался такой же коридор, только повыше и пошире. У дыры с совершенно очумелым видом сидели двое с полуавтоматическими пулевиками. Цицаркин вскинул игломет и всадил каждому по полновесной дозе паралитика — их снабдили безумно дорогими иглами с десятичасовым эффектом. На случай непредвиденных задержек. Охранники с тем же удивлением на лицах из сидячего положения невольно перешли в лежачее.

Только слабое движение воздуха подсказывало Цицаркину, что бойцы его группы проскакивают мимо него, устремляясь в глубь базы. Но двое точно останутся. Все отрепетировано.

Сам собой приводится в движение рычажок на пульте — тяжелый триморф, запирающий коридор, откидывает один из сегментов люка; в узком треугольном отверстии возникают еще две фигуры. Раз-два, и они отправляются полежать.

Цицаркин выглянул — коридор за шлюзом был пуст. Но где-то там, в отдалении, притаились свои. Из внешнего прикрытия.

— Шлюз чист, — сообщил Цицаркин на командный пункт. — Берите, мы уходим.

Он, Рихард и молчаливый туранец, не видя друг друга, устремились вослед остальной группе.

Первые парализованные «чирсовцы» стали попадаться уже за ближайшим поворотом. Было прекрасно видно, где только что прошла основная часть группы «двадцать пять».

Они шли по базе «Чирс», выкашивая всех на своем пути. Суетящуюся охрану, клонов в учебных кабинетах, обслугу — всех. Невидимость свела задачу к тупой механической работе: выпусканию парализующих игл. Оставалось только следить, чтобы никто не улизнул и не спрятался. Охранники полегли первыми, поскольку пытались обнаружить противника. Они сами лезли под выстрелы, и было смешно и немного грустно видеть, как они жмутся к стенам и заглядывают за углы, не подозревая, что противник совсем рядом. Цицаркин еле успевал менять обоймы с иглами. Остальные, видимо, тоже.

Переговоры между бойцами «двадцати пяти» выливались в короткие рубленые фразы, поскольку голоса моментально демаскировали даже невидимку, а стрелять на слух охрана «Чирс» умела. Ранили Богдана По и прострелили игломет у одного из спецназовцев.

Сибиряки устроили форменную свалку в казарме клонов — их там оказалось душ семьсот, если не больше. Оружие не успевало плеваться иглами — Нестеренко и Михеича зажали в углу, сбили с ног и едва не затоптали. Хорошо, подоспела Волчица с Рихардом, молчаливым туранцем и двойкой подчиненных Шольца. Шквалом игл клонов обрушили на пол.

Россиянин Баграт в одиночку влез в лаборатории и положил почти полсотни бестолково мечущихся недоученных клонов. По связи сообщили, что сразу через два шлюза «чирсовцы» пытались прорваться наружу; их загоняли назад теми же иглами и шоковыми гранатами.

Цицаркин подозвал Рихарда с Багратом; втроем они принялись утюжить административный блок. Автоматизм, присущий таким, как они, спецам, не подводил. Рывок — дверь отворяется, но никто никуда не лезет, все стоят рядом с косяками. Изнутри стреляют — пули вгрызаются в стену напротив двери. Потом всегда пауза — обороняющиеся пытаются увидеть противника. Но не видят. И вот тут самое время с кувырка мягко вкатиться в помещение, поймать стволом игломета вжавшуюся куда-нибудь в угол фигуру и надавить на спуск.

И так раз за разом.

Матерый овчар, пойманный иглой в щели между массивным сейфом и кадкой с чахлым фикусом. Два аморфа под письменным столом. Дебелый пули с искаженным гримасой лицом за дверью.

И вот лицо номер два на «Чирс».

Сулим Ханмуратов.

Этот не стал даже прятаться — остался сидеть в кресле, лишь опустил на столешницу тяжелый восьмизарядный «Каспий». Парализуя его, Цицаркин тихо прошептал: «Извини».

А вот и лицо номер один. Злой гений и загадочный интриган. Саймон Варга. Человек, ухитрившийся стать врагом человечества.

Говорят, до биокоррекции на эту роль претендовали многие, но те времена прошли. Увы, небезвозвратно.

Перед Варгой Цицаркин извиняться не стал.

Операция заняла сорок две минуты с секундами. Сорок две минуты — и на «Чирс» не осталось ни одного подвижного человека или клона, кроме невидимок из «двадцать пять».

Рапортуя Коршуновичу «финиш», пшеничноволосый эрдель Юрий Цицаркин мог быть доволен. Базу подчистили классически. И практически без огрехов. Потери — один раненый, двое легкораненых и оглушенный.

Так Цицаркин и доложил.

А клонов на базе оказалось чуть не вдвое больше, чем ожидалось. Так что дополнительные обоймы с иглами пришлись весьма кстати.

* * *

— Да фиг с ним, на ходу выпрыгну, — беспечно сказал Арчи. — Первый раз, что ли?

Офицер-махолетчик виновато развел руками:

— Ты извини, мне ж никто заранее не сказал, что тебя сбрасывать придется... Так бы мы поплавки взяли.

Генрих сокрушенно вздохнул и покачал головой:

— Бардак. Почему у вас, у русских, всегда и во всем бардак?

— Это не у русских, — проворчал Лутченко. — Это у служивых. Да и вообще, где начинается авиация, там кончается порядок. Слышал о сем прискорбном факте?

— Видел, — невозмутимо сообщил Генрих. — Точнее, вижу. Прямо сейчас.

— Мужики, — снова примирительно вставил Арчи. — Я ж говорю, не грузитесь. Прыгал я с махолетов, черт знает сколько раз прыгал. Не проблема.

Офицер поглядел на Арчи с немой благодарностью.

— Вода холодновата, — зачем-то заметил Ваня Шабанеев. — Сентябрь уже.

Словно операцию могли отменить по причине холодной воды... Арчи махнул рукой — бесполезно что-то доказывать, не поймут. Спецов по операциям на воде, кроме него самого, на борту больше не было.

— Так, повторим. Тебя сбросят на курсе «Вадима». Капитан, по идее, обязан тебя подобрать. Подберет, как думаешь?

— Подберет, — убежденно сказал Арчи. — Вадик — обязательно подберет.

— Знакомство с ним не афишируй, — наставительно посоветовал Шабанеев, отрываясь на секунду от терминала.

— Не буду, — послушно пообещал Арчи.

— Ты не смейся, — фыркнул Ваня. — Они хоть и ученые, а умные. Мы даже не знаем — вооружены ли они.

— Почему это не знаем? — удивился Генрих. — Охранение в пансионате разве не повязали?

— Повязали, — сказал Лутченко. — Только охрана о багаже ничего толком не знает. Они ж не мамочки биологам, чтоб чемоданы им паковать.

— Бардак, — с отвращением промолвил Генрих. — Чем дальше на восток — тем больше бардака.

— Это ты сибирякам расскажи, — хмыкнул Шабанеев. — Они дальше к востоку, им приятнее будет это слышать.

Арчи тем временем облачился в шорты. Больше ему ничего не полагалось. По легенде. Впрочем, цепочку с номерным жетоном вээровца ему все же вручили и пришлось ее прятать в спецкарман. Дурацкие законы, но они законы...

— Шериф, — проникновенно сказал Лутченко, — я тебе не говорил пока. В случае непредвиденных обстоятельств ты должен будешь этого Ицхака Шадули убить. И ученичков его — тоже. Но в первую очередь старика.

— Это еще зачем? — опешил Арчи.

Лутченко взглянул ему в глаза.

— Шадули умеет делать волков. Этого никто на Земле не должен уметь.

Арчи молчал почти полминуты.

— Волков, Виталий, делают не генетики, а генералы и президенты. Если ты еще не понял.

Лутченко виновато вздохнул.

— Да я-то понимаю. Но так уж сложилось, что мы обязаны выполнять приказы. И мы будем их выполнять. Сегодня — ты. Завтра — я. Это разведка. Это политика.

— Черт бы побрал разведку с политикой на пару, — угрюмо сказал Арчи.

— Поберет. Но это все равно не отменяет приказов и необходимости им подчиняться. Увы.

— Заходим, — предупредил махолетчик из кабины. — Пятиминутная готовность.

— Слушайте, — спросил вдруг Генрих. — А зачем вообще нужна эта комедия? Что, нельзя было просто послать за яхтой катер с пограничниками? Ну или с нами в конце концов?

— Нельзя, — пояснил Лутченко. — Во-первых, при нормальном ветре катер яхту просто не догонит. Такую, во всяком случае. И еще — по нашим данным, в патруле есть люди Варги. И мы не знаем, что они могут выкинуть. Понимаешь? Если мы затеем операцию перехвата, мы можем быть

атакованы. А сие чревато неожиданностями. Золотых же страшно не любит неожиданности.

— Можно подумать, что я от неожиданностей буду застрахован, — угрюмо заметил Арчи. Он вообще выглядел угрюмо, причем с каждой минутой мрачнел все больше и больше.

«Как бы он не сломался, — озабоченно подумал Лутченко. — Неужели подведет?»

А вслух сказал:

— У тебя будет фора. В принципе всю эту шатию можно просто притопить...

Арчи как раз вогнял в узкий карман на бедре метательный нож.

— ...но лучше, к примеру, ножичком. Для верности.

— А иглы с парализатором не лучше?

Лутченко недовольно поморщился.

— Шериф, живой генетик, который знает, как делаются волки, может попасть под дурное влияние. Его могут похитить. У него могут похитить жену и детей, чтобы вынудить его делать то, что вздумается каким-нибудь психам вроде Варги. А мертвецы забывают все, что знали. Напрочь забывают. Такие дела.

— Так что мне, игломет вовсе не брать?

— Не бери. Не будет лишнего искуса.

— Большое спасибо! — едко поблагодарил Арчи. — Фитиль на семь персон! Место в психушке мне уже забронировали?

— Арчи, — взмолился Лутченко вполголоса. — Не нужно, а? У тебя же семнадцать фитилей за кормой, пусть даже почти все сухие, ты один из наиболее опытных агентов Земли. Если ты не сломался в начале, зачем тебе ломаться теперь? Неужели непонятно: лучше сейчас убить семерых, чем потом эти семеро наделают волков, которые убьют тысячи?

— Прекрати меня лечить. — Арчи неожиданно даже для себя окрысился. — Срал я на всю нашу лицемерную мораль, понятно? Я своей любви в глаза хочу смотреть, и чтобы при этом стыдно не было и взгляд опускать не хотелось! Это ты в состоянии понять?

Лутченко явно хотел напомнить, что вышеупомянутая любовь Арчибальда Рене де Шертарини и сама далеко не-

безгрешна. Но что-то подсказало ему: не стоит. Именно сейчас — не стоит.

И Виталий Лутченко промолчал.

Промолчал и Генрих, который вдруг подумал, что последнее время слышит от Арчи много трескучих фраз и при этом фразы далеко не так бессмысленны, как пытается выставить тот же россиянин Лутченко. Генриху и самому иногда становилось не по себе. Многое, во что он верил в течение долгих лет, внезапно оказалось не крепко вросшим в землю зданием, а эфемерным карточным домиком, и было сметено первым же легким порывом ветра.

А еще ему вдруг стало отчетливо ясно: чтобы хранить жизни своих соотечественников, нужно непременно отнимать жизни других соотечественников. Потому что иначе просто не получается. И не важно, что, защищая интересы Европы, он убивает, к примеру, туранца или американца. Туран и Америка греются под одним солнцем, и одни и те же звезды поочередно смотрят на Туран и Америку с высоты. Пока человек жив, его можно называть как угодно — американцем, туранцем, зулусом. А когда жизнь у него отнимают — становится безразлично, кем он был.

Генриху мучительно захотелось бросить свое ремесло, от которого он еще совсем недавно получал удовольствие. Только как-то уж слишком сложно и стремительно обернулись события, и пришлось убедиться, что до сих пор жил с полупрозрачной пеленой перед глазами, и пелена эта пропускает далеко не все.

Если бы Генрих узнал, насколько точно его мысли совпадают с мыслями Арчи, он бы, наверное, удивился. А возможно, и не удивился бы. Он проработал во внешней разведке достаточно долго, чтобы не удивляться, когда подтверждается очевидное, хоть и кажущееся невероятным.

— Елы-палы, — ругнулся из кабины офицер-махолетчик и содрал с головы шлемофон. — Серега, заведи-ка на громкую!

В тот же миг в натянутую тишину ворвался гул сразу нескольких голосов и еще масса сливающихся звуков.

— ...идут на форсаже! Два штурмовика сбито!

— Первый, первый, прошу помощи, тонем!

— «Отпор», эвакуируйте экипаж!

— Что, черт возьми, творится? — Лутченко требовательно взял офицера за локоть.

— Несколько катеров в Береговом откололось от эскадры; они расстреляли звено европейских штурмовиков. Прямо в воздухе. Потом потопили два своих же катера и подбили еще четыре. Мятеж. Они отсекли яхту от берега и от воздуха. Собственно, мы единственные, кто сейчас дальше от берега, чем яхта. Наших ученых неплохо охраняют...

— Кэп! — испуганно доложил один из пилотов. — Президент на связи...

Офицер вытаращил глаза и снова припал к шлемофону. Потом поднял ошалелый взгляд на Арчи.

— Вас...

Арчи обреченно взял шлемофон.

— Слушаю.

— Агент де Шертарини?

— Он самый.

— Говорит президент России. Надеюсь, вам знаком мой голос.

— Знаком.

Арчи не стал добавлять обязательно уставное для служащего разведки «господин президент».

— Вы должны немедленно высадиться на судно с беглецами и устранить Ицхака Шадули и его учеников! Физически устранить! Любой ценой! Это приказ, категорический приказ! Наделяю вас исключительными полномочиями, можете приказывать всем, кто сейчас вместе с вами! Там ведь есть сотрудники вэ-эр?

— Есть. Двое.

— Командуйте ими! Командуйте также сотрудником европейской вэ-эр, с Европой все согласовано! Приступать немедленно! Вам понятно?

— Понятно, — глухо отозвался Арчи. — Приступаю.

Он опустил шлемофон.

— Поздравляю, — сообщил он, глядя на Лутченко. — Теперь операцией командую я. И нам приказано немедленно устранить Шадули и его учеников.

— Мне приказано оказать вам любое возможное и невозможное содействие, — поддакнул офицер-махолетчик. Глаза у него оставались круглыми, как у совы. — Приказывайте...

Генрих тем временем тоже выслушал в шлемофоне отрывистую тираду по-немецки.

Арчи осмотрел свое новоявленное войско. Четыре человека. Он сам, Шабанеев, Лутченко и Генрих. Если учесть, что противостоят им семидесятилетний старик и горстка кабинетных очкариков, можно счесть задание увеселительной прогулкой.

— Ну, за него я молчу, пусть себе с компом обнимается, — зло сказал Арчи, кивнув на Шабанеева. — А вот ты пойдешь? Пойдешь со мной убивать одного деда и шестерых яйцеголовых?

Арчи в упор глядел на Лутченко.

— Туранская эскадра на подходе, — упавшим голосом сообщил один из пилотов. — Война, люди, война...

Лутченко, побледнев, втянул голову в плечи.

— Что, сжалась душонка? — презрительно сказал Арчи. — Своими-то руками кровушку проливать тяжко...

— У меня был фитиль когда-то... — пробормотал Лутченко и отвел взгляд.

— Хрен с тобой, оставайся. — Арчи махнул рукой.

— Я пойду, — очень спокойно сообщил Генрих. — Только я помимо ножа возьму еще и огнестрелку. А ты как хочешь.

— А я — ножом. — Арчи угрюмо похлопал себя по карману. — Чтоб потом все это красненькое по телику показали. Облачайся, Генрих.

Генрих быстро сбросил одежду и натянул такие же, как у Арчи, шорты.

— Ты плавать-то хоть умеешь? — осведомился Арчи.

— Умею. Не беспокойся.

— Вижу яхту, дистанция четыре с половиной, идут на нас, — крикнул из кабины пилот.

— Снижайся, — велел ему Арчи.

Как всегда перед операцией, когда решение уже принято, пришло спокойствие и уверенность. Руки и не думали

дрожать. В душе стало гулко и пусто. Она будет потом болеть, душа. Когда удовлетворенно притихнет то, что ведает в человеке пресловутым профессиональным долгом.

До чего же алчно и неистребимо оно, это что-то, ведающее в человеке профессиональным долгом...

— Снижайся... Готов, Генрих? Прыгай ногами вниз, высоты не бойся, удара о воду тоже. Смотри только не плюхнись плашмя. В воде сразу раскинь руки и всплывай. Береги уши, зальет — хана тебе, не выплывешь. На вот, шапочку натяни, как всплывешь — выбросишь.

— Спасибо, — поблагодарил холодный и невозмутимый, как скала, Генрих Штраубе. Агент Немец. Пока несостоявшийся друг и, возможно, будущий молчаливый собутыльник по заливанию спиртом саднящей человеческой совести.

— Огнестрелку сюда, в герметик.

— Спасибо, я знаю, как этим пользоваться.

— Все, ниже не получится, — донеслось из кабины. — Зачерпнуть можем...

— Ниже и не нужно. Открывайте люк...

От воды махолет отделяло метров пятнадцать. Пятиэтажный дом.

— Готов, Генрих?

— Готов.

— Давай!

Арчи хлопнул напарника по плечу. Тот натянул шапочку и пристегнул пакет с пулевиком к лямке на поясе.

Генрих на миг замер перед люком, выглянул и шагнул в пустоту.

— Удачи, — робко пожелал в спину Лутченко.

— Удачи, — эхом повторил махолетчик. Пилоты, кажется, тоже что-то пожелали.

Но Арчи уже не услышал. Он оттолкнулся и в несчетный раз за свои неполные тридцать лет жизни ухнул навстречу оглушительно синей морской глади.

Только море умеет так обнимать.

— Палыч... — У генерала Золотых, конечно же, был озабоченный голос. Озабоченный, но вместе с тем и азартный. — В «двадцать пять» есть ведь один туранец?

— Есть, — подтвердил Коршунович.

— Надо его спеленать потихоньку. Сумеете?

— Сумеем.

— Где еще есть туранцы?

— Наблюдателей мы уже заперли. Само собой, вежливо и корректно. Кстати, я закончил срочный рапорт президентскому совету, сейчас тебе принесут; подмахни и отправляй сразу.

— Понял. Как флот?

— Прут на север. Если яхта не изменит курса, они встретятся часа через четыре, где-то уже за Севастополем, наверное. Яхта плавно отклоняется к западу, потом отклонится к северо-западу. Севастополь они обойдут; смешно, но там не осталось ни единого катера, на котором их можно перехватить! Я отправил группу, они потрошат частные суда. Может, чего и найдут.

— А как наши ангелы?

— Шериф с Немцем? Только что высадились.

— Жалко старика... — вздохнул Золотых. — Всю жизнь пахал на этого психа и в итоге угодил в самый котел...

— Ты о Шадули? — спросил Коршунович. — Так сам виноват, нечего было на деньги прельщаться. Работал бы в своем университете...

— Не скажи, Палыч. Ученые — они же фанатики. Их исследования интересуют, а остальное все по боку. Исследования — это деньги. А откуда деньги берутся, разве это интересно? Ты вот происхождение каждого рубля из своего жалованья не выясняешь, нет?

Коршунович озадаченно хмыкнул; кажется, он был удивлен, что в такие горячие минуты Золотых вдруг ударился в философию.

— Ладно, давай командуй... Меня тут опять президент требует...

— Ага, Семеныч...

«Слава богу, — подумал генерал Золотых, — хоть старые коллеги иногда по-старому обращаются... А то все «господин генерал» да «господин генерал»...»

— Эй! — закричал Арчи, вышел из воды едва ли не по пояс, взмахнул руками и снова ухнул в прохладные черно-

морские объятия. Генрих покачивался на волне совсем рядом. Он уже снял и выбросил шапочку; на воде Генрих держался достаточно уверенно, но все равно смешно вытягивал шею и топорщил уши. Овчар, что с него возьмешь...

«Вадим» чуть изменил курс — их явно заметили.

На руле стоял Чиков; когда яхта, описав короткую дугу, стала в левентик и паруса заполоскались по ветру, Ник де Тром бросил свободный шкерт Генриху, а Арчи в два десятка мощных гребков доплыл до кормы, влез по спущенному наспех трапу, цепляясь за релинг, и помог подтянуть Генриха. Сначала Арчи хотел шепнуть Нику и Чикову, чтобы его «не узнавали», а потом подумал: зачем?

— Братан? — Чиков не выглядел слишком удивленным. — Ты-то здесь откуда?

— Служба, братан... — печально сообщил Арчи, отряхиваясь. Во все стороны разлетелись брызги.

Генрих как раз вытаскивал из герметика пулевик, а Ник выбирал из воды мокрый шкерт.

Уголком глаза Арчи наблюдал, как из кубрика на него смотрят настороженные биологи «чирсовцы».

— Убирайте паруса, братан, — жестко велел Арчи. — И это... не отсвечивайте, ладно? Мы сейчас работать будем.

Ник послушно метнулся на палубу, сдернул фалы и принялся спускать, а потом увязывать стаксель. Чиков бросил руль, поймал гик, зафиксировал его и быстро стянул грот.

— Все. В кубрик, — скомандовал Арчи.

В кокпите с пулевиком в руках зловещим изваянием воздвигся Генрих. Лицо у него было совершенно отрешенное.

Чиков и Ник, оба очень бледные, нырнули в кубрик; Арчи взглядом нашел в глубине Ицхака Шадули.

— Профессор! А вас я попрошу выбраться на воздух.

Старик, отнюдь еще не немощный, повиновался; ему помогли выбраться в кокпит. Арчи сразу же вогнал на место брандер-щит и наглухо задвинул люк. Теперь кубрик был закрыт. А тем, кто остался снаружи, ничего не мешало.

Даже стоя у борта и держась за леер, Ицхак Шадули был ниже, чем Арчи, оставшийся в кокпите. Седые волосы старика трепались на ветерке, а изрядно ношенные брюки пу-

зырились на коленях. Профессор, кажется, понял, что его ожидает. Он не паниковал и не трясся. Он просто печально смотрел вдаль, на невидимый отсюда берег. На подернутый дымкой горизонт.

— Все равно, — проскрипел Шадули, — это прекрасный мир. Хоть и населяют его несчастные люди.

— Мне кажется, своей работой вы сделали мир еще несчастнее, профессор, — глухо заметил Арчи, вынимая нож.

— Ни черта вы не понимаете, молодой человек. Ни черта. Человек сто в этом несчастном мире понимают, насколько этот мир несчастен. Вряд ли больше ста.

— И кто же эти люди? — сдержанно поинтересовался Арчи.

— Ученые. Старые грибы вроде меня. Все, кто пожил достаточно долго и сумел понять достаточно много.

— Зачем вы делали волков для Варги, профессор? — в лоб спросил Арчи. — Уж не за тем ли, чтобы сделать мир еще несчастнее?

Шадули неожиданно рассмеялся, словно Арчи сморозил несусветную глупость.

В этот миг люк, сухо шорхнув в пазах, отъехал к основанию мачты, и из кубрика показалась рука с иглометом. Рука гуляла и подрагивала. Генрих выстрелил мгновенно и, естественно, попал — у него рука гулять и не думала. Горе-стрелок заполошно взвыл и, грохоча, обрушился с трапа; игломет, вышибленный из кулака, застучал по палубе и чуть не соскользнул за борт.

— В следующий раз буду стрелять в голову, — предупредил Генрих. — Если еще есть оружие, лучше сразу выбрасывайте.

В кокпит вылетел еще один игломет, такой же миниатюрный, на четыре иглы.

— Все, больше нет, — срывающимся голосом сообщили изнутри.

— Закрыть люк, — велел Генрих.

Люк закрылся.

Профессор прекратил созерцать дали и повернулся лицом к Арчи.

— Их... тоже?

Арчи кивнул. Только кивнул.

Что-то заставляло его медлить, заставляло говорить с этим миниатюрным аморфом, годящимся Арчи что в отцы, что в деды.

— Ну, меня — понятно. А их-то за что?

— Они видели, как вы сделали волков для Саймона Варги. Есть риск, что они сумеют повторить это.

Шадули пожевал вялыми старческими губами.

— Молодой человек, чтобы вырастить матрицу на базе готовой генетической вытяжки, хватит знаний биолога-старшекурсника. А уж вырастить клона сможет и школьник, если хоть раз открывал соответствующий учебник.

— У меня приказ, профессор. А приказы я не обсуждаю. Я их выполняю, даже если мне самому противно.

— А вам противно? — с интересом спросил Шадули. — Черт возьми, мир еще несчастнее, чем я надеялся! Молодой человек, вы ведь можете с ума сойти, если убьете всех нас. Вам себя не жалко? Вы сойдете с ума ради пустоты. Ради призрака, в которого все верят, но которого никогда не было. Впрочем, чего это я...

Арчи в первый миг хотел сказать, что убивать ему уже приходилось, но вместо этого зачем-то попросил:

— А нельзя ли поподробнее насчет призраков?

Шадули насупился и отвернулся.

— Подите к черту, душегуб. Давайте, доставайте свой самострел или что там у вас.

— И все-таки? — настаивал Арчи.

— Таким, как вы, все равно не понять.

Арчи сглотнул и заметил:

— Может быть, как раз именно я и пойму...

Наверное, в голосе агента де Шертарини прозвучало нечто такое, что заставило Ицхака Шадули пересмотреть свое мнение.

Старик повернулся и долго-долго глядел Арчи в глаза.

Что-то он там разглядел. Может быть, боль. Может быть, тоску. А может быть — веру.

Во всяком случае, он начал рассказывать.

— Мне не страшно было делать волков для Саймона Варги, потому что человечество всегда было и остается доселе ци-

вилизацией хищников. Мы волки, молодой человек. И вы волк, и я волк, и в комнате на этом катере все волки, и любой человек на Земле остается волком. Ген хищника, ген волка — это сущий бред, для любого мало-мальски сведущего генетика это очевидно. Биокоррекция тысяча семьсот восемьдесят четвертого года была отчасти грандиозной мистификацией, отчасти — глобальным сбором генетического материала. Ну, еще массовой прививкой от эпидемии энтерита.

— То есть как это бред? — не понял Арчи.

Шадули устало махнул рукой:

— За агрессивность не может отвечать один ген. Это размытый признак, это не программируется. Во всяком случае, я бы не взялся. Как бы вам попонятнее объяснить... Это все равно что путем генной инженерии отучать людей кушать мацу или крендели с повидлом. Потому и бред.

— Отчего же генетикам не рассказать об этом миру, если это очевидно? — недоуменно спросил Арчи.

— Видите ли, в том-то и состоит гениальность группы, которая затеяла и провела биокоррекцию. Несколько поистине виртуозных ученых состряпали достаточно убедительное научное обоснование. Неверное по сути, не работающее, но выглядящее невероятно убедительно и правдоподобно. Подавляющее число биологов в него и верят. Понять, что оно ложно, сумели лишь те самые сто человек в мире, о которых я недавно упоминал. Для этого нужно полвека жить наукой и разбираться во многих вещах... ну хотя бы как я. Любой, совершенно любой человек на Земле в состоянии убить ближнего своего. И одного, и двоих, и десяток. Никаких обоснованных препятствий для этого нет. Просто наш мир так устроен, что люди верят: убьешь — сойдешь с ума. По-настоящему верят. Поэтому и сходят. Самовнушение в масштабах планеты. Просто и жутко, потому и работает уже двести лет. Вы вот, к примеру, уже убивали людей?

— Убивал, — честно признался Арчи.

— Что-то не похожи вы на сумасшедшего.

Арчи беспомощно поглядел на Генриха.

«Мы — волки, — подумал он. — Мы все — волки. Как все просто...»

— Варге я просто морочил голову, хотя честно делал работу, в неуспехе которой был заранее стопроцентно уверен. Попутно я проводил собственные исследования, имеющие и кое-какую реальную пользу для людей... Даже в журналах кое-что обнародовал. Я не знаю, сумел бы выбить ассигнования на эти исследования, не работай я на Варгу.

— А почему мы должны вам верить, профессор? — спросил Генрих, как всегда отстраненным тоном.

— Да не должны вы мне верить, — отмахнулся Шадули. — Я и не рассчитываю, что вы мне поверите. Именно потому не рассчитываю, что наш мир несчастен.

— Генрих, — жестяным голосом объявил Арчи, — я прекращаю операцию. Приказываю оказать мне содействие в следующем: любой ценой доставить Ицхака Шадули в расположение штаба сил альянса с целью выяснения истинности всего, что мы сейчас услышали. Надеюсь, генерал быстро найдет эксперта-генетика.

— Есть, — бесстрастно отозвался Генрих. — Как будем действовать?

Арчи спрятал нож в карман и подобрал из кокпита игломет.

— Профессор! — обратился он к старику. — Будьте любезны, вернитесь в кубрик и убедите своих учеников сидеть тихо и не чирикать. В таком случае у всех вас есть верный шанс сохранить жизни.

Генрих тут же толкнул люк и вынул брандер-щит. Перепуганные ученички Шадули (один с перевязанной уже рукой) таращились и щурились на свет.

— Ник, Вадик, наверх! Грот, стаксель вира!

Чиков моментально скользнул на руль; Арчи сам себя назначил матросом и занялся стакселем. Ник поднимал грот; Генрих, чтобы не мешать, присел в кокпите.

— Правь к берегу, — велел Арчи Чикову. — Во-он туда.

Кровавое пятно, оставшееся на внешней стороне брандер-люка после ранения незадачливого стрелка, медленно подсыхало на ветру. Паруса полнились ветром. Волны лизали обтекаемый корпус яхты.

Профессор, уже спустившийся в кубрик, пристально взглянул снизу вверх на Арчибальда Рене де Шертарини, но не проронил ни слова.

* * *

— Они изменили курс, господин генерал!

Золотых с опаской клацнул нужной клавишей и в глубине экрана развернулся светлый квадратик. На него взглянул Вениамин Коршунович, сидящий за таким же терминалом в соседнем кунге.

— Связь с Шерифом есть?

— Его вызывают.

— Господин генерал! — взвился связист-колли. — Шериф на канале!

Золотых, с грохотом опрокинув кресло, ринулся к пульту и буквально вырвал трубку из рук связиста.

— Золотых слушает!

— Господин генерал? Это Шериф. Я изменил операцию. Мы прорываемся к берегу.

— Вы не прорветесь! — рявкнул Золотых. — Идите прежним курсом, вас подберут гидролеты.

— Прорвемся, — спокойно отозвался Шериф.

— Вас вот-вот нагонят катера мятежников! Шадули и его люди не должны попасть к ним в руки!

— Не попадут, — пообещал Шериф с неожиданной уверенностью.

— Что случилось? Почему вы решили нарушить приказ президента и мой приказ?

Шериф секунду помедлил, словно прикидывал — стоит ли выкладывать свои соображения начальству, а потом коротко сообщил:

— Мы все хищники, господин генерал. Никакой биокоррекции не было. Мне нет нужды убивать Ицхака Шадули. Простите, я уже вижу мятежные катера. Мне нужно работать. До связи.

Золотых гневно грянул трубку о пульт; селектоид вздрогнул и испуганно мигнул всеми глазками сразу.

— Дьявол!!!

Вернувшись за терминал, генерал мрачно взглянул на Коршуновича; тот аж в лице изменился.

— Поднимай штурмовики, Палыч. Хотите не хотите, а катера из Берегового нужно топить.

Генерал Золотых только что записал на свой счет очередной фитиль. Да не единичный: столкновение катеров и штурмовиков — это многие жизни, возможно, даже более десятка жизней.

Он отдал приказ, послал людей на смерть. Снова. В который раз за последние два месяца.

Может быть, и впрямь не было никакой биокоррекции — иначе почему он до сих пор не свихнулся?

— Одна радость, — натянуто подсказал с экрана Коршунович. — Туранцы теперь стопроцентно не успевают к разборке.

— Радость... — с отвращением пробормотал Золотых. — Хотя это хорошее известие, кто б говорил...

— Три катера, — сказал Арчи. — Три...

Ник де Тром, великолепный ныряльщик (лабрадор все-таки), преданно взглянул Арчи в глаза.

— Только объясни, что делать!

— Я, кстати, тоже воды не боюсь, ты ж знаешь, братан...

Теперь Арчи поглядел на Чикова.

Секунду назад он размышлял только об одном: как самостоятельно осадить три десятиметровых селектоида с десятком матросов на борту каждый. Теперь до него дошло, что их трое. Трое — и каждый в воде чувствует себя неизмеримо уютнее подавляющего большинства остальных людских морфем. А в запасе остается сухопутный Генрих.

Очевидно, что в одиночку вывести из строя катера — задача практически невыполнимая. А вот втроем, да если ставить целью не вывести из строя, а лишь потянуть время до прибытия сил альянса, которые явно не станут мешкать...

Хотя мятежники наверняка сумеют устроить сущее побоище. Во всяком случае, пушки у них на борту имеются. Сумели же они сбить парочку штурмовиков и потопить остальные катера?

Итак... Надо думать и думать быстро.

У пограничников в береговой черноморской охране селектоиды почти сплошь породы «Пеленгас-3». Какие у них слабости? И есть ли они?

Есть. Слабости есть у всех.

— Так! — решительно сказал Арчи. — Ник, держи игломет. Вадик, подбери второй с палубы. Разбираем по катеру. Вадик — ближний, Ник — средний, я — дальний. Вы оба — подныривайте под днище, ближе к корме. Там между плавниками бывают пустоты с воздухом. Постарайтесь аккуратненько выглянуть с кормы, а если кто покажется — стреляйте. Иглы есть? По четыре, да? В общем, надо посеять панику, пока я разберусь с дальним катером. Дальше — ножи есть? Ник, ты помнишь, как подводятся нервы к плавникам «Бликов» и «Ониксов»?

— Конечно, помню!

— На «Пеленгасах» все похоже, только крупнее. И соответственно тверже. Попробуй поковырять, может, хоть один плавник парализуешь или повредишь.

— Ясно.

— Генрих, тебе, наверное, лучше укрыться в кубрике. Запритесь. Взломают, конечно, но ты их встречай пулями. Если вдруг нам понадобится — вот так постучим.

Арчи показал — как.

Генрих сосредоточенно кивнул.

— И вот еще что... — добавил Арчи, с сомнением покосившись на перепуганных биологов. — Наденьте жилеты, сколько есть...

— Жилетов хватит на всех, — подсказал Вадик. — Ну, за исключением нас троих, разумеется.

— Вот и надевайте. Все, за борт. От катеров прячемся за корпусом яхты, в нырок — по команде. Вадик, ласты есть?

— Только одна пара, — виновато развел руками Чиков.

— Берите с Ником по ласте.

— Арчи... — обиженно протянул лабрадор, нырявший не хуже ньюфаундленда.

— Не спорь, Ник.

Ник вздохнул и умолк.

— Маски, очки, если есть, — надевайте. И ножи, ножи не забудьте!

«Пеленгасы» приблизились уже метров на триста. Они шли вилкой — боковые вырвались вперед, центральный отставал на десяток метров.

— Пошли!

Арчи небрежно перемахнул через леер и практически без плеска канул под поверхность, хотя в воду входил плечом вперед. Спустя секунду в море иглой вонзился Ник, а еще спустя две — Чиков.

Вынырнув у самого борта «Вадима», Арчи потихоньку протянулся к корме и осторожно выглянул. Уже был слышен плеск волн в борта «Пеленгасов». А еще — далекое гудение в воздухе.

«Штурмовики, — понял Арчи. — Ну, веселуха будет...»

Он машинально нащупал в поясном боксе бусину наушника и штангочку с микрофоном. По идее, сытости микропереговорника должно было хватить еще минут на десять разговора. Ну, понятно, минуту-другую отъест вызов.

Но — некогда.

«Пеленгасы» приближались. Вот они вошли в дуги — каждый в свою. Центральный развернулся бортом к «Вадиму», остальные — скулами. Левый пошел на сближение. От яхты их теперь отделяло не более сотни метров. И, к счастью, они не стреляли пока.

— Так, — прошептал Арчи. — Вадик — левого. Ник — правого. Я — центрального. Готовы? Начали!

Все трое бесшумно провалились в глубину и ушли под яхту.

Арчи даже без ластов ненамного отстал. Ник и Вадик разошлись в стороны, каждый в свою. Арчи продолжал грести, ввинчиваясь в прохладную бирюзовую толщу каждым движением, каждым изгибом тела. Вверху отчетливо темнел на фоне поверхности силуэт пеленгасовского днища; силуэт уже почти не двигался.

Грудь начало сдавливать, и в голове нарождался знакомый тяжкий гул, но воздуха Арчи хватило бы еще минимум на минуту.

Он дотянул. Пошел к поверхности, как задержавшийся на глубине дельфин. Коснулся шершавой, обросшей травой и ракушками роговицы. Снова протянулся к корме, как пару минут назад, у яхты, только на этот раз — под водой. Осторожно минул жесткие ходовые плавники, хоть сейчас они практически не шевелились. Прикажи рулевой двинуться

«Пеленгасу» вперед — и эти плоские лопасти изрубят в лоскуты даже хорошую закаленную сталь.

Еще из-под воды взглянул на корму — и никого не увидел. Нюфы, естественно, умели смотреть и из воды на воздух, и с воздуха под воду. То есть не умели, конечно, а были способны. Благодаря особому строению глаз, дар длинной и специализированной линии.

Он осторожно выставил из воды лицо, прижимаясь щекой к роговице у самых кормовых плавников. Бесшумно прокачал легкие, насытил кровь кислородом и унял учащенное сердцебиение. Минута, и он готов действовать.

Тем временем первый из катеров уже приблизился к пустой с виду яхте почти вплотную, а на правом «Пеленгасе» возникла легкая заминка — кажется, Ник де Тром побеспокоил обыкновенно невозмутимого морского селектоида ножом, и команда это отследила.

Арчи вышел из воды, уцепился за скользкий тремп и подтянулся; теперь он почти доставал до фальшклюза. Еще усилие — пальцы зацепились за край. Потом — за релинг.

Приблизив глаза к отверстию фальшклюза, Арчи взглянул на палубу. Никого. Но видно, как на мостике позади рубки торчат двое в светло-серых моряцких комбинезонах и еще один возится у развернутой в сторону яхты коротко-ствольной пушки.

Выверенным движением Арчи перебросил тело через релинг и, роняя на палубу прохладные капли, переместился к артиллеристу. Нож он выдернул из кармана на бегу. Метнул — шагов с семи. В шею, как раз под ухо аморфу-артиллеристу. Тот недоуменно обернулся и завалился на казенную часть, к счастью, без громких звуков.

Выдернул нож и вернул его в карман Арчи еще незамеченным, а вот рвать из кобуры артиллериста игломет пришлось уже под удивленным взглядом офицера-среднеазиата, того самого, с мостика.

Его Арчи уложил мгновением позже, хотя реакция у офицера оказалась на диво скорой: он даже успел вынуть свой игломет.

С неожиданной для его морфемы грацией и проворностью Арчи вскочил на орудие, перепрыгнул на несущую опору мостика, снова перемахнул через релинг и прыгнул в рубку.

Сначала рулевой — две иглы для верности. Потом штурман. Или лоцман — кто там у них торчит справа, у стойки с приборами?

Штурман даже успел выстрелить; Арчи машинально отметил, что он тоже был овчаром среднеазиатом. К счастью, стрелок из штурмана оказался неважнецкий. Игла прошла мимо. Рулевой-доберман уже повис на левом пестике. Ноги его подергивались под скорым действием парализатора.

Арчи врезал ему ногой, прямо по вытянутой узкой морде, отшвыривая в сторону. Коснулся пестиков (катер, если что и заподозрил, отнесся к смене рулевого с великим равнодушием) и перевел регулятор хода из положения «нейтраль» в положение «полный вперед».

«Пеленгас» вздрогнул; вода у кормы забурлила. А в следующее мгновение катер, набирая ход, нацелился носом в своего собрата и мощно пошел на таран.

Арчи тут же бросил пестики и подобрал полный игломет прежнего рулевого. Очень вовремя: на борту озаботились неожиданным «полным вперед». Два матроса выбрались из твиндека на палубу за рубкой. Арчи холодно положил их, на миг показавшись у мостика.

До столкновения остались секунды; поэтому Арчи вскочил на релинг, потом — на кровлю рубки, на узкую стрелу краспицы, оттолкнулся как следует и с высоты добрых пяти метров по красивой полупараболе ушел за борт.

По нему кто-то стрелял, но палубные матросы, видать, мало упражнялись в стрельбе. А через несколько томительных мгновений с чудовищным хрустом и скрежетом жесткий нос одного «Пеленгаса» вгрызся в роговицу борта второго.

Хорошо, что за сотни лет селекции генетики отняли у катеров способность кричать, как умеют кричать их дикие морские собратья (ведь предки катеров — совсем не рыбы). Поэтому столкновение огласилось только людскими криками.

За несколько секунд полета Арчи все же успел сфокусировать взгляд на «Вадиме», увидеть несколько светло-серых

фигур в кокпите и услышать характерный сухой выстрел генриховского пулевика.

А потом агента де Шертарини снова поглотило море.

Когда яхту качнуло и стук чьих-то каблуков донесся в закрытый кубрик, Генрих снял пулевик с предохранителя, вжался поглубже в щель между шкафом и откидным столом и оцепенел. В носовой отсек, словно сельди в бочку, набились бывшие «чирсовцы». От них отчетливо тянуло страхом — обостренное и без того обоняние Генриха сейчас проявлялось особенно ясно.

Снаружи кто-то некоторое время перешептывался. Осторожно подергали люк — щеколда-запор не поддалась. Пауза. Потом на люк обрушился удар. Один, второй, третий; щеколда выдерживала с честью. Кто-то прошел по палубе, над самой головой. Проверил люк в носовой части — но и тот оказался задраен наглухо, а прозрачная перепонка сейчас была заслонена секторной подвижной шторкой.

Вскоре послышался противный треск; люк начал поддаваться. Еще пара ударов; в наметившуюся щель вонзилось жало изогнутого металлического заостренного прута, среди механиков именуемого «монтировкой». И щеколда не выдержала: сухо тренькнув, отошла от роговицы и оторвалась. Люк уехал по пазам вперед, а в ослепительно ярком после полутьмы кубрика пятне света зачернела чья-то ушастая башка.

Генрих, ощущая в душе ледяную пустоту, нажал на спуск. Башка тотчас исчезла с вязким чавкающим звуком. И еще — снаружи что-то загрохотало, а потом оглушительно взорвалось, словно посреди моря вдруг случилась ральсокатастрофа.

Как и в прошлые разы после убийств, Генрих соскользнул в сумеречное состояние психики. Обычные мысли исчезли, да и он, Генрих Штраубе, по большому счету исчез. Вопящее от ужаса сознание втиснулось в вылепленную психоинженерами оболочку, а вместо Генриха остался одинокий сгусток хищной тьмы, способный только отличать врагов от всех остальных, способный выполнять впечатанный в память приказ и способный стрелять. Разумеется, на поражение.

А запасных обойм вполне хватало.

Вторым выстрелом он снял неосторожно мелькнувшего на корме овчара в серой матросской форме.

* * *

Выныривал Арчи, понятно, как можно дальше от места погружения, да всего на миг, перед самой поверхностью вытолкнув из легких остатки воздуха. Из воды показалась только часть лица, в основном губы. Вдох-выдох-вдох-выдох — и опять на глубину.

Арчи греб к третьему «Пеленгасу». Даже под водой он слышал, как накатывает с севера гул приближающихся штурмовиков.

Вскоре Арчи понял, что по нему стреляют — вверху, у самой поверхности раскрылся веер белесых струек пены.

«Игломет, — сразу понял Арчи. — Причем длинноствольный. Плохо».

Действительно плохо. Выныривать нельзя — подстрелят. Но и на глубине оставаться нельзя: во-первых, надо бы уже подышать, а во-вторых, долбанет сейчас какой-нибудь отчаюга с штурмовика, и привет: контузия. Всплывешь, как карась от динамита.

Собрав в комок волю, Арчи рванулся вперед, через влажный и скользкий черноморский сумрак.

Уже подплывая к катеру, он увидел две пары болтающихся ног; кажется, кто-то отчаянно мутузился у самого борта. Четко отследив — кто из борющихся облачен в одну ласту, — Арчи сцапал второго и утянул его на глубину. Матрос — а это был матрос с катера — пускал пузыри и пытался Арчи ударить, но он был всего лишь аморфом, аморфом, попавшим под воду, туда, где ньюфаундленд чувствует себя почти как на воздухе. Два легких тычка, и аморф перестал биться, захлебнулся, хотя видно было, что он еще жив. Арчи его отпихнул — тело стало медленно погружаться.

Однако Арчи растратил последние силы в этой стычке. Пора всплывать.

Вынырнул; конечно же, у самого борта. Рядом скалился Вадик Чиков; лицо его было перекошено, а щека рассечена чем-то острым. Рубиновые капли застряли в бороде.

И тут штурмовики дали залп. Борт «Пеленгаса» изо всех сил врезал Арчи по голове, так что в глазах потемнело, а чуть впереди заплясали разноцветные пятна. Катер подпрыг-

нул на волнах, тяжело клюнул носом и стал заныривать под воду, словно испуганный дельфин.

Поврежденный селектоид вроде «Пеленгаса» может погрузиться меньше чем за минуту.

— Греби! — рявкнул Арчи оглушенному Вадику Чикову, который все силы сосредоточил только на том, чтобы удержаться на поверхности. Но, кажется, тот понял — вяло заработал руками.

Арчи знал, что сейчас будет. Поэтому он моментально нырнул, содрал с ноги Чикова единственную ласту, быстро переодел ее себе на правую ногу, сграбастал Чикова за складку на загривке и что было духу погреб прочь от агонизирующего «Пеленгаса».

Все-таки их всосало воронкой — погрузились, но Арчи умело и настойчиво греб вверх и в сторону, и липкая длань глубины постепенно соскальзывала с их напряженных тел. Отпускала их глубина. Точнее — они от нее уходили.

Вынырнули, жадно хватая ртами влажный солоноватый воздух.

Ближе всего к ним оказалась яхта — было видно, как с правого борта свешивается чья-то окровавленная рука и кто-то еще висит, запутавшись в вантах.

Штурмовики разворачивались для второго захода.

Арчи встряхнул очумевшего Чикова.

— Эй, братан! Ты как?

Тот замотал головой — никак не мог отдышаться.

— Держись, — пробормотал Арчи и погреб к яхте.

Еще из воды, только подбираясь к корме, Арчи крикнул:

— Немец! Ты жив?

Трап до сих пор свешивался с кормы. Нашарив на всякий случай игломет, Арчи уцепился за поручень и осторожно выглянул. В кокпите валялись четверо, в кровавой скользкой луже, затекшей под пайол. Один лежал у борта с простреленной башкой. Это его рука свешивалась к воде. И последний — шестой — должен был свалиться с палубы, но застрял в вантах.

— Немец! Это я! Не стреляй! Все кончилось!

Арчи приподнялся, оглянулся. За кормой «Вадима» маячили сцепленные «Пеленгасы»; оба горели так, что дух зах-

ватывало. Тот, что был протаранен и повредил борт, все сильнее кренился.

В полутьме кубрика кто-то шевельнулся, а мгновением спустя в люке показался Генрих. С диким взглядом и осатаневшим лицом. Он целился в Арчи из пулевика.

— Все в порядке, Немец, это я.

Генрих выстрелил.

Арчи машинально зажмурился, ожидая боли, мрака — чего угодно. Но ему не было больно. А секундой позже он сообразил, что Генрих целился и стрелял не в него, а куда-то за спину.

И обернулся, чтобы увидеть, как с плеском падает в волны кто-то из экипажа катеров с трубой-ракетницей в обнимку.

Ракета прошла в стороне — Арчи так и не зафиксировал шелест старта. Зато зафиксировал взрыв чуть поодаль.

К корме утомленно подгребал Вадик Чиков; с ревом прошли над головами штурмовики, а с востока заходили на приводнение несколько махолетов с поплавками.

— А Ник где? — обеспокоенно спросил Чиков, и сам еле живой. — Где Ник?

— Ник! — заорал Арчи. — Ты где?

Спасатель-лабрадор просто не мог пропасть в родной стихии. Если только глупо не напоролся на чей-нибудь выстрел...

Но Ник не напоролся. Хотя наверняка пострадал. Вялый след выдоха обозначился метрах в пятнадцати от яхты; Арчи выронил игломет и бросился в воду.

Ника он достал. Тот был контужен и еле жив — из носа, из ушей и даже из уголков глаз сочилась кровь. Ласта оказалась простреленной в трех местах; в волосах на макушке запуталась игла.

Но Ник до последнего сопротивлялся все той же жадной до человеческих жизней глубине. Наверное, он дотянул бы до яхты, но Арчи не стал проверять бывшего напарника на крепость. Просто отбуксировал по всем правилам спасения на воде.

Два махолета подошли к яхте; остальные — к катерной сцепке имени агента де Шертарини. Арчи опустошенно сидел в кокпите, ногами на трупе матроса, держа на коленях голову

Ника. У руля сгорбился Вадик Чиков. Рядом с люком в кубрик, так и не выпустив пулевика, остался Генрих Штраубе. А в носовом отсеке кубрика наконец-то обрели способность дышать и двигаться упакованные в спасжилеты биологи.

Арчи поднял голову на махолет. В проеме люка он ожидал увидеть Лутченко или Шабанеева, или кого-нибудь из руководства. Но там стояла Ядвига — в летнем боевом комбинезоне, с кобурой на боку. Она смотрела на Арчи — смотрела так, как может смотреть только ОНА. Одна-единственная на всю планету.

— Здравствуй, волк, — поздоровалась она. — Здравствуй опять.

И одним прыжком перескочила разделявшие махолет и яхту два метра.

Арчи бережно уложил голову Ника на место, где только что сидел. Поцелуй Ядвиги был сладким и соленым — не то от крови, не то от морской воды.

Арчи почти угадал — вторым в люке быстро нарисовался Лутченко.

— Ну, орлы, вы даете, — пробормотал он впечатленно. — Давайте на борт, вас Золотых с Коршуновичем к себе требуют.

Арчи, на миг оторвавшись от поцелуев, бросил ему:

— Скажи, что я занят.

Профессор Ицхак Шадули, вытолкнув брандер-щит, как раз выбирался из кубрика. Его, как ни странно, не слишком смутил полный трупов и кровищи кокпит.

— Н-да, — протянул профессор, обращаясь, видимо, к Арчи. — Вот видите, молодой человек! Кто, кроме волков, мог натворить такое? И на сумасшедшего вы по-прежнему совсем не похожи...

Тут Шадули встретился с совершенно безумным взглядом Генриха Штраубе.

— А вам я рекомендую расслабиться! — торопливо добавил он. — Например, вот таким образом, — и указал на Арчи с Ядвигой.

И только сейчас Генрих деревянным жестом опустил пулевик, поставил его на предохранитель и с хрустом выщелкнул обойму.

Взгляд его оставался безумным, как и ранее. И голос прозвучал деревянно:

— Я всегда знал, что во мне живет зверь, профессор. Он бессмертен, зверь. Он вездесущ. Он — в каждом из нас, профессор. Не вы один это поняли.

— Эй, ребята, — прогнусавил из махолета Лутченко. — Время идет, давайте сюда, а? Начальство ж как на иглах сидит, сейчас президент прибудет...

Арчи на миг снова отстранился от Ядвиги; руки его зажили словно бы отдельной жизнью.

Нож из паза на бедре — раз. Левой рукой из кармана — цепочку с медальоном вээровца — два. Бросок — нож впивается в роговицу махолета в паре ладоней от лица Лутченко — три. Второй бросок — на ноже повисает медальон и тихо покачивается. Четыре.

Молчание.

И только потом — голос Арчибальда Рене де Шертарини восемьдесят восьмого:

— Скажи начальству, что я увольняюсь. Появлюсь позже. Когда смогу.

Вадик Чиков, который еще не скоро придет в себя после сегодняшней переделки, устало засмеялся, а Ицхак Шадули сдержанно поаплодировал:

— Браво, молодой человек. Браво вам, и браво вашему зверю. Уж поверьте мне, старику...

Эпилог

Ветер беззаботно трепал легкий тропический костюм, купленный прямо в аэропорту. Легкомысленную цветастую рубашку и бесформенные шорты. Панаму приходилось придерживать рукой. Над кораблем-селектоидом с криками носились чайки. Океанская вода казалась непривычно зеленой.

Эйфория.

Его захлестнула эйфория — может быть, от буйства тропических красок и от многоголосой беззаботности большого заморского города? От переезда из бурлящего аэропорта в бурлящий просто порт? От неумолчного гомона раскосых и смуглых аборигенов?

А ведь совсем недавно он метался где-то у границы черной пустоты, липкой и манящей. Но все же не дался психоинженерам. Сам. Он преодолел сам все свои страхи и отмучился, как может отмучиться только тот, кому приходилось убивать.

Впервые Арчибальд Рене де Шертарини отошел сразу от нескольких убийств без дополнительной психологической накачки. А значит, в нем и правда живет зверь. Как живет он в каждом из нас.

Арчи многое понял за время реабилитации. Очень многое. Глупо взывать к совести зверя или к его состраданию. Зверь не имеет ни того, ни другого. Он подчиняется только силе. Но этого хватает, чтобы укротить зверя в себе. Правда, для этого нужно обладать силой... а силу можно почерпнуть у зверя.

В сущности, все манипуляции психоинженеров к этому и сводились: взять силу у зверя и с помощью этой же силы зверя и укротить. Возможно, потому Арчи и обошелся без посторонней помощи, что понял это.

Но понять — не значит освободиться. Бойня на Черном море накрепко осела в его душе. И трупы мятежных матросов оставались трупами, несмотря на мятежность. Арчи их убил. Многих.

Потом случилось многое — долгие отчеты перед руководством альянса, бесконечные собеседования; просмотры видеозаписей, мягкие намеки, из которых Арчи понял, что главарь волков и президенты крупнейших евразийских государств ведут какие-то многоступенчатые переговоры... Визиты к Генриху, Нику де Тому и Вадиму Чикову, угодившим в тот же реабилитационный центр. Редкие приходы Ядвиги; это вспоминалось особенно ярко и казалось единственно светлым на фоне сплошной черноты.

Арчи не очень интересовало, как поведет себя человечество в свете откровений профессора Ицхака Шадули. Бывший агент понял одно, главное: зверь у каждого свой. И только от человека зависит, кто будет главенствовать в душе.

Волк или пес. Хищник или Canus sapiens. Все остальное — только досужий треп.

Ведь сразу же стало видно, кто главенствует в душах генерала Золотых, подполковника Коршуновича или полковника Шольца. И в душах их подчиненных.

О политиках Арчи не думал, с ними все было ясно с самого начала. Политики — это такие существа, рядом с деяниями которых блекнут даже деяния зверя.

А еще Арчи немного удивило и даже где-то обидело равнодушие, с которым Земля встретила победу альянса над Саймоном Варгой и его волками-клонами. Но вскоре Арчи осознал: Земле и правда все равно. Потому что подобные вещи интересуют только зверя.

А людей интересует другое.

Арчи, например, сейчас интересовало лишь одно: чтобы катер побыстрее отшвартовался на островном причале, чтобы встречающая Ядвига повисла у него на шее, чтобы внешне суровый волк Расмус подал руку и невзначай поинтересовался: «А гражданство наше тебе не нужно?»

И Арчи ни о чем не жалел. О прежней работе в вэ-эр, например. Работу он найдет, неужели спасатель-водник не найдет работу на курортном острове-государстве? Самом защищенном государстве Земли, пусть это государство одновременно и самое маленькое на политическом лике планеты. К тому же альянс при всей своей политической алчности и безжалостности все же поступил с исполнителями всех трех «Каруселей» вполне достойно. При желании Арчи мог до конца дней своих не работать и не знать нужды.

Но бездельничать — значит потакать зверю. А потакать ему Арчи не собирался.

Потому что знал: оставшиеся дни ему предстоит провести в непрерывном поединке с ним.

Со зверем, который всегда с нами и в каждом из нас.

КОНЕЦ

октябрь 1999 — март 2000

Николаев — Москва — Николаев

Персональная страничка & Internet: http://WWW.rusf.ru/boxa/

Содержание

Волчья натура
5

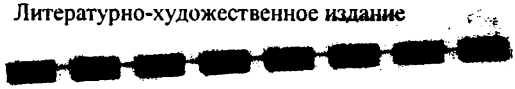
Зверь в каждом из нас
295

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, **АСТ – "Книги по почте"**

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание



Васильев Владимир Николаевич

Волчья натура
Зверь в каждом из нас

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!

ISBN 5-17-008544-3

9 785170 085446